

История и культура Латинской Америки

Н.Н.Марчук
Е.А.Ларин
С.П.Мамонтов

История и культура Латинской Америки

«Высшая школа»

История
и культура
Латинской
Америки

Наша история совершенно иная с самого начала,
ибо земля Америка стала театром
самой сенсационной встречи разных этносов
из всех отмеченных в анналах мировой истории:
то была встреча индейца, негра и европейца...

Алехо Карпентьер

История
и культура
Латинской
Америки

Н.Н.Марчук
Е.А.Ларин
С.П.Мамонтов

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
Министерства образования и науки Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов вузов,
обучающихся по направлению и специальности
«История»*

Москва
«Высшая школа»
2005

УДК 94(8-6)
ББК 63.3(0)5
М-30

Рецензенты:

Кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета (зав. кафедрой, д-р ист. наук, проф. **А.М. Родригес-Фернандес**); зав. кафедрой МГИМО, д-р ист. наук, проф. **В.В. Согрин**

Марчук, Н.Н.

М-30 История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 года): Учеб. пособие/Н.Н. Марчук, Е.А. Ларин, С.П. Мамонтов; Под ред. Н.Н. Марчука.—М.: Высш. шк. 2005.— 495 с.

ISBN 5-06-004519-6

В учебном пособии освещены важнейшие этапы латиноамериканской истории от I тысячелетия до н.э. до начала XX в. Большое внимание уделено цивилизациям ольмеков, майя, ацтеков, инков и чибча-муисков, культуре и религии Нового Света. Широко представлена панорама «встречи двух миров», завоевание Испании и Португалией большей части западного полушария. В русле современных концепций и новых подходов, выработанных мировой историографией, рассмотрены ключевые проблемы колониальной истории Испанской и Португальской Америк, а также вопросы, связанные с войной за независимость, становлением и развитием латиноамериканских государств в XIX — начале XX в.

Для студентов-историков, международныхников, экономистов, юристов, политологов, школьных преподавателей истории, а также широкого круга читателей, интересующихся историей стран Латинской Америки.

УДК 94(8-6)
ББК 63.3(0)5

ISBN 5-06-004519-6

© ФГУП «Издательство «Высшая школа» 2005

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Основные историософские концепции истории Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в.	8
Часть I. НАРОДЫ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ	26
§ 1. Общая характеристика индейских народов доколумбовой Америки	26
§ 2. Цивилизация майя	29
§ 3. Цивилизация ацтеков	38
§ 4. Цивилизация чибча-муисков	48
§ 5. Цивилизация инков	55
Часть II. КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭПОХА	66
<i>Глава 1. Колониальный раздел Латинской Америки и Карибского бассейна</i>	66
§ 1. Европейская экспансия в конце XV — первой половине XVI в.	66
§ 2. Административно-территориальное деление испанских колоний и Бразилии	78
§ 3. Колонии Англии, Франции и Голландии в Карибском бассейне и Гвиане	83
<i>Глава 2. Испанская Америка и Бразилия в XVI — первой половине XVIII в.</i>	91
§ 1. Экономика и общество Ибероамерики	91
§ 2. Взаимодействие культур и формирование латиноамериканской цивилизации	102
Часть III. БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	121
<i>Глава 1. Предпосылки войны за независимость</i>	121
§ 1. Кризис колониальной системы в Латинской Америке	121
§ 2. Реформы и обострение противоречий в Ибероамерике	128
§ 3. Цель и задачи войны за независимость как буржуазной революции	136
§ 4. Креольская верхушка как инициатор и гегемон буржуазной войны за независимость	156
<i>Глава 2. Война за независимость Латинской Америки как буржуазная революция</i>	165
§ 1. Креольская революция в Ла-Плате	171
§ 2. Креольские революции в Венесуэле и Новой Гранаде	182
§ 3. Бразильская революция 1822 г.	198
<i>Глава 3. Народные массы в войне за независимость</i>	206
§ 1. Индейское освободительное движение	208
§ 2. Освободительная борьба негров-рабов	218
§ 3. Движение свободного мелкопарцельного крестьянства и городских «низов»	238
§ 4. Содержание, характер и движущие силы войны за независимость	266

Часть IV. СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	278
<i>Глава 1. Консервативные режимы Латинской Америки</i>	278
§ 1. «Великая смута» в освободившихся государствах	278
§ 2. Национальные разновидности консервативных режимов 1830—1860-х годов	287
§ 3. Место консерватизма в становлении латиноамериканских государств	314
<i>Глава 2. Либеральные революции и реформы второй половины XIX в.</i>	316
§ 1. Предпосылки либеральных революций и реформ второй половины XIX в.	316
§ 2. Национальные особенности аграрных преобразований	326
<i>Глава 3. Международные аспекты становления независимых государств Латинской Америки</i>	388
§ 1. Войны и территориальные конфликты между латиноамериканскими государствами	388
§ 2. Экспансия иностранных держав в Латинскую Америку	402
§ 3. Концепции латиноамериканской и панамериканской солидарности	427
Часть V. СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.	438
<i>Глава 1. На пороге эпохальных перемен</i>	438
§ 1. Либеральная модель экономики, общества и государства	438
§ 2. Международные отношения в Латинской Америке в конце XIX — начале XX в.	444
§ 3. Кризис либерализма и поиски альтернатив	458
<i>Глава 2. Культура в независимых государствах Латинской Америки</i>	478
§ 1. Культура периода войны за независимость	478
§ 2. Культура эпохи становления национальных государств	481
§ 3. Культура конца XIX — начала XX в.	486
Список рекомендуемой литературы	494

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировая историческая наука в конце XX — начале XXI столетия существенно расширила горизонты исследования, поставив во главу угла многофакторность любого явления, выдвинув на первый план проблемы культуры, различные формы религиозного сознания, цивилизационный синтез. Эти тенденции, естественно, были учтены авторами данного учебника. Пожалуй, впервые в публикациях подобного рода культура заняла весьма значительное место. Особое внимание уделено ее специфике, достижениям и потерям, творчеству наиболее крупных художников, писателей и поэтов, взаимовлиянию и взаимообогащению латиноамериканской, европейской и африканской культур в XVI—XIX вв., школьному и университетскому образованию.

Столь же новаторским является и раздел о религиозных верованиях майя, ацтеков, инков, чибча-мунсков и других индейских народов доколумбовой Америки. Религия древних обитателей Нового Света — важнейшая часть их мировоззрения, восприятия окружающего мира, представлений о Земле, Солнце, Вселенной. Многие характеристики и особенности религиозных верований древних индейцев нашли отражение в многочисленных мифах, интереснейшей части фольклора жителей Американского континента. Все эти аспекты исключительно ценны не только для понимания вопросов духовного и культурного развития народов Нового Света, но и для реконструкции их исторического прошлого.

В структуре книги выделяются пять блоков: древние цивилизации, европейская экспансия, становление и развитие колониальных империй, борьба за независимость, становление национальных государств, а также важнейшие тенденции развития стран Латинской Америки в конце XIX — начале XX в.

Автором двух первых частей и подраздела «Театр, музыкальное и художественное творчество, образование и печать в XVI—XVIII вв.» является доктор исторических наук, профессор Е.А. Ларин. Остальные разделы по культуре написаны безвременно ушедшим от нас доктором филологических наук, профессором С.П. Мамонтовым.

Историографический раздел и три последние части (исключая параграфы, посвященные культуре) написаны доктором исторических наук, профессором Н.Н. Марчуком, предложившим целый ряд новых концепций социально-экономических проблем колониальной истории, эпохи Войны за независимость и латиноамериканской истории XIX в.

Авторы выражают свою признательность издательству «Высшая школа» за готовность опубликовать этот отнюдь не стандартный учебник. Авторы выражают глубокую благодарность своим коллегам из Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН и с кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, мексиканским ученым Рине Ортис и Энрике Арриоле Вогу, высказавшим ряд ценных пожеланий при работе над учебником. Слова благодарности адресуются и Российскому научному гуманитарному фонду, поддержавшему грантом идею написания и издания учебника.

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX в.

Важнейшим поворотным пунктом в истории стран Латинской Америки рассматриваемого периода явились освободительные революции во французском Сан-Доминго (1789—1806), испанских колониях Нового Света (1810—1826) и португальской Бразилии (1822), обозначаемые собирательным названием «Война за независимость Латинской Америки». Благодаря старшему поколению историков хорошо известно, что эти революции увенчались свержением колониального гнета и образованием самостоятельных государств. Чуть меньше, но все же говорилось, что они сопровождались буржуазными преобразованиями. Однако почти ничего не было сказано о том, что это были преобразования именно либерального толка и что их последствия оказались отнюдь не только позитивными.

Между тем любопытно, что на рубеже XVIII—XIX вв. латиноамериканцы, тоже ради ускорения прогресса, вознамерились скопировать опыт США как продолжение Западной Европы в Новом Свете. Причем для этого у них, в отличие от многонациональной, многоязыковой и многоконфессиональной России, имелось не меньше, чем у Соединенных Штатов, оснований — не только общность территории, экономики и истории, но также и общность языка, религии, нравов. В своем подражании латиноамериканцы принялись безоглядно разрушать вековые устои собственной жизни («варварство») и насаждать железом и кровью общественные порядки передовых стран («цивилизацию»).

Тем не менее результаты их войны за независимость не стали от этого похожими на итоги аналогичной войны в США. Вместо процветания в Латинской Америке на десятилетия воцарились разруха и нищета, из-за которых пришлось сначала распрощаться с надеждами дognать объект подражания, а затем — превратиться в его «задворки»¹. Вместо «правового» государства под декорациями президентских

¹ Например, к 1800 г. по национальному доходу в расчете на душу населения Мексика (116 песо в год) ненамного отставала от США (165 песо) и даже от самой передовой державы той эпохи — Англии (196 песо). Но в то время как к середине XIX в. и Англия, и США многократно увеличили свое богатство, подушевой доход независимой Мексики скатился до 56 песо, а территория страны в результате войны с США (1846—1848) сократилась вдвое.

республик началась чехарда дерущихся за власть региональных каудильо¹, а потом пышно расцвели самые разнузданные диктатуры. Вместо грезившихся Соединенных Штатов Латинской или хотя бы одной Испанской Америки развалились даже те крупные территориально-административные образования, которые достались от времен колоний: вице-королевство Рио-де-ла-Плата — на Аргентину, Боливию, Уругвай и Парагвай; Перу — на Северное и Южное; Новая Гранада — на Венесуэлу, Колумбию и Эквадор; генерал-капитанство Гватемала — на Гватемалу, Никарагуа, Гондурас, Коста-Рику и Сальвадор. Мало того, между теми, кто еще недавно осознавали себя не «мексиканцами» и не «аргентинцами», а только «американцами», распад вызвал братоубийственные войны, которые по цепной реакции перекинулись и на обособившиеся, «самостийные» осколки, на десятилетия столкнув в смертельной схватке уже аргентинцев с аргентинцами, мексиканцев с мексиканцами, бразильцев с бразильцами и т.д., и которые в целом стоили латиноамериканцам гораздо большей крови, нежели завоевание независимости.

А при таком хаосе разве могли «цивилизованные» народы мириться с несправедливостью Всевышнего, одарившего богатейшими природными ресурсами не способных ими распорядиться «варваров»? Вот и устремились североамериканцы в одну половину Мексики (ту самую, где сегодня процветают Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, да еще части Канзаса, Колорадо, Оклахомы и Вайоминга), французы — в другую, англичане — на Мальвины и т.д.

Иными словами, Война за независимость Латинской Америки наглядно показала, что либеральные преобразования — это процесс весьма длительный, крайне сложный, противоречивый и болезненный, что они способны вызывать последствия, значительно отличающиеся от первоначальных замыслов. Этим война за независимость привлекла к себе особое внимание в историографии новой истории стран Латинской Америки и теснейшим образом связала развитие исторической науки с поисками объяснений, почему, несмотря на все попытки подражания, в Латиноамериканском регионе не получилось «нового издания» Соединенных Штатов или хотя бы Канады.

Своими корнями эта историография уходит еще в колониальную эпоху и на сегодняшний день насчитывает весьма почтенный возраст (не одно столетие), тысячи имен, десятки исторических школ, многие сотни точек зрения. Ее подробное освещение потребовало бы чтения специального историографического курса, что, естественно, не входит в круг задач данного учебника.

¹ От исп. «caudillo» — главарь, предводитель, лидер.

Однако если предельно обобщить это великое разномыслие, то в *концептуальном осмыслении* эпох, отделяемых друг от друга войной за независимость (1789—1826), т.е. колониальной эпохи и периода независимого развития, можно выделить две основные линии. Принадлежность к той или другой не обязательно осознается историческими школами и отдельными авторами. Обе линии могут самым причудливым образом объединять в своих рядах историков разных стран с весьма различной методологией исследования, с очень разными, подчас противоположными, политическими взглядами и, наоборот, могут разъединять близких по методу или идейным воззрениям ученых. Так или иначе, но обе линии проявляют себя на самых разных этапах развития исторической науки, теснейшим образом связаны с проблемой цивилизационной значимости Латинской Америки и удивительно созвучны извечной русской полемике между «западничеством» и «почвенничеством».

Истоком водораздела послужили труды испанских гуманистов, особенно Бартоломе де Лас Касаса, которые в знаменитой полемике XVI в. о Новом Свете ради защиты короной коренного населения Америки описали жестокости конкисты и обращения с индейцами. Несмотря на последующие изменения в индейской политике Испании, в век Просвещения, когда в западных странах в качестве универсальной ценности были подняты на щит «права человека», описанная в их трудах испанская (а с нею и португальская) колонизация с ее навязыванием индейцам европейских ценностей стала удобной мишенью для критики Вольтером, Монтескьё, Дидро и другими, главным образом французскими, просветителями. В итоге родилась так называемая «черная легенда» о колонизации Ибероамерики. Легенда дала подходящее идеологическое оружие борцам за независимость. Она позволяла представить иберийский колониализм «тиранией», попирающей «права человека», обосновать неотъемлемое «право народа на восстание», оправдать разрыв уз между колониями и метрополиями, отречься от колониального прошлого во имя утверждения на американской земле «универсальных», то бишь западноевропейских, ценностей.

Первые историки независимой Латинской Америки, являвшиеся и активными участниками войны за независимость, такие, как аргентинец Г. Фунес, венесуэлец М. Паласио Фахардо, колумбиец Х.М. Рестрепо и другие, не уделяли внимания концептуальным построениям, описывая в основном военные баталии, помещая в центр своих сочинений ту или иную героическую личность. Их обычно относят к «традиционалистской» школе, которую можно назвать *нарративной* или, как предпочитал называть ее наш великий латиноамериканист А.Ф. Шульговский, *анекдотической историей*, — от первоначального зна-

чения слова «анекдот» как «занимательная история». Несмотря на специфический жанр, метко названный аргентинским историком Э. де Гандиа «историей лошадей и сабель», в этой исторической литературе содержится резкая критика колониализма и оправдание войны за независимость во всех ее свершениях — как в низвержении власти метрополии и завоевании независимости, так и в отречении от иберийской традиции колониального прошлого во имя утверждения нового «американизма», основанного на ценностях западноевропейского либерализма, как в США. Деструктивные же последствия войны и очевидные провалы в утверждении новых ценностей изображались следствием недостаточной просвещенности латиноамериканского общества, которая неминуемо исчезнет по мере ассимиляции им нового опыта через массовую европейскую иммиграцию и просвещение народа. В сущности эти историки и заложили фундамент *либерального направления историографии*.

Так же как в реальной истории выбор пути независимого развития осуществлялся в ожесточенных гражданских войнах либералов и консерваторов, в историографии либеральному «западничеству» противостояло *консервативное «почвенничество»*. Ведь осуществление либеральной программы, помимо всего прочего, означало бы превращение стран Латинской Америки в сырьевые придатки западных держав и установление новой, хотя и добровольной, формы зависимости, которая много позже будет названа неоколониализмом. Этого стремились не допустить консерваторы, выдающийся представитель которых мексиканец Л. Аламан, проводя политику индустриализации Мексики, доказывал, что в противном случае «республика исчезнет из списка наций, и на ее месте образуются провинции, по названию независимые, но на деле рабыни иностранной торговли, что является худшей зависимостью из всех, какие можно вообразить»¹.

Л. Аламан, венесуэло-чилиец А. Бельо и другие выступили с критикой либеральной линии и стали основателями историографического направления, которое как самими либералами, так и их последователями именовалось в литературе не иначе как «клерикально-консервативным» или «реакционно-консервативным», хотя в большей мере его суть могло бы отразить понятие «почвенничество». Мыслители этой струи действительно реабилитировали колониальное прошлое и по этой причине в чем-то совпадали с теми иберийскими авторами, которые, восхваляя колониальные порядки, противопоставили «черной легенде» так называемую «розовую ле-

¹ Soler R. Idea y cuestión latinoamericanas de la Independencia a la emergencia del imperialismo. México, 1980. P. 128.

генду». Консервативные историки реабилитировали колониальное прошлое отнюдь не потому, что были противниками независимости. «Мы считаем достижение нами независимости, — писал Аламан, — великим, необходимым и закономерным событием. Оно было повсеместно встречено с одобрением именно потому, что ориентировалось на благо общества, потому что узы, соединявшие наше прошлое с нашим настоящим и будущим, не были разорваны, но лишь развязаны»¹. Но они совершенно справедливо считали, что отказ от материальной и духовной культуры колониального прошлого, стремление насадить в Латинской Америке чуждые ей устои США и Западной Европы вели вовсе не к свободе, а к хаосу, анархии и распаду общества, чреватым новым рабством.

Вкратце же отношение консервативных историков к проблемам войны за независимость сводится, во-первых, к отказу от «черной легенды» и огульной критики колониального прошлого. Напротив, считали они, это прошлое сформировало цивилизационную «самость» народов Латинской Америки и, более того, основу для будущей свободы. «И тот, кто окинет историю нашей борьбы с метрополией взглядом философа, — писал А. Бельо, — тотчас же согласится, что победу нам обеспечило не что иное, как наше иберийское начало». Во-вторых, «иберийское начало», делавшее латиноамериканцев латиноамериканцами, подлежало отрицанию лишь в смысле гегелевского «снятия», т.е. ассимиляции из него всего лучшего². Только на такой основе обеспечивалась преемственность между прошлым, настоящим и будущим как главное условие созидания свободы. Отсюда, в-третьих, война мыслилась конструктивной в той мере, в какой независимость утверждалась на основе национальных ценностей, и деструктивной — когда слепо копировался чужой опыт.

Со второй половины XIX в. «западническую» линию общественно-политической и историографической мысли развивали *либерал-позитивисты*, выдающимися представителями которых стали аргентинцы Д.Ф. Сармьенто и Х.Б. Альберди, бразилец Ж.Ф. Роша Помбу, колумбиец Х.М. Сампер, венесуэлец Х. Хиль Фортуль и др. Некоторые из них продолжали жанр «истории лошадей и сабель», но в целом именно либерал-позитивисты дали самую разработанную по тем временам концепцию латиноамериканской истории.

¹ Цит. по: Сес Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки/Пер. с исп. Ю.Н. Гирина. М., 1984. С. 255.

² Андрес Бельо, в частности, говорил о необходимости ассимиляции из колониального прошлого института муниципалитетов — *кабильдо* или *аюнтамьенто*, в которых раздался «первый клич независимости и свободы».

С их точки зрения, война за независимость, как и война в Северной Америке или французская революция 1789 г., преследовала благородную цель завоевания *свободы* как необходимого условия для укоренения в Ибероамерике *цивилизации* в западном варианте. Ее *движущей силой* они были склонны представлять, по аналогии с третьим сословием во Франции, народ, в который включали трудовой люд и его просвещенных вождей в борьбе за независимость и «цивилизацию». Однако, в отличие от войны за независимость в Северной Америке, революции в Латинской Америке не сумели создать условия для наступления «цивилизации». И объяснялось это тем, что, изгнав колонизаторов, революции натолкнулись на непреодолимую преграду из порядков, которые складывались в течение 300 лет колониализма и оценивались либерал-позитивистами как «варварство». Отсюда вытекает одна из несущих конструкций либерал-позитивистских построений — тезис о *принципиальном отличии* иберо-католической колонизации Нового Света на юге от англо-пуританской — на севере.

Северные просторы Америки, доказывали либерал-позитивисты, покорялись «цивилизованной» Англией, поощрявшей заселение Нового Света европейцами. Въезжавшие сюда предприимчивые и трудолюбивые колонисты не смешивались с индейцами и не навязывали им своего господства, а очищали от них почву для ввозимой «цивилизации». Этому во многом способствовала и глубоко индивидуалистская протестантская религия¹, требовавшая не поработать аборигенов, а подавать им пример или же истреблять, если они оставались глухи к призыву пуритан. В итоге, развивая торговлю и предпринимательство, эти «пионеры» создавали общество, еще более свободное и «цивилизованное», чем в метрополии, и колониальное наследство, доставшееся Соединенным Штатам, уже изначально являлось «цивилизованным».

В Ибероамерике все было иначе. Покорившие ее «варварские» (феодально-абсолютистские) державы не поощряли в колониях ни мореплавание, ни торговлю, ни заселение европейскими колонистами и потому не содействовали появлению там предприимчивости и трудолюбия. А еще, по словам Д.Ф. Сармьенто, «возникновению столь печального явления во многом способствовало смешение в ходе колонизации с индейцами. Американские расы живут в праздности и даже в случае принуждения обнаруживают неспособность к тяжелому и постоянному физическому труду. Это породило идею ввоза негров в Аме-

¹ Позже идеи «Протестантской этики и духа капитализма» (1904 г.) М. Вебера могли служить укреплению этой части тезиса либерально-позитивистской концепции, но не его источником, поскольку они сформулированы латиноамериканскими позитивистами еще до рождения Вебера.

рику, что привело к столь роковым последствиям. Однако и испанская раса, оказавшись в американских просторах наедине со своими инстинктами, не показала себя более трудолюбивой»¹.

Таким образом, варварство самих колонизаторов, разбавленное варварством индейцев, а потом и завезенных из Африки негров, оставило независимым государствам в наследство некую неполноценность, воздвигшую непреодолимые преграды водворению в Иberoамерике трудолюбия, предпринимательского духа и прочих элементов цивилизации. Такое колониальное наследие подлежало не ассимиляции, а тотальному уничтожению. Не осуществив этого, освободительная война ограничилась лишь *политической независимостью, первым шагом*. И, следовательно, главная задача в новой серии либеральных революций, прокатившихся по континенту во второй половине XIX в., состояла в том, чтобы *довершить* начатое и искоренить «варварство», заменив его «цивилизацией». Латиноамериканцам надлежало перестать быть латиноамериканцами. «Станем Соединенными Штатами!» — восклицал Сармьенто. «Остается превратиться в янки по другую сторону Северной Америки», — полагал мексиканец Хусто Сьерра. В практическом плане преодоление ущербности латиноамериканского субстрата мыслилось либо посредством этнической чистки, смены населения (например, путем истребления индейцев и массового переселения европейских колонистов², как в Аргентине, Уругвае, Чили, Бразилии), либо за счет длительного и болезненного «воспитания» диктаторскими режимами (типа порфириато 1876—1911 гг. в Мексике). В результате либералы надолго установили господство во всех сферах жизни общества и заложили в историческую память целых поколений латиноамериканцев собственную интерпретацию истории Латинской Америки.

Но с конца XIX и особенно в первые десятилетия XX в., когда со всей остротой проявились пагубные последствия «цивилизации» в либеральном исполнении, Латинская Америка оказалась на пороге третьей по счету серии революций. Общество жадно искало выход из создавшегося духовно-культурного кризиса, либерально-позитивистскую «нордоманию» начали захлестывать потоки общественной мысли «почвеннической» линии, общим знаменателем которых стала реабилитация латиноамериканской цивилизационной самобытности.

¹ Сармьенто Д.Ф. Факундо. Цивилизация и варварство. М., 1988. С. 20.

² Ибо «свобода, доказывал Х.Б. Альберди, — это машина, которая, как в паре, нуждается в управлении машинистами английского происхождения. Без участия этой расы невозможны привитие свободы и материальный прогресс ни в одном уголке мира».

Один из потоков представляли выдающиеся мыслители *национально-демократической ориентации*, примыкавшие к литературно-философскому течению модернизма. Кубинец Х. Марти, аргентинец М. Угарте, уругваец Х.Э. Родо, перуанец М. Гонсалес Прада, мексиканец Х. Васконселос и другие в значительной мере помогли латиноамериканцам преодолеть созданный либералами комплекс ущербности (чувство стыда за свое варварство и раболепие перед западной цивилизацией), вернув народам Латинской Америки веру в ценность и историческое предназначение своей самобытности. Этим же они подвергли сомнению либеральную философско-историческую традицию, в чем-то повторив и, стало быть, оправдав основательно забытые идеи консервативных мыслителей.

В собственно исторической науке пересмотром либеральной концепции истории занялись различные течения «почвенничества», обозначаемые собирательным названием *исторический ревизионизм*. Это направление отличалось весьма пестрым составом. В нем имелось и правонационалистическое течение, представленное аргентинцами Э. Паласио, Х.М. Роса, бразильцем С. Буарки ди Оланда, чилийцем А. Эдвардсом Вивесом, мексиканцем К. Перейрой и др. Развивая тезис консерваторов об «иберийском начале», эти исследователи прославляли цивилизаторскую миссию Испании и Португалии в Америке, противопоставляя «черной легенде» «розовую», подчеркивали ведущую роль креольской аристократии в формировании латиноамериканских наций, завоевании независимости и в защите совместно с консервативными диктаторами и католической церковью национальной самобытности Латинской Америки от натиска внешних и внутренних «цивилизаторов», понимая под последними радикальных либералов.

Эти авторы с присущим им ярким антикоммунизмом, наверное, заслужили резкое неприятие со стороны очень разных ученых — и левых, и центристских ориентаций. Но вряд ли можно считать оправданным придание негативного оттенка самому понятию «исторический ревизионизм» и уподобление этим авторам все более многочисленных исследователей, критиковавших либеральную трактовку в целом или в частных аспектах. Именно с таким знаком в ревизионистах оказались просто патриоты, например аргентинец А. Гарсиа Мельид или бразилец Ж. Оливейра Лима, за то лишь, что видели истоки независимости не в классовых противоречиях, борьбе и деятельности разрушителей-либералов, а в креольской верхушке общества, унаследовавшей дух народной свободы от Испании (или Португалии) эпохи реконкисты через посредство муниципалитетов (т.е. соглашались с упоминавшимся тезисом А. Бельо) и выступавшей защитницей национальных ценностей. В ревизионисты были зачислены и те, кто, не проявив партий-

но-политических пристрастий, подверг критике либеральную концепцию истории прежде всего как «историю лошадей и сабель» или осмелился, подобно аргентинцу С. Багу, высказать мысль о буржуазной природе конкисты и иберийской колонизации.

Хотя развитие историографии латиноамериканской истории в конце XIX и первой половине XX в. проходило под знаком активной ревизии либерально-позитивистских построений, тем не менее примерно до 1960-х годов либеральная традиция продолжала оставаться наиболее распространенной. Отчасти это объяснялось тем, что либерализм XX в. отличался от либерализма XIX в., а либеральные историки стали уделять больше внимания социально-экономическим проблемам колониальной эпохи и войны за независимость, как, например, аргентинец Р. Левене, бразилец Ж.О. Родригес, американец А.Б. Томас, англичанин Дж. Линч и др. Но помимо этого преобладание традиционной трактовки обусловлено и тем, что ее ключевые постулаты были заимствованы целым рядом сил, находившихся в политическом раскладе по левую сторону от либерализма.

Солидное подкрепление традиции составили труды *социалистов*, прежде всего в переселенческих странах — Аргентине и Уругвае, — где они сами испытали сильнейшее влияние позитивизма, опирались на иммигрантов, развивались чуть ли не как составная часть европейской социал-демократии и с конца XIX в. оказались по сути дела левым флангом того же либерализма. Поэтому вовсе не случайно руководители Социалистической партии Аргентины Х.Б. Хусто и Х. Инхеньерос восхищались либеральными деятелями войны за независимость и послевоенной истории, переоценивали их поддержку народными массами и не видели разрушительной стороны проводимых ими преобразований. И также отнюдь не случайно именно эти социалистические вожди исключили из партии в 1913 г. упомянутого выше видного представителя латиноамериканского модернизма М. Угарте за «националистический уклон».

Коммунистическое движение в Латинской Америке возникало не на пустом месте, поскольку до создания компартий их основатели прошли большую школу и накопили богатый опыт в рядах тех же социалистических партий, синдикалистских или анархо-синдикалистских организаций. Выделившись в самостоятельную политическую силу, коммунисты выработали свою оценку настоящего и будущего Латинской Америки. Но относительно ее прошлого в марксистскую концепцию перекочевали, а подчас были доведены до еще большей крайности¹,

¹ В частности, аргентинец Х. Б. Альберди предостерегал от уподобления общественных порядков колониальной Ла-Платы европейскому феодализму, дабы не возникало ощущение, будто «у нас, как и во Франции накануне 1789 г., господствовали клерикализм, феодализм, знать и сеньориальные привилегии». Марксисты же отождествляли колониальные порядки Ибероамерики именно с европейским феодализмом.

чем у либералов, все главные постулаты традиционной классики: противопоставление иберийской колонизации, приведшей к утверждению в Новом Свете колониального феодализма (варварства), колонизации англосаксонской, имевшей результатом складывание колониального капитализма (цивилизации); характеристика Войны за независимость Латинской Америки как буржуазной по своим задачам революции, которая, однако, принесла лишь политическую независимость, оставив в неприкосновенности феодальные отношения времен колонии, из чего, далее, выводилось крайне замедленное развитие, все большее отставание и, наконец, закабаление латиноамериканских стран ведущими империалистическими державами.

В 20-е годы XX в. основоположник перуанского *апризма*, политического движения социал-реформистской и одновременно национальной ориентации, В.Р. Айя де ла Торре, отражая специфику андских стран, приобрел большую известность защитой самобытности Индо-Америки, увязыванием будущего континента с индейской революцией, а также конструктивным антиимпериализмом. Этим его взгляды существенно отличались от воззрений и либералов, и социал-демократов, и коммунистов. Однако в оценке прошлого и современного ему состояния континента Айя де ла Торре не только исходил из господства феодализма, но даже выдвинул тезис о том, что в Латинской Америке империализм, т.е. ввоз с конца XIX в. иностранного монополистического капитала, являлся не «высшим» и «последним», а, наоборот, «первым и низшим этапом капитализма», выполнявшим на континенте «ту же роль, что и европейский капитализм в период крушения феодализма и становления нового способа производства».

На рубеже 40—50-х годов наиболее значительное подкрепление либеральная традиция получила от крупного реформистского направления — *десаррольизма* (от исп. «desarrollo» — развитие). Оно сложилось вокруг Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА), а наиболее выдающимся его представителем стал аргентинец Р. Пребиш. Он и его единомышленники занимались, правда, не историей, а современностью континента. Они внесли большой вклад в изучение причин отсталости Латинской Америки от передовых держав и механизмов ее ограбления последними, вскрыли роль либералов XIX в. в превращении стран континента в отсталую и эксплуатируемую периферию мирового капитализма и наметили путь преодоления негативных тенденций за счет модернизации и развития латиноамериканских стран на основе рецептов, напоминающих конструктивный антиимпериализм Айя де ла Торре. Однако, несмотря на критическое отношение к либерализму XIX в., в главном десаррольистском тезисе о дуа-

лизме латиноамериканского общества, о сосуществовании в нем традиционного и современного секторов легко узнать либерально-позитивистскую антиномию «варварства» и «цивилизации». Да и рецепт преодоления отсталости за счет скорейшего превращения общества в современное, прежде всего с помощью иностранного капитала, является собой то же «западничество» и по сути идентичен борьбе либералов XIX в. за «цивилизацию».

Таким образом, несмотря на различия в интерпретации настоящего и будущего континента и серьезные попытки ревизии его прошлого, главные причинно-следственные связи классической либеральной концепции латиноамериканской истории продолжали свою жизнь в трактовке многих школ — как преемников, так и идейных противников либерализма.

Но на рубеже 60—70-х годов зарубежная историческая наука о Латинской Америке испытала потрясение в результате выхода на арену еще одной ревизионистской школы, которая основательно подорвала фундамент либеральной традиции. Основоположителем ее — или, по крайней мере, возмутителем спокойствия — стал американский экономист и социолог А.Г. Франк, начинавший свою научную карьеру как десарролист, исследуя проблематику зависимости и отсталости периферии мирового капитализма и ограбления ее центрами. Однако, если логика десарролистов выводила зависимое и эксплуатируемое положение Латинской Америки из ее отсталости по отношению к центрам, отсталость — из дуализма общества, а дуализм — из истории континента в либеральном изложении, то Франк сформулировал новую теорию зависимости (а от исп. «dependencia» — зависимость его сторонников называли *депендентистами*), которая переворачивала прежнюю логическую цепь: не отсталость порождает зависимость, а, наоборот, зависимость порождает и постоянно развивает недоразвитость. Суть в том, доказывал Франк, что дуализма в Латинской Америке нет и не было, что с момента конкисты она была включена в мировую систему капитализма, чьим важнейшим отношением является отчуждение прибавочного продукта (экономического излишка) слабых стран (сателлитов) и его присвоение сильными (мировой метрополией). Прибавочный продукт Латинской Америки всегда отчуждался мировой метрополией: до войны за независимость — Испанией и Португалией, после нее — Англией и другими передовыми державами. Как бы сателлиты ни стремились сократить разрыв в развитии, догнать передовые державы и стать частью мировой метрополии, этому препятствует господствующее в мировой капиталистической системе отношение отчуждения — присвоения, и утечка экономического излишка с

периферии в центр всегда ведет к дальнейшему отрыву метрополии от стран-сателлитов.

Впрочем, пример США или Японии подсказывает Франку, что в функционировании указанных им законов мирового капитализма бывают и сбои, что иногда у сателлитов появляется исторический шанс для прорыва в состав мировой метрополии. Появляется он тогда, когда из-за мировых войн, кризисов и других потрясений связи между сателлитами и мировой метрополией ослабевают, действие отношения отчуждения — присвоения нарушается и сателлит получает возможность обратить свой прибавочный продукт на нужды собственного развития. Подобный исторический шанс появился и у Ибероамерики с окончанием войны за независимость, когда она порвала отношения со старыми метрополиями и еще не установила связей с новыми. Этот шанс и пытались использовать латиноамериканские консерваторы, когда, отстранив от власти либералов, с помощью протекционистской политики начали создавать местную промышленную базу. Но с победой либералов и их проекта «цивилизации» связи с мировой метрополией упрочились, а ограбление континента через отношение отчуждения — присвоения многократно усилилось. Так Латинская Америка утратила свой исторический шанс и обрекла себя на недоразвитость.

Коль скоро состоялась ревизия прошлого и настоящего Латинской Америки, менялось представление и о ее будущем. Десарролисты видели выход из зависимости в скорейшем преодолении отсталости за счет модернизации латиноамериканского капитализма, превращения общества в современное. Депендентистская же логика привела А.Г. Франка к прямо противоположному выводу: народы Латинской Америки не преодолеют отсталости и будут обречены на расширенное воспроизводство недоразвитости до тех пор, пока не вырвутся из сферы действия закона отчуждения — присвоения, пока не покончат с капитализмом, как это уже сделала Куба. (Этот тезис о необходимости разрыва с Западом созвучен извечной идее латиноамериканского «почвенничества».)

В концепции имелось немало уязвимых точек, однако несомненной заслугой Франка было то, что его работы никого не оставили равнодушным и послужили стимулом к переосмыслению или перепроверке тех проблем латиноамериканской истории, которые прежде казались давно решенными. У Франка (несмотря на то, что сам он сегодня разделяет совсем иные взгляды) появилось множество последователей, которые с каждой новой работой углубляли разработку его идей, преодолевая и очевидные слабости в его первоначальной концепции. К изучению поднятых дискуссиями проблем подключились ученые США, Англии, Франции, Италии, Швеции и других стран, которые, обладая

прекрасной профессиональной подготовкой, внесли свой вклад и в разработку проблем латиноамериканской истории. Оппоненты А.Г. Франка тоже были вынуждены развивать свои постулаты и изыскивать новые аргументы. В итоге необычайно повысился интерес к латиноамериканской истории в целом, резко возросло число исторических исследований, широкое распространение получила так называемая региональная история, в которой объектом изучения становится отдельный регион, город и даже предприятие или поместье, значительное место заняли конкретные исследования народных движений в прошлом, обогатился круг источников — словом, наступил расцвет исторической науки. И ныне непросто отыскать либеральные схемы в их изначальном виде.

В *советско-российской историографии* первым крупным исследователем колониальной истории и Войны за независимость Латинской Америки стал В.М. Мирошевский, главный труд которого увидел свет только в 1946 г., уже после смерти ученого. Он выявил противоречие между ростом товарности экономики испанских колоний с конца XVIII в. и сдерживавшим его колониальным режимом, которое лежало в основе подъема освободительного движения. Вместе с тем он тоже противопоставлял англосаксонской испанскую колонизацию, в результате которой в Америке утвердился поздний феодализм — монополия земельной собственности, феодальный и отчасти рабовладельческий способ производства. Зачатки капиталистического уклада в недрах колониального общества были, по его мнению, ничтожны. Это в свою очередь обусловило отсутствие общности экономической жизни, единого рынка, незавершенность процесса национальной консолидации, разобщенность освободительных потоков. Как результат, войну за независимость Мирошевский посчитал движением креольских сепаратистов, чей успех был немыслим без благоприятных внешних факторов — ослабления метрополии, поддержки Англии и т.п.

Новый этап в изучении войны был открыт совместной статьей М.С. Альперовича, В.И. Ермолаева, И.Р. Лаврецкого¹ и С.И. Семенова. Эти ученые также исходили из противоречия между товарностью экономики и колониальным режимом, но сделали решительный поворот к оценке войны за независимость как *буржуазной революции*. Она, доказывали авторы, не только уничтожила колониализм, но и освободила индейцев от подушной подати и трудовой повинности, почти везде ликвидировала рабство негров, покончила с инквизицией, урезала права церкви, установила республиканский строй, отменила дворянские титулы. «Таким образом, — заключали авторы, — в резуль-

¹ Он же — И.Р. Григулевич.

тате войны за независимость частично были осуществлены задачи буржуазной революции»¹.

Для того времени это был переворот в советской науке, ибо Латинская Америка, оказавшаяся в состоянии порождать собственные революции, впервые представляла не объектом, а субъектом истории, притом еще до того, как в том успел убедиться и весь мир на примере Кубинской революции 1959 г. Потому новая концепция по праву на десятилетия завоевала умы историков, разрабатывавших ее применительно как к отдельным странам, так и к Испанской Америке в целом. Огромна заслуга названных ученых и в том, что их идеи воспитали поколения учеников, усвоивших мысль о буржуазности войны за независимость как само собою разумеющуюся истину.

Вместе с тем концепция формулировалась, когда ревизия либеральной традиции еще только намечалась, когда было трудно понять смысл полемики и сущность исторического ревизионизма и уж вовсе невозможно предвидеть его расцвет и результаты затеянной дискуссии. Поэтому в первых ревизионистских тезисах основоположники новой трактовки войны, как и в целом марксистская историография, усмотрели лишь происки консервативно-клерикальных историков. Более того, издание позже в Москве знаменитой книги Э. Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки» осуществлялось, как явствует из презентационной статьи, без осознания неразрывной связи автора и всех его постулатов с историческим ревизионизмом. А раз так, то через посредничество латиноамериканских марксистов концепция латиноамериканской истории, включая войну за независимость, не могла не впитать краеугольные тезисы либеральной схемы: деление колонизации Америки на буржуазную и феодальную; сохранение в нетронутom виде социально-экономической структуры времен колонии; оценку консервативных режимов послевоенных времен как правления помещиков, верхушки церкви и реакционной военщины, цеплявшихся за старые привилегии и колониальные структуры.

Разумеется, проблема не в заимствовании и не в том, что навеянные латиноамериканскими коммунистами тезисы оказались на поверку идеями либералов XIX в. — каждая точка зрения содержит рациональное зерно или хотя бы крупину. Сложность в том, что при современном состоянии историографии, достигнутом на почве вековой ревизии именно либеральной схемы, усвоение традиционных постулатов означало усвоение и очевидных сегодня для очень многих историков уязвимых точек той схемы.

¹ Альперович М.С., Ермолаев В.И., Лаврецкий И.Р., Семенов С.И. Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826)//Вопросы истории. 1956. №11. С. 55—56, 71.

Взять хотя бы тезис о принципиальной разнице между англосаксонской (а также голландской и французской) и иберийской колонизациями Нового Света. Допустим, что для Иberoамерики он помогает обосновать буржуазный характер войны за независимость, позволяя представить дело так, будто нарождавшемуся там капитализму, наряду с колониальным режимом, мешал феодализм — латифундизм, принудительный труд индейцев, рабство негров. Но тогда, во-первых, на какой основе оценивать такие же войны в буржуазных колониях? Во-вторых, как быть с избытком в буржуазных колониях крупных латифундий в виде плантаций и принудительного труда каторжников и законтрактованных, не говоря уже об изрядном их превосходстве над феодальными в масштабах распространения рабства и жестокости обращения с неграми?

С другой стороны, отождествление латифундий Иberoамерики с феодальными поместьями вынуждает и хозяев поместий называть феодалами. Однако Боливар, Итурбиде, Сан-Мартин, Ривадавия, Пуэйрредон, О'Хиггинс и вообще подавляющее большинство деятелей войны за независимость — это именно латифундисты (и зачастую рабовладельцы тоже), а главным итогом самой войны в аграрной сфере явилось громадное увеличение латифундизма.

Вот и образуется логический нонсенс, преодолеть который можно, либо отказав войне за независимость в буржуазном характере, либо сняв с латифундизма и латифундистов феодальные ярлыки.

Видимо, именно болевые точки в трактовке М.С. Альперовича и его коллег подтолкнули отечественных ученых к поиску альтернативных решений по трем разным направлениям. Первое из них разработала группа специалистов Института Латинской Америки во главе с В.В. Вольским. Отреагировав на появление работ А.Г. Франка и иных депendentистов, она в 70-х годах выдвинула *концепцию зависимого капитализма*, скрестив в ней идею Франка о порождении отсталости зависимостью с десарролистским тезисом о дуализме латиноамериканского общества на современном этапе и его проекцией на историю континента. Этим гибридным характером наши депendentисты отличаются как от собственно депendentистов, так и от десарролистов.

В основание концепции заложена посылка о важнейших врожденных чертах латиноамериканского капитализма: 1) сосуществовании капитализма с докапиталистическими структурами и формами собственности на землю, сохранении латифундий и 2) экономической зависимости латиноамериканских стран от империализма. Их происхождение объясняется запоздалым генезисом капитализма на континенте — только с конца XIX в., когда передовые державы вступили уже в стадию империализма и ввозом своего капитала деформировали, а то и

вовсе заменили им местное первоначальное накопление. В этом пункте легко узнать мысль Айя де ла Торре об империализме как о первом и низшем этапе капитализма в Латинской Америке. Разница лишь в том, что у того империализм, разрушая местный феодализм, содействовал развитию капитализма, между тем как у наших депendentистов он делал местное первоначальное накопление «ущербным», консервируя феодализм, порождая дуализм, усугубляя отсталость. Запоздалость генезиса латиноамериканского капитализма объясняется феодальным наследством колониальной эпохи, феодальное наследие — коренным отличием иберийской колонизации от той, какую осуществляли в Америке Англия и Франция (а также Голландия).

Иными словами, упомянутый нонсенс авторы зависимого капитализма устранили за счет лишения войны за независимость оснований считаться буржуазной революцией. Ибо какое вообще отношение она могла иметь к капитализму и буржуазии, которые будут «зачаты» едва ли не через столетие и извне? Да и Латинскую Америку такой подход лишает внутренней силы и вновь превращает в объект чужой истории.

Второе направление наметили историки Санкт-Петербургского университета во главе с Б.Н. Комиссаровым. Новое в нем — попытка отойти от излишне жесткого деления колонизации Америки на буржуазную и феодальную, признав, что и передовые колонизаторы принесли туда европейско-североамериканский феодализм (майораты, сеньориальную систему, маноры, копигольды, фригольды) и плантации, основанные на крупной феодальной собственности на землю, обрабатывавшиеся трудом рабов.

Освоение Иberoамерики, по мнению этих авторов, было связано с началом эры капитализма и знаменовало закат феодализма, но синтез индейских и иберийских порядков имел результатом колониальный феодализм. Конечно, за 300 лет здесь тоже начали складываться благоприятные условия для развития капиталистических отношений в горной промышленности, возникать мануфактуры европейского типа. Но в целом экономика изображается преимущественно натуральной, с господством крупного землевладения как фундамента феодальной системы и торгового капитала, которые являлись существенным тормозом на пути развития капиталистических отношений. И к войне латиноамериканское общество подошло в той же фазе, с какой 300 лет назад начинало свой путь, — позднего феодализма, «когда активно идет накопление капитала, но капитала торгового, когда растет число людей, вовлекающихся в предпринимательскую деятельность, но структурный состав элиты не меняется, когда производитель постепенно лишается средств производства, но это ведет его не к наемному труду, а к долговому рабству». Неудивительно, что при таком подходе война за

независимость не только лишается буржуазности, но и вместе со всей последующей историей континента предстает творением потусторонних сил. «Экономическим условием победы колоний в войне за независимость был не столько рост отечественного капитализма, сколько ослабление самой метрополии, место которой спешили занять теперь другие державы. Они перехватили знамя свободы из рук Латинской Америки. Внутренняя экономическая слабость привела к возникновению новой колониальной зависимости рыночного типа... Под влиянием стран с высоким уровнем развития капитализма в Испанской Америке усилилась тенденция к вторичной консервации феодальных отношений»¹.

Третье направление складывалось вокруг таких ученых, как Б.И. Коваль, С.И. Семенов и А.Ф. Шульговский, в жарких дискуссиях 70—80-х годов с «зависимым капитализмом» по вопросам латиноамериканской современности. Эти ученые предложили *концепцию средне-развитого капитализма*, чье достоинство состояло в переносе акцентов на внутреннюю динамику латиноамериканских процессов, позволявшую одним странам совершать «экономическое чудо», другим — внезапные и для Москвы, и для Вашингтона революции, третьим — дергать за усы самого «британского льва» на Мальвинах и т.д. Словом, эта концепция возвращала континенту роль субъекта истории.

Некоторые ее сторонники критически отнеслись к трактовке прошлого поборниками зависимого капитализма, справедливо полагая, что в этой части несостоятельность их концепции наиболее очевидна. Это вывело их на исходные постулаты либералов XIX в. и слабые места в аргументах подлинных депендентистов, а в целом — на необходимость новых подходов к Латинской Америке XVI—XIX вв. В этом смысле ценный вклад внесли короткие, но емкие доклады А.И. Строганова и Э.Э. Литавриной. В первом докладе показано, как всего за четыре столетия Ла-Плата проделала путь от первобытнообщинной к капиталистической стадии. Иное дело, что при этом сохранялись многоукладность, преобладание консервативных вариантов буржуазного прогресса, болезненные социальные последствия, как повсюду во «втором эшелоне» капитализма. Э.Э. Литаврина провела весьма обоснованное различие между крупным и феодальным землевладениями, показав, как в Новой Гранаде XVI—XVIII вв. «феодальный уклад утратил свое значение», «феодальные формы собственности... превратились в буржуазную частную собственность», что именно «на этой юридической основе происходило складывание системы ась-

¹ Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб., 1992. С. 122, 127, 155.

енд — крупных латифундий» и что пеонаж и подобные ему формы эксплуатации, несмотря на внешнее сходство с феодальными, покоились «не на внеэкономическом принуждении, а на экономической зависимости крестьян»¹. Н.Г. Ильина, отметив рост латифундизма в войне за независимость Колумбии, связала его не с консервацией феодализма, а с прусским путем капитализма². Так же К.В. Комаров в аграрном вопросе в войне за независимость Аргентины усмотрел борьбу прусского и американского путей развития³.

Эта линия отечественной историографии продолжена и авторами данного учебника.

¹ *Строганов А.И.* Из истории развития капитализма в Аргентине: Агроэкспортная экономика XVIII—XIX вв. // Исторические судьбы Латинской Америки. Международный коллоквиум. Москва, 4—6 сентября 1989 г. М., 1992. С. 159—166; *Литаврина Э.Э.* К проблеме многоукладности экономической структуры юго-запада Колумбии в колониальную эпоху // Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI—XIX вв. Материалы Всесоюзной конференции. Москва, 14—16 мая 1990 г. М., 1994. С. 45—58.

² *Ильина Н.Г.* Война за независимость Колумбии (1810—1824): Автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. М., 1984. С. 49—51.

³ *Комаров К.В.* Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988. С. 34, 52, 55, 58—59, 62—63, 72.

ЧАСТЬ I

НАРОДЫ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

§ 1. Общая характеристика индейских народов доколумбовой Америки

Как говорилось выше, принципиальную несхожесть англо-пуританской (буржуазной) и иберо-католической (феодальной) колонизаций Нового Света многие историки объясняли исконно либеральным тезисом о различиях между колонизаторами, в том числе между «суровостью» протестантов и «любовью» католиков к туземным народам. Такой подход для непосвященного взгляда кажется вполне рациональным. Но если вдуматься, он может внушать лишь одну мысль — что все зависит от того, кем колонизируется страна и что народам Иberoамерики, в отличие от Америки Северной, просто не повезло с колонизаторами¹.

Чтобы удостовериться в убогости такого умозаключения, достаточно «соприкоснуть» его с реальной, а не виртуальной исторической действительностью. В самом деле, если католицизм и впрямь предписывал «любить» аборигенов и смешиваться с ними, то как же тогда объяснить, что, за исключением сравнительно ограниченных регионов (Мексика, Гватемала, Перу, Боливии, Эквадора и части Колумбии), во всей остальной Иberoамерике именно католиками были безжалостно уничтожены миллионы индейцев, а их территории заселены европейцами², а также африканцами? Если именно протестантская этика диктовала «передовым» колонизаторам уничтожение североамериканских туземцев и заселение их территорий иммигрантами из Европы, то почему этого (а в

¹ Многолетний опыт работы в Российском университете дружбы народов позволил авторам провести весьма любопытное наблюдение: попадая к нам после своей средней школы, где именно так учат истории Иberoамерики, латиноамериканские студенты убеждены, что, будь их страны колонизованы не «отсталыми» испанцами или португальцами, а «передовыми» англичанами, голландцами или французами, сегодня они находились бы на уровне развития никак не ниже США или Канады. И это несмотря на то, что по соседству с их странами находятся более отсталые, но именно бывшие колонии Англии (Гайана, Ямайка и др.), Франции (Гаити), Голландии (Суринам). Впрочем, эти иллюзии быстро рассеиваются в результате общения с индийскими, африканскими и другими студентами, которые знакомы с благами англо-пуританской или иной «передовой» колонизации не понаслышке.

² Причем в такой пропорции, что по «чистопородности» европеоидного компонента в населении Уругвай или Аргентина превосходят и США, и Канаду, и Австралию.

итоге и рождения США или Канады) не случилось ни в Британской Индии, ни в Нидерландской Индонезии, ни во многих других регионах мира, где веками хозяйничали колонизаторы-протестанты?

Авторы не собираются отрицать наличия различий между иберийскими колонизаторами, с одной стороны, и английскими, французскими и голландскими — с другой, хотя бы уже потому, что утверждение первых и вторых в Новом Свете разделяла огромная дистанция — более столетия. Но реальная история колониального мира подсказывает, что отличия между колонизаторами — слишком ненадежная основа для объяснения различий в путях колонизации. Потому что в одних случаях колонизаторы — как протестанты, так и католики — истребляли туземцев и заселяли их территории европейцами, а в других сохраняли и использовали туземное население. Очевидно, вернее было бы предположить, что, хотя осваивалась Америка разными европейскими державами и в разные исторические эпохи, социально-экономический строй в колониях определялся прежде всего природно-климатическими и демографическими особенностями колонизируемых территорий. Вот почему так важно уяснить, что же представляли собой народы Латинской Америки до того, как с ними встречались европейцы.

Начиная с XVI в. и до наших дней не затихают споры ученых мужей о том, кто они, первые жители Америки. Среди них называют выходцев с Канарских островов, финикийцев, карфагенян, древних греков и римлян, евреев, испанцев, египтян, вавилонян, китайцев и даже татар и скифов.

Отправляясь в 1492 г. в свое первое плавание на поиски западного пути в Индию, Х. Колумб взял с собой переводчика, знавшего испанский и арабский языки и несколько китайских и японских слов. О святая наивность великого мореплавателя! Оказалось, что в открытом им Новом Свете в то время имелись 1700 различных языков и диалектов. Столь богатая лингвистическая карта Западного полушария показывает, что люди там до прихода испанцев жили десятки тысяч лет.

Правда, на американской земле нет и, судя по данным археологии, не было человекообразных обезьян. Стало быть, появление здесь человека связано с миграционными процессами, причем наиболее вероятный их путь Чукотка — Берингов пролив (возможно, Берингов перешеек) — Аляска. Становление и прогресс человеческого общества на Американском континенте в общих чертах шли теми же путями, что и в Старом Свете, представляя собой одно из проявлений всеобщих законов исторического развития в специфических конкретно-исторических формах.

По данным последних исследований, время обитания человека в Америке не превышает 40—50 тыс. лет. Переселившись на новый материк, палеоиндейские племена должны были вступить в противоборство с непокоренной и во многом враждебной природой, потратить на эту борьбу многие тысячелетия, прежде чем перейти к качественно более высокому этапу общественного развития.

Поэтому ко времени открытия Америки Колумбом подавляющее большинство народов Нового Света находилось на весьма низкой стадии развития. В Северной Америке это были, например, эскимосы, ирокезы, навахи, в Мезоамерике — пуэбло, апачи и яки, на Антильских островах и в бассейне р. Ориноко — карибы, тайно и араваки, в Бразилии и Парагвае — тупинамба, ботокуды и гуарани, в Уругвае и Аргентине — чарруа и диагиты, в Чили — арауканы и т.д.

Эти племена пребывали на стадии первобытнообщинного строя, занимаясь рыбной ловлей, охотой, собирательством и в лучшем случае примитивным земледелием. Они не знали эксплуатации человека ни человеком, ни государственной бюрократией, они никого не угнетали сами, но и себя угнетать не позволяли. Документы XVI в. описывают этих индейцев как «людей крайне ленивых, с весьма низкими понятиями и наклонностями; им неведомо стремление обладать какой-либо собственностью, и у них нет никакого хозяйства, кроме того, что позволяет им лишь есть да пить»¹.

В то же время некоторые индейские народы уверенно ступили на путь развития классовых обществ и государств. Наиболее высокого уровня общественно-экономического развития достигли индейцы Мексики, Центральной Америки и Перу.

В основе развития всех известных цивилизаций всемирной истории лежал процесс возделывания какого-либо определенного злака: в Европе — пшеницы, в Азии — риса, в Америке им стала кукуруза. На приоритет в ее окультуривании имеют почти равные шансы Мексика, Перу и Боливия. Это произошло около 7 тыс. лет назад.

Индейцы оказались весьма искусными земледельцами. В общей сложности они употребляли в пищу почти 20 тыс. растений — больше, чем все народы других континентов, вместе взятые. Правда, эта цифра включает в себя десятки, а иногда и сотни видов одной и той же культуры.

Американский континент «подарил» миру помимо кукурузы картофель, томаты, какао, подсолнух, табак, лекарственные средства хинин и бальзам и такую сложную операцию, как трепанация черепа. В то

¹ Documentos para la historia colonial de los Andes Venezolanos (Siglos XVI—XVIII). Caracas, 1957. P. 19.

же время аборигены Нового Света не знали колеса, лошадей, не плавили железо, которое они научились обрабатывать значительно позже золота, серебра, платины, меди и бронзы.

До европейского завоевания самые развитые цивилизации Западного полушария сложились в Мезоамерике и в Андах. Понятием «Мезоамерика», впервые введенным в 1943 г. германским ученым П. Кирхгофом, археологи обозначают географический регион, включающий в себя Мексику и большую часть Центральной Америки (до полуострова Никойя в Коста-Рике). На этой обширной территории, сменяя друг друга, оставило след несколько древних цивилизаций. Наиболее известными среди них являются цивилизации майя и ацтеков.

§ 2. Цивилизация майя

Хронологические рамки цивилизации и ареал ее распространения

Ученые относят нижнюю хронологическую границу цивилизации майя ко 2-му, а иногда и к 3-му тысячелетию до н.э., верхнюю — к X в. н.э. Наибольший расцвет ее приходится на VII—VIII вв. н.э.

Индейцы майя распространили свое влияние на полуостров Юкатан, Гватемалу, Белиз, часть Гондураса и Сальвадора и территорию нескольких штатов современной Мексики. На столь обширном географическом пространстве (325 тыс. кв. км.) обитало несколько десятков, а может, и сотен племен, унаследовавших одну культуру, хотя и имевшую, естественно, региональные особенности. Самыми многочисленными из этих племен были: майя, киче, уастеки, какчикело, тсентало, лакандоне, итса. Иногда цивилизацию майя называю майя-киче, выделяя при этом также племя киче, обитавшее на территории современной Гватемалы и говорившее на одном из диалектов майя. Взаимовлияние майя и киче стало существенным начиная с VI в. н.э.

В XX в. долгое время была популярной гипотеза германского археолога М. Уле, согласно которой майя постоянно мигрировали по континенту, положив таким образом начало всем индейским культурам. Однако археологические раскопки, проведенные в конце 30-х — начале 40-х годов в бассейне р. Амазонки, и открытия перуанского ученого Х. Тельо в районе Анд показали, что существовали еще более древние культуры, чем цивилизация майя. Действительно, общепризнанная в настоящее время в мировой историографии нижняя хронологическая граница появления индейцев в Западном полушарии — 23 тыс. лет до н.э. — не дает оснований ставить вопрос о том, что культура майя является праматерью индейских культур. К тому же

результаты новых раскопок дают основание отодвинуть эту границу дальше в глубь веков.

Тем не менее цивилизация майя оставила глубокий след в истории Латинской Америки, и прежде всего в области культуры. Что же представляла собой эта цивилизация, каковы ее основные достижения?

**Ольмеки и характер их
возможного «родства»
с цивилизацией майя**

Среди множества загадок, которые таит история майя, едва ли не самая главная — тайна их происхождения. Известно только, что 3—4 тыс. лет назад майяязычные народы уже населяли юго-западную часть Гватемалы и возделывали маис. Некоторые исследователи считают, что на племена майя оказала большое влияние цивилизация ольмеков, обитавших на побережье Мексиканского залива в 3—1-м тысячелетиях до н. э. Ольмеки имели высокий уровень культуры. В частности, они владели системой алгоритмов, у них был календарь и иероглифическая письменность, в лечении широко применялась гомеопатия. Ольмеки славились обработкой камня, оставив прекрасные образцы этого искусства, которые дошли и до наших дней. Излюбленной формой в ольмекской скульптуре были гигантские головы¹, намного превышавшие рост человека. Как правило, все они имеют ярко выраженные негроидные черты, что породило множество фантастических гипотез и предположений. К моменту заката цивилизации ольмеков (первая половина I в. до н.э.), вызванного нашествием племен с севера Американского континента, ольмеки имели систему административно-территориального управления, по ряду черт схожую с номами Древнего Египта. Некоторые исследователи полагают, что ольмеки и майя — один и тот же народ, однако сколько-нибудь убедительных аргументов при этом не приводится.

**Три периода в истории
майя**

В цивилизации майя историки выделяют три периода: протоклассический (2-е тыс. до н.э. — III в. н.э.), раннеклассический (300—600 гг.) и позднеклассический (600—900 гг.). Естественно, что последние два этапа лучше представлены различного рода памятника-

¹ Голова, высеченная из камня, была обнаружена в 1858 г. около деревушки Трес-Сапотес местными крестьянами. Они прозвали скульптуру «головой дьявола» и рассказывали о будто бы зарытых под ней сокровищах. Х.М. Мельгару находка послужила основанием для выдвижения абсолютно беспочвенной гипотезы. Ссылаясь на «явно эфиопский» облик обнаруженной скульптуры, он утверждал, что негры не раз бывали в этих краях. Это заявление вполне соответствовало существовавшей в то время в науке теории, согласно которой любое достижение американских индейцев объяснялось культурным влиянием из Старого Света.

ми материальной и духовной культуры, сохранившимися до наших дней. Поэтому в исследовательских работах, посвященных цивилизации майя, как правило, основной акцент делается на 1-м тысячелетии н. э. Среди них следует выделить труды американского ученого С. Морли. Большой вклад в дешифровку письменности майя внес российский ученый Ю.В. Кнорозов. Целый ряд фундаментальных исследований по истории майя в 70—90-е годы опубликовал В.И. Гуляев.

На страницах книг этих и многих других отечественных и зарубежных авторов дан анализ высокой культуры и своеобразного общественного строя майя. Хотя в основе существования этой цивилизации лежало сельское хозяйство, огромную роль в жизни майя играли городские центры, древнейшие из которых Тикаль, Вашактун, Волактун, Балакбаль и др. Наиболее известными из городов, возникших в первые века н. э., были Копан, Чичен-Ица, Майяпан. Морли считал, что в Копане в период его наивысшего расцвета проживало около 200 тыс. человек. Центр города занимал площадь в 30 га, на которой были воздвигнуты храмы, пирамиды, террасы и статуи. Особым почетом у древних копанцев пользовались ягуары, считавшиеся покровителями земледельцев (они представлены на главной площади города).

Видимо, правомерно предположение Ю.В. Кнорозова, что первоначально у майя существовал ряд городов-государств с небольшой подвластной территорией. С течением времени они объединялись в военные и политические союзы, как правило, довольно непрочные и быстро распадавшиеся. Объединяющим началом таких союзов была не только необходимость отражения угрозы нашествия других племен, но и общность религиозных воззрений. Эти два фактора являлись важнейшими в жизни майяского общества, вследствие чего власть в нем принадлежала жрецам и военной знати.

Культура

Среди известных цивилизаций Америки майя имели самые высокие достижения в области культуры. К ним следует отнести иероглифическую письменность, знания в области астрономии и математики, поражающие совершенством живопись, скульптуру и керамику. Майя первыми в мире ввели понятие нуля, опередив в этом на сотни лет другие цивилизации. Майя были искусными строителями и мореплавателями. На основе этих достижений в историографии майя часто называют то греками, то финикийцами, то викингами Нового Света.

Выдающимся памятником древней литературы Американского континента является сакральный эпос индейцев киче «Пополь-Вух». Современная версия этой книги записана в конце XVI в. доминиканским

монахом Ф. Хименесом. «Пополь-Вух» — это своего рода Библия майя с космогоническими и мифологическими представлениями, легендой о сотворении мира, историческими преданиями.

Календарь майя

В повседневной жизни майя пользовались двумя календарями: солнечным, насчитывавшим 365 дней, и ритуальным, имевшим 260 дней. В первом они делили год на 18 месяцев по 20 дней с дополнительным месяцем продолжительностью 5 дней. И дни, и месяцы имели свои названия, которые применялись и во втором календаре, где счет велся не на месяцы, а на промежутки времени по 13 дней.

Религиозная символика широко представлена в обоих календарях. Каждый месяц первого календаря имел своего бога-покровителя. Ими были небесные тела (Солнце, Луна и Венера), или животные (ягуар, летучая мышь и лягушка), или даже Огонь, который также почитался как божество и был представлен в образе старика с большим носом. Боги-покровители были и у каждого из 20 дней, и даже у чисел — от 1 до 13, а также у нуля.

Космогония

Согласно мифам майя, Вселенная состояла из 13 небесных и 9 подземных миров. Имена обитавших в них божеств точно не известны. Боги — повелители небес (Ошлахун-Ти-Ку) постоянно враждовали с владыками подземного мира (Болон Ти-Ку).

Между небом и подземным миром располагалась плоская поверхность прямоугольной земли. Когда люди умирали, их души уходили в один из высших или низших миров. Души воинов, погибших на поле битвы или от жертвенного ножа, и души женщин, которые умерли при родах, направлялись прямо на небо, в рай бога Солнца. А души утонувших и умерших от болезней, связанных с водой и молнией, шли в рай бога дождя. Однако для большинства умерших людей последним пристанищем служил подземный мир — холодное и темное царство, где бродили до момента своей окончательной гибели их души.

Майя из равнинных районов страны считали, что вход в преисподнюю — это особое отверстие в земле в горах Гватемалы. Оттуда бьет ужасный фонтан крови и доносится зловоние сгнивших тел. Во время своего путешествия по низшим мирам душа человека подвергалась страшным испытаниям. Она должна была пересечь реку — своеобразный Стикс (в греческой мифологии река, окружавшая подземное царство. — *Прим. авт.*). Для этого на похоронах приносилась в жертву собака — поводырь, помогающий преодолеть эту водную преграду. Впереди ждали и другие испытания: пять Домов преисподней, грозив-

шие смертельной опасностью. В Доме Мрака царила вечная тьма, в Доме Холода стоял невыносимый холод, в Доме Ягуара грозные хищники готовы были растерзать любого пришельца и т. д. Наиболее подробно и увлекательно майяская преисподняя описана в «Пополь-Вух».

В центре Вселенной, по представлениям майя, стояло Мировое Древо, пронизывающее все слои небес, а рядом по сторонам света находились еще четыре дерева: черное (на западе), белое (на севере), красное (на востоке) и желтое (на юге). На этих деревьях располагались *чаки* (боги дождя), *павахтуны* (боги ветра) и *бакабы* (носители, или держатели, неба). Эти боги также соотносились со сторонами света и различались по цвету. Красные чак, павахтун и бакаб находились на востоке, белые — на севере и т. д. Три божества одного цвета правили годом; соответственно стороне света годы считались счастливыми и несчастливыми. Творцом мира майя считали бога Унаба, или Хунаба Ку. В священной книге «Пополь-Вух» говорится, что Унаб сотворил человечество из кукурузы. В процессе превращения кукурузы в человека большую роль сыграл не только Творец — Великий Отец (Кукумай), но и Создательница — Великая Мать (Тепеу).

Из кукурузного теста были созданы четыре первых человека — «первые праотцы» и «первые отцы» Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. «И были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое намерение. И они появились во время сна (первых людей. — *Прим. авт.*). Поистине прекрасными были женщины... Они зачали людей малых племен и больших племен, и они были началом нас самих, нас — народа киче».

Согласно более поздним верованиям майя с Юкатана, восходящим к глубокой древности, мир создавался четырежды и три раза разрушался всемирным потопом. Вначале был мир карликов, построивших большие города. Они делали это в темноте, поскольку еще не было создано Солнце. Когда оно впервые взошло, карлики превратились в камни, а города были разрушены первым потопом. Последовавший затем мир был населен преступниками, которых смыло новым потопом. Третий мир оказался заселенным самими майя, однако также был смыт потопом. Четвертый, современный мир населяют люди, появившиеся на свет в результате смешения всех ранее существовавших племен. К сожалению, им уготована та же судьба: неизбежен четвертый всемирный потоп.

Маисовые люди

По верованиям индейцев из племени майя-киче, первых людей боги сделали из глины. Но глиняные люди просуществовали недолго. Они были очень хрупкими, бессильными и разрушились прежде, чем научились ходить.

Тогда боги попробовали сделать людей из дерева. Деревянных людей обучили говорить и ходить, но они не обладали памятью и не могли мыслить. Они были не в состоянии говорить с богами и не знали, о чем с ними говорить.

Тогда боги сделали людей из майса: женщин — из желтого, а мужчин из белого.

Майсовые женщины и мужчины стали смотреть на мир глазами богов. От них не ускользал ни один уголок мира. Затем боги напустили туман и навсегда затуманили взгляд людям, потому что не хотели, чтобы они что-либо видели дальше горизонта.

Религия майя

Цивилизация майя испытала сильное воздействие высокоразвитой цивилизации ольмеков. О религиозных верованиях ольмеков известно немного. Широкое распространение у них получил культ животных, во всяком случае изображения тапира и ягуара встречаются на различных ритуальных предметах из камня и глины, на церемониальных вазах. Многочисленные божества ольмеков имели ягуароподобный облик. Вплоть до наших дней в отдельных районах Юкатана индейцы исполняют ритуальный танец «Тапир».

Именно в эпоху ольмеков в пантеоне мезоамериканских богов появляется Вотана (Кецалькоатль), отпрыск Пернатого змея. Мифы называют Вотана то первым человеком на земле, получившим от богов наказ заселить ее людьми, то богом — творцом мира, создателем человека, покровителем ремесел и культуры, владыкой стихий.

По мнению некоторых мексиканских исследователей, слово «майя» происходит от имени одного из божеств, другие же ученые полагают, что «*ma-ay-ha*» означает «земля без воды». И действительно, основная часть майя жила на полуострове Юкатан, самом засушливом районе Центральной Америки.

Долгое время майя обожествляли Солнце, Луну, дождь, молнию, ветер, горы, леса, реки, водопады и т. д. Постепенно сложился пантеон богов, который соответствовал космогоническим представлениям майя.

Пантеон богов. Древние майя делили богов на доброжелательных и злонамеренных. Первые «дарят» дождь, обеспечивают урожай кукурузы, способствуют изобилию. Вторые заняты в основном разрушительной работой. Они насылают засухи, ураганы, войны. Видимо, к числу и тех и других можно отнести четырех богатырей, братьев-бакабов, которым Творец после создания мира поручил встать в четырех углах Вселенной и поддерживать небо. Пока держали — делали благое дело, но когда начался потоп, испугавшись, братья бежали.

Среди небесных божеств главным в пантеоне майя был Владыка мира *Итсамна* — старик с беззубым ртом, орлиным носом и морщинистым лицом. Он считался Творцом мира, богом дня и ночи, основателем жречества, изобретателем письменности. Большую роль среди майяских божеств играл бог огня. Чаще всего он изображался стариком с огромным разветвленным носом в виде стилизованного знака огня. Особенно почитался бог кукурузы, имевший облик юноши в головном уборе, напоминающем початок кукурузы. Майя поклонялись богу дождя *Чаку*, богу Солнца *Кинич-Ахау*, а также богу долин; богу оленей, богу охотников, богам-ягуарам и многим другим.

Среди многочисленных женских божеств выделяется «красная богиня» *Иш-Чебель-Йаш*. Ее часто изображали с лапами хищного зверя и змеей вместо головного убора. Другая весьма почитаемая богиня — *Иш-Чель* (Радуга) — считалась супругой Итсамны. Иш-Чель, богиня Луны, была покровительницей медицины, деторождения и ткачества.

Поклонение богам-ягуарам, возможно, имеет ольмекское происхождение. Эти боги имели отношение к подземному миру, смерти, охоте, воинским культам. Черный и красный ягуары были связаны с богами дождя и сторон света. Ягуар, очевидно, был и родовым божеством правящих династий некоторых городов-государств.

Один из самых почитаемых богов майя — *Кецалькоатль* (Кукулькан), бог ветра, бог планеты Венера и т. д. Помимо главных божеств большую роль в религиозной жизни майя играли местные боги и вера в обожествленных предков и героев.

К каким же богам чаще всего обращались майя? Американский ученый С. Морли, один из авторитетных исследователей в изучении этой древней цивилизации, составил иерархию богов, исходя из частоты их упоминания в мексиканских кодексах¹ (рисованных книгах).

Морли пишет, что, хотя майя Творцом всего сущего считали бога *Хунаба*, тем не менее обращались к нему редко, считая его совершенно недоступным. Общепризнанным же верховным богом был его сын, Владыка небес Итсамна. Но чаще всего в кодексах упоминается бог дождя Чак. Майя имели одного бога дождя в четырех ипостасях (проявлениях): Красный Чак опекал восток, Черный Чак — запад, Белый Чак — север, Желтый Чак — юг. Очень часто в кодексах бог дождя исполняет еще и функции бога ветра. Однако в своем «дождевом» образе Чак пользовался у майя наибольшей популярностью, так как урожай кукурузы зависел только от него. В некоторых кодексах он обозначался иероглифом, похожим на букву «Т» («плачущий

¹ Научное название рукописной книги любого содержания.

глаз» — символ дождя). Третьим по популярности божеством был бог кукурузы (маиса), имя которого точно не известно.

Деятельность этих богов была только созидательной. Наряду с ними не меньшей популярностью пользовался и бог смерти *Ах Пуч*, или *А Пуч*. Его изображения в кодексах соответствуют божественному промыслу, который он призван осуществлять: вместо головы — череп, а ребра и позвоночник обнажены.

Майя имели и таких необычных для других народов богов, как, например, богиня *Иштаб*, которая являлась покровительницей всех самоубийц.

Связь с богами. Чтобы добиться внимания богов, майя подолгу постились (иногда до трех лет), не ели мяса, соли, перца и не использовали острую мексиканскую приправу чиле. Поощрялось и половое воздержание. Правда, большинство этих ограничений касалось лишь жрецов. Остальные имели большую свободу, но, находясь под огромным влиянием жрецов, стремились следовать тем же методам умиротворения богов. Майя обращались к богам с молитвой и просили облегчить тяготы жизни, избавить от болезней, обеспечить урожай, удачу на охоте и рыбной ловле, способствовать успеху на войне.

Связь с богами осуществлялась жрецами во время молитв и медитаций, а также путем «отправления посланников к богам», т. е. жертвоприношений, в том числе человеческих.

Ритуальная жизнь. Огромную роль в жизни майя играли гадания, пророчества, оракулы и различного вида церемонии. Подготовка и проведение любой религиозной церемонии включали в себя по меньшей мере шесть элементов: предварительный пост и воздержание; выбор жрецом, находящимся в состоянии божественного озарения, наилучшего дня для проведения праздника; изгнание злых духов с места проведения праздника; окуривание идолов; молитвы. Кульминацией праздника было жертвоприношение. Некоторые из известных обрядов древних индейцев — человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм, умерщвление нарушителей ритуальных законов, суровые посвящения в мужчины — и поныне порождают много сенсационных догадок.

Обычно майя не прибегали к человеческим жертвоприношениям, ограничиваясь фруктами, животными, птицей, рыбой и различными украшениями. Однако в дни тяжелых поражений или громких побед в войнах с соседями, в период засухи и связанного с ней голода, во время эпидемий, т. е. когда, по представлениям майя, только боги способны предотвратить беду и послать удачу, в жертву приносили или соплеменников, или захваченных в боях пленных. Существовало несколько видов жертвоприношений. Наиболее популярным и торжественным считался

тот, при котором у жертвы вырывали сердце. Обычно жертву, покрытую лазурью, четыре вымазанных черной краской жреца-чаака (обычно ими были почтенные старцы) в черных одеяниях клали навзничь на алтарь из яшмы. Он имел округлую форму, так что когда на нем располагали человека, грудь выдавалась вперед и рассечь ее острым как бритва обсидиановым ножом и вырвать еще бьющееся сердце жрецу-накому было очень удобно. Майя считали, что несвернувшаяся кровь и бьющееся сердце — носители души, которая «отправлялась посланником к богам» с важными поручениями или просьбами. Поэтому сердце обязательно надо было вырвать очень быстро, чтобы успеть поднести его к статуе бога еще трепещущим (пока не «улетела» душа). Кровью пульсирующего сердца жрец-прорицатель (*чилан*, или *чи-лам*) в плаще из алых перьев орошал изображение или статую бога.

Именно чиланы-пророки пользовались особым почетом у майя, обычно оказываемым только правителям. Чааки сбрасывали тело жертвы со ступеней пирамиды. Внизу другие жрецы сдирали с еще теплого трупа кожу, которую тут же натягивал на себя чилан, на виду у тысяч зрителей исполняя неистовый ритуальный танец. Затем тело жертвы погребали; реже, если принесенный в жертву слыл мужественным воином, знать и жрецы поедали его останки, вероятно, полагая, что тем самым обретают лучшие качества покойного.

По другому ритуалу выбранную жертву — невинного юношу (для жрецов была важна чистота «души-крови», к тому же необходимо было исключить постороннее влияние) — привязывали к столбу на площади и неторопливо расстреливали либо копьями, либо из луков, как мишень. Подобное изуверство объяснялось тем, что в начале ритуала строжайше запрещалось наносить жертве смертельную рану — приносимый в жертву должен был умирать долго и мучительно от общей потери крови, с которой душа «улетала» к богу.

Наряду с грандиозными и торжественными всенародными праздниками-жертвоприношениями существовал и ритуал жертвования крови, не требующий гибели жертвы: ей надрезали лоб, уши, локти; протыкали щеки, нос и даже половой орган.

Очень важен был обрядовый танец огненного очищения, обязательно совершавшийся в годы, которые считались по майяскому календарю самыми несчастливыми и опасными. Церемония происходила глубокой ночью, что придавало ей торжественность и создавало неповторимый эффект. Когда от большого костра оставались только одни пылающие угли, их выравнивали и разбрасывали вокруг. Процессию босых индейцев, идущих по углям, возглавлял главный жрец: некоторые обжигались, другие сильно обгорали, а иные оставались невредимыми. Многие ритуалы сопровождалась музыкой и танцами.

Религиозно-светские центры с храмами, стелами и статуями богов характерны для Мезоамерики в целом. В Копане, например, между 756 и 771 гг. были воздвигнуты три храма высотой до 30 м каждый. Многие памятники (пирамиды-усыпальницы, Пирамида надписей и Храм Солнца в Паленке, Храм воинов, Храм Ягуаров и Пирамида Кукулькана в Чичен-Ице, Пирамиды Солнца и Луны в «городе богов» Теотиуакане) сохранились до наших дней.

Английское поверье гласит: «Если зеркало перестает отражать человека, значит, он близок к смерти». В конце X в. многие города майя были оставлены жителями и оказались разрушенными. Существует несколько научных гипотез, пытающихся объяснить гибель городов и упадок цивилизации землетрясениями, эпидемиями, внезапным изменением климата, войнами, снижением плодородности почв и др. Наиболее приемлемой исследователи считают гипотезу, связанную с нашествием на Юкатан тольтеков и крупными социальными потрясениями.

§ 3. Цивилизация ацтеков

Кто такие ацтеки? История ацтеков до их появления во второй половине XII в. н. э. в Центральной Мексике также таит множество загадок, хотя наука имеет в своем распоряжении документальные свидетельства об их цивилизации. Ацтеки называли свою родину островом Астлан (местом, где живут цапли). От этого слова и произошло название «ацтек». Точное местонахождение этого острова не установлено, однако большинство исследователей склоняются к тому, что первоначально ацтеки обитали на побережье и островах, прилегающих к северной части Калифорнийского залива. Подтверждением тому служат и археологические находки, и топонимы здешних мест, указывающие на явное влияние языка ацтеков — наутля, и сходство многих предметов, типичных для Верхней Калифорнии ушедших веков с их аналогами, изображенными в ацтекских кодексах.

То, что в исторической литературе фигурирует под именем цивилизации ацтеков, фактически было созданием, по меньшей мере на ее первом этапе, семи племен, говоривших на родственных языках: хочимилька (переводится как владеющие посадками цветов), чалька (владельцы устья реки), текпанека (люди каменного моста), аколоа (владельцы горбатого холма), глауика (люди около земли), гласкальтека (из хлебной земли) и собственно ацтеков.

Среди них охотничьи племена ацтеков оказались самыми воинственными. Они не только возобладали над перечисленными племенами, но и в течение двух веков вели широкие завоевательные кампании.

Во второй половине XII в. ацтеки появились в Центральной Мексике. Согласно их собственным преданиям, когда-то очень давно к ним обратился бог-покровитель *Уицилопочтли* и сказал, что они должны поселиться там, где им укажет орел, сидящий на кактусе и пожирающий змею.

165 лет искали ацтеки это место на мексиканских просторах. Остались позади многочисленные изнурительные походы и кровавые сражения с другими племенами, и наконец божественное предначертание сбылось: на одном из островов озера Тескоко они увидели долгожданного орла. Это случилось 18 июля 1325 г. Так возникло поселение Теночтитлан.

В начале XIV в., покорив многие племена, обитавшие в Центральной Мексике, ацтеки создали могущественную империю. Ее столицей стал Теночтитлан (современный Мехико).

Долина Мехико, Анаук, являлась центром ацтекской цивилизации. Площадь ее составляла 9 600 кв. км. Задолго до нашей эры она играла важную роль в жизни племен Центральной Мексики. В I-м тысячелетии н. э. там был создан тольтеками «город богов» Теотиуакан, где в годы наивысшего расцвета (III — VII вв.) проживали 50 — 80 тыс. жителей. На его главной улице — Дороге мертвых (длина 4 км) расположены пирамиды Луны (высота 42 м) и Солнца (64,5 м), найдены остатки других пирамид и древних дворцов и храмов.

Социальная структура и общественные отношения В начале XVI в. в империи ацтеков насчитывалось более 40 тыс. теокали (храмов).

В самом крупном из них, в теокали Теночтитлана, служили около 5 тыс. священников.

Неудивительно, что жрецы занимали в социальной иерархии ацтекской империи следующее за императорскими приближенными место, возвышаясь над знатью, торговцами, свободными членами общества, связанными с тяжелым физическим трудом, и рабами.

Рабский труд широко использовался и майя, и ацтеками. Характер обращения в рабство был примерно одинаков в обоих случаях. Рабами становились те, кто изгонялся из общин — кальпулли. Отец мог продать в рабство своих детей, а любой взрослый мог продать в рабство себя самого. Вор, впервые совершивший кражу и не способный компенсировать потери пострадавшего, становился его рабом. Мужчина, от которого забеременела рабыня, становился рабом ее хозяина. Подобная участь ждала детей и родственников людей, совершивших предательство.

Ацтеки многого добились в сельском хозяйстве, используя и дренажные работы, и искусственное орошение, и строительство каналов. Не иначе как чудом, верхом сметливости и мудрости воспринимается сегодня

система чинампас. Суть ее состояла в создании садов и огородов на акватории неглубоких озер. Плоты из тростника и дерева привязывались к сваям, покрывались илом, и... водная гладь радовала глаз четкой геометрией благоухающих участков. Этот способ земледелия в условиях жаркого лета создавал максимум удобств: вода под рукой, прохлада от водоема, в любое время можно наловить рыбы. Он выдержал проверку временем и до сих пор применяется в отдельных районах Мексики.

Официальным годом установления ацтекской «империи» считается 1376-й, когда ее правителем был провозглашен Акамапиктли (тот, кто начал царствовать). Хотя предводитель ацтеков — тлакатекутли — формально был выборным вождем, в дальнейшем эта «должность» фактически стала наследственной. В конце XIV в. ацтеки покорили значительную часть территории современной Мексики и продолжали политику завоеваний.

Войны позволяли им не только расширять границы «империи», но и захватывать пленных и приносить их в жертву богам, что считалось едва ли не главным мерилом успешности боевых операций.

Так как военный промысел был практически повседневным занятием ацтеков, армии уделялось большое внимание. Кроме жрецов и рабов, все остальные обязаны были участвовать в ратном деле. На вооружении ацтеков были лук, праща, копье, палица, большой тесак типа палаша, сделанный из твердых пород дерева с вмонтированным в него кремневым лезвием.

Основой социальной структуры ацтеков являлись кальпулли. Каждое племя, как правило, делилось на 20 территориальных общин. В экономическом плане их характерной чертой было общинное землевладение, где часть всех земельных наделов — альтепетлальи — обрабатывалась коллективно, другая часть — тлальмильи — представляла собой индивидуальные участки. Урожай с первых площадей предназначался для удовлетворения различных потребностей общины. Индивидуальные наделы давались в пожизненное пользование каждому главе семьи и после его смерти вновь переходили в общинный фонд. Одним из самых тяжких преступлений у ацтеков было пренебрежительное отношение к выделенной для личного участка земле. Владельцы необработанных в течение двух лет наделов исключались из кальпулли и становились рабами.

Развитие ремесел и культуры

Высокого уровня достигли ацтеки в ремеслах, особенно в обработке камня и дерева, в ткачестве. До наших дней сохранились остатки акведук, по которым подавалась питьевая вода. Теночтитлан по использованным при его возведении основным принципам градо-

строительства можно сравнить с Венецией. Он был построен посреди озера Тескоко и соединен с берегом мостами и дамбами, а вместо улиц имел каналы. Культура ацтеков ассимилировала богатые традиции и замечательные достижения всех предшествовавших им мексиканских цивилизаций. От майя ацтеки унаследовали иероглифическое письмо и широко пользовались им. Весьма оригинальной была изготавливавшаяся ими полихромная керамика. Всемирной славой пользуются их скульптуры, сохранившиеся до наших дней: «Грустный индеец», «Голова мертвого», статуя бога Шочипилли и др. Наибольших размеров империя ацтеков достигла при Моктесуме II (1503—1519), когда в ее состав вошла вся Центральная Мексика. Однако это государственное образование было весьма аморфным, держалось только на силе. Касики (вожди) других покоренных Моктесумой племен всячески уклонялись от выплаты центральной власти налогов, поднимали восстания, стремились сбросить иго Теночтитлана. Эти противоречия умело использовали испанские завоеватели.

Религия ацтеков

Религиозные воззрения ацтеков были достаточно оригинальны и не совпадали с верованиями других племен.

Возникновение Вселенной. Согласно ацтекским мифам, Вселенная была создана *Тескатлипокой* (Дымящееся Зеркало) — богом-творцом, божеством ночи, звездного неба, покровителем жрецов и *Кецалькоатлем* (Пернатый Змей), тоже богом-творцом, создателем культуры, покровителем мудрецов, скульпторов и художников. Они сотворили мир из мифического чудовища *Тлальтекутли*, разорванного ими на две части (небо и землю). Вселенная прошла четыре этапа (или эры) развития. Первая эра («Четыре ягуара») продолжалась 4008 лет. В ней верховным божеством в образе Солнца был Тескатлипока. «Четыре ягуара» закончилась истреблением ягуарами племени гигантов, населявших тогда землю. Вторая эра («Четыре ветра») длилась 4010 лет. В ней Солнцем стал Кецалькоатль. В конце этой эры начались ураганы, уничтожившие все живое, а уцелевшие люди превратились в обезьян. Третьим Солнцем стал бог дождя *Тлалок*. Его эра («Четыре дождя») закончилась всемирным огненным дождем, пожаром. В четвертой эре («Четыре воды») верховным божеством стала богиня пресных вод *Чальчиутликуэ* (Владычица в изумрудной или нефритовой одежде). Эта эра, занявшая 5042 года, завершилась потопом, а спасшиеся люди превратились в рыб. Современная, пятая эра («Четыре землетрясения») с верховным божеством *Тонатлиу* — богом Солнца — должна закончиться страшными катаклизмами. Зловещее пророчество, не правда ли?

Строение Вселенной. По представлениям ацтеков Вселенная в горизонтальном направлении разделена на четыре части света и центр. В центре владычествует бог огня *Шиутекутли* (Уеуете-отль). На востоке — бог воды, дождей и грозы *Тлалок* и бог охоты, туч и звезд *Мишкоатл*. Восток считался страной изобилия — здесь обитали прославленные воины, погибшие в бою или принесенные в жертву. Владыками юга, области зла, были бог весны и сева *Шине-Тотек* и бог весенней растительности и веселья *Макульшоочитл*. Запад имел благоприятное значение, так как являлся домом планеты Венера, где богом был Кецалькоатль в одной из своих ипостасей. Тут находили себе пристанище женщины, умершие во время родов, т. е. пожертвовавшие собой, вынашивая будущих воинов. На севере господствовал бог смерти *Миктлантекутли* — владыка подземного мира, или преисподней.

Вертикально мир делился на 13 небес (в каждом из которых обитал определенный бог; чем значительнее и могущественнее он был, тем выше обитал) и 9 преисподних (в них не было ничего радостного). В подземный мир (*Миктлан*) попадали все остальные умершие. Но достичь его было не так просто. Путь длился 4 дня (4 являлось священным числом у ацтеков). На пути умерших подстерегали тысячи опасностей: горы, грозившие раздавить путника; змеи и гигантские крокодилы; безводные пустыни; вихревой ветер, метавший обсидиановые ножи... Последний этап мучительного пути через широкую реку совершался на спине маленькой красной собаки (поэтому собаку иногда клали в могилу покойника). Миктлантекутли получал от покойного дары и в зависимости от ценности подношения определял, в какой преисподней должен обитать умерший.

Пантеон богов. В ацтекском пантеоне насчитывалось более тысячи богов. Среди них исследователи выделяют несколько групп божеств. К самой древней относятся боги стихий и плодородия: *Тлалок*, *Гласотльте-отл* — богиня земли, плодородия, очистительница от грехов; *Коатликуэ* (Владычица в одежде из змей) и некоторые другие. В следующую входят три самых почитаемых, главных бога: *Уицилопочтли* — бог Солнца, неба, войны и охоты, Тескатлипока и Кецалькоатль. Еще одна группа включает богов звезд и планет: Тонатиу — бога Солнца, *Мецтли* — бога Луны, *Мишкоатля* — бога туч и звезд и др. Следующая объединяет богов смерти и преисподней — Миктлантекутли, его супругу *Миктлансиуатль* и др. Особую группу составляют божества опьяняющего напитка октли, изготавливаемого из агавы, — четырехсотгрудая богиня *Майяуэл*, ее супруг — бог трав и лекарств *Патекатль* и др. И наконец, к последней группе принято относить богов-творцов — *Тлоке Науаке*, *Ометекутли* с супругой *Омесиуатль*, *Тонкатекутли* и его супругу *Тонакасиуатль*.

Особое место в ацтекском пантеоне занимает бог — покровитель торговцев *Иакатекупти* (Владыка, указывающий путь). Верховным божеством ацтекского пантеона было непостижимое божество Тлоке Науаке (Тот, кто содержит все в себе). Большинство богов имели антропоморфный (человекообразный) облик, за исключением нескольких со звериными и змеевидными чертами.

Имелось множество менее значительных богов, причем каждой семье покровительствовали свои домашние божества *тепитотоны*, или маленькие боги. Важное место занимали культы животных — ягуара, пумы и др.

Ритуальные развлечения. Наряду с жестокими и кровавыми (в нашем понимании) обрядами у ацтеков были такие, которые не только имели религиозное значение, но и служили забавой и развлечением, особенно для их участников.

Для одного из таких развлечений-ритуалов устанавливался высокий столб, на вершине которого укреплялась подвижная площадка. Вокруг нее были навиты канаты. К их концам привязывались за ноги игроки, одетые богами или птицами, в которых, по поверью, эти боги могли превращаться. Игроки бесстрашно соскакивали с площадки, при этом канаты, разматываясь, вращали площадку. Создавалось впечатление, что описывающие круги люди летят по воздуху. С каждым оборотом люди-птицы приближались к земле, причем они меняли положение тела и двигали крыльями, представляя поднимающихся и снижающихся парящих птиц. Это парение в воздухе создавало красочное и эффектное зрелище. Кое-где это представление можно увидеть в Мексике и сейчас. Оно называется воладор.

Жертвоприношения. Практика человеческих жертвоприношений впервые у ацтеков была официально узаконена императором Утскоатлем в 1428 г. Утскоатль и его племянник Тлакаэзель, бывший советником императора, отождествляя бога войны Уицилопочтли с Солнцем, обязали ацтеков периодически питать это главное небесное светило (и главного бога ацтекского пантеона) свежей человеческой кровью, чтобы у него всегда были в избытке живительные силы.

Характер жертвоприношений у ацтеков менялся в зависимости от того, какому богу они предназначались. Для бога войны у жертвы вырывали сердце, богине запретной любви Тласолтеотль в жертву приносились только проститутки, богу дождя Тлалоку — утопленные дети.

Особой формой жертвоприношений было подобие гладиаторских боев, проводившихся в честь бога Хипе. В них участвовали воины, которые были захвачены в плен. Они выходили на ристалище почти обнаженными с деревянными копьями против орла и ягуара. Как правило, такие поединки заканчивались поражением людей. Если же они в

ходе схватки проявляли смелость и оказывали упорное сопротивление, то пленившему их ацтеку жрецы преподносили дорогие подарки, а пленнику даровали свободу. Ацтеки довольно необычно отмечали праздник Токстатль в честь бога богов Тескатлипоки. По их мнению, этот бог был всевидящим, всезнающим и вечно молодым.

Знаменитый английский этнолог Д. Фрэзер на основании свидетельств первых испанских хронистов Нового Света в XV в. так описывает этот ритуал: «Великий бог умирал на этом празднике в лице своего представителя и возрождался к жизни в лице другого человека, которому на следующий год выпадала роковая честь разыгрывать роль бога, чтобы по истечении этого срока, подобно своим предшественникам, умереть насильственной смертью. На почетную должность человекобога из числа пленников выбирали самого красивого юношу. Тело юноши не должно было иметь ни малейшего изъяна; требовался не высокого, но и не низкого роста, стройный, как тростник, юноша с прекрасной осанкой... За 20 дней до смерти человекобога переодевали в новое платье и давали ему в жены четырех благовоспитанных девиц, названных в честь богинь: богиня Цветов, богиня Молодого маиса, богиня Нашей матери в водах и богиня Соли. В течение последних пяти дней божеские почести сыпались на будущую жертву как из рога изобилия. Царь оставался в своем дворце в одиночестве: ведь весь его двор ухаживал в это время за человекобогом. Пышные пиры и танцы, устраиваемые в установленных местах, сменяли друг друга.

В последний день жизни юноша в сопровождении своих жен и пажей вступал на борт покрытого царским балдахинном каноэ и отплывал туда, где над гладью озера возвышался небольшой холмообразный островок. Он назывался Холмом Разлуки, ибо здесь жены человекобога прощались с ним. В сопровождении одних только пажей он отправлялся в небольшой храм, одиноко стоявший у обочины дороги. Храм этот, как и все мексиканские храмы, был пирамидальной формы. Поднимаясь по храмовой лестнице, юноша на каждой ступеньке ломал одну из флейт, на которой он играл в дни своей славы. На вершине пирамиды его ожидали жрецы. Схватив юношу, они распластывали его на каменной плите. Один из них, вспоров юноше грудь, погружал в рану руку и вырывал его сердце, которое приносилось в жертву Солнцу»¹.

Как ацтеки провожали своих мертвых. У ацтеков сложились своеобразные представления о загробном мире. Они были убеждены, что Солнце живет на Востоке в своем доме, из которого выходит по утрам в сопровождении погибших в боях воинов и принесенных в жертву людей. Эта свита сопровождает Солнце до зенита, а дальше за

¹ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 550—552.

ним следуют женщины, скончавшиеся во время родов, которых соплеменники приравнивали к воинам, павшим в сражении. В ночное время Солнце заглядывало ненадолго в царство мертвых (Миктлан), где находились только те усопшие, которых не позвал с собой ни один бог.

Особым почетом в загробном мире пользовались утопленники, люди, скончавшиеся от удара молнии или от таких болезней, как водянка и лепра (проказа). Они сразу попадали на небо, где постоянно находился бог дождя Тлалок.

Церемония похорон у ацтеков походила на погребальные обряды других народов Мезоамерики. Она проходила под руководством нескольких старейших жрецов. Один из них украшал покойника различными священными фигурами, вырезанными из ткани, и окроплял его «очистительной» водой, приговаривая: «Это та самая вода, которую ты получил, придя в мир». Затем наполненный до краев кувшин с водой помещался между ног усопшего. Это действие сопровождалось словами: «Он тебе послужит в твоей дальнейшей дороге». Священные фигуры должны были помочь умершему пройти между двумя горами, которые непрестанно ищут возможность сблизиться и столкнуться друг с другом. Горное ущелье охраняет огромный змей. Магические фигурки должны его успокоить и показать место, где находится огромный кайман по имени Хочитональ. Только в его власти было защитить и указать трудную дорогу, пересекающую восемь пустынь. На пути в царство мертвых встречались и огромный острый нож из вулканического стекла — обсидиана, и другие препятствия, но с помощью Хочитоналя они все могли быть преодолены.

Если умирала женщина, то ее соплеменники заботились прежде всего о том, чтобы она не замерзла во время длинного пути. Ее одевали в самую теплую одежду и, кроме того, вместе с ней хоронили небольшую собаку рыжей масти, которая должна была помочь усопшей пересечь глубокую реку Чиукнаупан.

Смерть императора и его похороны обставлялись с особой торжественностью. Вместе с ним «отправлялись в дом Солнца» и его жены, и слуги, и множество пленников. Правителя хоронили в храме Уицилопочтли около алтаря, перед статуей бога.

В 1483 г. император Тисок Кальчиутлатонак (Продырявленный Изумрудами) решил перестроить теокали, посвященный Уицилопочтли. Идея сделать храм выше и величественнее потребовала огромных материальных затрат и труда великого множества людей. Не только взрослые, но и дети работали на строительстве. В 70—80-е гг. XV в. ацтеки одержали ряд блестящих военных побед. Пленные, как правило, становились рабами и использовались на реконструкции теокали.

Наконец наступил день торжественного открытия, 19 февраля 1487 г. Были приглашены вожди всех племен, входивших в империю. Каждый из

них привез с собой немало подданных для жертвоприношения. Все имевшиеся в Теночитлане 300 теокали были празднично украшены. Везде были приготовлены жертвенные камни и ожидали своей участи жертвы.

Пример подал император Ауисотль, сменивший Тисока в 1486 г. Ему была оказана большая честь — вырвать сердце первой жертвы и вручить его главному жрецу. В тот же момент во всех храмах города началась кровавая вакханалия, продолжавшаяся с утра и до позднего вечера. Три последующих дня праздника были столь же кровавыми.

Исследователи называют разные цифры принесенных в жертву на открытии теокали: от 4000 до 80 600 человек.

Из пяти ритуалов жертвоприношения, принятых у ацтеков, наиболее распространенный предусматривал следующую очередность действий: у жертвы вырывается сердце, и верховный жрец (*топильтсин*) кладет его к ногам идола, олицетворяющего бога, в честь которого совершается жертвоприношение; другие пять жрецов (*чачальмеки*), участвующие в церемонии, собирают в большие стаканы кровь, которой топильтсин обмазывает рот идола; затем верховный жрец ногами сбрасывает труп со ступеней храма; если в жертву приносился раб, то его тело подбирал хозяин, а если военнопленный, то его тело забирал тот, кто захватил его в плен. После этого и хозяин, и воин должны были съесть несколько кусков мяса жертвы, что почиталось за большую честь.

Праздники

Век у ацтеков продолжался 52 года. Последний день каждого века был самым главным праздником, ибо в этот день они ожидали возможную гибель Пятого Солнца, а следовательно, и исчезновение всего живого на Земле.

Мифы так говорят об этом, одновременно объясняя смысл принесения богам кровавых жертв: «Вначале Пятое Солнце не двигалось. Тогда боги сказали: «Как же будем жить? Солнце не двигается!»». И, чтобы придать ему силы, боги пожертвовали собой и предложили ему свою кровь. Один из богов, Нануатцин, бросился в огонь, чтобы превратиться в Солнце. Вскоре подул ветер, и, «двинувшись, Солнце продолжило свой путь».

Кецалькоатль

Особое место в пантеоне мексиканских богов занимает Кецалькоатль. Интересно то, что это была первая в Мезоамерике личность, олицетворявшая бога. У него были и другие имена — Гукуматс, Кукулькан; индейцы чоротега (Никарагуа) называли его Тамахестад, а майя — Итсамна. В кодексах он обычно изображался змеем, покрытым зелеными перьями. Именно такое значение имеет имя Кецалькоатль — змей, покрытый перьями кетцалья (священной птицы древних майя и ацтеков).

Согласно мифам и легендам, это самый мудрый из богов, символ божественной мудрости. У ацтеков, «унаследовавших» этого бога от более древней мексиканской цивилизации тольтеков, Кецалькоатль почитался как бог ветра и воздуха. Однако с этим именем и тольтеки, и ацтеки, и многие другие племена, обитавшие на территории Мексики и Центральной Америки, связывали все достижения своей культуры — календарь, искусство, ремесла, выращивание кукурузы. Все это, по мнению мексиканских индейцев, пришло на их землю благодаря Кецалькоатлю. Ему никогда не приносились человеческие жертвы — только цветы и бабочки.

Одна из легенд гласит, что в X в. на берегах р. Пануко (Центральная Мексика) появились белые бородатые люди в длиннополых одеждах. Доброжелательно настроенные пришельцы были хорошо встречены местным населением. Они дошли до Тольяна, где и обосновались во главе со своим вождем Кецалькоатлем. Это был высокий белый человек с широким лбом, большими глазами и длинными черными волосами. Он был умен, справедлив и вежлив. Кецалькоатль научил людей обрабатывать металлы и землю, он убеждал в необходимости принятия новой религии, проповедуя любовь к ближнему, призывая к благим делам.

Многие тольтеки прониклись уважением к нему. Кецалькоатль стал очень популярен и прожил в Тольяне несколько лет. Однако местное жречество увидело в нем опасного конкурента и сделало все, чтобы избавиться от него. После того как был сожжен его дом и начались преследования, Кецалькоатль направился на Юкатан, где стал известен под именем Кукулькан.

Время появления белых бородатых людей во главе с Кецалькоатлем совпадает с высадкой викингов в Ньюфаундленде. Фантаст, наверняка, предположил бы, что в то же время они оказались и на берегу р. Пануко. Историк более осторожен в своих выводах: может быть, но нет документальных свидетельств. Правда, некоторые исследователи считают, что крест, появившийся задолго до испанского завоевания в ряде мексиканских храмов, доставлен туда Кецалькоатлем. К тому же легенда тольтеков совпадает с тем, как воспринимали Вотана (Кецалькоатля) ольмеки еще до новой эры.

Как бы то ни было, период «доброго белого нашествия» настолько прочно вошел в народную память, что, когда в Мексике появились испанские конкистадоры во главе с Э. Кортесом, аборигены приняли их за посланников Кецалькоатля, и это в известной мере способствовало успехам европейцев и быстрому завоеванию территории Мексики. Любопытно, что даже сам император ацтеков Моктесума II сказал: «Наш господин Кецалькоатль прибыл, ибо желал он снова прийти к нам, возвратиться и снова в землях наших жить и нами править»¹.

¹ *Портильо Х.Л.* Кецалькоатль. М., 1982. С. 166.

§ 4. Цивилизация чибча-муисков

Эта цивилизация сложилась на высокогорном плато Восточных Кордильер на территории современной Колумбии. Она распространила свое влияние на Панаму и часть Эквадора и в рейтинге великих цивилизаций Американского континента по праву занимает место после майя, инков и ацтеков.

Отсутствие письменности у чибча-муисков и крайне незначительное число другого рода исторических памятников весьма затрудняют реконструкцию исторического прошлого этого народа. В таком случае историки прибегают к анализу «коллективной памяти» — устного народного творчества (мифов, легенд, сказаний). Подобный анализ позволил предположительно установить время появления этой цивилизации — II в. н.э. Первый же бесспорно установленный исторический факт относится к 1470 г., когда «империю» возглавил Сагуанмачика. Он носил титул сипа — господин. Кроме того, некоторые племена называли своего предводителя саке — император.

Процесс складывания государственных образований у племен, обитавших на территории Колумбии, как и в Мексике, сопровождался многочисленными войнами. К моменту прихода испанцев во второй половине 30-х годов XVI в. наиболее сильными в военном отношении были «царства» Баката, или Богота, и Унса, или Тунха. Вооружение состояло главным образом из копий, палиц и пращей.

Чибча-муиски добились значительных успехов в различных областях хозяйственной деятельности. На полях и террасах горных склонов с помощью искусственного орошения они выращивали кукурузу, юку, картофель, бобовые, киноа, культивировали хлопок и были умелыми ткачами. Чибча-муиски добывали золото, серебро и изумруды.

У них была достаточно развита торговля, причем практически только у чибча-муисков имелось подобие денег, роль которых выполняли специально изготовленные для этой цели золотые диски. Среди наиболее ходовых товаров были изумруды и соль.

Складывавшиеся на территории Колумбии государственные образования были деспотиями. Правитель обладал абсолютной властью, считавшейся священной. Власть была наследственной. Новым правителем становился старший сын сестры усопшего вождя, если же такая родственная ветвь отсутствовала, то все полномочия переходили к его брату.

Церемониал «престолонаследия» вождя племени, обитавшего в районе озера Гуатавита, стал одним из самых увлекательных мифов мировой истории, повлекшим за собой в Европе почти трехвековую золотую лихорадку. Согласно легенде, этот касик ежегодно отмечал

свое провозглашение вождем, покрывая тело золотым порошком. Отсюда произошло название «Эльдорадо» (позолоченный). Молва индейцев об Эльдорадо (позолоченном) постепенно переросла в убежденность европейцев в существовании страны Эльдорадо, на поиски которой, как мы увидим в дальнейших разделах, они потратили много сил, средств и времени.

Культура

Культура чибча-муисков не оставила потомкам монументальных скульптурных изображений, как, например, мексиканские цивилизации. Лишенная масштабности, она отличалась тщательностью и пластичностью поделок из золота, которые в большом количестве сохранились до нашего времени. Оригинальны и выразительны керамические изделия, прежде всего сосуды-скульптуры, дающие обильную информацию о людях той эпохи.

Чибча-муиски многого добились в обработке камня. В 1976 г. был открыт монументальный памятник «Буритака 200», или «Потерянный город», где камень был главным строительным материалом. Из него строились жилища, лестницы и мосты, им покрывались дороги. Камень широко использовался и в ритуальных целях при сооружении жертвенников и святилищ. Из поделочных камней, сердолика, жадеита и кварца, чибча-муиски изготавливали великолепные кольца.

Социальная структура

Социальная структура этого общества, на вершине пирамиды которого находились сипа и саке, включала прослойку знати, представленную касиками второй руки и их родственниками. Затем по значимости шли усакас (советники касиков), жрецы, люди военного промысла, осуществлявшие завоевания, и, наконец, те, кто сеял, убирал урожай, добывал золото, серебро и изумруды, занимался строительством и торговлей. Рабский труд использовался незначительно. В качестве невольников фигурировали только военнопленные.

История чибча-муисков по степени ее разработки и объему публикаций значительно уступает историографии майя, ацтеков или инков. Среди отечественных исследований следует указать прежде всего работы С.А. Созиной, среди зарубежных — колумбийского историка Ф. Посаду.

Религия чибча-муисков

Цивилизация чибча-муисков существовала примерно со II в. до ее завоевания испанцами в конце 30-х годов XVI в. Чибча называли себя *муисками* («людьми»).

Пантеон богов у чибча-муисков не столь велик, как у майя и ацтеков. Прежде всего они поклонялись богу Чиминигауа, запустившему однажды огромное количество птиц с большими крыльями, которые, облетев весь мир, повсюду выпускали из клювов лучи света. Так земля обрела рассвет.

Согласно мифам и легендам чибча-муисков, Чиминигауа не был ревнивым богом и позволял другим богам всегда и во всем проявлять свою волю, не обращая внимания на него, общепризнанного в этих широтах Творца.

Чибча-муиски поклонялись многим богам: богине земли и плодородия *Бачуэ* (Выступающие Груды); ее божественному супругу, покровителю ювелиров *Чибча-чуму* (Чибчочу-му); богу веселья и вина *Ненкатакоа*, принимавшему в жертву только *чичу* (опьяняющий напиток); грозным и жестоким богам войны — *Гигваэ* и *Чибча-Фруимэ*, чья ненасытная утроба требовала голов военнопленных; богам торговли, ткачей, художников по раскраске плащей. Очень популярен был покровитель бегунов — легконогий бог *Чакен* (Бегущий).

Священный бег. Муиски верили, что одним из развлечений могущественных богов был священный бег. Индейцы считали, что в беге человек, набираясь мужества и силы, уподобляется птицам, ближайшим помощникам богов. Именно поэтому муиски обучали искусству бега своих детей с раннего возраста. Священный бег устраивался на всех празднествах — в честь постройки нового дома правителя, хорошего урожая или во время поклонения озерам.

Индейцы-муиски имели обычай устраивать в честь великих богов состязания девушек в беге вокруг священного озера Гуатавита. Посмотреть на соревнующихся приходили жители всех окрестных поселений. Холмистые берега большого озера становились своеобразными трибунами природного «стадиона». Толпы празднично одетых индейцев наблюдали за стремительным бегом обнаженных девушек, неистовыми криками поддерживая своих избранниц. А бежали они так легко и стремительно, что со стороны казалось, будто они парят над землей. Борьба нередко была такой ожесточенной, что участницы падали замертво — ведь они должны были пробежать на пределе своих сил примерно 22 км... Победительницу, распростершуюся у ног правителя, поднимал сам император и, прикрыв наготу бегунии шестью великолепными плащами, возлагал на ее голову золотую «корону», напоминающую полумесяц с высоко поднятыми краями. Победительница получала право носить свои плащи таким образом, чтобы их края «подметали» за ней землю. И все расступались перед ней, потому что эти девушки считались отмеченными божьей благодатью. Недаром, по

обычаю, такая девушка становилась одной из многочисленных служительниц в главном храме бога Солнца.

Кормление солнца. Бог Солнца Суэ и его супруга — богиня Луны Чиа — особо почитались у муисков. Солнце полагалось кормить человеческой плотью и кровью — иначе мог наступить конец света, и живое исчезло бы с лица земли. Как известно, столицу муисков окружала четырехугольная деревянная ограда. В каждом из ее четырех углов возвышались ярко-красные столбы — «красные руки Солнца», завершавшиеся деревянными клетками — «сиденьями Солнца». В них помещались красивые и родовитые пленники, которые отдавали по капле свою кровь владыке вселенной Суэ. Считалось, что эта кровь угодна и приятна великому Солнцу, и люди поэтому радовались от всей души.

И все же лучшими, самыми угодными Солнцу жертвами считались мальчики, которых покупали далеко на востоке у чужих племен. Называли этих мальчиков *гуеса* — «бездомные». Энергичные торговцы живым товаром покупали 6—7-летних мальчиков и обращались с ними с таким почтением, что всюду переносили их исключительно на своих плечах, не разрешая касаться земли. Гуеса стоили очень дорого. Только правители могущественных и богатых племен могли позволить себе приобрести гуеса для того, чтобы испросить у Солнца благоденствие и достаток своему народу. И лишь самые богатые правители покупали сразу двух или даже трех «солнечных мальчиков».

Гуеса жили, окруженные вниманием и поклонением, в специально построенных для них храмах. Считалось, что только гуеса умели беседовать с Солнцем и передавать ему просьбы жрецов, моливших о благе людей.

К своей пятнадцатой весне гуеса достигал того возраста, когда бог Солнца Суэ призывал его к себе, дабы, испив невинной крови, восстановить свою беспредельную силу и могущество. Для всех индейцев наступал великий праздник: «солнечный мальчик» уходил к самому Суэ.

Тело юноши умащивали благовониями и маслами, надевали на него самые богатые одежды. Длинная вереница жрецов, подняв «солнечного мальчика» на руках высоко над головами, торжественно и степенно несла его в последний путь к священному холму. Ничто не должно было мешать восхождению божественного посланника на небо — к Солнцу, поэтому для церемонии выбирали ясный, солнечный день, когда на небе не было ни облачка. Гуеса усаживали на расстеленный на восточном склоне холма роскошный плащ. Точно в час восхода солнца раздавались протяжно-грустные звуки флейт, и одетые в черное жрецы рассекали грудь жертвы, извлекая из нее сердце. Его спешно помещали в священный сосуд, окропляя кровью сердца склоны холма. Тело юноши хоронили с великими почестями либо оставля-

ли непогребенным на вершине холма. Если через несколько дней жрецы не находили останков гуеса, они приходили в восторг, считая, что бог Солнца остался доволен своей жертвой, а значит, людям по-прежнему будут обеспечены свет, тепло и достаток.

Обожествление вождей. Чибча-муиски поклонялись не только богам, обожествляли они и своих вождей, которым приписывали сверхъестественное происхождение. Например, после того как самый знатный чибча-муиск провозглашался императором (сипа), никто из подданных не имел права смотреть ему в глаза. Если было необходимо что-либо преподнести правителю, надлежало стать на колени, а обращаться к нему следовало, только повернувшись спиной. Самым большим наказанием у этих племен считалось стать лицом к лицу с императором, чтобы сипа пронзил виновника своим сокрушающим взглядом. На провинившегося это ложилось страшным пятном позора на всю оставшуюся жизнь. Смерть императора повергала всех в траур. Покойника бальзамировали и укладывали в гроб из пальмового ствола, обитого листовым золотом. Вместе с ним обязательно «уходили» из жизни и несколько его жен и прислуживавшие ему рабы.

Жрецы. Еще более загадочна личность Верховного жреца. Он избирался на совете всех жрецов из числа представителей двух наиболее знатных семей. После выборов он получал титул *Сугамукси* (Тот, кто превращается в невидимку) и уединялся в своем жилище. Муисское жречество считалось святым и непорочным. Сан жреца переходил по материнской линии от дяди к племяннику, сыну его старшей сестры. Высшие жрецы молились за целые племена и народы. Каждая община выделяла лучшие земли, чтобы кормить жреца, женскую прислугу и всех его помощников.

Будущих жрецов готовили особо. С детства они жили при храмах в строгом уединении, вдали от людей, не зная мирских забот. Питались они одной лишь кукурузной кашей без соли. Старые жрецы наставляли их в проведении обрядов и церемоний, толкований верований, учили времяисчислению, врачеванию, беседам с богами и многому другому. Достигнув 16 лет, юноши подвергались церемонии прокалывания носа и ушей для золотых украшений. Затем сам правитель посвящал их в жрецы.

Они были обречены на безбрачие, иначе лишались своего высокого сана. Индейцы полагали, что святой человек, служитель бога, не должен предаваться чувственной любви. Обычно жрецы говорили мало и редко, часто постились, подвергая себя и свое тело истязаниям, теряя при этом много крови. Сон их был краток, так как большую часть ночи они проводили за жеванием листьев коки. Растение оказы-

вало наркотическое воздействие и, с точки зрения жрецов, благоприятствовало беседам с богами.

Загробная жизнь. Чибча-муиски верили в загробную жизнь. Согласно их представлениям, в центре земли находилась Страна Теней и дух каждого усопшего витал в ней легкой тенью. Добраться туда удавалось, только переплыв широкую реку на суденышке, сплетенном из паутины. Поэтому паук почитался священным в стране чибча-муисков.

Способы захоронения и погребальные церемонии отличались большим разнообразием. В некоторых местах извлекали внутренности покойника и наполняли тело драгоценностями, в других выставляли усопшего на ветер, чтобы со временем мумифицировать его, или сушили на огне с той же целью, а иногда бросали в воду.

Бедных хоронили в общих могилах. Как правило, их оставляли сидящими и держащими друг друга за руки. Особым уважением пользовались погребения тех, кто погиб в бою. Специальным крестом отмечались могилы скончавшихся от укуса змеи. Крест, видимо, предупреждал: «Осторожно, яд!» В могилу клали продукты, необходимые для продолжительных загробных странствий, и фигурки тех богов, которых усопший больше всех иных почитал при жизни.

Времяисчисление. Чибча-муиски делили время исходя из положений Луны. Одни исследователи полагают, что это были отрезки по 10 дней, другие — что по 4 дня. Первая часть месяца — полнолуние — предназначалась для религиозных целей, период сокращения лунного диска — для работы, а последующие фазы Луны — для отдыха и развлечений.

Поклонение лесу. Чибча-муиски поклонялись лесу и считали за большой грех нанесение ему какого-либо вреда. Это обожествление природы стало своеобразной формой верования: индейцы утверждали, что, проходя мимо скалы, дерева или цветка, они чувствуют их боль, внутренний трепет и тягу к человеку. Тогда чибча-муиски становились на колени и долго вслушивались в эти ощущения, а место, где случилось подобное, становилось священным.

Легендарный Бочика Посланником Чиминигауа на земле у чибча-муисков был *Бочика*, одна из самых загадочных и легендарных фигур в индейской мифологии. Подобно Кецалькоатлю у тольтеков, Великому Маниту у краснокожих североамериканских индейцев, Виракоче у инков, Бочика тоже неожиданно появился с Востока, он также был бородат и выполнял ту же миссию: обучал чибча-муисков искусствам, ремеслам, земледелию.

Мифы и легенды, повествующие о делах и подвигах Бочики, напоминают сказания о Кецалькоатле и тем, что оба они предстают перед людьми то богами, то жрецами, то правителями, то мудрыми наставниками. Видимо, поэтому у Бочики много имен: Ненкетеба, Нентереке-теба, Суэ, Чимисапагуа, Садигуа, Сугунсуа, Сугумонсе.

Он пришел к чибча-муискам в самый трудный для них момент. Легенда гласит, что богиня Бачуэ вышла из вод озера Игуака вместе с трехгодовалым мальчиком. Как только этот мальчик стал совершеннолетним, они с Бачуэ поженились, однако их потомство отказалось верить в богов. Это разгневало бога Чибчакума, посланного небом для поддержки чибча-муисков, и он устроил великое наводнение. Многие утонули, а те, кому удалось спастись на вершинах самых высоких гор, молили богов о пощаде и прощении. Тогда-то и появился на земле чибча-муисков Бочика. Он предстал перед уцелевшими людьми верхом на радуге, с золотым жезлом в руках. По мановению его руки раскрылась горловина водопада Текендама, и с высоты 130 м воды из долины Боготы ринулись в р. Магдалена.

Потом он вступил в схватку с мстительным Чибчакумом, победил его и заставил держать на своих плечах землю, которая раньше покоилась на деревьях гуайяко. Чибчакум довольно успешно занимается этим до сих пор, и только когда он от усталости меняет положение, происходят землетрясения. А Бочика? Как неожиданно он появился, так неожиданно и исчез...

Чибча-муиски с тех дней в память о великом наводнении стали обожествлять стоячую (непроточную) воду.

Сказание о потопе За границами империи инков, на территории современного Чили, издревле проживали племена арауканов. Сами себя они называли *мануче* («люди земли»), может быть, потому, что земля была их главной кормилицей, а сельскохозяйственные работы — основным занятием. Арауканы не создали городов-государств, подобно майя, или империй, подобно инкам и ацтекам. Однако они оставили множество мифов и легенд. Эта «коллективная память народа» сохранила своеобразное сказание о потопе.

Однажды очень скромный, бедный человек предупредил всех, что вскоре море затопит землю. Об этом же арауканам сказала змея Тэн Тэн, обитавшая в горах. Но им не поверили. Обитавшая в низинах змея Кай Кай, которая не любила Тэн Тэн, а вместе с нею и людей, заставила море выйти из берегов и затопить землю. Тэн Тэн увеличила высоту гор. Те, кому удалось забраться на них, остались живы, другие же, утонув, превратились в рыб, некоторые стали скалами, многие просто погибли от голода и палящего солнца. Согласно мифу, спас-

лись только две пары, а скорее всего одна, которая в арауканской мифологии называется *лытуче* («начало поколения людей»). Когда вода спала, «превращенные» рыбы породили женщин, начавших собирать ракушки, поэтому их дети унаследовали имена рыб, китов, морских львов. Сюжеты о потопах встречаются в мифологиях почти всех индейских племен доколумбовой Америки.

§ 5. Цивилизация инков

По соседству с чибча-муисками сложилась великая империя-государство инков. Она занимала территорию Перу, части Эквадора, Боливии, Колумбии, Аргентины и Чили, в общей сложности более 1 млн кв. км. Аборигены называли ее Тауантинсуйу, что на языке кечуа означает «четыре объединенные стороны света». Размеры империи подчеркивают справедливость столь глобальных притязаний. Достаточно сказать, что с Севера на Юг территория этого государства простиралась на 5 тыс. км.

В истории американских индейцев это было самое крупное государственное образование и фактически единственное, которое можно называть империей, не используя кавычки. Оно образовалось в XII—XIII вв. Его основное ядро складывалось вокруг города Куско, ставшего столицей. Военственное племя инков возглавило союз племен и в ходе последующих завоевательных кампаний к XV в. образовало Тауантинсуйу. Отсутствие необходимых источников не позволяет с точностью назвать численность его населения. У различных исследователей эта цифра колеблется от 6 до 40 млн человек.

Во главе государства находился Великий Инка, считавшийся живым воплощением Солнца. История сохранила имена целой династии инкских правителей (всего 14), основателем которой был инка Манко Капак. Великий Инка воплощал в себе Бога на Земле, и его власть была абсолютной.

Знать составляли «инки по крови» и «инки по привилегии». В эту группу входили вожди племен и предводители крупных общин. Эта часть общества была освобождена от налогов, бремя которых ложилось на остальное население.

Социально-экономические отношения	Социально-экономической основой государственной системы инков являлась община — айлью, возникшая еще в доинкский период и постепенно трансформировавшаяся из родственной в соседскую. Ее характерной чертой был коллективный труд — айне. По мере роста территории государства, в целях регламентации различного
--	--

рода отношений между людьми и совершенствования системы фискальных поборов, появилось внутриобщинное дробление на десятки, сотни и тысячи семей — «чунка», «пачака», «уранка». Десять тысяч семей составляли «ум». Во главе этих образований находились государственные чиновники, которые решали указанные выше вопросы.

Сельское хозяйство занимало ведущее место в экономике инков. Широко использовались искусственное орошение и гуано (птичий помет) в качестве удобрения. Среди древних цивилизаций Америки только у инков существовало животноводство: разведение ламы и альпаки. В экономике важная роль отводилась покоренным племенам, обитавшим на периферии империи. С них в виде налогов взималась большая часть урожая. Индейцы этих племен использовались на строительстве дорог и крепостей, в качестве рабов знати, они шли на заклятие при жертвоприношениях.

Территории, обрабатываемые жителями одной айлью, делились на несколько частей: «земля деревни», «земля инки», «земля Солнца». Кроме того, каждая семья имела свой собственный надел. Также существовали площади, предназначенные для удовлетворения потребностей всей общины. Общинники обрабатывали не только свои наделы, но и «поля инки» и «поля Солнца». Последние принадлежали жрецам, игравшим важную роль в государстве. Верховный жрец вел свою родословную от рода Великого Инки и делил с ним власть.

Значительного уровня развития достигли ремесла, добыча и обработка золота и серебра, строительство. Высоким искусством отличалось производство керамики и тканей.

Культура

Культура инков имела целый ряд специфических черт, обусловленных отсутствием письменности. Весьма оригинальным было «узелковое письмо» — кипу. Оно состояло из шнура и нитей-подвесок разных цветов и оттенков. Сочетания цветов и комбинации узелков на нитях позволяли использовать кипу для подсчета налогов, фиксации различного рода исторических событий, для передачи имен собственных и названий и даже отдельных фонетических элементов. Уникальное кипу было найдено в одном из перуанских храмов. Оно весило 6 кг. По подсчетам В.А. Кузьмищева, такой моток пряжи мог бы соединить Москву с Санкт-Петербургом, а по объему заложенной в него информации заменить многотомный статистический справочник.

Примечательно, что в Тауантинсуйу существовали школы для детей знати. Курс обучения продолжался 4 года. Первый год изучали кечуанский язык, второй — религию, третий и четвертый посвящались чтению и передаче информации с помощью кипу. Являясь наследника-

ми историко-культурных традиций более ранних перуанских цивилизаций (Чавин, Паракас, Наска, Мочика, Тиауанако), инки в значительной мере приумножили их достижения и оказали существенное влияние на формирование культур народов Южной Америки.

Религия инков

Культ солнца. Обожествление Солнца — явление, распространенное во многих уголках земного шара, но инки превосходили в этом все племена и народы, назвав себя «сыновьями Солнца». Изображение светила в виде золотого диска с человеческим лицом служило предметом официального культа. С именем Солнца связаны и две наиболее известные легенды об основании империи инков.

Когда-то из озера Титикака вышли супруги (они же — брат и сестра) *Манко Капак* и *Мама Окльо*. От своего отца Солнца они получили волшебный золотой жезл. Этот жезл должен был указать им, где следует основать город, которому впоследствии суждено превратиться в столицу великой державы. Долгими и трудными были их поиски. Жезл не реагировал ни на горы, ни на долины, но в один прекрасный день близ холма Унанкауре он вдруг ушел в землю. Так возникла столица империи инков — город Куско (что означает «пуп» или «сердце»), а Манко Капак воздвиг дворец Кельккампата, руины которого можно увидеть и сегодня.

По другой легенде, из пещеры, имевшей четыре окна, вышли четыре пары мужчин и женщин. Мужчины были братьями *Айар*. Все они решили идти за Солнцем. Трудности неведомого пути не пугали их, так же как и сражения с воинственными племенами, встреченными по дороге. Однако после очередной битвы уцелели лишь Айар Манко и его жена Мама Окльо; остальные или погибли, или превратились в камни. Эта единственная пара дошла до Куско и там основала империю.

Озеро Титикака непосредственно связано с рождением Солнца. Индейцы аймара, жившие с глубокой древности в окрестностях этого озера, верили в то, что бог-творец *Виракоча* (или *Тонапа*) появился на земле из храмов озера и создал Солнце и другие небесные светила. Виракоча — загадочный «белый» бог — высокий, сильный, одетый во все белое. Он решителен и всемогущ. Когда этот бог появился в Андах впервые, люди встретили его весьма враждебно и ему пришлось даже призвать с неба огонь и «зажечь гору» (отсюда, видимо, и происходит имя Виракоча — Лавовое озеро), чтобы его признали богом. Не случайно храм Виракочи находился у подножия потухшего вулкана, в долине Уилькамайо.

На территории огромной империи инков Солнце было известно под различными именами, самое распространенное и популярное из них — *Инти*. В некоторых районах империи Виракоча и Инти воспринимались как одно и то же божество.

Пантеон богов. Почитали инки бога огня Пачакамака, заново оживлявшего все, что было создано, а затем погибло по тем или иным причинам. Среди главных инкских богов выделяются Часка (Венера), Чукуилья (богиня молнии), Ильяна (бог грома), Пача-мама (богиня плодородия), Килья (богиня Луны, сестра и жена Солнца, покровительница замужних женщин) и Кон (бог шума). Некоторые боги были трилики. Так, бог грома имел три ипостаси: «копье света» — молния, «луч света» — гром и Млечный Путь.

В инкской мифологии существовал и образ дьявола — олицетворение всего того, что презиралось инками. Дьявол (*Супай*) во всем старался противостоять богам и стремился причинить как можно больше вреда людям. И конечно, он мешал выполнять главные заветы, по которым жили инки: «ама суа» — «не воровать», «ама лью-лья» — «не лениться» и «ама келья» — «не лгать». Но что мог предпринять даже самый искушенный дьявол против такого великого бога, как Инти-Солнце!

Инки обожествляли зверей, птиц, растения, поклонялись некоторым пресмыкающимся и земноводным. В число священных животных входили лиса, медведь, пума, кондор, голубь, сокол, змея, жаба и др.

Верховный Инка (император) признавался потомком Солнца и посредником между божественным и человеческим мирами. Его считали бессмертным. И даже если Верховный Инка умирал, инки полагали, что он продолжает оказывать влияние на жизнь людей. Примечательно, что в состав императорской семьи помимо жен и детей официально входил и Верховный жрец (*Вильяк Уму*). Тем самым подчеркивалось божественное происхождение последнего.

Жречество. Подобно жрецам знаменитого Дельфийского оракула, жрецы крупнейших храмов инков играли огромную роль не только в хозяйственной, но и в политической жизни империи. Нередко именно они определяли следующего императора.

Жречество было многочисленным и делилось на несколько категорий. Особую составляли *алькас* — «девственницы Солнца», проживавшие в специальных храмах — *алькау-асисах*. Их набирали из клана Верховного Инки с девятилетнего возраста. Они становились хранительницами солнечного огня, и, кроме того, в их обязанности входили шитье одежды для Инки и его приближенных, приготовление пищи и напитков для императорской семьи в праздничные дни.

Представления о Вселенной. По верованиям инков, Вселенная — пача — была создана Верховным Творцом всего сущего из воды, земли и огня. Она состояла из трех миров: высшего мира (ханан пача), где обитали небесные боги; внутреннего мира (уку пача), где жили люди, животные и растения; и низшего мира (хурин пача) — царства умерших, живущих в загробном мире (преисподней), и тех, кто должен был родиться. Символическую связь между этими мирами осуществляли две гигантские змеи. В низшем мире они жили в воде. Выползая во внутренний мир, одна змея, двигаясь вертикально, принимала вид огромного дерева — от земли до неба, другая становилась рекой Укаяли. В высшем мире одна превращалась в радугу (Койче), другая становилась молнией (Ильяпу). Нижний мир, согласно некоторым мифам, считался одновременно и местом происхождения человека. Во многих мифах повествуется о том, что все люди вышли на свет из лона матери-земли Пачамамы, или Мамы Пачи (Госпожи мира), одного из главных женских божеств, — из озер, источников, пещер.

В отличие от других индейских религий и культур инки не имели концепции периодического обновления мира, хотя они и верили, что потоп, уничтожив одно поколение людей — диких людей, подготовил почву для появления другого поколения — воинов.

Религиозные праздники. В течение года инки отмечали несколько религиозных праздников. Самым торжественным был так называемый Инти Райми, когда с большим размахом чествовали своего самого важного бога — Солнце. В день праздника Инти Райми солнечные лучи собирались вогнутым зеркалом, и с его помощью зажигался священный огонь. Праздник завершался всеобщей обильной трапезой и виновозлияниями на протяжении нескольких (обычно восьми) дней. Вообще, в солнечные тона были окрашены все праздники инков.

В сентябре отмечался праздник урожая *Ситуа*, когда чествовали Луну и Койю — главную из многочисленных жен Верховного Инки. Это были дни своеобразного очищения. До блеска отмывались улицы и дома, толпы людей с идолами и мумиями предков собирались около храмов и умоляли богов избавить их от всех болезней, от всех напастей, причиненных землей, ветром, радугой. Они просили помочь не только им, но и растениям и ламам (основное хозяйственное животное инков). Этот праздник сопровождался шумным весельем, ведь именно крики собравшихся должны были напугать болезни и помочь богам изгнать их навсегда.

Религиозные представления и праздники инков находили отражение и в названии месяцев: Капак Рай-ми — праздник императора (декабрь); Койя Райми — праздник императрицы (сентябрь) и т. д. Очень

необычным, по крайней мере на современный взгляд, был *Айя Маркай Килья* — месяц извлечения из могил усопших (ноябрь). В эти дни останки умерших извлекались на поверхность. Их наряжали в лучшие одежды, черепа украшали перьями и вместе с предназначавшимися им едой и напитками выставляли в самых людных местах. Повсюду звучали песни, исполнялись ритуальные танцы, так как инки считали, что вместе с ними пляшут и поют их предки. Затем останки укладывали на специальные носилки и шествовали с ними из дома в дом по всем улицам и площадям города. В конце этих ритуальных торжеств, прежде чем снова предать мертвых земле, в погребения знатных усопших ставили золотые и серебряные блюда с пищей, а в могилы простого люда — посуду поскромнее.

Жертвы богам. Среди даров, приносимых предкам и богам, чаще всего встречались кукуруза, кукурузная мука, листья кустарника коки, морские свинки и ламы. Однако в дни празднования последнего месяца года и первого месяца нового года (декабрь), когда надо было особенно сердечно поблагодарить Инти (Солнце) за все, что он уже сделал для инков, и заслужить его благосклонность на будущее, инки не только приносили ему в дар золотые и серебряные украшения, но и прибегали к человеческим жертвоприношениям. Для этой цели ежегодно отбирались 500 девственных юношей и девушек, которых в кульминационный момент праздника погребали заживо.

Инки считали, что после смерти у каждого человека будет своя судьба: добродетельные окажутся вместе с Солнцем на небе, где их ждут изобилие и жизнь, практически не отличающаяся от земной. Грешники же попадут под землю, в преисподнюю, где голодно, холодно и нет ничего, кроме камней. А те молодые люди, которым выпала высокая честь принести себя в жертву Солнцу ради благополучия всех, естественно, принадлежат к самым добродетельным. Они, защитив своих соплеменников от всего злого, попадают прямо в царство Солнца.

Великое жертвоприношение. Ритуал *Капак Хуча* (Великое жертвоприношение) проводился раз в четыре года, а также во время тяжелых бедствий. По всей стране отыскивали детей обычно не старше десяти лет, без физических недостатков. Их могли посылать в Куско со всех уголков страны, если жители империи срочно нуждались в поддержке божественных сил. Выбор кандидата, несомненно, зависел и от положения родителей и родственников ребенка, ибо участие в ритуале Капак Хуча обеспечивало им уважение окружающих на несколько поколений вперед. Детей приносили в жертву в столице или в загородном дворце Великого Инки. Если Инка желал наградить отправителей жертвы, он возвращал ее домой, где и устраивалась церемония жертво-

приношения. Так правитель селения Окрос, расположенного близ Аяку-чо, отправил в Куско свою десятилетнюю дочь, посвященную богу Солнца. В награду за то, что ее отец организовал постройку важного оросительного канала, девочка была не только принята в Куско со всевозможными почестями, но и отослана назад — для жертвоприношения на родине. Недалеко от ее родного селения на вершине горы устроили шахтовую гробницу, в которой избранницу бога Солнца замуровали заживо вместе с сосудами и украшениями. В гробницу была опущена медная трубочка, через которую погребенную символически поили водой. Принесенная в жертву девочка превратилась в местное божество, в честь которого устраивались особые церемонии в начале и конце сельскохозяйственного сезона. Ее младшие братья и их потомки стали жрецами, а отец девочки получил повышение по службе...

Совсем недавно в пустынных горных районах на границе Аргентины и Чили были обнаружены необычные захоронения, связанные, видимо, с ритуалом Капак Хуча. В ледяной пещере на вершине горы Эль-Пломо (5430 м над уровнем моря) обнаружили замерзший труп сидящего мальчика 8—9 лет, а на пике Эль-Торо (более 6300 м) — юноши 15—18 лет. Рядом с мальчиком были найдены серебряные браслеты и нагрудные подвески, игрушечная лама из золота, серебряная кукла, сумочка из перьев и другие предметы. Мальчик, по оценке медиков, был помещен в могилу еще живым в состоянии наркотического транса или алкогольного опьянения. К вершине он поднимался сам, отморозив по дороге кончики пальцев. В прилегающих к Эль-Торо и Эль-Пломо долинах нет поселений. Ближайшая современная деревня расположена в 200 км, и весь окрестный район малопригоден для хозяйственной деятельности. По-видимому, совершавшиеся в горах церемонии жертвоприношений имели не местное, а чуть ли не «общемперское» значение. Превращенные в божества и вознесенные на высочайшие вершины жертвы, по представлениям инков, «осеняли своей благодатью» все южные провинции государства.

Культ предков. Культ предков был не менее важен для инков. С ним был связан обычай мумификации умершей знати. В скалах вырубали склепы, в которых погребали мумии в богатых одеждах с дорогими украшениями. Особенно был развит культ мумий правителей. Их мумии помещали в храмах и выносили для проведения торжественных шествий во время больших праздников. Имеются свидетельства, что из-за приписываемого им сверхъестественного могущества их даже брали в походы и выносили на поля сражений.

Храмы. Инки прославились красотой и величием своих храмов. Столица инков, город Куско, был одновременно главным религиозным центром империи. На площади Радости находился целый

комплекс святынь и храмов. Самым величественным среди них был Храм Солнца — Кориқанча. Стены его снизу доверху облицованы золотыми пластинами, но не только ради красоты. Золото у инков — символ Солнца, а серебро — символ Луны.

Чешский ученый М. Стингл так описывает этот храм: «Внутри храма находился алтарь с огромным изображением солнечного диска, от которого во всех направлениях исходили золотые лучи. Чтобы еще больше увеличить блеск этого божественного храма, в восточных и западных его стенах были сделаны большие ворота, через которые солнечные лучи проникали в святыню, отчего массивный золотой диск алтаря вспыхивал тысячами огней...

Помимо огромного изображения Солнца в национальной святыне Кориқанче почитались... мумии умерших правителей. Их помещали вдоль стен храма. Они сидели здесь точно так же, как некогда сидели на величественных тронах»¹.

Посвящение в воины

Праздник инков *Вараку* был связан с ритуалом посвящения достигших шестнадцатилетия юношей императорской крови в воины. Выдержавшие все испытания получали право участвовать в войне и занимать государственные посты. После шестидневного строжайшего поста, когда единственной пищей были горсть сырой кукурузы и кувшин воды в день, юношам предлагалось пройти ряд испытаний. Они демонстрировали владение оружием, несли патрульную службу, спали на голой земле, ходили босиком и т. д. Юношей жестоко избивали плетью из тростника, а они терпели, не подавая виду, что испытывают боль, иначе их с позором изгоняли из рядов испытуемых. Один из воспитателей, в совершенстве владевший страшной дубинкой макана, размахивал ею перед лицом будущих воинов, угрожая нанести им страшные увечья. Дрогнувшие, моргнувшие или как-то иначе проявившие испуг выбывали. Оставшихся проверяли на умение чинить оружие, обмундирование, обувь и т. п. Решающим экзаменом был бег на дистанцию 7 км.

Прошедшим все испытания вручали знак отличия, прокалывали уши, для того чтобы вставить серьги — большие круглые диски. Особо отличившимся это делал сам Великий Инка.

Загадка гигантских рисунков Наска

Одним из «чудес» доколумбовой Америки являются знаменитые гигантские рисунки, своеобразные «татуировки» на поверхности земли в пустыне Наска (Южное побережье Перу).

¹Стингл М. Государство инков. Слава и смерть «сыновей Солнца» М., 1986. С. 30.

Эти «татуировки» были открыты в 1939 г. американским историком Р. Косоком. С борта самолета на темно-красной поверхности мертвенно-пустынных плоскогорий Пампа-де-Наска он увидел желтовато-белые трапеции, треугольники и другие фигуры длиной в сотни и сотни метров. По пустыне Наска тянулись также бесчисленные, бесконечно длинные полосы, сходящиеся в определенных точках и затем вновь расходящиеся. Они напоминали взлетно-посадочные полосы. И между этими невероятными линиями были рассеяны гигантские рисунки животных: 120-метровая птица, 200-метровый ящер, гигантская обезьяна и т. д.

С появлением в печати фотографий этой сенсационной «находки века» началось нечто невообразимое. Кто только не брался разгадать тайну громадной «картинной галереи мира», как называли ее журналисты!

Известно, что многие индейцы древней Америки верили в существование мифических предков-животных. Возможно, замысловатые фигуры Наска изображали именно их. Значит, нельзя исключать, что в Наска древние жители создали... гигантский храм под открытым небом!

Некоторые религиозные обряды индейцев доколумбовой Америки были связаны с почитанием предков-покровителей. Облачаясь в костюм или шкуру почитаемого животного-предка, человек духовно соединялся с ним. Если посмотреть с этой точки зрения на рисунки Наска, становится понятным, почему в контуре каждого рисунка, изображающего животное, есть «окно». Оно служило «входом» в фигуру животного-божества, т. е. облегчало воплощение в того или иного предка-животного. Все изображения связаны особой системой линий и полос.

Древнеиндейский жрец или паломник появлялся в Пампа-де-Наска по главной, широкой полосе (дороге, ведущей к фигурам предков-животных). Затем он шел по одному из многочисленных узких ответвлений от основной дороги к фигуре того или иного животного-покровителя: обезьяне, кондору, пауку, игуане и т. д. Входя в фигуру животного, постоянно восхваляя своего духа-покровителя, он как бы перевоплощался в него. Пройдя всю фигуру от начала до конца, т. е. «воплотившись» на какое-то время в то или иное животное-предка, образно говоря, «побывав в его шкуре», человек набирался сил, мог получить совет и т. д. Затем по многочисленным линиям-ответвлениям можно было вернуться от божества назад, в реальный мир, — на главную широкую полосу, дорогу. Каждой фигуре соответствовал свой маршрут.

Но это только гипотеза. Окончательная расшифровка таинственных «татуировок» Наска еще впереди. Будущим поколениям исследователей, вооруженным более полными и точными знаниями, придется ответить еще на многие нелегкие вопросы, связанные с «картинной галереей» в Наска: каким образом могли создать эти рисунки с такой невероятной точностью люди, которые не умели летать и не видели с высоты своих творений; как они добились такой точности, что лучи заходящего солнца касались горизонта точно над линией длиной в несколько сот метров с максимальными отклонениями в... пять сантиметров; какими приборами при этом пользовались; кто руководил всей этой крупномасштабной «стройкой»?

Остров Пасхи

В государство инков входил и о. Пасхи, заселенный выходцами из Перу не позднее IV в. В XV в. на остров переселились несколько сот полинезийцев с Маркизских островов. Религия жителей острова таит в себе множество загадок, главная из которых — так называемые истуканы — более тысячи гигантских каменных изваяний высотой до 8 м. Некоторые из них весят около 20 т.

После экспедиции известного норвежского этнографа Т. Хейердала на о. Пасхи в 1956 г. некоторые тайны получили научное объяснение, но загадку истуканов разгадать, к сожалению, не удалось.

Через семь лет после экспедиции Хейердала на о. Пасхи прибыла археологическая группа Ф. Мазьера. Этой французской экспедиции удалось еще больше узнать о загадочной культуре и верованиях жителей острова.

Жена Мазьера, уроженка о. Таити, знала язык жителей о. Пасхи и вошла к ним в такое доверие, что островитяне открыли ей передававшиеся из поколения в поколение представления о мире, которые долгое время держались в строжайшей тайне. Некоторые из них позднее были опубликованы, но часть полученных сведений индейцы просили никому не сообщать.

Мазьера удивили рассказы островитян о Космосе и Солнечной системе. Неграмотные и практически изолированные от остального мира люди говорили о планетах Солнечной системы как о чем-то хорошо знакомом, и в частности утверждали, что Юпитер населен.

Собрав воедино данные этих бесед и своих раскопок, Мазьер пришел к выводу, что давным-давно (сложно установить, когда именно) на острове обитала доисторическая раса, которая обладала колоссальными знаниями о мире. Однако загадку истуканов не удалось разгадать и на этот раз...

Многовековая оторванность Нового Света от остального мира предопределила не только его уникальность и специфику, но и асинхронность исторического процесса в этом регионе по сравнению с Европой и Азией и, как следствие этого, несовпадение основных этапов исторической периодизации. Появление европейцев на Американском континенте в конце XV в. привело, по мнению ряда латиноамериканистов (Л. Сеа, В. Франк, А. Рейес), к тому, что в последующем Новый Свет стал своего рода отражением, тенью, эхом Европы. Делая акцент на этой несовпадаемости культурно-исторических схем развития Европы и Америки, мексиканский историк и культуролог А. Рейес отмечал, что в конце XV в. Новый Свет как бы попал в «чужую эпоху».

ЧАСТЬ II

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭПОХА

Глава I

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

§ 1. Европейская экспансия в конце XV — первой половине XVI в.

Десятки веков Американский континент был изолирован от всего мира двумя огромными океанами. Ни технические средства, ни уровень научных знаний не позволяли человеку бросить вызов водной стихии. Развитие мореплавания и науки в XV в. сделали возможным преодоление этого барьера. Земляне начали познавать свою планету, постепенно ликвидируя «белые пятна» на ее глобусе. Во второй половине XV в. больше других преуспели в этом испанцы и португальцы, осуществившие соответственно смелые морские путешествия в Америку и открывшие морской путь вокруг Африки.

В XV в. усиление могущества Османской империи, захватившей Аравийский полуостров и территорию Малой Азии, привело к тому, что традиционные связи европейских торговцев с Индией оказались парализованы. Это произошло на том отрезке времени, когда Европа переживала период подъема, когда развивались промышленность и торговля, складывались капиталистические отношения, когда эпоха Возрождения оплодотворяла не только искусство, но и все стороны жизни европейского общества.

Поиски новых путей в Индию стали главной задачей испанских и португальских мореходов. Первые искали его в западном направлении, пересекая Атлантику, вторые — в восточном, обогнув Африку. Фортуна улыбнулась Испании, вознеся на Олимп славы Христофора Колумба.

Христофор Колумб
(1451—1506)

Со страниц многочисленных биографий и научных исследований, написанных в разные века, он предстает перед нами то человеком, обласканным божественным озарением, то масштабно мыслящим ученым, то отчаянным авантюристом, то, наконец, простым

смертным, отправившимся с тремя каравеллами по неведомому маршруту. Известный кубинский историк Э. Роиг де Леучсенринг написал о нем: «Колумб не был ни избранником божьим, ни ученым, ни тем более вульгарным и завистливым искателем приключений. Это — практичный идеалист, упорный, целеустремленный человек, которого не оставляли и не разочаровали трудности. И в то же время это — человек везения. Страсть к приключениям и одновременно к почестям, власти и богатству служила импульсом Колумбу»¹.

Христофор Колумб родился в Генуе в конце октября 1451 г. в семье небогатого шерстобита. Неясным остается вопрос об его образовании. Одни исследователи полагают, что он обучался в университете г. Павия, другие считают его гениальным самоучкой. Зато достоверно известно, что его представления о вероятности западного пути в Индию складывались в 70—80-е годы XV в., когда он увлеченно занимался географией, изучал навигационные карты и, несмотря на тяжелое материальное положение, возлагал надежды на осуществление путешествия.

Большое влияние на Колумба оказали и опубликованные в XV в. труды, затрагивающие вопросы географии и морских путешествий. Среди них книги итальянского гуманиста и поэта Э.С. Пикколемини (бывшего с 1458 по 1464 г. римским папой Пием II), «Образ мира» П. де Айльи и путевые заметки Марко Поло. Множество заметок на полях книг и сделанных выписок говорит о стремлении Колумба переосмыслить устоявшиеся представления, исходя из личных наблюдений и приобретенных знаний.

В жизни мореплавателя огромная роль принадлежит трем странам: его родине Италии, Португалии, где он жил в 70—80-е годы, где встретил свою первую любовь и где возникла идея поисков западного пути в Индию, и, конечно же, Испании, под флагом которой он осуществил свои знаменитые путешествия.

Вызревавший много лет проект нуждался в средствах для его осуществления. И казалось, что недостатка в них не будет, так как европейская знать остро нуждалась в пряностях и благовониях Востока. Большим спросом в Европе пользовались поступавшие ранее оттуда красивые вещества, шелковые и хлопчатобумажные ткани, ковры, предметы роскоши. Особое значение имел в жизни европейцев ввозимый из Азии перец. В качестве средства платежа его использовали при покупке земель, при погашении долгов, нередко он фигурировал как приданое и мог служить ценным подарком для особ самого высо-

¹ Actas capitulares del Ayuntamiento de la Habana 1550—1565 La Habana, 1937 T I
№ 56

кого ранга. Поиск новых путей в Индию, откуда ранее поступала большая часть товаров, стал жизненной необходимостью для европейцев.

Однако одиссея Колумба по королевским дворам некоторых европейских стран в начале 80-х годов оказалась малоэффективной. Король Португалии Жуан усомнился в доводах мореплавателя, просившего корабли для путешествия по «морю мрака» (Атлантический океан) в западном направлении, чтобы достичь о. Сипанго (Япония). Тем не менее Жуан поручил «экспертам», епископу и двум космографам, проверить доводы Колумба. Вывод комиссии был удручающим: в основе проекта лежит чистая фантазия... Не увенчалась успехом и поездка брата Колумба, Бартоломе, с той же целью в Англию.

Испания также долгое время оставалась глуха к предложениям Колумба. Впрочем, и здесь не обошлось без придирчивого анализа. Вердикт мудрецов соответствовал духу времени. Они отвергли доводы Колумба о возможности достичь Индии, плывя в западном направлении, ссылаясь на Евангелие, а также на послания и сочинения Святого Августина, Святого Григория, Святого Амбросия и др. Географические доводы, по их мнению, также противоречили разуму: ведь «шарообразная форма Земли образовала бы перед ним (кораблем) как бы громадную гору, через которую он не смог бы переплыть даже при самом попутном ветре»¹.

Легко представить состояние Колумба: под угрозой оказались не только многолетние надежды, но и жизнь: при недремлющей инквизиции прослыть еретиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. И все-таки он продолжал верить в свою звезду.

Четыре плавания Колумба в Новый Свет Наступил счастливый для Испании 1492 год: кончилось восьмивековое господство мавров. В начале года Колумб получил аудиенцию у королевы Изабеллы. Она рассудила просто: если затея с плаванием окажется безрезультатной, то корона потеряет лишь затраченное на экспедицию, но если Колумб окажется прав...

3 августа 1492 г. три каравеллы («Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта») отправились в путь. По разным оценкам, экспедиция насчитывала от 90 до 120 человек. Плавание длилось более 2 месяцев.

12 октября 1492 г. экспедиция пристала к берегу небольшого острова, который местные жители называли Гуанахани (ныне о. Сан-Сальвадор, один из островов Багамского архипелага). Затем каравеллы Колумба подошли к берегам Кубы и Гаити. Мореплаватель был

¹ Дрэпер Дж. В. История умственного развития Европы. Киев — Петербург — Одесса, 1875. Т. II. С. 472.

уверен, что эти острова и есть настоящая Индия, из числа тех легендарных 7777 островов, которые Марко Поло отнес к восточной части Азиатского континента¹. Вторя Колумбу, жителей открытых им земель с тех пор стали называть индейцами.

Возвращение экспедиции было триумфальным. 15 марта 1493 г. ее встречал порт Палос. Расходы на осуществление путешествия составили, по оценкам современников, 1 млн 140 тыс. — 2 млн мараведи. Доходы же превзошли эту сумму примерно в 170 раз.

Состоялись еще три экспедиции: сентябрь 1493 — июнь 1496 г., май 1498 — октябрь 1500 г., май 1502 — ноябрь 1504 г. Были открыты Центральная Америка и северное побережье Южной Америки. Самой драматичной для адмирала (звание, которого был удостоен Колумб за свои открытия) оказалась третья экспедиция, из которой он возвратился в Испанию закованным в цепи. У Колумба оказалось слишком много врагов среди завистливой испанской знати, не простившей вчерашнему бедняку такого взлета.

20 мая 1506 г. Колумб произнес свои последние слова: «В твои руки, Господь, я вручаю мой дух». Он ушел, а человечество начало бесконечный спор о том, было ли открытие Америки открытием, а если да, то в чем его значение. Не исключено, что другие мореплаватели и до Колумба достигали берегов Америки. Одному из них время воздало должное. Благодаря исландским сагам стало известно имя викинга Лейфа Эриксона, который около 1000 г. подплыл к берегам Ньюфаундленда.

Однако ни плавание Эриксона, ни другие высадки на берегах Нового Света не были «замечены» историей, ни одно из них не стало открытием всемирного значения, не расширило интеллектуальные горизонты человека, не способствовало активному познанию многочисленных тайн Земли. К установлению между Восточным и Западным полушариями постоянных экономических, политических и культурных связей привели четыре путешествия Колумба. Это было своего рода взаимным открытием Европы и Америки. В конце XX в. знакомая всем со школьных лет фраза «Колумб открыл Америку» уступила место в учебниках более точному в научном отношении определению: благодаря плаваниям Х. Колумба произошла встреча цивилизаций Старого и Нового Света.

¹ В XIII — XIV вв. европейцы с названием «Индия» ассоциировали огромный регион, куда они причисляли, помимо собственно индийских земель, также Индокитай и южную часть Китая. Марко Поло считал Индокитай Малой Индией, Индостан — Великой Индией, а Эфиопию — Средней Индией.

Происхождение названия

«Америка»

Человек, в честь которого ныне называется Америка — Америго Веспуччи, родился в 1454 г. во Флоренции. Он принадлежал к одной из знатных семей города, глава которой был известным нотариусом. Америго получил хорошее образование. В 1492 г. он поселился в Севилье и поступил на службу к Х. Берарди, финансировавшему первые два путешествия Колумба. В 1505 г. Веспуччи принял испанское подданство. Атмосфера тех лет, всеобщий порыв в «Индии», конечно же, не мог не затронуть флорентийца, изучавшего в юности астрономию, географию, интересовавшегося мореплаванием. Он также посетил Новый Свет. До сих пор в мировой историографии дискутируется вопрос — когда и сколько раз он был в Америке. Утверждения самого Веспуччи о четырех путешествиях (в 1497, 1499, 1501 и 1503 гг.) подвергаются сомнению практически всеми серьезными исследователями. Документально подтверждено и не вызывает сомнения лишь второе плавание. Известность, а позже и славу А. Веспуччи принесли два его письма, написанные в 1503 и 1504 гг. и адресованные Пьеро Медичи и Пьетро Содерини. Их оригиналы утеряны, но сохранились копии. Первое письмо под названием «Mundus Novus» (Новый Свет) было опубликовано в 1504 г., второе (о четырех экспедициях Веспуччи) увидело свет в 1505 г. во Флоренции. С него было снято пять копий. В 1507 г. вариант этого письма на французском языке был переведен на латинский и опубликован немецким учителем М. Вальдзеемюллером в качестве приложения к книге «Введение в космографию», где Америго Веспуччи объявлялся первооткрывателем Южной Америки. Краткое же описание третьего путешествия Колумба, во время которого была открыта Южная Америка, появилось в публикации П. Мартира в 1508 г.

Широкое распространение в Европе писем Веспуччи привело к тому, что его имя стало ассоциироваться с Новым Светом и с легкой руки Вальдзеемюллера этот континент стал называться Америкой.

Вот два отрывка из «Введения в космографию», послуживших источником всеобщего заблуждения в наименовании территорий, открытых Колумбом. Немецкий географ писал: «В шестом климате (климатической зоне. — *Е.Л.*) по направлению к Южному полюсу расположены самые отдаленные, недавно открытые части Африки, Занзибар, более мелкие острова Ява и Цейлон и четвертая часть земного шара, которая, будучи открыта Америкусом, должна быть названа Америке (Amerige)... Эти регионы исследованы достаточно полно, а другая, четвертая часть была открыта Америкусом Веспучиусом, как это видно из следующих писем, и я не вижу никакого резона, чтобы кто-то запрещал ее назвать Америке, то есть Земля Америга или Америкуса... или

Америка, так как Европа и Азия получили свое название от женских имен»¹.

Главный хронист Индий (официальная должность при испанском дворе) Антонио де Эррера в своей книге «Описание Западных Индий», говоря о путешествии Колумба в 1498 г. и Веспуччи в 1499 г., писал: «С большой осторожностью Америго Веспуччи затрагивает события одного и другого путешествия, стремясь затмить тот факт, что дон Кристобаль Колон (Христофор Колумб. — *Авт.*) открыл материк. Вымысел Америго очевиден»².

Через несколько лет сам Вальдземюллер, получив полную информацию, на своей карте 1513 г. назвал Южноамериканский континент «Тегга incognita» и добавил: «Эта земля с прилегающими островами была открыта генуэзцем Колумбусом по приказу короля Кастилии»³.

Долгое время название «Америка» фигурировало в основном на германских картах, испанцы же упорно называли Новый Свет «Индиями». И только в 1758 г. в атласе, подготовленном Лопесом и вышедшем в Мадриде, впервые появилось название «Америка».

Были попытки присвоить Новому Свету и другие названия. Фламандский географ А. Ортелиус (Ортелл), желая увековечить имена Колумба и Веспуччи, Северную Америку называл Колумбаной, а Южную — Америкой. Француз Г. Постель в 1561 г. предлагал назвать Новый Свет Атлантисом.

Справедливости ради следует сказать, что Америго Веспуччи не принимал никакого участия в организации кампании по увековечиванию своего имени. Он умер, так и не узнав, и даже не подозревая при жизни, что Новому Свету пытаются присвоить его имя.

Некоторые исследователи считают, что упомянутые письма подготовлены противниками Колумба. В любом случае они остаются первыми откликами европейца на неожиданное прозрение: мир увеличился на целое полушарие. Кроме того, эти литературно-исторические памятники по изяществу стиля превосходят образцы эпистолярного наследия Колумба.

Америго Веспуччи жаловался в первом письме на непостоянство фортуны: «Как она меняет свои бранные и преходящие милости, как может иногда вознести человека на вершину своего колеса, а в другое время сбросить его»⁴. Однако по отношению к нему она оказалась

¹ Gaylord Bourne E. España en América. La Habana, 1906. P. 88.

² Arciniegas G. Amérigo y el Nuevo Mundo. Madrid, 1990. P. 343.

³ Gaylord Bourne E. Op. cit. P. 89.

⁴ Arciniegas G. Op. cit. P. 179.

весьма благосклонной, «сбросив» великого генуэзца. Как заметил Гюго, есть несчастные люди: Христофор Колумб не может написать своего имени на своем открытии; Гильотен не может смыть своего имени со своего изобретения.

Начало завоевания Испанией Нового Света

Открытие Нового Света повлекло за собой его завоевание, конкисту (от исп. *conquista*), ставшую своего рода последним крестовым походом в истории христианства. Крест и меч стали символами конкисты, а жестокость, жадность, ханжество и лицемерие — неотъемлемыми чертами большинства завоевателей. Конкиста положила начало разрушению уникальных культур американских индейцев, неповторимых цивилизаций инков, майя, ацтеков, чибча-муисков. В начале XVI в. миражи заокеанских богатств пленили воображение тысяч испанцев, устремившихся по проторенной Колумбом дороге. Кто они?

После изгнания мавров с Пиренейского полуострова остались не у дел те, для кого военные доспехи служили основным источником существования. Но вдруг открылась сказочная перспектива: за океаном оказался «беспризорным» неведомый в Европе мир. И потянулись в Новый Свет вчерашние солдаты, монахи, разорившиеся идалго. От инквизиции бежали за Атлантику те, кто не мог смириться с религиозным гнетом; нищета гнала туда тех, кто только там надеялся на благосклонность фортуны. Надежды и слухи порождали все новые и новые легенды: и о стране амазонок, и о неповторимых городах, где дома из чистого серебра, и об источнике вечной молодости, и, конечно же, об Эльдorado — крае несметных сокровищ и «позолоченных» людей.

«Золото» — вот магическое слово, которое заставило испанских королей в сравнительно короткий исторический срок покорить отдаленный на тысячи километров огромный континент с населением, значительно превышающим население Испании. О новых «крестоносцах» современник событий, испанский гуманист Лас Касас писал: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце».

Эту беспрецедентную кампанию характеризовали три главных момента: территориальная экспансия, дух наживы и миссионерско-просветительские мотивы, связанные с обращением аборигенов в христианство. Специфическую и важную роль играли в конкисте так называемые аделантадо. Это звание король давал тем, кто, организовав за свой счет или с чьей-либо помощью вооруженную экспедицию, во главе ее отправлялся в Новый Свет для завоевания территорий, которыми и должен был управлять в дальнейшем от имени короля.

Государственная же казна использовалась только для субсидирования путешествий Колумба, кругосветного плавания Магеллана и экспедиций Педрариаса Давилы в Центральную Америку. Королевскими седулами (указами) определялся минимальный состав завоевательной экспедиции — 320 человек: 100 пехотинцев, 40 рыцарей, 50 земледельцев, 30 моряков, 20 мойщиков золота, 20 офицеров, 30 женщин и т.д. Наибольшие трудности были с вербовкой женщин: их обычно не удавалось набрать в нужном количестве.

Индейцы, люди с обостренным чувством достоинства и любовью к свободе, вначале очень радушно принимали европейцев. В своих дневниках Колумб отмечал их великодушие и гостеприимство. Но так было только до тех пор, пока аборигены не поняли, насколько алчны и коварны белые пришельцы. Это прозрение пришло к ним очень быстро.

На о. Гаити, названном Колумбом Эспаньолой, адмирал в канун католического Рождества 1492 г. основал первое в Новом Свете поселение испанцев — Навидад. Именно там, на Эспаньоле и началась многовековая борьба индейцев Америки за свое освобождение. Во время второго путешествия Колумб, прибыв на Эспаньолу, увидел Навидад в руинах и узнал, что остававшиеся там несколько десятков испанцев были убиты. Тем не менее именно Эспаньола первоначально стала главным испанским центром в Новом Свете, откуда отправлялись вооруженные экспедиции.

В 1508 г. Хуан Понсе де Леон завоевал Пуэрто-Рико, а в следующем году — Ямайку. Упорное сопротивление испанцы встретили на Кубе, которую Диего Веласкес покорял в течение 1511—1513 гг. История сохранила имя одного из вождей индейцев — Атуэя, сумевшего организовать сопротивление и придать ему формы партизанской войны. Он был схвачен испанцами и как самый злостный еретик приговорен к сожжению на костре.

Эти первые годы конкисты выявили основные причины сравнительно быстрых побед испанцев: многочисленные племена аборигенов были разрознены и, как правило, пытались защитить только свою собственную территорию. Больше того, они часто враждовали между собой и нередко переходили на сторону испанцев для борьбы против своих соседей. Существенную роль в победах испанцев играло огнестрельное оружие и лошади — никогда дотоле не виданные в Новом Свете они наводили на индейцев панический ужас. Думается, что не последнюю роль в победах испанцев играло и их собственное невежество — абсолютное неведение относительно масштабов континента и количества проживавшего там населения. Тот же Кортес, зная хотя бы приблизительные цифры, характеризующие население Мексики, никогда бы не отправился с несколькими сотнями человек на завоевание многомиллионной страны.

**Население Западного
полушария в начале
конкисты**

Вопрос о количественном составе индейцев в тех или иных регионах Нового Света до сих пор остается открытым. Предполагаемая исследователями общая численность населения Южной, Центральной и Северной Америки в 1492 г.

колеблется от 13,5 до 112 млн человек.

Характерно, что стремление минимизировать порядок цифр наблюдается прежде всего у тех авторов, которые пытались или пытаются превозносить «цивилизаторскую миссию» Испании в Новом Свете. Цифра 13,5 млн человек была предложена в 1935 г. испанским исследователем А. Розенблаттом¹. Он исходил из следующих расчетов:

I. Северная Америка (до Рио-Гранде) — 1000000

II. Мексика, Центральная Америка и Антильские острова — 5600000

Мексика — 4500000

Эспаньола — 100000

Куба — 80000

Пуэрто-Рико — 50000

Ямайка — 40000

Малые Антильские и Багамские острова — 30000

Центральная Америка — 800000

III. Южная Америка — 6785000

Колумбия — 850000

Венесуэла — 350000

Гвиана — 100000

Эквадор — 500000

Перу — 2000000

Боливия — 800000

Парагвай — 280000

Аргентина — 300000

Уругвай — 5000

Бразилия — 1000000

Чили — 600000

13 млн 385 тыс. округляются до 13,5 млн. На взгляд большинства исследователей, цифры явно занижены. Известный перуанский историк Л.А. Санчес считал, что численность населения Америки в 1492 г. составляла 20 млн человек.

С 40-х годов XX в. этот вопрос стал разрабатываться в Калифорнийском университете г. Беркли. Используя методы экстраполяции и экологических оценок, историк В. Борах и физиолог Ш.Ф. Кук пришли к выводу, что только в Центральной Мексике в канун конкисты про-

¹ *Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954. T. 1. P. 102.*

живали 11 млн человек. В 1963 г. исследователи так называемой школы Беркли существенно скорректировали эти цифры. Основой для их вывода о том, что в Центральной Мексике в указанный период проживали 25,2 млн человек, послужили пиктографические листы налогов, взимавшихся ацтеками. В 1971 г. Борах и Кук установили, что население Эспаньола во время первого посещения ее Колумбом составляло 8 млн человек. Расчеты этих исследователей касались только указанных территорий. Цифра 112 млн человек для всего Западного полушария предложена в 1966 г. американским антропологом Г. Добинсом. Он ее вывел, принимая во внимание главным образом графики снижения численности населения в различных регионах Северной, Центральной и Южной Америки и экстраполируя эти данные на прошлое.

В настоящее время большинство исследователей склонны считать более приемлемыми расчеты американского ученого У. Деневана, опубликовавшего в 1976 г. свои исследования, из которых явствует, что к моменту появления испанцев в Америке, там проживали 57,3 млн человек. Эти расчеты базируются на большом количестве источников как доколумбовой эпохи, так и первых десятилетий становления испанской колониальной системы. В частности, очень важным представляется использование Деневаном фискальной документации.

Какой бы ни была в действительности численность проживавшего в Новом Свете населения, она в любом случае значительно превышала население Испании, которое составляло в начале XVI в. 4,2 млн человек. Однако столь существенная разница не влияла на результаты конкисты, так как испанцы осуществляли ее постепенно, шаг за шагом, на протяжении целого столетия.

Эрнан Кортес и покорение Мексики Земли Карибского бассейна оказались небогаты драгоценными металлами, а «золотая лихорадка» будоражила воображение конкистадоров и гнала их на поиски сокровищ в неведомые ранее широты. Покорение Мексики с ее огромными богатствами стало решающим импульсом для дальнейшего развития завоевательной кампании. Появился и своеобразный эталон конкистадора — Эрнан Кортес (1485—1547).

Состоятельные родители определили 14-летнего Эрнана в самый знаменитый испанский университет в г. Саламанке. Однако юриспруденция наскучила ему через два года. Вся Испания бредила таинственными Индиями, найденными Колумбом, и страсть к приключениям взяла верх. В 1504 г. он прибыл на о. Эспаньола, где и началась его головокружительная карьера.

Биографы Кортеса не скупились на дифирамбы, утверждая, что он, подобно античным героям, был выкован из стали, называли его Цезарем с душою Вергилия. За каждым эпитетом скрывалась какая-то

доля истины. Конечно, это была незаурядная личность: его не пугали ни безмерность океана, ни стрелы индейцев, ни многократное численное превосходство противника. Тонкий психолог и умелый дипломат, Кортес обладал даром красноречия и имел изящный стиль письма. Это в полной мере проявилось в знаменитых посланиях испанскому королю Карлу V. Пять писем конкистадора, скорее напоминающих многостраничные трактаты с описанием покорения империи ацтеков, стали ценным источником для исследователей.

10 февраля 1519 г. флотилия из 11 судов с 508 солдатами на борту, покинув Кубу, взяла курс на Юкатан. Вооружение экспедиции дополняли 16 лошадей, сыгравших весьма заметную роль в покорении Америки.

За три года Кортес покорил Мексику, названную конкистадорами Новой Испанией. Что же способствовало этому в целом триумфальному маршу нескольких сот европейцев по огромной стране? Многие авторы справедливо считают одной из главных причин сохранившуюся в исторической памяти народов, населявших Мексику, веру в неизбежное возвращение белого бога Кецалькоатля. Крупнейший современный мексиканский исследователь древних цивилизаций Америки М. Леон-Портилья отмечал, что древний мир расчистил путь конкистадорам при их вторжении в ацтекский мир в 1519 г. Появление Эрнана Кортеса и его отряда было сочтено ацтеками за возвращение благожелательного Кецалькоатля тольтекских времен — белого бородатого бога, создателя искусств и ремесел. Это возвращение было предсказано пиктограммами и рисунками в «кодексах» доколумбовых времен, рассказывавшими, что в один прекрасный день Кецалькоатль возвратится с востока, куда обращено побережье Мексиканского залива.

И действительно, конкистадоров встречали как богов. Им преподнесли одеяния Кецалькоатля и даже собирались принести им в жертву рабов и пленников, но, как заметил М. Леон-Портилья, «эти боги вели себя отнюдь не по-божески». Не случайно вскоре многие индейцы стали называть их «пополокас» (варвары).

Приходится только удивляться чувству реальности, проявленному Кортесом в эти годы. Он избрал весьма эффективную тактику завоевания Мексики, которая зиждилась на привлечении на свою сторону вождей племен. Еще не вполне сложившаяся империя ацтеков держалась на силе, внутренние противоречия в ней были обострены, а император Моктесума у многих племен был непопулярен. Вскоре сомпоальтеки и тотонаки выразили готовность сотрудничать с завоевателями, затем их примеру последовали другие племена. Раздробленность индейцев, эффект огнестрельного оружия (вооружение индейцев состояло из луков, очень длинных копий с бронзовым или медным наконечником, деревянных палиц) и настоящий фурор, произведенный лошадьми, склонили чашу весов на сторону захватчиков.

Завоевание Южной Америки

Примерно те же причины лежали и в основе покорения империи инков, на что Франсиско Писарро (1475—1541) потре-

бовался почти такой же трехгодичный срок (первая половина 30-х годов). Более скоротечными были осуществлявшиеся в 1523—1525 гг. кампании Педро де Альварадо, Педрариаса Давилы и Гонсало де Сандоуаля в Центральной Америке, а также Гонсало Хименеса де Кесады на территории нынешней Колумбии в 1538 г.

Только племена арауканов, обитавшие на территории Чили, более трех веков боролись против чужеземного нашествия и были покорены лишь в начале 80-х годов XIX в. В чем же причина того, что в Араукании потери испанцев в XVI в. оказались значительнее, чем во всех остальных регионах Нового Света, вместе взятых?

На наш взгляд, это объясняется, как ни парадоксально, социально-экономической отсталостью населения по сравнению с развитыми цивилизациями майя, ацтеков, инков, чибча-муисков. Арауканы не имели четко выраженного имущественного расслоения, отсутствовала у них и частная собственность на землю. Материальные блага принадлежали общине и распределялись в соответствии с вкладом каждого в ее жизнь. Вследствие этого отсутствовали и междоусобные войны, которые столь успешно использовали испанцы в других районах. Каждый индеец Араукании действительно защищал свой очаг, свою землю, свою свободу, пока ничем еще не ущемленную.

Весьма своеобразный характер имело завоевание Венесуэлы. В 20-е годы XVI в. испытывающий серьезные финансовые затруднения испанский король Карл I вынужден был обратиться за помощью к германским банкирам (Фуггеры и Вельзеры), предложив им в залог северное побережье Южной Америки. В 1528 г. в Венесуэлу во главе вооруженной экспедиции прибыл агент дома Вельзеров Г. Альфингер, который вытеснил оттуда испанского конкистадора Хуана де Ампуэса и начал вооруженную борьбу с индейскими племенами.

По свидетельству хроник того времени, германский вариант конкисты оказался более жестоким. Отчаянное сопротивление индейцев, особенно племен бассейна р. Ориноко, не остановило германскую экспансию. Альфингер покорил территорию Венесуэлы и удерживал ее под своим контролем до середины 40-х годов, когда Карл V разорвал соглашения с германскими банкирами.

Покорение территорий бассейна р. Параны и Ла-Платы, начавшееся в 1515 г., завершилось лишь в 1580 г. Конкиста превратила Испанию в крупнейшую империю того времени, в пределах которой никогда не заходило солнце. Для покоренных же народов последствия

конкисты имели двоякое значение: с одной стороны, был нанесен огромный ущерб их уникальной культуре, с другой — положено начало процессу взаимообогащения цивилизаций Европы и Америки.

«Открытие» и колонизация Бразилии В первой половине XVI в. значительная часть Южной Америки, территория современной Бразилии, стала владением другой морской державы того времени — Португалии.

Первыми европейцами, увидевшими землю Бразилии в 1499 г., были испанские мореплаватели Висенте Янес де Пинсон и Диего де Лепе, однако, как это нередко случалось в ту эпоху, лавры первооткрывателя достались не им. Открытие самой большой латиноамериканской страны ныне связывается в историографии с именем португальского мореплавателя Педро Альвареса Кабрала (родился в 1467 или 1468 г., умер около 1526 г.). В 1500 г. он попытался повторить маршрут своего соотечественника Васко да Гамы и, обогнув Африку, добраться до Индии. Однако после островов Зеленого Мыса корабли португальцев попали в южное экваториальное течение и их унесло далеко на запад от намеченного маршрута.

22 апреля 1500 г. Кабрал и его спутники бросили якорь у берегов Бразилии в районе 17° южной широты. Как и Колумб, Кабрал не имел ни малейшего представления о том, куда его забросили океанские волны. Не знал он также и того, что перед ним земля огромного континента: мореплаватель принял ее за остров, назвав «Землей святого креста».

С 1506 г. португальцы начали регулярно направлять туда свои суда, вывозившие из открытых Кабралом земель ценное дерево, «пау бразил», название которого в дальнейшем стало и названием страны. Освоение и колонизация Бразилии, начатые португальцами в 1530 г., носили более мирный характер, чем аналогичные процессы в Испанской Америке.

§ 2. Административно-территориальное деление испанских колоний и Бразилии

Вопросы создания системы управления землями, открытыми в Новом Свете, начали беспокоить испанских королей еще во время путешествий Колумба. Королева Изабелла поручила их разработку архиепископу Севильи Х.Р. де Фонсеке. Уже в 1503 г. было создано первое учреждение, предназначенное для контроля за торговлей Испании с «Индиями». В ведении так называемой Торговой палаты были не только торговые операции между метрополией и колониями Америки,

вывоз золота и серебра из заморских владений, приобретение и вывоз в Испанию «пау бразил», но и борьба с контрабандной торговлей, организация экспедиций для открытия новых земель и другие функции.

Первоначально право торговли с Новым Светом было предоставлено только испанскому порту Севилья, затем его получил также Кадис. Испания обладала монополией на торговые операции со своими американскими колониями. В то же время категорически запрещалось испанским владениям торговать между собой и с каким-либо иностранным государством.

В 1511 г. был образован, пожалуй, самый главный орган во всей системе управления колониями — *Верховный совет по делам Индий*. По-настоящему функционировать он начал лишь в 1524 г. В его задачи входили: 1) выработка законов Индий; 2) утверждение декретов и решений, принятых местными органами управления в колониях; 3) подготовка предложений для короля по назначению кадров на важнейшие административные должности колониального аппарата; 4) контроль за исполнением испанских законов и постановлений Верховного совета по делам Индий в различных частях Нового Света; 5) вопросы, связанные с налоговой политикой; 6) выполнение роли арбитра в конфликтных ситуациях между Торговой палатой и колониальными органами управления на местах; 7) оценка деятельности вице-королей и генерал-капитанов; 8) цензура книг, отправляемых в колонии или подготовленных там для публикации. Кроме того, до 1605 г. Верховный совет по делам Индий был уполномочен проверять финансовые отчеты колоний. Затем эта функция перешла к специально назначаемым королевским чиновникам. Вопросы войны и мира на территориях колоний решались специальной хунтой, состоявшей из четырех членов Верховного совета по делам Индий и четырех членов Военного совета, назначавшихся королем. Эти полномочия Верховного совета по делам Индий были урезаны в XVIII в., а в первой четверти XIX в., когда Испания потеряла почти все свои колонии, он был заменен Министерством заморских территорий.

Необходимо отметить и большую роль, которую играл Верховный совет по делам Индий в подготовке и публикации законов Америки. Наиболее важные из них — «Новые законы» (1542 г.), «Кодекс законов Индий» (1572 г.) и «Свод законов Индий» (1680 г.).

Самой большой административной единицей на территории Испании в Новом Свете были вице-королевства. Первое вице-королевство Новая Испания (Мексика), основанное в 1535 г., занимало обширную территорию, от 16° до 42° северной широты. Его столицей стал г. Мехико, построенный на руинах Теночтитлана.

В 1543 г. было основано вице-королевство Перу. В него входили: Новая Кастилия (Перу), Новое Толедо (Чили), Эквадор и Верхнее Перу (Боливия). Столица — Лима.

Вице-королевство Новая Гранада — территория современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы и Эквадора, ранее составлявшего часть вице-королевства Перу — появилось на карте Испанской Америки в 1717 г. (С 1723 по 1739 г. Новая Гранада была лишена статуса вице-королевства.) Столица — Богота.

В 1776 г. на основании королевской седулы было образовано вице-королевство Рио-де-ла-Плата, включавшее территории современных Аргентины, Уругвая, Парагвая и отдельные районы Боливии. Столица — Буэнос-Айрес.

Второй по значению административно-территориальной единицей были генерал-капитанства. Уже в 1527 г. было образовано генерал-капитанство Гватемала, столицей которого был город того же названия. Его составными частями являлись территории современных Гватемалы, Гондураса, Никарагуа, Сальвадора и Коста-Рики. Номинально генерал-капитанство подчинялось вице-королевству Новая Испания, но в действительности пользовалось полной автономией.

В 70-е годы XVIII в., во время реформ Карла III, были основаны еще три генерал-капитанства: Венесуэла (1773 г., столица — Каракас), Куба (1777 г., столица Гавана), Чили (1778, столица Сантьяго).

Вице-короли и генерал-капитаны назначались королем, и власть их была практически неограниченной. Особенно это касалось вице-королей, представлявших на управляемых ими территориях испанского монарха, который называл их во многих официальных документах не иначе как «мое второе «я»». Важную роль в системе административно-территориального управления играли *коррехидоры*. Их миссия состояла в рассмотрении и улаживании конфликтов между испанцами и местным населением. Так называемые *королевские аудиенсии* выполняли судебные функции. Вынесенный ими приговор можно было обжаловать только в Верховном совете по делам Индий. В случае смерти вице-короля или генерал-капитана аудиенсии временно исполняли их обязанности. Во всей Испанской Америке было 12 королевских аудиенсий. Входившие в них чиновники назывались *оидоры*.

Большое значение в жизни городов Испанской Америки имели *кабильдо* — органы местного самоуправления. В их состав входило от 6 до 12 человек, решавших все вопросы, связанные с жизнью того или иного города. Они ведали финансами, отвечали за соблюдение норм правопорядка, могли выносить наказания за мелкие правонарушения.

В дни стихийных бедствий, эпидемий, атак пиратов, когда нормальная жизнь города резко осложнялась, созывалось *кабильдо абьерто* — сход всех жителей города, на котором решались возникшие проблемы.

Административно-территориальное деление Бразилии имело специфические черты. Огромная бразильская территория была разделена на 13 *капитаний*, каждая протяженностью 300 км по атлантическому побережью. Границы с испанскими владениями внутри материка были крайне неопределенными из-за отсутствия хотя бы приблизительных географических карт. Это давало возможность правившим в капитаниях *донатариио* расширять вверенные им португальским королем территории. В 1549 г. монарх, напуганный ростом могущества заокеанских потенциальных конкурентов, решил ограничить их власть и создал в Бразилии правительство. Первой столицей стал г. Баиа. В 1572—1577 гг. последовала новая административно-территориальная реформа: колония была разделена на Северную Бразилию и Южную Бразилию. В 1645 г. это деление упраздняется, и колония сначала получила статус единого княжества, а затем вице-королевства. В 1763 г. его столицей стал Рио-де-Жанейро. Так же как и в испанских колониях, в Бразилии большое значение имело городское самоуправление, называвшееся *камара*.

Огромная роль в колонизации Нового Света и в управлении (хотя и опосредованно) колониями принадлежала католической церкви.

Евангелизация индейцев Символом конкисты был не только меч, но и крест, ибо духовному завоеванию Нового Света Испания и Португалия придавали большое значение. Христианство с полным правом может начинать свою историю на Американском континенте с первой экспедиции Колумба, в составе которой был священник Педро де Ареназ, отслуживший тогда мессу на одном из островов.

Практически все войны, имевшие место в истории человечества, подтверждали одну непременную закономерность: как правило, завоеватели демонстрировали полное неприятие чужой культуры, считая ее на несколько порядков ниже собственной. Это и неудивительно, ведь в прошлые века армии в большинстве своем формировались из необразованных людей, обладавших, как говорят культурологи, малоподвижным культурным кодом.

Испанские конкистадоры вполне соответствовали этой характеристике, что трагическим образом сказалось на культурном достоянии древних американских цивилизаций: многое было разрушено, многое разграблено. Тем не менее между англосаксонской и испано-порту-

гальской моделью колонизации Нового Света существовала разница, заключавшаяся в отношении протестантской и католической церкви к характеру конкисты. Если первая в основном разделяла главный лозунг завоевателей: «хороший индеец — это мертвый индеец», то вторая отводила индейцам хотя и последнее, но все-таки определенное место в социальной иерархии колониального общества.

Обращение индейцев в христианскую веру проводилось на основании королевских законов, обнародованных в Бургосе в 1512 г. Практическим же руководством по реализации этой гигантской кампании стало так называемое «Требование» (*Requerimiento*), документ, написанный в то же время советником Фердинанда Х.Л. де Виверо. Большая часть его текста оправдывала конкисту, проистекавшую якобы из божественного права. А коль это так, то индейцам не остается ничего другого, как признать духовную власть католической церкви и светскую власть испанской короны. При добровольном признании этого и посвящении в христианскую веру индейцам была обещана полная свобода и сохранение имущества. В случае протеста колониальные власти прибегали к жестоким мерам: индейцы лишались своих жен и детей, имущества, их обращали в рабство, а затем насильственно — в христиан. В случае оказания сопротивления со стороны аборигенов, им объявлялась война.

Текст «Требования» обязательно зачитывался индейцам. Поставленная перед ними дилемма имела один и тот же конечный результат, но с диаметрально противоположными последствиями, и неудивительно, что большинство коренного населения предпочитало вариант добровольного крещения.

При выполнении своей миссии испанские священнослужители встречали множество трудностей: огромные расстояния, дисперсность индейских поселений, незнание языка аборигенов, малочисленность самих миссионеров и др. Для их решения со второй половины XVI в. стала использоваться так называемая система редукий — создание индейских поселений городского типа. Она была направлена на разрыв с племенными традициями и уход индейцев с прежних мест обитания. Урбанизация местного населения давала возможность колониальной администрации более эффективно контролировать индейцев, получать с них налоги, использовать как рабочую силу и, наконец, обращать в христианскую веру. Кроме того, была и другая цель: испанская корона делала ставку на раздельное проживание аборигенов и европейцев в Новом Свете. Королевская седула 1536 г. запрещала испанцам более двух дней находиться в селении индейцев, не разрешались и смешанные браки, хотя и то и другое табу нередко нарушалось.

Такое демонстративное подчеркивание «автономии» индейцев должно было убедить их, что ничего трагического не произошло, что их права всячески уважаются и на них никто не посягает. Эта же идея была определяющей и в вопросе о новых поселениях. Место будущего поселка выбирали сами индейцы во главе со своим касиком, затем «согласовывался» с колониальной администрацией срок строительства поселка (индейцами) и время его заселения.

Вновь создававшиеся города Нового Света должны были имитировать города метрополии, подчеркивая тем самым ее определяющее и непреходящее значение. Центром будущего поселения городского типа была большая площадь, на которой находились акведук или какой-то другой водный источник и виселица. Вокруг площади располагались культовые и светские здания — церковь или собор, дом священника, здание кабильдо, тюрьма, постоялый двор для приезжих. Четыре центральные улицы с их ориентацией на стороны света брали начало из центра города. Последняя градостроительная норма испанской архитектуры удачно совпадала с традиционными ориентирами кечуа, аймара и ацтеков при создании поселений.

§ 3. Колонии Англии, Франции и Голландии в Карибском бассейне и Гвиане

Разграничение сфер влияния и экспансионистские амбиции наиболее развитых европейских государств «Открытие» Нового Света поставило актуальную для того времени проблему — разграничение сфер влияния. В XV в. в компетенции главы римской католической церкви находились все вопросы, связанные с нарушением границ язычников христианским миром. Еще в 1438 г. папскими буллами дозволялось испанцам вести поиски новых земель в западном, а португальцам — в южном направлении. В 1479 г. Испания и Португалия согласились опираться на решения пап при определении взаимных интересов. Договором 1481 г. Канарские острова, становились своего рода демаркационной линией, которая разделила сферы влияния той и другой страны: к северу от нее — Испании, к югу — Португалии. Очевидно, что этот договор отдавал несомненное преимущество Лиссабону.

После первого плавания Колумба папе Александру VI и его советникам предстояло подготовить новые «разделительные» документы. Конечно же, они имели очень смутное представление о масштабах не известного ранее европейцам континента, больше того, даже не знали, что это — континент. Тем не менее появившиеся в мае 1493 г. две

папские буллы и подписанный на их основе в 1494 г. Тордесильяский договор обозначили новые сферы влияния. Теперь предпочтение отдавалось Испании. Осуществляя новый раздел сфер влияния, его разработчики провели прямую от Южного полюса к Северному по 38° западной долготы и отметили, что все, что будет открыто к западу и югу от этой линии, должно принадлежать Испании. Португалия в договоре 1494 г. вообще не упоминалась.

Решение папы Александра VI не встретило должного понимания среди монархов некоторых государств. «Я не помню того места в завещании Адама, которое лишало бы меня моей доли мирового господства», — остроумно заметил король Франции Франциск I. По существу такую же позицию занимала и Англия, готовая в любой момент поспорить за «свою долю» вновь открытых земель. Договор 1494 г. был отменен только Сан-Ильдефонским договором 1777 г.

Фактически началом борьбы Англии, Франции и Голландии за ограничение испанского господства в Новом Свете стало пиратство, организованное этими странами в первой половине XVI в. и почти три столетия наводившее ужас на колонии Испании. Хотя в 1561 г. Испания ввела систему конвоирования, пиратские нападения на ее суда не прекращались. Особенно чувствительными морские потери Испании стали после гибели в 1588 г. ее флота — Непобедимой армады. Так с 1623 по 1636 г. только голландскими пиратами были захвачены 350 испанских торговых кораблей.

С начала XVII в. Карибский регион и побережье Гвианы выступают одними из главных объектов экспансии Англии, Франции и Голландии. В этих странах было создано более десятка торговых компаний, носивших не столько коммерческий, сколько военный характер. В их задачу входило прежде всего завоевание колоний, поэтому сила каждой из компаний зависела самым непосредственным образом от военно-морской мощи представляемого ею государства. Длительное время многие компании фактически осуществляли управление завоеванными территориями.

Воцарение в 1580 г. на португальском престоле испанской ветви династии Габсбургов привело к включению Бразилии в состав Испанской империи (1580—1640). В этот период Бразилия также подверглась многочисленным атакам английских, французских и голландских пиратов. В 1555—1567 гг. Франция, а в 1630—1654 гг. Голландия владели частью бразильской территории.

Если пиратство и контрабандная торговля лишь подрывали влияние Испании в ее заморских владениях, то после целого ряда войн, которые мадридский двор вел в Европе, ему приходилось делать и территориальные уступки.

XVII и XVIII вв. убедительно подтвердили правоту почти аксиоматического выражения: «История колоний — это история войн». Тридцатилетняя война (1618—1648), Десятилетняя война (1688—1697), Война за испанское наследство (1700—1713), Семилетняя война (1756—1763) и прочие военные конфликты в Европе нередко приводили к территориальным изменениям колониального мира, в том числе и в Вест-Индии.

Островные колонии Англии

В стремлении укрепить свои позиции в Карибском бассейне больше других преуспела Англия. В этом регионе, практически не освоенном испанцами (кроме Кубы, Эспаньолы и Ямайки), Англия намеревалась получить не только полную свободу судоходства, но и добивалась, чтобы ее представители не преследовались испанскими колониальными властями за свои религиозные убеждения и не предавались суду инквизиции как еретики.

Нередко пираты первыми «осваивали» захваченные в Новом Свете территории, ставшие впоследствии колониями Англии, Франции и Голландии. Так было, например, с Багамскими островами, Барбадосом, Мартиникой, Гваделупой и др.

Первоначально опорным пунктом англичан стал о. Барбадос, который был провозглашен владением английского короля в 1624 г. Вскоре туда устремился поток переселенцев из Англии. В 1628 г. их было 1400, в 1636 г. — 6 тыс., в 1643 г. — 37 тыс. На резкое возрастание последней цифры повлияла начавшаяся в стране «туманного Альбиона» революция. В поисках надежного убежища от возмездия политических противников на острове оказались даже представители знати. Однако большинство населения составляли разорившиеся крестьяне, законтрактованные состоятельными англичанами перед отъездом за океан и на Барбадосе превращенные фактически в рабов. Первые поселенцы занимались в основном разведением табака, хлопка, индиго, перца, цитрусовых, а также животноводством.

В 1640 г. англичане начали разводить на Барбадосе сахарный тростник. За первое десятилетие экономический эффект от производства и реализации на мировом рынке сахара оказался просто ошеломляющим: доходы плантаторов возросли в 20 раз. Естественно, что в дальнейшем сахарный тростник становится ведущей культурой почти во всех английских колониях Нового Света.

В 1655 г. все более обострявшиеся англо-испанские противоречия вылились в войну между двумя странами. В том же году английские войска овладели Ямаикой. Через три года Испания попыталась силой возвратить это владение, однако вынуждена была смириться с оконча-

тельной потерей острова. На основании Мадридского договора 1670 г. Испания признала права Англии на владение Ямайкой.

В XVII в. Англии удалось закрепиться на Багамских островах и в Белизе. Багамские острова не были колонизованы Испанией, однако согласно булле Александра VI фактически попадали под юрисдикцию Мадрида.

Английская экспансия в Карибском бассейне начиная с XVII в. более двух столетий испытывала острое соперничество со стороны Франции и Голландии и в меньшей степени — Дании и Священной Римской империи германской нации. Многие острова на протяжении веков по несколько раз переходили из рук в руки. Такова, например, история Гренады, Антигуа, Барбуды, Доминики, Нэвиса, Сент-Кристофера и др. В конце концов все они в XVIII в. оказались владениями Великобритании. Индейцы островов Карибского бассейна оказывали порабощателям ожесточенное сопротивление. Особенно успешно сражались жители о. Сент-Винсент.

На островах, захваченных Англией и конкистадорами других европейских стран, коренное население было почти полностью истреблено. В качестве рабочей силы европейцы повсеместно стали использовать негров-рабов, привезенных из Африки. Однако в английских колониях получил значительное распространение и труд белых рабов. По приблизительным подсчетам, к этой категории принадлежало более 250 тыс. человек, законтрактованных в XVI—XVIII вв., что составляло половину всех английских иммигрантов. Большая часть белых рабов направлялась в колонии Центральной Америки и Карибского бассейна.

Рабство белых существенно отличалось от рабства цветного населения. Белые рабы использовались на табачных и хлопковых плантациях, а невольничий труд негров — на плантациях сахарного тростника и был намного более трудоемким и тяжелым. Белый человек терял свободу на срок контракта, негр — на всю жизнь. В отличие от детей негра-невольника дети белого не становились рабами. По истечении срока контракта многие белые рабы получали от хозяина или определенную сумму денег или небольшой участок земли и оставались в Вест-Индии на постоянное место жительства.

Общие и отличительные черты британской и испанской колонизации в Новом Свете

Британская колонизация в Новом Свете имела с испанской как общие черты, так и существенные отличия. И то и другое завоевание колоний сопровождалось уничтожением коренного населения и использованием невольничьего труда. И испанцы, и англичане сделали ставку на плантационное хозяйство, специализировавшееся в основном на выращивании сахарного тростника. Во многом схожей была и система

регламентаций, в частности запрещение производить в колониях товары, выпуск которых хорошо налажен в метрополии. Колониальные владения как Испании, так и Англии находились в тисках торговой монополии. Последняя была установлена Великобританией в 1651 г. «Навигационным актом», предусматривавшим осуществление торговли между Британскими островами и колониями исключительно на судах метрополии. Этот документ оставался в силе до середины XIX в.

Отличия были обусловлены как далеко не одинаковым уровнем социально-экономического развития самих метрополий, так и различными эпохами, в которые Испания и Англия устанавливали колониальные порядки, соответственно в конце XV — начале XVI в. и в первой половине XVII в. Прежде всего следует упомянуть, что по декрету, принятому английской короной в 1578 г., колонисты — выходцы с Британских островов — пользовались за океаном теми же правами, что и жители метрополии, а сами колонии рассматривались составными частями «страны-матери». Английские колонисты (за исключением белых рабов) имели во владениях Лондона большие права и возможности, чем креолы в испанских колониях.

В крупных колониях (Ямайка) законодательная власть находилась в руках палаты представителей, избиравшейся белым населением, а исполнительная осуществлялась губернатором. В более мелких владениях однопалатной системы не существовало, они управлялись колониальной администрацией. Подобная форма правления сохранилась в английской Вест-Индии до 60—70-х годов XIX в.

В отличие от испанских владений, где вся земля являлась королевской собственностью, английский король юридически не являлся таковым владельцем. Однако, пользуясь правом монарха, он дарил иногда своим приближенным целые архипелаги, как это было, например, в 1629 г., когда английский король Карл I подарил генеральному прокурору страны Р. Риту «Багамские и другие острова, расположенные на юге».

В английских владениях, где практически с первых лет после их захвата началось производство таких трудоемких культур, как сахарный тростник и хлопок, вплоть до отмены рабства в 1833 г. превалировало крупное землевладение. В то же время в Испанской Америке до войны за независимость 1810—1826 гг. латифундизм доминировал лишь в зонах распространения плантационного хозяйства.

С конца XVI в. все вице-королевства и генерал-капитанства ежегодно выплачивали Испании крупные суммы. Налоговая политика Лондона была мягче. Последний фактор наряду с более высоким экономическим потенциалом Англии способствовал тому, что в XVII—XVIII вв. британские колонии по темпам социально-экономиче-

ского развития опережали испанские владения в Центральной Америке и Карибском бассейне.

Задачи, которые решали в Новом Свете католическая и протестантская церкви, во многом были схожи. Тем не менее католическая церковь занимала более влиятельное и привилегированное положение в колониях, тогда как раскол протестантской церкви на множество враждовавших между собою сект помешал ей стать столь же авторитетной.

Островные колонии Франции

XVII век отмечен экспансией Франции в Новом Свете. Творцом французской колониальной империи был Ришелье. В тот период, когда он пришел к власти (1624 г.), Франция владела одним Квебеком, в год его смерти (1642 г.) — всей Канадой, Мартиникой, Гваделупой и другими Антильскими островами.

Нимвенгенским договором 1678 г. были юридически узаконены и признаны французскими владениями 14 островов в Карибском море. В конце XVII в. наиболее значительными колониями Франции в Карибском бассейне и на севере Южной Америки являлись Гвиана (впоследствии получила название Французской Гвианы) — 91 тыс. кв. км, Сан-Доминго — 27500 кв. км, Гваделупа и прилегавшие к ней мелкие острова — 1704 кв. км, Мартиника — 1080 кв. км.

Хотя Гвиана превосходила по площади остальные французские владения, она оказалась наименее освоенной, что объяснялось сложными природными условиями. Признанными центрами французской колонизации стали Мартиника, завоеванная в 1625 г., и Гваделупа — в 1635 г.

Населявшие эти острова индейцы-карибы оказали колонизаторам мужественное сопротивление. В течение четверти века (1635—1660) аборигены Гваделупы не прекращали борьбы. В процессе завоевания коренное население отчасти было уничтожено, а частично переселено на соседние, более мелкие острова.

Решение Парижем проблемы рабочей силы в этих владениях во многом напоминает вариант, который использовался английской колониальной администрацией: наряду с трудом чернокожих невольников широко применялся и труд белых рабов. Число последних во французских колониях в XVII в. составляло 4 тыс. человек.

Белые рабы, за контрактованные на три года, направлялись на табачные и хлопковые плантации. В 1670 г. срок контракта был сокращен до 18 месяцев, а в 1774 г. система контрактации белых невольников была запрещена совсем. С 1654 г. во французскую Вест-Индию стали ввозить африканских рабов.

Политика Франции по отношению к своим вест-индским владениям определялась принятым в 1667 г. «Колониальным актом», регламентировавшим экономическую жизнь колоний и характер их связей с метрополией. Как и «Навигационный акт» 1651 г., он предусматривал экспорт колониальных товаров только во Францию и обязательно на французских судах. В свою очередь колонии должны были пользоваться только товарами, произведенными в метрополии. Такое положение вещей, как и во владениях Нового Света других европейских держав, порождало широкую контрабандную торговлю и протест колонистов, что заставляло Париж идти на некоторые уступки. В частности, в 1763 г. Гваделупа и Мартиника получили разрешение торговать с Канадой и Новой Англией.

Островные колонии Нидерландов

Колониальная история нидерландских владений в Вест-Индии — островов Аруба, Бонайре, Сан-Мартин, Саба, Сан-Эустакио и Кюрасао — берет начало в первой половине XVII в. Важнейшим орудием колониальных захватов стала созданная в 1621 г. голландская Вест-Индская компания, располагавшая начальным фондом в 7 млн 200 тыс. флорианов, 800 военными и торговыми судами и 67 тыс. моряков. Все перечисленные выше острова в течение 1631—1636 гг. были захвачены Голландией. Часть индейского населения была истреблена, а почти все оставшиеся в живых аборигены покинули родину, переселившись в Венесуэлу. Размах, с которым Нидерланды осуществляли свою военно-морскую экспансию в Карибском бассейне, был предопределен высокими темпами экономического развития страны в указанный период, ее морским могуществом.

В 1634 г. голландцы овладели о. Кюрасао, ставшим для них тем же, чем Ямайка для англичан, — центром пиратства и контрабандной торговли в Карибском море.

В XVII в. европейцев в голландских владениях проживало немного: в 1635 г. на Кюрасао — 4 тыс., на Сан-Мартине (во второй половине XVII в.) — около 300 жителей, еще меньше в других местах. Со второй половины XVII в. колониальные власти начали усиленно ввозить на острова негров-рабов. Сюда же переселились из Нидерландов и Бразилии евреи-сефарды. На островах добывалась соль, разводился табак, хлопок и сахарный тростник.

Нидерландские владения в Вест-Индии и Гвиане отличались от колоний других европейских стран в этом регионе характером религиозных верований. Если на территориях других европейских государств в Новом Свете в основном исповедовалось одно из направлений христианства, то в Нидерландских Антилах и Суринаме наряду с протестан-

тизмом широкое распространение получил католицизм, а также имели место отдельные проявления иудаизма. Евреи и католики получили право свободно отправлять свои культы уже в 1634 г. Ордена иезуитов и францисканцев обращали в католическую веру главным образом рабов, из протестантов же в основном формировалась рабовладельческая верхушка. Поэтому с течением времени политическая борьба в этих колониях имела и социальные, и религиозные оттенки, что придавало ей более острые формы.

Кроме того, в голландских колониях около трети всех рабов использовалось на ремесленных работах в качестве плотников, каменщиков, кузнецов и т.п. В испанских же владениях основная масса рабов была занята на плантациях.

Гвиана

Обширную территорию (общая площадь — 1192 тыс. кв. км), занимавшую северо-восточную часть Южной Америки и получившую название Гвиана, в конце XVI — начале XVII в. испанские колониальные чиновники именовали в своих отчетах «диким берегом». В то время эта территория формально принадлежала Испании и Португалии.

Безусловно, правы те историки, которые утверждают, что «провинция Гвиана была самым слабым звеном Испанской империи в Америке». Испания слишком медленно осваивала эту зону. Во второй половине XVI в. были основаны редкие и довольно небольшие испанские поселения в нижнем течении р. Ориноко. Побережье же Атлантического океана не было заселено, что оказалось роковой ошибкой.

В чем же причина того парадокса, что Тихоокеанское побережье Испанской Америки (более удаленное от метрополии) осваивалось испанцами, а Атлантическое — практически не привлекало переселенцев с Пиренейского полуострова? Венесуэльский историк А. Гонсалес считает, что такое положение определялось тремя факторами: заселением этой зоны воинственными индейцами-карибами; расцветом пиратства здесь в XV—XVII вв. и голландским присутствием в Гвиане в районах Бербисе, Демерари, Эсекибо, Корентин и Суринам.

Если для испанцев понятия «Гвиана» и «дикий берег» являлись как бы синонимами, то для англичан, голландцев и французов Гвиана ассоциировалась прежде всего с легендарной страной Эльдорадо. Бытовавшее в ту пору мнение, что золото образуется лишь в экваториальной зоне, укрепляло их убежденность в несметных богатствах этого района.

В конце XVI — начале XVII в. Англия, Франция и Голландия стали создавать на территории Гвианы свои опорные пункты. Началась многолетняя борьба между этими странами.

Впервые Испания признала права другого государства на владение частью территории Гвианы в 1648 г., фактически уступив Голландии территории от Атлантического океана до р. Эсекибо. В течение более чем двух веков различные районы Гвианы переходили от одного государства к другому, пока наконец в 10-е годы XIX в. не разрешилось это острое соперничество. Парижским мирным договором 1814 г. были определены примерные границы владений Англии, Франции и Голландии, а также территории Гвианы, отошедшие к Бразилии и Венесуэле.

Глава 2

ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА И БРАЗИЛИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. Экономика и общество Иberoамерики

Все европейские страны рассматривали свои владения в Новом Свете в первую очередь как источник обогащения. Добыча драгоценных металлов была для Испании едва ли не главной целью колонизации Нового Света. Вследствие этого особое внимание короны уделялось золотым приискам и серебряным рудникам. Согласно действовавшему в XVI—XVIII вв. испанскому законодательству, самые крупные центры по добыче золота и серебра принадлежали короне, более мелкие — частным владельцам с Пиренейского полуострова, которые обязаны были платить королю пятую часть от своих доходов. Для стимулирования горнодобывающей промышленности со временем эта часть в некоторых районах изменялась в сторону уменьшения (одна десятая и даже одна двадцатая от получаемой прибыли).

Самые крупные центры по добыче серебра, которыми была богата Испанская Америка, находились в Новой Испании и Перу. В Новой Испании первое богатое месторождение серебра было открыто в 1543 г. в окрестностях Кампостелы. Через несколько лет с помощью индейцев в том же вице-королевстве были открыты месторождения вблизи Сакатекаса и Гуанахуато.

Самое знаменитое месторождение серебра в Новом Свете находилось в Перу в районе Потоси. С 1545 по 1800 г. испанцы вывезли отсюда серебра на сумму 800 млн золотых песо.

В 1557 г. был открыт процесс амальгамации. Этот метод позволял при помощи ртути извлекать металлы даже из слабо обогащенных руд. Амальгамация способствовала росту добычи золота и серебра и в то

же время резко подняла значение ртути. В Перу в районе Уанкавелики в 1563 г. было открыто богатейшее месторождение ртути. Согласно самым скромным подсчетам, с той поры и до начала XIX в. экспорт ртути из Перу составил около 100 млн ф. ст.

Крупные месторождения золота находились в Новой Гранаде (Антиокия, Чоко, Каука). За три века эксплуатации этих золотых жил испанцы вывезли около 500 тыс. унций золота, что составляло примерно половину этого драгоценного металла, вывезенного из всей Испанской Америки. Всего же до начала XIX в. Испания вывезла из этих колоний золота и серебра на сумму 6 млрд 400 млн ф. ст. (по курсу первой четверти XIX в.).

Традиционно высок был в Испанской Америке уровень ювелирного искусства. В Новой Испании, Перу и в Новой Гранаде в колониальную эпоху в большом количестве производились изделия из золота и серебра: серебряная посуда, украшения, листовое золото, различного рода ритуальные предметы для храмов и церквей.

Важной отраслью экономики колоний было текстильное производство, основные центры которого находились в Новой Испании, Перу и Эквадоре. Сначала получило распространение суконное производство. Примерно с 1530 г. стали производить шелковые ткани, а затем и хлопчатобумажные.

В Испанской Америке располагалось несколько центров судостроения. Важнейшими среди них были Акапулько и Сан-Брас (Новая Испания), Гуаякиль (Эквадор) и Гавана (Куба).

Высокий уровень животноводства имел место в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата, в Чили, Перу, Венесуэле, Новой Испании. Здесь же получило распространение производство обуви и выделка кожи.

В сельском хозяйстве самыми рентабельными культурами оказались сахарный тростник, кофе, табак, хлопок, какао. Именно им уделялось первостепенное внимание. Сахарный тростник культивировался на островах Карибского бассейна, в Новой Испании, Эквадоре, Венесуэле и Перу; кофе — на Кубе, в Центральной Америке, Венесуэле; хлопок — во всех колониях, кроме вице-королевства Рио-де-ла-Плата; табак — на Кубе, в Новой Гранаде, Новой Испании, в Венесуэле и Перу; какао — в Эквадоре, Новой Испании, Гватемале и Венесуэле.

Португальцы первоначально не нашли в Бразилии ни золота, ни драгоценных камней. На протяжении XVI в. они считали, что главным богатством этой колонии является «пау бразил»; затем важной статьей дохода стал сахарный тростник. Примерно с 1730 г. отсюда начали вывозить алмазы, а в начале XIX в. Бразилия стала признанным экспортером кофе.

Формы и методы эксплуатации

Формы и методы эксплуатации индейцев Америки видоизменялись в колониальную эпоху. В XVI — начале XVIII в. чаще всего использовались *энкомьенда*, *мита*, *обрахе*, *пеонаж* и *репар-тимьенто*.

Энкомьенда представляла собой особую форму распространенной в Западной Европе в Средние века сеньории и означала пожалование королем Испании, объявленным законами собственником всех земель в Новом Свете, индейских поселений под покровительство наиболее знатных испанцев, связавших свою жизнь с Индиями. Изначально идея энкомьенды была благородной: получивший такое пожалование *энкомендеро* должен был обучать и воспитывать индейцев, прививать им христианскую веру, средствами морального воздействия стимулировать аборигенов к повседневному труду.

На практике энкомендеро стремились к абсолютной власти над вверенными им индейцами и не считались с законами короля. Конечно же, нельзя не отдать должное испанской короне, сумевшей из-за океана довольно успешно (до поры до времени) управлять огромной территорией. И все же эта, по выражению некоторых исследователей, «сумасшедшая география» вносила свои коррективы. И прежде всего она не позволяла умирить алчность и самоуправство энкомендеро и многих чиновников колониальной администрации, получивших в свои руки почти целый континент.

В Испанской Америке сложились два типа энкомьенды: *антильская* и *континентальная*. Первая применялась на островах Карибского бассейна, которые стали первоначальным объектом конкисты, и сводилась к тому, чтобы любыми способами заставить индейцев работать. Она носила жесткий характер. Здесь роль энкомендеро главным образом исполняли конкистадоры. Завоевание Антиль, сопровождавшееся почти полным уничтожением коренного населения, привело к тому, что в 1542 г. эта форма энкомьенды была отменена короной.

Континентальная энкомьенда просуществовала до 1720 г. Задачи энкомендеро состояли в том, чтобы обеспечить регулярную уплату налогов вверенными ему индейцами. Если же аборигены по тем или иным причинам не могли это сделать, то должны были компенсировать все недоимки, оказывая услуги непосредственно энкомендеро. Такое положение вещей приводило к множеству злоупотреблений со стороны последнего.

Энкомьенда использовалась испанскими монархами не только в качестве одной из форм организации экономической жизни колоний, но и как способ поощрения именитых конкистадоров. Например, Эрнан Кортес получил в Новой Испании за свои заслуги перед короной 22 города, 64 тыс. кв. км земли и 115 тыс. индейцев.

Практически все европейские путешественники, побывавшие в Испанской Америке в XVII—XVIII вв., утверждали, что помимо войн и эпидемий много жизнью индейцев уносят принудительные работы, особенно *мита* и *обрахе*.

Мита (на языке кечуа — «последовательная очередь») представляла собой в доколумбовую эпоху систему принудительных работ у инков, в рамках которой индеец мог выбирать, в какой отрасли производства он отработает несколько лет: в рудниках, на строительстве или в сельском хозяйстве. Впоследствии ему разрешалось заменить сферу применения своего труда. Хотя порой это было осуществить довольно сложно, все же традиция последовательной смены деятельности оставляла индейцу право выбора и надежду, что перемены будут к лучшему.

Мита инков оказалась намного гуманнее миты испанцев, не желавших соблюдать никакие традиции и превративших эту систему принудительных работ фактически в пожизненную каторгу, от которой индейца могла избавить только смерть. В Новой Испании аналогичная мите система принудительного труда называлась репартимьенто.

Митайо — распределенные властями на миту индейцы, широко использовались и в *обрахе* (ткацких мастерских). В Перу каждое *обрахе* получало от 100 до 400 митайо. Кроме того, в этой сфере использовался и свободный труд, а с начала XVII в. — и труд негров. Работали по 11 часов в день при шестидневной рабочей неделе. Женщины и дети нанимались в качестве поденщиков. Законами запрещался детский труд (до 10 лет), однако эта статья практически не выполнялась.

По существу *обрахе* — это одна из начальных форм мануфактурного производства в Новом Свете. В 1549 г. королевской седулой индейцам было разрешено прясть и ткать на дому. Хотя этот декрет и не выполнялся в должной мере, это тем не менее позволяет провести параллель с английским домашним ткачеством мануфактурного периода. *Обрахе* характерно прежде всего для Перу.

Практически во всех испанских колониях была широко распространена и система *пеонажа*, долгового рабства, переходящего из поколения в поколение.

Истребление и высокая смертность индейцев заставили чиновников всех колониальных администраций европейских держав искать новые источники рабочей силы. Так с начала XVI в. началась «поставка» негров-рабов из Африки в Новый Свет.

Рабство в Новом Свете С начала XVI в. в течение четырех столетий рабы оставались одним из самых ходовых товаров в торговле наиболее развитых стран мира. По подсчетам исследователей, за это время из Африки было продано в колонии

европейских стран около 20 млн невольников. Причем речь идет только о рабах, доставленных к месту назначения живыми. Если же учесть, что и при охоте на людей, и при перевозке через океан смертность среди них была очень высока, то можно согласиться с выводами тех авторов, по подсчетам которых в период работорговли Африка потеряла свыше 60 млн человек.

Наибольшее количество рабов попадало на невольничьи корабли в результате захвата их специальными вооруженными отрядами европейцев. Живым товаром становились также люди, проданные либо за какой-то проступок вождями племен, либо родственниками во время голода. Достоянием торговцев оказывались и рабы, перепроданные своими хозяевами, и пленные, захваченные во время войн аборигенов.

У многих африканских племен было правилом продавать в рабство мужчин и женщин за тяжкие (по нормам местной морали) преступления. Этим активно злоупотребляли туземные вожди, князьки, старейшины и беззастенчиво сбывали по пустяковому поводу своих соплеменников. Не прибегая к силе, европейские работорговцы могли в XVIII в. приобрести раба (по ценам французской фактории) за 3 фунта янтаря или за 100 патронов, 9 унций кораллового ожерелья, 240 ножей, 4 метра ярко-красной материи, 100 литров водки, 4 ружья, 4 фунта гвоздей, 30 фунтов красной шерстяной пряжи, 6 пистолетов, 50 фунтов пороха, 12 пачек писчей бумаги. Впрочем, практиковались и комбинации из перечисленных товаров.

Перевозили рабов из Африки в Новый Свет обычно на небольших суденышках водоизмещением около 200 т, человек по 250 на каждом.

Описание невольничьего рейса, сделанное португальским историком О. Мартиншем, потрясает: «Судно с рабами представляло собой отвратительный, пронизывающий сердце болью спектакль. Сваленные в трюм невольники напоминали муравейник живых тел, они жадно приникали к железным решеткам люка в поисках глотка свежего воздуха. То и дело происходили жестокие драки, слышались яростные вопли... Внутри трюма царил мрак, несчастные то пребывали в безысходной апатии, то терзались, переполненные отчаянием и ненавистью. Одни пытались удавиться, другие расплющивались толпой»¹. За малейшее проявление протеста рабов жестоко наказывали — вплоть до выбрасывания за борт в открытое море. Та же участь ожидала и серьезно заболевших невольников.

Хотя до берегов Нового Света не удавалось довести живой товар без больших потерь, работорговля приносила колоссальные доходы. До Утрехтского мира (1713 г.) наиболее преуспели в этом варварском

¹ *Oliveria Martins J.P. O Brasil e as Colonias Portuguesas. Lisboa, 1881. P. 56.*

торге голландцы, англичане, французы, португальцы и датчане. Победа Великобритании в Войне за испанское наследство (1700—1713) позволила стране «туманного Альбиона» получить почти полный контроль над работорговлей с испанскими колониями Нового Света.

По подсчетам ученых, за все время работорговли английские суда перевозили в четыре раза больше невольников, чем корабли других стран. Известно выражение Катона: «раб должен или работать, или спать». Спустя тысячелетия оно точно отражало положение невольников даже в XIX в. Тяжкий труд на сахарных и хлопковых плантациях, различная черная работа — вот удел негров на территории Западного полушария. На Кубе, например, в период уборки сахарного тростника им приходилось работать по 19—20 часов, а есть — два раза в сутки.

Вседозволенность развязывала рабовладельцам руки. Садисты придумали изощренную экзекуцию, при которой избиваемый должен был сам считать наносимые ему удары. Если несчастный, извиваясь под кнутом, сбивался, что было вполне естественно при почти поголовной неграмотности невольников, то отсчет начинали с нуля. Палачи проявляли «милосердие», наказывая беременную женщину: прежде чем бросить жертву на землю, в почве делали углубление для живота рабыни. Таким образом, еще находясь в утробе матери, дети рабов ощущали варварство ожидавшего их бытия.

Приобрели печальную известность способы пыток и избиений и даже их названия: «лестница», «сепо», «грильете», «маса» и т.д. «Лестница» — это наказание привязанного к лестнице раба бичом. «Сепо» — наказание-пытка. На полуобнаженного раба накладывали своего рода смирительную рубашку из дерева с отверстиями для головы, рук и ног. Тот лежал под палящим тропическим солнцем, страдая от жары, жажды и укусов насекомых. «Грильете» — всего-навсего предосторожность, а не пытка. Ноги раба на уровне щиколоток приковывали к достаточно длинной цепи, что позволяло использовать его на различных работах. «Остроумной» разновидностью «грильете» была «маса»: одним концом цепь держала ногу раба, а другим — тяжелое бревно. Можно было даже передвигаться, правда, взвалив бревно на себя.

На невольников, склонных к побегу, надевали железное «колье», состоявшее из кольца, крепившегося вокруг шеи, и двух штырей, торчащих вверх по обе стороны головы наподобие рогов, на которые навешивались колокольчики. На рабов, поедавших стебли сахарного тростника, надевалась закрывавшаяся на ключ металлическая маска без отверстия для рта. Без разрешения надсмотрщика — ни есть, ни пить.

Применялась по отношению к рабам и смертная казнь. Использовали для этого и гильотину, и обязательно в присутствии остальных рабов.

В некоторых работах прочно укоренилось мнение о «добросердечности» испанских законов о рабстве и, как следствие этого, о гуманном отношении к невольникам рабовладельцев испанских колоний в Америке. При этом обычно ссылаются на испанские законы о рабстве, известные как «*Las siete partidas del Rey don Alfonso el Sabio*» и принятые при короле Альфонсе X в 1263—1265 гг. Действительно, в тот период расизм не достиг еще ярко выраженных форм, и невольнику, согласно указанным выше законам, дозволялось многое: сменить свирепого хозяина на более покладистого, жениться на женщине, которая ему нравилась, выкупить себя, жену и детей по самым низким ценам, в случае злоупотреблений хозяина обращаться в суд.

К тому же рабы того времени в основном были слугами. Подобный «статус» и в XVI—XVIII вв. делал жизнь невольника более сносной, чем существование раба, занятого на плантациях. Согласно кубинской статистике колониального периода, продолжительность жизни невольников с момента их привоза на сахарные плантации острова составляла в среднем 7—8 лет. А ведь это были главным образом молодые люди, ибо работорговцы считали «стариком» уже сорокалетнего человека.

Среди рабовладельцев никто не знал о законах короля Альфонсо X, а испанская колониальная администрация удосужилась подготовить свод законов о «правах» и обязанностях невольников «во всех Индиях и Филиппинах» только в 1789 г. Таким образом, не одно столетие законом, регулировавшим отношения раба и рабовладельца, был полный произвол последнего по отношению к невольникам.

В колонии ввозили в основном негров-мужчин, но во второй половине XVIII в. по просьбе плантаторов стали доставлять и рабынь, хотя экономически было выгоднее покупать новых невольников, нежели содержать их семьи. Рабы почти не воспроизводились в пределах рабовладельческого хозяйства; восполнение потерь всецело зависело от поставок живого товара из Африки.

Во многих колониях рабы получали небольшие участки земли для ведения личных хозяйств. Это носило большей частью формальный характер, ибо у невольника практически не хватало времени на обработку своего надела.

Цены на рабов до начала XIX в. были не слишком высоки. Нередко невольников перепродавали и в самих колониях. В декабре 1810 г. гаванская газета «*Диарио де ла Авана*» сообщила о продаже 20-летнего негра за 450 песо, а рядом предлагались за 1500 песо три мула. Таким образом, молодой раб ценился дешевле тяглового животного.

Дороже всего стоили невольники, имевшие навыки сапожников, плотников, портных и т.п., а также рабыни, умевшие вести хозяйство и ухаживать за больными. Велась торговля и детьми рабов, причем очень часто встречались объявления о раздельной продаже матери и ее ребенка. Часто рабов обменивали на различные вещи, предметы, дома, породистых животных.

Несколько столетий работорговли породили специальную терминологию. Если в товарных ведомостях упоминались «мужчины» и «женщины», то речь шла о неграх от 17 до 40 лет, если же говорилось о «стариках», то имелись в виду невольники с сединой — те, кому уже за 40. С конца XVII в. стало широко использоваться такое понятие, как «тонна негров», что означало вес трех рабов ростом не ниже семи четвертей (182 см). «Тонна негров» — сколько в этом сочетании слов кощунства и глумления над человеческой природой. В различных странах мира начиная со второй половины XVII в. чаще и настойчивее зазвучали голоса известных деятелей науки и культуры, требовавших запрета работорговли.

С начала XIX в. этот вопрос стал одной из важнейших проблем международных отношений. Первой в 1804 г. прекратила позорную торговлю Дания. Затем Великобритания, нажившая колоссальные барыши на живом товаре, начала широкую кампанию осуждения варварской коммерции как порочащей цивилизованные народы Европы. Подоплека столь неожиданной метаморфозы политики Лондона легко объяснима: она сугубо экономическая, а отнюдь не нравственная. К началу XIX в. Великобритания опережала страны Европы по развитию капиталистических отношений, что обеспечило ей почти монопольное положение «мастерской мира». Британские экономисты хорошо осознавали бесперспективность рабства. Уже в конце XVIII в. труд свободного рабочего в Вест-Индии был втрое производительней труда раба. К тому же отделение от английской короны Соединенных Штатов Америки избавило Лондон от необходимости пополнять бывшую колонию рабочей силой. Оставшиеся колонии не испытывали в ней недостатка.

Прекращение работорговли нанесло бы серьезный удар по соперникам Великобритании. Особенно пострадали бы Испания и Португалия. Лишившись притока невольников, их колонии оказались бы еще более зависимыми от закупок английского промышленного оборудования и различного рода технических усовершенствований.

Среди стран, активно поддерживавших запрещение работорговли, была и Россия, прогрессивные деятели которой давно выступали в защиту рабов. Декабристы проводили прямые аналогии между рабством Нового Света и крепостным правом в России и призывали навсегда покончить с ними.

Непримиримую позицию по отношению к работорговле занимал и российский двор. Не приходится сомневаться в искренности гуманных побуждений русского императора. Александр I, воспитанный французом-республиканцем Лагарпом, в юности был поклонником Французской революции конца XVIII в., и позднее в его политической практике иногда причудливо сочетались взаимоисключающие друг друга либерализм и абсолютизм. Великодушное сострадание к невольникам-неграм и игнорирование бесправного положения своих подданных, крепостных крестьян, — один из парадоксов правителя России.

В 1815 г. на Венском конгрессе, казалось, вся Европа выступала за ликвидацию позорного торгового, однако в процессе обсуждения выявились две весьма удаленные друг от друга позиции. Англия считала этот вопрос международно-правовым, а Испания, Португалия, Голландия и Франция — национальным, касающимся только их непосредственно. К тому же они заявили, что конгресс не полномочен устанавливать сроки прекращения работорговли. Колониальные державы настаивали на сохранении ее еще на неопределенное время, признавая, впрочем, противоречащей нормам общечеловеческой и христианской морали.

Искоренить позорное явление сразу не удалось. Появились лишь многочисленные конвенции, декларации, декреты. Торговля людьми продолжалась: с 1807 по 1847 г. из Африки вывезли более 5 млн рабов.

Англия вновь поднимала этот вопрос в 1822 г., на Веронском конгрессе великих держав того времени, но добилась только морального осуждения рабства. В первой половине XIX в. во многих странах мира возникли мощные общественные движения борцов за полное запрещение купли-продажи людей.

Развитие экономики и достижения промышленности стран Европы и Америки выявили полную бесперспективность рабства. Весь XIX век прошел под знаком отмены рабства в различных странах. В начале столетия оно было объявлено вне закона на Гаити, а затем — в Центральной Америке и Мексике, в 50-е годы — в большинстве латиноамериканских государств. 1 января 1863 г. с рабством было покончено в США, в 1886 г. — на Кубе, в 1888 г. — в Бразилии.

Только в 1926 г. была наконец принята Лигой наций и ратифицирована большинством государств конвенция о полном запрещении рабства и работорговли.

Социальные движения в колониях

Сопротивление индейцев не прекращалось и после завершения конкисты. Оно принимало различные формы: отказ платить налоги и участвовать в принудительных работах, протест против христианизации и, наконец, вооруженная борьба. Наиболее опасны-

ми для испанцев очагами вооруженной борьбы стали Араукания и Новая Испания.

15 января 1624 г. беднейшие слои населения г. Мехико осадили дворец вице-короля, который вынужден был спасаться бегством. Ему удалось укрыться в монастыре Сан-Франциско. Через 68 лет подобная участь выпала другому вице-королю. На этот раз плебс столицы поддерживали индейцы, проживавшие в окрестностях Мехико.

Большим размахом отличались и восстания индейцев в провинциях. Например, в 1660 г. подняли мятеж сразу 200 населенных пунктов. В 1690 г. в провинции Новая Мексика началось восстание, переросшее в войну, продолжавшуюся 16 лет. В течение этого времени провинция фактически находилась в руках восставших. В 1712 г. аналогичная ситуация сложилась в провинции Новый Леон, которую индейцы контролировали 6 лет.

Транспортировка огромного количества рабов на плантации Нового Света и их нещадная эксплуатация способствовали появлению еще одного постоянного источника напряженности. Афоризм Сенеки «Сколько рабов — столько врагов» в полной мере подтвердился и на Американском континенте. Бич надсмотрщика не только подстегивал невольников к работе, но и вызывал в них непримиримое чувство протеста. Побег рабов, поджоги поместий и плантаций, вооруженные нападения на рабовладельцев стали повседневными явлениями в испанских и португальских колониях. Иногда беглые рабы, найдя убежище в непроходимых лесах, создавали собственную «республику». Это явление было характерно и для колоний других европейских держав в Новом Свете (например, «лесные негры» Суринама). Наиболее массовым движение рабов было в Бразилии, на Кубе и в Венесуэле. История Бразилии запечатлела яркий образец братства и организованности черных невольников.

«Республика Палмарис» в капитании Пернамбуко просуществовала с 1630 по 1697 г. В число почти 20 тыс. ее обитателей входили не только негры, но и индейцы. Образование «республики» совпало с борьбой Португалии против Голландии за спорные территории на границе Суринама и Бразилии. Длительный период времени португальская колониальная администрация не только не подавляла мятежных рабов, но даже заключала с ними некоторые соглашения.

Это позволило невольникам создать четко функционировавшее государственное образование. Оно управлялось пожизненно выбираемым вождем, обладавшим и светской, и духовной властью. Религиозные верования базировались на причудливом сочетании традиционных африканских культов и христианской религии. Обитатели «республики» занимались сельским хозяйством, гончарным производством, ткацким делом и даже

плавил металл и освоили кузнечное дело. Они умело обращались с огнестрельным оружием, ремонтировали его, а некоторые виды оружия научились создавать в своих мастерских. Столицей «республики Палмарис» было килombo (укрепленное поселение) Макаку. После нескольких безуспешных попыток захватить его и больших потерь португальцам все же удалось склонить чашу весов на свою сторону.

Опасным соперником для пиренейских метрополий в Новом Свете оказались креолы-испанцы и португальцы, родившиеся за океаном и связавшие с этими заморскими владениями свою судьбу. Постепенно складывавшаяся креольская верхушка колониального общества, обладая большим экономическим потенциалом, была бесправна в политическом отношении. Из поколения в поколение креолы страдали комплексом неполноценности, усиленно прививавшимся им испанской и португальской коронами. Ни один из них не мог претендовать на пост вице-короля или генерал-капитана, не мог надеяться на высокий церковный сан и на целый ряд должностей в колониальной администрации. Не могли смириться креолы и со многими ограничениями в экономической и торговой жизни. Игнорируя их, они изобрели краткую, но весьма емкую формулу по отношению к законам метрополии: «Подчиняйся, но не выполняй!»

Соперничество европейских держав На положение заморских колоний Испании и Португалии большое влияние оказывали и отношения этих метрополий с крупнейшими европейскими державами. После гибели испанского флота Непобедимой армады (1588 г.) и выхода (в результате Нидерландской революции) Голландии из состава Испанской империи в начале XVII в. обе пиренейские страны (объединенные с 1580 по 1640 г. в одно государство во главе с Мадридом) вступили в полосу длительного всестороннего кризиса. Влияние Испании в Европе резко упало. Ослабление военно-морской мощи Испании привело к усилению пиратства и контрабандной торговли в колониях Нового Света. Поступления в казну из-за океана значительно сократились. Кризис в метрополии усилил креольское движение, все решительнее звучали требования проведения в Новом Свете радикальных реформ. Во второй половине XVII в. это хорошо понимали и некоторые королевские чиновники. Так, один из министров Карла II (1661—1700) нашел в себе смелость заявить: «Если отношение к Новому Свету, согласно божественному предрасположению, не будет существенно изменено, то власть испанской короны над ним продлится недолго»¹.

¹ Benzo E. La libertad de América. Madrid, 1929. P. 29.

§ 2. Взаимодействие культур и формирование латиноамериканской цивилизации

Общее и особенное
в историко-культурном
синтезе различных регионов
Нового Света

Завоевание и первоначальное освоение Испанией, Португалией, а позднее Францией, Англией и Голландией земель за Атлантическим океаном могут и должны рассматриваться не только с военно-политической и экономической точек зрения, но и как один из поворотных моментов в истории мировой культуры. Это была беспрецедентная «встреча двух миров», сопровождавшаяся неравной борьбой, а порой и сотрудничеством, в ходе которых, как результат расового и культурного смешения, зародилась и стала развиваться новая цивилизация.

В отличие от Америки, получившей впоследствии название «Латинская», на Севере континента многое происходило по-иному. Нормы пуританской этики колонизаторов, преимущественно англосаксонского происхождения, в какой-то мере действительно позволяли им сохранять свою этническую «чистоту» и европейскую «первозданность», поселенцам не разрешалось смешиваться с аборигенами, которые чаще всего истреблялись или оттеснялись англосаксонскими завоевателями в труднодоступные районы. Но в большей мере эта «чистота» объясняется тем, что появившиеся здесь почти на столетие позднее европейские пришельцы столкнулись не с высокоразвитыми местными культурами, а со сравнительно «примитивными» племенами. Как бы то ни было, применяя культурологическую терминологию, можно сказать, что на Севере абсолютно преобладали процессы транскulturации и ассимиляции. По этой причине и США, и Канаду относят к этнокультурному региону, именуемому *Евро-Америкой*.

К югу от него, в Латинской Америке, несколько большую роль играла культурная и биологическая гибридизация. Этому способствовал и такой чисто житейский момент: первые партии испанских конкистадоров, — а это были уже довольно значительные массы людей, — отправлялись за океан «по-холостяцки», без женщин, а католическая религия, в отличие от протестантской, «смотрела» на заморские «браки» завоевателей достаточно снисходительно.

Не следует думать, однако, что конкиста как этнокультурный процесс на территориях нынешней Латинской Америки везде протекала одинаково и сводилась лишь к смешению и культурному взаимообогащению противоборствовавших народов. Неповторимое своеобразие отдельных латиноамериканских наций уходит корнями в первые годы завоевания и в последующий колониальный период. Оно объяснялось взаимодействием трех факторов: разным уровнем и характером под-

вергшихся завоеванию культур; разными сроками колонизации; разным составом колонизаторов на разных этапах освоения новых земель.

Так, на территории нынешних Мексики, Центральной Америки и Андских стран конкиста была не только военной операцией, но и интеллектуально-нравственным поединком, в ходе которого испанцы отнюдь не одержали безоговорочной победы и не смогли полностью разрушить многовекового культурного субстрата ацтеков, майя и инков, до сих пор во многом определяющего национальный облик населения этих стран. При этом следует иметь в виду, что рассматриваемый регион подвергся завоеванию еще в первой половине XVI в. и его «осваивали» движимые лишь жадой обогащения искатели приключений из среды разорившейся знати, обедневшие дворяне-идальго и другие деклассированные элементы, неизменно сопровождаемые католическим духовенством. Этот союз «креста и меча» обусловил в ходе колонизации гибкую политику «кнута и пряника» и наложил свой отпечаток не только на жизнь колониального общества, но и на облик независимых народов, возникших на развалинах Испанской империи. Из-за мощного индейского субстрата указанные страны принято относить к этнокультурному региону, именуемому в литературе *Индо-Америкой*.

С другой стороны, если к началу XVII в. на территориях нынешней Мексики и Андских стран уже существовала развитая культура с сильным влиянием дворянства и католической церкви, опиравшаяся на индейскую народную основу, то на Юге континента, там, где сейчас расположены страны Ла-Платы (Аргентина, Уругвай, Парагвай), а также Бразилия и Чили, не было еще ничего, кроме небольших военных поселений и патриархальных религиозных миссий. Местные племена, за редким исключением, были перебиты, и их культурное наследие вскоре исчезло, никак не повлияв на новые, возникшие здесь формы жизни. А они были во многом не похожи на праздное, полное риска и роскоши существование первых конкистадоров, обогащавшихся за счет грабежа несметных богатств и эксплуатации покоренных ими народов Мексики и Андского нагорья. Более поздняя волна колонизаторов, осваивавших в XVII в. Юг Американского континента, имела совершенно иной характер: здесь преобладал тип колониста из более трудовых и демократических слоев, сложившихся в метрополии в результате первых шагов капитализма. Они искали в Америке уже не легкую наживу, а свободную землю и возможность применить свой труд и коммерческие способности. Не было здесь и дешевых рабочих рук в виде порабощенных индейцев, а негры-рабы, завозившиеся сюда в сравнительно небольших количествах, по причине более сурового климата, почти полного отсутствия плантационного хозяйства и преобладания исконно

европейских форм хлебопашества и скотоводства, не оставили в местной культуре сколько-нибудь существенных следов. По этой причине здесь, как и в Северной Америке, тоже преобладали процессы транскультурации и ассимиляции, и потому данный регион также принято относить к Евро-Америке. Кроме того, дворянство и католическая церковь здесь не играли той роли, которая им принадлежала в Индо-Америке. Позднее это способствовало более раннему развитию антиколониальных идей, более успешной борьбе с дворянскими пережитками.

На начальном этапе конкисты, охватывающем первые десятилетия XVI в., главными действующими лицами культурного и вооруженного противостояния были лишь два этноса: белые иберийские завоеватели, обладавшие передовыми для своего времени средствами борьбы, и индейцы, находившиеся на разных, порой весьма высоких стадиях развития, но в целом обреченные на поражение из-за своей разобщенности и чисто технического отставания в военном деле. В 1573 г. Филипп II запретил использование термина «конкиста» (завоевание) и заменил его на «умиротворение», как бы подводя черту под насильственным освоением захваченных в Америке новых земель.

Примерно с этого же времени появляется третий участник гигантского этноисторического и культурного процесса, положившего начало современной Латинской Америке. Огромные массы негров-рабов завозили из Африки для использования в набиравшем силу плантационном хозяйстве, где индейцы — жители сравнительно прохладных горных районов — были физически не способны обеспечить высокий уровень производства и тысячами вымирали от непривычных климатических условий тропиков. Если по отношению к испано-португальскому культурному вкладу местные индейские культуры можно считать субстратом, то африканцы с их своеобразной психологией и обычаями, завезенные в Америку несколько позднее, представляли собой культурный суперстрат. В результате насильственной этнической, а следовательно, и культурной трансплантации население Африки сократилось, по некоторым подсчетам, на десятки млн человек; только в Бразилию было продано от 6 до 18 млн африканцев. Зона их распространения охватывала в колониальную эпоху острова Карибского бассейна, где местное индейское население было полностью уничтожено, прибрежные полосы нынешних Венесуэлы, Колумбии и Эквадора, а до отмены рабства даже такие районы с неблагоприятным для африканцев климатом, как страны Ла-Платы, Мексиканское и Центрально-Андийское нагорье, где в наше время след их присутствия в культуре носит характер экзотического воспоминания.

Если европейцы прибыли в Америку как завоеватели и будущие хозяева, захлестывая ее этническими волнами, сохранившими устойчивое языково-культурное единство, то африканцы ввозились в Новый Свет как рабочий скот, как огромное человеческое стадо, где беспорядочно перемешивались представители самых различных племен и языков. Рабовладельцы отлично сознавали опасность взаимопонимания и единства между рабами и поэтому стремились на своих плантациях максимально перемешивать разнородный африканский этнос, делая его практически безъязыким. К тому же, если учесть, что в колониальный период в качестве рабов в Америку завозилась главным образом молодежь в возрасте от 15 до 20 лет, выгодная экономически, но почти лишенная глубокой культурной традиции, то станет ясно, что творческий потенциал многочисленного африканского населения колоний был искусственно ослаблен колонизаторами по сравнению с потенциалом белых переселенцев и даже по сравнению с возможностями сохранить свою культуру, которые имелись у монолитных и выросших в родную почву индейских этнических групп и народов. Таким образом, в американские колонии из Африки пересаживалась не столько культура, сколько этнос и генофонд будущих этнокультурных комбинаций. И хотя негритянский вклад в духовную и художественную жизнь колониального общества был крайне незначительным, считаясь недостойным какого-либо внимания и даже находящимся где-то за гранью «приличия», это не мешало африканцам на новых землях сохранять свойственные им этнопсихологические черты, некоторые наиболее укоренившиеся нравы и обычаи, а также многообещающее носталгическое чувство об утраченной родине — Африке. Много позднее все это выльется в замечательные образцы современной афроамериканской культуры Ямайки, Бразилии, Гаити, Кубы и других стран с многочисленным негритянским и мулатским населением, составляющих третий этнокультурный регион Нового Света — *Афро-Америку*.

Колониальная культура периода конкисты, представленная образцами индейского и испанского строительного искусства, произведениями ремесел и другими материальными предметами и памятниками, — говорившими об уже начавшемся межэтническом сосуществовании, — в своих духовных проявлениях дошла до нас в эпистолярном, мемуарном и летописном творчестве наиболее образованного слоя завоевателей, как конкистадоров-мирян, так и представителей весьма многочисленного духовного сословия. И те и другие выступали рука об руку не только как активные участники покорения и евангелизации туземного населения, но и как создатели первых письменных свидетельств происходивших событий. При этом их видение у разных авторов, в зависимости от военной или религиозной роли в конкисте, далеко не всегда совпадало.

зываемые хроники, или летописи, которые иногда выполнялись даже в стихотворной форме. В них описывались открытие и завоевание новых земель, незнакомая европейцам природа, нравы и обычаи туземцев, их общественная организация, фольклор и мифология, нередко с долей вымысла и фантазии, принимая во внимание завроженность первооткрывателей новой действительностью. Начало произведениям такого рода, еще не ставшим собственно литературой, положили выразительные письма-донесения испанской короне Колумба, а позднее — завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Полуграмотный Франсиско Писарро, покоритель инков, пытался описывать свои «подвиги» в стихотворной форме, уступив их прозаическое изложение своему более образованному секретарю.

Среди известных хронистов начального периода завоевания Альваро Нуньес Кабеса де Вака (1490—1559). Один из высших офицеров, направившихся на покорение Флориды, он потерпел кораблекрушение и долгие годы прожил среди принявших его индейцев. Записки Нуньеса не только имеют историко-этнографическое значение, но и являются ценным человеческим документом, проникнутым уважением к местным обычаям и симпатией к своим спасителям.

В противоположность Нуньесу конкистадор и первый официальный историограф Нового Света Гонсало Фернандес де Овьедо (1478—1557), автор «Всеобщей и естественной истории Индий», был открытым апологетом имперской роли Испании, и для него индейцы выглядели как «ленивые, нетрудолюбивые, трусливые люди, порочные и с дурными наклонностями, со слабой памятью и не знающие никакого постоянства ни в чем»¹.

Примером хроники полуфантастического типа с гиперболизированным описанием тропической природы и жизни туземцев стал труд конкистадора-монаха Гаспара де Карвахалья (1504—1548) «Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонки». Карвахаль, в частности, довольно красочно изображает сомнительную встречу с воинственным женским племенем «белокожих» и «высоких» амазонок, существование которых в Америке было отвергнуто историками еще в XVI в.

Оригинальным трудом XVI столетия может считаться «Подлинная история завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо (1495—1584). Он был простым солдатом в войске Кортеса и видел «встречу двух миров» не глазами высокомерного аристократа-конки-

¹ Исторические судьбы Латинской Америки. М., 1992. С. 29—30.

стадора или религиозного святоши, а глазами человека из народа. Отсюда и взвешенность его отношения как к индейцам, так и к официальным героям конкисты, например к своему непосредственному начальнику Кортесу. Берналь Диас выступал от имени коллективного субъекта истории — солдатской массы, приписывая успехи конкисты скорее не ее руководителям, а прямым исполнителям. В восприятии индейского мира Берналь Диас был в равной степени далек и от его хулителей, и от его идеализаторов.

Среди свидетельств более позднего периода завоевания выделяется эпическая поэма «Араукана» участника «умиротворения» Чили Алонсо Эрсильи-и-Суныги (1533—1594). Это было первое собственно художественное произведение XVI в. о завоевании Нового Света. Представитель родовитой знати, Эрсилья писал большую часть своей поэмы, выдержанной в античной эпической традиции, «на самой войне, в тех местах, где она происходила», и обращал строго хронологическое повествование (отсюда его родство с летописью) к королю Филиппу II, которому оно и посвящено. Дневниковая природа поэмы не помешала ей стать своеобразным гимном имперскому величию Испании, и в то же время индейцы (мапуче), оказавшие в Чили наиболее ожесточенное сопротивление завоевателям, предстали у Эрсильи не столько «варварами» и «дикарями», сколько жертвами и героями — защитниками своей земли и своей свободы. Издавна ведущийся спор о том, кто же истинный герой «Арауканы» — испанцы или индейцы, — во многом способствовал тому, что позднее эта поэма за ее симпатии к туземцам была признана первым произведением уже не колониальной, а чилийской национальной литературы.

Один из главных вопросов, во многом определивших судьбу Нового Света и разделивших колонизаторов на два лагеря, — отношение белых к индейцам и к их культуре. Справедливости ради следует признать, что испанская корона с самого начала признавала в индейцах «свободных» людей, а многие завоеватели должным образом оценивали и высокий уровень разрушаемых ими американских цивилизаций. Тем не менее, учитывая изначально корыстные цели конкисты и состав ее участников, движимых стремлением к личному обогащению, открываемые земли и их жители сразу же стали жертвами беззастенчивого грабежа и жестокой эксплуатации. В этом процессе, однако, вскоре проявились определенные различия между теми, кто появился в Америке «со шпагой», и теми, кто осенял покоряемых индейцев католическим крестом. Конечно, абсолютизировать противостояние между главарями конкистадоров и церковниками не следует, ибо и среди тех, и среди других было достаточно людей и с обскурантистско-расистским, и с гуманистическим мироощущением. Европа XVI в. уже

жила идеями эпохи Возрождения, и многие участники заморских экспедиций, особенно их наиболее образованная часть — духовенство, — так или иначе были заражены ими.

Крупнейшей фигурой испанского и общеевропейского гуманизма, духовное влияние которой не ограничивается колониальной эпохой, а во многом сохраняет свое значение и в наши дни, когда речь идет о равном праве всех народов на суверенитет и достойное существование, был доминиканский монах, а позднее епископ фрай (брат) Бартоломе де лас Касас (1474—1566). Большую часть жизни он прожил в Новом Свете, был участником и свидетелем боевых действий в Карибской и Центральной Америке, стал за свою пастырскую деятельность епископом и пользовался покровительством королевской семьи, отстаивая перед ней естественные права индейцев, подвергавшихся произволу и жестокостям колонизаторов. По его рекомендациям был принят ряд передовых для своего времени законов в защиту местного населения, которые, однако, постоянно нарушались. За полвека «правоохранительной» и творческой деятельности Лас Касас создал более 80 трудов историографического, богословского, философско-юридического и эпистолярного характера. Среди них «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» и монументальная «История Индий». Первое из названных сочинений стало страстным публицистическим обвинением не только алчных и жестоких конкистадоров, но по существу самой Испании, которой, как позднее предсказывал в своем завещании Лас Касас, за ее грехи может угрожать «божья кара» в виде собственной гибели. Эти пророчества отчасти сбылись, когда рухнула Испанская колониальная империя и страна вступила в длительную полосу упадка. В глазах потомков зверства завоевателей, с особым пафосом описанные Лас Касасом в «Кратчайшем сообщении...», положили начало так называемой «черной легенды» о неприглядной роли Испании в Новом Свете, в отличие от «розовой легенды», изображавшей белых пришельцев чуть ли не благодетелями и спасителями «диких» индейцев от их «темноты» и «безбожия».

«История Индий», во многом сохраняя полемичность и гуманистическую направленность «Кратчайшего сообщения...», считается едва ли не самым серьезным, полным и достоверным источником сведений о раннем периоде колонизации. В нем, в отличие от других «хронистов» своего времени, Лас Касас правдиво описал конкисту как экономическое «предприятие», показал завоевателей не как бескорыстных крестоносцев, а как рыцарей наживы, жаждавших лишь обогащения. В историю зарождавшейся латиноамериканской культуры вошел публичный диспут епископа-гуманиста с главным идеологом имперской антииндейской партии, придворным историком и богословом Хи-

несом де Сепульведой (1490—1573), который считал индейцев «го-мункулами», человекоподобными животными, самым Богом предназна-ченными служить испанцам. Лас Касас, напротив, облагораживал и героизировал туземцев, наделяя их чертами «природных» христиан, естественных людей «золотого века» и даже сравнивая их с античны-ми персонажами. Poleмику он заключил фразой, обобщившей всю его деятельность: «Индейцы — наши братья...» Перед смертью он писал о необходимости ухода испанцев с завоеванных земель, восстано-вления независимости индейцев и власти их прежних правителей и вож-дей. Неудивительно, что после смерти Лас Касаса некоторые его сочи-нения были официально осуждены и запрещены инквизицией. Тем не менее для последующих поколений он стал первым борцом за равно-правие индейцев и белых, что ярко проявилось в годы войны за неза-висимость, когда Боливар намеревался назвать именем Лас Касаса бу-дущую столицу единого государства на землях Америки.

XVII век во многих отношениях может считаться временем расце-та колониальной культуры, в недрах которой вызревали посеянные Лас Касасом семена будущего духовного и политического освобожде-ния. Из Санто-Доминго и бассейна Карибского моря — первых очагов колонизации, где начиналась полемика об индейцах — культурная жизнь постепенно перемещается на континент, в два созданных ви-це-королевства — Новую Испанию, со столицей в Мехико, и Перу, со столицей в Лиме. К тому времени это были, даже по масштабам Евро-пы, довольно крупные города с богатой архитектурой, своими универ-ситетами, типографиями и даже зачатками прессы, не говоря уже о широкой сети религиозных учреждений и храмов, призванных обеспе-чивать распространение католической религии. Культурная жизнь была теснейшим образом связана с церковью: зарождавшиеся мест-ные литература, музыка, театр, архитектура, резьба по дереву и т.п. носили религиозный или полурелигиозный характер и в то же время в своих выразительных средствах не могли не подвергаться заметному влиянию местной природной и человеческой среды — процесс, кото-рый особенно усилился к концу колониального периода и в ходе войны за независимость.

<p>Театр, музыка, художественное творчество, образование и печать в XVI — XVIII вв.</p>	<p>Процесс взаимопроникновения и взаимо- влияния европейской и индейских культур затронул все стороны жизни в Новом Свете. При возведении городов наряду с архитектурными стилями, присущими пи- ренейским странам, имели место и сугубо индейские формы (чоса, боио, хакаль).</p>
--	--

Естественно, что театр того времени и в Европе, и в Западном полушарии имел мало общих черт с современным. Этот вид искусства был распространен у индейцев Мезоамерики, Перу и других регионов и стал широко использоваться испанскими миссионерами в качестве важнейшего средства обращения индейцев в христианскую веру. Как правило, такого рода представления включали в себя и черты индейских театральных традиций, и элементы европейского театра. Вместе с тем важно отметить, что многие пьесы создавались на индейских языках и существовал сугубо индейский театр, испытывавший тем не менее существенное влияние европейской культуры. В качестве примера такого влияния можно назвать знаменитую кечуанскую поэму «Ольянтай», написанную в XVIII в. неизвестным автором на манер произведений Лопе де Вега и Кальдерона и переведенную впоследствии на латинский, английский, французский, немецкий и чешский языки.

Синтез европейских мелодий и индейских музыкальных ритмов породил новые для Западного полушария формы песен и танцев, такие, как гайумба, замбахало, чакона, куэка и др. Процесс евангелизации индейцев стал для местного населения одновременно и этапом приобщения к христианской церковной музыке. С 1527 г. в Новом Свете начали отливать колокола и создавать органы, а позднее и другие музыкальные инструменты.

В Новой Испании и Перу с начала XVIII в. появляются оперные произведения. В 1750 г. в Каракасе был организован первый симфонический оркестр. В генерал-капитанстве Венесуэла в XVIII в. сложилась группа композиторов: П. Паласиос Сохо, Лино Гальярдо, Хосе Анхель Ламас. В Бразилии возник так называемый музыкальный мулатизм — исполнение церковной и светской музыки оркестрами, состоявшими в основном из мулатов.

Живопись и скульптура занимали значительное место в культурной жизни испанских колоний и Бразилии. Наиболее крупные художники, которые творили в XVII в., Грегорио Васкес (1638—1711) — Богота; Мигель де Сантьяго (? — 1673) — Кито; Хуан Эспиноса де лос Монтерос-Куско, среди скульпторов — эквадорский священник Карлос и гватемалец Алонсо де ла Пас (1605—1676).

В XVIII в. снискали популярность работы бразильского скульптора и архитектора Антониу Франсишку Лишбоа (1730—1814), мексиканца Хосе Луиса Родригеса Альконеды и новогранадца Франсиско Хавьера Матиса (1774—1851), который, по мнению А.Гумбольдта, «лучше всех в мире рисовал цветы».

С 1505 г. в Новом Свете начала функционировать система школьного обучения. Первый колледж был основан монахом Эрнаном Суаресом в г. Санто-Доминго. Позже наряду с монастырскими появились

и светские школы. Как правило, учебные заведения создавались в городах. Ученики постигали Закон божий, испанский язык и математику. В крупных колледжах преподавали латинский язык, музыку, живопись, скульптуру и индейскую народную медицину. В сельской местности преподавание ограничивалось только основами религии. Однако были и исключения. Например, священник Васко де Кирого, вдохновленный «Утопией» Т. Мора, создавал в Мичиокане (Новая Испания) поселения, в школах которых наряду с религией большое внимание уделялось другим предметам. Аналогичный характер носило преподавание и в иезуитских миссиях Парагвая. В Бразилии первые школы были созданы в 1549 г. монахами-иезуитами.

Пользовались известностью университет Святого Фомы Аквинского в г. Санто-Доминго (где обучались также студенты с Кубы, из Венесуэлы и Пуэрто-Рико), университет в Мехико и университет Сан-Маркоса в Лиме.

Университеты имели четыре кафедры (права, теологии, медицины, искусств). Обязательным языком был латинский. В колониях, где жило индейское население (Мексика, Гватемала, Перу), преподавались индейские языки. Кроме университетов, теология изучалась в специальных семинариях. Моделью, образцом для университетов Нового Света служили университеты испанских городов Саламанки и Алькалы.

Среди специальных учебных заведений необходимо выделить колледж Сан-Андрес в г. Кито, созданный в 1553 г. Здесь получали образование будущие архитекторы, скульпторы и художники. В 1792 г. в Мехико была основана геологическая школа, в которой преподавали испанцы Фаусто де Эльуйяр, открывший вольфрам, и Андрес дель Рио, первооткрыватель ванадия. В 1783 г. в Мехико, а в 1797 г. в Гватемале открылись академии изящных искусств.

В XVIII в. в заморских владениях Испании открылись первые публичные библиотеки. Конец века был отмечен появлением целого ряда других центров культурной жизни: Ботанического сада в Мехико (1788 г.), Музея натуральной истории и Ботанического сада в Гватемале (1796 г.), Астрономической обсерватории в Боготе (1799 г.) и Навигационной школы в Буэнос-Айресе в том же году. По словам Гумбольдта, в Европе не было библиотеки, в которой с такой полнотой была представлена литература по ботанике, как в фондах библиотеки, созданной в Боготе Мутисом и Кальдосом.

Развитие культуры в Бразилии в XVI—XVIII вв. не достигло такого размаха, как в испанских колониях. Достаточно сказать, что в этот период в стране не было основано ни одного университета. Правда, иезуитский колледж в Баие приравнивался метрополией к университету, но,

после того как в 1759 г. иезуиты были изгнаны из Бразилии, он потерял свое значение. Бразильцы, имевшие такую возможность, получали образование в Европе, прежде всего в университете португальского г. Коимбра. Из примечательных явлений культурной жизни Бразилии следует отметить создание в 1784 г. в Рио-де-Жанейро кабинета для изучения естественных наук. Значительно позже, чем в испанских колониях, только в 1706 г., в Бразилии была создана первая типография.

Большое значение для культурной жизни колоний Нового Света имело издание газет. Первая из них, «Гасета де Мехико» («Gaceta de Méjico»), вышла в 1667 г., однако выходила она крайне нерегулярно. В Гватемале выход первой газеты («Gaceta») датируется 1729 г., в Перу («Gaceta de Lima») — 1743 г., в Гаване — 1764 г., в Боготе — 1785 г., в Буэнос-Айресе — 1801 г., в Монтевидео — 1807 г., в Санто-Доминго — 1821 г.

Роль церкви и монашеских орденов в развитии культуры

Роль церкви в культурной жизни колониального общества была противоречивой, но на фоне жестокостей и разрушительной деятельности конкистадоров она носила охранительный и даже созидательный характер. С одной стороны, действовала инквизиция, направленная на борьбу с «ересью» и на искоренение местных верований, что тормозило проникновение передовых идей в Америку и вело к утрате богатого творческого наследия индейцев. Например, епископ Юкатана Диего де Ланда (1524—1579) прославился тем, что публично сжег ценнейшую библиотеку рукописей майя. С другой стороны, были и такие иерархи церкви, как Лас Касас и немалое число его последователей, носителей ренессансного мироощущения, которые активно выступали в защиту индейцев. Они изучали культуру ацтеков, инков и майя, занимались переводами их письменных памятников, составляли грамматики и словари местных языков. Это наследие впоследствии вошло составной частью в латиноамериканскую культуру. Прекрасными образцами испано-индейского религиозного синтеза служат скульптурные изображения Христа с явными индейскими чертами; каменные кресты с элементами ацтекской символики; колониальная архитектура храмов с широким использованием орнамента, который воспроизводил местную фауну и флору, и т.п. Любопытно, что церковь, поощряя миссионерскую деятельность духовенства, установила правило, согласно которому священники могли получить приход только при условии владения местным языком.

Большую роль в колониальном обществе играла миссионерская деятельность монашеских орденов. Ее проводили францисканцы, доминиканцы и иезуиты, действуя обычно вне больших городов и спо-

собствуя продвижению католической религии и бытовой культуры в самые отдаленные уголки континента. Новообращенные индейцы, поселявшиеся вокруг миссий, соблюдали религиозные обряды, изучали испанский и португальский языки, овладевали под руководством монахов различными ремеслами. Индейцы обрабатывали землю, пасли стада, прокладывали оросительные каналы, заготавливали древесину для строительства и т.п. В результате было налажено производство многих сельскохозяйственных продуктов и изделий, необходимых для развития колониальной экономики в целом.

Значение миссий как инструмента колонизации не ограничивалось духовной и экономической деятельностью. Они были силой, содействовавшей территориальному и административному укреплению империи. Особенно организованными, а иногда, с точки зрения короны, и слишком инициативными в этом отношении, были иезуиты. Их усилиями на стыке нынешних Парагвая, Уругвая и Аргентины было образовано миссионерское теократическое государство. Оно состояло из 30 одно-типных индейских поселений (редукций), насчитывавших к середине XVII в. около 100 тыс. человек. Под умелым и достаточно гуманным руководством иезуитов это государство, опираясь на общинно-родовые традиции индейцев-гуарани, просуществовало около 150 лет.

Государство было уничтожено объединенной испано-португальской армией, после того как иезуиты совместно с индейцами поднялись на вооруженную борьбу против Испании и Португалии, решивших разделить между собой их территорию. В результате поражения в четырехлетней войне декретом испанского короля Карла III иезуиты в 1767 г. были изгнаны из Испании и всех ее заморских территорий, на долгое время оказавшись в оппозиции к всемогущей королевской власти. Очень показательным — и это аргумент в пользу наиболее дальновидной части церкви, — что многие, находившиеся в изгнании иезуиты, оказались врагами колониализма и связали себя с борьбой за независимость латиноамериканских стран.

Примером иезуитского диссидентства может служить жизнь португальского философа-утописта, политического деятеля и писателя Антониу Виэйры (1608—1697), ставшего, подобно испанцу Лас Касасу, духовным провозвестником независимости Бразилии. Он был привезен в Америку ребенком, блестяще закончил иезуитский колледж в г. Баия, изучил индейские языки, как проповедник, он заслужил доверие короля Жоана IV. Разоблачая злоупотребления плантаторов, Виэйра выступал за создание более либеральной коммерческой экономики, и ему удалось убедить монарха передать индейцев под власть иезуитского ордена. Массовое освобождение индейцев от фактического рабства, вызванное деятельностью Виэйры, послужило причиной яро-

сти предпринимательской оппозиции, которой даже удалось поднять восстание и временно изгнать иезуитов из районов евангелизации. Однако, по свидетельству Визейры, с тех пор судьба бразильских индейцев стала «единственным вопросом, который занимает и будет занимать впредь всю его жизнь». По его данным, приводимым в письме королю, только на северо-западе Бразилии в провинции Мараньян за сорок лет было уничтожено 2 млн индейцев, и «никто не понес за это наказания». Визейра пошел дальше Лас Касаса, защищая эксплуатируемых и обездоленных: не только индейцев, но и негров-рабов, ставших к тому времени важным этническим элементом страны, и белых бедняков, которые в поисках лучшей доли массами покидали метрополию и отправлялись за океан. Бразильский иезуит грозил своим соотечественникам-плантаторам Божьей карой и осуждал сам институт рабовладения, с которым они связывали сохранение и развитие здешнего государства. Для Визейра то, что опирается на несправедливость, не может быть прочным и постоянным. При этом угнетенного негра-раба Визейра сравнивал с распятым Христом. Подобная деятельность и взгляды священника-гуманиста привели его к опале, он, арестованный инквизицией, два года провел в заточении и был лишен права проповедовать и выступать в печати. Добившись позднее отмены сурового приговора, Визейра с 1681 г. до конца жизни провел в родном Баия, работал над многотомным собранием своих проповедей, каждая из которых, как оказалось впоследствии, была небольшим литературным шедевром и, по выражению одного из современных поэтов, заслужила ему титул «императора португальского языка». Без преувеличения можно утверждать, что в XVII в. в пределах португалоязычного мира не было другой фигуры, которая с такой полнотой воплотила бы в своей деятельности проблемы исторического и культурного процесса того времени.

Инка Гарсиласо де ла Вега В Испанской Америке двумя вершинами и **Хуана Инес де ла Крус** колониальной культуры, так же озаренными первыми лучами грядущей независимости, были представитель испано-индейской знати Инка Гарсиласо де ла Вега (1539—1616) и служительница церкви — сор (сестра) Хуана Инес де ла Крус (1651—1695).

Сын испанского конкистадора-аристократа и инкской принцессы (такие браки между представителями высших слоев белых и индейцев не возбранялись) Инка Гарсиласо стал самым ярким примером слияния в Новом Свете двух рас и двух культур. Первые 20 лет жизни он провел в Перу, тесно общаясь с высокопоставленными родственниками из окружения матери, но после развода родителей уехал в Испанию, где лишь с наступлением старости посвятил себя литературному

труду. Хронологически его творчество завершает эволюцию колониального летописного жанра, но, уходя корнями в испанскую и индейскую семейную традицию автора, становится в то же время провозвестником грядущего этнокультурного синтеза. Существует мнение, что Гарсиласо спас от забвения инкское духовное наследие. И это действительно так, если учесть, что его предки по материнской линии не имели письменности, а все, что мы знаем об их величественной империи, сохранилось на основе устного предания, впечатлений и записей отдельных конкистадоров и монахов, ставших свидетелями ее разрушения. Поэтому Инку Гарсиласо без преувеличения можно считать первым и весьма авторитетным историографом андских стран — преемником цивилизации инков и вице-королевства Перу.

Его главные произведения — «Подлинные комментарии» и «Всеобщая история Перу» — вышли в свет как две части единого повествования, одна — в 1609, вторая — уже посмертно — в 1617 г. В них автор, обладавший несомненным литературным даром, живо и выразительно, с заметным влиянием проиндейских симпатий, сначала подробно описывает древнюю культуру своих предков-индейцев, а затем, — теперь уже с гордостью за испанцев, — их покорение конкистадорами и последующую междоусобную борьбу между ними. В равной степени чувствуя себя и испанцем, и индейцем, он стремится с одинаковым уважением оценивать своих предков по отцовской и материнской линии. Неудивительно, что позднее и с той, и с другой стороны против Гарсиласо выдвигались обвинения в пристрастности и искажении исторической правды, хотя он не был сторонником ни «черной», ни «розовой» легенды о завоевании Нового Света. Его тщательно документированные труды можно считать подлинной энциклопедией доколониальной и колониальной жизни народов Андского нагорья. В них описываются природный мир, нравы и обычаи, мифология, особенности языка, драматическая история, даются яркие портреты наиболее известных деятелей, воплотивших «встречу двух миров». Существование самого Инки Гарсиласо де ла Вега как одного из наиболее неординарных персонажей этой встречи наглядно опровергает теории колониальных и нынешних расистов, выступающих за «чистоту крови» и считающих индейцев неполноценным и отсталым народом.

Если Инка Гарсиласо был метисом и представлял уже смешанную, индо-испанскую культуру, то сестра Хуана Инес де ла Крус была креолкой, т.е. чистокровной испанкой, но родившейся в Америке. Среди испанцев Нового Света, духовно подготовивших независимость, трудно найти фигуру, с которой связано столько легенд и кажущихся невероятными фактов. Посвятив себя поэзии и науке, Хуана Инес де ла Крус еще при жизни, будучи совсем молодой, широко прославилась по

обе стороны Атлантики. Современники называли ее Фениксом Америки, Десятой музой, Мексиканским Фениксом, ибо ум и талант этой женщины ни в тогдашней Испании, ни в ее колониях не имели себе равных. В колониальной Мексике она была тем, кем был Ломоносов в России. В возрасте трех лет она научилась читать; в 6 лет овладела письмом; в 8 уже говорила и писала по латыни и получила свою первую литературную премию; в 14 лет блестяще выдержала публичный экзамен, где ее по всем отраслям тогдашнего знания проверяли 40 лучших умов вице-королевства. Тогда же она становится первой дамой при дворе вице-короля Новой Испании, поражая всех поэтическим талантом, образованностью и красотой. В 19 лет Инес неожиданно... уходит в монастырь, дабы, по ее словам, «отрешиться от самой маленькой обязанности, могущей помешать моему служению наукам» и «безмолвной беседе с любимыми книгами». Ее келья, в которой сестра Хуана помимо поэзии занималась философией, историей, физикой, математикой, литературой, риторикой и провела 26 лет вплоть до своей кончины, превратилась в подлинный храм знаний и место паломничества для многочисленных посетителей из обеих Испаний. Она собрала огромную для того времени библиотеку, насчитывавшую около 4 тыс. томов. Ученая монахиня состояла в переписке с виднейшими деятелями науки и культуры как метрополии, так и колоний и снискала у них высочайший духовный авторитет. В конце жизни сестра Хуана, не без влияния клерикальных кругов, разочаровалась в могуществе научного знания, продала библиотеку и целиком посвятила себя благотворительности и молитвам. Умерла сестра Хуана, ухаживая за больными и заразившись сама, во время эпидемии чумы, вспыхнувшей в столице Мексики в 1695 г.

Творческое наследие Хуаны Инес де ла Крус сравнительно невелико: один том поэзии и три тома театральных произведений и прозы. Однако значение этой выдающейся поэтессы и ученой-монахини трудно переоценить. Задолго до обретения независимости она стала провозвестницей так называемого *мексиканизма*, т.е. зарождавшегося национального духа Мексики. Владея местными наречиями, прекрасно зная нравы и обычаи страны, она способствовала обогащению книжного испанского языка за счет разговорной речи простого народа, открыла путь широкому проникновению демократических элементов в будущую мексиканскую культуру. С другими гуманистами колониального периода ее роднят симпатии к обездоленным, выступления в защиту не только индейцев, но и негров-рабов, чему она посвятила немало вдохновенных строк. В масштабах Америки, а может быть, и всего тогдашнего западного мира она стала первой и единственной женщиной, получившей столь высокое признание и открыто отстаивавшей свое право на творчество и человеческое достоинство.

XVIII в. в культуре колониальной Америки, по сравнению с периодом конкисты и временем расцвета вице-королевств Новая Испания и Перу, не может похвастаться самобытными именами масштаба Лас Касаса, Инки Гарсиласо или Хуаны Инес де ла Крус. В области литературы и искусства он характеризовался определенным застоем и послушным следованием испанским образцам, что выражалось в повсеместном распространении господствовавшего тогда в Испании и Европе художественного стиля барокко, позднее постепенно сменившегося неоклассицизмом. Эстетика барокко с усложненной и подчиненной единому ансамблю орнаментацией ярко проявила себя в роскошной колониальной архитектуре, пышном убранстве католических храмов, детализированной живописи и вычурной поэзии, чему, кстати, отдала определенную дань и сестра Хуана. Американская действительность и своеобразный менталитет местных жителей обогащали этот стиль не известными Европе художественными элементами. Так, в Новой Испании барокко в архитектуре, доведенное до крайности, до «вакханалии декора», порождает так называемое креольское ультрабарокко или стиль «чурригереско», воспринятый в определенной степени даже Европой.

Если в искусстве и художественной литературе, нередко по чисто цензурным причинам, почти не наблюдалось ничего нового, то в области общественной мысли к концу века Просвещения и началу Войны за независимость в Северной Америке, несмотря на усилия испанской короны сохранить свою власть, быстро набирал силу сепаратизм. Его главной идейной силой выступили креолы, которых иногда сравнивают с третьим сословием во Франции. Креола можно определить как этнического испанца, родившегося в Америке. Позднее это сословие получило пополнение за счет людей смешанной крови, которые за деньги стали приобретать у властей креольский статус. Креолы занимали в колониальном обществе срединное положение: были второстепенными чиновниками в административном аппарате, выбирали «свободные» профессии врачей, законодателей, инженеров, составляли основную массу среднего офицерства и клира. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что они представляли тогдашний интеллектуальный слой, или интеллигенцию. И именно они были призваны стать не только вдохновителями освободительной борьбы, но и единственным коллективным субъектом культурного процесса.

Действительно, в отличие от презиравших их пиренейцев, родившихся в Испании и молившихся на нее, в отличие от поработанных ими индейцев или завезенных из Африки негров-рабов, на начальном этапе становления новой цивилизации преимущественно они и могли

быть носителями зарождавшегося самосознания будущих латиноамериканских наций. Правда, на территориях — наследницах развитых культур инков, майя и ацтеков сознательное стремление креолов к освобождению от ига метрополии тесно переплеталось со стихийными выступлениями наиболее угнетенных слоев, претендовавших на свое собственное этническое самоопределение. Особенно это характерно для Перу, где в XVIII в. наблюдается всплеск своего рода инкского национализма. Так, в 40-х годах один из местных касиков провозгласил себя наследником Инки Атауальпы и возглавил восстание, продолжавшееся свыше 10 лет; в 1780—1782 гг. вице-королевство потрясло восстание под руководством одного из потомков инкской династии, назвавшего себя Верховным Инкой под именем Тупака Амару II. С 60-х годов аналогичные выступления произошли на Юкатане, в Новой Испании, Гватемале и других районах. Самым характерным с полиэтнической точки зрения было восстание 1781 г. в Новой Гранаде под руководством креолов, когда совместно с ними выступили негры, мулаты и индейцы, символизируя будущее сотрудничество рас в годы войны за независимость.

Рассматривая участие индейских и афроамериканских масс в борьбе против колониального владычества, нельзя не признать, что креольской элите, несомненно, принадлежит основная роль в идейной подготовке и последующем руководстве развернувшимся освободительным процессом. В последней четверти XVIII в. на всей территории колониальных империй Испании и Португалии в креольской среде множатся полулегальные и нелегальные «салоны» и «общества», где с антииспанских позиций ведутся горячие дискуссии о характере и судьбах народов Американского континента. Эти споры питались, в частности, и развернувшейся в то время в Европе с участием изгнанников-креолов полемикой о Новом Свете. Ее главной темой стала «неполноценность» или «полноценность» (?) американского населения по сравнению с европейцами. Как «молодой» континент, Америка представлялась тогдашним европоцентристам в целом менее приспособленной к жизни, более «слабой», чем Европа; креолы, индейцы и афроамериканцы — этносами пока «незрелыми» для освоения плодов цивилизации, хотя и имеющими право на развитие. Часть европейских мыслителей, опиравшихся на труды Лас Касаса, Инки Гарсиласо или Хуаны Инес де ла Крус, подчеркивали если не превосходство Латинской Америки в вопросах культуры, то по меньшей мере культурное равноправие ибероамериканцев и европейцев. Показательно, что среди защитников самобытности и самоценности Америки немалую роль играли писатели-иезуиты, хорошо знавшие богатства и возможности Нового Света и его населения. Большую роль в духовной «реабилита-

ции» Южной Америки как континента будущего, а латиноамериканцев как трудолюбивых и талантливых хозяев своей земли сыграл великий немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт (1769—1859). На рубеже веков он совершил длительную научную экспедицию по Центральной и Южной Америке, дал первое систематическое описание географии, флоры и фауны этого региона, его естественных богатств; ликвидировал много «белых пятен» на его карте, а также познакомил европейцев с наиболее существенными моментами латиноамериканской истории, в частности с наследием ее выдающихся гуманистов XVI—XVII вв. С восхищением высказываясь об их деятельности и идеях, он с симпатией относился к назревавшему в те годы национально-освободительному движению и был дружен с его будущим лидером Боливаром.

Креольская духовная элита, выступая против изживавшего себя колониального господства и объединенная идеологией антииспанства, во многом ориентировалась на европейское Просвещение, руссоизм и кое-где начинала усваивать элементы утопического социализма. Наиболее известной фигурой, идейно подготовившей вооруженную борьбу и на начальном этапе принявшей в ней непосредственное участие, был венесуэлец Франсиско Миранда (1750—1816). Находясь на военной службе в качестве адъютанта генерал-губернатора Кубы, он вступил в связь с местными патриотами-сепаратистами и, преследуемый властями, бежал в 1783 г. в США, где пытался заручиться поддержкой антииспанского освободительного движения. С этой же целью позднее он посетил Россию, Великобританию, а также революционную Францию, где в 1792 г. стал генералом и принял участие в военных действиях против прусских и австрийских интервентов. В 1801 г. он обратился «к народам Колумбова континента» с революционной прокламацией, призывавшей сбросить испанское иго. Все последующие годы Миранда с переменным успехом был организатором и участником вооруженных выступлений в Венесуэле, а после провозглашения ее независимости стал главнокомандующим с диктаторскими полномочиями. Его жизнь закончилась трагически: после поражения в одной из решающих операций против колонизаторов он был предан друзьями, захвачен в плен, отправлен в Испанию, где и умер в тюремном застенке.

Среди креолов, провозвестников, а позднее и участников войны за независимость, заслуживают упоминания колумбиец Антонио Нариньо (1765—1823), первый переводчик и издатель на испанском языке «Декларации прав человека и гражданина» (1794); венесуэлец Симон Родригес (1771—1854), философ и педагог, идейный наставник и друг Боливара, один из ранних пропагандистов руссоизма и утопического социализма в Латинской Америке; аргентинец Мариано Морено

(1778—1811), историк, издатель и первый переводчик «Общественного договора» Руссо, позднее один из руководителей первого правительства независимой Аргентины — Патриотической хунты (1810 г.); эквадорец Франсиско Хавьер Санта-Крус-и-Эспехо (1747—1795), просветитель, публицист и врач, издатель первой национальной газеты. Он не был креолом, а вышел из индейско-мулатских «низов», однако занимает в истории латиноамериканской культуры видное место не только как борец против колониальных порядков и религиозного фанатизма, но и как выдающийся ученый, заложивший основы светской материалистической науки.

В Бразилии кануна независимости заметными мятежными фигурами были также креолы: казненный португальцами руководитель неудавшегося заговора «инконфидентов» (1789 г.) прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер (1748—1792) по прозвищу Тирадентис, провозглашенный впоследствии национальным героем; и участник этого же заговора, поэт и общественный деятель Томас Антониу Гонзага (1744—1810).

Оценивая решающую роль креолов в идейной подготовке и организации освободительной борьбы, нельзя не учитывать и такое важное обстоятельство, как преимущественно креольский состав низового колониального клира. Иезуитские изгнанники в европейских странах и США стали для внешнего мира важным источником знаний о находившихся за «железным занавесом» испанских и португальских колониях. К началу XIX в. идеи сепаратизма начали проникать и в среду колониального духовенства, определенная часть которого не только нравственно поддерживала освободительное движение, но и выступила против испанцев с оружием в руках. Яркие примеры религиозного бунтарства связаны с именами таких служителей культа, как национальные герои Мексики и руководители борьбы за ее независимость Мигель Идальго и Хосе Мария Морелос, священник-поэт Мариано Мельгар, которого считают основоположником национальной поэзии Перу. Все они были захвачены на поле боя и казнены испанцами как демократы и революционеры.

ЧАСТЬ III

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Глава I

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

§ 1. Кризис колониальной системы в Латинской Америке

По вопросу о природе установившихся в американских колониях Испании и Португалии общественных отношений ведутся научные дискуссии, в ходе которых отчетливо определились два противостоящих лагеря — сторонники концепции колониального феодализма и колониального капитализма. Первые, подчеркивая феодальные устремления испанских и португальских колонизаторов, доказывают, что в Ибероамерике сложились монополия земельной собственности и прикрепление работников к поместьям и другим хозяйствам. Это в свою очередь обусловило отсутствие наемной рабочей силы. Потому итогом иберийской колонизации стало формирование феодального и отчасти рабовладельческого способа производства. Вторые, признавая наличие в колониях докапиталистических форм эксплуатации, основанных на внеэкономическом принуждении, тем не менее считают их составной частью колониального капитализма.

Нам представляется, что вторая концепция ближе к истине, и мы попытаемся ее развить и дополнить.

Сначала об устремлениях иберийцев. Общеизвестна связь Великих географических открытий и европейской экспансии в Америку, Африку и Азию с середины XV столетия не только с появлением нового типа парусных морских судов (каравеллы), магнитного компаса, астролябии, достижений космографов и т.д., но и с процессом первоначально-го накопления капитала. Распад Монгольской империи Чингисхана открыл для европейцев Великий шелковый путь в Китай и другие страны Востока. Турки, взяв столицу Византии Константинополь в 1453 г., заперли для европейцев другой традиционный путь к золоту, шелкам, пряностям и прочим богатствам Китая и Индии — через Ближний Восток.

Фрагментарность исторического знания, в том числе в изучении Европы, приводит к тому, что история иберийских (пиренейских) стран остается, как правило, в тени, между тем как в центре внимания оказываются Англия, Франция, Германия, Нидерланды. Потому неудивительно, что большинство не только латиноамериканцев, но и ученых-латиноамериканистов убеждены, будто Испания и Португалия как будущие метрополии латиноамериканских колоний оставались феодальными государствами и с самого начала эпохи первоначального накопления значительно уступали Англии, Франции и Голландии, где и зарождались первые ростки капитализма. В самом деле, если новые торговые пути к золоту, тканям, пряностям и прочим богатствам Востока нужны именно нарождающемуся капитализму, а зарождается он в Англии, Франции и Голландии, то по логике вещей именно эти страны и должны бы отправиться на их поиски. Однако в западном направлении отправляется в Индию и попутно натывается на Америку экспедиция из «феодальной» и «отсталой» Испании, а вокруг Африки ищут и находят путь в Индию такие же «недоразвитые» португальцы.

Уже в данном пункте легко уловить принципиальную несовместимость между общей трактовкой эпохи первоначального накопления и местом в этом процессе, которое ученые отводят Испании и Португалии. И чтобы преодолеть это логическое противоречие, следует либо отказать Великим географическим открытиям конца XV столетия в какой бы то ни было связи с зарождением капитализма, либо признать, что капитализм зарождался совсем не там, где принято думать.

А дальше — больше. В 1494 г. при посредничестве Ватикана именно «недоразвитые» Испания и Португалия заключают между собой Тордесильянский договор, разделив мир по Атлантике. Более того, захватив оговоренные территории, они через три десятилетия встречаются в Тихом океане и в 1529 г. в Сарагосе другим договором проводят еще одну демаркационную линию между своими владениями. И выходит, что на заре капиталистической эры «феодальные» и «недоразвитые» иберийцы возымели неслыханную наглость — поделили между собою мир и как минимум еще столетие даже близко не подпускали к столь лакомому пирогу якобы самых передовых англичан, французов и голландцев.

Часто, чтобы обосновать именно «феодальный» характер иберийской колонизации, даже в советское время, несмотря на святость цитат классиков марксизма, Маркса и Энгельса брали в союзники весьма оригинальным способом. Например, Энгельс десятилетиями цитировался в таком препарированном виде: «*Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку, *золото* — вот чего первым делом требовал

белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹. Но стоит посмотреть, что опускается из этой цитаты. До того места, где кавычки открываются учеными, мы читаем: «До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой». А после места, где цитату обрывают, Энгельс и вовсе откровенен: «Но эта тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью приобретение земель»². Правда, здесь говорится о «феодальных» и «полуфеодальных» формах, в которых осуществлялись поиски золота. Но в другой работе, говоря о стремлении испанцев к «золотым и серебряным рудникам Мексики и Потоси», Энгельс определяет: «То была для буржуазии пора странствующего рыцарства; она также переживала свою романтику и свои любовные мечтания, но на буржуазный манер и в конечном счете с буржуазными целями»³.

Маркс также категоричен: «Различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией»⁴. Иными словами, историческая последовательность, отмеченная Марксом, латиноамериканистами была переделана с точностью до наоборот. Не менее исчерпывающий ответ на вопрос о характере колонизации Америки содержат рассуждения Маркса о положении в английских колониях, «и в особенности в тех из них, где производились только продукты для торговли, как, например, табак, хлопок, сахар и т.п., а не обычные продукты питания, где колонисты с самого начала не пропитания искали, а основывали коммерческие предприятия». «Колонисты, — заключает Маркс, — поступали здесь не как германцы, которые осели в Германии для того, чтобы устроить там свое местожительство, а как люди, которые руководствовались мотивами *буржуазного производства* и хотели производить *товары*, исходя из точек зрения, с самого начала определявшихся не продуктом, а продажей продукта»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 408.

² Там же. С. 408—409.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. Т. 23. С. 761.

⁵ Там же. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 258.

Как видим, классики марксизма не имели никакого отношения к одной из важнейших посылок либерально-марксистско-десарролистской трактовки открытия и колонизации Америки. Впрочем, в еще большей мере этой трактовке противоречат реальные исторические факты, которые опять же мало или вовсе неизвестны читателям.

Конечно, подавляющему большинству колонистов Иberoамерики и Америки Северной приходилось-таки довольствоваться продуктом, а не его продажей. Но вряд ли можно на этом основании отказывать в наличии мотивов буржуазного производства тем горнорудным гигантам, плантациям тропических культур, скотоводческим эстансиям и земледельческим асьендам, мануфактурам и судостроительным верфям, которые с самого начала создавались именно ради массового производства товаров на мировой и/или внутренний рынок и потому являлись не чем иным, как коммерческими предприятиями.

Торговля, в первую очередь трансатлантическая торговля с Европой, являлась той силой, которая придавала динамизм всей экономике колоний. Но вот чтобы производить необходимые Европе товары, Иberoамерика должна была обзавестись целыми отраслями экспортного производства. Откуда же взялось все это экспортное производство и какое значение оно имело для колониальной экономики в целом?

Наверное, нет в мире колониального в прошлом народа, который бы с благодарностью вспоминал колонизаторов, даже если сам он от них же и происходит. У латиноамериканцев воспоминания о колонизаторах тоже чаще всего связываются с украденными у них золотом, серебром, алмазами, с десятками миллионов загубленных жизней индейцев и негров, со многими другими преступлениями европейцев. Такая оценка колонизаторов обоснованна, хотя и односторонняя. Но именно в таком виде она утвердилась в научной литературе, где по отношению к испанским и португальским владениям в Америке использовался тезис В.И. Ленина о том, будто в капиталистическое производство колонии начали втягиваться только с наступлением эпохи империализма, т.е. с конца XIX в., а до того вовлекались лишь в товарообмен¹.

Между тем еще А. Гумбольдт, досконально изучавший Латинскую Америку во время путешествия 1799—1804 гг., приводит любопытное наблюдение: «Новая Испания... доставляет в королевское казначейство вдвое больше доходов, чем Британская Индия с ее впятеро большим населением в английское казначейство»². Следовательно, каждый мексиканец давал в 10 раз больше прибавочного продукта, чем инди-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 35.

² Цит. по: *Мирошевский В.М.* Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). М.; Л., 1946. С. 34.

ец. Если принять ленинский тезис, будто колонии втягивались тогда только в обмен товарами, то столь высокую продуктивность пришлось бы отнести на счет первобытнообщинного и «азиатского» способов производства у американских аборигенов. Но так ли это?

В Мексике середины XVIII в. среди 3 тыс. рудников действительно имелись и примитивные копи с индейским способом добычи. Но со времени внедрения в 1554 г. метода амальгамирования серебра ртутью свыше 90% серебра давали не они, а полторы сотни крупных предприятий, из коих десять имели более чем 1 млн песо¹ основного капитала и тысячу наемных рабочих каждое, а на руднике «Ла Валенсьяна» в Сакатекесе, где только для приведения в действие 14 рудодробительных колес приходилось содержать до 800 лошадей и мулов, которые за год съедали около тысячи тонн кукурузного зерна.

В другом крупнейшем центре добычи серебра, верхнеперуанском Потоси, индейская техника добычи и плавки руды прослужила основой производства не более 15—20 первых лет эксплуатации месторождения, пока исчерпание богатых серебром пород не вызвало падения производства. В 1568 г. вице-король Перу Франсиско де Толедо получил от испанского короля Филиппа II и Совета по делам Индий задание увеличить добычу серебра. Для этого он предпринял масштабную реорганизацию всей отрасли: внедрил амальгамирование, начал разработку ртутных месторождений Уанкавелики в Нижнем Перу, увеличил количество наемных работников и ввел принудительный труд индейцев. На смену примитивным механизмам для размельчения пород с 1572 г. пришли *инхеньо*, крупные металлургические предприятия. Каждый *инхеньо* обладал рудодробительными машинами с водяным двигателем, несколькими печами для обжига и хлорирования пород, огромным котлом для амальгамирования бедных руд и т.п. В 1574—1577 гг. была построена знаменитая пойма Потоси — целая цепь *инхеньо*, каждый из которых, беря воду из р. Тарапайя через каскад искусственных водохранилищ для привода в движение собственных машин, передавал ее ниже расположенному *инхеньо*. В этой цепи были размещены 132 рудодробительные

¹ Наиболее распространенной денежной единицей в Испанской Америке являлся серебряный песо. Он делился на 8 реалов и на рубеже XVIII—XIX вв. был равен примерно 1 долл., 1/5 ф. ст. или 5 турецким ливрам. О его покупательной способности можно судить по цене быка или коровы на Ла-Плате, составлявшей в XVIII в. 1,5 песо. Кроме того, имел хождение золотой песо — кастельяно, или дублон, который был равен двум серебряным песо и делился на 8 томинов.

машины, а на строительстве всего комплекса под руководством ученых и архитекторов трудились 66 мастеров-каменщиков, 200 приказчиков и десятников и 4 тыс. наемных поденщиков. Сооружение поймы Потоси обошлось в кругленькую сумму — 4 062 229 песо. Под стать такой организации переработки руды была создана и новая система ее добычи, где львиная доля добытой руды приходилась на два-три десятка крупнейших рудников, вроде рудника «Котамито». На руднике только для откачки подземных вод требовались 1,5 млн песо в год, но с 1707 по 1714 г. он дал серебра на сумму 60 млн песо, не считая нелегального вывоза. В целом же осуществленное вице-королем Толедо изменение способа производства в горнорудной промышленности Потоси можно считать своего рода промышленной революцией сверху, имевшей следствием едва ли не десятикратное увеличение производства. Если в 1571—1575 гг. среднегодовая добыча серебра здесь составляла 1,3 млн, то в 1580—1600 гг. — 10,1 млн песо.

Так что когда Ф. Бродель, рисуя оживление мировой экономики после спада середины XVII в. за счет возобновления потоков серебра из Мексики и Перу, утверждает, будто импульс исходил «от “туземных” горняков, снова использовавших свои традиционные бразеры», то это утверждение следует воспринимать как не более чем дань традиционному заблуждению. Ни в Мексике, ни в Верхнем Перу, ни в других уголках Испанской Америки добыча серебра уже давно не базировалась на автохтонном индейском способе производства.

В начале колонизации испанцы пробовали использовать индейские методы и в золотодобыче. Так, в частности, поступал Колумб на Эспаньоле (Гаити), когда попросту обложил каждого индейца старше 14 лет золотой данью, добывать золото они должны были как умели. Но, невзирая на изощренные жестокости, чинимые ради выколачивания дани, попытка обогатиться, сохраняя способ производства побежденных, окончилась полным фиаско. Подлинно же промышленные масштабы добычи в Новой Гранаде, откуда поступила половина испано-американского золота — на сумму 681 млн песо (в то время как у индейцев удалось отнять или выменять всего 8 млн), достигались за счет создания крупных предприятий и вложения огромных средств в строительство машин, многокилометровых водных каналов или гигантских резервуаров для сбора дождевой воды и многого другого. Здесь использовался труд тысяч негров-рабов и наемных старателей. И успехи были тем большими, чем более современные формы организации принимала добывающая промышленность. Об этом свидетельствует реляция вице-короля Новой Гранады А. Кабальеро-и-Гонгоры от 1789 г., в которой, охарактеризовав в целом неплохое состояние отрасли, он заключал: «Но где происходит подлинное процветание рудников, так это в Попаяне, потому что именно здесь впервые в стране сформирова-

лась акционерная компания для разработки богатств Альмагера»¹. В 1796 г. другой вице-король, Хосе де Эспелета, сообщал уже об акционерных обществах и в добыче серебра.

Хотя драгоценные металлы составляли основу испаноамериканского экспорта, уже примерно через 60 лет после открытия континента в Европу начали вывозиться ценные сельскохозяйственные продукты: красители кошениль — насекомые, из которых добывался кармин, красный краситель, — и индиго (особенно из Мексики и Центральной Америки), табак и хлопок (из Новой Гранады), кофе и какао (из Венесуэлы и Кито), сахар (особенно с Кубы), кожи (с Ла-Платы), доля которых в отдельные годы достигала 30% всей стоимости колониального вывоза. В Бразилии главной статьей экспорта поначалу была ценная древесина пау бразил, затем сахар и только в XVIII в. на первое место вышли золото и алмазы.

Но и в экспортном земледелии крайне редко встречались формы производства, которые бы не были созданы с нуля или же в итоге кардинальной трансформации автохтонных способов производства. Взять хотя бы рабовладельческую плантацию в Бразилии второй половины XVI в. На первый взгляд, в нее и вкладывать-то ничего не надо. А между тем, помимо затрат на рабов, других обычных для земледелия расходов, плантатор строил еще сахароваренный завод, который при всей кажущейся примитивности в среднем обходился в то время в 15 тыс. ф. ст., что в современном масштабе цен эквивалентно 1 млн долл.

Перечень подобных примеров можно продолжать бесконечно. И все они свидетельствуют об одном: грабеж колоний иберийцы, как и другие колонизаторы Америки, осуществляли не за счет простого втягивания аборигенов в торговлю, а за счет создания целых отраслей и инфраструктуры экспортного хозяйства на уровне европейских достижений, которого местные народы не знали. Таким образом, доходы от колоний зависели от вложенных сюда капиталов.

Каково было значение экспортных хозяйств для экономики колоний, наглядно показывает крупнейшее в Южной Америке месторождение серебра Потоси. Открытое в 1545 г., оно уже через 25 лет насчитывало 120 тыс. жителей. Эту массу народа надо было одеть, обуть, накормить, да еще и предприятия обеспечить порохом, железом и ртутью, лошадьми и мулами, фуражом, дровами и многим другим. Цены же в городе, возвышавшемся более чем на 4 тыс. м над уровнем моря, были не ниже, чем на Клондайке во времена золотой лихорадки. Вот и возникали не только в Перу, но и в Кито, Чили, на Ла-Плате и в других уголках

¹ Relaciones de mando de los Virreyes de la Nueva Granada: Memorias económicas. Bogotá, 1954. P. 116—117.

континента скотоводческие и земледельческие поместья и фермы, мануфактуры и цехи, весь смысл появления которых состоял в производстве товаров для Потоси. Подсчитано, что в XVIII в. эти поставщики «съедали» до половины добытого здесь серебра. Такие же экономические связи складывались вокруг серебряных рудников Мексики, золотых приисков Новой Гранады, Бразилии, Чили, бразильских алмазных копей. Плантации сахарного тростника, кошенили, индиго, какао и других экспортных продуктов тоже создавали сеть товарно-денежных отношений, раскинутую порой на многие тысячи километров. Так, для питания рабов плантаторы Кубы закупали солонину в Рио-де-ла-Плате, Мексике и Венесуэле, и в конце XVIII в. для этой торговли ежегодно перерабатывались десятки тысяч голов крупного рогатого скота.

Сами же поставщики, порождая спрос на хлопок, шерсть, кожи и прочее сырье, плели собственную паутину хозяйственных нитей. Прибавим к этому торговлю и необходимые ей средства транспорта и пути сообщения, города — и мы получим лишь малое представление о той гигантской созидательной работе, которую за три столетия колониализма проделал на американской земле иберийский капитал, а заодно и о том, во что обошлось ему создание подлинно всемирного рынка.

По мере утверждения на этом рынке первенства голландцев, англичан и французов колонии иберийских держав еще сильнее втягивались в мировую торговлю через контрабанду. Из-за отставания от Голландии, Франции и Англии в развитии мануфактур Испания и Португалия сами были вынуждены импортировать иностранные промышленные изделия для последующего их ввоза в свои колонии. Хотя эти товары облагались огромными налогами, у латиноамериканцев вскоре сформировались устойчивые потребительские вкусы и спрос на иностранные изделия все более возрастал. Предлагая американцам ткани, железо, сталь, инструменты, негров-рабов и многое другое по гораздо более низким ценам, чем иберийские купцы, голландцы, французы и англичане расширяли нелегальную торговлю с Иberoамерикой, пробирая и расширяя бреши в монополии Испании и Португалии.

Таким образом, *товарное производство* в Новом Свете, созданное европейскими переселенцами, под воздействием стимулов мировой торговли достигло серьезных масштабов и превратилось в фактор, придававший динамизм всей экономике колоний. В то же время оно вступило в острое противоречие с основанным на *меркантилистских* ограничениях колониальным режимом, тормозившим это развитие. Широкое распространение контрабандной торговли испанских и португальских колоний с Англией, Францией и Голландией явилось проявлением кризиса колониального режима.

§ 2. Реформы и обострение противоречий в Иberoамерике

Монополии, ограничения, налоги, как неотъемлемая часть системы колониальных производственных отношений, препятствовали экономическому развитию колоний. И в этом одна из главных причин войны за независимость, хотя сам по себе режим регламентаций еще не объясняет, почему именно в данный период, а не раньше или позже, происходят освободительные революции. На этот аспект в традиционном освещении войны давно обратил внимание французский ученый П. Шоню. Если бы освободительная война в самом деле была ответом на злоупотребления торговой монополией, доказывал ученый, то она произошла бы в 1580 г., когда действительно существовала жесткая монополия Севильи. Нормальными же хронологическими рамками независимости могли бы стать, по мнению Шоню, либо конец XVII в., когда Америка обогатилась, а Испания обеднела и ее монополия фактически перестала существовать, либо отрезок времени около 1860 г. или чуть позже, когда в результате Гражданской войны между Севером и Югом США в Америке возник свой настоящий «полюс господства». Следовательно, политическая независимость Испанской Америки, достигнутая в первой четверти XIX в., явилась результатом не внутренней зрелости, а лишь событий в метрополии (оккупации Испании наполеоновскими войсками, пленения короля Фердинанда и т.д.).

Процветание колоний никак не входило в планы европейских колонизаторов, понимавших, чем это им грозит. Но жажда наживы все сильнее толкала к развитию как раз тех отраслей, от которых зависел динамизм и колониального хозяйства в целом. Во второй половине XVIII в., стремясь сократить собственное отставание за счет увеличения доходов от заокеанских владений хотя бы до уровня английских, французских и голландских колоний, Испания и Португалия провели в своих империях реформы по либерализации торговли и предпринимательства и реорганизации административно-управленческого аппарата.

В Испании реформы были связаны со сменой правящей династии. После смерти Карла II, не имевшего наследников, разразилась Война за испанское наследство (1700—1713), в которой участвовали все великие европейские державы того времени. Благодаря поддержке французских родственников испанским престолом завладел Филипп V Анжуйский (1701 г.), с которым в Испании и ее владениях утвердилась династия Бурбонов.

Новая династия, восстанавливая пошатнувшийся престиж и политическое могущество Испании, занялась улучшением внутренней организации империи, увеличением доходов короны и укреплением обороноспособности своих владений.

В 1714 г. Совет по делам Индий передал большинство своих полномочий Министерству по делам флота и Индий. В 1717 г. Торговая палата из Севильи была переведена в Кадис. В самих колониях в 1749 г. вводится институт интендантов, которые заменили губернаторов и корехидоров и были обязаны всемерно содействовать развитию земледелия, промышленности и торговли, а также «честному» сбору налогов. В свою очередь для контроля над интендантами и другими колониальными чиновниками учреждается институт так называемых *виситадоров* — особо доверенных высших чиновников короля, которые периодически осуществляли инспекционные поездки в колонии.

Судебная система в колониях также подверглась реформированию. В королевские аудиенсии перестали назначать креолов и ввели дополнительно пост регента, который информировал министра по делам Индий о наиболее важных принятых решениях. Наряду со значительным улучшением делопроизводства это должно было создать эффективный бюрократический механизм управления, независимый от колониального общества и местных интересов.

Был усилен патронат короля над церковью, а наиболее состоятельный и могущественный монашеский орден иезуитов подвергся изгнанию из испанских владений и конфискации имущества в пользу короны.

Наиболее важные для колоний реформы в сфере экономики связаны с именем короля Карла III (1759—1788). В частности, была ликвидирована система торговых флотилий, а в 1778 г. введена «свобода торговли», что позволило расширить список испанских и испаноамериканских портов, которым разрешалось вести между собой торговлю, снижались пошлины на торговлю сахаром, тканями, металлами и другими мануфактурными изделиями. В самих колониях была создана сеть *консуладо* (своего рода корпораций развития сельского хозяйства и торговли в колониях), имевших равное представительство от торговцев и землевладельцев, а также от экономических обществ друзей страны. С целью сильнее привязать колонии к торговле с метрополией здесь обосновались крупные компании испанских купцов, наделенных короной монопольными правами.

Аналогичные реформы в португальской Бразилии, включая изгнание иезуитов в 1759 г., проводил королевский министр маркиз Помбал.

Заинтересованность в росте прибавочного продукта вынуждала колонизаторов содействовать развитию хотя бы тех отраслей в Новом Свете, в которых этот продукт создавался, т.е. экспортных отраслей. Поскольку же они не являлись изолированными анклавами в колониальной экономике, стимулы экспортным отраслям неизбежно передавались экономической системе в целом. При такой целостности экономики реформы не могли не ускорять развитие товарного производства во всех остальных отраслях колониального хозяйства, чем приближали наступление краха колониального режима.

В самом деле, реформы в торговле вызвали колоссальные перемены в товарообороте между метрополиями и колониями. Если в 1779 г. в Кадис из Америки прибыли лишь 14 кораблей, то шесть лет спустя — 132, в том числе 51 из Гаваны, 5 из Каракаса, 2 из Куманы, 13 из Гуайры, 3 из Буэнос-Айреса, 14 из Монтевидео, 5 из Картахены, 3 из Гондураса, 25 из Веракруса, 5 из Кампече, 1 из Пуэрто-Рико, 5 из Лимы. Иными словами, произошло почти десятикратное увеличение испаноамериканской внешней торговли и резкое расширение ее географии.

Эти стимулы отозвались в первую очередь на традиционной экспортной отрасли — горнорудной промышленности. Мексика с 1762 по 1804 г. увеличила добычу серебра с 12 до 27 млн песо, став крупнейшим в мире его производителем. После векового спада оживилась горнорудная промышленность Верхнего Перу: если в период с 1754 по 1779 г. среднегодовая добыча серебра в Потоси достигала немногим более 1 млн песо, то в 1790—1809 гг. — более 2 млн песо. В Новой Гранаде количество отечечаненного золота увеличилось с 1224 тыс. песо в 1776 г. до среднегодового уровня 2095 тыс. песо в период между 1789 и 1795 гг. Хотя Нижнее Перу уступало означенным колониям в производстве драгоценных металлов, тем не менее и здесь горнорудная отрасль находилась на подъеме: с 1750 по 1792 г. количество отечечаненного золота выросло с 270 до 1175 кг, а серебра — с 71 760 до 133 170 кг.

Реформы по либерализации торговли способствовали также быстрому увеличению объемов и разнообразия экспортного сельскохозяйственного производства в Ибероамерике. На Кубе вывоз сахара с 2392 т в среднем за год в период с 1760 по 1763 г. вырос до 22 149 т в 1796 г. и до 37 610 т в 1802 г. Если в 1748—1753 гг. Куба поставляла в метрополию в среднем 75 тыс. арроб¹ табака в год, то в 1789—1794 гг. — 250 тыс. арроб ежегодно.

Бразилия, где развитие сахарного производства достигало апогея, испытала также хлопковый бум. Хлопок на некоторое время даже оттеснил сахар на второе место среди статей экспорта. С пореформенным периодом связано производство кофе. Экспорт этого продукта только из Рио-де-Жанейро увеличился с 79 арроб в 1779 г. до 8495 в 1796 г. и до 82 245 арроб в 1806 г. В скотоводческой провинции Рио-Гранди-ду-Сул набирало силу экспортное производство вяленого мяса, вывоз которого с 13 тыс. арроб в 1793 г. вырос до 600 тыс. арроб в первые годы XIX в.

Венесуэла в 1775 г. произвела 6776 т какао, а в 1793 г. — 9766 т. В стране также был внедрен кофе, вывоз которого возрос с 2,4 т в 1786 г. до 3680 т в 1810 г. Экспорт индиго увеличился с 352 т в 1793 г. до 863 т в 1803 г., а среднегодовой вывоз говяжьих кож — с 22,2 тыс. в 1775—1783 гг. до 75—80 тыс. штук в последние годы XVIII в.

¹ Арроба — мера веса, равная 11,5 кг.

Ла-Плата наращивала экспорт кож: если в 1778 г. он составлял 150 тыс. штук, то в 1778—1783 гг. — 800 тыс. в среднем за год, а в 1800 г. — 1,5 млн штук. В аудьенсии Кито в 1765 г. было вывезено 34 тыс. мешков какао по 90 фунтов каждый, а в 1800 г. — 100 тыс. мешков.

Развитие экспортных производств стимулировало и расширение внутренних рынков. Эта тенденция хорошо просматривается в первую очередь в сельском хозяйстве континента, благодаря наличию статистических данных об уплате землевладельцами церковной десятины. Поступления от десятины увеличились: в Мексике — с 13,4 млн песо в среднем в 1771—1779 гг. до 32,7 млн в год за период с 1790 по 1803 г.; в Новой Гранаде — с 168 тыс. в 1791 г. до 304 тыс. песо в 1804 г.; в долинах провинции Лима в Перу — с 66 тыс. в 1770—1771 гг. до 109 тыс. в 1804—1805 гг.; в провинции Монтевидео — с 2,7 до 10,9 тыс. песо за 1780—1804 гг.

Воздействие активизации трансатлантической торговли на расширение внутренних рынков колоний хорошо видно и на примере вице-королевства Рио-де-ла-Плата, в которой с 1778 по 1800 г. объем внутренней торговли, а стало быть, и внутреннего рынка вырос в 22 раза. Любопытные расчеты в подтверждение своего главного вывода о том, что не серебро и не золото, а сельское хозяйство и мануфактурное производство составляли подлинное богатство Новой Испании, приводил секретарь консулада Веракруса Х.М. Кирос: в то время как из Испании в страну было ввезено в 1810 г. испанских и иностранных товаров на сумму 10 млн песо и еще на 1,5 млн — из Манилы (Филиппины), оборот местных товаров в Мексике составил 227 млн песо.

Приведенные данные не оставляют сомнений в том, что со второй половины XVIII в. Латинская Америка переживала колоссальное расширение торговли и товарного производства. В этом, несомненно, большую роль сыграли и реформы, и колониальная администрация, и компании иберийских купцов-монополистов. В последней трети XVIII в. креольская верхушка, как никогда громко, заявляет о своем недовольстве купцами-монополистами и колониальными властями, будто бы не заботившимися о процветании торговли и производства. В чем же дело?

Многочисленные «жалобы» креольских предпринимателей в адрес властей метрополий показывают, что достигнутые колониями масштабы товарного производства в пореформенную эпоху переросли возможности той торговой системы, которую метрополии пытались защищать монополиями, квотами, запретами и т.д. Так, в 1798 г. аргентинские асендадо в меморандуме испанской короне прямо заявляли, что лаплатские земли «самые плодородные в мире, могут давать огромные урожаи зерновых и способны в случае необходимости прокормить не только Испанию, но и большую часть Европы».

Душили товарное производство Иberoамерики и участвовавшие с конца XVIII в. войны между европейскими державами. В 1779 г. Испания ввязалась в войну с Англией, в 1792 г. — с Францией, в 1797 г. — снова с Англией и т.д. Всякий раз войны сокращали торговые отношения Испанской Америки с Европой, а это при уровне товарности ее хозяйства всякий раз приводило к катастрофическим нарушениям экономической жизни колоний. Так, если в мирном 1777 г. сумма таможенных сборов в порту Буэнос-Айрес достигла более миллиона песо, то в военном 1779 г. она упала до 195 450 песо. Если в предвоенном 1796 г. Ла-Плата экспортировала товаров на сумму около 5,5 млн песо, то за военный 1797 г. — 335 тыс. песо.

В этой связи требования свободы торговли с «нейтральными и дружественными государствами» со стороны креольских предпринимателей выдвигались все чаще и настойчивее, а запреты вызывали все менее скрываемое раздражение. Например, при обсуждении в консулато Буэнос-Айреса требования к властям о разрешении такой торговли асендадо Ф.А. Эскалада прямо утверждал, что выгоды, приносимые торговлей с иностранцами, таковы, что «только нерадивое правительство может пренебрегать ими». На запрет торговли с нейтралами в 1799 г. консулато Буэнос-Айреса ответило специальным меморандумом, в котором указывалось на то, что купцы-монополисты «подняли крик» против торговли с иностранцами, ибо защищают свои узкокорыстные интересы. Они, заявлялось в меморандуме, «ищут легкого обогащения за счет разорения Америки: если колония нуждается в товарах на сумму в 30 млн, то они хотят привезти их на 1 млн, а продать за 30»¹.

Точно так же повели себя землевладельцы Венесуэлы, используя для оказания давления на власти собственные организации. В 1797 г. они просили разрешить торговлю с нейтралами, ссылаясь на падение экспорта в Испанию до 600 тыс. песо по сравнению с 3 млн в обычные годы. Когда же последовавшее разрешение было отменено в 1799 г., консулато Каракаса отослало в Мадрид жесткий меморандум, в котором невозможность прекращения указанной торговли объяснялась тем, что эта мера обрекала землевладельцев на разорение. Поскольку одного лишь какао Венесуэла была способна вывозить 100 тыс. фанег² в год, то Испания, подчеркивалось в представлении, должна была либо сама потреблять венесуэльский экспорт, либо позволить стране торговать с иностранцами.

¹ Sierra V. Historia de la Argentina: Fin del régimen de gobernadores y creación del virreinato del Rio de la Plata (1700—1800). Buenos Aires, 1959. P. 542—543

² Фанега — мера объема сыпучих тел, равная 55,5 литра.

Так постепенно от жалоб по поводу отдельных налогов, квот, запретов и ограничений, от просьб разрешить торговлю с теми или иными нейтральными государствами на время очередной войны креольская верхушка Нового Света на рубеже XVIII—XIX вв. вплотную подошла к выдвижению требования о свободе торговли вообще. А поскольку эта свобода являлась краеугольным камнем политэкономической доктрины *либерализма*, то идеи французских, испанских и иных физиократов, а также А. Смита получили в тот период весьма заметное распространение в креольской среде. Любопытно, что главный труд Смита «Богатство народов» в 1794 г. увидел свет и на испанском языке.

Ссылки на либеральных экономистов буквально пронизывают документы креольских предпринимательских организаций. «Принцип, разделяемый всеми государственными деятелями и политиками, — писал в меморандуме консулато Веракруса от 1808 г. его секретарь Кирос, — состоит в том, что свобода — это душа торговли и что без нее ни одна держава... не будет процветать и никогда земледелие Америки не достигнет того уровня развития, на который способно ее плодородие»¹. «Есть истины настолько очевидные, — вторил ему аргентинец М. Морено в знаменитом «Меморандуме землевладельцев» от 1809 г., — что попытка доказывать их является оскорблением для разума. К их числу относится утверждение, что страна должна свободно ввозить товары, которые она не производит и которыми не располагает, и экспортировать свои собственные продукты, имеющиеся в изобилии и пропадающие без толку из-за отсутствия сбыта». И, обращаясь к вице-королю Рио-де-ла-Платы Сиснеросу, он заключал: «Если Ваше Превосходительство желает сотворить нам добро, то путь к этому весьма прост: здравый смысл и знаменитый Адам Смит, который... без сомнения, является апостолом политической экономии, подсказывают, что в мерах, нацеленных на всеобщее благо, правительства должны ограничиваться лишь одним — устранением препятствий»².

Какая же сила стояла за настойчивыми требованиями свободы торговли для американских колоний? В историографии, как правило, ответ соотносят с ролью Англии, Франции и других передовых держав — они обогнали в развитии иберийские государства и рвались теперь к ресурсам Иberoамерики. И действительно, их проникновение на континент привело в конце XVIII — начале XIX в. к изменению международных экономических отношений в этом регионе мира. Напри-

¹ *Memorias políticas y económicas del Consulado de Veracruz, 1796—1822*. Sevilla, 1985. P. 176.

² *Moreno M. Representación de los hacendados//Pensamiento político de la Emancipación*. Caracas, 1977. T. 1. P. 74—75, 78.

мер Куба, невзирая на принадлежность Испании, в период с 1783 по 1826 г. переориентировала свою экономику на США (в 1826 г. США ввозили на Кубу товаров на сумму более 6 млн песо, между тем как Испания — около 2 млн; вывоз с Кубы в США составлял более 7 млн, а в Испанию — всего около 3 млн песо). Схожая ситуация складывалась и в португальской Бразилии, куда к 1821 г. Англия ввозила товаров на сумму 2,3 млн ф. ст., другие страны Европы — на 1 млн, США — на 350 тыс. (в общей сложности на 3,65 млн ф. ст.). Из собственно Португалии, да и то в сумме с ввозом из Рио-де-ла-Платы, Индии и Китая, эта цифра достигала всего лишь 800 тыс. ф. ст. Скотоводы Ла-Платы на рубеже XVIII—XIX вв. из каждых 10 говяжьих шкур 7 сбывали контрабандным путем англичанам. Цифры подтверждают общепринятое мнение о том, что для новых господствующих на мировом рынке держав, в первую очередь Англии, португальский и испанский колониализм в Америке стал к концу XVIII в. ненужной, лишней посреднической инстанцией на пути к ресурсам Иberoамерики.

Рассмотренные факты позволяют заключить, что глубинная причина войны за независимость состояла не в самих по себе торговых ограничениях, которые в более или менее жестких формах существовали в течение 300 лет колониализма. Эта причина коренилась в бурном росте товарного производства в колониях, особенно ускоренном реформами второй половины XVIII в. К рубежу XVIII—XIX вв. это товарное производство переросло рамки колониальных производственных отношений, и, следовательно, навстречу давлению внешнему, со стороны передовых держав и контролируемого ими мирового рынка, нарастало и внутреннее давление, находившее числовое выражение в тех же цифрах, что и давление внешнее. Иными словами, Латинская Америка была не просто объектом соперничества между Англией и Францией, Испанией и Португалией, но также и субъектом процесса перестройки международных экономических отношений. Именно двойное давление — давление *извне* и *изнутри* — образовывало молот и наковальню, которые совместно и сокрушили иберийский колониализм.

Возвращаясь к постановке проблемы П. Шоню о нормальных хронологических сроках политической независимости Латинской Америки, подчеркнем, что в первой четверти XIX в. давление изнутри колоний говорит о достаточной внутренней зрелости той силы, которая его порождала. В конце XVII в. степень зрелости этой силы, как и процесс перемен в экономических отношениях на международном уровне, только набирали обороты. Эта сила оформилась ко времени событий в метрополиях, вызванных европейскими революциями и войнами. И она не могла дожидаться, пока США дорастут до «полюса господства», коль скоро с промышленным переворотом конца XVIII в. миро-

вым полюсом становилась Англия. Если же американское направление обещало больше выгод, то эта сила, идя ему навстречу, преодолевала рогатки иберийского колониализма, как на Кубе, даже задолго до того, как США могли осмелиться мечтать о превращении в американский «полюс господства».

Но что же это за сила? Какова ее социальная природа? И какой характер носила затеянная ею война за независимость?

§ 3. Цель и задачи войны за независимость как буржуазной революции

Бурный рост товарного производства во второй половине XVIII в. подвел страны Латинской Америки к необходимости разрушения колониального режима и включения в новую систему международного разделения труда, которая начинала складываться вокруг Англии на основе *свободы торговли и предпринимательства*.

Но чтобы понять цели и задачи войны за независимость, этого мало. И раньше историки клали в основу объяснения противоречие между развитием товарного производства в колониях и сдерживавшим это развитие колониальным режимом. Их подход к Латинской Америке строился на привычных европейских мерках, а именно: торговля и промышленность = капитализм, крупное землевладение = феодализм. В итоге возникал необъяснимый парадокс, ибо подняли там знамя либерализма и возглавили буржуазное освободительное движение как раз феодалы, включая С. Боливара, крупного венесуэльского латифундиста и плантатора-рабовладельца.

И здесь мы вынужденно вторгаемся в сферу методологии, с помощью которой разрабатывалось понятие «буржуазная революция». В.И. Ленин учил, что прежде, чем браться за решение частных вопросов, надо решить общие¹. С этим вполне можно было бы согласиться, поскольку поистине вечным, общечеловеческим, ни от какой идеологии не зависящим является закон познания, требующий адекватного соотнесения общего и частного.

Однако немаловажно и то, как получено общее и что считать частным. Вряд ли правомерно, давая определение человеку вообще, указать на конкретного Петра, каким бы хорошим он ни был. Иначе кто же тогда Павел? А кто такая Анна? Иными словами, подлинно научное определение человеку вообще формулируется на основе предварительного познания множества конкретных людей и выявления тех общих черт, которые неизменно повторяются в каждом из них независимо от

¹ См. напр.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

комплексии, цвета кожи, пола, возраста и т.п. Точно так же, прежде чем вводить в науку понятие «буржуазная революция», следовало бы изучить всю совокупность этих революций в мире, выявить общие, неизменно повторяющиеся в каждой из них черты и уже затем судить, что же представляет собой буржуазная революция вообще.

Но кто из классиков изучал буржуазные революции, скажем, в Латинской Америке, в том числе войну за независимость? Карл Маркс? Единственная его статья о Боливаре — «Боливар-и-Понте» (в то время как действительная фамилия Освободителя была Боливар-и-Паласиос) — от названия до последней строки демонстрирует лишь абсолютное незнание Марксом и самой войны за независимость, и роли в ней С. Боливара.

Неудивительно поэтому, что понятие «буржуазная революция» сформулировано совершенно ненаучным способом. Уже в тезисе о том, что ее «основной задачей... является уничтожение феодального строя или его остатков, расчистка путей для развития буржуазного государства» (а именно решение аграрного вопроса, уничтожение феодальной монархии, установление буржуазной республики, демократизация общественного строя) даже «в тех случаях, когда непосредственной причиной буржуазной революции является иноземное угнетение или стремление объединить страну», отчетливо просматривается *европоцентризм*. А если принять во внимание еще и то, как «наиболее значительный успех» такой революции увязан с ситуациями, когда «трудящиеся “низы” деревни и города... захватывали в свои руки инициативу» (а указаны три конкретные ситуации: французская революция и две первые — в России)¹, то как раз и получится, что буржуазная революция вообще — это *французская революция*, притом даже не 1789, а 1793 г. — в *якобинской фазе*. А от нее через «генеральные репетиции» переброшен мостик прямо к Октябрю 17-го.

Подобно тому как определение человека вообще, выстроенное на конкретном Петре, отсекает от понятия «человек» и Павла, и тем более Анну, офранцузенное понятие «буржуазная революция» не оставляет места специфике неевропейских стран. Если французская революция в якобинской фазе превращена в «классическую», в некое мерило всех других буржуазных революций, то эти последние становятся либо недобуржуазными, либо недореволюциями.

Такая постановка проблемы давно отвергнута самими французскими историками. В частности, «ревизионист» Ф. Фюре блестяще показал, что «нормальной» буржуазная революция во Франции была до

¹ См. напр.: Драбкин Я. С., Поршнев Б. Ф. Буржуазная революция // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 73, 74.

1793 г., т.е. до якобинцев. Тот же отрезок, который связан с правлением якобинцев, доказывал он, можно считать «аномалией», «отклонением» от нормального развития буржуазной революции и вообще чем угодно, только не «буржуазной революцией».

Конечно, крупные перемены в российском обществе и в науке, итоги дискуссии о французской революции во время ее 200-летнего юбилея, — все это тоже благоприятствует переосмыслению прежних теоретических канонов. Тем не менее в умах историков пока еще господствует «якобинское» определение, которое неизбежно порождает «народническое» представление о буржуазной революции — как о революции, в которой все вершат *народные массы*, а почву для развития капитализма наилучшим образом расчищает *крестьянская* аграрная реформа. Вот почему пересмотр прежней интерпретации войны за независимость невозможен без внесения корректив и в «якобинскую» схему.

В качестве отправной точки возьмем у Маркса определение социального и политического характера революции. «Каждая революция, — пишет он, — разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер... *Революция* вообще — *ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений — есть политический акт»¹. Попробуем примерить формулу Маркса к конкретным свершениям войны за независимость Латинской Америки.

Колониальный режим, одинаковый во владениях как Испании и Португалии, так и Франции, Голландии или Англии, представлял собой особый *экономический базис общества*, охраняемый соответствующей *надстройкой*. Поэтому одним лишь разрушением колониального режима и созданием независимых государств революции в Новом Свете трансформировали и базис, и надстройку. Но тогда нуждается в уточнении положенный в основу типологии социальных революций формационный принцип. Чтобы он стал пригодным и для Нового Света, родовое понятие «буржуазная революция» должно охватить в пространстве действительно всю формацию. Значит, из него надо исключить специфические признаки центра формации и оставить лишь те, что роднят его с колониальной периферией. (Подобно тому, как устранением сугубо мужских черт объединяются в понятие «человек» мужчина и женщина.)

Однако реальной истории известны не одни только формации и переходы между ними, но также и разные стадии, фазы одной и той же формации. Если, например, взять одну только капиталистическую

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 448.

формацию, то в ней отчетливо видны стадии капитализма первоначального накопления и мануфактурного, свободной конкуренции, государственно-монополистического, транснационального (и к чему приводят попытки объявить очередной его этап последним, мы уже знаем). Каждая стадия отличается особой системой производственных отношений, включая и сферу международных экономических отношений (внутри самого центра, между ним и периферией и т.д.), и каждая подобная система выстраивалась не как попало, а по проектам определенной политэкономической доктрины — *меркантилизма, либерализма, кейнсианства, современного неолиберализма*. Своей спецификой в каждой фазе обладает и политическая надстройка, различные формы которой, например в Латинской Америке, последовательно воплощались в колониальном, либеральном, национал-реформистском, а ныне — неолиберальном государствах. Поэтому переход от одной стадии к другой есть в то же время разрушение старого общества и низвержение старой власти, т.е. политическая революция (разумеется, если не сводить ее к уличной пальбе и штурму Бастилии или Зимнего).

Уловить эти тончайшие переходы сам по себе формационный подход с его «топорными» дихотомиями (феодалная собственность — буржуазная собственность, феодалная монархия — буржуазная республика и т.п.) уже не в состоянии. Тут нужен более тонкий, чувствительный к внутриформационным стадиям научный инструментарий¹. Поэтому, чтобы родовое понятие «буржуазная революция» оказалось способным охватить всю буржуазную формацию и во времени — от зарождения до еще грядущих фаз капитализма, — из него тем более следует убрать всякое упоминание о специфике Франции конца XVIII в.

В итоге рабочий вариант определения мог бы принять приблизительно такой вид: *буржуазной является та революция, которая расчищает путь для развития буржуазного строя (капитализма)*; без перечисления «завалов» на этом пути, характер которых в реальной истории зависит от конкретных пространства и времени. Тогда и американские освободительные войны займут подобающее им место в системе координат буржуазных революций, даже если бы они ограничились разрушением только колониализма и созданием независимых государств, «не желая» решать антифеодалные и другие «европейские» задачи.

¹ Что эту потребность, по крайней мере для мануфактурной и промышленной стадий, ощутили крупные отечественные исследователи буржуазных революций, ясно видно по тому, как сравнительно недавно введенное деление таких революций на «межформационные» и «внутриформационные» уже дополнено делением их на «межстадиальные» и «внутристадиальные».

В свете сказанного появляется возможность не только усилить тезис старшего поколения историков о буржуазной природе Войны за независимость Латинской Америки, но и уточнить ее место среди буржуазных революций. Но для этого к переселенческим колониям Нового Света надо подходить не как к продолжению Европы капиталистической на Севере и Европы феодальной на Юге, а, видимо, в целом как к составной части единого, хотя и разнополюсного мирового хозяйства. Общим для всей системы, по крайней мере по обе стороны Атлантики, был начавшийся переход от мануфактурной стадии и соответствующих ей учения и практики меркантилизма (в том числе торговых монополий и иных ограничений в колониях) к свободной конкуренции с присущей этой стадии свободой торговли и предпринимательства как центральным постулатам политэкономической доктрины либерализма, сформулированной к последней четверти XVIII в. в трудах физиократов и А. Смита.

Особенное же заключалось в том, что один полюс обозначили нации, у которых промышленный переворот набирал силу, предъявляя все больший спрос на сырье и продовольствие, между тем как добывающие отрасли и сельское хозяйство в силу ограниченности национальных ресурсов все заметнее отставали и выполняли второстепенную роль. На рубеже XVIII—XIX вв. олицетворяла такой процесс Англия, «фабрика мира» и «владычица морей», хотя окончательное его оформление относится к середине XIX в.

Противоположный полюс был представлен колониями Нового Света. Важное, но, как правило, оставляемое без внимания их отличие от европейских стран состояло в том, что они с самого начала, с XVI в., создавались в качестве аграрно-сырьевой базы промышленной Европы за счет вывоза европейского капитала. Поэтому здесь не имеют смысла попытки отыскивать в фабрикантах или владельцах мануфактур «ростки нарождающегося капитализма». Все это в Латинской Америке представляли «шоколадные маркизы» Венесуэлы и Кито, «сахарократия» Гаити, Ямайки, Бразилии, Кубы, владельцы плантаций индиго и кошенили в Мексике, Гватемале и Сальвадоре, прочие плантаторы-рабовладельцы, эстансьеро-скотоводы, латифундисты экспортных отраслей — те, кто, по аналогии с той же Европой, воспринимаются как феодалы.

Мануфактура же с ремеслом играли подсобную роль, заполняли те ниши общественного спроса, которые не привлекали европейскую промышленность, изготавливая достаточно грубые ткани, примитивную одежду и обувь не для высших и средних, а для низших слоев общества. Свобода торговли и предпринимательства являлась основой

основ доктрины либерализма и капитализма свободной конкуренции. Но второсортной мануфактуре и тем более ремеслу Латинской Америки она несла разорение и гибель именно от свободной конкуренции со стороны европейских фабричных изделий. Потому спасение ее владельцы могли найти лишь в сохранении торговых монополий, протекционизма и прочих элементов меркантилизма.

Для гигантского же производственного потенциала, накопленного экспортными отраслями, не то что внутренние рынки колоний, но даже рынки метрополий стали к концу XVIII в. удушающе тесными. Пребывая еще в колониальных оковах, этот потенциал через не-, полу- и вполне легальную торговлю с иностранцами «рвался» навстречу формирующемуся мировому рынку с такой непреодолимой силой, что в начале XIX в. испанская Куба главным торговым партнером имела США, португальская Бразилия или испанская Рио-де-ла-Плата — Англию и т.д. Для дальнейшего роста этому потенциалу тем более был жизненно необходим свободный выход на практически неограниченный мировой рынок, суливший растущий сбыт сырья и продовольствия, доступ к международному кредиту, дешевым и качественным фабрично-заводским изделиям, новым образцам техники и предпринимательского опыта.

Европейская конкуренция не могла угрожать экспортным отраслям Америки хотя бы по причине отсутствия в Европе тропического земледелия и серьезных запасов ископаемых. В производстве же исконно европейских пшеницы, мяса, шерсти, кож на стороне «феодалов» Нового Света имелись столь существенные преимущества в виде изобилия, дешевизны и девственного плодородия здешних земель, что от конкуренции с ними приходилось спасаться как раз европейцам, в частности самым что ни на есть буржуазным английским лендлордам и фермерам с помощью протекционистских «хлебных законов» 1815—1846 гг.

Вот почему идеи либерализма (в том числе Просвещения), очертившие контуры возводившегося нового мирового порядка, именно в лице предпринимателей экспортных отраслей Латинской Америки, как и их собратьев с Юга США, нашли горячих поклонников, решительных борцов за полную свободу торговли и предпринимательства, которая была несовместима не только с иберийскими, но и любыми другими колониальными ограничениями.

Крайне любопытно, что англичане, не сразу уловившие это стремление Нового Света быть не объектом, а субъектом нового порядка, дорого за это заплатились не только в Северной, но и в Южной Америке. Это случилось на Ла-Плате в 1806—1807 гг., где англичане, ошибочно истолковав тяготение местных колонистов к английскому рынку как

простое желание сменить метрополию, попытались «помочь» им двумя военными интервенциями. И дважды были наголову разбиты местными жителями без какой бы то ни было помощи колониальных властей.

Таким образом, преследуя *цель интеграции в мировую экономику на принципе свободы торговли и предпринимательства* ради дальнейшего развития капитализма на континенте, Война за независимость Латинской Америки имела своей *задачей разрушение колониального экономического базиса (торговых и иных монополий, запретов, ограничений, регламентаций и т.п.), а также ниспровержение охраняющей его политической надстройки (завоевание политической независимости).*

Однако это лишь одна сторона проблемы — внешнеполитическая. Другая, внутренняя, состоит в том, что включение в определенную систему мировой экономики требует такого же определенного минимума социально-экономических и политических условий в каждой интегрируемой стране. Это особенно хорошо видно сегодня, когда вступление в мировое сообщество, выстроенное на неолиберальном фундаменте, заранее оговаривается осуществлением соответствующих реформ по рецептам Международного валютного фонда, а непокорные страны подталкиваются в «правильном» направлении не только экономическими санкциями, но и военными средствами (Ливия, Ирак, Иран, Афганистан и др.).

Точно так же система, которая начала формироваться в последней трети XVIII в. вокруг Англии на основе рецептов либерализма и в которую так стремилась Латинская Америка, предполагала проведение целого комплекса преобразований в русле основных либеральных постулатов. Каких же именно?

Прежде историки тоже говорили о внутренних буржуазных задачах в войне за независимость, но пытались их выявить с помощью непригодных для Нового Света европейских стереотипов. В частности, к выстроенному ими причинно-следственному ряду («феодальные» устремления иберийцев — «монополия земельной собственности» и прикрепление работников к поместьям — «феодальный и отчасти рабовладельческий способ производства» — «отсутствие» наемной рабочей силы) они применяли ленинскую дихотомию американского (через крестьянские хозяйства к фермерству) и прусского (медленное обуржуазивание феодальных латифундий) путей развития капитализма в сельском хозяйстве. Но, во-первых, о какой монополии земельной собственности можно говорить, скажем, в Бразилии, которая по территории равна почти всей Европе вплоть до Урала, но в которой к началу XVIII в. проживали всего лишь 300 тыс. человек? Во-вторых, возведение ленинской дихотомии в абсолютно значимый критерий для всех этапов капитализма не освобождает от ошибочных представлений

даже в отношении родины «американского» пути. Это потом, в последней трети XIX — начале XX в., США продемонстрируют преимущества своего фермерства, когда и капитализм-то станет уже другим. В первой же трети XIX в. положение в Северной Америке виделось совершенно иначе, и потому Маркс как раз и противопоставлял там капиталистическое производство в рабовладельческом плантационном хозяйстве преимущественно натуральному производству фермеров: «Здесь основная масса занимающихся земледелием колонистов... не является *капиталистическим классом*, и их производство не является *капиталистическим* производством. Это — крестьяне, которые в большей или меньшей степени работают сами и которые стремятся главным образом к тому, чтобы обеспечить свое собственное содержание... Поэтому их главный продукт не становится *товаром* и не предназначен для торговли»¹. В-третьих, что еще важнее, дихотомия прусский — американский не оставляет места опыту сгона крестьян с земли и огораживания поместий в Англии. А при таком усеченном инструменте познания противопоставление американского пути прусскому превращает раздел помещичьих латифундий на крестьянские парцеллы в главный признак буржуазности аграрных преобразований, тогда как у самого Маркса именно «Англия в этом отношении — самая революционная страна в мире»². Неудивительно поэтому, что попытки вывести буржуазность войны за независимость, по аналогии с европейским Средневековьем, из противостояния хозяйств закрепощенных крестьян латифундиям феодалов-крепостников оборачивались неудачей.

Таким образом, сферы и принципы буржуазной трансформации общественных отношений Иberoамерики в русле либерализма нуждаются в серьезном переосмыслении. И прежде всего те, которые сложились вокруг трех главных факторов производства — *земли, труда и капитала*.

Еще во времена А. Смита было хорошо известно, что реалии Европы и «переселенческих» (или новых) колоний в Америке не только несхожи, но и прямо противоположны и что главное отличие последних состояло в наличии гигантских пространств свободных *земель*. Номинально эти земли находились под юрисдикцией заморских монархов и назывались «королевскими» (после независимости — «государственными»), но фактически были заняты в основном слабо развитыми индейскими племенами, которые, однако, оказывали ожесточенное и порой весьма успешное сопротивление колонизации своих земель³. Не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 328—329.

² Там же. С. 256.

³ Достаточно вспомнить чилийских арауканов или индейцев аргентинской Патагонии, которых удалось покорить только в конце XIX в.

большая часть королевских земель возделывалась за счет казны, другая отчуждалась в пользу городов и поселков, церкви и монашеских орденов, частных лиц и компаний, индейских селений.

Наличие громадных массивов свободных земель и открытой границы колонизации наделяли все «переселенческие» колонии как преимуществами, так и серьезными изъятиями по отношению к их европейским метрополиям.

Сначала о преимуществах. «Покупка земли повсюду в Европе, — отмечал Смит, — представляет собой самое невыгодное вложение капитала... Молодой человек, который вместо того, чтобы заняться торговлей или какой-нибудь свободной профессией, употребит свой капитал в две или три тысячи фунтов на покупку и обработку небольшого участка земли, может, конечно, рассчитывать на вполне счастливую и вполне независимую жизнь, но должен распрощаться навсегда с надеждой приобрести крупное состояние... В Северной Америке, напротив того, 50 или 60 ф. часто признаются достаточным капиталом для того, чтобы завести плантацию. Там приобретение и улучшение неводеланной земли представляет собой наиболее выгодное применение как самых небольших, так и самых крупных капиталов и наиболее прямой путь к богатству и известности, какие только можно приобрести в этой стране. Такую землю в Северной Америке можно получить почти задаром или по цене, которая значительно меньше ценности ее естественно-го продукта, — вещь, невозможная в Европе или в любой другой стране, где вся земля давно перешла в частную собственность»¹.

Приведенные соотношения вполне относятся и к Ибероамерике, все страны которой тоже являются *в той или иной мере «переселенческими»*. Если, скажем, «примерить» указанный Смитом капитал в 2—3 тыс. ф. ст. к расценкам на земельные участки в центральной провинции Мексики, то окажется, что в самом густонаселенном ее районе, где по этой причине земля была гораздо дороже, чем в любом другом уголке страны, обладатель такого капитала мог бы приобрести до 150 — 230 тыс. га. И это тот, кому в Европе была бы уготована участь заурядного крестьянина! Поэтому нет ничего удивительного в том, например, что в Бразилии под земледелие выделялось от 1 до 3, а под скотоводство — до 200 кв. лиг². И тем не менее свободных земель оставалось еще так много, что осваивать их пришлось не только в XVI—XVIII, но также и в XIX и даже XX столетиях.

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (кн. I—III). М., 1993. С. 566.

² Лига — мера длины, равная в Испании 5 тыс. вар (4175 м), а в Португалии — 5572 м. Соответственно 1 кв. лига в Испании и большинстве ее владений составляла 17,43 кв. км (1743 га), в Португалии и Бразилии — 31,05 кв. км (3105 га).

Возможности «переселенческих» колоний придавали поземельным отношениям Иberoамерики гораздо больший простор для развития частной собственности и предпринимательства в сельском хозяйстве, нежели в Европе. Об этом писал и А. Смит: «Испанские колонии обладают правительством, во многих отношениях менее благорасположенным к земледелию, росту благосостояния и населения, чем правительство английских колоний. Но те, по-видимому, развиваются быстрее, чем любая страна в Европе. При плодородной почве и хорошем климате изобилие и дешевизна земли — условия, общие всем новым колониям, — являются, по-видимому, столь большим преимуществом, что это уравнивает многие недостатки гражданского управления»¹.

Хозяйства частных лиц, за исключением отдаленных и изолированных районов, создавались с самого начала в основном для производства товаров на внешний и внутренний рынок. И чем больший спрос на продукты земледелия Нового Света предъявляла Европа, тем большая часть предпринимателей устремлялась в сельское хозяйство. Об этом свидетельствуют темпы легализации земельных владений, например, в Венесуэле: в XVI в. — 29 176 га, в XVII — 912 450 га, а в XVIII в. в одном только 1736 г. — 22 тыс. га, немногим меньше, чем за весь XVI в.

Правда, собственность на землю в течение всей колониальной эпохи сохраняла родимые пятна феодального права, так как легальным каналом ее получения оставалось *королевское пожалование*, оговаривавшееся рядом условий в одиннадцати из «Законов Индий». Главные из них состояли в том, что жалуемый участок не мог вклиниваться в индейские земли, подлежал обязательному освоению, означавшему возведение жилища и хозяйственных построек, посадку деревьев по границам, обработку пашни и/или разведение скота. Его нельзя было забросить даже ради обустройства нового пожалования. Участок не подлежал продаже церковникам вообще, а остальным — до истечения 4-летнего срока. Поначалу пожалование везде предоставлялось бесплатно, но его юридическое оформление обходилось в немалую сумму. Так, в Бразилии эта сумма составляла 300—400 милрейсов (400—500 долл. в ценах 1800 г.). В Испанской Америке, сверх того, выплачивались пошлины на вступление во владение — *медья аната* и несколько реалов ежегодного налога за ту часть владения, что выделялась под жилье. Все землевладельцы уплачивали церковную десятину, 2/9 которой переводилось затем в королевскую казну.

¹ Смит А. Указ. соч. С. 388

Складывавшиеся таким путем латифундии из-за крупных размеров часто отождествляются с феодальными поместьями Европы. Однако земельный надел жаловался отнюдь не в виде условного держания — *феода*, характерного для феодализма и предполагавшего обязанность вассала служить суверену. Даже по закону по прошествии четырех лет обладатель пожалования обретал полные права на участок и мог распоряжаться им как угодно, в том числе продавать, делить, передавать по наследству, сдавать в аренду и т.д. На практике нарушение оговоренных условий, включая продажу раньше установленного срока, встречалось повсеместно и никогда не влекло за собой каких-либо серьезных последствий.

В испанских колониях с 1591 г. нелегальные пользователи земель могли узаконить владения за определенную плату в казну (эта процедура называлась составлением композиции). С 1631 г. пожалование и плата в казну осуществлялись одновременно, что фактически напоминало уже куплю-продажу земли в частную собственность буржуазного типа. Существовали и более дешевые пути приобретения земли в частную собственность. Так, в Бразилии вплоть до середины XIX в. преобладало не пожалованное имущество — сесмария, а пожизненное владение — *посси*, которое позволяло владельцам избегать крупных затрат на легализацию, установленных для сесмарий, но передачу которого по наследству чиновники за взятку оформляли из поколения в поколение, будто речь шла о пожаловании.

Таким образом, поземельные отношения в Латинской Америке, формально сохраняя родимые пятна феодального права, с самого начала колонизации наполнялись иным содержанием сперва фактически, а затем и юридически. Королевское пожалование в форме не условного держания, но свободной наследственной частной собственности, оговоренное отнюдь не обременительными формальностями; фактическое отсутствие наказаний за их нарушение; введение в испанских колониях купли-продажи земли и отсутствие иных ограничений круга ее покупателей (а в Бразилии — получателей сесмарий), кроме размера кошелька; обыденность ипотеки, долгов и секвестров; широкое распространение аренды королевских земель, легко на практике превращаемой в полунелегальную, но наследственную частную собственность, напоминает что угодно, только не феодальные оковы на теле «зарождающегося в муках» капитализма. Ведь так необходимая капитализму свобода частной собственности — это прежде всего свобода доступа к ней и распоряжения ею. А в этом отношении меньшей свободой, нежели сельский предприниматель Иberoамерики, обладал фермер страны классического капитализма — Англии, вынужденный вести хозяйство на земле, как правило, арендованной у лендлорда.

Поскольку частная собственность в системе либеральных ценностей играла первостепенную роль, то буржуазность преобразований надо искать не в разрушении частной собственности латифундистов, а прежде всего в устранении помех ее дальнейшему развитию. В этом смысле, пожалуй, наибольшее препятствие составляло неотчуждаемое церковное и монастырское землевладение.

Первые католические священники появились в Новом Свете в качестве бескорыстных миссионеров, которые пешком, часто в одиночку исшагали континент, неся местным народам послание Христа. Со временем дарения, пожалования, завешания, покупка земли вовлекли церковников в активное накопление движимого и недвижимого имущества, которое в первую очередь имело целью подкрепить все более широкую миссионерскую и благотворительную деятельность церкви и монашеских орденов солидной материальной базой.

Поглощение светской собственности церковниками серьезно беспокоило испанскую корону, но в еще большей мере — латиноамериканских либералов. Виднейший в XIX в. оппонент церковной собственности мексиканец Х.М.Л. Мора писал, что, поскольку земельные ресурсы общества не беспредельны, накопление их одним членом общества не оставляет ничего другим. Но частный собственник не в состоянии скупить все ресурсы, а кроме того, он смертен. Потому, какой бы огромной ни была накопленная им в течение жизни собственность, она все равно после смерти хозяина делится между наследниками. Иное дело корпоративный институт, каковым является церковь. Коль она бессмертна, а ее владения неотчуждаемы, она-то и «может накапливать ресурсы вплоть до поглощения их полностью или столь значительной части, что это ввергнет общество в нищету». С другой стороны, «только прямая личная заинтересованность способна сделать продуктивными поместья и капиталы», но ее-то и «не может быть ни в какой корпорации». А раз церковная собственность, заключал Мора, ведет к запустению земельных владений, а общество не может спокойно взирать на разорение крупных состояний, то власть должна принудить корпорации к отчуждению их собственности¹. Иными словами, принцип неотчуждаемости владений, бессмертие церкви, размах ее ипотечных операций и темпы поглощения ею недвижимости должников вели к изъятию из рыночного фонда и к «амортизации», «омертвлению» в руках церковников весьма значительной части земельных ресурсов, что подрывало частную собственность на землю в Латинской Америке.

¹ *Mora J.M.L. Dialéctica liberal. México, 1984. P. 52, 56.*

Индийское общинное землевладение составляло вторую крупную преграду развитию частной собственности и капитализма. Ацтекская *кальпулли*, майяская *цукуль*, кечуанская *айлью* и другие разновидности общины к началу конкисты уже имели тысячелетнюю историю. У одних народов она была преимущественно родовой, у других территориальной, но во всех общинах обрабатываемая земля распределялась на семейные наделы по числу едоков, периодически подлежала переделу и не могла отчуждаться членами общины. В связи с резким сокращением коренного населения испанская корона пересмотрела политику в отношении индейцев в целом и общины в частности, в которой видела теперь основу воспроизводства аборигенов. Новыми законами 1540-х годов за общиной закреплялись территория селения с семейными наделами — *фундо легаль* размером в 70, а с 1687 г. — 100 га, а также общинное пастбище — *эхидо* общей площадью 1 кв. лига. Эти земли были взяты под защиту короля и назывались *ресгуардо*. Всем другим этносам запрещалось не только покушаться на индейские земли, но даже располагать свои хозяйства у границ индейских общин ближе, чем на 1000 вар (835 м). Аналогичными владениями наделялись индейские редукции — селения тех племен, которые не доросли до «азиатской» формы общины, но строили ее искусственно под опекой монашеских орденов. Множество законов запрещало белым, метисам, неграм и мулатам проживать в индейских общинах.

Особая общинная форма землевладения (*ресгуардо*), а потому общинная взаимопомощь и круговая порука, особые налог (*подушная подать*) и трудовая повинность индейцев (*мита* или *коатекиль*), особое законодательство, в соответствии с которым индейцы не были равны ни креолам, ни метисам, а рассматривались как «несовершеннолетние», особые суды и судьи для индейцев (*протекторы индейцев*), — все это превращало индейцев в замкнутое сословие и обрекало на неудачу попытки экспроприации общинников.

Конечно, разграбление индейских земель в колониальный период справедливо отмечается всеми учеными. Однако этот процесс отнюдь не прямолинеен, он наталкивался на целый ряд противодействующих факторов. Среди них ожесточенное сопротивление экспроприации со стороны самих общинников, то и дело выливавшееся в вооруженные восстания. Исходившая от восстаний угроза дестабилизации, а также заинтересованность короны в подушной подати и отработках индейцев вынуждали королевскую власть периодически подтверждать законы о защите индейцев и общины. Кроме того, указы давали законное основание для выступления католической церкви и монашеских орденов в защиту индейцев от «уравнительного» натиска креольской верхушки. Ввиду этого разрушение общинного землевладения шло черепашими темпами.

Отсюда и то, что нападки предтеч войны за независимость на индейцев и общину наблюдались в Испанской Америке повсеместно. «Для развития нашего земледелия, — доказывал новогранадец П.Ф. де Варгас, — было бы необходимо испанизировать наших индейцев. Их лень, глупость и безразличие к обычным человеческим начинаниям заставляют думать, что они происходят от выродившейся расы, все более ухудшающейся со временем. По многочисленным опытам мы знаем, что улучшение пород у животных достигается скрещиванием, и даже можем утверждать, что такое же наблюдение получено и в отношении упомянутых людей, ибо половинные расы, получаемые от смешения индейцев с белыми, оказываются приемлемыми... Было бы желательно ликвидировать индейцев как особую расу, побуждая их вступать в браки с белыми, объявив их свободными от подати и других только им присущих повинностей и передав им земли в частную собственность. Стремление завладеть их парцеллами побудило бы тогда многих белых и метисов вступать в браки с индианками... вследствие чего за короткое время не осталось бы необработанных участков, между тем как сегодня большая часть принадлежащей индейцам земли остается заброшенной»¹. В передаче общинных наделов индейцам в частную собственность и разрешении другим этносам свободно селиться и покупать землю в индейских селениях видел решение проблемы и мексиканец Абад-и-Кейпо. Устами этих и многих других идеологов наступавший капитализм приговаривал индейскую общину и общинное землевладение к смерти.

Таким образом, наряду с запретами, монополиями и регламентациями в отношении торговли и производства Ибероамерики, грядущей буржуазной революции предстояло *устранить помехи на пути укрепления буржуазной частной собственности в виде индейского общинного землевладения, церковных и монастырских земель. В сумме с отменой майоратов это упраздняло принцип неотчуждаемости владений в целом и превращало землю в товар.*

Теперь об изъятиях. Наличие огромных массивов свободной земли оказывало крайне негативное воздействие на формирование рынка наемной рабочей силы. Когда историки доказывают, будто из-за феодальных устремлений иберийские колонизаторы эксплуатировали рабочую силу в Новом Свете не «по-европейски» — в форме наемного труда, — то этим они переворачивают исторические реалии континента с ног на голову. Во многих регионах Ибероамерики колонизаторы никак не могли обойтись без найма рабочих рук. Так, в крупнейшем в

¹ Vargas P.F. de Pensamientos políticos y Memoria sobre la población del Reino. Bogotá, 1944. P. 99.

Южной Америке центре добычи серебра в Потоси (на территории современной Боливии) немалое число шахтеров трудилось в качестве наемных чернорабочих — пеонов, т.е. именно «по-европейски». Но вот чтобы привлечь их сюда, приходилось платить явно не европейские заработки — минимум 7, а то и 10 реалов в день¹ (в Лондоне во второй половине XVIII в. чернорабочий получал чуть более 2, в Шотландии — 1,3—1,7 реала). В Новой Испании, к северу от Мехико, где располагались крупнейшие горнорудные предприятия страны, большинство шахтеров с конца XVI в. работали по найму. Но привлекал их сюда даже не денежный заработок, а *партидо* — расчет частью добытого серебра. В Сакатекасе доля рабочего составляла четверть, в Каторсе — треть, а то и половину. И всякие попытки заменить партидо денежным заработком или хотя бы снизить долю шахтера наталкивались на забастовки трудящихся, как, например, в Реаль-дель-Монте в 1766 г. Партидо с середины XVI в. стал определяющей формой оплаты труда и в золотодобыче Чили, где доля наемных поденщиков составляла четверть добытого золота. В XVIII в. скотоводы Ла-Платы жаловались на невозможность нанять пастухов для отгона стада на скотобойню в Буэнос-Айресе даже за 10—12 реалов в день².

Мало того, что оплата наемного труда во много раз превосходила европейские стандарты, так еще и трудовая дисциплина у поденщиков Иberoамерики никак не укладывалась в представления европейцев. В богатейшей золотом Новой Гранаде, согласно донесению крупного чиновника испанскому монарху от 1729 г., в рудниках некому было трудиться, а скапливавшийся здесь «простой люд почти весь состоит из бездельников, которые заняты грабежом и кражами». В Представлении владельцев рудников Копьяпо о горнорудных пеонах от 1780 г. содержится требование к генерал-капитану Чили принять жесткие меры в отношении наемных шахтеров, «которые с каждым днем все более наглеют и пренебрегают своими обязанностями; потому как общеизвестно: мало того, что крайняя малочисленность создает в них острейшую нужду, но еще и невозможно нанять их без выплаты зарплаты за два, четыре, а то и восемь месяцев вперед... а это означает утрату авансированных денег, не возвращаемых из-за частого их дезертирства с работами»³. Подобные обращения в 1795 г. были зафиксированы генерал-ка-

¹ Чтобы оценить покупательную способность такого дневного заработка, достаточно указать, что в Перу на него можно было купить две-три овцы, в Гватемале — 80—100 фунтов парной говядины, в Буэнос-Айресе — два или три говяжьих бедра весом по 50 кг каждое и т.д.

² В те времена ровно 12 реалов скотобойня платила хозяину за каждую пригнанную корову или быка.

³ Jara A., Pinto S. Fuentes para la historia del trabajo en el Reino de Chile: Legislación, 1546—1810. Santiago de Chile, 1983. T. 2. P. 104.

питаном Чили в «трудовом кодексе», где отмечалось наличие у горняков «дурной привычки... выдавать на-гора лишь три мешка выработки и бездельничать остальную часть рабочего дня», привычка слуг напиваться по выходным дням до такой степени, что они были не в состоянии выходить на работу в понедельник, а иногда пьянствовали по полгода. На Ла-Плате европейских путешественников повергало в изумление, что полуденный сон, *сьесту*, позволяли себе не только землевладельцы, но и их пеоны, что поденщики безнаказанно забивали помещичий скот, сбывая шкуры проезжим торговцам, что они могли покинуть хозяина, когда вздумается, чаще всего даже не простившись, в лучшем же случае говоря: «Я ухожу, потому что уже давно у вас служу»¹.

Что же делало наемных рабочих Иberoамерики столь дорогими и в то же время столь ленивыми, прихотливыми и дерзкими?

Когда утверждают, что капитализму нужна наемная рабочая сила, часто забывают упомянуть при этом мелкую, но очень важную деталь: ему нужна не всякая, а лишь достаточно многочисленная и дешевая наемная рабочая сила. Появлению таковой везде в Европе предшествовал длительный и отнюдь не мирный процесс формирования и постоянного воспроизводства таких условий, которые заставляли обращаться к рынку труда тех, кто желал нанять рабочую силу, и тех, кто был вынужден ее продавать ради собственного пропитания. В сравнительно малой, но густонаселенной Англии такие условия создавались с конца XV до середины XVIII в. посредством сгона крестьян с земли в результате огораживания поместий, давших миру классический путь развития капитализма. Вдобавок ограбленных еще два-три столетия приучали к дисциплине наемного труда кровавыми законами против «бродяжничества».

Иначе обстояли дела в «переселенческих» колониях. «Капиталистический режим, — писал Маркс, — на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста». И пояснял: «Экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала»².

¹ Комаров К.В. Указ. соч. С. 26—27.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 774, 776.

Пока в Иberoамерике имелись свободные земли и открытая граница колонизации, доступ к земле лишь формально ограничивался королевским пожалованием или куплей-продажей. В действительности и отдельные крестьяне, и целые деревни при малейшем притеснении со стороны помещиков или властей могли сорваться с насиженных мест, уйти в еще не освоенные районы и, подобно героям романа колумбийца Г. Маркеса «Сто лет одиночества», основать там свое Макондо. Со временем, конечно, цивилизация с ее чиновниками, налогами и прочими атрибутами туда все равно приходила. Но в течение жизни одного, а то и нескольких поколений самовольное занятие королевских земель обеспечивало людям пусть незаконное, но независимое существование.

В районах экстенсивного скотоводства, в таких, как Ла-Плата, где на тучных естественных пастбищах свободно разгуливали и с удивительной быстротой размножались миллионные стада крупного рогатого скота и лошадей, открытость границы колонизации, зачастую связанная с опасностями набегов индейцев-кочевников, превращала в фикцию частную собственность и на землю, и на скот. Номинальные собственники того и другого, проживавшие в укрепленных усадьбах, деревнях или городах и имевшие весьма смутное представление о численности своих стад, периодически устраивали *родео* — отлов, собирание и забой скота для сбыта шкур, говяжьего жира и рогов в Европу. Но остальное время одичавшие животные служили добычей свободным охотникам — *гаучо*, никак не желавшим воспринимать землю, скот, страусов и прочую живность иначе как «общенародную собственность». Даже в середине XIX в. ярый поборник европейской цивилизации и ненавистник аргентинского «варварства» Д.Ф. Сармьенто еще сетовал на безнаказанность гаучо, имевших возможность завалить в пампе любого понравившегося быка ради того лишь, чтоб полакомиться его языком и бросить тушу на съедение стервятникам. Такие же порядки царили и в других частях Иberoамерики, хотя подобные гаучо свободные охотники назывались по-разному: в льяносах Венесуэлы и Новой Гранады — *льянеро*, на севере Мексики — *вакеры*, на северо-востоке и юго-западе Бразилии — соответственно *вакейру* и *гаушу*, на юге Чили — *уасо*.

Неосвоенные земли давали убежище беглым неграм¹, которые основывали здесь укрепленные поселения — знаменитые *паленке* в Испанской Америке или *киломбо* в Бразилии. Обустроивая свой быт и занимаясь примитивным хозяйством, они рождались и умирали свободными людьми, а в контакт с цивилизацией вступали лишь с целью выменять у

¹ В испанских колониях их называли *симарронами*, во французских — *марронами*, а в английских — *марунами*

контрабандистов оружие и грабежа окрестных плантаций. Крупнейшее килоombo Бразилии Палмарис занимало территорию 27 тыс. кв. км.

Словом, масса свободной земли и открытая граница колонизации создавали не островки, а, можно сказать, континенты народной свободы, изымая из товарного производства в общей сложности миллионы потенциальных рабочих рук, делая дорогостоящими, прихотливыми и своевольными имевшихся в наличии наемных работников. По этой причине еще раз подчеркнем, что к Латинской Америке нельзя подходить с европейскими мерками. В противоположность Европе, «где вся земля давно перешла в частную собственность» (А. Смит), процесс «поглощения» земли частной собственностью в Ибероамерике был еще очень далек от своего завершения, и потому огромные массивы неосвоенных земель составляли ту самую «народную собственность», которая, по общей для всех «переселенческих» колоний закономерности, порождала острую нехватку наемных рабочих и тем препятствовала «водворению капитала» (К. Маркс).

Каким же образом предпринимателям в колониях удавалось преодолевать препятствия, создаваемые неразвитостью рынка наемной рабочей силы, и какие изменения в сфере трудовых отношений можно было ожидать от грядущей буржуазной революции?

Разумеется, наемный труд в Ибероамерике применялся и в чистом виде, но лишь там, где без него никак нельзя было обойтись (в частности, на многих рудниках Мексики, Чили или Новой Гранады), либо там, где требовалось немного работников¹ (например, в экстенсивном скотоводстве Америки). Некоторого удешевления рабочей силы удавалось добиться за счет предоставления работнику участка земли для подсобного хозяйства и продовольственного пайка (в странах Южной Америки такая система называлась *консертахе*, в Мезоамерике — *пеонаж*). Иногда работник арендовал у помещика землю, внося в качестве арендной платы часть урожая (такие арендаторы были распространены в Чили и назывались *инкилино*).

С самого начала и «отсталые», и «передовые» колонизаторы искали и находили рабочую силу. Отсюда каторжники, законтрактованные рабочие (белые рабы), обращенные в рабство индейцы, а затем и черные невольники из Африки. Испанцы, которым посчастливилось встретиться с высокоразвитыми индейскими цивилизациями, с удовольствием использовали древнюю индейскую систему трудовой повинности миту (или коатекиль).

¹ Вплоть до начала XX в. в стойловом животноводстве Западной Европы для ухода за 10 тыс. голов скота требовалась 1 тыс. работников, между тем как в отгонном скотоводстве Аргентины или Уругвая для этого было достаточно 10 пастухов.

Конечно, и африканский невольник стоил недешево: на золотых приисках Новой Гранады в конце XVIII в. за него отдавали 500 песо. Но вплоть до середины XIX в. труд раба оставался в среднем вдвое дешевле труда наемного поденщика. Если вспомнить, что к «протестантской этике», отличающей капитализм от феодализма, относится и «рациональность», в том числе умение считать деньги, то предпочтением рабского труда негров наемному труду иберийские колонизаторы как раз и проявляли эту «рациональность». Впрочем, в неизмеримо большем масштабе труд негров использовался в карибских владениях «передовых» англичан, французов и голландцев¹. В тех регионах, где проживали индейцы-общинники, мита позволяла удешевить рабочую силу в 1,5—2 раза: если свободному поденщику в Чили полагалось четверть добытого золота, то индейцу-общиннику, отработавшему трудовую повинность по энкомьенде или мите, — лишь шестая часть; наемному рабочему в Потоси платили от 7 до 10 реалов в день, митайо получал лишь 4 реала.

Таким образом, в сфере *трудовых отношений* назревавшая буржуазная революция не могла обойти стороной гигантские массивы *невозделанных королевских земель* как самое крупное препятствие формированию нормального рынка рабочей силы. Решение этой проблемы, состоявшее в наступлении частной собственности на «общенародную собственность», т.е. в скорейшем *заселении*, максимально возможной *приватизации свободных земель и лишении средств пропитания миллионов нелегальных землепользователей*, именно в силу своей масштабности носило стратегический, долгосрочный характер и не могло быть исчерпано сравнительно непродолжительной войной за независимость.

Второе направление реформирования трудовых отношений состояло в максимальном *сокращении индейских общинных земель*. Креольские предприниматели были готовы обойтись без подушной подати и трудовой повинности индейцев, но лишь при том условии, если общинное землевладение и юридическое «неравенство» индейцев, т.е. «чрезмерная» защищенность индейского сословия «деспотическими» законами, перестанут обеспечивать их относительную независимость от рынка рабочей силы. Весь колониальный период латифундисты вели наступление на общинные земли, чтобы образующийся земельный голод толкал разоренных общинников в ряды пролетариата, а от властей требовали «уравнения» индейцев в правах с креолами и мети-

¹ В конце XVIII в. в самых «черных» странах Иberoамерики — на Кубе и в Бразилии — на 1 белого жителя приходилось 0,4 негра, между тем как на английской Ямайке — 9, во французском Сан-Доминго — 11, а в голландском Суринаме — 24.

сами. В этом покушении на общину и индейские редукции предприниматели сталкивались с интересами короны, которая не только периодически подтверждала неотчуждаемость индейских земель, но и нередко вынуждала вернуть уже захваченные. К примеру, в 1786 г. кабильдо венесуэльского г. Баринас отняло у монахов-доминиканцев индейскую редукцию Сан-Хасинто, а король не только вернул селение Ордену, но и лишил кабильдо Баринаса и заодно Сан-Кристобаля права предоставлять земельные пожалования. Так что обезземеливание индейцев находилось еще далеко от необходимой капитализму кондиции. А если учесть, что индейцы, в большинстве своем общинники, в начале XIX в. составляли около 60% населения Мексики, до 70% — Гватемалы, до 85% — Верхнего Перу и т.д., то можно заключить, что разрушение общины и общинного землевладения оставалось одним из важнейших условий для появления нормального рынка наемного труда.

Наконец, острые противоречия разделяли креольских предпринимателей и королевские власти в вопросе об *ужесточении трудовой дисциплины*. В частности, предпринимателей раздражало, что королевские указы запрещали удерживать индейцев на предприятиях за долги (1569 г.), что преступления против индейцев они предписывали карать строже тех, что совершались против испанцев (1593 г.), что индейцев запрещалось приговаривать к отработкам в пользу частных лиц (1609 г.). В 1624 г. индейцев в обрахе Мексики было предписано заменить другими работниками, «даже если это повлечет за собой остановку текстильных фабрик»¹, в 1680 г. в обрахе был запрещен детский труд, а когда монарху стало известно о бесчеловечном отношении к индейцам в обрахе «Бальтасар де Сантос» в г. Мехико, то он приказал закрыть не только эту мануфактуру, но и «столько фабрик, на скольких будут выявлены злоупотребления подобного рода»².

Нетерпимым для предпринимателей становилось и мелочное *регулирование государством взаимоотношений хозяев с индейцами*, отработывавшими трудовую повинность. Многочисленные королевские указы и распоряжения вице-королей повелевали работодателям, сколько необходимо индейцам платить, в каких бараках их содержать, какое предоставлять им питание (в частности, законы обязывали кормить индейцев «горячим мясом с майсовыми лепешками или вареным майсом») и многое другое.

¹ Recopilación de leyes de los Reynos de las Indias. Mandadas imprimir, y publicar por la Magestad Católica del Rey don Carlos II, nuestro señor. Madrid, 1973. Т. II. P. 141.

² Echenique March E.I. Fuentes para el estudio de los pueblos de naturales de la Nueva España. Mexico, 1992. P. 297.

То же можно сказать и по вопросу о рабстве негров. В предвоенных «жалобах» предпринимателей властям нет ни слова о необходимости освободить рабов (впрочем, и в документах военного времени, что мы еще увидим, об этом тоже говорилось мало) или хотя бы облегчить их участь. Напротив, «жалобы» полны требований увеличить импорт и ужесточить эксплуатацию рабов, ограничить «деспотизм» королевской администрации и «мракобесие» церковников в их попытках хоть как-то оградить рабов от алчности хозяев, сократить число праздничных и соответственно нерабочих дней в году.

Всякое вмешательство властей в отношения между трудом и капиталом встречало со стороны предпринимателей неприятие, протесты, саботаж. Среди законов в этой сфере можно упомянуть указ от 1541 г., освободивший рабов от работы по воскресным и праздничным дням, указ 1785 г. запрещал накладывать клеймо на теле раба, указ 1789 г. жестко регламентировал условия труда, питания, обеспечения одеждой и медицинским обслуживанием рабов, организацию их быта, досуга, браков, семьи и предусматривал наказания для хозяев, нарушавших закон. Именно против этого «трудового кодекса» решительно выступили «шоколадные маркизы» Венесуэлы, вынудившие колониальную администрацию приостановить его действие и тем спровоцировавшие негритянское восстание 1797 г. в Коро.

Третьим направлением реформ предстояло создать в Иberoамерике *рынок капиталов*, т.е. необходимую для функционирования рыночной экономики *кредитно-финансовую систему*. В этих целях, опять же в полном соответствии с постулатами либерализма, предстояло организовать банки и страховые компании, ввести ипотечное кредитование (под залог недвижимости), снять запреты на ввоз иностранного капитала в финансовую и прочие сферы иberoамериканской экономики, ликвидировать ограничения на процентную ставку по кредитам, приняв законы о «свободе ростовщичества», и т.д.

Таким образом, в плане внутренних экономических преобразований содержание Войны за независимость Латинской Америки ничем не напоминало «классическую буржуазную революцию» во Франции 1789—1794 гг. Зато оно во многом перекликалось с огораживанием поместий в стране «классического капитализма» — Англии.

§ 4. Креольская верхушка как инициатор и гегемон буржуазной войны за независимость

Колонии Нового Света то и дело сотрясали выступления обездоленных слоев населения. Негры убегали от хозяев, в глухих местах создавали укрепленные поселения (паленке или килombo), нападая от-

туда на соседние деревни и города или же вместе с рабами окрестных плантаций поднимая восстания, охватывавшие подчас несколько провинций. Индейцы не оставляли попыток изгнать европейцев, вернуть утраченные территории и независимость. Конкретных врагов повстанцы обычно выявляли по цвету кожи, и с обеих сторон проливалось немало крови. В зависимости от исторической памяти восставшего народа на освобожденной территории реставрировались либо африканские и индейские формы родового строя (крупнейшее в Бразилии килombo Палмарис, Араукания в Чили и т. д.), либо «азиатский» способ производства с соответствующей индейской государственностью (например, в «империи» Сантоса Атауальпы в Перу в 1742—1756 гг.).

Все эти движения беспощадно подавлялись креольским ополчением при поддержке колониальных властей и нередко с участием эксплуататоров всех цветов кожи. Подлинно же смертельная угроза колониальной системе исподволь назревала на ином фланге и при самом активном содействии самих колонизаторов.

Чем большие обороты набирало товарное производство в колониях, тем быстрее формировался в Новом Свете собственный слой предпринимателей. Конечно, не обязательно поголовно богатые и предприимчивые люди Латинской Америки принадлежали к европейской расе. А. Гумбольдт свидетельствовал, что имущество некоторых индейских семейств Мексики оценивалось в 160—200 тыс. песо, каковым в стране владели очень немногие из белых. Известно также, что во французском Сан-Доминго вольноотпущенным мулатам и неграм принадлежала четверть плантаций и пятая часть рабов.

И тем не менее в силу «переселенческой» природы колоний подавляющее большинство местных предпринимателей находилось в генетическом родстве с буржуазией европейской. К концу XVI в. в Испанской Америке креолов насчитывалось от 150 до 300 тыс., к середине XVII в. — уже 659 тыс., а к 1815 г. — от 3,3 до 4,3 млн человек. К началу XIX в. они составляли большинство населения провинции Буэнос-Айрес (75%), Уругвая (72%), в департаменте Трухильо в Венесуэле (70%), на севере Чили (69%) и т. д. Параллельно приросту численности европейского населения расширялась экономическая активность в колониях.

Через одно-два поколения этот европейский капитал вращался в местную почву, забывал о родстве, становясь *креольским* не только по названию. К началу XIX в. в его руках находились многие торговые дома, примерно половина приисков и рудников, почти все мануфактуры и крупные частные земельные владения. В его среде все громче раздавались требования отмены колониальных ограничений, введения свободы торговли и иных принципов либерализма.

К этому же времени едва уловимые различия между американскими европейцами и европейцами из метрополий начали перерастать в отчуждение и неприязнь. На бытовом уровне это проявлялось в употреблении креолами презрительных кличек по отношению к европейцам («гачупин», «чапетон» и т.п.) и в ответных колкостях европейцев, подобных той, что они и детей бы собственных любили больше, если бы факт рождения в Америке не делал их креолами. На уровне самосознания у креолов складывалось ощущение принадлежности не к европейской, но к американской общности как особой нации. Когда же, указывая на индейцев и негров, европейцы изобретали оскорбительные ярлыки (вроде «нации макак» в Бразилии), креолы, помимо прочего, отвечали присвоением себе истории других этносов. Они, например, до такой степени принимались восхвалять подвиги чилийских арауканов в битвах с конкистадорами в XVI в., будто имели к героизму индейцев самое прямое отношение.

Поскольку колонии Нового Света в течение трех столетий складывались в качестве аграрно-сырьевой базы промышленной Европы, то, цвет местного предпринимательства представляли здесь не фабриканты, как в Англии, а именно «шоколадные маркизы» Венесуэлы и Кито, «сахарократия» Гаити, Ямайки, Бразилии, Кубы, владельцы плантаций индиго и кошенили Мексики, Гватемалы, Сальвадора, скотоводы венесуэльских и новогранадских льяносов, аргентинской пампы и Чили, а также горнорудные и торговые магнаты (тоже нередко латифундисты). И в подавляющем своем большинстве латифундисты были именно креолами.

Именно для креольских предпринимателей не только рынки колоний, но даже рынки метрополий стали тесными, именно для их дальнейшего роста был жизненно необходим свободный выход на мировой рынок. Именно на их стороне в конкуренции с европейцами оказывались преимущества в виде изобилия, дешевизны и девственного плодородия земель Нового Света, и именно в их лице идеи либерализма нашли самых горячих поклонников, решительных борцов за такую полную свободу торговли и предпринимательства, которая была несовместима не только с иберийскими, но и любыми другими колониальными ограничениями.

Помимо места в колониальной экономике и экономической мощи креольская верхушка Ибероамерики отличалась от других слоев колониального общества ясным осознанием своих интересов и целей и идеологической оснащенностью. Это объясняется высоким уровнем ее образованности. Если отвлечься от низшего звена духовенства, во все времена вбравшего в себя лучших представителей из народа, то можно без преувеличения сказать, что на рубеже XVIII—XIX вв. интелли-

генция не столько была еще разночинной, сколько представляла собой интеллектуальную элиту экономически господствующего класса. Например, изучение социального состава студентов университета Каракаса в Венесуэле за период с 1799 по 1810 г. показывает, что из 196 слушателей 24% — выходцы из семей асендадо, 4% — из семей эстенсьеро (скотоводов), 17% — из семей торговцев, 18% — из семей военных, 7% — из семей муниципальных чиновников, 8% — из семей чиновников королевской администрации, 1% — из духовенства, и т. д., и только 1% — из семей ремесленников. И это при том, что самые богатые семейства посылали своих чад на учебу в Европу, где Боливар, Ривадавия, Бельграно, О'Хиггинс и многие другие вожди войны за независимость не только получали блестящее образование, но и имели непосредственный доступ к передовым идеям эпохи.

С середины XVIII в. распространению передовых знаний и идей весьма способствовали так называемые Экономические общества друзей страны, созданные сначала в Испании, а с 1781 г. — в Маниле, Гаване и Сантьяго-де-Куба, Гватемале, Каракасе и других заморских владениях. Поскольку эти владения, как и сама метрополия, являлись преимущественно сельскохозяйственными странами, то участвовавшие в заседаниях обществ интеллигенция, предприниматели, чиновники, военные усваивали в первую очередь ту часть идеологии Просвещения, которую разработали физиократы, включая видных испанских просветителей Уорда, Ховельяноса, Кампоманеса и др. Впрочем, на этих заседаниях часто выступали и иностранцы, а их труды не только были известны, но и темы, поднятые в них, широко дискутировались в Обществах. Основное внимание уделялось развитию земледелия, помехи которому виделись в неотчуждаемости майоратов, церковных и прочих владений, малом числе земельных собственников и их отсталом мышлении, в нерадивости, лени и прочих пороках низших классов. Распространению знаний и предпринимательского духа, по мнению членов Обществ, должна была содействовать предприимчивость высшего класса. Потому труд в поте лица рассматривался как абсолютная ценность, а упразднению подлежало все то, что этому мешало. В частности, превозносимая прежде католицизмом умеренность теперь оказывалась сродни инертности, а проблема нищенства должна была решаться с помощью жесткого разделения нищих на тех, кто действительно нетрудоспособен, и тех, кто может, но не желает трудиться.

Так что креольская верхушка Иberoамерики, несмотря на обилие в ее составе графов, маркизов, виконтов, давно уже не представляла собой паразитических феодальных сеньоров, а активно перенимала протестантскую этику и довольно-таки преуспела в этом. Свидетельством тому служит письмо знатока Испанской Америки рубежа XVIII—XIX вв.

А. Гумбольдта берлинскому коллеге. В нем, делясь откровениями об испанцах, т.е. креолах Новой Гранады, ученый признавал: «Мы, европейцы Востока и Севера, имеем особое предубеждение против испанцев. Но я прожил там два года, тесно общаясь со всеми классами... Полагаю, что эта нация, несмотря на деспотизм государства и церкви, шествует гигантскими шагами навстречу своему развитию, к формированию великого характера»¹.

Высокая степень организованности позволяла креольской верхушке оказывать куда более серьезное влияние на внутреннюю жизнь колоний, чем это принято думать. Еще с XVI в. именно креолы обладали органами местного самоуправления — кабильдо² или *аунтамьенто* в Испанской Америке, муниципальными палатами в Бразилии, юрисдикция которых простиралась на целые города с прилегающими окрестностями. Формально эти органы являлись всего лишь городской администрацией, первичной судебной инстанцией, органом контроля над ценами и тарифами и т.п. Однако и они, случалось, демонстрировали, кто на подвластной им территории являлся хозяином: чиновники из метрополий или креольское сообщество. Например, в 1655 г. в Чили кабильдо Консепсьона сместило с поста губернатора тирана Антонио де Акуньо-и-Кабреру.

Влияние креольских предпринимателей многократно возросло в XVIII в., когда возникли новые формы их организации с новыми функциями и размерами территории под их юрисдикцией. Прежде всего это происходило за счет объединения в союзы предпринимателей ключевых отраслей экономики с целью всемерного содействия развитию отрасли посредством внедрения передовой технологии и опыта, выделения кредитов, выработки проектов решений на правительственном уровне и т.д. Так, с 1740-х годов горнорудную промышленность вице-королевства Перу контролировала Корпорация горнорудных торговцев, которая для финансирования отрасли в 1747 г. учредила специальную компанию, а в 1752 г. — свой собственный банк. Скотоводческой отраслью в Мексике еще с XVI в. заправляла Места (союз крупных скотоводов), в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата — созданная в 1775 г. Генеральная хунта асендадо. Выращивание индиго в генерал-капитанстве Гватемала находилось под опекой созданного в 1762 г. Страхового общества производителей индиго. Креольские латифундисты Венесуэлы в качестве плантаторов-рабовладельцев входили в Ге-

¹ Alejandro de Húmdoldt en Colombia. Extractos de sus obras comp., orden. Y prol., con ocasión del Centenario de su muerte en 1859. E. Perez Arbelaez. Bogotá, 1982. P. 230

² Кабильдо в Испанской Америке навязывались и индейским селениям, но их юрисдикция не выходила за пределы селения.

неральную хунту земледельцев, а в качестве скотоводов составляли Генеральную хунту асендадо-скотоводов.

Другой формой организации предпринимательского класса стали новые консулады. Прежде консулады имелись только в Мехико и Лиме и выполняли функции купеческой гильдии, разбирая в основном тяжбы между купцами. Во второй половины XVIII в. они появились также в Маниле (1769 г.), Каракасе и Гватемале (1793 г.), Буэнос-Айресе и Гаване (1794 г.), Картахене, Сантьяго-де-Чиле, Гуадалахаре и Веракрус (1795 г.). При этом кардинально изменились их состав и функции. Новым консулады поручалась забота о всемерном содействии развитию как торговли, так и сельского хозяйства «по причине теснейшей взаимосвязи между этими двумя первоосновами общественного счастья и процветания». С этой целью в них создавался совет правления, который с помощью целевых кредитов, улучшения сухопутных, морских и речных коммуникаций, разработки проектов необходимых экономике законов, составления подробной экономической статистики и прочих мер всячески развивал предпринимательство в ключевых отраслях.

Консулады отныне ведали не отдельной отраслью, как генеральные хунты, а по существу экономикой страны в целом. Свою юрисдикцию они теперь простирали не на отдельный город с окрестностями, как *кабилидо*, *аюнтамьенто* или муниципальные палаты, а сразу на несколько провинций, целое генерал-капитанство и даже вице-королевство. По сути дела новым консулады передавалась часть функций, относившаяся прежде к компетенции губернатора, аудиенсии и интенданта. Креольская верхушка активно приобщалась на рубеже XVIII—XIX вв. к управлению целыми странами и приобретала в этой сфере ценнейший практический опыт. Новые консулады стали настоящими кузницами кадров государственного масштаба. Из консулады вышли такие деятели войны за независимость, как аргентинцы Бельграно, Ларреа, Матеу, Кастаньи, Визьтес и Чиклана, венесуэльцы Санс, Паласиос, гватемалец Айсина и др.

Изменение сущности и значения консулады было итогом и крупных сдвигов в соотношении между группами предпринимателей. Прежде консулады состояло только из торговцев, поскольку торговая форма капитала, как справедливо писал и Маркс, старше производительной формы капитализма. Но по мере утверждения капитализма производительный капитал подчиняет себе торговый, делая его «лишь вытекающей из процесса обращения формой самого промышленного капитала»¹. Видимо, получение латифундистами равного с торговцами пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 490.

ставительства в новых консулато Испанской Америки было обусловлено той же закономерностью развития капитализма. Это и приводило современников к выводу, что новые консулато «были скорее консулато земледелия, нежели торговли».

Как и генеральные хунты, многие консулато располагали собственными вооруженными формированиями. В частности, консулато Каракаса добилось разрешения на учреждение 14 кавалерийских и пехотных «торговых рот» для отлова беглых рабов и охраны плантаций. Финансирование подобных отрядов осуществляли консулато Лимы и Гаваны.

Не последнее значение для выдвижения креольской верхушки Иberoамерики на ведущую роль в освободительных революциях имело и то, что экономическая мощь, идеологическая оснащенность и высокая организованность дополнялись еще и военной силой, вполне достаточной для воплощения в жизнь самых смелых замыслов. Дело даже не в отдельных вооруженных отрядах, находившихся на службе у консулато или генеральных хунт, а в структуре и порядке формирования колониальных вооруженных сил в целом. Крупные регулярные соединения из метрополий были не по карману ни одной из держав. Потому немногочисленные гарнизоны регулярных сил размещались в крепостях, имевших стратегическое значение при отражении внешней угрозы. Охрану же всей территории колоний, покорение новых районов и поддержание внутреннего порядка осуществляло главным образом местное ополчение, многократно превышавшее численность регулярных гарнизонов. В Чили на 1976 солдат королевских войск приходилось 15 856 бойцов ополчения, состоявшего из пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей. В Перу на две роты королевских солдат общей численностью 238 человек только в Лиме приходилось 2519 ополченцев, в остальных провинциях также было расквартировано по драгунскому полку численностью 720 бойцов каждый. Регулярные силы в Новой Гранаде насчитывали около 3600 солдат, из которых 1380 постоянно дислоцировались в Картахене, а остальные в Панаме и Боготе. Между тем ополчение состояло из 8800 пехотинцев и артиллеристов и 1300 кавалеристов.

Формированием регулярных войск занимались исключительно королевские администрации. Но, несмотря на их желание комплектовать войска уроженцами метрополий, даже на офицерских должностях в регулярных частях оказывались и креолы. Потому неудивительно, что среди 28 военных, арестованных за участие в республиканском восстании 1817 г. в бразильской провинции Пернамбуку, фигурируют 10 военных в чине от капрала до капитана. Небольшие силы регулярных войск не были надежной военной опорой метрополий.

При комплектовании ополчения власти тоже стремились назначать уроженцев метрополий хотя бы на офицерские должности. Но ополчение содержалось на средства креольской верхушки, а за их расходом ревностно следили органы местного самоуправления. Поэтому такая политика властей встречала непреодолимые помехи и потерпела крах в конце XVIII в. Показателен в этом смысле Полк Королевы, созданный в 1794 г. в округе Сан-Мигель-эль-Гранде провинции Гуанахуато в Новой Испании (кстати, это один из главных центров подготовки мексиканскими креолами вооруженного восстания 1810 г.). Он содержался на деньги местных землевладельцев, причем 90% необходимой суммы выделили два самых богатых и породнившихся между собой креольских семейства — де ла Каналь и Ландета. Формально командира полка и его заместителя назначал сам монарх, но по существовавшей практике продажи должностей оба поста достались членам семейств де ла Каналь и Ландета. И командиров всех 12 рот назначал лично вице-король, однако же по представлению аюнтамьенто. В итоге во главе 8 рот оказались члены тех же двух семейств, а в остальных — другие «видные жители» округа.

В ополчении раздельно существовали креольские, индейские, мулатские и негритянские подразделения. Однако создание «цветных» батальонов вызывало протесты со стороны креолов. И хотя «цветные» подразделения сохранились, удельный вес их был сравнительно невелик. В Перу, к примеру, в ополчении Лимы состояло 1133 мулата и 402 негра против 984 белых. Зато на долю остальных провинций приходилось всего 240 ополченцев из мулатов и 60 негров, между тем как в каждой из них имелось по драгунскому полку из 720 бойцов. Кроме того, на время индейского восстания Тупака Амару на средства консулата Лимы был сформирован еще один полк численностью 1 тыс. бойцов. Если учесть, что и в «цветных» батальонах офицерами являлись в основном креолы, то станет ясно, что именно они составляли ударную силу всего ополчения. Типичной в войне за независимость была такая картина, в которой сложилось любопытное «разделение труда»: отцы латифундистских семейств занимались социально-экономическими и политическими преобразованиями, а их сыновья, племянники и внуки, почти сплошь офицеры гарнизонов и ополчения, служили вооруженной десницей революции.

Насколько боеспособным было колониальное ополчение в Иberoамерике? Нельзя отрицать, что голландцам, французам и англичанам удалось отнять у иберийских колонизаторов ряд территорий. Но это в основном были мелкие и сравнительно малонаселенные островные владения, и захватывались они только при подавляющем перевесе сил (в 1797 г. о. Тринидад с гарнизоном в 600 человек был захвачен

английским десантом численностью свыше 6000 солдат, да еще при поддержке целой эскадры). Там же, где размеры территории и численность населения позволяли вводить в действие ополчение, даже самые крупные интервенции неизменно терпели провалы. Так, например, захваченную голландцами в 1630 г. северную Бразилию к 1654 г. отвоевали практически сами бразильцы. В Новой Гранаде в 1741 г. сокрушительное поражение потерпели англичане при очередной попытке овладеть портом Картахена, потеряв более 5 тыс. человек погибшими и умершими от болезней и около 2 тыс. ранеными, между тем как потери новогранадцев составили 93 убитыми и 250 ранеными. На Ла-Плате именно ополчение, и прежде всего батальоны «патрициев» из Буэнос-Айреса, наголову разгромили англичан, дважды пытавшихся в 1806—1807 гг. отнять колонию у Испании весьма крупными силами (вторая экспедиция под командованием генерала Уайтлока насчитывала 12 тыс. солдат, большое количество артиллерии, 20 военных и 90 транспортных судов).

Эти победы, придавшие патриотам Латинской Америки уверенность в своих силах, не случайно рассматриваются как победы общенациональные. Они же свидетельствуют и о том, что и в военном отношении креолы были подлинными хозяевами своих стран, способными силами колониального ополчения успешно отражать атаки достаточно крупных экспедиций из метрополий. В страстном желании креольской верхушки свергнуть режим колонизаторов коренилась причина ее увлеченности заговорами, которые десятками и даже сотнями плелись на рубеже XVIII—XIX вв. во всех уголках Иberoамерики.

Таким образом, цели войны за независимость — разрушение колониального режима, включение в новую систему мирового хозяйства, возводившуюся на основе принципа свободы торговли и предпринимательства, и трансформация в соответствии с этим же принципом всей совокупности общественных отношений — отвечали в наибольшей мере интересам креольских латифундистов. В их лице буржуазное освободительное движение находило не отдельных диссидентов, готовых возглавить борьбу народа-революционера против своего собственного класса, а такого же своего адекватного инициатора и гегемона, каким в Европе выступала промышленная буржуазия. Иными словами, надвигавшаяся буржуазная революция была именно *революцией латифундистов и для латифундистов*. Поскольку же перестройка общественных отношений на принципах свободной конкуренции (свободы торговли и предпринимательства) неизбежно вела к ухудшению положения низов и обострению социальных противоречий, то для такой буржуазной революции идеальной движущей силой являлось *колониальное ополчение*, чью ударную силу составляли опять-таки руково-

димые латифундистами вооруженные отряды. Устраивать из буржуазной революции «праздник угнетенных» — с баррикадами, непредсказуемыми жакериями, робеспьерами и т.п. — креольской верхушке Латинской Америки было абсолютно незачем.

Глава 2

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В довоенные годы в отечественной историографии заслуживало внимания мнение В.М. Мирошевского, который имел свою особую точку зрения на войну за независимость и не стеснялся противопоставлять ее мнению латиноамериканских коммунистов, включая Х.К. Мариатеги. Конечно, Мирошевский не был и не мог быть свободным от господствовавших теоретических схем, но он не приносил им в жертву саму латиноамериканскую реальность, пытаясь отразить ее объективно, во всей архисложности. Он тоже понимал национально-освободительную войну как войну всей угнетенной нации против иностранных поработителей. Однако испаноамериканское общество скорее напоминало ему общество Южно-Африканской Республики. В нем он увидел и отразил столь острые классовые и расовые антагонизмы — не только между креолами и остальными «цветными», но также между индейцами и неграми, — что говорить о национально-освободительной войне не приходилось. И, указав на крайне медленное, по сравнению с США, складывание единой нации в Испанской Америке, он подчеркнул особое значение благоприятного внешнего фактора для успеха войны за независимость. С другой стороны, Мирошевский тоже отождествлял латифундизм и обусловленные им порядки в Испанской Америке с феодализмом, но для него была целиком очевидной и «основная роль в войне... креольских помещиков и плантаторов, добивавшихся свободной торговли с иностранными державами». Понимая же, как непохоже им увиденное на то, что и в его время считалось «буржуазной революцией», он ограничился в оценке войны термином «испано-американский сепаратизм»¹.

Его ученики М.С. Альперович, В.И. Ермолаев, Л.Ю. Слезкин и др., напротив, назвали ее не только освободительной войной, но и буржуазной революцией. Но тогда очевидное для Мирошевского стало

¹ *Мирошевский В.М.* Хосе-Гаспар Франсиа — вождь парагвайской революционной демократии (1814—1840)//Вопросы истории. 1946. № 4. С. 68.

невероятным для все той же «якобинской» схемы и тоже потребовало ревизии по всем ее канонам. В центр революции был помещен народ — простые индейцы, негры, мулаты, метисы, креолы. Чтобы объединить все слои и этносы в «могучем народном движении за независимость», пришлось, с одной стороны, смягчать классовые и расовые антагонизмы в колониальном обществе, на все лады превозносить те сюжеты войны, где классовая борьба «низов» как будто бы совпадала с борьбой буржуазных национал-революционеров, но не замечать тех, в которых массы громили их под самостоятельными или роялистскими знаменами, и гневно набрасываться на ту же классовую борьбу «низов», когда, как в Венесуэле в 1810—1815 гг., такой расклад сил оказывался слишком очевидным (в этом, кстати, тоже проступает французский сценарий, в котором роль отщепенцев из народа отводилась крестьянству Вандеи). Класс-гегемон (креольские помещики и плантаторы по Мирошевскому) довелось отодвигать на задворки революции. И если в отдельных случаях концепция все же допускала к руководству народом-революционером выходцев из помещичьей среды, то никак не потому, что они латифундисты и плантаторы-рабовладельцы, а потому, что они «служили... делу освобождения своих народов от колониального ига и объективно выражали интересы буржуазного развития» (подобно тому, как буржуа Энгельс или дворянин Ленин служили совсем другому классу и объективно выражали именно его интересы).

Иными словами, если Мирошевский отразил войну, «как видит ее глаза», то его ученики «втиснули» ее в идеологические рамки «якобинской» схемы. Что эти рамки обусловлены именно идеологией, показывает хотя бы полемика о революции во Франции между марксистами и ревизионистами. Вспомним, с каким отчаянием в ответ на, казалось бы, правомерную попытку «буржуазных фальсификаторов» дать буржуазное видение буржуазной же революции наши ученые доказывали, «что не было и не могло быть «чистых» буржуазных революций, что они всегда включали разные, иногда параллельные, иногда сливающиеся революционные потоки — борьбу крестьянства против сеньориального гнета и против обезземеливания в процессе «первоначального накопления», против совмещения старых, феодальных, с новыми, буржуазными, формами эксплуатации, против налогового ограбления абсолютистским государством, продовольственные волнения и другие разнообразнейшие движения плебса и т.д.»¹

¹ Барз М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII—XVIII веков. М., 1989. С. 234. См. также: Афанасьев Ю.Н., Блуменау С.Ф. Современные споры вокруг великой революции//Вопросы истории. 1989. № 3. С. 18—34; Гордон А.В. Падение жирондистов. М., 1988. С. 132—136.

Если оценивать этот вывод с точки зрения обоснования идеологического тезиса о том, что именно народные массы являются источником всякой революции, то его категоричность выглядит оправданной. Но какова его научная ценность? Ведь суть проблемы не в том, участвовал или не участвовал народ в революциях, а в том, откуда берется и в чем состоит их буржуазный характер. И если такой характер им придает не буржуазия, а крестьянство и прочие слои плебса, если оказывается, что недопустимо «считать буржуазной революцией революцию буржуазии и для буржуазии», то, во-первых, вряд ли этот довод обладает большей убедительностью, чем попытка, скажем, из столкновения десятков миллионов именно крестьян и рабочих, переодетых в серые шинели, выводить империалистический характер мировых войн. А во-вторых, что еще важнее, настраивая исследователей на идеализированный, «народнический» образ буржуазной революции, в особенности на поиски крестьянской аграрной реформы, такой подход мешает им увидеть и оценить собственно буржуазные свершения в революциях.

Непросто применить и критерии «третьего потока мирового революционного процесса» (национально-освободительного движения), выработанные на опыте стран Европы, Азии и даже Африки с их более или менее этнически однородными нациями, к национально-освободительному движению в Латинской Америке, где пестрота цветов и оттенков кожи навела мексиканцу Васконселосу образное сравнение с «космической расой». Если, к примеру, поддаться увлеченности Б.Н. Комиссарова конфликтом между испанцами и индейцами и принять его утверждение, что при колониальном феодализме в Испанской Америке «классовый антагонизм совпадал с расовым, поэтому классовая борьба неизбежно приобретала национально-освободительный характер», то война за независимость окажется перевернутой с ног на голову. Так, преимущественно креолы (американские испанцы), одержавшие под командованием А.Х. Сукре победу в решающей битве у Аякучо, станут колонизаторами, а побежденная роялистская армия, в которой лишь офицеры являлись испанцами, но в которую именно классовая и расовая ненависть к белым угнетателям позвала тысячи рядовых индейцев, напротив, предстанет национально-освободительной. Аналогичным образом в полчище конкистадоров превратится Андская армия Сан-Мартина, а громящие ее тылы с юга Чили арауканы — в освободителей. И так далее.

Эти и другие нонсенсы возникают, когда латиноамериканскую действительность вместо объективного анализа пытаются втиснуть в рамки теоретических схем, сформулированных на основе совсем другой действительности и нередко с весьма далекими от науки целями. По-

этому в данном параграфе мы оставляем в стороне «народнический» образ буржуазной революции и обращаемся не к движениям плебса, а к борьбе подлинного инициатора и гегемона войны за независимость — креольской предпринимательской верхушки, которая и сама всячески пряталась за спину народа и была там оставлена учеными в угоду господствовавшей схеме. В следующем параграфе, рассматривая эту освободительную борьбу там и тогда, где и когда она не «слилась» еще или не «слилась» вовсе с «параллельными» потоками народных движений, попытаемся определить, к каким изменениям она вела в Латинской Америке и как эти изменения соотносились с переменами на мировом уровне. Выяснив же таким образом, что являла собой латиноамериканская революция как революция буржуазии и для буржуазии, и выявив буржуазные итоги войны за независимость в целом, только после этого мы займемся вопросом о том, что представляла собой, каким образом и какое именно воздействие на конкретное содержание и характер революций оказала борьба «низов».

Хотя колониальное ополчение являлось достаточно мощным и надежным орудием в руках креольских латифундистов, война на два фронта — против войск из метрополий и против своего народа — была и ему не под силу. Потому крайне важное значение для успеха революций имел благоприятный внешний фактор, сложившийся к 1808 г., когда поднятая Францией волна европейских революций и войн докатилась до метрополий Иberoамерики. Наполеоновские войска оккупировали Португалию и почти всю Испанию. Но королевский двор Португалии успел бежать в Рио-де-Жанейро, и Бразилия на полтора десятилетия фактически превратилась в центр всей империи, что отсрочило независимость страны. Испанский же монарх Фердинанд VII был пленен и увезен во Францию, а Испания, вынужденная вести отчаянную борьбу за собственное выживание, по крайней мере до 1815 г. была не в состоянии посылать войска за море. Ее владения в Америке оказались таким образом предоставленными сами себе, и этим не могла не воспользоваться креольская верхушка.

Желая заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом низших классов, эта верхушка в течение одного-двух десятилетий широко пропагандировала идею креольско-индейско-негритянского «братства». В ход то и дело пускался прием, известный как «присвоение истории Америки» и имевший целью отвергнуть родство креолов с европейскими испанцами, выдав их за потомков индейцев. Так, в памфлете, изданном в 1809 г. лаплатским патриотом Монтеагудо в форме диалога между тенью последнего Инки Атауальпы и плененным испанским монархом Фердинандом VII, устами инкского императора испанцам инкриминируются такие злодеяния против индейцев, как запреты на соз-

дание мануфактур, торговые монополии и другие ограничения, которые касались не индейцев, а креольских предпринимателей. Склонив Фердинанда горячей речью к признанию права американцев на независимость, Атауальпа отправляется сообщить добрую весть «Моктесуме и другим королям Америки». В «Письме ибероамериканцам» мексиканец Х.П. Вискардо-и-Гусман обосновывал право креолов на обладание Новым Светом именно тем, что он составлял «богатейшее наследство наших предков — индейцев». В «Плане управления» для свободной Америки венесуэлец Ф. Миранда отразил это «братство» чисто индейскими названиями государственных должностей — «инка», «кураки» и т.д.

Вряд ли эффект от этого «присвоения» был высок — слишком уж очевидно в нем проглядывали логические неувязки. Скажем, если для индейцев в ход пускалась версия об их родстве с креолами, то для испанцев — прямо противоположная. «Мы, — гласил «Мемориал обид» новогранадца К. Торреса, — дети, мы потомки тех, кто пролил свою кровь ради обретения этих земель для короны Испании; тех, кто расширил ее границы и придал ей в политическом раскладе Европы такой вес, которого сама по себе она иметь не могла. Завоеванные и ныне покоренные испанскому владычеству аборигены крайне малочисленны или почти отсутствуют вовсе в сравнении с сыновьями европейцев, населяющими сии владения... Так что не будем заблуждаться на сей счет: мы такие же испанцы, как и потомки доня Пelayo¹, и столь же достойны отличий, привилегий и прерогатив остальной части нации, как и те, что, спустившись с гор, изгоняли мавров и постепенно заселяли полуостров»². Разгром конкистадоров в XVI в. арауканами всю войну служил революционерам Чили поводом называть свою страну «колыбелью независимости Америки» и гордиться этим так, словно не индейцы, а они одержали тогда победу. Сами же арауканы, которых военные донесения то и дело обнаруживали в рядах роялистов, оставались для них «варварами» и «дикарями».

С целью укрепления «братства» применялась и другая хитроумная тактика: в воззваниях повсеместно заявлялось, что низложение колониальных властей и учреждение революционных правительств совершались не ради независимости, поскольку индейцы были безразличны к понятию «свобода», а «для защиты законных прав нашего любимого монарха Фердинанда VII». Многим историкам это внушило мысль, будто революционеры боялись почти уже поверженной Испании. На

¹ Дон Пelayo (конец VII в. — 737 г.) — испанский король, положивший начало Реконките в Испании.

² Torres C. Memorial de agravios//Pensamiento político de la Emancipación. Cararas, 1977. Т. I. P. 29—30.

самом же деле эта тактика была призвана вводить в заблуждение не власти метрополии, а народные массы в колониях.

Таким образом, оккупация Испании французами дала креольской верхушке возможность легко взять власть в свои руки, не боясь прибытия войск из метрополии. Поэтому начальный этап войны за независимость Испанской Америки (1810—1815) имеет исключительно важное познавательное значение. Он позволяет понять сущность истинно буржуазной революции как революции буржуазии и для буржуазии без всякой примеси результатов деяний «параллельных» народных движений. В свою очередь это могло бы привести к обоснованным сомнениям в универсальности «народнического» восприятия буржуазной революции, навеянного опытом якобинской Франции.

Однако до сих пор в изучении первого этапа войны в Испанской Америке все делалось наоборот: истинность офранцузенных критериев принималась на веру, мерки якобинской Франции как непогрешимый эталон попросту прикладывались к событиям 1810—1815 гг., на их основе перед войной за независимость формулировались «эталонные» задачи, а затем начиналось выяснение, почему же революционеры их не выполнили. Заявлялось, например, будто социально-экономические задачи войны за независимость «по своему содержанию... совпадали с задачами буржуазных революций» и состояли в «борьбе за подлинное социальное равенство, за полную и безусловную отмену рабства, за землю», а их выполнение было немыслимо без обращения к народным массам и «превращения войны в социальную, гражданскую». При таком понимании буржуазной революции креольские латифундисты превращались в нечто вроде феодальных оков на руках и ногах революционного народа. Они и добивались-де только «установления своей власти и сохранения прежних форм эксплуатации зависимого населения». Они даже в декларативной форме не ставили вопроса о земле и не стремились к радикальному решению социальных проблем, стоявших перед обществом. Они и именем Фердинанда VII прикрывались будто бы из боязни порвать с Испанией, тогда как народ рвался к независимости.

И все это писалось как раз о той эпохе и о тех странах, в которых социально-экономические преобразования, и в особенности *насильственный переворот в отношениях собственности на землю*, креольские революционеры вершили не таясь, нагло и цинично, уверенные в полной безнаказанности. Что эти деяния остались вне поля зрения ученых, лишний раз показывает, насколько порочна методология исследования, которая даже в вопросе о земле великое многообразие решений сводит к одному лишь якобинскому варианту — крестьянской реформе.

А между тем над приведенной интерпретацией событий 1810—1815 гг. вот уже третье десятилетие, будто Дамоклов меч, висит вопрос французского историка П. Шоню, который, указав на оккупацию Испании войсками Наполеона, резонно вопрошал: кто же и с кем воевал в Америке? И сам же на него ответил, назвав эти события не войной за независимость, а войной гражданской — между креольскими сепаратистами и верноподданническими народными массами.

Но если вспыхивает ожесточенная гражданская война и в ней массы встают на защиту статус-кво, то это явно говорит о том, что ее причиной стало не бездействие, а скорее наоборот, слишком буйная деятельность революционеров по изменению этого статус-кво. А если правительственные хунты в самом деле вершили крутые изменения в обществе, то в чем же тогда заключались и что означали осуществляемые реформы?

Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем абстрагироваться от мерок якобинской Франции и вместо выяснения того, что креольскими правительствами было не сделано или сделано не так, разберемся в их конкретной преобразующей деятельности, которая отражена и сохранена для истории в бесчисленном множестве законодательных и иных документов.

§ 1. Креольская революция в Ла-Плате¹

Рио-де-ла-Плата была выделена из Перу в самостоятельное вице-королевство в 1776 г. в составе территорий современных Аргентины, Уругвая, Парагвая и Боливии. Административная реформа отразила складывание в регионе относительно единого хозяйственного комплекса. Один его экспортный полюс уже с XVI в. составляла добыча серебра в Верхнем Перу. Другой же сформировался в XVIII в. и являл собой экспортное скотоводство прибрежных провинций Буэнос-Айрес, Восточный Берег, Корриентес, Санта-Фе и Энтре-Риос. Между двумя полюсами располагались внутренние провинции Кордова, Сальта, Жу-жуй, Сантьяго-дель-Эстеро, Сан-Луис, Мендоса, Тукуман и др., которые специализировались на разведении мулов и прочего скота для горнодобывающих центров Верхнего Перу, а также на поставках в оба полюса мануфактурных изделий, водки, вин, сахара и т.п. Эту экономику и предстояло либерализовать Майской революции.

Образованная 25 мая 1810 г. Верховная правительственная хунта, как и везде, прикрывалась именем короля Фердинанда, но сразу же

¹ В историографии эту революцию принято называть Майской, поскольку 25 мая 1810 г. креольская верхушка пришла к власти.

занялась разрушением колониальной системы. Она сняла колониальные оковы с внешней торговли как «единственного источника заселения и благосостояния страны», допустив иностранных купцов во все порты и даже на внутренний рынок Ла-Платы, снизив, а то и вовсе отменив таможенные пошлины на вывоз национальных продуктов и ввоз иностранных. Этим хунта Буэнос-Айреса не просто ликвидировала посредничество Испании в торговле с остальным миром, а последовательно реализовала краеугольный принцип либерализма в той его части, которая касалась свободы торговли. Неудивительно поэтому, что, если в 1811 г. начали поступать лишь первые сведения о торговле англичан с повстанцами Рио-де-ла-Платы, то уже в 1813 г., невзирая на неблагоприятные условия военного времени, английский экспорт в Буэнос-Айрес выражался в сумме более 400 тыс., а к 1823 г. — перевалил за миллион ф. ст.

С не меньшей энергией революционеры Буэнос-Айреса воплощали главный принцип либерализма и в части свободы предпринимательства. Уже в 1812 г. они внедрили его в неприкосновенной прежде отрасли — горнорудной промышленности, разрешив не только свободно вывозить, но и свободно добывать золото и серебро. Тем иностранцам, «которые в частном порядке или на паях займутся разработкой месторождений золота, серебра и других металлов», бесплатно выделялись участки неводеланной земли вблизи выбранных рудников, позволялось беспошлинно ввозить необходимое для разработки рудников оборудование и «вывозить продукты своего труда так же свободно, как и уроженцам страны». Через 6 месяцев иностранные горнопромышленники получали гражданство Рио-де-ла-Платы и гарантии правительства в том, что, несмотря на отсутствие в стране свободы вероисповеданий, «ни один иностранец, занимающийся разработкой недр или владеющий предприятием подобного рода, ни его слуги или служащие не будут испытывать неудобств в вопросах религии... и смогут молиться богу по своим обычаям в частном порядке у себя дома»¹.

В равной мере свобода предпринимательства утверждалась и в сельском хозяйстве. За сокращением и отменой пошлин на вывоз продуктов земледелия и скотоводства, ввозом сельскохозяйственного инвентаря и оборудования последовало упразднение в 1812 г. королевской монополии на возделывание и переработку табака, снижение церковной десятины, учреждение Экономического общества друзей отечества в Росарио. Дополнить интеграцию отрасли в мировое хозяйство был призван декрет об иностранной иммиграции, устанавливав-

¹ Registro Oficial de la República Argentina que comprende los documentos expedidos desde 1810 hasta 1873 (далее: RORA). Buenos Aires, 1879. T. I. P. 212.

ший, что «иностранцам, которые станут возделывать поля, будет выделено достаточно земли... оказана материальная помощь в обустройстве хозяйства... а в торговле своей продукцией они будут пользоваться теми же правами, что и уроженцы страны»¹. Завершающим актом в этом процессе стали декреты 1827 г. об отмене государственного контроля за ценами на товары массового спроса — хлеб и мясо, ибо «свободная конкуренция уже доказала свою эффективность в других отраслях» и подтверждается «опытом большинства цивилизованных народов»².

Наряду с этим революционеры перестраивали святая святых Ла-Платы — систему поземельных отношений. В 1813 г. правительство декретировало упразднение майоратов и положило начало ликвидации церковного и монастырского землевладения. С 1821 г. эти земли и прочее имущество стали объектом конфискации в пользу государства и нередко затем распродавались с молотка.

Второе направление аграрных преобразований состояло в разрушении индейского общинного землевладения, включая землевладение редукций. В первые же дни Майской революции в правительственном воззвании к индейцам прозвучало обещание «восстановить ваши права на свободу, собственность и безопасность, которых вас лишали в течение целых поколений... чиновники, мечтающие лишь о разорении этих верных и преданных любимому Фердинанду VII владений». На том основании, что в редукциях «нет ни одного главы семьи, который мог бы сказать: «Это имущество я унаследовал от своих родственников», устанавливалось, что индейцы «являются отныне свободными, вправе владеть своей собственностью и распоряжаться ею, как им заблагорассудится»³. Правительственные декреты освободили также общинников Ла-Платы от подушной подати и подтвердили запрет на всякого рода их личные услуги, т.е. утвердили наемный труд в качестве единственно законной формы эксплуатации индейской рабочей силы. Отдельный декрет об упразднении подати и о введении полного гражданского равенства с испанскими американцами был издан в 1811 г. для индейцев Верхнего Перу.

Клятвы революционеров освободить индейцев, сделать их собственниками, наделить равными с креолами правами кажутся очень привлекательными. Потому они вводили и продолжают вводить в заблуждение многих историков революций в Иberoамерике, которые склонны

¹ RORA. T. I. P. 178; Ideario de Mayo. Buenos Aires, 1960. P. 538.

² *Bushnell D.* Reform and Reaction in the Platine Provinces, 1810—1852. Gainsville, 1983. P. 130.

³ Полный текст «Регламента» см.: Ideario de Mayo. P. 490—496.

интерпретировать декларации о свободе в соответствии с вульгаризированным пониманием либерализма и не особо вникать в истинный смысл проводившихся реформ. Например, весьма известный в нашей стране аргентинский историк-марксист Л. Пасо, указывая на реализацию принципов «1) свободного поселения; 2) бесплатного распределения земли; 3) отмены феодальных податей; 4) введения свободы торговли» в ходе освободительной экспедиции аргентинского генерала Х.Х. Кастельи в Верхнее Перу, восторженно восклицал: «Ну разве это не народная программа?»¹

Нет, не народная! Более того — антинародная. И указывали на это не только многие зарубежные ученые, но и отечественные С.А. Гонионский и Н.Г. Ильина. Оба они на опыте Новой Гранады наглядно показали, как вместо наделения землей индейцев сразу же превращали в обезземеленных пауперов, отнимая исконные общинные наделы. С разрушением общины и ликвидацией особых индейских судов и законов местное население утрачивало свою защищенность, круговая порука и взаимопомощь уходили из жизни индейцев и они оказывались перед необходимостью в одиночку противостоять уравнительному напisku креольских латифундистов.

Точно так же и на Ла-Плате наделение общинников землей означало передачу каждому общиннику в частную собственность его же общинного надела. Уравнение в правах с креолами влекло за собой прекращение действия особого «деспотического» законодательства времен колонии, которое защищало индейцев и во многом облегчало их экспроприацию. С самого начала революции креолы наделялись правом свободно селиться и приобретать землю в селениях бывших индейских редуций. В 1812 г. такая судьба постигла индейскую общину Кильмеса в провинции Буэнос-Айрес. В 1819 г. декрет Верховного правителя Пуэйрредона о поощрении разработок месторождений серебра в Фаматине постановил, что, «поскольку горнопромышленники в большинстве своем являются жителями других провинций, а также иностранцами» и не имеют собственной земли для обустройства, то «им жалуется... индейское селение Анкинам по причине почти полного его запустения»². В 1825 г. упразднение с распродажей земли было декретировано для общин провинции Сальта, в 1825—1827 гг. — для общин в Корриентесе. С этого времени исчезает само упоминание об индейцах-общинниках Ла-Платы (но не Верхнего Перу, откуда экспедиция «освободителей индейцев» вскоре была выбита).

¹ Paso L. Los caudillos y la organización nacional. Buenos Aires, 1970. P. 27.

² RORA. T. I. P. 510.

Впрочем, на Ла-Плате оседлых общинников было гораздо меньше, чем племен кочевников. Поэтому главным по масштабам и глубине направлением аграрных преобразований здесь стала приватизация невозделанных государственных земель. В общенациональном масштабе законодательную основу под приватизацию «пустырей» заложила в 1813 г. Генеральная конституционная ассамблея, наделившая правительство правом распоряжаться государственными землями. На этой основе развернулись «походы в пустыню» — завоевательные экспедиции в те районы страны, которые составляли заповедную среду обитания воинственных племен кочевых индейцев. В полную силу этот процесс стал разворачиваться с 1816 г., когда были приняты решения о расширении территории провинции Буэнос-Айрес, а потом и других провинций и о воссоздании пограничного кавалерийского полка для войны с индейцами. В этом вопросе действительную помощь правительству оказывали латифундисты-скотоводы пампы. В апреле 1819 г. они на собственные средства сформировали для войны с кочевниками полк регулярных войск, а в сентябре выделили правительству большое количество скота, на доходы от продажи которого содержались пограничные войска. К 1827 г. с индейцами воевала уже целая дивизия регулярных войск, не считая ополчения, сельской полиции и т.п. Как только новые земли очищались от индейцев и реально становились государственными, они тут же отчуждались в частную собственность.

Документы показывают, что в распределении миллионов гектаров завоеванной целины креольские революционеры руководствовались отнюдь не «фермерскими» стереотипами, а последовательно и настойчиво укрепляли крупное частное хозяйство. Так, декрет о завоеванной целине в провинции Сантьяго-дель-Эстеро установил размеры наделов в 2,5 кв. лиги, или 4687 га, и определил, что преимущественным правом на получение надела должны пользоваться местные приграничные жители, особо отличившиеся в кампаниях против индейцев. Но статья 3 устанавливала, что выделенный участок должен быть освоен всего за 1 год и что освоение означает как минимум возведение ранчо и загона для скота, а также обзаведение 50 коровами, сотней овец и 25 кобылицами. И только выполнившие эти условия становились собственниками земли. Понятно, что лишь достаточно состоятельные хозяева могли отвечать столь жестким критериям отбора.

По оценке самих «освободителей», в результате этой конкисты «приобретенная огромная земельная собственность удвоила гарантии государственного долга», «внутренняя торговля достигла быстрого прогресса», и «большие капиталы нашли приложение в сельскохозяй-

ственных предприятиях»¹. Подводя итоги «походам в пустыню», следует сказать и о том, что они ощутимо сократили «народную собственность» на землю, перекрыв или ограничив свободный доступ к земле и разгуливающим в пампе стадам, и десяткам, а может быть, и сотням тысяч нелегальных пользователей.

Последний, но едва ли не важнейший штрих в аграрной реформе на Ла-Плате состоял не только в провозглашении, но и в самых крутых мерах по реальному обеспечению неприкосновенности частной собственности. В октябре 1811 г. правительственным декретом устанавливалось, что во имя принципов «неприкосновенности частной собственности и общественной безопасности» всякий грабитель независимо от суммы похищенного подлежит смертной казни через повешение, равно как и простой вор, укравший на сумму 100 песо. Если же сумма похищенного не достигала 100 песо, вор приговаривался к 10 годам каторги. В апреле 1812 г. была создана специальная судебная комиссия, дабы «рассматривать в кратчайшие сроки... всякое дело о краже... и судить, приговаривать и казнить без промедления»². В 20-е годы были учреждены полицейские комиссариаты на селе, а в каждом уезде — отряд из 25 вооруженных стражников. В 1826 г. в составе ополчения появился особый кавалерийский полк для охраны сельских частных владений.

Таким образом, в ходе Майской революции изменился характер поземельных отношений Ла-Платы. Революция многократно расширила и укрепила частную собственность на землю, и, сделав эту собственность полностью буржуазной, т.е. свободно отчуждаемой, продаваемой, закладываемой, арендуемой, в громадной степени способствовала формированию необходимого капитализму рынка средств производства.

Увеличением частной собственности за счет общинных и государственных земель решалась задача создания нормального рынка наемной рабочей силы. Для этого широко использовались и меры внеэкономического принуждения. Некоторые из них упоминались в связи с ужесточением наказаний за посягательство на освященную отныне частную собственность. Многочисленные декреты, регламенты, циркуляры и прочие документы различных органов власти свидетельствуют о развертывании в стране суровой и всеобъемлющей борьбы с «бродяжничеством». В декабре 1812 г. Временный полицейский регламент среди прочего предписывал учредить в провинции Буэнос-Айрес при-

¹ Mensajes de los Gobernadores de la Provincia de Buenos Aires, 1822—1849. La Plata, 1976. P. 50.

² RORA. T. I. P. 163

ют, где бы «с известной пользой для общества содержались в заключении бродяги и лица неопределенных занятий», а для охраны сельской собственности создавался еще один вооруженный отряд. Регламентом, принятым в январе 1813 г., отлов бродяг вменялся в обязанность квартальным алькальдам в качестве одной из главных забот об общественном порядке. Циркуляр губернатора-интенданта провинции Буэнос-Айрес от 30 августа 1815 г. о сельской полиции гласил, что «всякий индивид, не обладающий законной собственностью для своего существования... будет причислен к классу слуг», а «всякий слуга... обязан иметь паспорт от своего хозяина, завизированный окружным судьей» и «подлежащий продлению каждые три месяца». «Всякий индивид из класса пеонов, не имеющий такого документа, будет рассматриваться как бродяга», равно как и «всякий индивид, хоть и имеющий паспорт, но перемещающийся по сельской местности без разрешения территориального судьи». Отловленные таким образом «бродяги... будут направляться на военную службу в регулярные войска сроком на 5 лет». Те же, кто не годен к строевой, «будут обязаны признать какого-нибудь патрона, которому на первый раз прослужат за справедливую зарплату 2 года, а на второй — 10 лет»¹.

Таковыми мерами проблема наемной рабочей силы не могла быть снята окончательно. Народной собственностью еще оставались обширные неосвоенные земли Патагонии. Решающие изменения на рынке труда страны произойдут в период между 1850 и 1885 гг., когда «походы в пустыню» окончательно утвердят институт частной собственности на всей территории Аргентины.

Создание рынка средств производства и рынка наемной рабочей силы явилось итогом экономических преобразований Майской революции. Но для полноты анализа недостает фактора капитала, приводящего в движение землю и труд, т.е. построения для нужд рыночной экономики рынка капиталов, кредитно-финансовой системы.

В этой сфере революцией также было сделано немало, что отчасти уже просматривается в упомянутом снятии ограничений на приложение частного, в том числе иностранного, капитала к рудникам и земле Ла-Платы. Кроме того, в 1819 г. иностранцам было позволено разрабатывать серебряные рудники Фаматины, а в 1823 г. создать акционерное общество в Англии в целях эксплуатации рудников Ла-Риохи. Главным же и наиболее современным для той эпохи решением явились реформы, направленные на формирование финансовой системы страны, тоже достаточно тесно интегрированной в мировую экономику. В 1822 г. введением свободы ростовщичества отменяется 6-про-

¹ RORA. T. I. P. 335.

центный (и всякий другой) потолок для ставок по кредитам, который веками существовал в Испанской империи. Тогда же был образован Дисконтный банк, в котором значительная доля депозитов принадлежала английским вкладчикам. И уже в 1824 г. главный реформатор 20-х годов Б. Ривадавия в послании законодательному собранию провинции Буэнос-Айрес с гордостью докладывал, что процветание банка «превосходит самые смелые ожидания, а его полезность ощущается всеми классами», что «сельское предпринимательство возрастает непрерывно и приток капиталов к нашим полям увеличивается день ото дня»¹. В январе 1826 г. Дисконтный банк был поглощен Банком Соединенных Провинций Рио-де-ла-Платы, известным более как Национальный банк. Его уставный капитал составил 10 млн песо, а иностранцы фигурировали не только среди вкладчиков, но и в совете директоров. Развитию и совершенствованию сберегательных касс была посвящена целая программа мероприятий, декретированная в марте 1827 г.

Таким образом, рынок главного средства производства — земли, а также рынок наемной рабочей силы дополняли элементы денежного рынка — банки, сберегательные кассы и другие кредитно-финансовые учреждения. Реформы заложили фундамент рыночной экономики в полном соответствии с принципом свободы торговли и предпринимательства.

По тем же либеральным меркам перекраивалось и само лаплатское общество. Майская революция упразднила дворянские титулы, гербы и наследственные привилегии. Она покончила с сословием индейцев, ликвидировав общинное землевладение, особый статус, особые подати и повинности индейцев, их особую социальную организацию (общину и редуцию), ввела формальное равенство всех во всех сферах деятельности. Ликвидировалось и сословие кастас, так как отныне любой свободный житель страны с той или иной долей африканской крови объявлялся полноправным гражданином страны.

Революция положила начало и освобождению рабов. В 1813 г. была запрещена работорговля и издан декрет о «свободном чреве», согласно которому дети рабов, родившиеся после 31 января 1813 г. (дата открытия Генеральной конституционной ассамблеи), объявлялись свободными. Вышедший вслед за этим декрет о воспитании освобожденных детей рабов уточнял, что они должны были оставаться в хозяйстве патрона до 20 лет, из них 15 работая на хозяина бесплатно, а остальные — за ежемесячный оклад в размере 1 песо, который вносился в Филантропическую казну. По достижении 20-летнего возраста тем из освобожденных, кто собирался заняться земледелием, государ-

¹ Mensajes de los Gobernadores de la Provincia de Buenos Aires. P. 31, 36—37.

ство обещало выделить в собственность земельный участок. Кроме того, правительство широко практиковало принудительные мобилизации рабов в действующую армию. Декреты 1813, 1816 и 1819 гг. принуждали хозяев продавать рабов в армию по 6 песо за каждую душу, а за попытку сокрытия рабов от призыва налагался штраф в размере 100 песо за каждого негра. Последним в этом ряду был декрет 1826 г. президента Б. Ривадавы, по которому в армию рекрутировались все оставшиеся в столице рабы. Если учесть, что главком Андской армии генерал Сан-Мартин имел обыкновение бросать «черные батальоны» (и созданный в 1812 г. полк вольноотпущенных мулатов и негров) в самое пекло боев и на Ла-Плате, и в Чили, и в Перу, то станет понятно, что в решение проблемы ликвидации класса рабов и обеспечения расовой чистоты лаплатского общества Майская революция внесла гораздо больший вклад, нежели принято думать.

Как бы то ни было, революция в значительной мере разрушила сословный строй и положила начало складыванию на Ла-Плате гражданского общества, опять-таки отвечавшего доктринальным установкам либерализма. Способствовала этому и судебная реформа, проведенная законом палаты представителей провинции Буэнос-Айрес в 1823 г. Реформа упразднила личные *фуэро* — привилегию быть судимым равными себе, т.е. ликвидировала сословные суды. Поскольку же одновременно сохранялась неподсудность гражданским судам представителей духовенства, армии, флота и госаппарата, то, видимо, ее главной целью являлось уравнивание перед законом креолов, метисов, кас-тас и индейцев.

Майская революция еще не сделала аргентинское общество светским (этот процесс получит продолжение в цикле либеральных революций и реформ во второй половине XIX в.), сохранив подчинение церкви государству, как это было и при испанцах, и провозгласив, что «римская апостолическая католическая религия является религией государства». Вместе с тем нацеленная на приобщение Ла-Платы к ценностям западной, в первую очередь англосаксонской, цивилизации, в том числе за счет массового привлечения европейских иммигрантов, революция не могла не делать лаплатское общество веротерпимым. С течением времени декларации веротерпимости в отношении въезжавших в страну иностранных горнопромышленников множились и углублялись. На территории Буэнос-Айреса впервые в 1821 г. была выделена земля под протестантское кладбище. В 1825 г. после подписания договора о свободной торговле с Англией на Ла-Плату начали прибывать первые английские и иные европейские переселенцы, и появился декрет палаты представителей провинции Буэнос-Айрес о свободе вероисповеданий. Он гласил, что «на территории Провинции является

неприкосновенным право каждого человека поклоняться Всемогущему Богу в соответствии со своей верой, хотя и в рамках существующих в стране морали, общественного порядка и законов»¹.

Над трансформируемым базисом общества возводилась по тем же либеральным рецептам и *новая политическая надстройка*, призванная охранять свободную игру рыночных сил, выступать в роли «ночного сторожа». Какую же форму должно было принять такое государство?

Как и в других странах Латинской Америки, аргентинские революционеры вовсе не обязательно являлись законченными республиканцами. Даже известные своим радикализмом М. Морено, М. Бельграно, Х.Х. Кастельи, И. Визейтес, Б. Ривадавия и другие деятели долгое время склонялись к идее конституционной монархии. В 1814 г. они вели переговоры в Лондоне с целью коронации на престол Рио-де-ла-Платы герцога Луккского. В 1819 г., когда Андская армия Сан-Мартина завершила освобождение Чили, конгресс Соединенных Провинций Рио-де-ла-Платы принял даже декрет о том, что «Соединенные Провинции Южной Америки и Чили будут управляться конституционной монархией во главе с герцогом Луккским, который будет посажен на трон при содействии Франции и вступит в брак с принцессой Бразилии, а его Святейшество должно позаботиться о получении согласия на то со стороны всех пяти великих держав»².

В итоге на Ла-Плате, как и в большинстве латиноамериканских стран, возобладали форма президентской республики по примеру США (хотя в рассматриваемый период глава исполнительной власти на Ла-Плате именовался Верховным правителем и только с 1826 по 1827 г. — президентом).

Важнейшими принципами, заложенными в фундамент аргентинской государственности, являлись «свобода, равенство, собственность и безопасность» всех жителей государства, народовластие и разделение властей. В центр системы государственных приоритетов ставилась личность и ее деятельность. Верховная хунта с первых же дней предоставила этой личности свободу предпринимательства и не останавливалась даже перед крайне непопулярными мерами, чтобы обеспечить неприкосновенность частной собственности. Таким же образом защищалась личность и в остальных своих естественных правах — на жизнь, честь, свободу, равенство, собственность и безопасность, — закрепленных конституциями 1819 и 1826 гг. Все это получало дальнейшее развитие в консти-

¹ RORA. T. 2. P. 89.

² Berro M.B. Anales de la República Oriental del Uruguay. Montevideo, 1895. T. 1. P. 144—145; T. 2. P. 17.

туционных принципах верховенства закона, в свободе слова и печати, отмене пыток и конфискации имущества как меры наказания.

Федеративное государственное устройство Рио-де-ла-Платы также мыслилось в интересах личности, поскольку автономия провинций, наличие в них собственных законодательных и исполнительных органов власти, зависимых от воли местных избирателей, в известной мере закрепляли за федеральной властью роль «ночного сторожа» на службе у частных лиц. Более того, у революционеров в провинциях стремление к ограничению всевластия центрального правительства чаще всего облекалось в форму проектов строительства не союзного государства (федерации), а союза независимых государств (конфедерации). Условия военного времени существенно скорректировали взгляды по крайней мере столичных революционеров, и конституции 1819 и 1826 гг. установили унитарный принцип государственного устройства. В обоих случаях это вызывало столь острые антагонизмы с провинциальными группами предпринимателей, что единое государство в Рио-де-ла-Плате на многие годы уступало место конгломерату обособленных и враждующих между собою провинций.

Все конституции и временные регламенты независимой Ла-Платы составлялись в соответствии с принципом народовластия, понимаемого как осуществление власти самим народом через выборные органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Однако процедура выборов народных представителей была двухступенчатой: на первом этапе избирались выборщики, которые на втором этапе приступали к избранию депутатов конгресса (исключение составляла конституция 1826 г., которая ввела прямые выборы депутатов, сохранив непрямыми выборы сенаторов и президента). Главное же отличие от современного понимания принципа народовластия состояло в том, что, как и во всем мире, в XIX столетии креольские революционеры Буэнос-Айреса проводили жесткую грань между понятиями «население» и «народ», «человек» и «гражданин». Уже в 1815 г., несмотря на декларацию прав на «жизнь, честь, свободу, равенство, собственность и обеспеченность» для всех жителей страны, «будь они американцами или иностранцами, гражданами или нет», и на объявление равноправными гражданами страны и креолов, и индейцев, и кастас, и вольноотпущенных негров, «Временный устав», на основании которого избирались депутаты Тукуманского конгресса, содержал весьма важную оговорку: «Гражданство приостанавливается для тех, кто является наемным слугой, кто не обладает собственностью либо доходной и полезной для страны профессией...»¹ Конституция 1819 г. установила, что

¹ Registro Oficial de la República Argentina que comprende los documentos expedidos desde 1810 hasta 1873. Buenos Aires, 1879—1882. T. I. P. 311—312.

депутатом конгресса мог быть избран лишь тот, кто обладал собственностью на сумму не менее 4 тыс. песо (корова или бык на Ла-Плате того времени стоили 1,5 песо), а сенатором — 8 тыс. песо. Конституция 1826 г. сохранила имущественный ценз в 4 тыс. песо для депутатов, но повысила его до 10 тыс. песо для сенаторов и президента. И она же установила расширенное толкование той категории населения, которая подпадала под «приостановку» гражданства, включив в нее наряду с бродягами и работающими по найму слугами также наемных поденщиков и лиц, не умевших читать и писать.

Таким образом, «народ», который по конституциям являлся «источником власти», посылал своих представителей в конгресс и диктовал законы всем жителям страны, составлял ничтожно малую часть населения — верхушку общества. А если учесть еще и содержание принимавшихся этим «народом» законов, особенно в области земельных и трудовых отношений, то удивляться следует не тому, что «майским» революционерам повсюду пришлось бороться с мощным народным сопротивлением в виде вооруженной монтонеры¹, а скорее тому, что очаг креольской революции в Буэнос-Айресе смог пережить 1815 г., когда все другие очаги в Испанской Америке либо были задушены массами под роялистскими знаменами, либо утонули в половодье самостоятельного революционного творчества «низов».

§ 2. Креольские революции в Венесуэле и Новой Гранаде

Вице-королевство Новая Гранада, в состав которого входили территории современных Колумбии, Панамы, Эквадора и выделенной в обособленное генерал-капитанство Венесуэлы, отличалось большим разнообразием экономической структуры.

Рабовладельческое плантационное хозяйство, ориентированное на экспорт какао, кофе, хлопка, индиго и других продуктов тропического земледелия, составляя основу экономики Венесуэлы, с последней трети XVIII в. стало набирать силу на тихоокеанском побережье Эквадора (в то время аудиенсии Кито) и в меньшей мере распространилось на карибском побережье Новой Гранады.

¹ Монтонера (от исп. «montón» — масса, множество, куча) — конные партизанские отряды гаучо, нередко сражавшиеся на стороне испанцев, но чаще громившие под самостоятельными знаменами как роялистов, так и креольских революционеров. «Ненависть участников монтонеры и ее руководителей к правительству, — вспоминал участник революции Х. Пас, — была столь велика, что заглушала благородное стремление к независимости. Никто не вспоминал об угрожавших со всех сторон испанских армиях». В целом же монтонеры на Ла-Плате продолжались до 1835 г.

Горнорудная промышленность являлась важнейшей экспортной отраслью Новой Гранады и в пореформенный период находилась в фазе своего расцвета, давая половину всего добывавшегося в Испанской Америке золота и значительную долю серебра.

Экстенсивное скотоводство получило развитие в льяносах — долинах рек Ориноко и Апуре в Венесуэле и Новой Гранаде. Его продукция сбывалась в земледельческие и горнорудные центры, а со второй половины XVIII в. также в английские, французские и голландские колонии в Карибском бассейне.

Внутренний рынок, сложившийся вокруг экспортных центров, служил прочной опорой развитию мануфактурной промышленности и ремесла в новогранадских провинциях Сокорро, Кундинамарка, Бояка, Пасто, где высокого уровня достигла суконная и хлопчатобумажная промышленность. То же можно сказать и о сьерре (горных районах) аудьенсии Кито, где в рассматриваемый период проживало 85% населения провинции, занимавшегося возделыванием продовольственных культур и ткачеством, вывозя продукцию в Новую Гранаду и оба Перу.

Такая хозяйственная структура обусловила сравнительно разнообразный в социальном и расовом отношениях состав населения. В Венесуэле, по разным цензовым и оценочным данным, в 1800—1810 гг. проживало 172,7—200 тыс. креолов (19—25% всего населения), 12—20 тыс. испанцев (1—2,1%), 400—464 тыс. представителей смешанных рас (44,7—51,6%), от 58 до 88 тыс. чернокожих рабов (5,9—9,7%) и от 120 до 282 тыс. индейцев (15—28,9%). Новая Гранада, согласно переписи 1778 г., насчитывала 826,6 тыс. населения, из которых белые, т.е. испанцы и креолы, составляли 277,1 тыс. (32,8%), метисы, мулаты и самбо — 368,1 тыс. (44,5%), индейцы — 136,8 тыс. (16,5%), негры — 44,6 тыс. (5,4%).

Экономически господствующий слой общества и в Венесуэле, и в Новой Гранаде, включая аудьенсию Кито, был примерно одинаков. Он состоял из крупных торговцев и судовладельцев, горнорудных магнатов (прежде всего в Новой Гранаде), плантаторов-рабовладельцев и скотоводов (особенно в Венесуэле¹ и Кито), владельцев мануфактур.

Первая серьезная попытка свержения колониальных властей в Венесуэле была предпринята Ф. Мирандой еще в 1806 г., но не получила поддержки со стороны креольской верхушки. С вторжением Наполеона в Испанию эта верхушка дважды неудачно, в 1808 и 1809 гг., пыта-

¹ Представителей высшего общества Каракаса называли «мантуанос» — по названию мантии, привилегией носить которую обладали только они.

лась образовать креольское правительство и добилась своей цели 19 апреля 1810 г., учредив Верховный совет по охране прав Фердинанда VII. Действующими лицами тех событий были братья Хуан Висенте и Симон Боливар. Они приобщились к революционному движению еще до 1808 г. и приняли самое активное участие во всех трех мятежах. Основатель династии, тоже Симон Боливар, числится в списке главных конкистадоров Венесуэлы вслед за Себастьяном Диасом, заложившим в XVI столетии г. Сан-Себастьян-де-лос-Рейес. К 1745 г., согласно переписи плантаций какао, Боливары занимали 7-е место среди «шоколадных маркизов» страны, а Хуан Висенте в переписи скотоводческих хозяйств 1791 г. фигурировал на 19-й позиции.

Маркиз дель Торо — одна из выдающихся фигур в войне за независимость. Среди «шоколадных маркизов» его семейство в 1745 г. занимало 5-е место, а среди скотоводов в 1791 г. маркиз числился 25-м. Дель Торо был одним из руководителей Генеральной хунты асендадо-скотоводов. С момента учреждения консулата Каракаса в 1793 г. маркиз дель Торо входил в его руководство. Он активно участвовал и в заговоре 1808 г., в случае успеха которого прочился на высший государственный пост — генерал-капитана Венесуэлы. Его сын Диего Родригес дель Торо, профессиональный военный, являлся одним из наиболее видных участников революции.

Дальний родственник Боливара по отцовской линии маркиз де Михарес (Ф.Ф. де Михарес Солорсано-и-Понте¹) не участвовал в мятежах 1808—1809 гг., но в 1810 г. был послан Верховной хунтой Каракаса в Баринас с заданием привлечь провинцию к восстанию. Среди «шоколадных маркизов» его семейство занимало 15-е место, и, хотя не числилось среди крупнейших скотоводов, сын маркиза, Лоренсо де Михарес-и-Понте, фигурирует в регистре торговцев, составленном в 1810 г. консулато Каракаса. В качестве профессионального военного участвовал в революции и еще один родственник маркиза — Антонио Солорсано.

Всем семейством включились в революцию и Товары во главе с графом. В 1745 г. семейство было 3-м среди крупнейших плантаторов какао, в 1791 г. граф Товар являлся 2-м скотоводом страны, а с 1793 г. — одним из руководителей консулато. Активно участвовали и в мятежах 1808—1809 гг., и в войне за независимость сыновья графа — Хосе и Мартин Товар Понте (дальние родственники Боливаров). Мартин в 1810 г. входил в Верховную хунту, а год спустя стал депутатом Учредительного конгресса.

¹Понте — фамилия бабушки Симона Боливара по отцовской линии.

Революционер граф де ла Гранха в 1791 г. был 6-м скотоводом страны, членом руководства Генеральной хунты скотоводов, а с 1793 г. и руководства консулато. Среди плантаторов его семейство занимало 10-е место.

Заговорщик 1808 г. и революционер 1810 г., маркиз де Каса Леон являлся 10-м скотоводом страны. Герои войны братья Хосе Феликс, Хуан Непомусено, Антонио Валентин и революционер в рясе Хосе Франсиско де Ривас были сыновьями Луиса де Риваса, 13-го скотовода страны. Участниками революционных событий выступали и родственники Боливара по материнской линии — семейства Паласиос-и-Сохо, Пас дель Кастильо, де Клементе, де Устарис и др.

Латифундисты оказывали регулярную поддержку революционному правительству с первых дней, внося пожертвования деньгами, скотом, домами или экипируя за свой счет войсковые соединения. Самое непосредственное отношение к революции имело консулато Каракаса. Его юридический советник Мигель Хосе Санс возглавил в 1811 г. в Верховной правительственной хунте Общий секретариат государства, армии и флота и стал одним из главных деятелей освобождения. Заместитель первого консула Луис Лопес Мендес вместе с Боливаром вошел в 1810 г. в состав миссии, направленной в Лондон в поисках британской поддержки мятежной Венесуэле. Арбитражный судья консулато Фелисиано Паласиос стал одним из первых полномочных членов Верховной хунты. На видных правительственных должностях оказались Мартин Товар Понте, Хуан Херман Россио и многие другие деятели консулато.

Сердечные отношения с революционным правительством консулато в целом установило уже 27 апреля 1810 г., поддержав правительство и предоставив в его распоряжение наличные фонды как самого консулато, так и всех его членов. 25 мая было заявлено о полном совпадении позиций Верховной хунты, консулато и аюнтамьенто Каракаса по вопросу о важном значении для революции скорейшего открытия венесуэльских портов и свободной торговли с «дружественными и нейтральными странами», а также снижения таможенных пошлин. Правительство обращалось за помощью к консулато при решении вопросов экономической политики, например при реформировании финансовой сферы, когда именно консулато «во избежание ошибок в таком важном деле» было поручено разработать общий план торговли и необходимых ей реформ.

Не оставляют сомнений относительно классовой природы «могучего народного движения» 19 апреля 1810 г. и конкретные экономические декреты революционного правительства. Действуя от имени плененного Фердинанда VII, оно открыло порты страны для торговли.

3 сентября 1810 г. в знак признательности Англии за оказываемую «американской Испании и Испании европейской» поддержку, а также руководствуясь тем, что «земледелие и торговля являются двумя полюсами нашего процветания» и что «только Англия владеет трезубцем Нептуна и только она может дать или не дать ход нашим товарам на европейские рынки», Правительственная хунта снизила на 25% ввозные и вывозные пошлины для англичан. Несколькими днями позже были на столько же снижены таможенные пошлины для прочих «друзей и нейтралов», реорганизована таможенная оценка товаров и «устранено множество привычных для наших портов препятствий, затруднявших нашу торговлю»¹. На ряд национальных и иностранных товаров пошлины были отменены вовсе. Законодательно закрепила свободу торговли конституция 1811 г.

20 апреля 1810 г. хунта открыла тюрьмы и отправила на полевые работы в помощь предпринимателям «множество полезных рабочих рук, которые... понапрасну содержались в застенках как бродяги в ущерб процветанию нашего сельского хозяйства»². С целью поощрения зернового хозяйства была отменена алькабала на пшеницу и продукты первой необходимости. Для содействия дальнейшему развитию предпринимательства в земледелии, промышленности и торговле в августе 1810 г. был принят декрет об учреждении в Венесуэле Экономического общества друзей страны. Свобода предпринимательства была закреплена в конституции 1811 г. В этом же направлении принимались декреты о привлечении в страну иностранных иммигрантов, в частности манифест Национального конгресса от 30 июля 1811 г. Развивая положения манифеста, маркиз дель Торо предложил из своих владений по 2 фанегады³ земли каждому въезжающему в страну холостому иностранцу и выразил готовность обустроить на своих землях 5 тыс. колонистов. Приглашал иностранных иммигрантов в Венесуэлу и декрет С. Боливара, изданный в 1813 г., уже при второй республике. (К 1824 г. в рамках объединенной Колумбии для приема переселенцев будут выделаны 6,3 млн га государственных земель.)

Освободительные революции в Новой Гранаде и по классовой принадлежности революционеров, и по «технологии» создания правительственных хунт — «хранилищ прав любимого монарха Ферди-

¹ *Textos oficiales de la primera República de Venezuela*. T. 1—2. Caracas, 1959. T. 1. P. 224; *Gaceta de Caracas*. 21—IX—1810. N 120//*Gaceta de Caracas*. Caracas; París, 1939. T. 1; *Materiales para el estudio de la cuestión agraria en Venezuela (1800—1830)*. Caracas, 1964. Vol. 1. P. 37—38.

² *Gaceta de Caracas*. 27—IV—1810. N 95//*Gaceta de Caracas*. Caracas; París, 1939. T. 1.

³ Фанегада — мера земельной площади, равная квадрату со стороной 150 вар, что составляет 1,57 га.

нанда VII», и по предпринятому ими установлению свободы торговли и предпринимательства мало чем отличались от событий в Венесуэле. Своеобразный итог преобразований в этой сфере подвело коммюнике Конгресса Соединенных Провинций Новой Гранады от 9 апреля 1814 г. принцу-регенту Великобритании. В нем, в частности, говорилось: «Американец открывает нынче свою дверь иностранцу и приглашает воспользоваться теми выгодами, которыми его одарила природа; он знает, что оба они принадлежат к одной большой семье, расселившейся по миру, и что, раз повсюду распределено и добро и зло, они должны помогать друг другу... удовлетворять свои потребности; что имеющееся в избытке у одного недостает другому и что торговля является той нитью... которой пожелала связать и сплотить их природа. Тогда почему же столь глупая и слабая нация (имеется в виду Испания. — *Н.М.*), не способная осчастливить нас ни в каком смысле, желает отнять у нас эти блага? Почему она отрывает нас от рода человеческого?»¹

Можно добавить, что новогранадские революционеры в сфере свободы торговли и предпринимательства первоначально действовали смелее своих венесуэльских коллег и сразу же отменили почти все колониальные налоги и монополии, включая табачную и водочную. Но с погружением страны в гражданские войны, когда встала проблема нехватки средств для ведения военных действий, как минимум табачная монополия начала реставрироваться в целях укрепления провинциальных бюджетов. Решали проблему введением налога на наследство (декретировано объединенным новогранадским конгрессом в феврале 1815 г.) и чрезвычайного налога на владельцев собственности стоимостью 50 песо и выше.

Чуть больше внимания, чем в Венесуэле, креольские революционеры Новой Гранады уделили проблеме европейской иммиграции. Уже Акт Федерации Соединенных Провинций Новой Гранады (1811 г.) содержал приглашение иностранцам переселяться в страну и обещание их натурализации, в особенности тех, «кто ввезет и внедрит у нас какое-нибудь полезное для страны дело». В 1813—1814 гг. конгресс конфедерации дополнил Акт включением в него иностранцев, которые ввезут для продажи ружья, и обещанием их натурализации «как основы пользования гражданскими правами»². Конституционно поощрение иностранной иммиграции закрепилось в Картахене (1812 г.) и Антиокии (1815 г.).

¹ Congreso de las Provincias Unidas. Leyes, actas y notas... Bogotá, 1924. P. 260.

² Ibid. P. 10, 70, 86.

В целом же, принцип свободы торговли и предпринимательства осуществлялся по всей Новой Гранаде и был законодательно закреплён в конституциях Сокорро (1810 г.), Тунхи (1811 г.), Антиокии (1812 г.), Картахены (1812 г.), Кундинамарки (1812 г.), Марикиты (1815 г.) и др.

Энергично взялись венесуэльские и новогранадские революционеры и за преобразования отношений собственности, в первую очередь на землю. В Новой Гранаде в 1810—1815 гг. создание майоратов было запрещено конституциями провинций Сокорро (1810 г.), Тунха (1811 г.) и Антиокия (1815 г.). В Картахене был упразднен трибунал инквизиции, что явилось первым шагом к наступлению на церковное и монастырское землевладение на втором этапе войны за независимость.

Некоторая активность наблюдалась и в приватизации государственных (королевских) земель. Так, Актом Федерации Соединённых Провинций Новой Гранады в ведение провинций передавалось распределение находящихся на их территориях «пустующих земель... которые в будущем по мере натурализации иностранцев или роста населения могли бы дать значительные средства конгрессу»¹.

Особое рвение революционеры Новой Гранады проявили в разрушении индейского общинного землевладения. Хунта Боготы в сентябре 1810 г. издала декрет о разделе общинных земель (ресгвардо) на парцеллы для передачи индейцам в частную собственность и о распродаже с молотка образуемых в результате раздела излишков. В итоге на каждую индейскую семью выпадало 0,25—0,5 га, в то время как общинные пастбища (эхидо) полностью переходили в руки латифундистов. Раздел общинного землевладения был закреплён в конституциях и других провинций. Он сопровождался откровенным грабежом и надругательством индейцев, которые вместо частных собственников, «фермеров» быстро становились неимущими пауперами. Раскрестьянивание стало причиной непримиримости индейцев с революцией и революционерами повсюду, в особенности же на юге и юго-западе страны. Нередко оно провоцировало отделение целых областей от существовавших провинций и образование новых, разжигало войны между старыми и новыми провинциями.

В Венесуэле на первом этапе майорат отменён не был (отмена его по всей Колумбии, включившей в свой состав Новую Гранадку, Венесуэлу и Кито, состоялась в 1824 г.), а из церковного и монастырского землевладения (массовая экспроприация которых развернется с 1821 г.) упразднена была лишь собственность трибунала инквизиции (1812 г.).

¹ Congreso de las Provincias Unidas, 1811—1815. Bogotá, 1989. Т. 1. P. 7

Не успели пока креольские революционеры сокрушить и индейское общинное землевладение (это будет сделано в 1820 г.), но конституции 1811—1812 гг. подготовили для этого законные основания, «разрешив» индейцам отчуждать общинные земли в частную собственность и учредив с этой целью кадастр индейских земель.

Зато венесуэльские революционеры так рьяно взялись довершать приватизацию государственных земель в льяносах, что их усилия вскоре обернулись катастрофой для самой революции. Речь идет о знаменитых «Ордонансах льяносов провинции Каракас» (1811 г.). В них креольские революционеры развивали принципы политики укрепления частной собственности на землю и скот, которые наметились еще в конце XVIII в., но только теперь делали это по-буржуазному радикально, без оглядки на испанские колониальные власти. «Ордонансы» сначала определили собственников, запретив тем, у кого скот приносил приплод менее 200 голов в год или у кого земельные владения не достигали 2 линейных лиг, клеймить неклеяемый и бесхозный скот под угрозой наказания штрафом в 100 песо или 200 ударами кнута. Далее перечислялись наказания за ущемление прав частных собственников. Вторжение в чужие владения без письменного разрешения хозяина каралось штрафом в 50 песо или 100 ударами кнутом. За разделку быка без письменного разрешения его хозяина полагалось 50 песо штрафа или 100 ударов кнутом. За оседлание чужого коня — 25 песо или 2 месяца тюрьмы, при повторном же нарушении — в двойном размере. Мелким торговцам, в которых скотоводы видели «источник хищений скота слугами и пеонами», запрещалось вести торговлю в льяносах под страхом наказания штрафом в 50 песо или 100 ударами кнутом. Кража 5 голов скота каралась смертью, как и 3 кражи подряд, даже если общее число похищенного скота не достигало 5 голов.

Уже одними этими мерами, для строгой реализации которых специально создавались конные подразделения сельской полиции, фактически экспроприировалось подавляющее большинство населения льяносов, привыкшее жить за счет охоты на «ничейный», «общенародный» одичавший скот. Но этого буржуазным революционерам было мало. «Ордонансы» вводили специальные паспорта для поденщиков, и ни один человек не смел передвигаться по льяносам не только без такого паспорта, но также и без точной визы в паспорте, в которой в обязательном порядке должны были указываться маршрут следования и пункт назначения или остановки путешественника. В противном случае до выяснения личности нарушитель помещался в камеру предварительного заключения, после чего, если это был не преступник, а просто рассеянный человек, следовал штраф в 10 песо или же публичное наказание 50 ударами кнута и в двойном размере при повторном нару-

шении. Над каждым землевладельцем висела угроза наказания штрафом в 25 песо, если он принимал на работу без паспорта. В паспорте, помимо имени и фамилии, места рождения, возраста, рода занятий и особых примет, асենдадо, у которого трудился пеон, был обязан засвидетельствовать, хорошим ли работником тот являлся. Без предъявления паспорта с такой отметкой судье департамента ни один пеон не мог быть принят на работу к другому землевладельцу, иначе следовал штраф в 25 песо. Наконец, любому проживающему в льяносах вменялось в обязанность иметь «честный род занятий и приют». Всякого задержанного в льяносах без определенного занятия «Ордонансы» предписывали считать «бродягой» и на первый раз отдавать в услужение какому-нибудь землевладельцу или майордому, а на второй — приговаривать к году тюрьмы.

Как и пампа на Ла-Плате, льяносы Венесуэлы переставали быть «народной собственностью», превращаясь в частную собственность горстки креольских латифундистов. Масса же обитателей льяносов — свободные охотники за скотом и мелкие нелегальные землепользователи из числа пардо, метисов или креолов, беглые негры и индейцы, — насильственно отделялась от средств производства и принуждалась к их обмену на свою рабочую силу. А чтобы ограбленные не ошибались адресом, «освободители народа от колониального ига» ввели законы против «бродяжничества». Помимо «Ордонансов» действовали «Декрет о полиции» (1811 г.), который нацеливал полицейских на местах на выявление и отлов «бродяг и праздношатающихся» и воспрещал нищим просить милостыню без особого на то разрешения полицейского судьи; декрет от 1 января 1811 г., который объявлял «бродяг» едва ли не первоочередниками для рекрутских наборов в армию; декретами от 16 апреля 1812 г. вводилась смертная казнь для дезертиров из рядов революционной армии, такая же мера наказания грозила «предателям, преступникам и недоброжелателям нашего правительства».

Как и на Ла-Плате, массовыми экспроприациями и нещадным преследованием «бродяг» венесуэльские революционеры решали не только задачу утверждения господства буржуазной частной собственности (рынка средств производства), но также и задачу формирования отвечавшего потребностям развития капитализма рынка наемной рабочей силы. Но если в аргентинской пампе этот процесс растянулся до 1885 г. и потому в экспроприации и подчинении капиталу основной массы народа присутствовала хоть какая-то постепенность, то в Венесуэле с меньшей территорией и большей плотностью населения ликвидация «народной собственности» на землю и скот в льяносах свершилась в сравнительно сжатые сроки и несла народным массам весьма ощути-

мые лишения. Отсюда понятна та искренняя ненависть к революционерам, какую они посеяли среди обитателей льяносов — знаменитых льянеро. Если учесть, что льянеро чуть ли не рождались и умирали в седле, слыли искусными наездниками, закаленными природой равнин и всем своим образом жизни, то станет понятно, какого грозного врага в лице этой ковбойской конницы нажила себе республика желанием во что бы то ни стало добиться быстрого буржуазного прогресса¹.

Вторую мину под республику в Венесуэле заложило решение проблемы рабства негров. Разумеется, «апрельские» революционеры Каракаса были столь же буржуазны, как и их «майские» коллеги из Буэнос-Айреса, и также стремились утвердить в стране отношения свободного найма рабочей силы. Но если даже на Ла-Плате, где почти не было плантационного хозяйства и рабство не имело серьезного значения для экономики страны, буржуазная революция не пошла далее «свободного чрева», то условия Венесуэлы, где труд невольника строго учитывался именно как «фактор затрат», скорее напоминали условия США и потому побуждали революционеров оттягивать решение вопроса. В итоге декрет о «свободном чреве» здесь увидел свет только на втором этапе войны (1816—1824), когда память о поражении вынудила Боливара заняться решением вопроса, связанного с рабством. Но и тогда ему стоило немалого труда преодолеть сопротивление законодателей Ангостурского конгресса. На первом же этапе дни Испании, казалось, были уже сочтены, а обладание монополией на оружие в Венесуэле внушало креольским революционерам уверенность в своих силах. Поэтому они сочли возможным ограничиться лишь запретом работорговли, объявленным декретом от 14 августа 1810 г., и соответствующей статьей конституции 1811 г. Впрочем, и это не помешало им вывести из-под действия запрета ввоз рабов теми иностранцами, которые въезжали в страну на поселение и желали употребить их «в земледелии или каком-либо другом полезном и выгодном для государства занятии»².

В то же время революционеры, рассудив, что негоже частной собственности разгуливать на свободе вдали от своих хозяев, развязали непримиримую борьбу с беглыми рабами. Так 26 апреля 1811 г. появился весьма любопытный документ. Земледелие, говорилось в нем, «составляет главное богатство страны», и потому «верхом благоразумия и рассудительности является своевременное его обеспечение

¹ Чтобы нагляднее представить себе глубину разыгравшейся в льяносах драмы, стоит сравнить эти события с расказачиванием, предпринятым советской властью на Дону и Кубани, и ответным шагом казачества, превратившегося в опору белого движения.

² Libro de actas del Supremo de Venezuela, 1811—1812. Caracas, 1959. Т. I. P. 48

средствами, дабы столь важное занятие не приходило в упадок из-за преступного бегства занятых в нем рабочих рук, наносящего громадный ущерб именно той силе, на которой зиждется наша нарождающаяся свобода». Декрет объявлял о создании национальной гвардии для отлова и возвращения на плантации беглых рабов. Напомним лишь, что такое решение проблемы рабства отвечало никак не феодальным устремлениям креольской верхушки, а именно протестантской этике, либерализму той эпохи. А это вполне теперь объясняет, почему в тылу у обеих республик вспыхнули и не прекращались до самого их падения крупные негритянские восстания под лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!»

В Новой Гранаде в 1810—1815 гг. мишенью для экспроприации стали индейцы-общинники, хотя категория «бродяг», с которыми повели жестокую борьбу, включала и мелких нелегальных землепользователей. Упразднение общинного землевладения устраняло одну из главных преград на пути утверждения господства частной собственности, и в то же время «раскрестьянивание» индейцев (и не только их) помогало создавать столь нужный капитализму рынок наемной рабочей силы. А загонять ограбленных именно на этот рынок были призваны законы, направленные против «бродяг», которых, например, конституция Кундинамарки предписывала судьям преследовать как «врагов общества».

В вопросе о рабстве негров революционеры Новой Гранады оказались более умеренными, чем их коллеги из Каракаса. Они не только отказали неграм в декрете о «свободном чреве», но даже запрет работорговли осуществляли далеко не во всех провинциях и не сразу, да и то с непременными оговорками, что «никакая власть не может освобождать рабов без согласия их хозяев или без справедливого возмещения их стоимости». И это делалось в тот момент, когда уже по всей стране полыхали восстания рабов, откликнувшихся таким образом на освобождение в 1811 г. роялистами Попаяна тех из них, кто желал «принять участие в защите дела короля». «Освободители» же ввели такую меру только в Антиокии (20 апреля 1814 г.), где рабский труд в рудниках был уже на 80% заменен трудом вольнонаемным. Что такая позиция революционеров обуславливалась экономической целесообразностью, доказывает декрет объединенного конгресса от 3 февраля 1814 г. Оглашая озабоченность восстаниями негров и намерение решить проблему рабства, декрет призывал провинции предоставить следующую информацию: «1) численность рабов; 2) их средняя цена по стране; 3) отношение хозяев к освобождению рабов; 4) сферы их применения; 5) выгоды и прибыли от их труда; 6) величина заработка вольнонаемных поденщиков по стране; 7) сумма, в которую обойдется

освобождение рабов, и мнение на сей счет рабовладельцев; 8) средства, за счет которых можно осуществить компенсацию рабовладельцам; 9) меры, которыми предполагается не допустить распространения праздности и пороков среди освобождаемых; 10) наконец, будет ли нанесен этим ущерб земледелию и рудникам и как в таком случае его избежать»¹.

Несмотря на недолгую жизнь республик, по крайней мере в Венесуэле, революционеры отчетливо проявили стремление присвокупить к создаваемым рынкам средств производства и рабочей силы денежный рынок, кредитно-финансовую систему. Декретом от 11 апреля 1812 г. в стране учреждался так называемый Банк милосердия во главе с видным деятелем консуладо Х.В. Гальгерой.

Таким образом, и в Венесуэле, и в Новой Гранаде были заложены основы рыночной экономики по всем канонам либерализма.

По тем же либеральным меркам общества Венесуэлы и Новой Гранады перекраивались из сословных в гражданские. В Венесуэле уже на второй день революции была упразднена индейская подушная подать, а конституции 1811—1812 гг. дополнили это запретом всякой трудовой повинности для общинников, разрешением индейцам отчуждать общинные земли в частную собственность, «дабы они распоряжались ими как настоящие хозяева», и учреждением для этого кадастра общинных земель, отменой всех покровительствовавших индейцам законов и их уравниванием с остальными гражданами страны, упразднением их особых муниципалитетов и наделением индейцев правом посылать своих представителей в новые, «смешанные» органы власти, их приобщением к плодам просвещения и образования. Это «равенство» не только не исключало, более того, выражало надежду ускорить ликвидацию индейцев как этноса. В обществе осталось отношение к ним как к неполноценной расе, как к «деревьям, которые лучше привить, нежели дожидаться от них полезных и обильных плодов». Поэтому разрушение прежних сословных перегородок, охранявших замкнутость и самобытность индейской общности, позволяло надеяться, что политикой поощрения смешанных браков удастся со временем улучшить «породу» населения.

В Новой Гранаде сословие индейцев искоренялось гораздо радикальнее, поскольку в первую очередь выкорчевывалась его материальная база — общинное землевладение. Конституции, закрепив этот раздел, прибавили к нему отмену трудовой повинности и покровительствовавшего индейцам «деспотического» законодательства, а также ввели их равенство перед законом.

¹ Congreso de las Provincias Unidas. Leyes, actas y notas . P. 75—76.

Упразднение сословия пардо и провозглашение равенства «цветных» с белыми в Венесуэле потребовало больше времени и проходило не без трудностей, вызванных в том числе опасениями креольской верхушки Каракаса, что поспешное введение равенства в центральной провинции может спровоцировать волнения среди пардо в других провинциях. И все же конституции 1811—1812 гг. декларировали отмену всех старых законов, ущемлявших права «цветных», и наделяли их равными правами с белыми. Хотя в новогранадских конституциях сословие пардо, или кастас не упоминается вовсе, оно, очевидно, было ликвидировано провозглашением равенства всех граждан перед законом и отсутствием оговорок, которые бы исключали «цветных» из числа граждан.

Как в Венесуэле, так и в Новой Гранаде формально ничего не оставили конституции и от сословных атрибутов белого населения, отменив наследственные титулы, привилегии, личные фуэро (сословные суды), декларируя равенство всех граждан перед законом.

Таким образом, законодательные основы для трансформации сословного общества в гражданское революционеры обеих стран заложили. Но сделать это общество веротерпимым к ожидаемым европейским иммигрантам, как на Ла-Плате, они даже и не пытались — и без того семян для ненависти к реформаторам в народе было посеяно предостаточно. Единственным исключением является конституция Картанхены 1812 г., которая, объявив католицизм официальной религией, все-таки оговорила, что «ни один иностранец не будет потревожен исключительно по поводу своей веры» (веротерпимость в рамках всей Колумбии будет введена на втором этапе войны)¹.

Как почти повсюду в Латинской Америке, возводившаяся над изменяемым базисом общества политическая надстройка облекалась в Венесуэле и Новой Гранаде в форму президентских республик и федеративный (даже конфедеративный) принцип государственного устройства. Считалось, что в таком виде она превратится в того самого «ночного сторожа», который не станет стеснять частную инициативу и наилучшим образом обеспечит интересы «человека и гражданина», права и свободы которого занимали центральное место в системе революционных ценностей.

В самом развернутом виде права и свободы человека были сформулированы в конституциях и занимали едва ли не четверть всех статей. Важнейшими из них назывались неприкосновенность личности, жилища и частной собственности, свобода «труда, культуры, предпринимательства или торговли» и т.д.

¹ Uribe Vargas D. *das Constituciones de Colombia: Historia, crítica y textos*. Madrid, 1985. V. 2. P. 525.

В полном соответствии с либеральной доктриной находился и другой важнейший принцип государственного строительства в Венесуэле и Новой Гранаде — принцип народовластия. Но здесь креольские революционеры, верно просчитав нереальность вмешательства Испании в течение ряда лет, но, видимо, переоценив силы собственные и явно недооценив возможности сопротивления «низов», наполнили понятие «народ» столь ультрабуржуазным содержанием, что оставили далеко позади по этой части своих коллег из Буэнос-Айреса. Мало того, что выборы депутатов были непрямыми. Мало того, что от участия в них, помимо рабов, отстранялись «бродяги», домашняя прислуга и иные лица наемного труда (именуемые в конституциях «кто, работая на других, живет за чужой счет», «кто сдает свою личность в наем за определенную цену» и т.п.). В нарушение статей о равенстве индейцев с остальными гражданами в некоторых случаях¹ конституции отстраняли их от участия в выборах именно как «индейцев». Важным было то, что даже и собственники в подавляющем большинстве оказались за пределами границ, которыми революционеры очертили портрет любезного им «человека и гражданина».

В самом деле, в Венесуэле в отличие от сенатора, для избрания которого от претендента требовалось владение собственностью на сумму не менее 6 тыс. песо, народным представителем в нижней палате парламента формально мог стать любой гражданин, обладавший какой-либо собственностью. Однако избирался он выборщиками, а ими могли являться лишь те, кто подходил почти под такие же критерии имущественного ценза, какие были установлены и для сенатора (6 тыс. песо для провинции Каракас и 4 тыс. песо в остальных провинциях), либо же государственные чиновники, чей годовой оклад составлял не менее 1 тыс. песо. В свою очередь коллегия выборщиков формировалась по итогам голосования собственно избирателей, но таковыми по конституциям 1811 и 1812 гг. являлись лишь обладатели собственности на сумму не менее 600 песо (для женатых — 400) либо же государственные чиновники с годовым жалованьем не ниже 300 песо.

Ради полноты портрета того «человека и гражданина», горстка которых представляла «народ» как «источник власти», укажем, что в 1811 г. в Каракасе цена на мясо с костью была равна 6 реалам (0,75 песо) за арробу (11,5 кг). В пересчете на «мясо с костью» оказывается, что самым маленьким «человеком и гражданином», имевшим право голоса лишь на первой ступени выборов, при избрании выборщиков, являлся тот, чья собственность была эквивалентна стоимости как минимум 3—9 т, выборщиком — от 46 до 90 т и сенатором — 90 т

¹ Как, например, в конституции Сокорро от 1810 г., отказавшей индейцам в праве голоса, «пока они не получат достаточного просвещения, чтобы осуществлять его самостоятельно».

мяса. По всей видимости, «народ», или «гражданское общество», представлял менее 1% населения страны (и даже по отношению только к белому населению — не более 4—5%).

Такая же или почти такая же картина наблюдалась и в Новой Гранаде, где только Сокорро (1810 г.), Картахена (1812 г.), а также запоздалые, принятые в 1815 г. перед самым разгромом конституции Антиокии, Кундинамарки, Марикиты, Нейвы и Памплоны включили собственников в целом как в «народ», так и в состав его «представителей» на всех уровнях, оставив, однако, за их рамками лиц наемного труда и других не-собственников, а то и индейцев. В других же случаях на той или иной стадии выборов вступали в действие имущественные цензы, из которых, к примеру, для сенаторов самый низкий был установлен в 2 тыс. (Тунха в 1811 г.), а самый высокий — 10 тыс. песо (Кундинамарка в 1811 г.).

И это еще не все. Ибо, отстранив свыше 99% населения от участия в выборах «представителей народа», но наделив этих представителей монопольным правом решать от имени всего народа в том числе вопрос о том, владеть ли ему средствами производства или же превратиться в скопище неимущих пауперов (например, посредством «Ордонансов льяносов» или законов о ликвидации общинного землевладения), конституции 1810—1815 гг. еще и облекли в силу закона подавление всякого народного протеста. Они запретили какому бы то ни было собранию жителей представлять себя «народом» и выдвигать коллективные прошения (допускались лишь индивидуальные обращения). Ослушники сурово предупреждались: «Всякое собрание вооруженных людей будет расцениваться как покушение на общественную безопасность и разгоняться силой... Всякое собрание невооруженных людей тоже будет разогнано: сначала с помощью устной команды, а будет того недостаточно — то и силой»¹ (любопытно, что на втором этапе войны эта статья из конституций повсеместно исчезнет).

Подводя итог креольским революциям в Венесуэле и Новой Гранаде, можно заключить, что «освободители народа от колониального ига» не ограничились разрушением колониального режима. Предпринятые ими преобразования в сфере общественных отношений резко ухудшили положение широких масс народа (без кавычек). Если же учесть занятость Испании войной с Наполеоном, то можно сказать без преувеличений, что креольская верхушка, затеявая буржуазную (и, на-верно, прогрессивную), но открыто антинародную трансформацию общества, по сути дела с самого начала замышляла и таки развязала в своих странах классовую, гражданскую войну и не оставила народу иного выбора, кроме как встать на защиту статус-кво. Следовательно,

¹ Constitución Federal de Venezuela de 1811 y documentos afines. Caracas, 1959. P. 207; Las Constituciones Provinciales. Caracas, 1959. P. 133

то, что П. Шоню представлялось «верноподданничеством» народных масс, в действительности являлось их социальным протестом, реакцией против грабительских буржуазных реформ.

Первые признаки возмущения реформаторами в Венесуэле появились уже к осени 1810 г. в самой столице. О них с тревогой говорилось в воззвании Верховной хунты от 27 октября 1810 г. Неким возмущившимся «патриотам» без указания причин недовольства назидательно внушалось, что «лучший патриотизм — это заботиться не о собственном, а об общественном благополучии». Под лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!» по всей стране вспыхивали негритянские восстания, а также восстания пардо в Валенсии. Когда же в дело вступили ограбленные революционерами льянеро, гражданская война здесь в сущности завершилась реставрацией испанского режима еще до того, как в марте 1815 г. из Испании прибыл 10-тысячный корпус под командованием Морильо. Как и в любой другой гражданской войне, в Венесуэле на данном этапе были пролиты реки крови. Подсчитано, что в 1810—1815 гг. потери страны составили от 80 до 100 тыс. убитыми и эмигрировавшими, т.е. около 10—13% населения.

Новогранадским революционерам досталось больше в силу того, что карательному корпусу Морильо практически не нашлось «работы» в Венесуэле, и он был полностью переброшен в Новую Гранаду. Обычно в поле зрения исследователей попадают 125 расстрелянных креольских руководителей. Подсчитать, сколько же жизней унесли собственно гражданские войны между новогранадцами, практически невозможно. Но эти потери, должно быть, были очень велики, коль скоро войны велись не только между революционерами и роялистами, но и между революционерами разных провинций. Ясно и то, что ограбленные революционерами «низы» внесли существенный вклад в разгром своих «освободителей». Любопытное тому свидетельство — донесение кабиљдо роялистской провинции Пасто испанскому монарху, в коем высказано немало похвал именно мужеству и стойкости простых индейцев в сражениях против отрядов Антонио Нариньо и глубокое сожаление, «что не нашлось в Пасто столь выразительного пера, как у Эрсильи¹... иначе боец из числа этих воинственных аборигенов был бы запечатлен для будущих поколений с такой же славой и признанием, с какой был запечатлен для нас арауканский воин»².

¹ Алонсо де Эрсилья-и-Суньига — испанский писатель, участник экспедиции конкистадоров против арауканов в Чили и автор эпической поэмы «Араукана», воспевшей мужество и героизм индейцев.

² Colección de documentos para la historia de Colombia (Época de la Independencia). 1-a serie. Bogotá, 1964. P. 62.

§ 3. Бразильская революция 1822 г.

Бразилия в течение XVIII в. испытала бурный рост производительных сил, увеличила население в 10 раз и сравнялась по этому показателю с метрополией, которая тем временем сама превращалась в английский протекторат. В основе экономических успехов Бразилии лежало процветание экспортных отраслей. Так, Минас-Жерайс с 1700 по 1820 г. дал более 534 тыс. кг золота (в среднем по 4450 кг в год). Нарастало производство сахара, получившее дополнительный импульс в связи с коллапсом в 1792 г. сахарной индустрии французского Сан-Доминго. Промышленная революция в Англии, с одной стороны, и Война за независимость в Северной Америке — с другой, послужили стимулом для развития хлопководства в Бразилии. Благодаря хлопку возродился пребывавший в застое Северо-Восток, особенно Пернамбуку. Производство хлопка развивалось также в Мараньяне, Баие, Рио-де-Жанейро. Однако с падением цен на хлопок в начале XIX в. и возобновлением конкуренции со стороны США хлопковый бум в Бразилии кончился и доля страны на мировом рынке хлопка упала до 2—3%. Набирало темпы производство других экспортных продуктов — кофе, какао, индиго.

Складывание экономики на основе экспорта тропических культур обусловило гораздо большее значение плантационного рабства для Бразилии, чем где бы то ни было в континентальной части Ибероамерики. Ввоз рабов, например, в период с 1796 по 1804 г. поглощал четверть стоимости импорта Бразилии. Поэтому и удельный вес рабов в населении страны был существенно выше, чем в остальной Ибероамерике, исключая лишь Кубу. По данным на 1822 г., в стране насчитывалось около 5 млн свободных жителей и более миллиона негров-рабов, соотношение между которыми почти во всех провинциях составляло 1:0,4, кроме Мараньяна и Гойаса, где этот показатель был выше — 1:0,8.

Господствующий класс Бразилии был представлен крупными плантаторами-рабовладельцами — фазендейро. Это были состоятельные люди, владевшие огромными земельными угодьями, большим числом рабов, а также сахароваренными мануфактурами (энженью). Таких заводов в Рио-де-Жанейро насчитывалось 400 и еще 300 производили кашасу, сахарную водку. В Сан-Паулу соответственно 570 и 489 заводов, причем было немало и таких, которые давали своим хозяевам не менее 200 тыс. франков годового дохода в тогдашних ценах. В Баие, самом крупном сахаропроизводителе, насчитывалось 566 заводов. В новых отраслях экспортного земледелия, например в производстве кофе, тоже преобладали хозяйства крупнейших плантаторов-рабовла-

дельцев. Так, вблизи столицы простирались плантации с 40, 60, 80 и даже 100 тыс. кофейных деревьев, причем на каждую тысячу таких деревьев требовался труд 1—1,5 раба.

Процветанию страны был дан новый импульс в 1808 г. В результате вторжения наполеоновских войск в Португалию королевский двор переехал в Рио-де-Жанейро, а вслед за этим торговая монополия, ограничения, регламентации и прочие элементы колониальной системы производственных отношений фактически рухнули. С 1815 г. Бразилия получила и новый политический статус, став теперь не колонией, а равноправной составной частью Португальского королевства. В этот период прямой товарооборот между Бразилией и Англией возрос в таких масштабах, что Англия стала главным торговым партнером страны. В 1822 г. в столице Бразилии наряду с 293 торговцами официально обосновались и 53 иностранных купца, в подавляющем большинстве англичане. Эти торговцы и другие проживавшие в стране англичане имели не только протестантскую церковь в католической стране, что само по себе в те времена составляло исключение, но также и свое собственное кладбище.

Первая серьезная попытка поднять креольскую революцию была предпринята в Пернамбуку в 1817 г. Страна же в целом созрела для нее лишь тогда, когда в Португалии произошла буржуазная революция 1820 г. Вернув в Европу короля Жоана VI и отзывая в метрополию его сына Педру, принца-регента Бразилии, португальская буржуазия продемонстрировала стремление реставрировать колониальные порядки, чем уже возмутила весь класс бразильских фазендейро. Они окружили дворец принца и «убедили» его остаться в стране, блокировали португальские гарнизоны силами своего мощного ополчения, создали бразильское правительство во главе с Жозе Бонифасиу ди Андрада и заставили Педру издать манифест о независимости Бразилии. 7 сентября 1822 г. фазендейро добились от принца решения утвердить свое правительство и разорвать отношения с метрополией. Установив в стране конституционную монархию во главе с императором Педру I, креольские фазендейро возвели и новую политическую надстройку.

Достаточно подробное и полное описание этой стороны вопроса в отечественной историографии избавляет нас от необходимости развернутого освещения революции и позволяет сконцентрироваться на более существенных, но менее изученных изменениях базисного характера.

Прежде два предварительных замечания. Во-первых, отечественные (а также многие зарубежные) историки, озаглавливая описание событий в Бразилии как «Освободительное движение» или «Борьба бразильского народа за независимость», всячески и, думается, напрасно избегают использовать термин «война за независимость». Отчасти

это вызвано преувеличением значения родственных связей между королем Португалии и императором Бразилии для обретения независимости страной, а также «мирного» характера борьбы, что в сумме внушает мысль, будто свершившийся переворот был просто подарком отца сыну. Возражая против подобных взглядов на независимость своей страны, видный бразильский историк Ж.О. Родригеш проводит сопоставления с Испанской Америкой, где у Боливара освободительная армия состояла из 9 тыс., а у Сан-Мартина в 1817 г. — из 8 тыс. бойцов. Между тем в Бразилии в одной только Баие, где в течение года шли ожесточенные баталии, освободительная армия насчитывала 11 тыс. бойцов, в провинции Мараньян — 8 тыс. человек и т.д. Помимо этого бразильцы располагали эскадрой в составе 9 кораблей, 2 тыс. матросов и офицеров под командованием лорда Кокрейна. Как же можно после этого, заключает Родригеш, говорить о дарении Португалией независимости Бразилии? Вот и нам кажется, что сравнительно быстрый успех в войне явился скорее всего результатом не закулисной сделки отца-короля и сына-императора, а подавляющего перевеса сил на стороне бразильских креолов.

Во-вторых, настроенность историков на антифеодалные критерии при изучении буржуазной революции и на некую «объективную» несовместимость капитализма с плантационным рабством негров и «феодалным» латифундизмом оставляет вне поля их зрения те социально-экономические преобразования, которые на самом деле осуществлялись в Бразилии и которые действительно отвечали потребностям не абстрактного, а конкретного капитализма — капитализма той эпохи и в Бразилии.

Начнем поэтому, по аналогии с преобразованиями в Испанской Америке, с утверждения бразильскими революционерами принципа свободы торговли и предпринимательства. Среди многочисленных законодательных актов властей независимой Бразилии в этой сфере отметим как наиболее важные снижение ввозных пошлин до 15% на все иностранные товары, полную отмену межпровинциальных пошлин и снижение церковной десятины на экспортные культуры, упразднение государственной монополии на добычу алмазов, закон о натурализации в стране иностранных колонистов, декрет о привлечении иностранных и местных частных капиталов в речное судоходство Бразилии и о приватизации государственных предприятий по производству ряда продуктов. Кроме того, для развития предпринимательства в стране был учрежден Совет торговли, земледелия, фабрик и судоходства, доклады которого в конгрессе стали регулярно появляться с 1823 г. С той же целью в конгрессе рассматривались законопроекты об отмене церковной десятины на сельскохозяйственные продукты Баии (1823 г.), учрежде-

нии в провинции Мараньян Агрономической акционерной компании из национальных и иностранных акционеров (1826 г.), отмене налога на добычу золота (1827 г.). Свобода торговли и предпринимательства нашла свое закрепление и в конституции 1824 г.

Перестройке подверглась вся система общественных отношений, и в первую очередь отношения собственности на главное средство производства, каковым здесь тоже являлась земля. В июле 1822 г. (еще до открытого разрыва с метрополией) одним из первых декретов бразильского правительства было отменено королевское пожалование (сесмария). Правда, замена пожалования продажей государственных земель состоялась лишь в 1850 г. Но эта запоздалость означала не сохранение остатков феодального права, а отсутствие всяких правовых норм в данном вопросе, пока шла борьба между двумя разными, но одинаково буржуазными концепциями аграрной политики: продажей государственной земли в частную собственность и рикардианской формулой эмфитевса, при которой государство остается собственником земли и абсолютной ренты, но землю сдает частным предпринимателям в долгосрочную аренду. Затянулось решение данного вопроса еще и потому, что на нем оказалась завязанной проблема путей колонизации Бразилии европейскими переселенцами и бразильские парламентарии долгие годы никак не могли сделать выбор между уэйкфилдовской формулой колонизации для Австралии и той, что получила развитие в США.

В документах Государственного совета при императоре Бразилии значится одобрение в декабре 1830 г. ранее принятого решения Генерального совета провинции Риу-Гранди-ду-Сул (по структуре экономики аналогичной скотоводческим провинциям Ла-Платы и венесуэльским льяносам) о мероприятиях по «защите скота, пастбищ и гармонии между владельцами эстансий». После того как уже подробно рассмотрен опыт Ла-Платы, Венесуэлы и Новой Гранады, нетрудно догадаться, что эта запись отражает отнюдь не заботу об экологии пастбищ, а не меньшую по драматизму, чем в Испанской Америке, ломку старой аграрной структуры, «народной собственности», и замену ее новой — частной собственностью, т.е. не что иное, как радикальную буржуазную аграрную реформу.

Дополнением такого рода реформы выступает физическое истребление кочевых индейских племен ради расширения государственного и частного земельного фонда. Когда Жоан VI был еще принцем-регентом Португалии, он в 1798 г. отдал распоряжение прекратить начатые маркизом Помбалом попытки введения формального равенства белых и индейцев и установил ряд дискриминационных мер. Находясь уже на троне и в Бразилии, он объявил войну племенам индейцев ботокуду в

Мату-Гросу и Сан-Паулу, а заодно и всем другим «мятежным» племенам. Эта война завершилась уже при бразильском императоре Педру I. В итоге обитавшие на территории современных штатов Сан-Паулу, Парана и Санта-Катарина племена ботокуду и кайганг навсегда исчезли с карты народов мира. И лишь в 1831 г., по завершении геноцида, конгресс принял декрет об отмене указов Жоана VI в части объявления войны племенам ботокуду и бугре.

Приток европейских иммигрантов начался еще до революции, когда вслед за королевским двором в страну въехали 24 тыс. иммигрантов из самой метрополии и 4 тыс. из Германии и Швейцарии, основавших «переселенческие» колонии Сан-Леопольдо (1819 г.) и Новый Фрибург (1820 г.). После революции бразильским дипломатическим миссиям в Европе вменялось в обязанность законтрактовывать как можно больше европейских переселенцев.

21 октября 1830 г. Госсовет утвердил закон об отмене права собственности «мертвых рук», а 6 декабря того же года декретом Генеральной ассамблеи (конгресса) было положено начало экспроприации имущества монашеских орденов. Чуть позже, в 30—40-е годы XIX в., были упразднены майорат и церковные центы.

И наконец, неприкосновенность частной собственности «во всей ее полноте» гарантировалась конституцией 1824 г., включая отмену конфискации собственности в качестве наказания за совершенные преступления.

Расширение и укрепление буржуазной частной собственности неизбежно вело и к формированию рынка наемной рабочей силы. Но судить с достоверностью о масштабах его строительства крайне трудно, поскольку имеющиеся законодательные акты Бразилии представлены у нас почти исключительно документами Госсовета, а из них утрачены и до сих пор не найдены акты за 1824—1827 гг., возможно, периода самой активной законотворческой деятельности революционного государства. Тем не менее можно предположить, что обеспечить хозяйство страны необходимым количеством достаточно дешевой вольнонаемной рабочей силы на данном этапе не удалось. Иначе трудно объяснить более чем умеренность государства в вопросе о рабстве негров.

«Освобождение» рабов проводилось исключительно по военной необходимости. В сентябре 1822 г. Госсовет постановил учредить за счет отчислений из церковных доходов фонд компенсации хозяевам за рабов, рекрутированных на 16-летнюю службу в армию. В феврале 1823 г. Педру I объявил свободными подкидышей из числа мулатов, даже если их матерями были рабыни. Указом от 23 октября 1823 г. хозяевам возмещалась стоимость рабов, призванных в «батальон вольноотпущенных» для войны в провинции Баия, но в то же время

указом от 15 декабря Педру отказал в свободе тем рабам, которые, став по старости и болезни ненужными хозяевам, были отпущены на свободу. Указ требовал после лечения вновь обратить таких вольноотпущенных в рабство и передать в распоряжение судебных властей для решения их дальнейшей судьбы.

Не проявило бразильское правительство особого рвения и в борьбе с работорговлей. Правда, по договору 1826 г. с Англией оно запретило ей заниматься бразильским подданным. Но работорговля продолжала процветать.

Существенные изменения произошли в кредитно-финансовой системе. Закон о свободе ростовщичества упразднял прежние ограничения процентной ставки (1832 г.), Монетный двор получил разрешение чеканить золото любого происхождения, в том числе без сопроводительных документов (1832 г.), был налажен выпуск государственных ценных бумаг, как-то облигаций, векселей и т.п. (1833 г.), был учрежден Депозитно-обращенческий банк (1833 г.) и т.д. С учетом создания еще в 1808 г. Банка Бразилии, открывшего в 1816 г. свои филиалы во всех крупнейших торговых городах, можно заключить, что экономика страны оказалась обеспеченной довольно солидными механизмами денежного рынка.

Бряд ли теперь можно усомниться, что в Бразилии осуществлялся такой же широкий комплекс преобразований с ориентацией на рыночную экономику, как и в Аргентине, Венесуэле и Новой Гранаде. Рыночная экономика здесь выстраивалась и интегрировалась в новое мировое хозяйство на основе тех же краеугольных постулатов классически буржуазной политэкономии либерализма — свободы торговли и предпринимательства.

Как и в Испанской Америке, бразильское общество перекраивалось из сословного в гражданское. Конституция 1824 г. сразу же декларировала это общество веротерпимым, установив, что, хотя католическая религия «останется религией Империи, исповедание всех прочих религий будет разрешено в семейном кругу или в частном порядке в предназначенных для этого домах, но без каких-либо внешних признаков храма»; гражданами страны объявлялись в том числе натурализованные иностранцы, независимо от вероисповедания¹.

Отменялись все сословия, упразднялись наследственные привилегии, сословные суды в гражданских и уголовных делах, профессиональные корпорации (в том числе цехи ремесленников), было провозглашено равенство всех граждан перед законом. Гражданами становились все жители страны без различий в цвете кожи (разумеется, ис-

¹ *Constituições do Brasil*. São Paulo, 1961. P. 4—5.

ключая рабов). Состоявшаяся в канун принятия новой конституции судебная реформа — создание Верховного суда (1828 г.), принятие Уголовного (1830 г.) и Уголовно-процессуального кодекса (1832 г.) — закрепила упразднение сословных судов. Как видим, и в этом направлении борьба бразильского народа за независимость дает все основания оценить ее как буржуазно-либеральную революцию.

Правда, в отличие от Ла-Платы, Венесуэлы и Новой Гранады, в Бразилии возводившаяся над реформированным базисом общественных отношений политическая надстройка приняла форму не республики, а конституционной монархии. Но если именно это и побуждает ученых к осторожным оценкам, то не лишне вспомнить об аналогичных проектах Бельграно, Кастаньи, Ривадавы и многих других деятелей войны за независимость, не только вынашивавших идею, но и делавших практические шаги по установлению монархий в Испанской Америке. Стоит также вспомнить протекторат Сан-Мартина в Перу, империю Итурбиде в Мексике, эволюцию взглядов Боливара на пути к идее республики с пожизненным президентом, назначающим себе преемника, равно как и то, что Сукре отговаривал Боливара от установления монархии в Колумбии лишь потому, что у того не было законных наследников, а свора претендентов на престол после смерти такого монарха растащила бы наследство по кускам. Ну а если перенестись в Европу, к ее «великим» революциям, то ведь из них тоже новая политическая надстройка рождалась в оболочке отнюдь не республик, а протекторатов, империй и других разновидностей монархий.

При этом монархическая форма надстройки в Бразилии отнюдь не мешала занять центральное место в системе государственных приоритетов хорошо нам знакомому «человеку и гражданину». И в основании его важнейших прав лежала все та же «неприкосновенность личности и собственности», которая была не только декларирована конституцией 1824 г., но и конкретизирована законом о праве собственности (1826 г.).

По конституции «сдерживающей властью и ключом всей политической организации» являлся император, который был одновременно «высшим главой нации», «ее первым представителем» и главой исполнительной власти. При нем был создан Государственный совет, состоявший из пожизненных членов, которых назначал сам монарх, но не из числа министров. Однако разработкой и принятием законов, хотя и санкционируемых императором и Госсоветом, занимался парламент — Генеральная ассамблея, представленная регулярно обновляемой палатой депутатов и палатой пожизненных сенаторов, каковыми являлись представители провинций, а также принцы крови, достигшие 25-летнего возраста. Кроме того, власть императора была ограничена и федеративным государственным устройством с широкой автономией

провинций, в которых, помимо назначаемых императором президентов, функционировали провинциальные генеральные советы, обладавшие правом местной законодательной инициативы и призванные вместе с окружными палатами гарантировать «право участия каждого гражданина в делах своей провинции».

Как и в Испанской Америке, государственность в Бразилии возводилась на фундаменте «народовластия», непрямых выборов и имущественных цензов. Уже на первом этапе выборов, при голосовании за выборщиков, от участия в них отстранялись «должностные слуги, за исключением счетоводов и первых казначеев торговых домов, а также слуги двора императора, кроме слуг белого галуна и управляющих фазендами и фабриками», монахи и «все те, кто не обладает чистым годовым доходом от недвижимой собственности, предприятия, торговли или занятости, равным 100 милрейсам (около 130 долл. в ценах 1800 г.). Для избрания выборщиком требовалось уже 200 милрейсов (но при исключении вольноотпущенных негров), депутатом — 400, а сенатором — 800 милрейсов¹. В результате даже и в 1881 г. из примерно 15 млн населения правом голоса обладали лишь 142 тыс. человек, т.е. 0,95 % жителей.

Так определен тот «человек и гражданин», которым и для которого совершалась бразильская революция. Когда же император Педру I посмел возомнить, будто Бразилия была дарована ему отцом, а не этим «человеком и гражданином», и попытался осуществить в 1831 г. государственный переворот ради укрепления личной власти, то, прежде чем он успел пожалеть о содеянном, ему был преподан показательный урок на тему о том, что историческая реальность и мифы о ней не одно и то же. Подлинные хозяева Бразилии уже через день принудили императора отречься от престола в пользу своего 5-летнего сына и уехать в Португалию. Для управления Бразилией был создан Регентский совет из тех же фазендейро. Когда сыну бывшего императора исполнилось 14 лет, Генеральная ассамблея посадила его на престол под именем императора Педру II. Он оказался куда понятливее и покладистее своего отца и благодаря этому просидел на троне вплоть до 1889 г., пока истинные хозяева страны не перестали нуждаться вовсе в услугах монархов и не установили республику.

Таким образом, в Бразилии осуществлялась такая же буржуазная революция, как и в остальных странах Латинской Америки. Ее отличие, например, от Венесуэлы заключалось лишь в том, что здесь восстать и вмешаться в ход событий негры-рабы не успели, рабство сохранилось в неприкосновенности и еще полстолетия превосходно доказывало свою совместимость с капитализмом либерального образца.

¹ *Constituições do Brasil*. P. 12, 21.

Глава 3

НАРОДНЫЕ МАССЫ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Рассмотрение буржуазных революций через призму «классической» модели в якобинской Франции опиралось в том числе на тезис Маркса и Энгельса о решающем вкладе «параллельных» народных движений в очищение почвы для утверждения развитых буржуазных отношений. С одной стороны, классики, основываясь на своем формационном подходе, полагали, что раз капитализм идет на смену феодализму, то в скорейшем разрушении всего феодального, в том числе форм эксплуатации, состоит главный интерес капитала. Но «буржуазия — класс, в лучшем случае лишенный героизма». Поэтому требовались «кровавые действия народа», чтобы стереть «сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции» и «плебейским способом разделаться с врагами буржуазии»¹. С другой стороны, обреченность народных движений на роль «лишь вспомогательного момента самой буржуазной революции» связывалась ими с незрелостью условий для долговременной победы «низов», для перехода к более высокой ступени общественного развития, коммунизму, но опять же в их собственном, «научном» понимании².

В своих теоретических разработках М.А. Барг, Е.Б. Черняк, А.Н. Чистозвонов и другие скорректировали «офранцузенный» образ буржуазной революции вообще. Однако тезис о невозможности чисто буржуазной революции, о слиянии в ней и различных народных движений, а также об обреченности этих «параллельных» потоков лишь на вспомогательную роль в самой революции остался. По-видимому, это обусловлено тем, что западноевропейские революции в самом деле крайне трудно расчленить на отдельные составлявшие их потоки хотя бы в целях научного анализа.

Поскольку латиноамериканские революции поддаются такой операции гораздо легче, это позволяет более пристально взглянуть в черты народных движений, глубже проникнуть в суть их воздействия на содержание и характер буржуазной революции, а быть может, и уточнить их место в ряду уже известных исторических явлений данного рода. И в этом вопросе мы вплотную подходим к феномену революционного демократизма и к дискуссии 1987 г. о критериях его определения.

¹ См. напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 114; Т. 18. С. 288.

² Там же. Т. 4. С. 299.

В ходе дискуссии известный специалист В.А. Дьяков на основе уже имевшихся результатов исследований данного явления не только в Европе и России, но также в Азии, Африке и Латинской Америке обобщил сущностные черты революционного демократизма: «*Бескомпромиссная революционность*, т.е. готовность бороться против социального, национального и религиозного гнета любыми, в том числе насильственными средствами ...*Искренний и глубокий демократизм*, выражающийся в последовательной и самоотверженной защите интересов трудящихся масс ...*Вера в необходимость социалистического переустройства общества*, как правило, на основе утопических, но иногда и научных теорий» (курсив наш. — Авт.).

Какова же основа программы революционной демократии? «В наиболее типичной обстановке, характерной для Европы и большей части азиатского материка, — писал Дьяков, — революционный демократизм является выразителем интересов крестьянства и других социальных слоев, ведущих борьбу против феодализма и его пережитков, за установление общественных отношений последовательно буржуазного характера. В этом качестве революционный демократизм никогда не мог и не может полностью оторваться, с одной стороны, от буржуазно-демократической идеологии, довольно восприимчивой к воздействию либерализма, с другой — от различных теорий утопического социализма со всеми свойственными им прогрессивными и реакционными тенденциями»¹.

В.Я. Гросул внес небольшую, но важную поправку к критериям Дьякова. Поскольку в эпоху перехода от феодализма к капитализму большинство населения составляло крестьянство, а его идеалом являлся не социализм, а «крепкий мужик», равенство частной собственности, то к революционному демократизму, по его мнению, можно отнести и такие движения, которые, не ставя перед собой цели социалистического переустройства общества, руководствовались идеалом экономического равенства, т.е. эгалитаризма².

В Латинской Америке конца XVIII — начала XIX в. можно с лихвой обнаружить массовые народные движения как с утопически-социалистическими, так и просто с эгалитарными устремлениями. Поэтому попробуем примерить предложенные критерии: «бескомпромиссную революционность», «искренний и глубокий демократизм», «веру в необходимость социалистического переустройства общества» или «эконо-

¹ Дьяков В.А. Некоторые теоретико-методологические вопросы истории революционного демократизма XIX и XX вв. // Новая и новейшая история. 1987. № 3. С. 154.

² Гросул В. Я. К вопросу о критериях революционного демократизма // Там же. № 6. С. 96, 100, 103.

мическую демократию, т.е. эгалитаризм», к обозначившимся освободительным движениям индейцев, негров-рабов, а также свободного мелкопарцелльного крестьянства и городских «низов». Цель подобной «примерки» проверить, действительно ли революционному демократизму присуще тяготение к буржуазному демократизму и либерализму, а также к борьбе за общественные отношения последовательно буржуазного характера.

§ 1. Индейское освободительное движение

Из всех этносов Ибероамерики на протяжении трех веков колониализма о независимости как о цели своей борьбы открыто заявляли только индейцы — как те, что жили еще первобытнообщинным строем, так и те, что достигли «азиатской» стадии общественного развития. И к началу XIX в. они, следовательно, обладали уже трехвековым опытом освободительной борьбы.

Легендарные страницы в летопись этого движения вписали индейские племена Чили и Аргентины, называвшие себя «мапуче» — «люди земли», но более известные как арауканы. В битвах с ними в 1553 г. сложил голову конкистадор и первый губернатор Чили Педро де Вальдивия, разгромленный араукаскими отрядами во главе с вождями Лаутаро и Кауполиканом. В конце XVI в. мапуче под руководством вождя Пелантаро уничтожили испанские крепости и очистили от колонизаторов территорию южнее р. Био-Био. При этом в сражении при Куралаве испанцы снова потеряли не только множество солдат, но и командующего — генерал-губернатора Онеса де Лойолу. Арауканский вождь Кальфукута правил аргентинской пампой в течение 40 лет и доставил множество хлопот властям Ла-Платы. Именно в войнах с арауканами у испанцев появилась не свойственная им прежде стратегия оборонительной войны, и именно в Чили зародилась система парламентов — переговоров между индейцами и колониальными властями, которые обычно завершались подписанием очередного мирного договора. Такие договоры заключались в 1612, 1629, 1726, 1773, 1793 гг. и признавали независимость Араукании от испанской короны. О подвигах арауканов мир узнал из поэмы Эрсильи-и-Суньиги «Араукана».

На территории Панамы сопротивление колонизаторам оказали племена индейцев куна, которые на протяжении колониального периода сохраняли свою независимость, официально признанную испанскими властями в 1791 г. И, видимо, отнюдь не случаен тот факт, что в 1925 г. именно куна первыми из индейских народов Латинской Америки обрели автономию в рамках Республики Панама.

В центрах крупных высокоразвитых индейских цивилизаций, где у испанцев имелись широкие возможности привлекать на свою сторону покоренные ацтеками или инками племена, конкиста тоже проходила отнюдь не легко. Покорение майя на полуострове Юкатан длилось 15 лет, с 1527 по 1542 г., а область озера Петен-Ица на юге полуострова и горные селения майя на территории Гватемалы оставались независимыми до конца XVII в. Покорение инков не закончилось с убийством Атауальпы, а продолжалось еще 40 лет. Видную роль в организации отпора колонизаторам сыграл инка Тупак Амару.

Но даже и тогда, когда сопротивление аборигенов было в основном сломлено, колонии не переставали сотрясать мощные выступления индейцев. Примеров только крупнейших волнений индейского общинного крестьянства и кочевых племен много. К их числу в Новой Испании можно отнести восстание племен теуа, которые под началом вождя Попе изгнали испанцев, разрушили укрепления, церкви и селения и в течение еще 12 лет, с 1680 по 1692 г., удерживали в своих руках целую провинцию Новая Мексика. Мужественно защищали свою независимость племена яки, пуэбло и апачи (те самые апачи, которые вместе с занимаемой ими территорией достались в 1848 г. США). В 1712 г. восстали индейцы Чиапаса. Они создали 20-тысячную повстанческую армию и во главе с Хуаном Гарсией, Гаспаром Пересом и Хуаном Лопесом в течение ряда месяцев отражали атаки карателей. На Юкатане в 1761 г. вспыхнуло одно из крупнейших восстаний майя, во главе которого встал Хасинто. В 1767 г. восстание в провинции Мичоакан под руководством Педро Сория Вильярözля охватило 100 индейских селений.

Чаще всего причинами восстания были увеличение подушной подати, тяжесть трудовой повинности, захват общинных земель латифундистами и т.п., и эти причины не исчезали, а множились в процессе развития колоний. Но в отличие от других этносов индейцы выступали не только против отдельных злоупотреблений колонизаторов, но и проявляли стремление ликвидировать их глубинную причину, восстановив утраченную независимость.

Постоянное выдвижение индейцами лозунга независимости и героизм в борьбе за его воплощение в конце колониальной эры активно пыталась использовать в своих собственных интересах креольская верхушка, ради чего и применяла хитроумную тактику «присвоения истории Америки». Этот тактический маневр, внешнее сходство в требовании независимости индейцами и креолами, усилия официальных историков либеральной школы XIX в., произведения литературы, искусства и т.д., посвященные Лаутаро и другим индейским вождям именно как героям независимости, оказывали и продолжают оказы-

вать огромное воздействие не только на обыденное сознание латиноамериканцев, но и на научные исследования о войне за независимость. Российская историография, где едва ли не единственным исключением является В.М. Мирошевский, тоже рассматривает освободительную борьбу индейских народов в качестве чуть ли не главной составляющей «могучего народного движения за независимость», а отдельные авторы — даже безусловно главной силы буржуазной войны за независимость¹.

Однако кажущееся сходство целей сразу же обнаруживает свою обманчивость при обращении к внутреннему содержанию лозунга независимости. В самом деле, а что понимали индейцы под колониализмом? Кого именно они считали колонизаторами и против кого обращали свой справедливый гнев? В чем конкретно состояла для них вожденная независимость?

Ограбление туземных народов в ходе конкисты, насильственное разрушение самобытной материальной и духовной культуры, обращение в рабство, гибель миллионов людей от непосильного труда в рудниках и обрахе, от голода и эпидемий — все это вполне объясняет и оправдывает ожесточенность борьбы индейского населения против своих поработителей. Ненависть ко всему европейскому была столь велика, что во время восстаний индейцы нередко вместе с колонизаторами, их семьями, церквями и городами уничтожали завезенный из Европы скот, сельскохозяйственные культуры, разрушали рудники, — словом, очищали свою землю от всего неиндейского.

Дальнейшее развитие индейского освободительного движения еще отчетливее выявляет его характер и направленность, равно как и конкретных виновников бедственного положения индейцев. Наивысший подъем этого движения приходится на XVIII в., когда на фоне общего процветания товарного хозяйства в Латинской Америке особенно резко обнажились социальные и расовые антагонизмы. Кочевые индейские племена именно в XVIII в. испытали на себе неистовый натиск «цивилизации» в связи с быстрым расширением сельского хозяйства колоний на новые земли. Благодаря «походам в пустыню» освоенная территория провинции Буэнос-Айрес выросла с 8991 кв. км в 1744 г. до 31 398 кв. км в 1801 г. В Венесуэле и Новой Гранаде с 1751 г. развернулось «умиротворение» индейских племен мотилонов в Маракайбо, гуахиرو в Рио-дель-Ача, куна в Панаме, чимилья в Санта-Марте. В эпоху освоения льяносов Венесуэлы местные кочевники стали име-

¹ Крайнюю позицию в данном вопросе занимает Б.Н. Комиссаров. Он фактически отождествляет Войну за независимость Испанской Америки именно с национально-освободительным движением индейских народов.

новаться в официальных документах «неверными», «мятежными» и даже «чужестранцами» и испытали все «прелести» физического истребления и сгона оставшихся в живых индейцев в редуции. В Бразилии с 1798 г. была развязана война против индейцев ботокудо в Мату-Гросу и Сан-Паулу и других «мятежных племен».

В районах проживания осколков древних индейских цивилизаций заметно усилилось наступление на общинные земли. В XVIII в. общий рост предпринимательской лихорадки явил индейцам еще и репарто, когда торговцы с помощью чиновников индейских округов, коррехидоров, начали выкачивать деньги из общинных касс посредством принудительной продажи в общинах всевозможных, часто ненужных товаров по завышенным ценам. Так, в Перу только за 1746 г. коррехидоры продали таким образом товаров на сумму 10 млн песо.

Если прибавить к сказанному соотношение регулярных и ополченческих формирований в вооруженных силах колоний, то станет понятно, что креольская верхушка выступала не только главным эксплуататором индейского общинного крестьянства, но также главным завоевателем неосвоенных территорий, «умиротворителем» кочевников и душителем многочисленных индейских восстаний. Поэтому освободительное движение индейцев никак не могло не затрагивать креольскую верхушку. Об этом свидетельствуют и конкретные программы крупнейших индейских восстаний, которые, помимо уничтожения наиболее одиозных форм угнетения — миты, репарто, помимо требований возвращения отнятых общинных земель, ставили вопрос о независимости в совершенно ином смысле, нежели это делал гегемон войны за независимость — креольская верхушка.

В XVIII в. все громче стали звучать призывы к реставрации древних индейских государств, разрушенных конкистой. В Мексике в 1761 г. вождь восставших майя Хасинто принял имя Канэк, родовое имя династии, правившей до испанского вторжения, и собирался короноваться под именем Король Хасинто Великолепный, маленький Мотекухсома. В 1767 г. в Мичоакане индейцы тараски восстали под руководством Педро Сориа Вильярözля, являвшегося прямым потомком древних тарасканских правителей. В 1800—1801 гг. полыхало восстание в Тласкале под лозунгами независимости ради реставрации ацтекского государства. Под лозунгами восстановления индейской государственности в 1770-е годы проходило и восстание индейцев киче в соседней Гватемале.

То же самое наблюдалось в вице-королевстве Перу, где в Оруро в 1739 г. был раскрыт заговор индейских вождей различных районов страны во главе с касиком Велесом де Кордовой, потомком инкской династии. В написанном им «Перечне обид» заявлялось: «Моя единственная цель — восстановить Великую империю и монархию наших

древних королей». В 1750 г. подобный заговор был раскрыт в Лиме, а в 1755 г. в той же Лиме выявлена группа заговорщиков, намеревавшихся добиться отделения от Испании и призвать на трон в Перу «Филиппа I, короля южных и северных морей», одного из потомков инкской династии. Индейское восстание 1742—1756 г. в центральной сельве Перу, свергнувшее колониальные власти, завершилось созданием государства во главе с Сантосом Атауальпой. Под натиском карателей индейцы отступили в амазонскую сельву.

Отвечала ли такая программа индейских восстаний интересам и целям буржуазного освободительного движения? Многие историки отвечают на данный вопрос утвердительно. Правда, большинство из них пытается показывать совпадение целей индейской борьбы с лозунгами креольской на примере тех индейских движений, чьи вожди хотя бы на словах звали индейцев не к избиению, а к вовлечению в борьбу креолов, метисов, негров, самбо и мулатов. Примером стремления индейцев к союзу с креолами в борьбе против испанцев выступает крупнейшее индейское восстание 1780—1781 гг. в обоих Перу под началом Хосе Габриэля Кондорканки. В наивысшей точке своего развития оно охватило до 90 тыс. индейцев и отозвалось эхом восстаний в Новой Гранаде и Рио-де-ла-Плате. Движение носило ярко выраженный социальный характер, и, как свидетельствуют материалы следствия, в ходе его немедленно отменялись ненавистные индейцам мита, репарто, алькабала, предавались огню обрахе, подвергались грабежу асьенды и т.д. Кондорканки принял родовое имя своей династии Тупак Амару II. В его указе говорилось: «Короли Испании узурпировали у меня трон и владения около трех веков назад, наложив невыносимое бремя на моих вассалов — подушную подать, денежную оплату постоев, таможенную, алькабалу, эстанко, десятину, кинто, вице-королей, аудьенсии, коррехидоров и других министров, одинаковых тиранов, продающих руками своих корыстолюбивых чиновников справедливость за деньги тому, кто набавит, кто больше даст, распространяя это и на духовные, и на светские должности, не опасаясь гнева божьего, уничтожая индейцев словно зверей, убивая всех, кого нельзя ограбить»¹. Указом отменялись все налоги, за исключением десятины и примисии в пользу церкви, а также подати и кинто в пользу «естественного короля». Кроме того, Тупак Амару давал свободу тем из негров-рабов, «кто присоединится к его делу»². Он также призывал под свои знамена му-

¹ Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje después de la conquista y de la independencia hasta la presente. Lima, 1863. T. 1. P. 206; Fuentes documentales para la historia de la Independencia de América. Caracas, 1974. T. 3. P. 15—16.

² Fuentes documentales para la historia de la Independencia de América. T. 3. P. 384.

латов, самбо, метисов и креолов, и это обстоятельство дало основание историкам считать, что восстание Тупак Амару представляло собой буржуазное национально-освободительное движение. Вынашивавшиеся Кондорканки планы реставрации древней инкской государственности, по мнению этих ученых, никак не означали перспективы возвращения в прошлое, а лишь служили средством мобилизации широких масс индейцев на борьбу с колониализмом. На самом же деле, подобно тому как, по мысли К. Маркса, во Франции «революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи», но тем не менее «Камиль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон... осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного *буржуазного общества*»¹, точно так же «в инкском костюме и с инкскими фразами на устах» движение Тупак Амару было направлено на уничтожение основ испанского колониального режима.

Но если индейские восстания суть буржуазная война за независимость (или неотъемлемая ее часть), если в «инкских костюмах и с инкскими фразами» они разрушали только испанский колониальный режим, то по логике вещей с уничтожением этого режима должны бы исчезнуть и «инкские костюмы», и сама борьба индейцев за независимость.

Однако стоит приоткрыть занавес послевоенной латиноамериканской сцены — и мы тут же убедимся, что индейские восстания такая же реальность независимых государств, как и колоний, и по-прежнему с лозунгами независимости и реставрации индейской государственности. В штате Сонора независимой Мексики в 1825—1833 гг. восставшие племена яки потребовали исключительных прав для себя на издревле принадлежавшую им территорию, а их вождь Хуан Игнасио Хусакамена объявил себя ниспосланным Девой Марией для реставрации власти Моктесумы путем создания федерации индейских народов и отвоевания индейских земель (у кого бы это, если испанцев уже нет?). В 1847 г. Юкатан охватило движение майя — так называемая война каст, длившаяся с перерывами на посевные и уборочные работы до 1904 г. Возглавили борьбу умеренный касик Антонио Ай, ратовавший лишь за изгнание белых с индейской земли, и радикал бедняк Сесилио Чи, настаивавший на физическом истреблении всех белых (кого бы это, если испанцы уже 30 лет как изгнаны?). Не ясно ли теперь, как понимали индейцы независимость, с кем и за что боролись?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119—120.

Нуждается в ревизии и вопрос о симпатиях индейских повстанцев в конфликте между креольской верхушкой и испанским колониализмом. Конечно, креольские идеологи немало потрудились над тем, чтобы, во-первых, представить «деспотизмом» 300-летнюю политику испанских властей в отношении индейцев, а во-вторых, нарисовать идиллическую картину креольско-индейского «братства» в войне за независимость, которая и была воспринята традиционной историографией.

Колониальные власти решали индейскую проблему по-своему. Королевская администрация, по крайней мере со времен Лас Касаса, выделила пусть не все, но многие индейские народы в особое и весьма защищенное «деспотическими» законами сословие. Таким путем она стремилась их сохранить и постепенно, в процессе длительной аккультурации, подтянуть до уровня испанцев и креолов и интегрировать в колониальное общество в качестве самостоятельного и равноправного этноса. Натиск же креольской верхушки, добивавшейся разрушения сословных перегородок и введения «равенства», имел целью разрушить самобытный уклад жизни индейцев (общинные формы землевладения и традиции взаимопомощи), экспроприировать общинников и ликвидировать индейский этнос в целом, улучшая его «породу» посредством метисации.

Неудивительно поэтому, что картине креольско-индейского «братства» в войне за независимость противоречат реальные исторические факты. Тот же А. Гумбольдт отмечал, что индейцы лучше относились к испанцам, чем к креолам. Не только английский историк Дж. Линч, но и иностранцы, жившие в Перу во время войны за независимость, свидетельствуют, что роялистская армия состояла в основном из индейцев. В Чили, даже по признанию официальных кругов, на стороне испанцев против патриотов сражались индейцы костины, включая знаменитого индейского бунтовщика Малило, анголины, а также те самые арауканы, борьбой которых против испанских конкистадоров так восхищались креольские революционеры. В Новой Гранаде и в 1810—1815, и в 1822—1823 гг. в роли Ванден оказалась преимущественно индейская провинция Пасто.

В тех случаях, когда революционерам удавалось привлечь индейцев на свою сторону, методы достижения «союза» весьма отличались от традиционно изображаемой идиллии. «Сегодня, — пишет О'Хиггинс Сан-Мартину, — большую часть дня я посвятил касикам пехуэнчей, уговаривая и приглашая их к союзу, на который они согласились; я их щедро одарил, и теперь они предоставляют своих бойцов в наше распоряжение»¹. Декрет Боливара о мобилизации от 7 января 1822 г. по

¹ Documentos para la historia del Libertador General San Martín. Buenos Aires, 1955. Т. 4. Р. 354.

новогранадской провинции Каука дает представление о том, как набирали войско для расправы с «вандейскими» жителями провинции Пасто: всякому жителю провинции в возрасте от 15 до 35 лет приказывалось в 3-дневный срок встать в строй освободительной армии; уклонившиеся от призыва подлежали расстрелу, а если им удавалось скрыться, то конфисковалось их имущество и в качестве заложников захватывались семьи. В случае необходимости применить армию для выполнения указанных мер, заключал Боливар, «я приведу силу, вполне достаточную, чтобы покарать мятежников и предателей»¹. В борьбе с «вандейскими» индейцами революционеры применяли и тактику выжженной земли, когда, например, в декабре 1817 г. О'Хиггинс отдал приказ перегнать весь скот на северный берег р. Био-Био и на 10 лиг от реки к югу вплоть до Итаты предать огню все дома и посевы. И, конечно, обрушивался на побежденных «карающий меч революции», о чем повествует декрет Боливара от 13 января 1823 г., изданный в отношении уже повергнутой провинции Пасто: «Принимая во внимание: 1) что кантон Пасто взбунтовался... без видимых на то оснований... 2) Что в мятеж оказались втянутыми практически все жители... 3) Что мятежники предпринимали необычайные усилия, чтобы удержаться; 4) Что город был взят силой после самого упорного и ожесточенного сопротивления... я решил декретировать нижеследующее: 1. Конфискуется и передается правительству собственность всех жителей кантона, которые в какой бы то ни было форме участвовали в мятеже в Пасто... 3. Той же мере подвергаются и те, кто, владея собственностью в провинции Пасто, остался в ней после начала восстания»².

А теперь попробуем примерить к индейскому освободительному движению иные «костюмы» — критерии революционного демократизма. *Бескомпромиссная революционность?* Здесь факты не оставляют сомнений в готовности индейцев к вооруженной борьбе. *Искренний и глубокий демократизм?* И этого в борьбе индейцев имелось сколько угодно. *Вера в необходимость социалистического переустройства общества* или хотя бы *экономическое равенство?* Думается, что сама община с ее регулярными земельными переделами, подавлением личности коллективом и т.п. является символом экономического равенства. Учитывая при этом развитую в древних индейских цивилизациях заботу о сиротах, инвалидах, вдовах и прочих социально наименее защищенных, нельзя не согласиться с характеристикой «азиатского» строя как «древнего» или «первобытного» коммунизма.

¹ Decretos del Libertador. Caracas, 1961. Т. 1. P. 221—222.

² Ibid. P. 273—274.

Что же касается спора, являл ли собой революционный демократизм индейцев скачок в светлое будущее, хотя и в утопической форме, как думают одни ученые, или же он был, как считают другие, консервативным и традиционалистским в силу своей устремленности назад, в идиллическое прошлое, оставим его специалистам по социализмам. Нам же важно подчеркнуть, что в любой из своих ипостасей индейское освободительное движение на интересующем нас отрезке времени покоилось на социальной борьбе общинного крестьянства и состояло в антагонизме как с той общественно-экономической системой, которую креольская буржуазия собиралась освободить от колониальных оков, так и тем более с той, которую она намеревалась создать либеральными преобразованиями. Другими словами, здесь перед нами не тяготение к буржуазному либерализму, а его отрицание революционным демократизмом.

Не лучше обстояли дела у индейского революционного демократизма и с борьбой «за общественные отношения последовательно буржуазного характера», будто бы присущей всякому революционному демократизму. Вряд ли к борьбе за такие отношения можно отнести противодействие кочевников распространению частной собственности на королевские земли или ожесточенное сопротивление высокоразвитых индейских народов предпринятому креольскими революционерами разрушению общинного землевладения. Но даже если речь идет о некой объективной тенденции движения на перспективу, то отличие условий Латинской Америки от условий Европы как раз и состоит в том, что здесь нет надобности строить догадки относительно этой перспективы, в том числе гадать, во что могло бы вылиться восстание Тупака Амару II. Достаточно лишь посмотреть на те общественные отношения, которые реально создавались победившими индейцами на освобожденных пространствах.

Отвлекаясь от порядков, которые всякий раз реставрировали чилийские арауканы, мексиканские яки и другие им подобные племена, остановимся на любопытном и поучительном опыте «царства всех царей» Хуана Сантоса Атауальпы в Перу. Восстание вспыхнуло в 1742 г. в центральной сельве, где проживало много племен, но большинство составляли араваки, сведенные в 32 редукции по 300 жителей в каждой. В селениях было двойное управление: корону представлял испанский капитан, церковь — миссионер-францисканец. За 60 лет христианизации индейцев научили производить товары — мясо, животный жир, рыбу, хлебные злаки, воск, ремесленные изделия. Создаваемый ими прибавочный продукт шел на уплату десятины, содержание монашеских миссий и капитанов, финансирование экспедиций в сельву вниз по Амазонке, а также использовался в межпровинциальном об-

мене. В редукциях применялись и негры-рабы, в том числе в качестве стражников. Здесь же проживали мелкие торговцы из числа метисов, индейцы сьерры находили убежище от миты в рудниках, обрахе, от изнурительной работы на плантациях коки.

Тяжелый труд, эпидемии не раз вызывали в сельве восстания индейцев амуэше, кампа, пиро, тороте, конибос и др. И Хуан Сантос, человек неизвестного происхождения¹, объявился здесь в мае 1742 г. неспроста, а уже имея за плечами многолетний опыт революционной агитации в сельве и центральной сьерре. Ему удалось убедить индейцев в том, что он являлся их законным монархом и послан богом освободить их от тирании испанцев. Поднятое им восстание дало возможность Сантосу короноваться под именем Хуана Сантоса Уайны Капака Апу Инки, «монарха этого царства и всех царей мира». Он объявил, что время испанцев кончилось и отныне наступило его время и что больше не будет «ни обрахе, ни пекарен, ни рабства». И действительно, повстанцы смели францисканские миссии, их асьенды, всякие следы колониального режима. Но плантации коки были сохранены и играли ключевую роль в экономике государства, позволяя «монарху» через торговцев-метисов обменивать коку на оружие. Основная масса населения «империи» состояла из индейцев различных племен, в том числе из амазонской сельвы. Но все они были равны независимо от того, в какой степени успели подвергнуться христианизации и цивилизации. В пользу Сантоса Атауальпы, т.е. персонифицированного в его лице государства, индейцы отработывали миту, целовали «монарху» ноги. Идеология нового государства отличалась от идеологии всех других индейских восстаний в колониальном Перу, так как вобрала в себя все элементы политической и религиозной мысли тогдашней эпохи: элементы христианства, андской утопии и амазонской мифологии. В 1752 г. Сантос пытался распространить свою власть и на центральную сьерру. Но преобладающим индейским населением там были уанкас, давние враги инков, которые не приняли и нового инку. Лишь небольшая часть андских индейцев примкнула к Сантосу и ушла с ним в центральную сельву, где и обосновалась «империя», позже затерявшаяся в амазонской сельве.

Какой же строй был создан в «империи» Сантоса? Скорее всего это был какой-нибудь индейский традиционализм. Но нам важно подчеркнуть, что он менее всего напоминал «общественные отношения последовательно буржуазного характера».

¹ Вице-король Перу Х. А. Мансо де Веласко писал о ходивших слухах, будто Сантос родился и получил образование в Куско, но скрывал этот факт биографии, дабы не подрывать свой авторитет среди индейцев. Однако достоверно не было известно ни о его происхождении, ни о масштабах распространения его власти в глубинах сьерры и сельвы.

§ 2. Освободительная борьба негров-рабов

Открытие и колонизация Америки положили начало складыванию системы международного разделения труда, в которой Африке вплоть до середины XIX в. предназначалась главным образом роль поставщика рабочей силы для рудников, плантаций и золотых приисков Америки. К началу XIX в. наиболее высокий удельный вес американских рабов наблюдался в зонах тропического земледелия — Бразилии, испанских, английских, французских и голландских колониях в Карибском бассейне, в прибрежных зонах Венесуэлы, Кито, Перу, Новой Гранады. В этих районах и происходили частые восстания рабов.

В Бразилии за 388 лет существования рабства только крупных восстаний рабов историки насчитали более ста. Здесь же, на границе современных бразильских штатов Пернамбуку и Алагоас, с 1596 по 1708 г. существовало негритянское килombo Палмарис, основанное беглыми рабами. Поскольку килombo постоянно притягивало к себе рабов со всей Бразилии и даже из Нидерландской Гвианы, колонизаторы прилагали огромные военные усилия для его ликвидации. В целом за период его существования беглые рабы сумели разбить 58 португальских и голландских карательных экспедиций. И лишь тогда, когда против Палмариса была брошена португальская армия, вооруженная артиллерией, он прекратил свое существование. Причем все его жители предпочли умереть с оружием в руках, нежели снова превратиться в рабов.

В Испанской Америке широкий размах выступления рабов приобрели в конце XVII в. под влиянием негритянской революции на французской части о. Гаити. На Кубе, где располагался многочисленный испанский гарнизон, в 1798 — 1799 гг. крупными негритянскими восстаниями были охвачены Гавана, Тринидад и другие районы страны. В 1812 г. уже все центральные и восточные провинции острова оказались под контролем восставших негров, которых возглавил свободный негр, плотник по профессии Хосе Антонио Апонте-и-Улабарра.

Эти движения сопровождались многочисленными восстаниями на невольничьих кораблях еще по пути из Африки в Америку. Кроме того, как и в Бразилии, в испанских колониях широкое распространение получило бегство рабов от своих хозяев и основание ими собственных укрепленных поселений (паленке) в труднодоступных районах. Например, в 1810 г. в Венесуэле беглые рабы составляли 2,6% всего населения генерал-капитанства.

О том, какое содержание вкладывали негры-рабы в свободу, за которую они так упорно боролись, дает представление общественное устройство паленке в испанских колониях или бразильских килombo, в

том числе и Палмариса. Так, например, употребляемое историками название «республика» не соответствует тем отношениям, которые сложились в Палмарисе, ибо это было раннефеодальное негритянское государство с элементами родоплеменной организации и патриархального рабства. Во главе его стоял Ганга Замба (по некоторым источникам — Замби или Зумби), т.е. Великий господин. Он избирался пожизненно, ему поклонялись как монарху — на коленях и со сложенными руками. Привилегированный класс состоял из приближенных монарха, как правило, его родственников, которых он назначал своими непосредственными помощниками или правителями более мелких килombo. В Палмарисе применялся труд военнопленных, обращенных в рабство. Основная часть населения занималась сельским хозяйством (в меньшей мере ремеслом), вела меновую торговлю с близлежащими голландскими и португальскими, а также индейскими поселениями. Во время войн Палмарис заключал союзы с индейскими племенами. Беглые рабы брали себе в жены индианок. Нередко здесь оседали и индейцы, бежавшие от своих рабовладельцев.

Очевидно, что освободительная борьба негров-рабов в такой же степени соотносится с национальными устремлениями креольской буржуазии, как и индейское освободительное движение. Нет особой нужды доказывать и то, что, как и индейцы, негры-рабы боролись прежде всего со своими непосредственными угнетателями. И поскольку эти угнетатели были в основной своей массе представлены креольскими рабовладельцами, включая и таких героев войны за независимость, как Симон Боливар, становятся понятными и тот ужас, который охватил креолов испанских колоний после негритянской революции на Гаити, и то, что во время национальных революций помощь рабов нередко позволяла колонизаторам одерживать крупные победы, и то, что после войны за независимость рабы не прекратили своей борьбы до тех пор, пока не добились полной отмены рабства.

Наиболее красноречивые свидетельства о направленности негритянского освободительного движения дает единственная в мире победоносная революция негров-рабов во французской колонии Сан-Доминго (Гаити).

**Гаитянская революция
1789 — 1806 гг.**

Остров Гаити (Эспаньола) был открыт Колумбом в 1492 г. Испанской колонией Санто-Доминго он оставался до 1697 г., когда треть острова в западной части перешла к Франции и стала называться Сан-Доминго. Местные племена араваков и таино были истреблены еще испанцами. Уже к 1537 г. из проживавших здесь, по разным оценкам, 100—400 тыс. индейцев в живых осталось лишь 600

человек. Новые колонизаторы уже к последней трети XVIII в. превратили Сан-Доминго в образцовую рабовладельческую колонию и крупнейшего в мире производителя сахара. На его долю приходилась 61 тыс. т сахара в год, в то время как на Ямайку — 36 тыс. т, а на Бразилию — 28 тыс. т.

В 1789 г. в Сан-Доминго насчитывалось примерно 512 тыс. жителей, из которых белые переселенцы и их потомки составляли 40 тыс. человек, свободные «цветные» — 28 тыс. и рабы — 440 тыс. Это население распределялось на территории страны неравномерно, в зависимости от расположения и уровня развития регионов.

На вершине социальной пирамиды в Сан-Доминго находились высшие чиновники колониального аппарата, собственники крупных плантаций, сахарных заводов и рабов, высшее духовенство и абсентеисты, проживавшие во Франции, но имевшие на острове плантации во главе с управляющими, агенты французских торговых компаний, крупные импортеры и экспортеры — все те, кого негры величали «большими белыми». Часть из них составляли французы. В целом «больших белых» насчитывалось не более 4 тыс. человек.

Большинство белого населения — «маленькие белые» — образовывали весьма пеструю в социальном отношении группу. К ней принадлежали мелкие плантаторы, торговцы, ремесленники, как правило, владевшие несколькими рабами, мелкие гражданские и военные чиновники, врачи, адвокаты, служащие, квалифицированные рабочие и т.п.

Ниже на социальной лестнице находились свободные мулаты и вольноотпущенные негры — так называемые «цветные». Некоторые из них были весьма состоятельными людьми: «цветным» в целом принадлежало примерно 25% всех плантаций и 20% рабов. Прежде мулатов с 25-летнего возраста французские колонисты охотно отпускали на свободу, дабы в их лице иметь противовес огромной массе негров-рабов. Но королевский ордонанс 1674 г. запретил колониям освобождать всех детей рабов, независимо от цвета кожи. Несмотря на зажиточность части «цветных», все они были обязаны почитать даже самых «маленьких белых». «Если я повстречаюсь с богатым мулатом, — описывал гаитянский порядки современник, — он назовет меня «господином», а не «хозяином», как другие мулаты; я же буду звать его «мой друг», «дорогой»; он пригласит меня к ужину, но, следуя правилам, не осмелится сесть со мною за один стол»¹. С 1758 г. дискриминация мулатов была усилена рядом законов, запретивших им носить шпагу и саблю, покупать патроны, останавливаться во Фран-

¹ *De Wimpffen F.A.S. Voyage à Saint-Domingue, pendant les années 1788, 1789 et 1790/Von Grafenstein J. Haïti. México, 1988. T. I. P 94—95.*

ции, играть в европейские игры. В 1781 г. у богатых мулатов было отнято право называться «господами». «Единственной привилегией, которую признавали за ними белые, — заключает историк С.Р. Джеймс, — было ссужать деньгами белых»¹.

Основание социальной пирамиды на Гаити представляли рабы, которые в подавляющем большинстве являлись неграми. Огромная масса рабов была занята в экспортном земледелии, где тяжкий ручной труд всего за несколько лет потреблял человеческую жизнь. Даже молодые и самые дорогие рабы в возрасте от 15 до 30 лет всего за 8—10 лет труда на плантациях теряли для хозяина всякую ценность. За таких рабов в 1785 г. отдавали по 2400 ливров. Но они не только успевали окупить свою стоимость и содержание, но и приносили в среднем по 350 ливров ежегодного дохода.

С переходом западной части острова под власть Франции меркантилистская система эксплуатации колонии постоянно укреплялась и ужесточалась. Во французских владениях в Карибском бассейне был введен в обращение колониальный ливр, на треть дешевле ходившего в метрополии. Сюда запрещалось ввозить золото и серебро, что означало введение натурального обмена европейских товаров на колониальные. Тяжким бременем на колонистах лежали многочисленные налоги и сборы. Возмущали колонистов и пропорции неэквивалентного обмена. Например, местный индиго закупался по ценам в 8 раз ниже, чем на соседних английских островах, а 1,8 м простой ткани обменивались на 60 фунтов табака, и, следовательно, чтобы одеть себя и рабов, мелкий плантатор отдавал весь годовой урожай. Только в 1726 г. в торговой монополии Франции появилась маленькая брешь, когда колонистам временно было позволено торговать с испанской частью Гаити. Словом, причин для недовольства гаитянских плантаторов колониальным режимом было никак не меньше, чем у креолов Иberoамерики.

Классовые и расовые противоречия в Сан-Доминго отличались большей остротой, чем в Иberoамерике. Это объясняется 11-кратным численным превосходством негров-рабов над белым населением острова и наличием в горных районах страны еще с XVI в., т.е. с испанского времени, поселений беглых рабов. При французах число последних возросло в 3 раза. Укрепленные селения марронов досаждали колонистам постоянными вооруженными нападениями, между тем как все карательные экспедиции в период с 1522 по 1784 г. как при испанцах, так и при французах окончились неудачей.

¹James C.R. Les Jacobins Noir, Toussaint Louverture et la Revolution de Saint-Domingue//Von Grafenstein J. Haiti. T. 1. P. 161.

Во все времена серьезным препятствием к единству негров в борьбе против своих угнетателей являлась разноплеменность завозившихся в Новый Свет африканских невольников. Не так-то просто было отыскать такие символы и ценности, которыми можно было бы объединить в один поток действия разобщенных марронов. Но в середине XVIII в. их возглавил беглый раб Франсуа Макандаль, сумевший найти объединяющий негров стержень в религии вуду, синтезировавшей в себе западноафриканские культы с католицизмом. Выдающийся руководитель и талантливый организатор, Макандаль обладал, как отмечали современники, удивительным красноречием, слыл провидцем и, надо заметить, удивительно точно предсказывал будущее. Рассказывали, что однажды на многочисленном собрании негров он вынул желтый платок и сказал, что желтыми были первые хозяева Гаити. Затем он достал белый платок и сказал: «Вот нынешние хозяева Сан-Доминго». А после этого вытащил черный платок и заявил, что этот цвет символизирует будущих хозяев острова. С появлением Макандалья разрозненные ручейки негритянского сопротивления стали стекаться в грозный освободительный поток.

Нарастание недовольства и организованности сопротивления громадного большинства населения являло серьезную опасность для существующей системы общественных отношений, покоившейся на рабском труде негров. Ее сохранение в огромной мере зависело от прочности эксплуататорского блока и его взаимоотношений с другими категориями свободного населения, от единства «цветных» и белых плантаторов, их консенсуса с колониальными властями и метрополией в целом. Но ни в одном из этих компонентов на Гаити к концу XVIII в. не осталось даже и видимости согласия.

Как и повсюду в колониях Нового Света, буржуазия Сан-Доминго тяготилась системой монополий и запретов. Прямое управление колониями, практиковавшееся во всех владениях Франции, не давало ей никаких легальных механизмов для защиты своих интересов от произвола колониальной бюрократии. Гаитянские плантаторы были лишены представительных учреждений — ни имевшихся в британских владениях колониальных собраний, ни даже органов, подобных ибероамериканским консуладо или аюнтамьенто. Вся экономическая власть в Сан-Доминго была сосредоточена в руках интенданта, военно-политическая — у губернатора. Внутреннюю и внешнюю безопасность на Гаити поддерживали регулярные французские части и колониальное ополчение из белых и свободных мулатов. Командный состав ополчения формировался исключительно губернатором. Военачальники обладали значительной властью над имуществом и самой жизнью подданных, но командирами ополчения нередко назначались «маленькие бе-

лые» с их органической ненавистью к чужому богатству. Конечно, бывали добрые и злые губернаторы, хорошие и дурные военачальники, но скверной была вся система — она открывала простор произволу бюрократии.

Отношения между предпринимателями разных оттенков кожи также были далеки от идеальных, как и отношения между белым и свободным «цветным» населением вообще. Препятствием к согласию являлись расовые предрассудки не столько белых буржуа, сколько «маленьких белых». Чем менее удачливыми и богатыми являлись «маленькие белые», тем с большим рвением они стремились сохранить свое превосходство над богатыми плантаторами из числа свободных мулатов и негров за счет ужесточения режима аристократии по цвету кожи.

Гаитянская революция началась не в 1791 г., как считается в традиционной историографии, а в 1789 г. На первом этапе, до осени 1792 г., она носила сугубо буржуазно-либеральный характер, весьма похожий на революции в Иberoамерике. Ведущую роль на этом отрезке времени играли белые плантаторы, которые добивались отмены французской торговой монополии и были полны решимости повторить опыт североамериканцев, если того потребовали бы обстоятельства.

В целом же о характере буржуазного освободительного движения на Гаити лучше судить по конкретным делам гаитянской буржуазии, в том числе деятельности ее выдающегося представителя, первого историка Сан-Доминго и других карибских владений Франции Моро де Сен-Мери (1750—1815). Он родился на Мартинике, куда его предки прибыли еще в XVII в. Получив юридическое образование во Франции и там же вступив в масоны, Сен-Мери продолжил свою карьеру в Сан-Доминго, где стал крупнейшим специалистом в области права, издав сборник французских актов по Антильским островам, и одним из влиятельнейших деятелей местной буржуазии. Снова оказавшись во Франции, Сен-Мери активно включился в революцию, был избран членом Учредительного собрания, от которого при поддержке гаитянского лобби, в том числе плантаторов-абсентеистов, сумел добиться образования Комитета по делам колоний. В комитет вошли депутаты от колоний Франции, которым было поручено проверять и отбирать законопроекты, касавшиеся колониальной политики Франции. Так плантаторы получили разрешение на создание в колониях местных ассамблей для разработки предложений и пожеланий колонистов по вопросам управления колониями.

В Сан-Доминго состоялись выборы в ассамблеи различного уровня: в церковных приходах формировались муниципалитеты, в каждой из трех провинций — провинциальные ассамблеи, в целом для страны — Колониальное собрание. Все эти органы включили в свой со-

став только наиболее богатых и влиятельных белых колонистов. Колониальное собрание открыло свои заседания в г. Сен-Марк¹ Западной провинции в марте 1790 г. и сразу же объявило себя Всеобщим собранием французской части Сан-Доминго, опустив прилагательное «колонийальное». В собрании зазвучали речи о двух нациях — французской и гаитянской, которые, хоть и составляли единую империю, обладали разными законодательствами и правами. 28 мая собрание приняло своеобразную декларацию независимости, составив и отослав на утверждение в метрополию Основы конституции Сан-Доминго. Сей документ закреплял за собранием Сен-Марка все полномочия по разработке законодательства о внутреннем строе страны. В вопросах торговли он признавал законодательную инициативу метрополии, но при том условии, что принятые Францией акты подлежали утверждению собранием Сан-Доминго. «Временно» отменялись все ограничения на импорт в страну продовольственных и иных товаров первой необходимости, т.е. вводилась свободная торговля с иностранцами.

Таким образом, буржуазная революция на Гаити достаточно отчетливо показала, что ее целью была ликвидация абсолютной власти французской колониальной бюрократии над жизнью и собственностью местного «человека и гражданина» и замена ее, выражаясь современным языком, правовым государством. Основы конституции Сан-Доминго указывают и на экономические цели революции: замену старой, меркантилистской системы производственных отношений новой, покоящейся на краеугольном принципе либерализма — свободе торговли и предпринимательства. В борьбе за реализацию этих задач буржуазные силы Сан-Доминго во главе с белыми плантаторами неоднократно меняли тактику и средства: то они мыслили добиться их осуществления в рамках французского сообщества, то поднимали вооруженную борьбу за полную независимость страны, то склонялись к переходу Сан-Доминго под протекторат Англии или США. Сами же эти цели оставались неизменными.

Точно так же неизменным оставался расистский характер создававшегося буржуазией на Гаити правового государства, которое было призвано обслуживать интересы даже не класса буржуазии в целом, а только его белой части. В метрополии гаитянское лобби добилось от Учредительного собрания важной уступки в виде Инструкции, регламентирующей выборы в колониальные представительные учреждения. Этот документ наделял правом голоса лиц старше 25 лет, обла-

¹ Хотя в дальнейшем собрание заседало в разных городах, сторонников независимости Сан-Доминго из числа белых колонистов называли революционерами или «партией» Сен-Марка.

давших недвижимой собственностью или проживавших в определенной местности не менее 2 лет и выплачивавших налоги. Не обратив внимания на требование некоторых депутатов дать четкое определение понятию «лицо», собрание под тем предлогом, что в век Просвещения смешно давать определения само собою разумеющимся вещам, оставило формулировку в нерасшифрованном виде. И собрание Сен-Марка провело выборы в полном соответствии с поступившей Инструкцией, уточнив лишь, что «цветные» не считаются лицами в избирательно-юридическом смысле.

Конечно, интересы белых и «цветных» плантаторов в ряде случаев совпадали, в том числе по проблемам независимости острова и сохранения института рабства. Но главные противники наделения мулатов политическими правами — «маленькие белые» — составляли довольно массовую и весьма полезную социальную опору буржуазной революции в Сан-Доминго. Именно они в марте 1791 г. сумели склонить к братанию французские войска, прибывшие для умиротворения белых сепаратистов, и благодаря этому вплоть до октября 1792 г. большая часть Сан-Доминго оставалась под властью белых революционеров Сен-Марка.

Расизм буржуазных революционеров оттолкнул мулатское сообщество страны. Осенью 1790 г. под руководством богатого плантатора Винсента Оже «цветные» попытались вооруженным путем добиться от французской колониальной администрации «правильного» толкования Инструкции, но были разбиты, а Оже с рядом своих соратников подвергнут колесованию. Однако в целом политические права им могла предоставить только революционная Франция, что и декретировало 15 мая 1791 г. Национальное собрание. В итоге «цветные» во главе с Риго, Пеншина и Бовуа создали собственные вооруженные силы из мулатов, рабов своих плантаций и покинутых бежавшими с острова хозяевами и выступили не за независимость, а за сохранение и укрепление связей с метрополией. Благодаря этому внушительному подкреплению французская колониальная администрация смогла перейти в наступление и осенью 1792 г. нанести ощутимое поражение революционерам Сен-Марка и побратавшимся с ними французским войскам. Иными словами, «цветное» население помогло колонизаторам душить буржуазную национально-освободительную революцию в Сан-Доминго.

С 1791 г. берет начало самое массовое восстание негров-рабов. В ночь с 21 на 22 августа запылало множество плантаций по всей северной равнине. Если оценивать восстание по его отношению к буржуазно-либеральному освободительному движению Сен-Марка, к революционным событиям во Франции и даже к абстрактному лозунгу независимости, то во всем гаитянском обществе не сыскать силы бо-

лее реакционной, нежели восставшие негры-рабы. Потому как повстанцы выступили под роялистскими знаменами и с роялистскими белыми кокардами.

Восставшие рабы получали помощь от испанцев Санто-Доминго, поскольку их руками Испания рассчитывала вернуть себе эту часть острова в начавшейся в марте 1793 г. войне с Францией. И если до этого белые плантаторы благосклонно относились к установлению в стране протектората Испании или Англии, то погромы белых, учиненные воевавшими на стороне испанцев неграми, окончательно склонили революционеров Сен-Марка к мысли связать судьбу своего движения исключительно с Англией.

Пониманию сущности негритянского освободительного движения помогает и его отношение к колониальной администрации Сан-Доминго, представлявшей хоть и метрополию, но все-таки революционную Францию. Когда после казни бывшего короля Франции существование французского режима из-за наступления испанцев оказалось под угрозой, присланные из Парижа комиссары Сантонакс и Польверель решили обратиться за подмогой к восставшим неграм. Негритянский вождь по имени Макайя, сославшись на то, что является «подданным трех королей — Франции, Испании и Конго», отказался вести переговоры с цареубийцами, пока французы не возведут на трон законного монарха¹. Обращение Сантонакса к Жану Франсуа, Биассу и Туссену, несмотря даже на издание им в июне, августе и сентябре 1793 г. декретов об отмене рабства, тоже не возымело действия — все три вождя негров ответили, что «до последней капли крови будут сражаться за Бурбонов, которым поклялись в верности до конца своих дней»². Более того, когда берегов Сан-Доминго достигла весть о принятии 4 февраля 1794 г. французским Конвентом декрета о предоставлении рабам долгожданной свободы, Жан Франсуа и Биассу остались на стороне испанцев и по окончании войны эвакуировались на Кубу. Известно также, что Жан Франсуа за заслуги был удостоен титула испанского гранда и умер в Испании много лет спустя.

Восстание негров-рабов несло огромные материальные разрушения. Попытка комиссаров объединить белое и свободное «цветное» население Сан-Доминго против восставших рабов провалилась, а их стремление опереться на свободных мулатов, предоставив им дополнительные права, усилило национально-освободительные устремления революционеров Сен-Марка. С марта 1793 г. на востоке развернулось наступление испанцев в союзе с гаитянскими неграми. В разгар этого

¹ *Di Tella T.S.* La rebelión de esclavos de Haití. Buenos Aires, 1984. P. 78—84.

² *Ibid.* P. 84—85.

наступления, в сентябре, на Гаити высадились англичане в помощь революционерам Сен-Марка. К середине 1794 г. дни французского колониального режима в Сан-Доминго, казалось, были уже сочтены. Но именно в этот критический момент на помощь ему пришли негритянские отряды Туссена и некоторых других вождей.

Негритянское восстание начиналось под руководством Букмана, который погиб в одном из боев. Вскоре из среды рабов выдвинулась целая плеяда новых вождей. Массовый и организованный характер восстанию придали Жан Франсуа, Биассу и Туссен. Они принадлежали к привилегированной верхушке рабов, каковую составляли прислуга, приказчики, надсмотрщики, квалифицированные работники. И в борьбу они включились не сразу, а лишь убедившись, что инициативу правящие круги из своих рук выпустили.

Руководящее ядро негритянского движения складывалось в 1792—1796 гг. вокруг Туссена, который с лета 1793 г. принял фамилию Лувертюр, подчеркнув тем самым свою роль в открытии перед рабами пути к новой жизни. Он родился в 1743 г. рабом, хотя отец его был свободным негром, в Бреде, крупной плантации на севере страны. В детстве Туссен был конюхом, долго служил кучером, а затем стал доверенным слугой управляющего поместьями Байона де Либерта. Отношения с управляющим позволили ему в 1776 г. получить свободу и даже обзавестись плантационным хозяйством с дюжиной рабов. Но еще важнее то, что эта дружба позволила Туссену приобщиться к культуре и передовым идеям того времени. Он, в частности, читал Юлия Цезаря и сочинения аббата Рейналя. Все это и способствовало тому, что во главе негритянского движения Сан-Доминго оказался выдающийся лидер.

В отличие от Жана Франсуа и Биассу Туссен принял сторону французского колониального режима в тот момент, когда пришло известие об освобождении рабов якобинским Конвентом. Сначала он внезапно ударил со своими отрядами в тыл испанцам и вынудил их убраться в Санто-Доминго, которое впоследствии, по мирному договору 1795 г., перешло Франции. Затем к февралю 1798 г. негры очистили остров от англичан и тем окончательно сокрушили буржуазное национально-освободительное движение белых колонистов Гаити. В 1801 г., желая добиться отмены рабства на всем острове, Туссен без разрешения властей оккупировал испанское Санто-Доминго, ускорив его переход под опеку Франции.

Таким образом, проделав невероятные зигзаги, негритянское освободительное движение не только спасло, но и упрочило и расширило французский колониальный режим на о. Гаити. За выдающиеся заслуги перед метрополией Туссен был возведен в чин дивизионного гене-

рала, назначен помощником губернатора и главнокомандующим вооруженными силами Сан-Доминго. Декретом от 1 января 1798 г. французская Директория подтвердила свободу и равноправие бывших рабов, а Туссен Лувертьюр принял и такие меры, которые в свое время стремились осуществить революционеры Сен-Марка. В частности, он подписал торговое соглашение с англичанами и открыл гаитянские порты для американских купцов.

Новую политическую надстройку была призвана возвести и разработанная по поручению Туссена конституция Сан-Доминго, принятая Центральной ассамблеей страны 1 июня 1801 г. и утвержденная во Франции. Статья 1 безусловно признавала Сан-Доминго колонией и составной частью Французской империи, но руководствующейся особыми законами. Конституция закрепляла отмену рабства, провозгласив, что «все люди рождаются, живут и умирают свободными и французами» (ст. 3), а также устанавливала равенство людей независимо от цвета кожи (ст. 4 и 5). В документе нашел отражение и принцип неприкосновенности частной собственности наряду со всеми буржуазными свободами (ст. 12 и 13). Согласно конституции, внутренний строй колонии определялся законами, предложенными губернатором, но обязательно утверждаемыми Центральной ассамблеей Сан-Доминго (ст. 19 и 20). Административная власть поручалась губернатору, и на эту должность пожизненно назначался главнокомандующий вооруженных сил Туссен Лувертьюр, учитывая «важные услуги, которые он оказал колонии в критические моменты революции»¹ (ст. 27 и 28).

Знакомство с конституцией 1801 г. как будто бы убеждает в правоте тех, кто наделяет революционный демократизм «низов» в целом тяготением к либерализму и общественным отношениям последовательно буржуазного характера. В самом деле, установлением свободы торговли и предпринимательства, защитой частной собственности и основных буржуазных свобод, с одной стороны, и подтверждением запрета рабства и равенства негров — с другой, конституция как бы приглашала капитал встать на свою «естественную» основу — наемный труд. Не только приглашала, но и принуждала посредством законодательной власти — Центральной ассамблеи и исполнительной — в лице пожизненного губернатора, главнокомандующего вооруженными силами и вчерашнего негритянского вождя в борьбе с рабством. Вполне возможно, что Туссен искренне желал декретировать в Сан-Доминго такие же общественные отношения, как и в послереволюционной Франции.

¹Constitución de Haití//Pensamiento político de la Emancipación (1790—1825). Caracas, 1977. Т. 1. Р. 81—83.

В этой связи уже на данном этапе опыт гаитянской революции дает возможность проверить истинность как минимум одного из компонентов «якобинской» модели буржуазной революции — суждения о наиболее революционном пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Потому что в Сан-Доминго негры, завоевавшие свободу оружием и ценой колоссальных потерь, помимо занятия контрабандой, мелкой розничной торговлей, бродяжничеством и т.п., в массовом порядке стали оседать на покинутых эмигрантами землях и создавать мелкие крестьянские хозяйства. Однако в результате выбора ими американского пути в стране не только не наступил быстрый буржуазный прогресс, но и стремительно деградировало то немногое, что еще оставалось от некогда образцового экспортного хозяйства. Потому что желание бывших рабов заниматься чем угодно, кроме труда на ненавистных плантациях, лишало это хозяйство рабочих рук и приводило к резкому падению общественного производства страны. В итоге спасенные неграми французские власти Гаити столкнулись с противоречием чрезвычайной сложности, в разрешении которого им надлежало сделать выбор между свободой негров и императивами производства.

Уже комиссары Сантонакс и Польверель, чья судьба целиком зависела от негритянских повстанцев, одной рукой были вынуждены давать рабам свободу, а другой заменяли рабство разновидностью крепостничества. Они в законодательном порядке пытались помешать массе освобожденных негров овладеть землей и орудиями труда, а также переходить с одних плантаций на другие. В этой политике самых горячих сторонников они нашли в среде «цветных» плантаторов, которые после бегства с острова значительной части белых землевладельцев претендовали на превращение в ядро господствующего класса гаитянского общества, особенно на юге.

На попытки ограничить завоеванную свободу негры отвечали бегством в глухие места и воссозданием селений марронов, открытым неповиновением властям и плантаторам, а чаще всего вооруженным сопротивлением, коль скоро они составляли основу армии. Это сопротивление поощрял и Туссен Лувертюр, что явилось одной из главных причин высылки им во Францию неугодных колониальных чиновников, а также гражданской войны 1799—1801 гг. между неграми и мулатами, в которой верх одержали негры во главе с Туссеном. Но став фактическим правителем острова, Туссен не мог не осознавать, что наступление на обретенную рабами свободу вызывалось не одной лишь злой волей дурных чиновников и плантаторов, а обуславливалось и реально существовавшим противоречием между свободой и экономической необходимостью. Искренний противник рабства, вождь угнетенных и «открыватель» пути к новой жизни, Туссен не мог решать это

противоречие иначе как половинчато, с оглядкой, постоянными поисками «гармонии» между трудом и капиталом.

С одной стороны, в стремлении возродить производство он рядом декретов, в частности «Регламентом обработки земли» 1801 г., запретил бывшим рабам занимать покинутые плантации и основывать там индивидуальные мелкие хозяйства или ассоциации для совместной, коллективной обработки земли. Напротив, он всячески пытался реставрировать крупное плантационное хозяйство и ради этого не только утвердил уцелевших на острове хозяев в правах собственности на плантации, но и обратился к эмигрировавшим плантаторам с призывом вернуться в страну, обещая гарантировать им неприкосновенность личности и собственности. Те же плантации, что так и не обрели своих старых хозяев, не делились на парцеллы, а целиком переходили в государственную собственность и управлялись чиновниками. Собственники и управляющие плантаций получали третью часть доходов, другая треть отдавалась в виде налога государству, а оставшаяся треть составляла фонд заработной платы работников. Негров Туссен в принудительном порядке возвращал на их бывшие плантации в качестве неимущих, но и несвободных пролетариев, запретив им покидать «свои» плантации и установив декретами железную дисциплину труда. Но, с другой стороны, Туссен запретил телесные наказания работников, а государство через уполномоченных комиссаров осуществляло повседневный контроль за плантаторами и управляющими, карая их за дурное обращение с работниками, хищения и прочие злоупотребления. Туссен лично вникал во все детали и в своей резиденции принимал ходоков с жалобами.

Тем не менее напряженность в обществе нарастала с каждым днем. Рядом со старыми плантаторами появились новые землевладельцы из числа отличившихся офицеров армии, в основном вчерашних рабов. Новыми землевладельцами становились и правительственные комиссары по делам земледелия, которые превращались в крупных администраторов или арендаторов плантаций и начинали вести хозяйство за свой счет. Старые и новые плантаторы оказывали возрастающее давление на бывших рабов, все более урезая завоеванную ими свободу, а это не могло не вызывать глубокого недовольства новой аграрной системой как в обществе, так и среди основной массы военных. Уже «Регламент обработки земли» прямо указывал на неприятие этой системы молодыми неграми, не успевшими познать рабский труд на плантациях. С введением «Регламента» в действие на севере страны, в этой колыбели негритянской революции, вспыхнуло восстание крестьян и солдат во главе с одним из офицеров Туссена и его приемным племянником генералом Муазом. И Туссену пришлось подавлять восстание с помощью силы и массовых расстрелов.

Так постепенно логика общественного развития Гаити превращала Туссена Лувертюра для недавних друзей по оружию из «открывателя» пути к светлой жизни в душителя их свободы. И неизвестно, как долго бы длилось это двойственное положение вчерашнего вождя восставших негров и, быть может, связанная с ним личная драма Туссена, если бы ему не «помогла» метрополия. Франция, уже выбравшаяся из собственной революции, внимательно следила за событиями в Сан-Доминго и тоже видела противоречивое состояние своей бывшей колониальной жемчужины. Но разрешить противоречие она вознамерилась не по-туссеновски, а по-буржуазному радикально и без лишних сантиментов. На Гаити был послан шурина Наполеона генерал Леклерк. С ним прибыли 34 тыс. солдат, возглавляемых 13 дивизионными, 27 бригадными генералами и множеством закаленных на европейских полях сражений офицеров. Со времен открытия Америки впервые пересекла Атлантический океан столь крупная военная сила.

Война приняла ожесточенный характер, и в своих письмах Леклерк был вынужден просить у Наполеона 12-тысячное подкрепление, признавая: «Ничего подобного в Альпах я не видел!» С огромным трудом ему удалось заманить якобы на переговоры, арестовать и выслать Туссена во Францию, где через год тот умер в заключении. Но не последнюю роль в поражении Туссена сыграла социальная напряженность, вызванная созданным им режимом. На стороне французов сражались мулатские отряды Риго. Постепенно и наиболее видные из окружавших Туссена негритянских военачальников, такие, как Кристоф и Дессалин, капитулировали и переходили на сторону Леклерка.

Но как только в Сан-Доминго стало известно о декрете Наполеона, реставрировавшем рабство негров в колониях, вчерашние рабы превратили свое социальное движение в национально-освободительное. Восстание началось в самой гуще гаитянских «низов» и на первых порах даже подавлялось вождями негритянской элиты Кристофом и Дессалином. Но по мере его развития один за другим негритянские вожди стали выступать против французов. Мулаты, все еще помогавшие французам в надежде стать господствующим классом Сан-Доминго, вскоре начали убеждаться в том, что после разборки колонизаторов с неграми настанет их черед, и тоже примкнули к восстанию. Возглавил сложившийся негритянско-мулатский блок и проявил лучшие качества полководца в освободительной войне негр Жан Жак Дессалин.

В 1791 г., в начале негритянского восстания, он был рабом у хозяина-негра по имени Дессалин в Кап-Франсе, помогая изготавливать черепицу. Примкнув к восстанию, Жан Жак в качестве фамилии избрал себе имя прежнего хозяина. Он не умел и до конца жизни так и не научился писать и читать. Бывший хозяин часто называл Жана

Жака «упрямым мулом, но хорошим работником». Быть может, эти качества и помогли ему досконально освоить военное ремесло и стать со временем самым выдающимся негритянским генералом, превосходившим военным талантом даже Туссена, хотя и уступавшим ему во всем остальном.

Под его началом освободительная война завершилась блестящей победой. Победители, негры и мулаты, потеряли 60 тыс. человек, но зато вывели из строя 50 тыс. французов и вынудили их капитулировать 18 ноября 1803 г. Вслед за этим была обнародована декларация независимости, а с 1 января 1804 г. новое государство приняло название Гаити.

На этой победной ноте полагалось бы и завершить анализ гаитянской революции, если бы не одно важное с теоретической и практической точки зрения обстоятельство. Ведь до сих пор вчерашние рабы боролись с французским и местным капиталом, от которого исходила угроза реставрации рабства и прочие неприятности. И если до независимости отклонения негритянской революции от «якобинской» схемы еще как-то можно было объяснять феодальными устремлениями колонизаторов, то теперь, после их изгнания, возникает уникальная возможность проверить гаитянской практикой не только тезис об американском пути, но и другие краеугольные постулаты схемы: о зависимости успеха буржуазной революции от накала борьбы «низов», о тяготении революционного демократизма к буржуазному либерализму, о его нацеленности на общественные отношения последовательно буржуазного характера.

Правитель независимого Гаити Дессалин будто нарочно создал лабораторно-стерильные условия для проверки. Уже 1 января 1804 г. в воззвании «Свобода или смерть!» Дессалин призвал негров воздать остававшимся белым колонистам «ужасающую, но справедливую месть, какую должен вершить народ, гордящийся восстановлением своей свободы и ревностно ее охраняющий»¹. «Национальная месть» была и вправду ужасающей: около 10 тыс. оставшегося белого населения, включая стариков, женщин и детей, были вырезаны. Но дабы мир не подумал, будто учиненная резня была этнической чисткой, а не желанием народа искоренить всякую возможность реставрации французского ига, в живых были оставлены редкие колонисты немецкого происхождения, группа поляков из состава французских карательных войск, отказавшаяся убивать негров, да немногие белые женщины, ставшие ради сохранения жизни детей женами негров.

¹ Jean Jacques Dessaline: Acta de Independencia y Proclama (1804)//Pensamiento político de la Emancipación. T. 1. P. 84—87.

Так была обеспечена этническая, да и социальная однородность гаитянского общества, состоявшего отныне из огромного негритянского большинства, вчерашних рабов, и немногочисленных мулатов. Эту однородность закрепила конституция 1805 г., провозгласившая, что ни один белый, какой бы ни была его национальность, никогда не ступит на гаитянскую землю в качестве хозяина или собственника (ст. 12); что исключение делается лишь для натурализованных правительством белых женщин и их нынешних и будущих детей, а также немцев и поляков (ст. 13); что независимо от оттенков кожи все гаитяне впредь будут именоваться «неграми» и составлять «единую семью, чьим отцом является Вождь Государства»¹.

В рассмотренных деяниях негритянской революции в Сан-Доминго отчетливо проступают черты как минимум двух критериев революционного демократизма. Во-первых, «*бескомпромиссная революционность*», поскольку насилия в Сан-Доминго было столько, что перепись 1805 г., зафиксировав 400 тыс. населения, не досчиталась по сравнению с 1789 г. 112 тыс. человек (22% населения). Во-вторых, «*искренний и глубокий демократизм*», потому как и отмена рабства, и изгнание колонизаторов, и даже убийство белых и овладение принадлежавшей им громадной земельной собственностью отвечали интересам свыше 90% населения страны, именно трудящихся масс.

Имели ли место в гаитянской революции социалистические или эгалитарные устремления? Многим ученым аграрная политика Дессалина кажется простым продолжением туссеновской реставрации крупного плантационного хозяйства и принудительного труда для бывших рабов. Однако она имела принципиальное отличие. Туссен не только допускал, но и, вероятно, искренне стремился поощрять развитие частного крупного хозяйства в земледелии², в том числе призывая бежавших белых плантаторов вернуться и вступить во владение своей собственностью. В политике же Дессалина стержневую идею составляло всемерное укрепление именно государственного сектора экономики. Декретом от 2 января 1804 г. он упразднил колониальные формы собственности, национализировал недвижимость всех белых (как успевших бежать с острова, так и вырезанных в кампании «национальной мести») и для управления этим гигантским хозяйством (ведь до революции белым принадлежало 75% земельного фонда страны)

¹ Las Constituciones de Haïti. Madrid, 1968. P. 122

² Хотя и в конституции Туссена 1801 г. «плантация является промыслом, требующим совокупности рабочих и крестьян, тихим убежищем постоянной и активной семьи, чьим отцом будет всегда собственник земли или его представитель», а «все рабочие и крестьяне являются членами этой семьи и участниками ее доходов».

учредил особый государственный институт Администрацию государственных владений. Перевод имущества белых собственников в государственный сектор был освящен конституцией 1805 г. (ст. 12 «Общих уложений»).

«Общенародную» собственность, конечно же, пытались прибрать к рукам высшие гражданские и военные чины из числа вчерашних негров-рабов либо прежние «цветные» плантаторы, широко практиковавшие подделку титулов на владение землей. Однако Дессалин организовал проверку документов, вернув в госсектор незаконно присвоенные владения. Да еще и пригрозил: «Так же, как я велю расстреливать похитителей кур, продовольствия и скота, я буду приказывать казнить тех, кто попустительствует присвоению государственного имущества»¹.

Этим Дессалин поставил нелегкую задачу и перед историками, включая М.С. Альперовича и Л.Ю. Слезкина как главных разработчиков концепции войны за независимость Латинской Америки в русле «якобинской» схемы. Ведь по всем канонам этой схемы негритянскую революцию в Сан-Доминго, осуществленную в аграрной стране и самым что ни на есть «плебейским способом», полагалось бы назвать «самой-самой» буржуазной в Латинской Америке. Однако вместо американского пути она создала некое сочетание государственного латифундизма с принудительным, но в то же время и оплачиваемым трудом. Потому, столкнувшись с такой загадкой, эти ученые ограничились весьма обтекаемым тезисом о том, что «принципиально буржуазное направление развития, определившееся победой революции, оставалось неизменным при самых неблагоприятных для этого развития поворотах в истории страны»². Иными словами, они от неудобных вопросов изящно ушли, но нам от них никуда не деться. Какой же строй вырос из революции в Сан-Доминго?

В его оценке нет и, видимо, не может быть однозначного мнения. Те из ученых, которые не обращают внимания на государственное начало этого строя, склонны считать его феодально-крепостническими порядками (Н.Д. Луцков). Для других же, кто прекрасно уловил этатизм Дессалина, это «азиатский способ производства» (аргентинец Т.С. ди Телля). Но тогда в обоих случаях события в Сан-Доминго, привычно называемые гаитянской «революцией», предстают вовсе и не революцией, а либо феодальной, либо раннерабовладельческой реакцией.

¹ *Pierre-Charles G. La économie haitienne y su vía de desarrollo*//Von Grafenstein J. Haïti. Т. 1. Р. 209—211.

² *Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1981. С. 45.*

Тем не менее, взглядевшись повнимательнее в черты общественных отношений на послереволюционном Гаити, можно обнаружить в них и нечто другое. Похоже, что самому Дессалину строжайшая охрана государственной собственности виделась как способ приобщения широких народных масс к совладению средствами производства. Он разъяснял: «Негры и мулаты! Собственность, которую мы завоевали нашей кровью, принадлежит всем нам, и я хочу, чтобы она распределялась при соблюдении полного равенства». Даже если здесь перед нами всего лишь эгалитаризм, то по крайней мере отпадает необходимость называть революцию реакцией¹.

Но если на Гаити свершилась именно революция, то какая именно? Если это была буржуазная революция, тогда при чем тут государственная собственность и принудительный труд? Где здесь буржуазные отношения, хотя бы и непоследовательного характера? И неужели «вспомогательной» ролью «низов» в *буржуазной* революции может считаться полное истребление буржуазии, какое имело место в кампании «национальной мести» на Гаити?

Как видим, гаитянская революция ставила, ставит и будет ставить вопросы перед историками, потому что суть проблемы лежит в самой теории буржуазных революций. «Якобинская» схема не только идеализирует образ собственно буржуазной революции, но еще и отводит народным движениям в таких революциях крайне узкие рамки, которые не могут охватить многообразие всемирной истории. Да, в странах Западной Европы «низам» действительно не удалось овладеть инициативой в буржуазной революции больше чем на 13 месяцев (да и то, если якобинскую диктатуру позволительно отождествить с властью «низов»), и проявить себя чем-то большим, нежели просто «вспомогательным моментом». Но подгонять по этой причине под «якобинскую» модель все буржуазные революции в мире равносильно попыткам моделировать глобус Франции.

К гаитянской революции можно и нужно подходить с иными мерками — как к революции подлинно народной, демократической², отмечая движущие силы, выдвинувшуюся на поверхность элиту, социально-экономические и политические устремления. С учетом конкретных пространственно-временных характеристик Сан-Доминго на рубеже XVIII—XIX вв., с учетом этносоциальных и психологических особенностей вершившего революцию народа в такой революции не могли не

¹ Pierre-Charles Y. La economía haitiana y su vía desarrollo//Von Grafenstein J. Haití. T. 1. P. 211.

² В исконном смысле понятие «демократия» — «народовластие».

переплетаться причудливым образом элементы традиционализма и «светлого будущего».

Скажем, в государственном плантационном хозяйстве можно увидеть не только «азиатский» способ производства, ибо не исключено, что для его создателя Дессалина государственная собственность и собственность общенародная были, как для коммунистов XX столетия, тождественными понятиями. Точно так же в оплачиваемом работнике, который, однако, принуждается к труду и привязан к определенной плантации, можно увидеть не только воспроизведение испаноамериканского индейца-митайо, но и прообраз советского колхозника, которому в дохрущевский период отказывали в выдаче паспорта, дабы он не сбежал из своего колхоза.

Под стать такому социально-экономическому базису была и возведенная революцией политическая надстройка в форме весьма оригинальной монархии. С одной стороны, император мог назначать себе преемника, с другой — корона была «выборной, а не наследственной» (ст. 23 и 26 конституции 1805 г.). Потому в фигуре монарха можно увидеть и традиционного африканского вождя, и прототип Генерального секретаря (ведь смог же в КНДР Ким Ир Сен передать пост генсека своему сыну Ким Чен Иру).

И даже внешне идентичные либеральным меры, например упразднение конституцией 1805 г. господствующей религии, декларация свободы вероисповеданий и введение гражданского брака, на поверку не содержат ни грана буржуазного либерализма. Ибо о какой господствующей религии может идти речь в случае, когда подавляющее большинство населения представляли самые разнообразные африканские этносы со своими верованиями?

Иными словами, в негритянском освободительном движении Сан-Доминго, несомненно, присутствуют все существенные характеристики революционного демократизма. Потому гаитянская революция вполне может быть названа подлинно народной и демократической. Но этот революционный демократизм вовсе не был обречен на «вспомогательную» роль в буржуазной революции, и созданный им строй менее всего похож на «последовательно буржуазный», да и на буржуазный тоже. Напротив, вырезав ядро буржуазии, негры строили на Гаити скорее всего пусть не «научный», но зато «реальный социализм». Впрочем, даже если признать более вескими аргументы о порождении революцией на Гаити «феодално-крепостнических порядков» (Н.Д. Луцков) или «азиатского способа производства» (Т. С. ди Телья), то все равно по любому из трех вариантов выходит, что страна не вышла на «принципиально буржуазное направление разви-

тия» (М.С. Альперович и Л.Ю. Слезкин), а, наоборот, ушла от капитализма вообще (вопрос лишь в том, куда именно — назад, вперед или в сторону).

Точно так же не подтверждается опытом гаитянской революции и тезис о тяготении революционного демократизма к буржуазному либерализму. Конечно, ради обретения свободы рабы, восставшие поначалу как ярые монархисты, затем не раз меняли врагов и союзников: помогали испанцам завоевывать французскую часть острова, затем на стороне французских колонизаторов изгоняли испанцев, душили революционеров Сен-Марка, наконец, разделились с французами и провозгласили независимость. Но ни на один миг за все долгие годы революции буржуазный либерализм, представленный на острове именно белым меньшинством, партией Сен-Марка, не прекращал оставаться для негров врагом номер один, пока не был беспощадно ими истреблен в ходе кампании «национальной мести» 1804 г.

И, наконец, еще одно немаловажное свидетельство гаитянского опыта о зависимости наибольшего успеха буржуазной революции и буржуазного прогресса от инициативы «низов». Дессалиновский строй в своем первоизданном виде просуществовал недолго. Недовольство нарождавшейся негритянской военно-бюрократической элиты и плантаторов-мулатов засильем общенародной собственности привело к гибели Дессалина в 1806 г. Страна была вынуждена заново пережить процесс первоначального накопления, главным образом посредством постепенного разворовывания общенародной собственности бюрократией.

Это первоначальное накопление продолжалось весь остаток XIX в. Во всех опробованных вариантах, будь то в прусском или американском, при президентах или военных диктаторах, королях и императорах, этот процесс встречал ожесточенное сопротивление масс, то и дело выливаясь в восстания, мятежи, перевороты, гражданские войны, распад страны на провинции. Насколько же он был долг и мучителен в целом, легко судить по тому, как прыжок в «царство свободы» обернулся для Гаити, некогда богатейшей колонии Франции и крупнейшего в мире производителя сахара, деградацией до положения самого отсталого государства Латинской Америки, каковым остается страна и поныне. Интересно, однако, что при этом иностранные путешественники единодушно отмечали неудержимое распространение в независимом Гаити мелкого крестьянского хозяйства, несмотря на всемерное противодействие властей, а также большой достаток и меньшую интенсивность труда у подавляющего большинства населения, чем при французах.

§ 3. Движение свободного мелкопарцельного крестьянства и городских «низов»

Освободительное движение этих социальных слоев имеет особое значение для проверки теоретических подходов, разработанных на историческом опыте Европы. Потому что, в отличие от индейцев-общинников (осколков раннерабовладельческих цивилизаций) и негров-рабов (осколков рабовладельческих обществ), они в наибольшей степени отвечают классическим европейским меркам революционно-демократических движений.

До войны за независимость в Иberoамерике происходило множество восстаний и других выступлений свободного мелкопарцельного крестьянства и городских «низов». Но особую их активность вызвали сопровождавшие бурбоновские реформы усиление конкуренции импортных товаров на местных рынках, введение новых королевских монополий (особенно на табак, соль и водку), рост налогов. Куба в последней трети XVIII в. пережила восстания мелких табаководов — вегеро. Борьбу против установления королевской табачной монополии вели венесуэльские крестьяне в Кумане, Гуайре, Каракасе, на о. Маргарита. Аналогичные волнения проходили в 1765 и 1773 гг. в Кито и Сантьяго-де-Чуко, во время которых в церквях спасались от разгневанной толпы не только колониальные чиновники, но и богатые креолы. В новогранадском восстании комунерос 1781 г., помимо ремесленников, участвовали и крестьяне-табаководы.

Как правило, вспыхивавшие стихийно восстания мелких крестьян и ремесленников не дорастали до выдвижения требования независимости, ограничиваясь обычно формулой «Да здравствует король и долой дурных правителей!» Однако табачная, соляная, водочная и другие королевские монополии, налоговое бремя являли собой важные механизмы меркантилистской системы эксплуатации всех слоев населения колоний, поэтому лозунги мелкопарцельного крестьянства во многом перекликались с аналогичными пунктами программ креольских буржуазных революционеров и создавали определенную основу для их возможных союзов в грядущей войне за независимость, т.е. союзов классического для Западной Европы типа.

Однако в целом движения мелкопарцельного крестьянства и ремесленников отнюдь не были тождественны буржуазным национально-освободительным движениям, как не были они — и в условиях Латинской Америки не могли быть — просто «плебейским способом раздаться с врагами буржуазии», всего лишь «вспомогательным моментом самой буржуазной революции». Слишком многое разделяло эти два движения, и в первую очередь социальные вопросы.

Конечно, в столь пестрой в этническом и социальном смысле среде, каковую составляли мелкие крестьяне и ремесленники, проявлялись и расовые конфликты с другими категориями населения. Так, вряд ли можно заподозрить в симпатиях к неграм и «цветным» мелких фермеров и ремесленников из числа «маленьких белых» Гаити. Нередко бывало и так, что мелкие свободные крестьяне принимали самое активное участие в разграблении земель индейских общин.

Еще больше свидетельств имеется о том, что масса мелких крестьян и ремесленников тяготела в своей борьбе к совместным действиям и с неграми, и с индейцами, и со всеми другими этническими категориями против господствующих классов в целом. В восстании комунерос в Новой Гранаде выделялось радикальное крыло во главе с крестьянским сыном метисом Хосе Антонио Галаном. Хотя преобладали в его отряде индейцы-общинники, требовавшие возвращения узурпированных помещиками земель, Галан стремился объединить различные категории трудящихся под общим девизом «Союз угнетенных против угнетателей». Поэтому в занятых его отрядом районах также отменялось рабство негров, конфисковывалось и распределялось среди простого люда имущество богачей и т.п.

Показателен в этом отношении мятеж портных 1798 г., раскрытый колониальными властями в бразильском капитанстве Баия. Среди арестованных фигурировали 18 негров-рабов, 17 мелких портных из мулатов и метисов и 9 портных из креолов, 5 представителей креольской интеллигенции. Соответственно составу участников в заговоре определились два крыла. Умеренное включало в свою программу провозглашение независимости Баии, установление республики, ликвидацию торговых монополий, открытие портов страны для иностранцев, образование независимой от Ватикана американской церкви. Радикальное же крыло отличалось выдвижением социальных требований: отмена рабства негров, предоставление «цветным» и белым равных возможностей, установление наряду с республикой народной демократии.

Из приведенных примеров видно, что движение мелкого крестьянства и ремесленников по своей природе было борьбой социальной, классовой. И в таком характере их борьбы, в ее близости к социальным движениям других народных слоев, в частности негров-рабов или индейцев-общинников, уже содержалась принципиальная возможность серьезного расхождения с собственно буржуазным освободительным движением. Однако эти расхождения развернутся настоящей пропастью, если подытожить, в чем состояли социально-экономические преобразования войны за независимость, и в особенности те из них, которые ремесленникам несли массовое разорение от конкуренции дешевых иностранных фабрично-заводских изделий, миллионам мелких

крестьян из числа нелегальных пользователей королевскими землями — массовую экспроприацию, тем и другим — жестокие законы о бродяжничестве.

Столкновение мелкопарцелльного крестьянства с креольскими латифундистами наблюдалось еще с конца XVIII в., когда началась приватизация королевских земель и ничейного прежде скота в аргентинской пампе, новогранадских и венесуэльских льяносах. Ответные меры народных масс на раскрестьянивание (в том числе повсеместное создание отрядов народных мстителей) хорошо иллюстрируют их отношение к будущим «освободителям народа от колониального ига». Но рамки учебника не позволяют подробно рассмотреть этот процесс во всех странах континента.

По этой причине ограничимся констатацией того факта, что между буржуазией, с одной стороны, и мелкопарцелльным крестьянством и городскими «низами» — с другой на рубеже XVIII—XIX вв. разгоралась настоящая классовая война. Суть ее состояла в столкновении «народной собственности», защищаемой крестьянством (революционной демократией), и наступавшей на нее частной собственностью, всемерно поощряемой именно буржуазным либерализмом. Мелкие крестьяне, веками владевшие льяносами, пампой и прочей «народной собственностью» в Латинской Америке, так и не проявили отмеченную Лениным для крестьянства России, но часто относимую учеными к крестьянству вообще, склонность рождать капитализм «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»¹. Наступлению капитализма они оказывали ожесточенное сопротивление и потому в войне за независимость отнюдь не собирались служить «вспомогательным моментом».

Этот тезис наилучшим образом доказывает развитие освободительных революций в период 1810—1815 гг. в Мексике и Венесуэле, но особенно революция в Парагвае.

**Мексика: народное
освободительное движение
под руководством
М. Идальго и Х. Морелоса
(1810—1815)**

Вице-королевство Новая Испания являлось подлинной жемчужиной колониальной империи Испании. Это была самая населенная часть Испанской Америки, крупнейший в мире производитель серебра, и отсюда испанская казна получала две тре-

ти всех колониальных доходов.

Тем не менее из учтенных 227,8 млн песо валового продукта Мексики в 1810 г. на долю горнодобывающей промышленности приходи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6.

лось всего около 28 млн, т.е. 12,3%. Львиную же долю давало сельское хозяйство — 138,9 млн песо (61%). В этой ведущей отрасли страны производились и экспортные продукты на сумму 5 млн песо, в первую очередь кошениль. Но в основном сельское хозяйство покрывало внутренние потребности населения в зерновых, мясе, сахаре, молоке и сыре и снабжало ремесла и мануфактуры говяжьим салом, кожным сырьем, шерстью, хлопком и т.д.

Второй по валовому производству отраслью была обрабатывающая промышленность и ремесла, на долю которых приходилось товаров на сумму 61 млн песо (26,7%), в том числе шерстяных и хлопчатобумажных тканей, кожаных изделий, обуви, мыла и др. Конечно, высшие слои мексиканского общества предпочитали европейские товары, но местная промышленность и ремесла одевали около 5 млн человек низших классов.

Население Новой Испании составляло 6 млн человек: 18% — белые (испанцы и креолы в соотношении 1:70), 12% — метисы, негры и кастас, остальные принадлежали к индейскому этносу, в основной массе оседлые крестьяне-общинники, представлявшие осколки древних цивилизаций майя, ацтеков, сапотеков, тарасков и др.

Экономические успехи Мексики основывались на чрезвычайно высокой степени концентрации средств производства, в первую очередь земли, около 86% которой сосредоточили в своих руках хозяева 4944 асьенд и эстансий и 6684 ранчо. Такое положение складывалось в том числе за счет раскрестьянивания общинников и мелкопарцелльных крестьян. А. фон Гумбольдт в своих путевых заметках подчеркивал, что Мексика, как никакая другая из испанских колоний в Америке, была страной вопиющего неравенства. Если на Кубе, по его подсчетам, богачами слыли те, кто получал от 30 до 35 тыс. годового дохода, в Венесуэле — 10 тыс., а в Перу — 4 тыс. песо, то в Новой Испании среди богатейшей верхушки встречались такие, чей доход составлял 200 тыс. песо в год и более. На другом полюсе находились раскрестьяненные бедолаги, которых глава консулата Веракруса Х.М. Кирос именовал «праздношатающимися» и «бродягами». Они оседали в городах, что приводило к перенаселению, которое Кирос иллюстрировал следующим образом: «На каждую обутую ногу приходится десять сапожников»¹.

На рубеже XVIII—XIX вв. самые разные силы в Мексике поднимали частые восстания и плели заговоры. Бурбонские реформы, особенно увеличение налогового бремени, вызвали восстания мелкопарцелльного крестьянства и городских «низов» 1783 г. во многих районах Мексики.

¹ Memorias políticas y económicas del Consulado de Veracruz. P. 168.

Помимо упоминавшихся креольских заговоров и восстаний индейцев стоит упомянуть восстание негров в Кордове 1805 г., несмотря на относительно малую численность в стране рабов. Назревал всеобщий взрыв. Пленение Фердинанда VII креольская верхушка использовала в своих интересах, потребовав от колониальных властей не признавать власти Испании, передать всю полноту верховной власти вице-королю, а исполнительную — аудиенсии и аюнтаменту. В ответ испанское меньшинство осуществило государственный переворот, заменив вице-короля своим ставленником, что вызвало разрастание недовольства во всех слоях общества. К тому же в 1809—1810 гг. сельское хозяйство поразила засуха, вслед за которой пришел голод.

Искрой, от которой возгорелось пламя восстания, послужил обычный креольский заговор с целью создания правительственной хунты для управления страной от имени плененного Фердинанда. В нем участвовали очень богатые Игнасио Альенде и Хуан Альдама, весьма состоятельные торговец Педро Морено Абасоло, семейства Браво и Галеана, горнопромышленник Хименес, священник Серванто Тереса де Мьер, сын испанского землевладельца Мина. Были среди заговорщиков и просто богатые Андрес Кинтана Роо, братья Матаморос, Леон Викарио, Мигель Идальго (несмотря на скромный пост священника), а также представители богатого среднего класса братья Игнасио и Рамон Лопес Район. Народные классы представляли молодой офицер скромного происхождения Висенте Герреро и выходец из бедняков-индейцев Педро Авенсио. Сеть заговора охватила Сан-Мигель-эль-Гранде, Керетаро, Гуанахуато, Селайю, Сан-Луис-Потоси. Центром заговора стал Керетаро, где упомянутый Альенде установил контакт с корехидором Мигелем Домингесом. С керетарской группой заговорщиков был связан и священник Идальго.

Мигель Идальго-и-Костилья (1753—1811) родился в семье креола, управляющего асьендой. Окончив духовное училище, он стал в нем преподавателем, а затем и ректором. В 1803 г. предпочел перейти на скромную должность сельского священника в селении Долорес провинции Гуанахуато. В этом районе, одном из центров добычи серебра, была велика доля выделившихся из общин индейцев, а также кастас и негров. Чтобы побудить индейцев улучшить свое положение за счет производства товаров, Идальго организовал в Долоресе гончарный, шелкопрядильный, дубильный, ткацкий и виноградный промыслы. В обращении с местными жителями Идальго был прост, мог говорить на нескольких индейских языках, превратил свой приход в настоящий дискуссионный центр, где обсуждались социальные вопросы. В своих взглядах Идальго склонялся к уравнительному разделу имущества.

Обладая ополчением, креольская верхушка надеялась легко, как повсюду в Испанской Америке, образовать революционное правительство. Первоначальный план, по признанию Альенде на суде по делу повстанцев, состоял в том, чтобы потребовать от вице-короля создания хунты в составе членов городских аюнтамьенто, адвокатов, священников и т.п. «И только для поддержки этого плана в том случае, если бы правительство его не приняло и расправилось с первыми посланцами, было условлено... с несколькими лицами в Керетаро и Сан-Мигеле-эль-Гранде... иметь людей наготове, чтобы использовать силу в случае необходимости...»¹ Дабы народные массы поддерживали креольскую революцию, было решено, как уведомлял Альенде письмом Идальго, «действовать, тщательно маскируя наши цели, ибо, если движение будет откровенно революционным, его не поддержит основная масса народа», и, «если революция станет неизбежной, то, поскольку индейцы безразличны к понятию «свобода», им надо внушить, будто восстание осуществляется исключительно ради пользы короля Фердинанда»².

Раскрытие заговора и аресты его участников нарушили взаимодействие революционеров с ополчением. Спасаясь от преследователей, в ночь с 15 на 16 сентября 1810 г. Игнасио Альенде прибыл в Долорес к Мигелю Идальго. Наутро, в воскресенье, когда на ярмарку съехались крестьяне из близлежащих сел, Идальго обратился с призывом к восстанию — знаменитым «кличем в Долоресе».

Трудовой люд разных оттенков кожи охотно откликнулся на «клич в Долоресе», и уже через месяц в восстании участвовало от 50 до 80 тыс. человек. Но народ, и в особенности индейцы, перерос уготовленные ему креольскими руководителями рамки и начал чинить расправу над всеми белыми, не делая различий между испанцами и креолами. Особенно доставалось помещикам, каковыми в Мексике, как и везде в Иberoамерике, были главным образом креолы.

Плебейский способ борьбы «низов» — бессудные расстрелы, зверские убийства, разграбление собственности — очень скоро обусловил переход основной части креольской верхушки во враждебный по отношению к восстанию лагерь. Даже в тех редких случаях, когда вождям восстания удавалось удержать массы от расправы над креолами и их жертвами становились только испанцы, это не снижало враждебности креольского сообщества. Например, при взятии Гуанахуато, когда повстанцы расправились с 300 испанцами, креольское аюнтамь-

¹ El pensamiento político de México. T. 1. P. 148.

² Carta de Allende a Hidalgo. Agosto de 1810//Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821. México, 1967. P. 94.

енто ответило энергичным заявлением: «Гнусных различий между креолами и испанцами... среди благородных, культурных и выдающихся людей этого города не делалось никогда... Европейцы были нашими родственниками, наши дочери и сестры вступали с ними в брак, они были нашими добрыми друзьями, и мы вели с ними наши дела. Наши интересы и наше богатство слились с их интересами и богатством и полностью зависели от них. Постигшая их беда стала и нашей бедой»¹.

Отход креольской верхушки от восстания не мог не порождать внутренние трения и расколы в движении. В ноябре 1810 г. Альенде информировал Идальго: «Индейцы совершенно выходят из повиновения. Следуя через Сан-Фелипе, я обнаружил трупы трех испанцев и креола, разрубленных на куски, хотя они имели пропуска, выданные Вашим Превосходительством; более того, индейцы ни за что не хотели разрешить священнику захоронить тела. Если за такие эксцессы никого не будут наказывать, наше дело пострадает, и, когда мы спохватимся и попытаемся прекратить их, мы будем не в силах этого сделать». Отвечая, Идальго писал: «Нет, сударь, мы должны соблюдать осторожность, у нас нет других солдат, кроме них, а они нужны нам, чтобы защищаться. Если мы будем наказывать их, мы не найдем их тогда, когда они будут нам необходимы»². Так начались и в дальнейшем все более углублялись разногласия между «генералиссимусом Америки» Мигелем Идальго и его соратниками из среды креольской буржуазии.

5 декабря 1810 г. Идальго издал указ, обязав судебные инстанции немедленно взыскать с латифундистов просроченные платежи по аренде земель индейских общин, на следующий день новым указом он потребовал от рабовладельцев под страхом смертной казни в 10-дневный срок дать свободу рабам, отменил подушную подать с кастас и всякие подати с индейцев.

Отвечали ли эти социальные меры интересам креольской буржуазии и развития капитализма?

Вряд ли смертельную угрозу этим интересам представляла отмена рабства негров, так как число рабов в Мексике было сравнительно небольшим и сколько-нибудь значимой роли в экономической жизни общества они не играли. Упразднение подушной подати кастас и индейцев даже очень хорошо вписывалось в программы креольских революционеров не только Мексики, но и остальной Испанской Америки. Однако только при том условии, если бы и аграрные преобразования Идальго осуществлял в том же либеральном русле.

¹ Цит. по: *Линч Дж.* Революции в Испанской Америке. 1808—1826/Пер. с англ. М., 1979. С. 319.

² Там же. С. 320.

Идальго же поступил совсем иначе, ибо не только приказал взыскать просроченные арендные платежи за общинные земли, но и вернуть эти земли индейцам, запретив сдавать их в аренду в будущем, «ибо воля моя в том, чтобы ею пользовались только туземцы соответствующих селений»¹. Этим указом он как бы порывал отношения со своим классом и переходил на сторону индейского общинного крестьянства, чье главное требование и до, и после независимости, и даже в революции 1910—1917 гг. состояло в возвращении отобранных у общин земель.

Соответствовала ли такая позиция убеждениям Идальго или же он был вынужден считаться с силой обстоятельств?

Скорее всего революция, осуществлявшаяся крестьянством и другим трудовым людом по всем законам классовой борьбы, не оставила Мигелю Идальго иного выбора. Игнасио Альенде, стоявший рядом, но под началом Идальго, позволял себе приводившиеся высказывания, с которыми, по-видимому, внутренне был согласен и Идальго. Но «генералиссимус Америки», а главное, вождь угнетенных слоев народа, каковым предстал (или представил себя в Долоресе) Идальго в глазах своих бойцов, был просто обязан следовать вместе с массами, остановить или повернуть которые он был не в состоянии, и тем все более отдалялся от своего класса, увлекаемый бурным потоком самостоятельного народного творчества.

Это, кстати, подтверждается документами. В одном из своих писем (от 3 января 1811 г.) Идальго распорядился продавать отобранную у европейцев собственность для нужд освободительной армии, а тех из испанцев, кто станет возмущаться, сеять бунт и мятежи «предавать забвению, причиняя им смерть со всеми необходимыми предосторожностями в глухих и пустынных местах, дабы никто о том не догадывался»². Позднее, уже представ перед судом, на вопрос о мотивах допущения грабежа имущества испанцев «он отвечал, что знает: сия узурпация была не только несправедливой, но также вредной и противоречащей интересам самих креолов, однако же необходимость ее для восстания и для заинтересованности в нем плебса не дала им сомневаться в выборе средств его ведения»³. Мотивы бессудных расстрелов Идальго объяснял просто и ясно: «Не было иного мотива, кроме преступного попустительства желаниям армии, состоящей из индейцев и

¹ *Miguel Hidalgo*. Bandos sobre tierras y esclavos//Pensamiento político de la Emancipación. T. 2. P. 44.

² Carta de Miguel Hidalgo a González Hermocillo (3 de enero de 1811)//Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821. P. 127—128.

³ El pensamiento político de México. T. 1. P. 149.

каналей». На вопрос же о том, был ли он уверен, что его движение не увенчается торжеством абсолютной монархии или другого такого же деспотизма, Идальго отвечал, «что вовсе не был уверен и что сегодня на основании опыта ощутил, что оно наверняка увенчалось бы одной из этих двух вещей, а потому он желал бы, чтобы все американцы узнали об этом его заявлении, которое находится в полном согласии с тем, что он ощущает в своем сердце, тем более что он желает подлинного счастья своим соотечественникам...»¹

Пока движение пребывало на подъеме и одерживало победы, креольское руководство не могло ни удержать Идальго от слияния с массами, ни сместить его как вождя революции без риска быть растерзанным рядовыми бойцами. Но когда последовали поражения от объединенной коалиции испанских регулярных войск и креольского ополчения, настал удобный момент и после очередной неудачи повстанцы во главе с Альенде лишили Идальго командования. После этого он уже следовал со штабом, по его же признанию, «в качестве пленника». Повстанцы отходили на север, к границе с США, где их руководители надеялись дать отдых бойцам, реорганизовать свои силы и рассчитывали на помощь американцев. Однако на пути к Техасу повстанцы были перехвачены роялистами, а их руководители — Идальго, Альенде, Альдама, Хименес — казнены.

После гибели Идальго общее руководство революцией осуществлял Игнасио Лопес Район, который вместе с другими представителями креольской верхушки составлял умеренное крыло движения. В г. Ситакуаро для координации действий Лопес Район создал Верховную национальную хунту Америки. Радикальное крыло движения возглавлял Х.М. Морелос, который, хотя и являлся членом хунты, из-за разногласий с остальными членами в ее работе фактически не участвовал.

Хосе Мария Морелос-и-Павон (1765—1815) был сыном плотника, метисом, познал труд в асьенде с ранних лет, в молодости был погонщиком мулов. Как выходцу из самой гущи народа ему стоило много усилий и стараний получить образование. Окончив духовную семинарию, он в 1797 г. стал скромным священником. После «клича в Доло-ресе» Морелос примкнул к восстанию и создал небольшой, но хорошо вооруженный и дисциплинированный повстанческий отряд на юге страны. Уже в ноябре 1810 г. Морелос заявлял: «Для меня гораздо важнее выбрать ту силу, с которой я должен атаковать врага, нежели вести толпы людей без оружия и дисциплины. Это верно, что целые деревни следуют за мной в борьбе за независимость; но я не допускаю

¹ Preguntas y respuestas del proceso del cura Hidalgo. En los días 7, 8, 9 de mayo, y 29 de junio de 1811//Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821. P. 133, 135.

их, говоря, что более действенной их помощью является возделывание земли, чтобы давать хлеб нам, борцам, ушедшим на войну»¹. Помимо чисто военных аспектов кампании такая тактика давала Морелосу возможность надежнее контролировать свои отряды, не допуская мародерства и прочих эксцессов, свойственных индейским отрядам Идальго. И до середины 1812 г. Морелос и его отряд не трогали креольских помещиков.

Во многих вопросах согласие между умеренным и радикальным крылом движения до поры до времени было полным. В сентябре 1811 г. хунта в сообщении Морелосу оправдывала апелляцию к имени Фердинанда VII тем, что «такой политикой мы добились того, что многие из войск европейцев дезертировали и присоединились к нашим войскам и что одновременно многие американцы, колеблющиеся из-за напрасного страха выступить против короля, стали нашими самыми решительными сторонниками»². А в декрете Морелоса от 13 октября 1811 г. целью революции провозглашалось, «чтобы политическое и военное управление, которое находится в руках европейцев, было возложено на креолов, которые лучше будут охранять права господина дона Фердинанда VII»³. Морелос стремился также к единству мексиканцев всех оттенков кожи, для чего не только строго запретил бойцам своего отряда чинить грабежи, но и призвал индейцев и «цветных» в упомянутом декрете признать креолов соратниками в войне за независимость: «Поскольку белые первыми из представителей вице-королевства выступили с оружием в руках на защиту уроженцев селений и прочих каст, соединившись с ними, то по этой причине белые заслуживают нашей благодарности, а не ненависти...»⁴

Расхождения между хунтой Ситакуаро и Морелосом касались социальных вопросов и четко обозначились во второй половине 1813 г. К этому времени стало очевидно, что креольская верхушка не намерена менять своего отношения к восстанию, несмотря на преобладание в его руководстве выходцев из ее же среды, и что революционеры могли рассчитывать только на народ. Кроме того, внутри движения изменилось соотношение сил в пользу радикального крыла Морелоса. Это позволило ему объявить хунту во главе с Лопесом Районом утратившей легитимность и созвать новый конгресс в Чильпансинго, который

¹ El pensamiento político de México. T. 1. P. 162.

² El Congreso de Anahuac, 1813. México, 1963. P. 38.

³ Documentos de la Guerra de Independencia. México, 1945. P. 29; Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821. P. 96.

⁴ José María Morelos. Decreto de Tecpán (13 de octubre de 1811) // Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821. P. 30.

объявил себя Верховным национальным конгрессом Америки и наделил Морелоса полномочиями вождя революции.

Чильпансинганский конгресс сразу же отказался от имени Фердинанда VII, провозгласив независимость Мексики. Он установил разделение властей, упразднил подати и привилегии, отменил рабство и утвердил социальные заповеди революции, согласно которым издаваемые конгрессом законы должны были «обязывать к верности и патриотизму, умерять роскошь и нищету, так что будет повышен заработок бедняка, который получит возможность улучшить свои обычаи и освободиться от невежества, грабежа и воровства»¹. В октябре 1814 г. революционный конгресс в Апатсингане принял Конституционный декрет о свободе Мексиканской Америки. Документ мало чем отличался от буржуазно-либеральных конституций, уже знакомых на примере остальных стран Латинской Америки, что, видимо, связано с преобладанием в конгрессе представителей умеренного креольского крыла. Апатсинганская конституция декларировала государственный статус католической религии, принцип народного суверенитета, республиканский строй и принцип разделения властей, неприкосновенность личности, частной собственности и жилища, равенство перед законом, право на безопасность, приобретение и пользование собственностью, отмену наследственных привилегий, свободу предпринимательства, торговли и культуры, свободу слова и печати. Однако в одном пункте конституция все же отличалась от либеральных аналогов того времени. Она хотя и устанавливала непрямую систему выборов народных представителей, но не вводила имущественных и образовательных цензов для участия в выборах.

К концу 1815 г. объединенные силы испанских и креольских роялистов нанесли повстанческому движению существенный урон, Морелос попал в плен, был осужден и расстрелян. С этого момента широкое народное движение и вызванная им гражданская война в Мексике фактически завершились. В разных уголках страны еще действовали партизанские отряды патриотов, в частности на юге страны, где борьбу продолжал Висенте Герреро, а также в лесах и горах Веракруса, где сражался Гуадалупе Виктория. Но эти разрозненные отряды уже не пользовались прежней народной поддержкой, возглавлялись выходцами из буржуазных, в том числе высших, кругов общества и ставили перед собой главным образом цели буржуазного национального освобождения.

Какой же характер имело народное движение во главе с Идальго и Морелосом?

¹ El pensamiento político de México. T. 1. P. 168—169.

В поисках ответа попробуем примерить к нему критерии революционного демократизма. *Бескомпромиссная революционность?* Всеми учеными признается, что это движение было направлено против социального гнета. Революционного насилия в Мексике было тоже предостаточно, поскольку погибших в войне за независимость оказалось 600 тыс. человек, или 10% населения страны, львиная доля которых приходилась именно на 1810—1815 гг. *Искренний и глубокий демократизм?* Вряд ли подлежит сомнению, что отмена рабства, подушной подати индейцев и кастас, форм принудительной повинности в пользу частных лиц, возвращение отобранных у индейских общин земель, конфискация и распределение среди неимущих собственности богачей отвечали интересам именно широких масс трудящихся. Была ли у движения *устремленность к утопически-коммунистическим или эгалитарным идеалам?* Можно согласиться с учеными, которые ни у Идальго, ни у Морелоса не обнаружили идеалов утопического социализма. Однако об их стремлении к эгалитаризму говорят не только декларации, но и конкретные свершения обоих вождей. В доказательство приведем документ движения под названием «Политические меры». Он появился в ноябре 1813 г. и являл собой инструкцию отрядам освободительной армии о необходимых действиях в занятых ими районах: «Рассматривать в качестве врагов нации и приспешников партии тирании всех богатых, знатных и высших служащих, как гачупинов¹, так и креолов, потому как всем им их пороки и пристрастия дозволены европейской системой и законодательством». После занятия большого или малого населенного пункта войскам надлежало «собрать информацию о проживающем там классе богачей, знати и чиновников, дабы тотчас же отнять все имеющиеся у них деньги и движимое или недвижимое имущество, распределяя половину отнятого среди местных жителей-бедняков, дабы завоевать расположение возможно большего их числа, сохраняя другую половину для военной казны». Распределение отнятого имущества среди бедняков полагалось осуществлять поровну, «чтобы никто не обогатился больше других и чтобы все оказывались обеспеченными... семенами, скотом и т.п. Эта мера должна распространяться также на золото, серебро и другие драгоценности церквей... В указанных населенных пунктах следует разрушать таможни, сторожевые посты и другие королевские учреждения, сжигая архивы, за исключением церковных книг». Шестой пункт «Политического плана» гласил: «Сознавая, что для перестройки надо разрушить прошлое, необходимо без всякого сожаления и сокрытия предать огню все обнаруженные... заморские предметы». Седьмой пункт

¹ Так в Мексике презрительно называли уроженцев Испании.

давал указание конфисковывать и делить «все крупные асьенды, обрабатываемые земли которых превышают две квадратные лиги, так как реальная польза от земледелия в том, чтобы многие посвящали себя обработке отчужденного мелкого участка, который бы они могли содержать своим трудом и умением». Особая важность придавалась разрушению всех плотин, водных каналов, домов и других построек «богатых асендадо, креолов или гачупинов», и далее (пункт восьмой): «Должно сжигать также найденный табак, будь то в сыром или обработанном виде, внушая населению, чтобы оно освобождалось от этого столь отвратительного и вредного для здоровья порока». Наконец, все перечисленные методы предписывалось использовать «в отношении рудников, разрушая их оборудование и хранилища металлов, не оставляя ни следа», а также «сахарных инхеньо, ибо все, что нам пока нужно, это зерновые и другое продовольствие первой необходимости, дабы поддерживать жизнедеятельность и не пускаться в высшие проекты». В заключение выражалась уверенность в том, что если план «будет в точности выполнен, то победа будет за нами»¹.

Таким образом, эгалитарные устремления, несомненно, тоже были присущи движению Идальго и Морелоса. Поэтому оно отвечает всем критериям революционного демократизма и может быть оценено именно как революционно-демократическое.

В каком же отношении это революционно-демократическое движение находилось к собственно буржуазной войне за независимость?

Поскольку в Мексике с самого начала освободительной революции явно обозначился разрыв между креольской верхушкой и народными массами, в историографии за движением креольской верхушки, в лучшем случае, признается стремление к «политической независимости». В отношении же движения Идальго и Морелоса сложились два разных подхода. Одни ученые видят в нем и борьбу за независимость, и радикальную буржуазную революцию (М.С. Альперович). Другие же, ссылаясь на уважительное отношение индейцев к далекому заморскому монарху и непонимание участниками восстания собственно понятия «независимость», «смысл которого был ясен лишь последующим поколениям мексиканцев», усматривают в нем «настоящую социальную революцию» (Дж. Линч).

В вопросе об отношении народного движения к независимости, если брать именно отношение масс, а не вождей, вторая из приведенных точек зрения более обоснованна. Ее подтверждают не только письмо Альенде Идальго о необходимости скрывать от народа стремление револю-

¹ José María Morelos. Plan Político//Pensamiento político de la Emancipación. Caracas, 1977. T. 2. P. 56—57.

ционеров к независимости, но и еще два документа Лопеса Района по поводу провозглашения независимости Чильпансинганским конгрессом в 1813 г. В представлении этому конгрессу Лопес Район описывает горький опыт Идальго, который имел неосторожность заявить в 1811 г. о намерении объявить полную независимость от испанского трона. В результате этого, писал Лопес Район, из его отрядов началось массовое дезертирство и переход на сторону врага множества его бывших бойцов, которые даже пытались захватить Альдаму и других видных руководителей. А когда Идальго и другие революционеры оказались в плену и были доставлены в Монклову, то массы народа встретили кортеж криками «Да здравствует Фердинанд VII!» и требовали головы революционеров. В личном письме Морелосу от 31 октября 1814 г. Лопес Район, повторив рассказ об опыте Мигеля Идальго, добавляет: «Последующие превратности войны покрывали Родину то славой, то унижением, но, оставаясь неизменными в своих первоначальных чувствах, народные массы не склонили головы перед игом угнетателей, но и не проявили ни малейшего признака отказа от любви к авторитету Фердинанда. Все это я наблюдал лично целый год, в течение которого объездил большую часть основных провинций вице-королевства, и, зная, что таковым было всеобщее настроение, я настоял на том, дабы в Ситакуаро хунта решила править от имени Фердинанда VII. Этим мы сумели поднять революцию и атаковать наших врагов в их собственных редутах... Но допустим, что мы в конце концов побеждаем угнетателей. Несложный расчет показывает, что наше положение окажется слабым и уязвимым, и тогда огромная масса индейцев, до сих пор пребывающая в покое и единстве с остальными американцами от сознания, что речь идет лишь о ликвидации произвола властей, но не о выходе из-под правления Фердинанда VII, с объявлением независимости начнет укрепляться, и, обученные опытом нынешней борьбы, они тогда предпримут усилия по реставрации своих древних монархий, как того в прошлом году дерзко потребовали тлакскальтеки в меморандуме на имя светлейшего господина Морелоса...»¹

Наверное, можно согласиться с Дж. Линчем и в том, что в революционно-демократическом движении Идальго и Морелоса содержалась возможность «настоящей социальной революции». Но остается все же вопрос, была ли эта «настоящая» революция буржуазной, тяготел ли мексиканский революционный демократизм к буржуазному либерализму, осуществлял ли он «плебейским способом» всего лишь «вспомогательную» роль в собственно буржуазной революции.

¹ Presencia de la Secretaria de Gobernación en el Año de la Patria. 1960. México, 1960 P. 1. P. 100—105.

Буржуазно-либеральной, притом как в смысле ниспровержения существующей власти (колониальной администрации), так и в смысле разрушения старых отношений (замена меркантилистской системы свободой торговли и предпринимательства, а также трансформация на основе этого главного принципа либерализма всей совокупности общественных отношений в направлении рыночной экономики, гражданского общества и правового государства), — такой мексиканская революция скорее всего должна была стать по замыслу затевавших ее креольских заговорщиков. И в ней народным массам заранее отводилась, как верно заметил Дж. Линч, роль пушечного мяса. Но эти планы разрушили сами народные массы, в первую очередь индейская беднота, которая выступила против богачей в целом, не различая испанцев и креолов, и развязала свою собственную социальную революцию, увлекая за собой Идальго и даже Морелоса. С самого начала и до конца первого этапа войны за независимость (1810—1815) два разных классовых движения, две разные по составу и по целям движущие силы — буржуазно-либеральная и народная, демократическая — не слились воедино, а, наоборот, столкнулись между собою.

Это обстоятельство заставило отвернуться от революции большинство креольской верхушки, которая объединила усилия с колонизаторами для разгрома мексиканского революционного демократизма. Весьма точную характеристику ее поведению дал мексиканский епископ-реформатор Абад-и-Кейпо, который в 1815 г. писал Фердинанду VII: «Господствующая раса из числа уроженцев страны плела и постоянно плетет заговоры против европейцев, то есть против... метрополии. Если Испания и утратит свои заморские владения, то именно это станет тому первопричиной. Правда, при нынешнем восстании сохранили верность некоторые провинции, а наиболее знатная и богатая часть в Новой Испании почти вся выступила за правое дело и сражалась с повстанцами и своим богатством, и своею кровью. Но сей факт не устраняет указанную первопричину, а лишь доказывает, что просвещенные и здравомыслящие мексиканцы сражаются против восстания, ибо уверены, что если бы оно победило, то неизбежно наступила бы ужасная анархия, как в Сан-Доминго, которая с необходимостью вылилась бы в разорение страны»¹.

Движение Х.Т. Бовеса в Венесуэле

Приватизация земли и скота в льяносах Венесуэлы началась еще во второй половине XVIII в. Она включала «чистку» льяносов от индейцев-кочевников, беглых негров-рабов и изрядного чис-

¹ *Abad y Queipo. Memorial al Monarca* (20 de Julio de 1815)// *Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808—1821*. P. 20.

ла свободных охотников на одичавший скот — так называемых льянеро. Освобожденные земли тут же захватывались богатой креольской верхушкой Каракаса, представители которой, как правило, являлись и крупнейшими плантаторами-рабовладельцами страны. С началом войны за независимость процесс приватизации бывших королевских земель, т.е. вытеснения народной собственности частной, был значительно ускорен «Ордонасами льяносов провинции Каракас» (1811 г.), которые объявили землю и скот священной частной собственностью, а льянеро — бродягами и ворами, подлежащими всевозможным наказаниям, вплоть до смертной казни. На этом же этапе войны в силу экономической необходимости креольские революционеры сочли возможным ограничить лишь работорговлю, но не само рабство негров, и не провозгласили даже декретов о «свободном чреве», принимавшихся в других странах. Зато они развязали непримиримую борьбу с беглыми рабами, создав в этих целях специальную национальную гвардию, отлавливавшую беглецов в том числе в льяносах. Они, видимо, полагали, что оккупация Испании французами и обладание монополией на оружие (ополчением) в самой колонии помогут быстро справиться с сопротивлением «низов».

Этим буржуазные революционеры спровоцировали, с одной стороны, крупные негритянские восстания под лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!», а с другой — крупнейшее восстание льянеро 1813—1814 гг. во главе с Бовесом, которое практически без помощи испанских подкреплений сокрушило креольскую освободительную революцию.

В российской историографии до сих пор тиражировалась лишь точка зрения венесуэльских либералов, которые свели причины восстания к умелому разжиганию испанцами классовой и расовой ненависти к креольским революционерам среди самой отсталой, забитой и темной массы населения. Восстание изображалось кровавой оргией «многочисленных банд... полудиких пастухов-льянеро... обманутых демагогическими обещаниями роялистов и подстегиваемых классовой ненавистью», которые «поголовно уничтожали не только военнопленных, но и гражданское население, не считаясь с полом и возрастом жертв» (М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин).

На самом же деле движение льянеро носило глубоко народный характер, объединив в своих рядах ограбленное население льяносов — пеонов, рабов, беглых негров и, конечно же, свободных охотников на одичавший скот. Пастухи-льянеро представляли собой грозную в военном отношении силу. Однако по-настоящему могучим их движение стало лишь тогда, когда его сумел сплотить и направить обижен-

ный революционерами бывший испанский офицер Хосе Томас Бовес. Он ввел знаменитые «квитанции на собственность».

На основании «квитанций на собственность» повстанцы получили дома и скот, а не землю. В свете этого многие ученые, привыкшие к европейским представлениям, приходят к выводу, будто движение Бовеса вовсе не ставило вопрос об аграрной реформе. На самом же деле преимущество скотоводства в аргентинской пампе или венесуэльских льяносах по сравнению с европейским животноводством как раз и заключалось в том, что бескрайние земельные просторы с девственным плодородием почв и обилием естественных кормов находились в общем пользовании. При таких экстенсивных формах скотоводства богатство (средства производства) составляла не земля (при условии, что земельные владения не огораживались, как это имело место в Латинской Америке почти до конца XIX в.), а именно скот. По этой причине экстенсивное скотоводство не может подчиняться законам земледелия, и аграрная реформа в нем не может означать то же самое, что и при земледелии — раздел крупных поместий на крестьянские parcelлы. Кроме того, нельзя забывать, что «Ордонансы льяносов» осуществляли буржуазную аграрную реформу, разрушая старое общественное отношение — народную собственность и заменяя его новым — частной собственностью кучки крупнейших земле- и скотовладельцев. Следовательно, применительно к условиям Венесуэлы конфискация скота и другого имущества у землевладельцев-креолов и их распределение среди льянеро в сумме с возвращением льяносам их прежнего качества «народной собственности» представляло собой отмену буржуазных аграрных преобразований и проведение крестьянской аграрной реформы (или контрреформы, что в сущности то же самое).

Как и любое вооруженное восстание «низов», движение во главе с Бовесом сопровождалось грабежами, насилием, убийствами. Хотя сам Бовес пытался направить гнев льянеро только против креолов, рядовые повстанцы развязали классовую борьбу и против испанских угнетателей. Иное дело, что подавляющее большинство латифундистов-скотоводов являлись креолами, поэтому и досталось им больше других.

Тем не менее массовыми расправами над латифундистами и членами их семей движение Бовеса доказало свою *бескомпромиссную революционность*, т.е. готовность народных масс Венесуэлы «бороться против... гнета любыми, в том числе насильственными, средствами». *Искренний и глубокий демократизм?* Конфискация имущества угнетателей, фактическая отмена буржуазной частной собственности в льяносах и возвращение их снова в народную собственность и многое другое не оставляют сомнений в том, что это движение последовательно и самоотверженно защищало интересы трудящихся. *Утопиче-*

ски-социалистические или эгалитарные идеалы? Как минимум эгалитаризм хорошо просматривается в возвращении льяносов снова в народную собственность, доступную, как в прежние времена, всем жителям страны, проглядывается также в конфискациях и перераспределении посредством «квитанций на собственность» имущества латифундистов и их скота как основного средства производства и т.д.

Таким образом, по всем критериям массовое и глубоко народное движение под руководством Х.Т. Бовеса выступает отнюдь не оргией полудиких бандитов, а самым настоящим *революционно-демократическим движением*.

Сопоставление двух революционно-демократических народных движений — Идальго и Морелоса в Мексике и Бовеса в Венесуэле — невольно наталкивает на размышления. Ведь оба движения и по составу, и по целям, и по методам их реализации, и даже по расправе над представителями одного и того же класса латифундистов (преимущественно креольских) по сути дела идентичны. Оба движения не на словах, а на практике осуществляли радикальные социально-экономические преобразования в интересах самых широких слоев трудового народа, в том числе и аграрную реформу. И несмотря на это тождество, отечественная историография дает противоположные оценки: самые последовательные буржуазные революционеры в мексиканском случае и банды головорезов — в венесуэльском.

Здесь очевидна абсолютизация значения лозунга независимости, т.е. формы, взятой совершенно в отрыве от того реального содержания, которое вкладывали в него массы. Вспомним, откуда взялся и какое воздействие на народное движение в Мексике оказал лозунг независимости. Как ни велик был соблазн у революционеров, а также у историков представить его исторгнутым из самой гущи народа, приведенные выше факты ясно указывают на то, что вовсе не этим лозунгом руководствовались в своей борьбе народные массы. То же самое в сущности происходило и с народным движением 1813—1814 гг. в Венесуэле. Ни роялистские руководители в Венесуэле, ни креольские вожди в Мексике не смогли «оседлать» народную борьбу и удержать ее в узде своих интересов.

Все это подсказывает, что лозунги — будь то «Да здравствует независимость!» или «Да здравствует король!» — слишком ненадежная основа для определения характера народного движения, тем более в случае явлений одного и того же порядка. Это говорит также о том, что народные массы имеют собственные интересы, чаяния, устремления и осуществляют их в том числе под чужим флагом, даже если знаменосцы искренне при этом верят, что поднятое ими знамя и есть реальная программа народного действия.

Таким образом, освободительную борьбу мелкопарцельного крестьянства и городских «низов» Латинской Америки необходимо оценивать не с точки зрения тех, кто пытался всучить им свои знамена, а по их реальным интересам и реальной практике развития этой борьбы. Разумеется, эти интересы во все времена состояли в земле, скоте и прочих средствах производства и условиях жизни, в обзаведении мелкими хозяйствами и т.п. Но, во-первых, ради собственных интересов это крестьянство, подобно неграм-рабам на Гаити ради завоевания свободы, могло и сражаться на стороне национальных революционеров (Мексика 1810—1815 гг.), и душить национально-освободительную революцию под лозунгами «Да здравствует Фердинанд VII!» (Венесуэла 1813—1814 гг.), и громить креольских революционеров вкупе с роялистами под самостийными флагами (монтонера на Ла-Плате 1810—1835 гг.). А во-вторых, стремление к обзаведению мелким крестьянским хозяйством вовсе не тождественно тяге (даже объективной) к американскому пути.

Этот последний тезис наилучшим образом проверяется революционной практикой в Парагвае.

Парагвайская революция 1810—1870 гг.

Со времени колонизации Парагвай, одна из провинций Рио-де-ла-Платы, отличался значительным своеобразием. Во-первых, на его территории не было найдено никаких богатств, которые бы имели ценность для конкистадоров. Поэтому страна с начала конкисты использовалась как перевалочный пункт, находилась на задворках колониальной империи, ничего в метрополию не вывозила. Во-вторых, индейское оседлое земледельческое население, представленное племенами гуарани, хотя и находилось на стадии первобытнообщинного строя и матриархата, не истреблялось так, как в Карибском бассейне, и оказало большое влияние на формирование парагвайской нации.

Поскольку в стране не сложилось крупное экспортное хозяйство, испанские конкистадоры основывали здесь сравнительно мелкие земледельческие хозяйства — чакры, предназначенные для пропитания самих конкистадоров. Главной рабочей силой в таких чакрах являлись женщины-гуарани, обычно 10—20 работниц на хозяйство, хотя некоторые конкистадоры имели и до 70 работниц. Одновременно из-за оторванности Парагвая от испанского сообщества Америки эти женщины были наложницами конкистадоров и матерями их многочисленных детей. Родившиеся от таких связей метисы, которых в Парагвае по причине почти полного отсутствия чистых потомков испанцев называли креолами, воспитывались матерями-индеанками, усваивая не

только испанский язык, но и гуарани¹, а по достижении совершеннолетия становились самостоятельными владельцами чакр — *чакареро*.

В эпоху господства в Парагвае иезуитов (1610—1767) индейцы были сведены в 30 редукций, в которых миссионеры позаботились о создании экспортного хозяйства, главным образом плантаций йерба-мате². Отсюда вывозили в остальные провинции Рио-де-ла-Платы и почти во всю Южную Америку парагвайский чай. Миссии составляли отдельное административное образование, возглавляемое отцами-иезуитами, и ко времени изгнания Ордена Иисуса из Америки там проживали 90 тыс. гуарани. На остальной территории Парагвая по-прежнему преобладали мелкие и средние чакры.

С ликвидацией иезуитского Ордена в 1767 г. мелкокрестьянская структура Парагвая даже упрочилась. Уже в 1785 г. испанцы, креолы и метисы, подавляющее большинство которых были именно мелкими *чакареро*, насчитывали 52 496 человек (72% населения провинции), мулаты и вольноотпущенные негры — 6667 (9%), рабы — 3843 (5%), индейцы — 10 тыс (13%). Редукции некоторое время еще сохранялись в первозданном состоянии. Но в 1803 г., обосновывая «уравнительное» давление креольского сообщества на общинную организацию гуарани, советник вице-короля Рио-де-ла-Платы Мигель Ластарриа настоятельно рекомендовал монарху предоставить индейцам свободу, передать им наделы в редукциях в частную собственность, ввести у них патриархат и установить торговлю между ними и испанцами. «После всего этого, — заключал Ластарриа, — мы даже можем покинуть их, но, поскольку вследствие искоренения нынешней общинной системы останутся свобода, собственность и неприкосновенность личности, они никогда не придут к худшему состоянию, нежели то, в котором пребывают сегодня»³. Идя навстречу этим пожеланиям, король декретировал предложенную реформу во всех 30 бывших иезуитских миссиях, а парцелляция общинной собственности в свою очередь ускорила процесс метисации индейцев и их интеграцию в креольско-метисное сообщество Парагвая.

Таким образом, за 300 лет колониализма здесь сложилась экономика с преобладанием свободного мелкокрестьянского хозяйства и сформировалось весьма однородное общество как в социальном (в большинстве мелкие крестьяне), так и в этническом отношении (в ос-

¹ В современном Парагвае на гуарани говорят от 80 до 95% населения, между тем как на испанском — только половина.

² Йерба-мате, или парагвайский чай, по сей день является излюбленным тонизирующим напитком жителей значительной части стран Южного конуса — Аргентины, Парагвая, Уругвая, Бразилии и Чили.

³ Documentos para la historia Argentina. Buenos Aires, 1914. Т. 3. Р. 45—46, 50.

новном креолы-метисы). Из-за отсутствия в стране крупных латифундий парагвайская буржуазия в сельской местности состояла из плантаторов и скотоводов средней руки, а в главном городе провинции Асунсьоне — из торговцев и интеллигенции.

Как и остальные латиноамериканские колонии, Парагвай тоже испытывал иностранный гнет. Но осуществляла его не столько метрополия, сколько гораздо более крупная и мощная, чем парагвайская, торговая буржуазия Буэнос-Айреса. Парагвайская буржуазия была обречена на тесные отношения с Буэнос-Айресом, через который вывозилась основная часть ее экспорта; посредническая функция столичных купцов позволяла им наживаться за счет парагвайцев.

Однородная крестьянская масса Парагвая по самой своей природе, даже не подозревая о существовании Руссо и других просветителей, тяготела к равенству. Но не формальному, а фактическому. Она испытывала тягу и к демократии. Но в ее подлинном значении — как народовластия, суверенитета именно народа, а не горстки богатейших «человеков и гражданов». И с началом Майской революции на Ла-Плате эта масса безошибочно распознала в либералах (тоже в истинном, а не вульгаризированном значении) Буэнос-Айреса не своего естественного союзника, а своего злейшего и опаснейшего врага.

В 1810 г. парагвайское крестьянство внесло большой вклад в разгром «освободительной» экспедиции генерала Бельграно из революционного Буэнос-Айреса. В мае 1811 г. оно приняло активное участие в свержении испанских провинциальных властей. Но крестьяне понимали, что при всех торговых противоречиях с Буэнос-Айресом парагвайская буржуазия не могла развиваться без тесных связей со столицей, а значит, была склонна и к сговору с тамошними либералами. Все эти чаяния и страхи порождали в парагвайском крестьянстве жгучую потребность в собственном Робеспьере, каковым и стал выдающийся политический деятель Парагвая Хосе Гаспар Родригес де Франсия (1766—1840).

Он родился в семье артиллерийского капитана и торговца табаком родом из Бразилии, его мать принадлежала к креольской знати Асунсьона. Франсия обучался в престижных колледжах францисканцев и доминиканцев, в 1785 г. окончил Кордовский университет, получив степень доктора теологии, и с тех пор предпочитал называться «доктором Франсией». После недолгого преподавания латыни и теологии, он многие годы занимался адвокатской деятельностью и одновременно изучал философию Декарта и французских просветителей, в особенности Руссо и Монтескье. С 1808 г. доктор Франсия как один из лучших юристов и самых образованных людей Парагвая вошел в руководство кабилдо Асунсьона.

Первоначальный состав учрежденной в июне 1811 г. Правительственной хунты отразил ведущую на данном этапе роль буржуазии: ее возглавил эстансьеро Фульхенсио Йегрос, а Франсия как будущий вождь мелкопарцельного крестьянства и городских ремесленников стал лишь одним из четырех членов хунты. Между двумя классами парагвайского общества сразу же развернулась борьба по вопросу о статусе провинции и ее отношениях с Буэнос-Айресом. Буржуазия была готова поддержать конфедерацию при условии полного равноправия сторон. В октябре Парагвай подписал соглашение с Буэнос-Айресом о свободе речного судоходства, после чего парагвайская буржуазия, включая Йегроса и нескольких членов правительства, начала склоняться к поддержке столичных либералов. Самостоятельное развитие провинции отстаивали мелкие чакареро.

Пока Буэнос-Айрес позволял свободно вывозить йерба-мате и табак по рекам и дела парагвайской буржуазии шли успешно, ее представители в хунте имели преобладающее влияние. Франсия тем временем держался в тени, дважды выходил в отставку, хотя и вел большую работу по завоеванию поддержки «низов». Но в 1812 г. Буэнос-Айрес ввел ограничения на судоходство и обложил парагвайский вывоз таможенными пошлинами и налогами. С этого момента буржуазия начала нести убытки, постепенно утрачивая экономическую и политическую инициативу. Тогда-то и настал час Франсии.

В качестве члена Правительственной хунты доктор Франсия при поддержке народных масс провинций осуществил решительную подвигу власти, добившись к середине 1813 г. высылки из Парагвая наиболее искушенных в политике представителей буржуазии в правительстве, обвиненных в стремлении подчинить страну господству Буэнос-Айреса. Первый в истории Парагвая избранный Национальный конгресс в 1813 г. еще сохранил двоевластие, назначив одним правительственным консулом Франсию, а другим — Йегроса. Но уже второй Конгресс, в котором депутаты на 80% являлись крестьянами, в октябре 1814 г. положил конец двоевластию и установил суверенитет народа (без кавычек), приняв решение о самороспуске Конгресса и о возведении Франсии сроком на пять лет в ранг Верховного диктатора Парагвайской Республики. Иными словами, наделили Франсию диктаторскими полномочиями именно крестьянские депутаты. Достоинство крестьянства и мотивировка решения, ибо депутаты исходили из того, «сколь обременительным является для народа» содержание парламента и что заседать в нем приходится в такую пору, когда «сельские люди посвящают себя... достойному занятию земледелием». Через 2 года Верховный созвал новый Конгресс, дабы утвердиться на посту пожизненно. И опять же единодушным голосованием всех депутатов, приняв

во внимание «полное доверие, какое заслужил у народа гражданин Хосе Гаспар Франсия», конгресс утвердил Верховного в пожизненной должности, постановил распустить конгресс и впредь созывать его лишь тогда, когда «диктатор сочтет это необходимым»¹.

Получив из рук крестьянства неограниченную власть, диктатор до самой смерти в 1840 г. так ни разу и не счел нужным созвать Конгресс и посоветоваться с депутатами. Его действия были направлены на укрепление режима личной власти. Чувствуя приближение своего конца, буржуазия сделала отчаянную попытку выжить и осуществить термидор, для чего организовала в 1820 г. заговор «золотой молодежи», выходцев из ста богатейших семейств, с целью убийства Верховного. Организация заговорщиков была раскрыта и разгромлена: 16 ее главарей расстреляли, около 300 человек арестовали, все их имущество было конфисковано. Семьи заговорщиков тоже преследовались, а выжившие в ходе репрессий остатки буржуазии Франсия сослал в глухие селения, где они были полностью отстранены от политики и внешнего мира и постепенно доведены до нищеты.

Сетуя на то, что в стране недостает людей, способных выполнять служебные обязанности, Франсия окружил себя послушными исполнителями собственной воли и создал бюрократический аппарат, функционировавший сверху вниз. Его министры финансов и внешних сношений были почти простыми делопроизводителями, чиновники сельских районов не могли ни в малейшей степени отступить от указаний Верховного. Со временем бюрократические структуры вытесняли представительные и в других ветвях власти. В 1824 г. Франсия упразднил выборные кабиљдо (муниципалитеты). Судопроизводство в провинциях сосредоточилось в руках уполномоченных судей, простых назначенцев диктатора, а при сколь-нибудь серьезных проступках приговор выносил Верховный без предварительного следствия, судебного разбирательства, права апелляции и прочих формальностей.

Большую роль в жизни страны играли репрессивные органы. После заговора 1820 г. в армии не осталось офицеров старой школы, их заменили выходцы из «низов», готовые выполнять любые приказы Верховного. Тайная полиция сплела в обществе такую широкую сеть осведомителей, что у очевидцев складывалось впечатление, будто одна половина парагвайцев следит за другой. В стране не издавались газеты и книги, а для проезда из одной части страны в другую требовались специальные пропуска.

Постепенно на Парагвай опустился и «железный занавес», страна, ревностно охранявшая свою независимость от Аргентины и Бразилии,

¹ *Mariñas Otero L.* Las Constituciones del Paraguay. Madrid, 1978. P. 121. 125—126.

полностью изолировалась от внешнего мира. Многократно сократилась ее внешняя торговля, прекращались дипломатические отношения с другими государствами, церковь была полностью подчинена государству и утратила всякие связи с Ватиканом. Парагвайцам запрещалось не только выезжать из страны, но даже и обмениваться корреспонденцией с границей. Всякий въезжавший в страну иностранец тщательно допрашивался и в случае возникновения малейших подозрений тут же интернировался. Такая участь постигла, например, известного французского натуралиста Эме Бонплана, который, попав в Парагвай, несмотря на протесты многих правительств Европы и Америки, смог покинуть страну лишь 9 лет спустя.

Сделаем в этом месте изложения паузу, чтобы отметить важный момент. Не только во всей Латинской, но и в Америке в целом невозможно найти страну, которая бы лучше Парагвая отвечала критериям американского пути (ведь на юге США господствовало рабовладельческое плантационное хозяйство). Как нигде более, парагвайское крестьянство сыграло в революции выдающуюся роль. Потому эта революция, как никакая другая в Иberoамерике, должна была бы отвечать канонам «якобинской» схемы и породить «самые-самые» буржуазные результаты. Тем не менее итоги ее, как отчасти уже видно из рассмотренного материала, оказались абсолютно другими.

Это расхождение между постулатами общей теории буржуазных революций и реальной практикой в Парагвае обусловило и серьезные разногласия между учеными в оценке парагвайской революции. В уже рассмотренных деяниях революции явно проступают *бескомпромиссная революционность и искренний и глубокий демократизм*. Потому многие историки, в том числе В.М. Мирошевский, характеризовали режим Франции именно как «революционно-демократическую диктатуру»¹. Но М.С. Альперович выстроил концепцию войны именно на «якобинской» схеме, а она требовала искать в революции разрушение феодализма или его остатков. Поскольку в Испанской Америке искоренение латифундизма состоялось только в Парагвае (и на Гаити), то, по мнению ученого, именно «в деятельности парагвайского диктатора особенно отчетливо и наглядно проявились... черты освободительного движения американских колоний Испании»². Так парагвайская революция оказалась своеобразной незавершенной буржуазной «революцией сверху». Поскольку тезису о «самой-самой» буржуазной революции в Парагвае слишком очевидно противоречит реально воз-

¹ Мирошевский В.М. Указ соч. С. 68—81

² Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 338—339.

никший из нее общественный строй, то главную черту этого строя — тотальное подчинение государству всех сфер жизни парагвайского общества — пришлось назвать неким «проявлением *своего рода этатистской тенденции*»¹ (курсив наш. — Авт.).

Сформулируем неудобные вопросы заново. Какой строй вырос из парагвайской революции? Какой характер имела революция? И что это за своего рода этатистская тенденция там и тогда, где и когда буржуазные революции обеспечивали переход к капитализму свободной конкуренции с его государством в роли «ночного сторожа»?

Подчеркнем лишь те черты общественного строя Парагвая, которые имеют существенный характер и признаются всеми историками, включая М.С. Альперовича.

В результате революции в Парагвае был установлен государственный контроль и даже монополия во внешней торговле. Внутри страны частная торговля была низведена до уровня городского базара, а остальные звенья обмена и распределения также огосударствлены. Государство диктовало цены, создавало свои магазины, нормировало отпуск дефицитных товаров и бесплатно распределяло среди бедняков скот, одежду, продовольствие, домашнюю утварь и т.п., чтобы подтянуть их к среднему уровню. Иными словами, торговая политика Верховного была *полной противоположностью принципу свободы торговли*.

Все ученые отмечают тотальное вмешательство государства в производственную сферу. Оно воплотилось, во-первых, в создании государственного сектора, занявшего ключевые позиции во всех отраслях. В сельском хозяйстве широко известны 64 эстансии родины — крупные государственные скотоводческие хозяйства, вроде совхозов в бывшем СССР, обеспечивавшие страну мясом, кожевенным сырьем и т.д. В обрабатывающей промышленности создавались казенные мануфактуры. Кроме того, непосредственная хозяйственная деятельность государства проявилась в крупномасштабных общественных работах по строительству и обустройству городов, мостов, железной и шоссейных дорог, каналов и т.п. (Кстати, на государственных предприятиях и общественных работах трудились не только наемные рабочие, но также негры-рабы и особенно заключенные, быть может, тоже «враги народа».) Во-вторых, мелкий крестьянский и ремесленный секторы также находились под жестким контролем государства, которое устанавливало, сколько, чего и почем производить, а качество в изготовлении изделий «стимулировалось» в том числе и репрессивными мерами (доктор Франсия любил лично посещать воскресные ярмарки в Асунсьоне, проверяя цены и качество товаров).

¹ Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае. С. 342.

Единодушны ученые в оценке радикальнейшей аграрной реформы правительства Франции. Она, во-первых, состояла в экспроприации владений церкви и монашеских орденов, всех испанских и почти всех креольских помещиков, в национализации конфискованных и бывших королевских земель в Парагвае (а это едва ли не 98% территории страны). За счет части национализированного фонда создавались государственные хозяйства. Другая часть предоставлялась безземельным и малоземельным крестьянам в бессрочную аренду за символическую плату, но с обязательством возделывать арендуемые участки, в том числе засевать теми культурами, какие указывало государство, и без права продажи полученной земли. (Это очень напоминает аграрную реформу в России по Декрету о земле 1917 г.)

Скудные, но равные материальные условия жизни парагвайцев дополнялись духовным равенством. Парагвай первым в Латинской Америке ввел обязательное и бесплатное начальное образование, Франция проявлял заботу о строительстве школ и материальном обеспечении учителей. И современники свидетельствовали, что в Парагвае крайне редко можно было встретить мужчину, не умеющего читать и писать. Но дать большего всем государство было не в состоянии, а более высокий уровень образования для некоторых нарушал равенство и увеличивал число диссидентов. Видимо, поэтому Франция и ликвидировал в 1822 г. все среднее и высшее образование в стране.

Таким образом, в Парагвае времен доктора Франции утвердилось не свобода торговли и предпринимательства, а ее прямая противоположность — тотальное огосударствление и торговли, и производства, т.е. то, что еще недавно имело место в нашей стране и называлось административно-командной системой. Фундамент общественных отношений Парагвая составляла не буржуазная частная собственность (каковая практически исчезла), а ее противоположность — общенародная, государственная собственность. Даже когда часть ее отдавалась в бессрочную аренду мелкокрестьянскому и кустарному сектору, она и тогда оставалась под неусыпным контролем государства. Полностью огосударственной оставалась и финансовая сфера страны. Вольнонаемный труд, конечно же, использовался и в Парагвае (как использовался он в любой стране «реального социализма»), но основу трудовых отношений составлял все же не он, а труд самостоятельных крестьян и ремесленников, негров-рабов и заключенных (кстати, труд рабов и заключенных в идеальном государстве не исключал Томас Мор¹, а место ГУЛАГа в трудовых свершениях сталинских пятилеток общеизвестно).

¹ См.: Мор Т. Утопия. М.; Л., 1947. С. 162—176.

Во всем Новом Свете конца XVIII—начала XIX в. аналог экономическому строю, созданному парагвайской революцией, можно найти только в государственном плантационном хозяйстве на Гаити времен Дессалина. Но зато в XX в., несмотря на столетнюю дистанцию, его существенные черты просматриваются повсюду, где процветал «реальный социализм». Своего рода этатистская тенденция на самом деле не только не являлась «особенно отчетливым и наглядным проявлением черт освободительного движения американских колоний Испании», но, даже наоборот, не имела ничего общего с капиталистической рыночной экономикой, создававшейся преобразованиями в других странах Иberoамерики, являясь ее отрицанием и прямой противоположностью.

Напротив, та общественно-политическая надстройка, которая, по мнению М.С. Альперовича, «не только не имела ничего общего с демократией, но и являлась ее противоположностью и отрицанием», в действительности представляла собой демократию в ее самом что ни на есть подлинном значении¹. Ведь демократия — это власть народа, и ее конкретное выражение зависит от устанавливающего ее народа, от того, как данный народ понимает народовластие. Выше отнюдь не случайно заострялось внимание на том факте, что возвело к власти и наделило Франсию чрезвычайными полномочиями именно парагвайское крестьянство, считавшее непозволительной роскошью для народа содержать парламент и заседать в нем во время посевной и уборочной страды. Крестьяне же вообще, как очень тонко подметил Маркс на опыте Франции середины XIX в., тем и отличаются от буржуазии, что они «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество»². Конечно, не одно только крестьянство обладает подобными свойствами. Но сходство режима доктора Франсии, созданного не столько Верховным, сколько самим крестьянством, с «реальным социализмом» при Сталине, Мао, Ким Ир Сене и др., вероятно, указывает на то, что иным социализм и не мог быть в крестьянских странах, во всяком случае — пока они таковыми оставались.

¹ Ведь народовластие без кавычек выразилось и в отсутствии в стране имущественных, образовательных и прочих цензов, какие мы видели в остальной Иberoамерике.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208.

В свете сказанного гораздо отчетливее проступает та грань, которая делает Франсию тираном для историков либерального направления и демократом — для марксистов. Ибо первые, говоря об отсутствии в Парагвае демократии (народовластия) и о страданиях народа, понимают под этим народом горстку «человеков и гражданов», т.е. буржуазию. Вторые же, не отрицая диктаторской формы режима, говорят о защите им интересов совсем другого народа — народа без кавычек, подавляющего большинства населения.

Таким образом, парагвайская революция имела своей главной движущей и руководящей силой мелкопарцелльное крестьянство. Она утвердила в стране общественный строй, покоившийся не на свободе торговли и предпринимательства, а на огосударствлении торговли и производства, не на буржуазной частной собственности, а на собственности государственной в сочетании с собственностью мелких крестьян и ремесленников, не на формальном, а на фактическом равенстве парагвайцев. В качестве надстройки над этим обществом была возведена не буржуазная республика (или конституционная монархия), а тоталитарная диктатура, подавлявшая личность отдельного человека и гражданина в интересах большинства. Следовательно, такая революция не может называться не только «самой-самой» буржуазной, но и буржуазной вообще. Скорее всего парагвайская революция являлась подлинно народной, демократической, а выросший из нее общественный строй — разновидностью крестьянского «реального социализма».

Отсюда вытекает и вывод об отношении революционной демократии к буржуазному либерализму. Режим доктора Франсии умер вместе с ним в 1840 г., но созданный революцией общественный строй с некоторыми изменениями сохранялся вплоть до 1870 г. Однако же на протяжении всех 56 лет (1814—1870) парагвайский революционный демократизм ни разу и ни в малейшей степени не проявил тяготения к буржуазному демократизму и либерализму, а также к общественным отношениям последовательно буржуазного характера. Напротив, народ Парагвая был весьма доволен своим существованием, боялся, но и чтит Верховного, а потом и его последователей, а главное — был готов на величайшие жертвы, чтобы защитить созданный строй от посягательств именно буржуазных либералов — как своих, так и соседних государств. И потому, чтобы осуществить экспорт собственно буржуазно-либеральной революции в Парагвай и вернуть его на «столбовую дорожку развития Латинской Америки», либералам двух южноамериканских гигантов, Аргентины и Бразилии, пришлось уничтожить в войне 1864—1870 гг. от 3/4 до 6/7 населения страны, включая и мальчиков старше 12 лет.

§ 4. Содержание, характер и движущие силы войны за независимость

В результате испанской и португальской колонизации осуществлялись не только грабежи. Как и повсюду в Новом Свете, ибероамериканские колонии с самого начала создавались как сырьевая периферия Европы, и с помощью европейских капиталов в них складывались экспортные отрасли хозяйства, основанные на передовых для того времени технических, организационных и прочих достижениях. Доходы этих отраслей в свою очередь стимулировали появление хозяйств, поставлявших в экспортные центры всевозможные товары из самых отдаленных уголков колоний, способствовали тем самым и формированию внутреннего рынка.

Точно так же принципиально одинаковыми во всей Америке являлись механизмы ограбления колоний метрополиями, покоившиеся на системе меркантилистских ограничений. Потому нигде в Новом Свете колониальный режим не сводился лишь к политической зависимости, а составлял и базис, и надстройку колониального общества. Его разрушение, следовательно, являлось разрушением меркантилистской основы всей системы производственных отношений и охранявшей ее надстройки, т.е. политической революцией. Таким образом, одним только уничтожением колониализма все освободительные войны в Америке трансформировали как базис, так и надстройку и потому заслуживают оценки как революции, даже если бы только этим и ограничились.

В основе латиноамериканских освободительных революций лежали не сами по себе события в метрополиях или влияние новых ведущих держав мира, а не менее объективный, чем в Америке Северной и других буржуазных колониях, процесс роста производительных сил, ускоренный со второй половины XVIII в., и обострение на этой почве их конфликта с колониальной системой меркантилистских ограничений. Бреши, пробивавшиеся, расширявшиеся и множившиеся в колониальных редутах в течение всего XVIII в., были результатом не только могущества иностранной, в первую очередь английской, торговли, но также и рвавшегося ей навстречу товарного производства в ибероамериканских колониях. Это давление — извне и изнутри — сокрушило в конечном счете иберийский колониальный режим.

Какова социально-экономическая природа этого внутреннего давления? Авторы далеки от утверждения, будто Латинская Америка сразу же превратилась в капиталистическую, едва лишь на ее берега ступила нога конкистадора. Чтобы стать господствующим общественным отношением, выплеснувшемуся в Америку европейскому, а потом и не

помнящему родства креольскому капиталу предстояло еще слишком многое там искоренить, истребить, испепелить и слишком многое построить. За 300 лет колониальной эпохи в этой области были достигнуты существенные результаты. Однако доделывать предстояло еще так много, что не только война за независимость, но и либеральные революции второй половины XIX в. занимались серьезными преобразованиями буржуазного характера.

Главные направления преобразований в надвигавшейся войне за независимость заключались в решении двух разных, но взаимосвязанных комплексов задач. Во-первых, рост товарности колониальной экономики поставил задачу интеграции Иberoамерики в новую систему мирового хозяйства, выстраивавшуюся на фундаменте краеугольного принципа политэкономии либерализма — свободы торговли и предпринимательства. В качестве же основного препятствия такой интеграции выступал подлежащий разрушению колониальный режим с его меркантилистскими монополиями, запретами, ограничениями, регламентациями, налогами.

Второй комплекс задач в самом общем виде состоял в том, чтобы всю совокупность социально-экономических отношений Латинской Америки привести в соответствие с той же свободой торговли и предпринимательства. Это предполагало глубокую перестройку прежде всего тех общественных отношений, которые сложились вокруг главных факторов производства — земли и труда.

Относительно первого из названных факторов производства — земли — буржуазные задачи войны за независимость состояли в том, чтобы устранить помехи превращению ее в товар. В этой связи упразднению или максимально возможному сокращению подлежали формы неотчуждаемого землевладения — церковные и монастырские владения, майорат и общинные земли. Наряду с приватизацией громадных массивов неосвоенных королевских земель отмена неотчуждаемости владений означала бы складывание более или менее полноценного рынка земли, или, иными словами, превращение всей или по крайней мере значительной части земельной собственности в частную собственность буржуазного типа, при которой земля является свободным объектом всякого рода экономических сделок (отчуждения, продажи, дробления, дарения, сдачи в аренду и т.п.). А такое содержание буржуазных аграрных преобразований не только не предполагало разрушения феодального латифундизма, но и было немыслимо без существенного увеличения числа и размеров частных земельных владений.

Что же касается задачи формирования нормального рынка труда, т.е. рынка не просто свободной наемной (каковая всегда имелась), а достаточно многочисленной и дешевой рабочей силы, то и в этом во-

просе основное препятствие развитию капитализма состояло не в феодальном латифундизме, а в неосвоенных королевских землях, которые вместе с землями индейских общин и редукий все еще оставались народной собственностью и обеспечивали миллионам людей вполне удобное, по их понятиям, и независимое существование. Без экспроприации общинников и мелких нелегальных землепользователей ни развитое товарное производство, ни развитое товарное обращение еще не делали капитал господствующим производственным отношением, и по этой причине ему приходилось широко применять принудительный труд. Буржуазным революциям предстояло довершить так называемое первоначальное накопление хорошо известными по Европе методами: насильственной экспроприацией непосредственных производителей и их принуждением к наемному труду законами о бродяжничестве. Тем самым и в данном вопросе буржуазной революции предстояло не уничтожать, а, наоборот, развивать и далее феодальный латифундизм, многократно увеличивая число и размеры крупных частных владений.

Проделанный анализ социально-экономических противоречий в колониях и вывод о двуедином комплексе надвигавшихся изменений не оставляют места идиллическим картинам креольско-индейско-негритянского братства в войне за независимость и указывают на существование в реальной действительности Иberoамерики начала XIX в. совсем другой, куда более сложной композиции противоборствовавших сил. Кто же с кем и за что боролся в войне за независимость?

Объективные задачи войны за независимость — искоренение колониального режима, включение в новую систему мирового хозяйства на основе свободы торговли и предпринимательства, а также трансформация всей совокупности общественных отношений — отвечали в наибольшей мере интересам креольских латифундистов. Это объяснялось самим их положением в колониальном производстве, которое в течение 300 лет развивалось в тесной связи с Европой, к началу XIX в. переросло отведенные ему колонизаторами рамки и для дальнейшего роста нуждалось в свободном выходе на мировой рынок. Правда, латифундистам, связанным с внутренним рынком колоний (а многие из них являлись и владельцами мануфактур), свободная конкуренция в пределах мирового хозяйства внушала и опасения за судьбу местных мануфактур и ремесел. Латифундистам же ведущих, сырьезэкспортных отраслей экономики такая конкуренция не сулила ничего, кроме заманчивой перспективы быстрого процветания за счет сравнительных преимуществ — климата, изобилия, дешевизны и девственного плодородия земли в Новом Свете.

Креольская верхушка оказалась достаточно образованной, чтобы уловить едва наметившуюся тенденцию мирового развития, определить место своих стран и просчитать свои выгоды в будущем мировом порядке. Это стало возможным благодаря не поверхностному знакомству с протестантской этикой, а весьма глубокой проработке трудов физиократов и А. Смита, в том числе в Экономических обществах друзей страны. Потому идеи либерализма были для креольской верхушки не очередной модой, вроде сюртука, а готовой программой действия.

По мере роста экономического могущества быстро возрастала и организованность креольских латифундистов, особенно со второй половины XVIII в., когда возникли отраслевые корпорации, генеральные хунты и новые консулады. Все это увеличило вес и влияние креольской верхушки, позволяя ей реализовывать свои интересы, даже если в итоге повышалась социальная напряженность и вспыхивали массовые восстания «низов».

Все сказанное позволяет заключить, что в лице креольских латифундистов буржуазное освободительное движение находило не отдельных диссидентов, готовых возглавить борьбу народа-революционера, а такого же своего адекватного инициатора и гегемона, каким в Европе выступала, видимо, промышленная буржуазия. Надвигавшаяся буржуазная революция была именно революцией латифундистов и для латифундистов. Поскольку же перестройка общественных отношений на принципах свободной конкуренции (свободы торговли и предпринимательства) неизбежно вела к ухудшению положения «низов» и обострению социальных противоречий, то для такой буржуазной революции идеальной движущей силой являлось колониальное ополчение, чью ударную силу составляли опять-таки руководимые латифундистами вооруженные отряды.

На первом, самом откровенном, этапе войны за независимость (1810—1815), когда параллельные потоки народной борьбы либо не успели еще, либо не смогли вовсе «замутить» освободительную борьбу креольской верхушки Ибероамерики, наиболее четко проявляется направленность революционных преобразований. Во всех рассмотренных случаях креольская верхушка не только проявила понимание стоящих перед обществом задач и решимость в их выполнении, но еще и реально осуществила широкий комплекс экономических, социальных и политических преобразований. И везде она руководствовалась при этом рецептами классически буржуазной доктрины либерализма. Этим же она очертила контуры чисто буржуазной революции, которые в самом общем виде представляли собой следующее:

снятие меркантилистских оков с торговли и производства и утверждение свободы торговли и предпринимательства;

разрушение посредством отмен, приватизаций, экспроприаций, борьбы с бродяжничеством и т.д. старых форм поземельных, трудовых и товарно-денежных отношений и их замена новыми — буржуазной частной собственностью (рынком средств производства), рынком наемной рабочей силы и денежным рынком (кредитно-финансовой системой). Таким образом осуществлялась закладка основополагающих конструкций в фундамент рыночной экономики;

разрушение старого сословного общества и его замена обществом гражданским;

низвержение старой деспотической власти и построение правового государства.

Окончательные итоги войны уже после завершения второго этапа (1816—1826) не нарушили выявленных направлений преобразований ни в одной стране Латинской Америки (за исключением только Гаити и Парагвая, а также остававшихся до 1898 г. колониями Кубы и Пуэрто-Рико).

Стоит особо подчеркнуть, что нигде латиноамериканские революционеры не проявили якобы присущую буржуазии трусость, непоследовательность или тождественные либерализму «излишнюю терпимость, снисходительность, вредное попустительство». Совсем напротив, они не стеснялись в выборе средств и ради быстроты, полноты и чистоты воплощения либеральной доктрины, ради торжества цивилизации и, разумеется, своих классовых интересов не останавливались ни перед чем — ни перед принесением в жертву территориальной целостности и суверенитета своих стран, ни перед применением революционного насилия и массовым кровопролитием, даже если это грозило ответным насилием со стороны патриотически настроенной части «верхов» или народных масс, а то и расправой с радикал-реформаторами.

Таким образом, проделанный анализ полностью подтверждает принципиальную правоту ученых-первопроходцев М.С. Альперовича, И.Р. Григулевича, В.И. Ермолаева, Н.М. Лаврова, С.И. Семенова, А.И. Штрахова и др., доказывавших, что Война за независимость Латинской Америки являла собой не только антиколониальную, но и буржуазную революцию. В то же время полученные результаты несколько расходятся с оценками старших коллег в трех частных, но важных вопросах — о церкви, латифундизме и главной движущей силе.

У этих ученых война за независимость была по своим историческим задачам антифеодальной. И ее главной движущей силой были народные массы, невзирая на то, что им крайне редко удавалось поставить в повестку революции вопрос о конфискации латифундий и проведении других демократических преобразований, а также несмотря и на то, что наиболее отсталые слои подчас не видели разницы между

испанскими колонизаторами и креольскими землевладельцами и что в отдельных случаях они даже сражались на стороне испанцев. Однако, поскольку война «не привела к коренной перестройке социально-экономической структуры стран Испанской Америки», поскольку «крупное землевладение в основном осталось в неприкосновенности, латифундисты и католическая церковь полностью сохранили свои позиции» и поскольку «большая часть крестьянства продолжала подвергаться жестокой эксплуатации», а индейцы и негры при помощи имущественного и образовательного цензов фактически лишались политических прав, то она «носила по существу характер незавершенной буржуазной революции».

Во-первых, о позициях церкви. Разумеется, в период консервативного отката буржуазных революций (30—60-е годы XIX в.) почти везде в Латинской Америке церкви и монашеским орденам было возвращено многое, хотя и далеко не все из отнятого революционерами. Но это никак не опровергает того факта, что позиции церкви и монашеских орденов в войне за независимость все же были подорваны.

Во-вторых, полученные результаты позволяют уточнить, что в войне за независимость крупное землевладение (латифундизм) не просто в основном осталось в неприкосновенности, а весьма и весьма выросло и по числу, и по размерам хозяйств за счет деления майоратов, скупки конфискованной церковной и монастырской собственности, распродажи государственных и даже муниципальных земель, разграбления земель индейских общин и редуций. Но именно ради этой «коренной перестройки социально-экономической структуры», и в частности *радикальной буржуазной аграрной реформы*, а не ради некой «конфискации латифундий и других демократических преобразований» задумывалась и вершилась война за независимость, и прежде всего в этом, а не в некой «антифеодальной» направленности состоял ее *буржуазный характер*.

В-третьих, анализ характера социально-экономических преобразований ясно показывает, что они осуществлялись не народом, но против него. Конституции, отстранившие от участия в политике имущественными цензами громадное большинство населения, тем самым недвусмысленно дали портрет того человека и гражданина и состав того народа, которыми и для которых вершилась война за независимость.

Совершенно очевидно, что лозунги Французской революции, откровенно заимствованные латиноамериканскими революционерами, воплотились в странах Латинской Америки не совсем или совсем не «по-французски». Полученные результаты исследования, конечно же, могут быть использованы и для того, чтобы во имя мнимой универсальности «якобинского» представления о буржуазной революции

снова объявить свершения войны за независимость не совсем или совсем не буржуазными и вернуться к креольскому сепаратизму, как у В.М. Мирошевского. Однако проделанный в работе анализ подсказывает иное направление мысли.

В крохотной (по сравнению с Америкой) Западной Европе капитализму и либерализму крупно повезло в том, что грязную работу за них — раскрестьянивание и борьбу с бродяжничеством — успел проделать абсолютизм. В сумме с привычкой считать истинным, настоящим только сделанное в Европе это обстоятельство, видимо, и создает иллюзию о тождестве объективной потребности *капитализма вообще* не с раскрестьяниванием, а с конфискацией латифундий, *либерализма вообще* — не с жесточайшим насилием над народом, а с излишней терпимостью, снисходительностью, вредным попустительством, наибольшего успеха *буржуазной революции вообще* — с осуществлением народными массами разрушения феодализма и других демократических преобразований. Между тем на огромных просторах Нового Света абсолютизм не только не сумел сам обеспечить необходимые капитализму условия, но еще и активно мешал их осуществлять местной буржуазии, особенно в индейском вопросе. Потому ради торжества идей того же либерализма и развития того же капитализма буржуазным революциям в Латинской Америке, их руководящей (латифундистам) и главной движущей силе (креольскому ополчению) все пришлось делать самим и таки вымарать руки и грязью, и кровью.

Таким образом, для конкретных условий Латинской Америки XVIII — XIX вв. осуществленные в войне революционные преобразования, несомненно, были адекватны и капитализму, и либерализму, и буржуазной революции. Потому уже в этом пункте полученные результаты исследования позволяют говорить об уязвимости прежнего представления о буржуазной революции, выстроенного на опыте Франции (или Европы). Ведь беря явление в привязке к условиям Европы и по существу игнорируя отличие от них условий других стран и континентов, такой подход вынуждает проводить различие там, где в действительности имеет место тождество. То есть, вместо того чтобы увидеть, как по-разному проявляет себя в разных условиях один и тот же феномен, он заставляет в различных проявлениях этого феномена видеть различные феномены.

Точно так же не адекватна реальной буржуазной революции народническая часть «якобинского» определения, представляющая народные массы главной движущей силой революции, а социальные завоевания, вырванные у буржуазии или навязанные ей самим народом, некой объективной потребностью самого капитализма. Проделанный в работе анализ параллельных потоков освободительного движе-

ния — борьбы индейцев, негров-рабов, мелкопарцелльного крестьянства и городских «низов» — подсказывает ряд соображений принципиального характера. Можно согласиться с мнением ученых старшего поколения о том, что могучим стимулом для возникновения массовых движений «низов» являлись социальные противоречия внутри колониальных обществ. Однако следует подчеркнуть, что их обострение с особой очевидностью наметилось со второй половины XVIII в. и было связано с реформами по либерализации торговли и невиданным взлетом товарного производства.

Непосредственными причинами возникновения крупных социальных движений являлись разворачивавшееся обезземеливание индейцев в результате наступления латифундий на общинные земли, ликвидация народной собственности в ходе бурной приватизации королевских земель и, как результат, активизация «походов в пустыню», «умиротворение» кочевых индейских племен, массовая экспроприация нелегальных землепользователей, свободных охотников на одичавший скот и т.д., а также законы по борьбе с бродяжничеством и резкое ужесточение режима рабского и всякого иного труда.

Большинство массовых народных движений Латинской Америки, несомненно, обнаружило в себе *бескомпромиссную революционность*, т.е. готовность бороться против социального, национального и религиозного гнета любыми, в том числе насильственными, средствами, *искренний и глубокий демократизм*, выражающийся в последовательной и самоотверженной защите интересов трудящихся масс, *веру в необходимость социалистического переустройства общества* или как минимум *экономическое равенство*, т.е. те признаки, которые упоминавшиеся в работе В.А. Дьяков и В.Я. Гросул считали универсальными для *революционного демократизма* (включая и Латинскую Америку). И в этом качестве массовые социальные движения «низов», конечно же, оказывали воздействие и на Войну за независимость Латинской Америки, вносили свой вклад в ее конечные результаты.

Тем не менее конкретное содержание социально-экономических и политических преобразований в войне за независимость, сама природа социальных противоречий в латиноамериканских обществах и обусловленные ими расклад сил и характер их столкновения вынуждают к определенным коррективам общепринятой схемы.

Во-первых, неуместны, на наш взгляд, попытки отождествлять социальные движения, будь то индейцев, негров-рабов или мелкопарцелльного крестьянства и городских «низов», с войной за независимость (или ее назревaniem). Ибо война имела четкие хронологические границы, между тем как социальные движения, не меняя своего каче-

ства, происходили всегда — не только до и во время, но и много позже завоевания независимости.

Во-вторых, соглашаясь с исследователями старшего поколения в том, что народные массы участвовали в войне за независимость, оговоримся, что *иного выбора* у них и *не было*. И национальные революционеры, и роялисты широкими принудительными мобилизациями населения в воевавшие армии и жестокими карами уклонявшихся, дезертиров и их семей не позволяли народным массам оставаться в стороне. Уже только по одной этой причине тот факт, что именно широкие слои трудящегося населения вели вооруженную борьбу, одерживали победы и гибли на полях сражений или при труднейших переходах через горы (М.С. Альперович, В.И. Ермолаев, И.Р. Лаврецкий, С.И. Семенов), нельзя считать достаточным основанием для их характеристики как главной движущей силы могучего народного движения за независимость. Ведь как минимум то же самое можно сказать и о противостоявшем ему целых 16 лет роялистском движении.

В-третьих, даже если абстрагироваться от рекрутских наборов и концентрировать внимание лишь на социальных интересах как побудительных мотивах вовлечения масс в войну за независимость, то и тогда приходится признать, что «низы» отнюдь не собирались подчинять собственные интересы интересам инициатора и гегемона войны за независимость или его противников. Поскольку именно социальные интересы, а не общенациональные ценности являлись определяющей константой массового поведения, то племена кочевников, индейское общинное или свободное мелкопарцелльное крестьянство, ремесленники, негры-рабы и т.д. ради достижения своих интересов могли и сражаться на стороне национальных революционеров (Мексика 1810—1815 гг.), и подавлять национально-освободительную революцию под лозунгами реставрации колониального прошлого (Венесуэла 1810—1815 гг., Гаити 1791—1801 гг.), и громить креольских революционеров вкупе с роялистами под самостийными флагами (Ла-Плата 1810—1835 гг.). Впрочем, даже в тех случаях, когда «низы» сражались под знаменами независимости, это никак не мешало им расправляться *не с врагами буржуазии, а с буржуазией* в целом, в том числе и даже прежде всего с креольской буржуазией — гегемоном войны за независимость. Однако же наибольшего успеха в реализации социальных требований народные движения добивались отнюдь не тогда, когда они сливались или развивались параллельно с борьбой буржуазных национал-революционеров, а прежде всего тогда, когда они обрушивались на класс-гегемон буржуазной революции под какими угодно флагами. Так, в Мексике в 1810—1815 гг. крестьянство, несмотря на национальные знамена в руках Идальго и Морелоса, вершило расправу над

креольскими помещиками и даже толкнуло их в лагерь роялистов. Тогда же в Венесуэле льянеро, а в Новой Гранаде индейские крестьяне оказали большую помощь в разгроме национал-революционеров. На Ла-Плате крестьянская монтерера делала то же самое под самостийными флагами. Но зато именно в этих случаях в конечных итогах войны за независимость присутствует хотя бы наделение земель рядовых бойцов освободительных армий, чего не было в других странах. Стоит также сравнить итоги войны за независимость в Венесуэле, где «вандейские» негры-рабы в 1810—1815 гг. восстали в тылу «освободителей» с лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!», но в 1816 г. вырвали-таки себе у национал-революционеров декрет о «свободном чреве», с результатами революции в Бразилии, где негры-рабы не только не помещали, но и помогли своим фазендейро «черными батальонами» быстро завоевать независимость и, как результат, дождались аналогичного декрета лишь в 1870 г.

В-четвертых, ни одно из рассмотренных массовых социальных движений в Латинской Америке ни в малейшей степени не проявило *тяготения к буржуазному демократизму и либерализму*. Но зато в борьбе и кочевых племен, и индейцев-общинников, и даже мелкопарцельного крестьянства и городских «низов» можно обнаружить бесчисленное множество случаев *враждебного отношения к буржуазному либерализму*, вплоть до поголовного физического уничтожения носителей либеральной идеологии (например, в кампании «национальной мести» 1804 г. на Гаити). И объясняется это тем, что и «походы в пустыню», и разрушение общинного землевладения, и экспроприация народной собственности у миллионов мелких нелегальных землепользователей или охотников на одичавший скот, и стремление оттянуть или растянуть во времени отмену рабства негров ради экономической целесообразности, и законы против бродяжничества, и общее ужесточение режима труда, словом, все то, что вызывало обострение социальных противоречий и массовые восстания и движения, в условиях Латинской Америки *исходило именно от буржуазного либерализма* и составляло главное социально-экономическое содержание трансформации общественных отношений в ходе войны за независимость.

Наконец, нигде в Латинской Америке ни кочевые племена, ни индейцы-общинники, ни негры-рабы, ни даже мелкопарцелльные крестьяне и городские ремесленники не предоставили доказательств того, что массовые революционно-демократические движения боролись за *общественные отношения последовательно буржуазного характера*. Вполне возможно, что для условий Европы, не знавшей ни длительного существования огромных пространств, населенных только кочевыми племенами, ни очагов народной свободы (подобных «импе-

рии» Сантоса Атауальпы в Перу, паленке в Испанской Америке и килombo в Бразилии, венесуэльским льяносам, аргентинской пампе и другим районам с народной собственностью на землю и скот), ни даже подлинно народных революций, которые бы не обрывались буржуазными термидорами спустя 13 месяцев, завоевание отдельных уступок со стороны господствующих классов выступало пределом мечтаний и потому кажется сущностью революционного демократизма (вроде того, как в Венесуэле негры своими восстаниями ускорили решение вопроса об отмене рабства, а борьба венесуэльских льянеро, аргентинских гаучо или мексиканских крестьян предопределила появление декретов о наделении земель простых солдат освободительных армий).

Но для условий Латинской Америки, где все перечисленное было и где народные массы обладали достаточным пространством и временем для самостоятельного исторического творчества, как раз завоевание отдельных уступок являлось вспомогательным моментом, лишь побочным результатом деятельности революционной демократии и никак не исчерпывало ее сущности. Однако же везде, включая народные революции на Гаити и в Парагвае, продуктом борьбы революционной демократии выступает установление (притом реальное, а не гипотетически объективное) таких общественных порядков, как возврат к некоему *традиционализму*, либо же скачок в будущий реальный и тоталитарный *социализм*, словом, что угодно, только не общественные отношения последовательно буржуазного характера, да и буржуазного тоже.

В свете сказанного, становится очевидным тот факт, что и в данном вопросе европейские мерки — тезисы о крестьянстве как о естественном союзнике буржуазии и прочие связанные с «якобинской» схемой элементы — не обладают достаточной универсальностью и «не работают» в конкретных условиях Латинской Америки XVIII — XIX вв. Если они и представляют ценность, то лишь в тех условиях, когда — как в Англии и в остальной Западной Европе уже после раскрестьянивания и борьбы с бродяжничеством или же как в США в XIX в. и в той же Латинской Америке в XX в. — возникновение настоящей промышленности (а не агроэкспорта) и формирование на этой основе внутреннего (а не внешнего) рынка создают густую сеть товарно-денежных отношений, пронизывающих все поры общества. Вот тогда-то крестьянству (уже совсем другому крестьянству) крайне трудно уйти от капитализма назад, вперед или в сторону, а капитализм оказывается не только в состоянии «переварить» крестьянскую аграрную реформу, но и в какой-то мере заинтересован в ней как в одном из условий необходимого ему расширения внутреннего рынка.

Но для Латинской Америки XVIII—XIX вв., где содержание общественной трансформации ради развития капитализма (агроэкспорта) состояло не в наделении крестьян землей, а в их раскрестьянивании, где имело место не взаимное тяготение буржуазного либерализма и революционного демократизма, а по сути война буржуазии против громадного большинства народа, европейские критерии способны лишь искажать реальную действительность континента, выдавая за самое-самое буржуазное то, что на деле являлось *антибуржуазным*, за феодальное — то, что выстраивалось по рецептам *классически буржуазного либерализма*, за кровавую оргию многочисленных банд полудиких пастухов-льянеро — то, что в действительности было глубоко *народным*, и за народное — то, что по своей сути являлось *антинародным*.

Сегодня многое меняется на глазах. В жарких дискуссиях по поводу юбилея Французской революции миф о ее классическом характере, похоже, развеян и в нашей стране. На смену якобинской модели грядет иное понимание как буржуазных, так и всяких других революций. Каким оно будет, не подвергнется ли вновь деформации в угоду очередной модной идеологии, найдется ли в нем место для латиноамериканской специфики — во многом зависит и от нынешнего поколения студентов, которым предстоит стать отечественными латиноамериканистами. Так что пришло время для решительного поворота в исследованиях от идеологии к науке.

ЧАСТЬ IV

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Глава I

КОНСЕРВАТИВНЫЕ РЕЖИМЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

§ 1. «Великая смута» в освободившихся государствах

Национально-освободительные революции в Латинской Америке уничтожили колониальный режим почти во всех испанских владениях в Новом Свете (за исключением Кубы и Пуэрто-Рико), в португальской Бразилии, а также во французском Сан-Доминго. Тем самым были решены важные, но все же лишь начальные задачи освободительных движений, была только расчищена почва для революционного творчества бывших колониальных народов. И, естественно, на первых порах важнейшее значение среди созидательных задач приобрел главный вопрос всякой революции — вопрос о власти, который в национальной революции сводится прежде всего к строительству независимого государства.

Но уже в этом вопросе латиноамериканские патриоты столкнулись со многими сложностями. В самом деле, должны ли новые государства унаследовать прежние колониальные территории? Возможно ли создание единого государства хотя бы в составе бывших испанских колоний? Каковы должны быть принципы взаимоотношений между различными частями этого государства? Вот далеко не полный перечень подобных проблем, к решению которых приступили освободившиеся страны.

Опыт более ранней национальной революции — Войны за независимость в Северной Америке (1775 — 1783) к тому времени убедительно доказал, что отстоять и укрепить свою независимость бывшие английские колонии смогли благодаря тому, что объединились в Соединенные Штаты Америки. Это понимали и деятели латиноамериканского освободительного движения Ф. Миранда, Х. де Сан-Мартин, А.Х. де Сукре, Б. О'Хиггинс и, конечно же, С. Боливар. Тем более что, как казалось тогда этим патриотам, условия Испанской Америки ничем принципиально от условий США не отличались: они имели общую территорию, язык, нравы, религию.

Правда, С. Боливар после поражения первого этапа революций высказывал сомнения в такой возможности. «Немыслимо, хотя и заманчиво, — писал он в знаменитом «Письме с Ямайки» в 1815 г., — сделать весь Новый Свет единой нацией, в которой одной нитью были бы связаны все части друг с другом и образовывали бы одно целое. Все наши области имеют общее происхождение, один язык, одни и те же традиции и религию и, следовательно, должны были бы иметь одно-единое правительство, которое объединяло бы в конфедерацию различные государства по мере их образования. Однако это невозможно, ибо разнообразные климатические условия, различная обстановка, противоположные интересы, несхожие характеры народов разделяют территории Америки. Как было бы чудесно, если бы Панамский перешеек стал для нас тем, чем был Коринф для греков! Может быть, в один прекрасный день мы созовем там державный конгресс представителей республик, королевств и империй, чтобы обсуждать важнейшие вопросы войны и мира с нациями трех других частей света. Такого рода объединение, возможно, будет создано когда-нибудь, в счастливую эпоху нашего возрождения»¹. Но когда в ходе национально-освободительных революций наступил решительный перелом и одна за другой территории начали освобождаться от колониального гнета, Боливар превратился в самого горячего сторонника практического осуществления этой заманчивой идеи.

К концу войны за независимость здание будущей конфедерации начало приобретать и организационные черты. Так, в 1821 г. Боливар становится президентом нового независимого государства Колумбии, в состав которого вошли бывшие вице-королевство Новая Гранада, генерал-капитанство Венесуэла и еще остававшаяся под контролем испанских колонизаторов аудьенсия Кито. В 1824 г. он верховный диктатор Перу, а в 1826 г. — пожизненный президент Боливии (бывшего Верхнего Перу). И хотя непосредственное исполнение президентских полномочий в Перу Боливар возложил на генерала Ла-Мара, а в Боливии — на маршала Сукре, номинально он оставался главой трех крупных независимых государств. Так возникла реальная возможность для образования конфедерации, тем более что и в других частях Испанской Америки была сильна тяга к единству.

И именно в г. Панама, как и мечтал Боливар, в июне — июле 1826 г. работал объединительный конгресс. Правда, Чили, Парагвай, Восточный Берег и Аргентина не прислали своих представителей на конгресс, но в его работе помимо Колумбии, Перу и Боливии приняли

¹ Боливар С. Письмо с Ямайки // *Симон Боливар. Избранные произведения и статьи, письма, воззвания. 1812—1830. М., 1983. С. 63.*

участие Мексика и Соединенные Провинции Центральной Америки. Важнейшим документом, принятым конгрессом, стал договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации». Согласно статье 2 договора, целями создававшейся конфедерации в составе названных государств были названы охрана суверенитета и независимости их от посягательств иностранных держав, а также содействие взаимопониманию между испаноамериканскими народами. Устанавливались размеры вооруженных сил, которые каждый участник конфедерации должен был выделить на нужды совместной обороны. В ведение конфедерации передавались вопросы общего гражданства, процедура разрешения территориальных и иных споров, ликвидация работорговли. В текст договора не был внесен лишь пункт об учреждении верховного органа власти конфедерации, вызывавший тогда наибольшие разногласия.

Казалось, уже недалек был день создания Соединенных Штатов Испанской, а возможно, и всей Латинской Америки. Но Панамский конгресс оказался наивысшей точкой развития объединительных стремлений, вслед за которой наметился быстрый регресс. Из подписавших договор государств только Колумбия его ратифицировала. Вскоре начало рушиться и то здание, которое создавалось Боливаром в качестве основы будущей федерации.

Сначала власть Боливара была ликвидирована в Перу, где вновь восторжествовала конституция 1823 г., а президентом стал генерал Ла-Мар. В 1828 г. в Боливии был свергнут, а по возвращении в Колумбию и убит соратник Боливара и победитель в битве при Аякучо маршал Сукре. Президентом Боливии был избран Санта-Крус. Закрепляя независимость страны от Колумбии, на ее территорию ввели перуанские войска, что послужило одним из поводов к колумбийско-перуанской войне 1828 — 1830 гг. И хотя Колумбия эту войну выиграла, предпринятые военные усилия способствовали ее собственному распаду на Венесуэлу во главе с президентом Х. А. Паэсом, Эквадор с президентом Х.Х. Флоресом и прежнюю Новую Гранаду, продолжавшую именоваться Колумбией. Да и здесь с 1828 г. против Боливара зрел один заговор за другим, в результате чего в 1830 г. он подал в отставку с поста президента Колумбии, удалился в поместье Сан-Педро-де-Алессандро близ г. Санта-Марта и вскоре умер. Перед смертью он заявил: «Америка неуправляема. Те, кто служит революции, пашут море».

Тенденция к государственно-территориальному распаду возобладала и в других частях бывшей Испанской Америки. Вице-королевство Рио-де-ла-Плата вследствие острого противоборства между сторонниками унитаризма и федерализма после Майской революции 1810 г. утратило следующие территории: Парагвай (1811 г.) и Восточный Берег

(1815 г.). В результате освобождения армией А.Х. Сукре от него отделилось и Верхнее Перу, названное в честь С. Боливара Боливией (1825 г.). Еще в 1823 г. из состава Мексиканской империи вышли и создали федеративное государство Соединенные Провинции Центральной Америки, которое в свою очередь в 1838—1841 гг. распалось на Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рику. В 1844 г. из состава Гаити вышло бывшее испанское владение Санто-Доминго, образовав независимую Доминиканскую Республику. Неудачей окончилась и попытка объединить в конфедерацию Перу и Боливию (1836—1839). Наконец, в 1903 г. из состава Колумбии выделилась в самостоятельное государство Панама. Таким образом, территориальные границы колониального периода удалось сохранить лишь Мексике, Бразилии, Перу и Чили, хотя и здесь еще долгие годы центробежные тенденции вызывали многочисленные и кровопролитные гражданские войны.

Почему же испаноамериканцам не удалось повторить объединения США? В чем истоки и на чем базировалась сила сепаратизма в освободившихся латиноамериканских странах?

Длительное время в зарубежной историографии господствующее положение занимала концепция, которая была разработана авторами либерального направления и которая главную причину данного явления видела в каудильизме (от исп. «каудильо» — вождь, лидер, предводитель). По мнению этих авторов, каудильизм представлял собой специфику послереволюционной Латинской Америки, связанную с борьбой за власть между различными группировками помещиков-латифундистов, каждая из которых возглавлялась своим каудильо, пользовавшимся неограниченной властью в том или ином регионе, провинции, округе. Поддержка каудильо массами народа объяснялась традиционными личностными отношениями господства — подчинения, издавна существовавшими в латиноамериканской латифундии и порождавшими рабоподобную покорность и безоговорочное подчинение крестьян своему помещику. Точно так же каудильизм и его различные варианты — бразильский коронелизм, перуанский гамонализм, боливийский или мексиканский касикизм — рассматривались и в советско-российской исторической науке применительно к странам Латинско-американского континента начала прошлого века.

Примерно с начала 40-х годов XX столетия за рубежом, особенно в странах Латинской Америки, господствовавшая концепция все чаще стала подвергаться сомнению, разрабатывались иные точки зрения, в частности объяснение сепаратизма стремлением промышленников и ремесленников защитить свое производство покровительственными пошлинами, квотами и запретами на импорт иностранных изделий и

прочими мерами, составляющими систему протекционизма. В научной и популярной литературе последних десятилетий четко прослеживаются новые подходы и накал научных дискуссий по этому, казалось бы, отдаленному от сегодняшних проблем кругу вопросов. Объясняется это тем, что и сегодня различные социально-политические силы (от реакционных до революционно-демократических) в том или ином виде периодически поднимают вопросы о единстве латиноамериканских народов. Попутно отметим, что подобные вопросы ставятся и в других регионах мира (достаточно вспомнить идеи панславизма, панафриканизма или панисламизма).

Поскольку латиноамериканский опыт во многом напоминает трагедию распада Советского Союза и последовавшие затем угрозы распада России и других государств СНГ, то он способен пролить свет и на многие сюжеты современной истории нашей страны.

Итак, в чем же состояли глубинные причины необратимого развития центробежных тенденций в Латинской Америке?

Есть в науке понятие «забегания» революции за пределы объективной зрелости условий. Оно обычно увязывалось с активной деятельностью «низов» по углублению преобразований и считалось необходимым для того, чтобы в момент неизбежного отката революции буржуазия могла завладеть теми ее плодами, которые действительно созрели. Однако опыт Латинской Америки свидетельствует, что и сама буржуазия способна заводить свои революции гораздо дальше объективной ступени зрелости, а последствия такого «забегания» могут принимать весьма разрушительный характер.

В происходящих на континенте процессах радикальные реформаторы, назвавшиеся после войны либералами, видели борьбу двух взаимоисключающих сил. Наиболее емкое определение этим силам дал в 1845 г. аргентинец Д.Ф. Сармьенто, противопоставляя цивилизацию и варварство. Под цивилизацией либералы понимали именно ту ее форму, которая сложилась в протестантской Западной Европе и в ее американском «продолжении» — в США. Эта форма ассоциировалась с рыночной экономикой, гражданским обществом, правовым государством и идеологией либерализма. Та же цивилизация, которая складывалась в течение 300 лет колониализма в католической Иberoамерике, синтезировала в себе иберийские, индейские и негритянские культурные начала и делала латиноамериканцев латиноамериканцами, была объявлена варварством, подлежащим уничтожению. Поскольку заметить второе первым мыслилось еще и в кратчайшие исторические сроки, то неудивительно, что между идеальными устремлениями либералов и реальной действительностью континента с самого начала образовалась и постоянно ширилась непреодолимая пропасть.

Так, при разрушении «варварских» форм хозяйства, — землю, скот и прочее имущество отнимая у народа и отдавая их буржуазии, — либералы полагали, что эти средства производства очень скоро заработают в результате ничем не ограниченной теперь торговли с Англией, притока иностранного капитала и европейских переселенцев, а быстрое «пришествие» цивилизации компенсирует народу лишения военных лет и экспроприаций.

Однако разрушенная войной горнорудная промышленность требовала крупных инвестиций, а чудеса английской техники не могли быть доставлены в места ее концентрации из-за отсутствия подходящих дорог. Поэтому надежды на быстрое обогащение от эксплуатации недр провалились, и спешно созданные с этой целью акционерные компании в Лондоне обанкротились.

Не лучше обстояли дела и в агроэкспорте, так как «фабрика мира» предпочитала ввозить продукты тропического земледелия либо из собственных колоний, либо из США (хлопок), а путь на свой рынок другим сельхозпродуктам из Нового Света преградила протекционистскими хлебными законами 1815—1849 гг. В то же время, поскольку экономика Европы после наполеоновских войн пребывала в депрессии, Англия обрушила на Латинскую Америку массу не находивших сбыта фабрично-заводских изделий.

Только с середины XIX в. промышленный переворот в других европейских державах и в США начнет изменять положение к лучшему. Но до этого времени предстояло прожить как минимум четверть столетия. А пока поспешное разрушение «варварских» форм хозяйства превращало социально-экономическую жизнь освободившихся стран в настоящий театр абсурда: народ в значительной мере ограблен и лишен возможности пропитаться самостоятельно, угроза голодной смерти и законы о «бродягах» гонят его на рынок труда, а рынка этого нет, поскольку отнятые средства производства свалены у ног буржуазии мертвым капиталом.

Раскол между «верхами» и «низами» усугублялся культурным отчуждением. Революционеры, еще недавно воспевавшие подвиги арауканов и других американцев, заговорили теперь о природной глупости и лени индейцев, о варварском характере их ценностей. В то же время они проявляли раболепие по отношению ко всему англосаксонскому, начиная от одежды и кончая введением ланкастерской системы в начальных школах. Стремясь максимально точно скопировать путь США, они прилагали огромные усилия для привлечения иммигрантов из Англии, США, Германии, Голландии, Швейцарии, не только бесплатно наделяя переселенцев землей (в том числе отнятой у местных

«варваров»¹), но и позволяя возводить протестантские храмы и кладбища. Массового притока европейцев добиться не удалось, но даже прибытия первых тысяч колонистов с иной культурой, языком, религией, однако же на правах едва ли не подлинных хозяев Латинской Америки, оказалось достаточно для возбуждения у народа ненависти к пришельцам и приглашавшим их правителям.

Эта ненависть все чаще выливалась в массовые восстания и грозила повторением сценария революций на Гаити или в Парагвае. В 1837 г. об этом напомнило индейское восстание в Гватемале, покончившее с правительством либерала М. Гальвеса. Хотя поводом к нему послужили эпидемия обычной для тех времен оспы и слухи, будто правительство искусственно ее вызвало, дабы очистить страну от коренного населения и принять европейских иммигрантов, оснований для таких подозрений Гальвес сам предоставил немало, стремясь во что бы то ни стало «европеизировать» на 70% индейскую Гватемалу.

На политическом уровне крайне опасный разрыв образовался между федеральным центром и провинциями. До войны состояние дел у провинциальных латифундистов и владельцев мануфактур зависело от сбыта товаров в процветающие центры экспортного хозяйства. В свою очередь от состояния местного производства зависел и достаток большинства населения². Упадок горнорудной промышленности, застой в агроэкспорте и наводнение экспортных центров промышленными товарами из Европы нарушили прежнюю зависимость. Довершали же опустошение провинций полчища иностранных торговцев и спекулянтов, которые и сюда ввозили дешевые фабричные изделия и, пользуясь острой нуждой местных жителей в деньгах, скупали за бесценок сырье.

Такая картина повергала в ужас местных предпринимателей, и они требовали немедленного отказа от фритредерства (от англ. «фри тред» — свобода торговли), на что либеральный центр не мог пойти по своей сути. Поскольку провинциальные буржуа тоже обладали немалым состоянием, их невозможно было, как простой народ, исключить из политики никакими цензами. И они, завладевая теми полномочиями, которые делегировали на места сами либеральные федеративные конституции, использовали провинциальную автономию для введения запретов на ввоз иностранных товаров и вывоз сырья, для обложения высокими

¹ Например, в Колумбии законы начала 1820-х годов, с одной стороны, благоприятствовали экспроприации индейцев-общинников, с другой — на их основе фактически бесплатно иностранным колонизационным компаниям выделили 6,3 млн га для приема европейских иммигрантов

² Так, в лаплатской провинции Кордова в 1813 г. одним лишь надомным ткачеством для «рассеянных» мануфактур регулярно подрабатывали 22% домохозяйек в городе и 76% в деревне

налогами транзитных перевозок и прочие меры, защищавшие провинции, но парализовавшие политику центра. Когда же центр пытался силой остановить парад суверенитетов, он сталкивался в провинциях с местным ополчением, опытными военными вожаками (каудильо) из среды тех же латифундистов и массовой поддержкой их населением.

Не понимая глубинных причин наступавшего хаоса, либералы настаивали на ускорении реформ и этим еще более нарушали хозяйственные и иные общественные связи, углубляя кризис, всеобщую вражду и распад государств на провинции.

Между тем внутренне ослабленные, раздираемые гражданскими войнами страны Латинской Америки оказывалась беззащитными перед лицом отнюдь не призрачной внешней опасности. Так, в страшную трагедию для Мексики вылилось бездумное поощрение либералами иностранной иммиграции. Закон о ней был принят еще в 1824 г. Не упомянув вероисповедание колонистов, он открывал легальный путь в страну переселенцам из США и одновременно устанавливал, что даже конгресс был не вправе запретить въезд иммигрантам вплоть до 1840 г. В итоге к 1836 г. большинство населения пограничного Техаса составили американские колонисты. Люди прагматичные, они верно рассудили, что гораздо проще и дешевле, нежели нести цивилизацию в Мексику, взять да и увести Техас из Мексики в «цивилизацию». Поэтому сначала они провозгласили Техас независимым штатом, потом — частью США.

Таким образом, в борьбе за цивилизованное будущее либералы с истинно революционной нетерпимостью расправлялись с варварским настоящим, утрачивали ощущение реальности и все более превращались не только в антинародную, но и антинациональную силу. В итоге, вместо того чтобы снять оковы со всего жизнеспособного, чем обладало общество, они на десятилетия ввергли это общество в состояние распада, похоронив идею латиноамериканского единства, отдалив мечты о цивилизации и прогрессе, поставив под вопрос само существование молодых независимых государств.

О грозящей катастрофе предупреждали мексиканец Л. Аламан, венесуэлец А. Бельо и другие выдающиеся умы Латинской Америки. Эти мыслители тоже являлись сторонниками независимости, но выступали с резкой критикой либералов за то, что те «отняли у родины все: национальность, добродетели, богатства, ее отвагу, силы и надежды». С их точки зрения, отказ от колониального прошлого должен был означать вовсе не его замену чуждыми для Ибероамерики устоями США или Западной Европы, что вело не к свободе, а лишь к хаосу, анархии и распаду общества. Согласно Бельо, победу в борьбе с метрополией обеспечило «иберийское начало». В этом смысле и Аламан считал

«достижение нами независимости великим, необходимым и закономерным событием... именно потому, что оно ориентировалось на благо общества, потому что узы, соединявшие наше прошлое с нашим настоящим и будущим, не были разорваны, но лишь развязаны»¹.

Одним из первых революционных вождей, кто понял гибельность избранного пути, стал С. Боливар, до 1828 г. остававшийся последовательным либерал-реформатором. Осознав, что массовое переселение европейцев не состоится, что «цивилизацию» не удастся перенести в готовом виде, но придется строить самому народу-«варвару», что поэтому его ценности надо хотя бы уважать, Боливар круто повернул в сторону от либерализма. Он отобрал у иностранных колонизационных компаний предназначенные для переселенцев 6,3 млн га земли, распродав ее с молотка в счет погашения государственного долга и бесплатно наделив ею солдат и офицеров революционной армии. Он не только в Колумбии, но и в Перу остановил разграбление общинных земель и реставрировал посты чиновников по защите индейцев. Для укрепления подорванных устоев народной морали он восстановил монашеские ордена, должности викариев и капелланов в армии, контроль церкви над системой образования, собственноручно вычеркнул из университетских программ им же ранее внесенные труды Й. Бентама и других столпов либерализма. Он ликвидировал федерализм, резко увеличил полномочия исполнительной власти, ввел пожизненное президентство. Он защитил местную промышленность запретами и высокими таможенными пошлинами. Поэтому не зря современные консерваторы Колумбии считают отцом своей партии именно Боливара.

Однако тогда революция была еще на подъеме, ее разрушительное действие мало кто ощущал, и потому, чтобы свалить «диктатора», его вчерашние либеральные соратники не остановились перед развалом детища Боливара — Великой Колумбии. Свергнутый и оболганный, Боливар умер в 1830 г.

Вскоре приближавшаяся катастрофа приняла более явные очертания и побудила наиболее трезво мыслящую часть предпринимателей и политических деятелей отвергнуть либерализм. В итоге упорной борьбы с 1830-х годов почти везде в Латинской Америке у власти утвердились консерваторы — Хуан Мануэль де Росас в Аргентине (1835—1852), Андрес де Санта-Крус и Мануэль Исидоро Бельсу в Боливии (1829—1839 и 1848—1855), Антонио Лопес де Санта-Анна в Мексике (1833—1855), Диего Порталес в Чили (1830—1837), Хосе Рафаэль Каррера в Гватемале (1838—1865), Габриэль Гарсия Морено в Эквадоре (1859—1875).

¹ Цит. по: *Сен Л.* Указ. соч. С. 255.

§ 2. Национальные разновидности консервативных режимов 1830—1860-х годов

Аргентина

Территория бывшего вице-королевства Рио-де-ла-Плата даже в урезанном виде

оставалась громадной, а проживавшее здесь немногочисленное население было сосредоточено в удаленных друг от друга городах и поселках. Так, например, на расстоянии 200 лиг (свыше 800 км), разделявших Росарио и Сан-Луис, находилось лишь полдюжины поселков, насчитывавших от 200 до 500 жителей. Как сами лаплатские города и села, так и курсировавшие между ними торговые караваны подвергались постоянным нападениям со стороны враждебных кочевых индейских племен.

После объявления независимости (1816 г.) в стране еще долго продолжалась ожесточенная борьба между унитариями и федералистами. Главным оплотом унитариев, которыми здесь выступали либералы, оставалась провинция Буэнос-Айрес, превосходившая все другие провинции в экономическом отношении, концентрировавшая 1/4 всего населения страны и почти всю внешнюю торговлю. За федерализм выступали прибрежные провинции Энтре-Риос, Коррьентес и Санта-Фе, сходные по социально-экономической структуре с Буэнос-Айресом, но зависимые от него в ведении внешней торговли. Федералистскими являлись и внутренние провинции Кордова, Сальта, Тукуман, Куйо и др., которые в колониальный период занимались не столько торговлей с метрополией, сколько снабжением горнодобывающих центров Верхнего Перу тягловым скотом, продовольствием и ремесленными изделиями. Мануфактурными и ремесленными изделиями внутренние провинции снабжали также Буэнос-Айрес и другие прибрежные провинции, хотя огромные расстояния Аргентины и уязвимость путей сообщения для набегов кочевых индейцев значительно удорожали и делали их продукцию неконкурентоспособной даже в отношении европейских товаров, привозившихся из-за океана.

В результате непрерывных гражданских войн, в которых каждая провинция выдвинула собственного каудильо, не раз менялись принципы государственного устройства Объединенных Провинций Рио-де-ла-Платы (с 1826 г. — Аргентины). Так, принятая в 1819 г. конституция отразила победу централистов. Но уже в феврале следующего года отряды монтерос Санта-Фе и гаучо Энтре-Риоса разгромили войска унитариев Буэнос-Айреса в битве при Сепеде, и страна вернулась к федеративному устройству.

Последний всплеск унитаризма и либерализма в предшествующий установлению консервативного режима период был связан с именем

одного из лидеров Майской революции — Бернардино Ривадавы. Несколько лет Ривадава провел в изгнании в Европе, где познакомился с английским философом-либералом и создателем учения утилитаризма Иеремией Бентамом, влияние которого прослеживалось практически во всех аспектах его политики в Аргентине. В 1821 г. после возвращения на родину Ривадава стал министром внутренних и иностранных дел в правительстве провинции Буэнос-Айрес и провел ряд реформ либерального толка. В частности, он отменил церковную десятину и конфисковал имущество некоторых монашеских орденов, декларировал неприкосновенность частной собственности, заменил подоходный и земельный налоги вывозными и ввозными таможенными пошлинами, открыл провинцию для свободной торговли с англичанами, всячески стремился привлечь иностранный капитал и европейских иммигрантов. Эти меры сопровождались и иными классическими буржуазными законами, включая законы 1821—1823 гг. по борьбе с бродяжничеством, направленные в первую очередь против гаучо.

Особый интерес у исследователей вызывает введенная Ривадавой система долгосрочной аренды государственных земель — эмфитевс, поскольку многие видят в ней средство сдерживания роста латифундизма и поощрения фермерских хозяйств. С первым утверждением можно безоговорочно согласиться, так как сельским предпринимателям земля не продавалась, а лишь сдавалась в аренду на 20-летний срок, по прошествии которого арендная плата в пользу государства пересматривалась. Второе же положение опровергается самой аргентинской действительностью, ибо с 1824 по 1827 г. 171 пользователю было выделено в среднем по 15 тыс. га эмфитеутных земель.

В 1824 г. новый конституционный конгресс восстановил унитарный принцип государственного устройства Аргентины, и Ривадава, став президентом страны в феврале 1826 г., попытался провести подобные реформы в остальных провинциях. Резкое обострение всего комплекса внутренних противоречий в сумме с неудачными попытками отвоевать в 1825—1828 гг. у Бразилии Восточный Берег (согласно договору между Аргентиной и Бразилией, Восточный Берег превратился в независимое государство Уругвай) способствовало отставке и изгнанию Ривадавы. С этого момента начинается восхождение Росаса к власти.

В те времена крупные скотоводы провинции Буэнос-Айрес, поставлявшие продукты животноводства на внешний и внутренний рынки, были вынуждены во многих районах провинции, особенно на юге и юго-западе, соседствовать с воинственными индейскими кочевыми племенами. Овладев лошадьми, завезенными еще испанцами, кочуя по бескрайним просторам аргентинской пампы, индейцы стали грозной

силой для пограничных земельных владений. По этой причине каждый землевладелец был одновременно военным каудильо во главе вооруженного кавалерийского отряда, набранного из гаучо, пеонов и бывших негритянских невольников собственных поместий. «Индийскую» проблему скотоводам не всегда удавалось решить военными средствами, и приходилось вступать с кочевниками в переговоры, сохраняя эстансии от опустошения посредством выплаты дани в виде табака, сахара, йербы-мате, маиса, соли, скота, водки и вин.

Хуан Мануэль де Росас (1793 — 1877) как раз и являлся одним из таких скотоводов. В молодые годы он принял активное участие в разгроме английских интервентов, а с 1811 г. во главе своего кавалерийского отряда «Колорадос дель Монте» состоял на службе в ополчении у правительства Буэнос-Айреса, хотя по большей части воевал с кочевниками и принимал участие в гражданских войнах между унитариями и федералистами на стороне последних. Тем не менее Росас превратился в грозного каудильо и в 1828 г. получил чин генерала.

К этому времени европоцентризму и унитаризму Ривадавы в Буэнос-Айресе уже отчетливо противостояла национальная и федералистская тенденция, получившая отражение не только в настроениях «низов», но и в верхах, среди той части скотоводов, которую беспокоила европеизация провинции с присущими ей укреплением позиций англичан, а также возрастанием социальной напряженности. Эта же тенденция в 20-е годы получила отражение и в аргентинской литературе: появились первые оригинальные произведения, положившие начало новому жанру — поэзии гаучо, обращавшейся в поисках национальных символов к истокам народных традиций пампы и сделавшей таким символом аргентинского народа образ пастуха-скотовода, вольного жителя пампы, отчаянного смельчака, укротителя диких лошадей и бесстрашного бойца освободительных армий.

Мировоззрение и сама фигура Росаса как нельзя лучше подходили для соединения «верхов» и «низов» лаплатского общества в деле строительства аргентинской нации и государственности. Он первым внедрил в провинции Буэнос-Айрес солилью — *саладеро* — и сделал свое семейство одним из богатейших в стране. Его взгляды на управление страной отчетливо проявились в изданном в 1831 г. руководстве по управлению скотоводческими эстансиями. Советуя никогда не допускать в эстансию «собак, иностранцев и докторов», он пояснял в наставлении: «Собаки путаются под ногами и мешают; иностранцы не умеют пользоваться болас и лассо; доктора же выступают теоретиками, думают все время о Европе и живут спиной к своей стране»¹.

¹ Historia de la Argentina. Década de 1830. 1831. <http://www.historiadelpais.com.ar/1831.htm>.

Росас хорошо знал психологию простого народа, особенно гаучо, говорил их простым языком, всегда носил их костюм, слыл отличным наездником, пользовался у них репутацией человека пампы и был их любимцем. Даже в отношении индейцев-кочевников Росас высказывался в 20-е годы за мирное сосуществование, полагаясь более на подкуп их верхушки, чем на собственные военные силы, а в 1826 г., когда правительство Ривадавы вместо требуемых Росасом средств для «дани» организовало военную экспедицию против индейцев и вызвало ответные набеги на поместья, он выступил с резкой критикой правительства.

Сразу после отставки Ривадавы Росас в 1827 г. получает назначение главнокомандующим ополчения Буэнос-Айреса, а в 1829 г. становится губернатором своей провинции. Ярый федералист, Росас тем не менее совместно с прибрежными провинциями принял активное участие в разгроме Лиги внутренних провинций. Он также выступал против тех федералистов Буэнос-Айреса, которые желали отделения провинции от остальной части страны, дабы, обладая прекрасными пастбищами, скотом и удобным портом, сосредоточить свои усилия исключительно на внешней торговле с Англией и другими европейскими державами.

Федерализм Росаса был особого свойства. Представляя гегемонистскую группировку скотоводов Буэнос-Айреса, он обрушился с нападениями и репрессиями на их либеральные круги за разрушение порядка и разгул анархии. В этих условиях федерализму, по его мнению, предстояло решить следующие задачи: сначала в каждой из провинций Аргентины укрепить прежние порядки — порядки колониальных времен, — после чего Буэнос-Айрес как наиболее богатая и динамичная провинция смогла бы на основе общих интересов объединить вокруг себя остальные провинции, используя механизм соглашений, подкупов, а если потребуется, то и силой.

В Буэнос-Айресе он восстановил отмененные унитариями законы, за что получил титул реставратора законности. Он навел порядок в государственных финансах и администрации. При нем в провинции наметился рост овцеводства, ориентированного на экспорт шерсти. Поэтому даже после ухода с поста губернатора Росас продолжал укреплять свой авторитет в стране.

Его популярность возросла после проведения в 1833 г. военной экспедиции против арауканизированных индейцев юго-западной пампы — кампании по завоеванию пустыни, в ходе которой он истребил 10 тыс. аборигенов и захватил 500 тыс. га новых земель между реками Лимай и Неукен. По возвращении «национального героя» в Буэнос-Айрес ему снова предложили пост губернатора провинции. Росас выдвинул предварительным условием предоставление ему чрезвычайных полномочий посредством проведения плебисцита. Плебисцит со-

стоялся в апреле 1835 г., и подавляющим большинством голосов (9320 против 8) он был наделен чрезвычайными, по существу диктаторскими, полномочиями.

Основным направлением аграрной политики Росаса стало укрепление латифундизма. С этой целью он распродал новые захваченные у индейцев земли крупным скотоводам и, сверх того, обязал арендаторов государственных эмфитеутных земель выкупить арендуемые поместья в частную собственность. В результате к 1840 г. долгосрочная система аренды была полностью ликвидирована.

Еще в первый срок губернаторства Росас свернул и другое начинание Ривадавы — иностранную иммиграцию. Декретами провинциального законодательного собрания в 1829 г. были аннулированы контракты с колонизационными компаниями, а в 1830 г. упразднена Комиссия по иммиграции. В обоих случаях эти меры обосновывались тем, что политика привлечения иностранных иммигрантов не принесла стране ничего, кроме увеличения государственных расходов.

За время правления Росаса аргентинский экспорт через порт Буэнос-Айрес (с 1825 по 1850 г.) утроился. Но развитие внешней торговли Росас стремился разумно сочетать с защитой интересов провинциальных групп предпринимателей. Так, в 1835 г. с устранением таможенных пошлин между аргентинскими провинциями он одновременно повысил пошлины и ввел запрет на ввоз в страну некоторых промышленных и сельскохозяйственных продуктов, конкурировавших с местным производством. В 1841 г. эти меры были дополнены покровительственным декретом, предоставлявшим учредителям новых производств монопольные привилегии внутри страны. Одним из положительных результатов протекционизма Росаса стало превращение Аргентины из страны ввозящей пшеницу в страну, ее вывозящую.

Этот протекционизм не раз становился поводом для обострения отношений с Англией и Францией. Поначалу Росас обложил высокими пошлинами те импортные товары, которые доставлялись в Аргентину через посредничество купцов г. Монтевидео. Когда же в Уругвае началась очередная гражданская война, он поддержал оппозиционные президенту Ривере силы, за которого выступала Франция. В 1838 г. французский флот установил блокаду Буэнос-Айреса, захватил аргентинский о. Мартин-Гарсия и потребовал предоставления Франции наиболее благоприятствующего режима — важной уступки в сфере торговли. Этой цели Франции добиться не удалось, и в 1840 г. она была вынуждена снять блокаду Буэнос-Айреса и возвратить Аргентине захваченный остров.

В 1840 г. в целях подчинения прибрежных провинций Буэнос-Айресу Росас лишил их права свободного судоходства по рекам Парана и Уругвай. В ответ провинции совместно с Уругваем начали военные

действия. Армия Росаса разбила противника, а в феврале 1843 г. осадила Монтевидео, постоянно конкурировавший с Буэнос-Айресом. В 1845 г. в этот конфликт вмешались Англия и Франция, блокировав Буэнос-Айрес. Помимо вывода аргентинских войск из Уругвая великие державы потребовали от Росаса открыть реки Парана и Уругвай для свободного плавания английских и французских судов, предоставив свободный доступ иностранным товарам на внутренний рынок Аргентины. Конфликт продлился 4 года. Аргентина вывела свои войска из Уругвая, но не сняла осаду Монтевидео. Главное же заключалось в том, что по мирным договорам 1849 и 1850 гг. Англия и Франция были вынуждены признать вопрос о свободе речного судоходства внутренним делом самой Аргентины.

Таким образом, укрепление частной собственности латифундистов на землю и сочетание системы свободы торговли и протекционизма позволили правящему классу Буэнос-Айреса несколько снизить накал его противоречий с провинциальными группами латифундистов и промышленников, добиться в определенной мере подчинения их своим интересам. Это подчинение происходило в основном экономическим путем, хотя случались и конфликты, в ходе которых Росасу приходилось использовать не только «пряник», но и «кнут» — военную силу. Тем не менее Росас вел поиски, и часто успешные, компромиссных путей консолидации аргентинской нации вокруг Буэнос-Айреса.

Таким средством сплочения различных групп экономически господствующего класса при Росасе было наступление на индейские земли и свободу аргентинских гаучо. В отношении первых «поход в пустыню» 1833 г. служит лучшим примером. Что же касается гаучо и других работников поместий, то Росас не только подтвердил прежние законы по борьбе с бродяжничеством, но и дополнил их новыми мерами. В частности, он составил специальные инструкции управляющим поместьями, по которым гаучо и пеонам запрещалось разводить даже домашнюю птицу или охотиться на страусов, потому что их продажа на рынке давала работникам хоть какой-то не зависимый от латифундиста источник существования. Так постепенно свободолюбивый гаучо превращался в настоящего наемного рабочего.

Несмотря на усиление эксплуатации «низов», вплоть до конца правления Росаса (1852 г.) особых народных волнений не происходило, и процесс консолидации аргентинской нации шел по восходящей линии. Немаловажной причиной тому послужило то обстоятельство, что и в социальной политике Росас проявлял куда большую гибкость, нежели либералы-централисты. Например, ограничивая свободу основной массы гаучо и пеонов, он одновременно расширил каналы социальной мобильности для некоторой их части, включая наделение

землей и выдвижение на высокие командные посты в армии наиболее отличившихся на военной службе выходцев из простого народа.

Росас всячески использовал классовую ненависть «низов» к «верхам» в политической борьбе, умело направляя ее против своих врагов. Еще в 1833 г. 40 мелких лавочников, мясников и фермеров по инициативе священников организовали в Буэнос-Айресе Народное общество реставрации, более известное под названием «Масорка»¹. Первоначальной целью Общества являлась помощь правительству в поддержании общественного порядка, но во второе правление Росаса «Масорка» превратилась в инструмент подавления всякой оппозиции реставратору, в особенности «диких унитариев», многие из которых были казнены, а остальные отправлены в эмиграцию.

Объединению нации должна была служить и усиленная идеологическая обработка населения. Росас отказался от либерализма и постоянно преследовал его идеологов в Аргентине. В качестве же национальной основы он избрал ценности испанского наследия. Важным элементом этого наследия стало увеличение роли католической церкви в общественной жизни страны. Ей возвратили отобранные либералами богатства. В стране в 1836 г. был восстановлен Орден иезуитов, в руки которого отдали школьное образование. Еще с 1831 г. в стране действовали декреты, запрещающие ввоз и распространение книг, картин, скульптур и гравюр, оскорбляющих религию и нравственность.

Так формировалась испанофильская идеология и практика, получившая позднее название «испанидад». И надо признать, что эта идеология вкупе с экономической и социальной политикой Росаса, с внешнеполитическими конфликтами (с Уругваем, Англией и Францией), несомненно, способствовала формированию национального самосознания аргентинцев, консолидации нации и национального государства.

Укрепление национальной общности и суверенитета Аргентины, наведение столь необходимого буржуазии порядка в стране, ее выдвижение при Росасе на роль гегемона в обществе — все это можно записать в актив аргентинского консервативного режима.

Разумеется, противоречия внутреннего развития Аргентины не исчезли, они даже обострились. Не случайно падение Росаса будет связано с крупным федералистским восстанием прибрежных провинций в 1852 г.

Чили

Попытки проведения реформ либерального толка, предпринятые с 1818 по 1830 г. правительствами О'Хиггинса, Фрейре и Пинто, как и в остальных освободившихся государствах Латинской Америки, вызвали в Чили мощ-

¹ Mazorca — кукурузный початок, символ Народного общества реставрации.

ные федералистские движения, оказавшие огромное влияние на политическое устройство страны.

Главной фигурой среди сменивших их у власти консерваторов стал Диего Порталес (1793 — 1837). Он приветствовал национально-освободительную революцию в Чили, но выступил личным противником ее руководителей за их «бездумное копирование чуждых образов». «Демократия, которую так расхваливали наивные умы, — писал Порталес, — является абсурдом в американских странах, где процветают все пороки, а граждане лишены всякой добродетели, без чего невозможно установление подлинной республики. Но и монархия не может быть американским идеалом». Порталес хотя и предлагал установить республику, но понимал ее по-своему, по-американски: «как сильную, централизованную власть, представители которой должны быть истинными образцами добродетели и патриотизма и собственным примером направлять своих сограждан по пути добродетели и порядка. И лишь когда весь народ сделается высоконравственным, настанет час правительства в полном смысле либерального, свободного, устремленного к идеалу, правительства, открытого для всех членов общества»¹.

Диего Порталес формально не являлся главой государства, в 30-е годы XIX в. в разное время он занимал посты министра внутренних и иностранных дел, юстиции, народного образования, военного и военноморского министра, был губернатором Вальпараисо и вице-президентом. Но фактически именно он правил в 1830 — 1837 гг. всей страной, широко используя при этом авторитарные методы правления в нарушение конституции. «...Я полагаю так, — писал он, — что законы законами, а эту дамочку по имени Конституция приходится насилловать, когда обстоятельства к тому вынуждают. Да и какая в том беда, коль скоро в первый же год с этой барышней такое уж не раз приключалось из-за ее полнейшей никчемности»².

Но в отличие от Росаса Диего Порталес и президенты при нем не обладали чрезвычайными полномочиями, а действовали в определенном соответствии с конституцией, особенно с принятием в 1833 г. консервативной конституции. Согласно новому Основному закону Чили, избирательное право предоставлялось мужчинам, достигшим 21 года, умевшим читать и писать и удовлетворявшим требованию имущественного ценза. В палату депутатов конгресса могли быть избраны граждане с годовым доходом не менее 500 песо, а в сенат — с доходом не ниже 2 тыс. песо. С помощью этих цензов от участия в политической жизни отстранялось подавляющее большинство населения, а принятие

¹ Цит. по: *Сен Л.* Указ. соч. С. 254.

² Там же. С. 259.

политических решений сосредоточилось в руках лишь богатой верхушки чилийского общества.

По конституции 1833 г., значительно расширились полномочия президента, который теперь обладал правом абсолютного вето, мог вводить осадное положение, назначал не только кабинет министров, но и членов Государственного совета, который выполнял при нем функции совещательного органа. Срок его полномочий определялся в 5 лет, после чего президент мог быть переизбран на следующий срок. Новая конституция исключила статью о незаконности преследований по политическим мотивам. Она объявляла католическую религию государственной, а церкви возвратила конфискованное либералами имущество и многие из прежних прав.

Консерваторы расширили внешнеторговые операции Чили: если в 1815 — 1820 гг. ее торговлю с Англией контролировали всего 2 — 3 корабля, то в 1847 г. в Англию с продуктами чилийского экспорта прибыло уже свыше 300 кораблей. Порталес при участии министра финансов М. Ренхифо устранил остававшиеся с колониальных времен внутренние таможенные пошлины (они мешали развитию торговли между провинциями и укреплению национального рынка), ввел подоходный и имущественный налоги, сделал государственный аппарат более дешевым за счет сокращения числа чиновников, проводил крупные общественные работы, в частности по улучшению чилийских портов, которые в 1835 г. были соединены паровой линией. За время правления Порталеса в стране, кроме серебра, получила развитие добыча меди и селитры. Всего за пять лет, с 1830 по 1835 г., государственные доходы увеличились вдвое.

Но и в Чили консерваторы стремились сочетать свободу торговли с системой протекционизма. Так, таможенные законы были дополнены специальными декретами, направленными на установление исключительного права чилийских морских судов осуществлять перевозки между чилийскими портами, на снижение таможенных тарифов на иностранные товары на 10% в том случае, если они ввозились в страну на чилийских судах, и на 20%, если эти суда были построены в Чили. Благодаря перечисленным мерам чилийский торговый и военный флот был самым мощным на тихоокеанском побережье Америки вплоть до тех пор, пока в США оставался не освоенным «дикий» Запад. Были повышены таможенные налоги на ввоз в страну сельскохозяйственных продуктов, освобождены от некоторых видов налогообложения производители технических культур, поставщики сельскохозяйственных орудий, научных приборов, рыбаки. В целях развития мукомольной промышленности в Чили вывоз муки облагался более низкими налогами, чем вывоз зерна.

Таким образом, несмотря на отстранение либеральных кругов буржуазии от власти, консервативный режим Порталеса, представлявший в первую очередь землевладельческую и торговую аристократию провинции Сантьяго, способствовал дальнейшему росту капитализма в Чили как на основе увеличения экспорта, так и на основе содействия становлению внутреннего рынка страны.

Сплочению рядов экономически господствующего класса и формированию его устойчивой социальной базы должна была помочь и аграрная политика Порталеса. С одной стороны, он как будто бы восстановил отмененный О'Хиггинсом майорат, а с другой — дал толчок экспроприации индейцев и захвату их земель латифундистами и колонистами, в частности тем, что в 1833 г. добился установления новой границы с территорией непокоренных индейских племен арауканов, сохранявших свою независимость с колониальных времен.

Как и в Аргентине, при Росасе сплочение «низов» и «верхов» чилийского общества осуществлялось Порталесом не только экономическими и политическими мерами, но и с помощью идеологии. Авторитарный буржуазный республиканец и националист, Порталес ратовал за испанские традиции и поднятие авторитета католической церкви в обществе. Новая идеология, покоившаяся на идее о преемственности между колониальным прошлым и независимым настоящим, получила название «чиленидад», и ее основателем по праву считается Диего Порталес.

Развивая основы буржуазных отношений в Чили, режим Порталеса тем самым подготовил условия для своей ликвидации в будущем. База либерализма была укреплена интенсивным «выращиванием» горнодобывающей экспортной буржуазии на севере страны и агроэкспортной буржуазии на юге. Правда, консерваторы пытались ослабить позиции либералов в армии, создав в качестве противовеса Гражданскую гвардию, сформированную из молодежи богатых семей провинции Сантьяго. В этом кроется одна из причин убийства Порталеса недовольными армейскими офицерами в 1837 г. во время смотра чилийских войск, участвовавших в войне против перуано-боливийской конфедерации в 1836—1839 гг.

Однако те основы классового господства, которые были заложены консервативным режимом и освящены конституцией 1833 г., сослужили добрую службу последующим поколениям чилийских буржуа, в том числе и самим либералам. Лучшим доказательством тому является долгожительство порталианской конституции, которая без существенных изменений обеспечивала господство буржуазии в течение почти целого столетия, вплоть до 1925 г.

отделения от Колумбии в 1830 г., уже в колониальный период имела дуалистическую (двойственную) структуру экономики. На тихоокеанском побережье — *косте* — развивалось плантационное хозяйство, ориентированное на экспорт какао, хлопка и других тропических культур, вывозившихся из страны через порт Гуаякиль. В горных районах *сьерре* — крупные земледельческие асьенды продовольственной ориентации соседствовали со связанными с ними индейскими общинами и традиционным ремесленным производством. Либерализм имел главной базой побережье, в то время как противостояли ему внутренние горные районы, где федералистские тенденции опирались на традиционно крепкие провинциальные рынки. С силой этих связей, с множеством интересов, зависимых от них и требовавших протекционизма, был вынужден считаться даже С. Боливар, когда в 1829 г., будучи президентом Колумбии, издал специальный декрет о запрете ввоза в Кито иностранных тканей.

Между двумя полюсами эквадорского общества шла длительная и упорная борьба, которая часто принимала формы военных мятежей, переворотов и гражданских войн, но не давала перевеса ни одной из сторон. С середины XIX в., когда в Западной Европе и Северной Америке начался промышленный переворот, у экспортной буржуазии *косты* появились заманчивые перспективы на мировом рынке.

Попытки либеральных преобразований с целью сломать установившееся равновесие и приспособить страну к потребностям мирового рынка энергично предпринимались либеральными президентами Х.М. Урбиной (1851 — 1856) и Ф. Роблесом (1856 — 1859). Под знаменем либерализма в этот период бурно развивался процесс захвата латифундистами мелких крестьянских земельных участков, «пустующих» земель; создавались экспортные плантации какао и других тропических культур. Порт Гуаякиль приобрел невиданную прежде торговую активность, в горные районы с *косты* устремился поток иностранных промышленных товаров, а на *косту* — рабочие руки из *сьерры*.

Непосредственным результатом либеральных мероприятий стало резкое обострение противоречий между буржуазно-помещичьими группировками *косты* и *сьерры* и рост социальной напряженности, вследствие чего страна была ввергнута в тяжелейший социально-экономический кризис. В Кито, Лохе, Куэнке и Гуаякиле сформировались самостоятельные правительства. Воспользовавшись внутренними неурядицами Эквадора, в страну вторглись перуанские войска.

В этой критической обстановке на политической арене Эквадора появился выдающийся деятель эквадорского консерватизма Гарсия Морено. Установленный им режим отличался от аналогов в Латинской Америке тем, что по заключенному в 1862 г. конкордату с Ватиканом католическая церковь приобрела огромную власть в стране. Католицизм был объявлен официальной и единственной религией Эквадора, в руки церковников передали систему образования, в том числе право осуждать учителей и запрещать книги, была предоставлена свобода передвижения иностранным религиозным общинам, а церкви — право приобретать собственность. Так называемая Черная конституция 1869 г. подтвердила положения конкордата. В страну было разрешено вернуться изгнанным либералами иезуитам. Наконец, в 1873 г. Морено официально объявил Эквадор «Республикой сердца Иисуса».

Эти мероприятия, взятые в отрыве от социально-экономической политики режима, но непременно в сумме с диктаторскими методами правления Гарсии Морено, делают эквадорского правителя для либеральной историографии одной из самых одиозных фигур среди лидеров латиноамериканского консерватизма. Морено изображается «религиозным фанатиком», «мрачным гением ненависти», страдавшим «психопатической склонностью к насилию», а его режим — не иначе как теократической диктатурой. Консервативные авторы, напротив, всячески превозносят эту личность как «мученика» и «святого». Национальным и народным героем Эквадора видят Морено отдельные ревизионисты. Так кем же в действительности был эквадорский диктатор?

Габриэль Гарсия Морено (1821 — 1875) родился в семье испанца и местной креолки, занимавшейся небольшим торговым бизнесом. Юношей он получил юридическое образование в университете Кито и уже тогда приобрел репутацию страстного публициста, блестящего оратора и ярого якобинца, который даже организовал неудавшееся покушение на жизнь тогдашнего президента Эквадора Хуана Хосе Флореса. Покинув родину, Морено отбыл во Францию, где изучал химию и религию в Сорбонне. События 40-х годов во Франции потрясли молодого человека, толкнув его на крайне консервативные позиции.

Вернувшись в Эквадор, Морено включился в политику в русле клерикализма и боролся теперь с либералами с не меньшим рвением, чем когда-то поддерживал их. В 50-е годы он стал ректором Центрального университета и сенатором, а когда разразился кризис 1859 г., сумел сплотить и возглавить три самостоятельные прежде провинции сьерры. Отсюда вместе с тем самым Х. Х. Флоресом, на жизнь которого покушался в юности, Морено выступил против либерального правительства Гуаякиля, нанес ему решительное поражение, а вслед за тем вынудил перуанцев отступить на свою территорию. Новая кон-

ституция 1861 г. установила власть консервативного режима Гарсии Морено, который единолично правил страной в течение 15 лет (за исключением 1864 — 1869 гг., когда во главе государства формально находились его ставленники Х. Каррион и Х. Эспиноса).

Встав у кормила государственной власти, Гарсия Морено начал добиваться объединения Эквадора и наведения в нем «порядка». С этой целью он обрушил репрессии на либеральные круги, ввергавшие, по его мнению, страну в состояние хаоса и анархии. Ключевым механизмом своей политической системы он избрал церковь, так как, по его словам, «это — единственная связь, которая осталась у нас в стране, столь разобщенной интересами и страстями партий, районов и рас»¹.

Морено отнюдь не пытался вернуть Эквадор в колониальное прошлое. Напротив, его правительство осуществляло сверху довольно крупные реформы и мероприятия именно в целях содействия буржуазному развитию страны.

Особое внимание Гарсия Морено уделял сфере экономики. Всемерно развивалась внешнеторговая деятельность буржуазии косты, строились пути сообщения между костой и сьеррой, включая железную дорогу, создавались банки, упорядочивались и увеличивались налоговые поступления в государственную казну. Этими мерами режиму удалось снизить остроту противоречий между латифундистами и торговцами косты и латифундистами и промышленниками сьерры, улучшить инфраструктуру (особенно транспортные коммуникации) страны, модернизировать экономику.

В социальной сфере наибольшую активность режим Гарсии Морено проявил в области образования, которое рассматривал с точки зрения подготовки кадров для нужд капиталистического развития страны. С помощью специальных декретов 1869 и 1871 гг. он централизовал управление школами, пересмотрел учебные планы, ввел более строгие требования к сдаче экзаменов на всех уровнях. В целях искоренения неграмотности и распространения обязательного начального образования для всех детей индейцев Гарсия Морено создал «нормальный колледж», в котором готовились из среды индейцев сельские учителя, издал декрет, освобождавший от «вспомогательных работ» (формы принудительного труда индейцев) родителей тех детей, которые посещали школу. Только за 8 лет, с 1867 по 1875 г., число учащихся в стране выросло с 13,5 до 32 тыс. человек.

¹ *García Moreno G.* Mensaje a la Convención Nacional de 1869//*Novoa A.* Recopilación de mensajes dirigidos por los presidentes y vicepresidentes de la República, jefes supremos y gobiernos provisorios, a las convenciones y congresos nacionales: 1819—1906. Guayaquil: El Tiempo, 1900—1907. Vol. III. P. 105.

Диктатор считал полезным лишь техническое и специальное образование, и оно развивалось на базе созданных 'средних специальных школ, политехнических институтов, музыкальных, художественных и прочих училищ. В Кито была учреждена астрономическая обсерватория, оснащенная лучшим по тем временам оборудованием в Южной Америке. Но способствуя расширению подготовки квалифицированных рабочих рук, Морено свертывал в стране гуманитарное образование, заменяя его жесткой аристократической и клерикальной идеологией. Ему нужна была грамотная и квалифицированная, но в то же время пассивная и послушная рабочая сила. И в такой односторонней подготовке незаменимую помощь режиму оказывала католическая церковь и радушно принимавшиеся в Эквадоре испанские, французские и немецкие иезуиты. В итоге получалась противоестественная картина: на фоне несомненных успехов в области образования пылали костры из запрещенных клерикалами книг.

Но не только образование играло роль в воспитании народных масс по Морено. Крупные успехи в сфере экономики достигались понижением жизненного уровня и подчинением эквадорских трудящихся жесткой трудовой дисциплине. Справедливости ради следует упомянуть меры диктатора, направленные на ограничение злоупотреблений помещиков в отношении свободных крестьян и индейцев-общинников, в частности введение в 1860 г. запрета на физические пытки работников. В то же время при Гарсии Морено неоднократно вспыхивали восстания крестьян-общинников, вызванные тяжестью налогов, жестоко-стью эксплуатации или желанием вернуть утраченные общинные земли. Крупнейшее из них произошло в 1871 г. в провинции Чимборасо, где индейцы хотели покончить со злоупотреблениями помещиков и тяжелыми налогами, установленными правительством. Как и многие другие, это восстание было жестоко подавлено консервативным режимом. Главарь восстания Франсиско Дакилема, схваченный властями, был приговорен военным трибуналом к смертной казни и расстрелян.

Таким образом, позитивная сторона консервативного режима Гарсии Морено заключается в том, что он, широко используя экономические, социальные, политические и идеологические средства, обеспечил в стране буржуазный «порядок», в какой-то мере сплотил прежде непримиримые группировки буржуазно-помещичьей олигархии, укрепил ее классовое господство над трудящимися и на этой основе придал динамизм капиталистическому развитию, упрочил национальный рынок и заложил основы консолидации эквадорской нации. Однако в политике Гарсии Морено с самого начала было заложено противоречие, которое по мере обострения неизбежно должно было подорвать и его режим. Успехи в развитии капитализма укрепляли базу либерализма на побере-

жье и в стране в целом, между тем как вся политико-идеологическая система режима была задействована на борьбу против всякого свободного мысля. Вполне закономерная развязка наступила 6 августа 1875 г., когда у входа в национальный дворец Гарсия Морено был зарублен мате (длинным ножом для рубки сахарного тростника), хотя, возможно, Фаустино Райо, осуществивший этот акт, и помогавшие ему молодые либералы не осознавали, что приводили в исполнение приговор, подписанный диктатору самой исторической необходимостью.

Боливия

К моменту завоевания независимости Верхнего Перу население этой страны на 80% состояло из индейского общинного крестьянства. Крестьяне вели натуральное земледельческое хозяйство, одновременно отрабатывая миту в серебряных рудниках. Обязательство выплачивать подушную подать заставляло их наниматься на подработки к крупным латифундистам. Отсюда весь процесс либеральных реформ в Боливии не мог не являть собой длительную и упорную борьбу боливийской буржуазии с громадным большинством своего народа.

Буржуазным преобразованиям в Боливии положили начало ее освободители — С. Боливар и А. Х. Сукре. Первому принадлежит попытка консолидации ведущей фракции боливийских буржуа — горнопромышленников и укрепления их позиций на основе союза с английским капиталом. С этой целью Боливар в 1825 г. объявил о распродаже и сдаче в аренду заброшенных в годы войны серебряных рудников частным лицам и компаниям. В Лондоне немедленно были созданы горнопромышленные ассоциации Потоси, Ла-Паса и «Перуанская горнодобывающая ассоциация», но уже в декабре выяснилось, что восстановление рудников было связано с огромными капиталовложениями, и компании потерпели банкротство.

Создавая рынок наемной рабочей силы, Боливар и Сукре отменили миту и личные услуги индейцев латифундистам, заменили подушную подать всеобщим подоходным налогом и попытались ликвидировать общинное землевладение посредством его распределения в частную собственность. Эти реформы сопровождались конфискацией церковных земель, установлением государственного контроля над сбором церковной десятины, распродажей «пустующих» земель в счет погашения государственного долга. Общим результатом реформ стала концентрация земельной собственности в руках латифундистов и горнопромышленников. Тем не менее размеры этой концентрации были явно недостаточными, чтобы вынудить боливийских индейцев продавать рабочую силу.

Медленные темпы восстановления серебряных рудников, отсутствие других значимых продуктов экспорта и неблагоприятная внешне-экономическая конъюнктура в сумме с недоразвитостью рынка наемного труда побудили господствующий класс отказаться от освобождения рабов (несмотря на декларацию этой меры конституцией 1826 г.), реставрировать подушную подать (с 1835 по 1865 г. она давала государству около 80% бюджетных поступлений) и приостановить распределение общинных земель между их пользователями, а недостаток рабочих рук на рудниках покрывать за счет «добровольной миты». Эти меры обусловили падение руководящей роли горнопромышленников и торговцев, распри между провинциальными фракциями господствующего класса, общее состояние хаоса и анархии в стране.

В среде оппозиционеров, быстро усиливших свое влияние из-за обострившихся в результате реформ противоречий, выделились два основных крыла. Первое было представлено помещиками во главе с генералом Х. М. Веласко, второе — народными силами в лице бывших бойцов «републикет» («малых республик», служивших опорой антиколониальной борьбе верхнеперуанцев). Среди военных, возглавлявших эти силы, заметной фигурой был Андрес де Санта-Крус (1792 — 1865). Этот маршал перешел на сторону борцов за независимость в 1820 г., стал организатором боевых действий против испанцев, сражался в рядах армий Сан-Мартина и Боливара, участвовал в битвах при Хунине и Аякучо (1824 г.), выступил сторонником объединения Перу и Боливии.

После отъезда из Боливии Сукре и некоторого периода ожесточенной борьбы за власть в 1829 г. Санта-Крус был провозглашен президентом страны. Его политика в экономической сфере продолжала некоторые начинания Боливара и Сукре. В соответствии с распоряжением Боливара Санта-Крус сосредоточил усилия на строительстве порта Кобиха на тихоокеанском побережье провинции Антофагаста, чтобы обеспечить действенную связь боливийской экономики с мировым рынком. Он окончательно отменил также принудительный труд индейцев в рудниках, заменив его «добровольной митой», ввел Горнорудный кодекс, защищавший горняков от произвола хозяев, учредил Банк реконструкции рудников для поощрения развития экспортной горнодобычи.

Но в отличие от своих предшественников Санта-Крус стремился сочетать эти меры с протекционизмом в отношении местного производства. При нем был издан закон о значительном повышении таможенных пошлин на потребительские товары и о снижении их на ввозимые в страну оборудование и железную руду, была установлена государственная монополия на экспорт коры хинного дерева, а получаемые от этого доходы пускались в развитие инфраструктуры Боливии. Такую

же политику проводил Санта-Крус и в рамках перуано-боливийской конфедерации, созданной им в 1836 г. в результате присоединения Перу военным путем. Он обложил дополнительными пошлинами те товары, которые ввозились в конфедерацию не непосредственно из Европы, а чилийскими посредниками и англичанами, обосновавшимися в чилийском порту Вальпараисо. Эти меры послужили одной из главных причин вторжения в конфедерацию чилийских войск и ее распада вследствие поражения в войне 1836 — 1839 гг.

С распадом конфедерации был свергнут и режим Санта-Круса. В обстановке затянувшейся борьбы либералов и консерваторов внутри Боливии, интервенций со стороны перуанских либералов, в результате постоянных переворотов и контрпереворотов в 1848 г. президентом страны стал видный лидер боливийского консерватизма и сторонник Санта-Круса — Мануэль Исидоро Бельсú (1808 — 1865). Либеральные историки единодушно именуют Бельсу «жестоким генералом», так как он ликвидировал, по их мнению, конституцию и правил с помощью военно-диктаторских средств, в то время как ревизионисты, ссылаясь на осуществленные им социально-экономические реформы, видят в нем «популиста, националиста и революционера», опиравшегося на «крестьянство и городских ремесленников». Каждая из сторон по-своему права.

Ко времени прихода к власти Бельсу Боливия переживала трудный период. В застое оказалось сельское хозяйство, в котором было занято подавляющее большинство населения страны. Отчасти это было вызвано либеральной политикой свободы торговли в ситуации, когда из конкурентоспособных товаров на мировой рынок Боливия могла вывозить лишь хину, но одновременно страна была вынуждена истратить свыше 14 млн песо за период с 1825 по 1846 г., закупая более дешевые заграничные продовольственные товары, которые могла бы производить сама.

Президент Бельсу развернул кампанию против свободы торговли, доказывая, что эта система лишала боливийских трудящихся работы и обогащала иностранцев и импортеров. Политика протекционизма, напротив, полагал он, могла содействовать развитию боливийской промышленности и, следовательно, благосостоянию трудящихся. Среди практических шагов правительства Бельсу в этом направлении заслуживает внимания в первую очередь попытка национализировать ввоз в страну иностранных товаров. Правда, нехватка кредитов и капиталов не позволила этого сделать.

Другим важным направлением расширения внутреннего рынка Бельсу считал аграрную реформу, с помощью которой надеялся остановить и повернуть вспять процесс обезземеливания крестьянства. Так, в одном из своих официальных выступлений он призывал: «Дру-

зья! Частная собственность является важнейшей причиной большинства обид и преступлений в Боливии, причиной постоянной борьбы между боливийцами и основой нашего современного эгоизма, навечно осужденного нормами всеобщей морали. Нет более владениям! Нет более владельцам собственности! Нет более наследствам! Долой аристократов! Земля для всех; долой эксплуатацию человека...»¹

Хотя никаких официальных декретов в сфере аграрной политики Бельсу не издавал, тем не менее слова не расходились у него с делами. Он не только не противился, но и всячески поощрял занятие индейцами своих прежних земель и восстановление общинного землевладения везде, где латифундисты успели его уничтожить. Боясь бунтарских индейских масс, многие помещики сочли благоразумным в подобной ситуации покинуть свои имения и переселиться в города. Там же, где они пытались оказать сопротивление крестьянам, сторонники президента подавляли их силой. Таким образом в стране была осуществлена настоящая аграрная реформа де-факто.

Такую же позицию занимал Бельсу и в отношении городских «низов». В выступлении перед жителями г. Кочабамбы, не допустившими реставрации власти аристократии в 1849 г., он заявил: «В то время как вы являетесь жертвами голода и нищеты, ваши угнетатели, именующие себя кабальеро, эксплуатируют ваш труд и живут в роскоши. Однако все, что вы видите, принадлежит вам, потому что является продуктом вашего труда. Богатство, которое вы создали, украли у вас те, кто считает себя аристократами»². Вдохновленное таким призывом, население Кочабамбы подвергло грабежу дома и лавки богачей. Президент же назвал этот акт «беспристрастным судом народа».

В интересах народных масс проводились и другие мероприятия. В частности, правительство Бельсу отменило рабство и наиболее одиозные монополии. Большое значение имело содействие укреплению первых профсоюзов трудящихся. Народный характер своего правительства открыто подчеркивал и сам президент, доказывая своим последователям, что всякая власть происходит от народа. Любопытно также, что Бельсу оценивал политическую ситуацию в Аргентине при Росасе по аналогии с собственным режимом в Боливии и поддерживал с аргентинским каудильо самые тесные отношения.

И все же, обладая прочной поддержкой среди боливийских трудящихся, Бельсу избегал установления режима, подобного режиму доктора Франсии в Парагвае. Не создал он и механизмов прямой диктатуры для народа. Напротив, все его политические реформы были

¹ Burns B. La miseria del Progreso. América Latina en el siglo XIX. Panamá, 1987. P. 113.

² Ibid. P. 114.

выдержаны строго в духе конституционализма и нашли позднее свое закрепление в конституции 1857 г. Одним из нововведений в политической области было установление строго фиксированного срока пребывания президента на посту с запрещением переизбрания. В соответствии с этими положениями в 1855 г. в Боливии впервые были проведены действительно свободные и «честные» выборы. Бельсу передал власть своему стороннику, законно избранному новым президентом страны, а сам отбыл в Европу.

В его отсутствие либеральная буржуазия, используя силу, а часто и конституционные механизмы, сумела подорвать созданные Бельсу опоры режима и заменить их своим господством. Открыто это господство проявилось в период диктатуры Мариано Мельгарехо (1864 — 1871), когда снова началась массовая экспроприация общинного крестьянства. Результатом этой экспроприации стала серия крестьянских восстаний, многие из которых проходили под лозунгом «Да здравствует Бельсу!» В одном из таких восстаний в 1864 г. принял участие вернувшийся в Боливию Бельсу. Однако уже в следующем году он был убит в уличном бою. С его смертью сопротивление боливийского крестьянства буржуазии не прекратилось, но проходило теперь разрозненно, и его очаги быстро подавлялись. Большинство проведенных Бельсу реформ в социальной и экономической сферах либералы ликвидировали.

Так завершился один из самых интересных, но в то же время и самых малоизученных периодов истории Боливии.

Мексика

Либеральная и Консервативная партии

Мексиканцы складывались на основе масонских лож, противоборствовавших между собой по целому кругу вопросов, в том числе по вопросу о принципе государственного устройства.

Ложа шотландского ритуала возникла в 1815 г. и дала начало Консервативной партии (создана в 1849 г. Лукасом Аламаном). Она сыграла решающую роль в завоевании независимости Новой Испании. Ложа выступала за централизм и даже установление в Мексике конституционной монархии, каковая и была учреждена в 1822 г. во главе с бывшим главнокомандующим мексиканской армии полковником Агустином де Итурбиде, провозглашенным императором Агустином I.

Ложа йоркского ритуала, ставшая осью фракции пурос, будущей Либеральной партии, формировалась в начале 1820-х годов из сторонников республиканского и федеративного устройства Мексики. В ее создании самое непосредственное участие принимал американский посланник Дж. Пойнсетт, и сами пурос на протяжении всей своей исто-

рии ориентировались на США отнюдь не только в вопросе о принципе государственного устройства.

С момента замены империи республикой в 1824 г. и вплоть до начала 1830-х годов, несмотря на ожесточенное противодействие консерваторов, страной правили в основном либералы. Этот период сопровождался рядом антиклерикальных декретов, отменой старого закона о защите общинного землевладения, сдачей в аренду иностранному капиталу горнорудной промышленности страны, установлением свободы торговли и т.п.

Особую активность проявили мексиканские либералы в привлечении иностранной иммиграции. В принципе ее поощрение являлось одним из краеугольных камней в доктрине всего латиноамериканского либерализма, но подразумевалось под ней переселение в Новый Свет европейцев. У мексиканских же либералов позиция в данном вопросе была иная: поскольку возжеленная ими западная цивилизация располагалась прямо по соседству, у северных рубежей страны, то средство скорейшего приобщения Мексики к плодам цивилизации либералы увидели в массовом переселении именно «цивилизованных» американцев.

Конечно, необходимость иммиграции вызывалась и объективными потребностями страны, так как огромные земельные массивы на севере Мексики действительно были заселены слабо (например, в Тамаулипасе на территории 10 тыс. кв. лиг, или 174 700 кв. км, проживало всего 70 тыс. жителей). При Агустине I в 1823 г. был принят закон о наделении землей мексиканских, а также иностранных колонистов, правда, только тех, кто исповедовал католическую веру. Подчеркивая приоритет мексиканцев, особенно участников войны за независимость, закон выделял для иностранцев 3 типа участков: *лабор* — участок под земледелие площадью 1 млн кв. вар (около 70 га) для наделения рядового колониста-земледельца; *ситьо* — 1 кв. лига (1747 га) для рядового колониста-скотовода; *асьенду* — поместье, равное 5 ситьо (8735 га), для вознаграждения подрядчиков по колонизации (подрядчик за каждые 200 семей привлеченных им колонистов получал 3 асьенды и 2 лабора). Закон освобождал поселенцев от церковной десятины, алькабалы и других налогов и пошлин на ввоз сельхозинвентаря, но предупреждал, что работорговля в Мексике запрещена и потому ввозимых рабов нельзя ни продавать, ни покупать, а родившиеся в стране дети рабов станут свободными по достижении 14 лет.

После замены империи либеральной республикой в августе 1824 г. конгресс, в котором тон задавали йоркцы, принял новый закон об иностранной иммиграции. Теперь в одни руки полагалось не более 1 кв. лиги орошаемой земли, 4 кв. лиг в полосе сезонных дождей и 6 кв. лиг водопойной земли. Не упомянув вероисповедание колонистов, этот за-

кон открыл легальный путь в страну переселенцам из США. Он также уполномочил власти штатов разработать местные законы о колонизации и постановил, что конгресс не вправе запретить въезд иностранным колонистам до 1840 г.

Поскольку в законодательных органах штатов тоже преобладали либералы-федералисты, многие из них начали издавать собственные законы. В Тамаулипасе законами о колонизации 1826, 1830 и 1833 гг. каждому поселенцу, в том числе иностранцу, выделялось 1 ситьо. Законодательное собрание штата Коауила издало в 1825 г. колонизационный закон, обеспечивавший поселенцам возможность получения земельных наделов по крайне низкой цене и в рассрочку, а также освобождавший их от налогов и пошлин в течение первого десятилетия. В 1835 г. собрание выделило для колонистов Техаса еще 400 ситьо земли (около 700 тыс. га). Интенсивная колонизация мексиканских земель американцами развернулась и в Калифорнии. Так были посеяны семена, выросшие вскоре в национальную трагедию.

Несмотря на преобладание либералов в политической жизни страны в указанный период, постоянные восстания индейцев, провинциальных каудильо и борьба консерваторов за власть вносили некоторые коррективы в их политику. В частности, в 1823 — 1825 гг. в либеральном правительстве посты министров внутренних и иностранных дел занимал будущий идеолог мексиканского консерватизма Л. Аламан.

Лукас Игнасио Аламан-и-Эскалада (1792—1853) родился в аристократической семье провинции Гуанахуато, получил воспитание в духовной семинарии и окончил горное училище. Поначалу он верил в предназначение Мексики стать горнодобывающей страной и не только сам вкладывал семейные капиталы в горнорудную промышленность, но и приложил немало усилий для привлечения в отрасль английских, французских, немецких и других иностранных предпринимателей. Впоследствии он стал самым стойким и последовательным сторонником индустриализации Мексики, успехи которой он отмечал как в Европе, так и в США.

Вероятно, именно он внес вклад в постепенное усиление протекционизма в отношении мексиканского промышленного производства. В 1827 г. в стране впервые был принят протекционистский декрет, по которому иностранная продукция, конкурировавшая с мексиканскими производителями, облагалась как минимум 40% таможенной пошлиной, а в отдельных случаях ее ввоз и вовсе мог быть запрещен. Через два года был установлен запрет на ввоз тех изделий, которые конкурировали с мексиканскими. В меру своих сил стремился противодействовать Аламан и бездумному поощрению либералами заселения северных территорий страны американцами.

Консерваторам подчас удавалось совершать государственные перевороты, например в 1830 г., когда президентом на два года стал А. Бустаманте, а министром иностранных дел — Аламан. Однако прочные позиции во власти консерваторы заняли только в 1834 г., а их правление ассоциируется преимущественно с фигурой генерала Антонио Лопеса де Санта-Анны¹.

Это был едва ли не самый талантливый военачальник в мексиканской истории, который служил под началом Итурбиде и в боях против революционных отрядов Идальго и Морелоса, и в завоевании независимости Мексики. Он стал героем при взятии Веракруса. Занимая пост губернатора Веракруса, Санта-Анна поднял восстание против Итурбиде и тем внес существенный вклад в падение империи Агустина I. В 1829 г. он еще раз покрыл свое имя славой, когда Испания предприняла отчаянную попытку вернуть себе колонию, высадив в Тампико военную экспедицию. Разгромив испанцев, Санта-Анна приобрел всеобщую известность как Спаситель Мексики.

Когда в 1831 г. консервативное правительство Бустаманте казнило свергнутого президента Висенте Герреро, Санта-Анна одним из первых выступил против консерваторов, изгнал Бустаманте из Мехико и в 1832 г. был избран президентом при поддержке либералов. Сославшись на болезнь, Санта-Анна вскоре удалился в свое поместье в штате Веракрус и возложил исполнение обязанностей на вице-президента Валентина Гомеса Фариаса, представителя пурос. Радикал-реформаторы тут же декларировали антицерковные преобразования, взбудоражившие всю страну. В частности, против реформ на Юкатане поднял восстание военный комендант полуострова Франсиско де Паула Торо.

Видя, как страна рассыпается на части, Санта-Анна вернулся в столицу, сместил Гомеса Фариаса, отменил его реформы, распустил Национальный конгресс и органы власти в штатах, вступил в союз с консерваторами и объявил о замене федеративного принципа государственного устройства страны на унитарный. В результате централизации штаты, пользовавшиеся прежде широкой автономией, превращались в департаменты, губернаторы которых назначались президентом. С этого момента и до конца своей политической карьеры Санта-Анна выступал на стороне консерваторов.

Лукас Аламан формально не входил ни в одно из консервативных правительств, за исключением правительства Санта-Анны в 1853 г., но оказывал на них существенное влияние, в особенности в сфере экономики и международных отношений. Поначалу он делал упор на раз-

¹ Был президентом страны в 1832—1836, 1841—1842, 1843—1844, 1846—1848 и 1853—1855 гг

витие горнорудной промышленности в стране, в которой вел собственное дело. Вскоре он перенес акценты на политику индустриализации Мексики, пытаясь превратить текстильную промышленность, имевшую прочную опору в высоком развитии мексиканских ремесел и мануфактур, в направляющую ось национального рынка и формирования мексиканской нации. Помимо прочих доводов в пользу такой политики Аламан рассматривал ее в качестве средства по сдерживанию экспансии в Мексику Соединенных Штатов Америки, которые уже в 1836 г. сумели отделить от страны штат Техас. В дополнение к действовавшей запретительной системе были введены единые таможенные тарифы и создан промышленный Кредитный банк.

Не разделял Аламан либеральные идеи и в политической сфере. Йоркцы в качестве истинных либералов полагали, что для прогресса страны достаточно максимально точно скопировать государственное устройство США. Поэтому принятая ими в 1824 г. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов была копией американской конституции, включая и федеративный принцип государственного устройства. Аламан же доказывал, что Мексика к такому строю расположена не более, чем Турция, и что ей надо перенимать сам пример осуществления Соединенными Штатами независимости, но «оставляя в неприкосновенности ту форму правления, которая наиболее привычна нации». Великолепный знаток американской федеративной системы француз Алексис де Токвиль также отмечал ее чужеродность для Мексики: «Конституция Соединенных Штатов похожа на те прекрасные творения человечества, которые одаривают славой и богатством своих изобретателей, оставаясь меж тем бесплодными в чужих руках. В наше время доказательством тому может служить Мексика. Жители Мексики, желая установить у себя федеративную форму правления, взяли в качестве модели федеративное устройство своих англо-американских соседей, практически полностью скопировав его. Однако, перенеся к себе букву закона, они не сумели одновременно перенести и тот дух, который оживлял ее. В результате мы видим, как они беспрестанно путаются в механизме своего двойного управления. Верховная власть штатов и верховная власть Союза, выходя за те рамки, которые очертила им конституция, ежедневно проникают одна в другую. До сих пор Мексика постоянно переходит от анархии к военному деспотизму и от военного деспотизма к анархии»¹.

И надо отметить, что все консервативные правительства Мексики руководствовались в своей практике соображениями Аламана. Унитарный принцип государственного устройства был заложен в консерва-

¹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 138—139.

тивных конституциях 1836 и 1842 гг., а гипертрофия исполнительной власти нередко воплощалась даже в форму военной диктатуры.

Политика индустриализации, проводимая консерваторами, отнюдь не устраняла, а скорее усложняла существовавшие в стране классовые противоречия. Хотя в Мексике в этот период возникает целый ряд текстильных предприятий с применением пара и механических станков, именно развитие крупной фабричной промышленности разоряло местное ремесло. Так обследование 600 судебных дел по закону о борьбе с бродяжничеством в г. Мехико за период с 1828 по 1852 г. показало, что 65% из осужденных бродяг составляли выходцы из среды ремесленников.

В области аграрных отношений и в период консерваторов продолжалось ограбление индейского общинного крестьянства. Число крупных хозяйств в Мексике за период с 1810 по 1854 г. — от начала национально-освободительной революции до конца правления консерваторов — увеличилось с 3749 до 6092, в первую очередь за счет дальнейшего наступления на общинные земли. Крестьянские восстания в этот период приобрели большой размах. Упорный и массовый характер приняло восстание индейцев майя на Юкатане в 1848 г. под руководством Сесилио Чи, получившее название расовой войны из-за призывов уничтожить всех белых и восстановить индейскую государственность и растянувшееся на многие десятилетия.

Недовольство ремесленников и крестьян-общинников политикой консервативных правительств Санта-Анны усилилось в связи с поражением в войне 1846 — 1848 гг., развязанной Соединенными Штатами Америки с явно захватническими целями. Более половины территории Мексики отошло к США. Но победители, сверх того, вынудили мексиканское правительство отказаться от запрета на ввоз из США в страну готовых промышленных изделий. Эта мера в корне подорвала протекционистскую систему консерваторов и не позволила им осуществить задуманную индустриализацию.

Обострение бедствий народных масс в результате политики самих консерваторов и вследствие войны позднее создало либералам почву для осуществления революции 1854 — 1867 гг., так называемой Реформы, принесший мексиканскому народу, особенно крестьянству, еще более тяжкие лишения.

Гватемала

Консервативный режим в Гватемале (1838 — 1865) по своей идеологии, политической практике и по составу чиновников, включая самого главу, отличался от других аналогов в Латинской Америке сильным отпечатком индейского элемента. Эта специфика была обусловлена не только осо-

бенностями гватемальского общества, но и характером его антагонизмов. В стране, где подавляющее большинство составляло индейское общинное крестьянство, энергичные преобразования либерального правительства Мариано Гальвеса (1831 — 1838) резко контрастировали с ценностями и жизненным укладом населения. Попытки либералов европеизировать страну за счет привлечения массовой европейской иммиграции и иностранных компаний усугубили не только социально-экономическую, но и культурную отчужденность между правительством и народом.

Непосредственным поводом к развязке накопившихся противоречий послужила эпидемия оспы, вспыхнувшая в 1837 г. Среди индейцев распространились слухи (вероятно, не без участия католической церкви, которая также претерпела от либералов множество обид), будто и эпидемия понадобилась правительству для того, чтобы очистить гватемальскую землю от коренного населения и заселить ее переселенцами из Европы. Вспыхнувшее стихийное крестьянское восстание покончило с либеральным правительством и вознесло к власти Р. Карреру. Он стал главным действующим лицом консервативного режима.

Рафаэль Каррера (1814 — 1865) в отличие от большинства лидеров латиноамериканского консерватизма не получил даже среднего образования. Он был метисом — сыном креола и индианки, прожил детские и юношеские годы в гуще крестьянской массы и в бедности и, даже сделав успешную карьеру военного, сохранил с этой массой не только генетические связи. Каррера высоко ценил индейское сопротивление насильственной европеизации страны и как верховный диктатор страны неоднократно заявлял о своем долге дать возможность «народу вернуться к своим обычаям, своим традициям и своему особому укладу жизни». Искусством же управления он считал «создание правительства народа и для народа»¹.

Созданное им правительство было действительно народным. Метисы, мулаты и индейцы, выходцы из простого народа принимали самое непосредственное участие в управлении страной, занимая пост президента и другие ключевые правительственные места: вице-президента, министров, членов высшего военного командования. Армия при Каррере стала почти исключительно индейским институтом и была уникальной во всей Латинской Америке — она предоставляла возможности продвижения по службе ранее угнетенной расе. Все эти меры ликвидировали прежнюю монополию креолов на власть в Гватемале.

Декрет от 1838 г. о покровительстве индейцам явился первым важным шагом из серии мер по улучшению жизни народа. Комментарии

¹ Burns B.E. Op. cit. P. 103—104.

руя декрет, официальный правительственный орган писал: «Предметом государственной заботы является не только покровительство самым многочисленным классам нашего общества, но также побуждение их к улучшению своих обычаев и цивилизаций, чего можно достичь, предоставляя им средства для приобретения и увеличения их мелкой собственности и ремесел, за счет которых они существуют»¹. Для усиления связи с народом правительство переводило свои декреты на индейские языки, постоянно принимало делегации из деревень, а сам Каррера нередко посещал индейцев в их селениях.

Правительство Карреры снизило налоги на продукты питания и отменило подушную подать, освободило индейцев от принудительных займов, к которым время от времени прибегали либералы в целях покрытия бюджетного дефицита, упразднило многие другие налоги и трудовые повинности, которые в «европеизированной» Гватемале тяжелым бременем лежали на индейской общине.

Многое сделал консервативный режим и для развития образования в гватемальской деревне. Например, в почти исключительно индейском департаменте Сакатепекес декретом от 1849 г. Каррера потребовал, чтобы каждая деревня учредила свою школу, где мальчики должны были обучаться чтению, письму, арифметике, религии и принципам морали. Правда, правительство считало вполне достаточным для народа начальное образование и не развивало среднее и высшее. Хотя в отличие от Франции в Парагвае при Каррере оно не было ликвидировано и было доступным, главным образом в столице, желающим его продолжить.

Однако самые важные для индейцев меры были зафиксированы в аграрных декретах режима. В 1845 г. правительство объявило, что все пользователи земли, не имевшие на нее собственности, должны вступить во владение обрабатываемыми участками. В 1848 г. правительство постановило, что все деревни, не имевшие эхидо (общественного поля), получали его бесплатно, а если в деревне число населения превышало имевшиеся в наличии земли, то участки в других местах должны были быть переданы в распоряжение всякого, кто бы решил занять их по своей воле для пользования землей. В 1851 г. последовал новый декрет, запрещавший «под каким бы то ни было предлогом отчуждать у индейцев землю для продажи», а спустя несколько месяцев эта мера распространилась и на эхидальные земли деревень. Благодаря таким реформам в сельском хозяйстве Гватемалы за время правления Карреры была ликвидирована монокультур-

¹ Burns B.E. Op. cit. P. 104.

ность, расширилось производство продовольствия и в целом жизненный уровень населения возрос.

Таким образом, консервативный режим Карреры отверг главный постулат либералов о необходимости европеизации индейской Гватемалы, т. е. экспроприации индейского общинного крестьянства, как основной предпосылки для включения страны в мировой рынок и ее прогресса. Патернализм Карреры по отношению к индейцам по сути своей был обращением к колониальному прошлому, в большей мере, по его мнению, отвечавшему реалиям страны, нежели идеи европейского либерализма.

Однако возвращение к прошлому отнюдь не означало для гватемальских консерваторов отказа от прогресса страны. В тот период гватемальская пресса отмечала успехи в «прогрессе» и «развитии» и не сомневалась в быстром пришествии в Гватемалу «цивилизации». Сам Каррера в своем выступлении в законодательной палате подчеркивал в последние годы правления, что, когда он пришел к власти, его враги предсказывали победу «варварства», между тем как за годы его режима страна приобщилась к «культуре и прогрессу».

Вместе с тем консервативный период истории Гватемалы, как и Латинской Америки в целом, в исторической науке пока еще недостаточно исследован. Для либеральных историков это отсутствие конкретного фактического материала делает пока возможным отнести режим Карреры к числу реакционных диктатур XIX в., а «прогресс» Гватемалы записать на счет правительств Гальвеса и пришедшего к власти в 1871 г. президента Хусто Руфино Барриоса (точно такие же оценки, кстати, приняты и в советско-российской историографии), хотя многие из вышеназванных мероприятий Карреры противоречат такой позиции. Та же недостаточная изученность позволяет авторам ревизионистского направления, напротив, всячески превозносить и идеализировать консервативный режим в Гватемале, а также, вероятно, преувеличивать достигнутую при нем степень прогресса страны.

Отсутствие конкретных данных не дает и нам возможности достоверно судить о политике Карреры в отношении гватемальской буржуазии. Но тот факт, что после его смерти буржуазия быстро восстановила свою власть в Гватемале и уже в период правления Хусто Руфино Барриоса (1871 — 1885) смогла осуществить массовую экспроприацию индейского крестьянства и прочие либеральные реформы, позволяет предположить, что консерваторы во главе с Каррерой если и не укрепили господство буржуазии в стране, то уж во всяком случае и не подорвали его основ.

§ 3. Место консерватизма в становлении латиноамериканских государств

После рассмотрения национальных разновидностей консервативных режимов, естественно, напрашивается вопрос: что же представлял собой латиноамериканский консерватизм в целом?

Как и Боливар, все консерваторы, как правило, являлись видными деятелями революций и вчерашними приверженцами либерального реформаторства. И чтобы действительно понять эту разительную на первый взгляд перемену, надо прежде всего учесть, что, как и многие понятия из области политики, смысл консерватизма (от лат. «консерво» — сохраняю) в массовом сознании искажен до неузнаваемости и выдается за приверженность всему устаревшему и отжившему, за враждебность и противодействие прогрессу. На самом же деле это означает реакционность, но отнюдь не консерватизм. Грань, разделяющую эти разные понятия, усердно стирали в народной памяти и либеральные, и пролетарские революционеры. Делали они это не только из склонности к двухцветному восприятию мира, но прежде всего и потому, что консерваторы утверждали истины, очевидные для истории, но крайне неудобные для любых ниспровергателей, а именно: что люди не являются, подобно «доброму дикарю» Руссо, чистым листом бумаги для утопического прожектерства, что они суть продукты и носители материальной и духовной культуры прошлого, что они не могут зачеркнуть это прошлое и начать жить с новой страницы, что поэтому обречены на провал всякие попытки строить новый мир, подвергнув полному разрушению старый.

Латиноамериканские консерваторы обычно приходили к власти в моменты наибольшего развала страны, когда, например, едва возникшее название «Аргентина» на десятилетия перестало обозначать хоть какое-нибудь государство, когда существовали два Перу, а на месте Эквадора — четыре воюющих провинции, когда в Бразилии не только де-факто имелся ряд независимых республик, но и де-юре она стала федеральной империей. Так что на долю консерваторов выпала труднейшая задача: собрать, воссоединить разлетающиеся осколки латиноамериканского общества и на этой основе строить независимую государственность. В решении этой задачи они в отличие от либералов взяли курс не на заимствование красивых, но чужих моделей общественного устройства, а на ассимиляцию всего того позитивного, что досталось от 300-летнего колониального прошлого и составляло сущность Латинской Америки.

Прежде всего они отказались копировать политическую систему США. Поэтому вместо слабой федеративной республики консерваторы везде установили жесткий централизм, резко увеличили полномочия исполнительной власти и этим ограничили возможность имущего «человека и гражданина» как в центре, так и на местах ставить свои частные интересы выше интересов нации в целом. Важная роль в такой политической системе отводилась сложившейся в годы войны за независимость профессиональной армии, призванной силой умиротворять и либералов, и провинциальных каудильо, и народ.

Другим инструментом, связующим общество, консерваторы сделали католическую церковь и монашеские ордена, вернув им многое из отнятого либералами — имущество, контроль над образованием, статус не только государственной, но и единственной религии в обществе и т. п. Одновременно на уровне идеологии космополитизму либералов они противопоставили такое универсальное средство единения общества, как национализм. Иберийское начало латиноамериканских народов противопоставлялось главным образом англосаксонскому высокомерию. Позднее, когда окончательно оформятся нации континента, оно превратится в архентинидад, чиленидад и другие национальные его разновидности.

Материальную основу единения консерваторы закладывали трезвой и гибкой экономической политикой. При них экспорт на мировой рынок вырос в Аргентине втрое, в Перу — в 20 раз и т. д. Но местную промышленность от губительной иностранной конкуренции они везде защитили высокими таможенными пошлинами и запретами. Более того, государственное финансирование индустриализации началось в Новой Гранаде и особенно в Мексике, где созданный в этих целях Кредитный банк придавал столь мощный импульс формированию современной фабричной промышленности, что только с 1837 по 1845 г. число веретен в текстильной отрасли выросло с 8 до 114 тыс., а выпуск пряжи — с 63 тыс. до 3 млн фунтов (этот процесс был сокрушен американо-мексиканской войной и торговым договором, снявшим протекционистские барьеры на пути промышленного импорта из США). В итоге сочетание интересов экспортных отраслей и провинций в какой-то мере сплотило элиты латиноамериканских обществ, примирив враждовавшие группировки.

В социальной сфере консерваторы отказались от фронтального столкновения либералов с народом. В Перу, Боливии и Гватемале они отменили законы о распродаже общинных земель, а такие их популистские лидеры, как Бельсу и Каррера, даже вернули индейцам часть отнятого. В то же время разграбление общин было узаконено в Новой Гранаде, негласно поощрялось в Мексике, не преследовалось в Перу.

Продолжалось истребление кочевников и захват новых земель, распродажа пустырей в целом сокращала мелкокрестьянское землепользование. Не останавливались консерваторы и перед применением силы против народных восстаний. Однако же каналы социальной мобильности для народа, включая доступ к легальной собственности, были ими расширены, что вело к консенсусу между «верхами» и «низами» общества.

Таким образом, исключительная заслуга консерваторов Латинской Америки была в том, что они сумели уловить и остановить разрушительное действие поспешных либеральных реформ, «откатив» общество к той точке эволюции, в которой оно вновь обрело преемственность со своим прошлым и, следовательно, способность к поступательному развитию. Восстановив же эту жизнеспособность, они продолжили многие реформы, хотя и с величайшей осторожностью. Этим им удалось предотвратить дальнейший распад молодых государств, укрепить их независимость и в основном отстоять целостность их территорий.

Глава 2

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

§ 1. Предпосылки либеральных революций и реформ второй половины XIX в.

Промышленный переворот, или промышленная революция, представляет собой совокупность экономических и социально-политических изменений, в которых находит выражение переход от основанной на ручном труде мануфактуры к крупной машинной индустрии.

Первой на путь промышленного переворота вступила Англия, а отраслью, давшей импульс этому перевороту, стала хлопчатобумажная промышленность. В 1785 г. Э. Картрайт изобрел механический ткацкий станок, заменявший до сорока ткачей. После множества усовершенствований этот станок нашел широкое применение в 20-х годах XIX в. Так в английской и мировой промышленности появились первые машины и первые фабрики, а в 60—80-х годах они распространились также в шерстяном, сукноделательном, бумажном, полиграфическом производствах.

В 1782 г. Дж. Уаттом была создана паровая машина. Сначала она применялась на прядильной фабрике, а затем в самых различных отраслях промышленного производства и на транспорте. Применение

машин и пара дало толчок развитию металлургической и угольной промышленности, а общее увеличение промышленного производства вскоре привело к строительству пароходов, паровозов и железных дорог. Первая линия между Манчестером и Ливерпулем была открыта уже в 1830 г.

Потребность механизации производства встала и перед машиностроением. В 1797 г. механик Г. Модели создал токарно-винторезный станок, который и был положен в основу металлообрабатывающей промышленности. Вслед за этим были изобретены строгальный и фрезерный станки.

Создание фабричной промышленности привело к преобразованию общественных отношений.

Место купца в буржуазном обществе занял фабрикант. За счет разоренных крестьян и ремесленников формировался пролетариат. Уже к середине XIX в. почти половина трудоспособного населения была занята в промышленности.

Промышленный переворот в Англии оказал огромное воздействие на развитие всего мира. Колоссальный рост промышленного производства вызывал потребность в постоянном увеличении поставок сырья. На основе фритредерства Англия начала заключать договоры с другими странами. В 1860 г. был заключен англо-французский договор, по которому Англия отменила ввозные пошлины на французские шелка и продовольствие, а Франция снизила таковые на английские машины, металлоизделия, уголь, шерсть. Подобные отношения были установлены с США, Бельгией, Италией, Австрией, Швецией и др.

Другим универсальным буржуазным средством внешнеторговой экспансии была для Англии активная колониальная политика. В первой половине XIX в. английские колонизаторы проникли в Африку, подчинили себе и «освоили» Австралию, осуществляли захваты в тихоокеанском бассейне, продолжали «освоение» Индии. В 40-х годах Англия навязала в результате «опиумной» войны торговые договоры Китаю, по которым получила право ввозить в Китай любые товары при уплате льготной 5%-ной пошлины. Торговые войны велись Англией также и на Среднем Востоке.

Складывавшаяся вокруг Англии система международного разделения труда таила в себе благоприятные перспективы для других капиталистических держав, особенно для Франции, Германии и США. Это в первую очередь относится к США, которые еще в конце колониального периода достигли значительного уровня промышленного производства, особенно в судостроении и металлургии. После завоевания США независимости факторами, способствовавшими переходу от мануфактурной к промышленной стадии, стали отсутствие средневековых пере-

житков в виде цеховых ограничений, мощный приток европейских иммигрантов, возможности наживаться во время наполеоновских войн на поставках воюющим сторонам, оставаясь при этом в стороне от конфликта, заимствование передового английского технического опыта. Не последнюю роль в ускорении темпов промышленного переворота сыграли доходы от поставок сельскохозяйственной продукции в Англию. Промышленный переворот в США завершился примерно к 1870 г. К этому времени страна заняла второе место в мире по уровню развития индустрии (после Англии).

Наиболее развитая страна Европейского континента Франция в процессе индустриализации во многом следовала той же стратегии. Однако по темпам промышленного переворота Франция уступала другим странам: если еще в 1860 г. она занимала второе место в мире (после Англии), то через 10 лет США оттеснили ее на третье место, а в конце XIX в. она пропустила вперед и Германию.

Промышленный переворот в Германии развернулся во второй половине XIX в. — почти на столетие позже Англии, и на полстолетия позже Франции. Это отставание было вызвано затянувшейся государственной раздробленностью и господством устаревшего средневекового ремесла. Несмотря на пережитки феодальных отношений в германской деревне, сельское хозяйство здесь еще в большей степени, чем во Франции, служило базой и источником финансирования промышленности. Прусский путь развития капитализма в деревне показал в Германии гораздо большую эффективность, чем реформированное сельское хозяйство Франции. Юнкерские хозяйства к 50—60-м годам XIX в. выдвинулись на передний край в развитии племенного животноводства и прогрессивных методов агрикультуры. В это время Германия вышла на первое место в мире по сбору картофеля и сахарной свеклы. Широко возделывались технические культуры — лен, конопля. На этой основе большое развитие получила пищевая промышленность, а вслед за тем начали создаваться отрасли тяжелой промышленности. Если в первой половине XIX в. Германия еще являлась аграрным придатком Англии и Франции, то к 1870 г. она не только обошла в промышленном развитии Францию, но и вместе с США начала теснить Англию на мировом рынке.

Промышленный переворот в США, Германии, Франции и других западноевропейских странах расширил в громадной степени потребности в сырье и продовольствии, способствовал дальнейшему революционному изменению средств сообщения, поднял международную торговлю на небывалую высоту, создал подлинно мировой рынок и общемировое хозяйство.

Однако какое значение имеет все вышеизложенное для истории Латинской Америки?

Бурные изменения в международном разделении труда и мировой торговле по большей части оставляли латиноамериканские государства в стороне от главных магистралей прогресса. Лишь очень немногим из них удалось до середины XIX в. наладить вывоз сравнительно небольшой доли собственной продукции непосредственно на «фабрику мира». Такой продукцией оставались драгоценные металлы (а их добыча неуклонно падала), шкуры и шерсть из Аргентины и Уругвая, некоторое количество бразильского сахара, естественные красители — индиго, кошениль из Мексики и Центральной Америки, небольшие партии кофе из Венесуэлы, Бразилии, Коста-Рики, селитра и гуано (помет бакланов, применявшийся в Англии для удобрения почвы) из Перу и Чили. Такая торговля не могла дать надежного и долгосрочного импульса латиноамериканскому производству, а ввоз английских промышленных изделий, крайне необходимых странам региона, мог осуществляться в таких условиях лишь за счет увеличения внешней задолженности.

Новый этап промышленной революции приобрел колоссальное значение для стран Латинской Америки. Войну за независимость латиноамериканские патриоты вели отнюдь не для ликвидации, а, напротив, для самого широкого развития внешней торговли. Но если в первой половине XIX в. молодые государства столкнулись с большими трудностями в налаживании производства продуктов, необходимых Англии, то с распространением индустриализации на другие капиталистические державы природные ресурсы Латинской Америки вдруг, будто по мановению волшебной палочки, обрели громадную ценность. Вот тогда-то и пробил час латиноамериканской экспортной буржуазии.

Чтобы включиться в новую систему международного разделения труда и в полной мере использовать ее выгоды для процветания, вступающая на этот путь страна должна быть внутренне к этому готова — иметь соответствующий этому разделению минимум социально-экономических и политических условий. Поэтому возглавившие войну за независимость латифундисты и крупные торговцы, связанные еще с колониальных времен с внешней торговлей, не ограничились ликвидацией колониальных запретов и налогов, а попытались провести социально-экономические преобразования, отвечающие условиям системы международного разделения труда, которая складывалась вокруг Англии.

В первую очередь речь шла о превращении всех видов собственности в буржуазную, свободно отчуждаемую и продаваемую частную собственность. С этой целью латиноамериканские буржуа стремились экспроприировать и распродать с молотка майоратные, церковные,

общинные, пустующие государственные земли, а также, подобно североамериканским буржуа, земли, занятые кочевыми индейскими племенами. Эти и другие меры первых революционных правительств способствовали укреплению крупного латифундистского землевладения.

Второй целью латиноамериканской буржуазии являлось формирование рынка наемного труда, чему должны были содействовать общее укрепление частной собственности, экспроприация индейцев-общинников, отмена рабства, законы против бродяжничества, привлечение массовой европейской иммиграции, разорение в конкурентной борьбе городских и сельских ремесленников.

Необходимым дополнением свободы частной собственности и найма рабочей силы должна была стать свобода предпринимательства, в том числе и уже известное нам фритредерство. В этом направлении революционные правительства во всех латиноамериканских странах действовали весьма энергично, снижая или даже отменяя вовсе таможенные пошлины, довершая ломку цеховых барьеров, широко привлекая в свои страны иностранный капитал.

По замыслу латиноамериканских революционеров, наиболее адекватной политической и правовой надстройкой над создававшимся такими реформами базисом общественно-экономических отношений являлись национальное государство в форме президентской и федеративной республики, всеобщее избирательное право, гарантии неприкосновенности частной собственности и основных буржуазно-демократических свобод. Именно таким духом и были пронизаны первые латиноамериканские конституции, рождавшиеся в ходе или по завершении войны за независимость.

Перечисленные социально-экономические и политические мероприятия не изобретались латиноамериканскими буржуа, а заимствовались из идейного багажа их западноевропейских и североамериканских собратьев. В конце XVIII—начале XIX в. этот багаж был представлен главным образом идеологией либерализма (от лат. «либералис» — свободный). Хотя в широкое употребление термин «либерализм» вошел в первой половине XIX в., когда в ряде стран Западной Европы появились политические партии либералов, многие идеи либерализма восходили к эпохе буржуазных революций XVII—XVIII вв. В тот период буржуазия боролась против феодальной регламентации экономики и других сфер общественной жизни, классовые антагонизмы между нею и пролетариатом еще не проявились с той остротой, с какой они вспыхнули в 40-х годах XIX в., и она вполне искренне полагала, что достижением свободы, равенства и братства она благодетельствует не только себя, но и представляемый ею народ. А потому для либера-

лизма начала XIX в. была характерна абстрактная постановка вопроса о равенстве человеческой личности.

В этом значении понятие «либерализм» настолько укоренилось в умах, что в массовом, обыденном сознании оно приобрело совершенно искаженный смысл. Так, в современном Словаре иностранных слов наряду с трактовкой этого понятия как буржуазного политического и идеологического течения, отстаивающего свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию, можно прочесть и следующее: «2) *уст.* свободомыслие, вольнодумство; 3) излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство».

В реальной исторической действительности Латинской Америки либерализм отличался от данной трактовки. Но и в Западной Европе в первой половине XIX в. стали очевидными положения о том, что в обществе абстрактной свободы человека не существует, что свобода одних людей отнимает свободу у других, что свобода в толковании либералов на деле означает лишь свободу для буржуазии. И уже тогда возникли движения (чартизм, прудонизм и др.), которые боролись за свободу, но против либерализма, в первую очередь против свободы предпринимательства.

Поначалу либеральной называли лишь тенденцию в среде латиноамериканских патриотов, стремившихся к осуществлению вышеуказанных социально-экономических и политических реформ. Позднее сторонники этих преобразований создали свои политические партии, повсеместно получившие в Латинской Америке название либеральных. В своем желании декретировать в собственных странах общественные отношения по образцу Англии, Франции или США латиноамериканские либералы, конечно же, руководствовались благими намерениями: им хотелось «освободить человека», достичь неограниченного прогресса и общего благосостояния. Но чтобы стать подлинным гегемоном в обществе, чтобы накрепко привязать к своим интересам интересы других классов и слоев, мало установить республику и декларировать буржуазные свободы. Для этого требуется как минимум сделать привлекательными для народа те новые формы жизни, которые вводятся взамен разрушаемых старых.

Между тем накопленные буржуазией внушительные средства производства вплоть до середины XIX в. из-за неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры оставались по существу мертвым капиталом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при общей слабости буржуазного руководства декларированные свободы сплошь и рядом оборачивались против интересов буржуазии.

Сменившие либералов консервативные режимы 1830—1860-х годов сделали много для формирования в странах континента рынка средств производства (прежде всего земли) и рынка рабочей силы, для ужесточения трудовой дисциплины. Они немало потрудились над тем, чтобы сплотить различные группировки буржуазии и укрепить в целом ее гегемонию в обществе, чтобы обеспечить элементарную внутриполитическую стабильность. Но для завершения строительства соответствующих свободной конкуренции *рыночной экономики, гражданского общества и правового государства* требовалась последняя, но решительная подвижка и в экономике, и в социальной сфере, и в политике.

В новых условиях необходимость перемен осознавали и выдающиеся умы из числа латиноамериканских консерваторов, следствием чего явились расколы в консервативных партиях, блокирование части консерваторов с либералами, а в некоторых случаях — проведение решающих преобразований самими консерваторами. Но консерватизм в целом, как определенная система экономических, социальных, политико-идеологических, культурных ценностей, справиться с этой задачей был не в состоянии. Он не мог секуляризовать церковное имущество, отделить церковь от государства и школы, ввести свободу вероисповеданий; он не мог сократить расходы на армию и передать дела военных в ведение гражданских судов; он не мог допустить полного разрушения общинного землевладения; не мог отказаться от протекционизма, монополий и других элементов меркантилизма в угоду полной свободе торговли и предпринимательства. Потому что и церковь, и армия, и самобытность индейцев-общинников, и защита внутреннего рынка — все это выражало самую сущность консервативной системы. Поэтому гегемонию во втором цикле латиноамериканских революций осуществляли главным образом либеральные партии и режимы.

Идеологические истоки нового цикла буржуазных революций в Латинской Америке восходили к первоначальным либеральным идеям Просвещения и Французской революции 1789 г. Вместе с тем, несмотря на приверженность идеалам свободы, равенства и братства или Декларации прав человека и гражданина значительных слоев населения, к середине XIX в. либеральная идеология и в Старом и в Новом Свете заметно отличалась от постулатов либерализма конца XVIII — начала XIX столетия.

К этому времени под влиянием промышленной революции, роста пролетариата и классовых антагонизмов, а также развития специальных наук возникло новое философское направление — позитивизм (от лат. «позитивус» — положительный). Его основателем стал французский мыслитель О. Конт (1798—1857), который сформулировал зна-

менитый закон трех стадий: «Каждая отрасль знания по самой природе человеческого духа неизбежно проходит в развитии три теоретических стадии: теологическую, или фиктивную, метафизическую, или абстрактную, и научную, или позитивную». Философию Конт относил ко второй стадии знания и не считал ее наукой, способной исследовать реальную действительность. Подлинное, позитивное, знание об этой действительности могли обеспечить лишь специальные науки, благодаря которым возникла истинная наука об обществе (социология), содействующая его рациональной организации. В сочинении «Система позитивной политики» Конт доказывал, что выдвинутое философами понятие «личность» представляло собою абстракцию, в то время как действительностью было человеческое общество. Соответственно пересматривалось взаимоотношение человека и общества, прав и обязанностей, политики и морали. Позитивизм, согласно Конту, не признавал за кем бы то ни было иного права, кроме права выполнять свои обязанности перед обществом. Задача же политики состояла в организации современных обществ на научных основах и в сочетании порядка и прогресса. Политика не могла не подчиняться морали, а позитивная мораль заключалась в преодолении частного эгоизма и интеграции личности в общество¹.

Для Латинской Америки новую либеральную доктрину сформулировали Доминго Фаустино Сармьенто, Эстебан Эчеверрия и Хуан Баутиста Альберди (Аргентина), Хосе Мария Луис де Мора (Мексика), Хосе Викторино Ластаррия (Чили), Хуан Монтальво (Эквадор) и многие другие. Она по-прежнему и даже в более категоричной форме исходила из ущербности латиноамериканских наций, из необходимости решительной победы «цивилизации» над «варварством» и призывала не оставаться латиноамериканцами, а превратиться в «Соединенные Штаты Юга» (Д.Ф. Сармьенто) или «в янки по другую сторону Северной Америки» (по выражению мексиканца Хусто Сьерры). Иначе странам континента угрожала колонизация извне, как это в 1848 г. произошло с Мексикой, у которой США отняли более половины территории.

Однако в целом под влиянием позитивизма либерализм уже значительно отличался от своего прежнего образа защитника прав человека и гражданина и доктрины свободы. В нем теперь отчетливо проявлялось неприятие революционной анархии и приверженность порядку, пробивались националистические и даже расистские нотки. В практическом же плане преодоление ущербности латиноамериканского общества мыслилось либо посредством этнической чистки, смены насе-

¹ Touchard J. Historia de las ideas políticas. 2-a ed. Madrid: Ed. Tecnos, S.A., 1964. P. 510—511.

ления (как это и состоялось потом в Аргентине, Уругвае, Чили, Бразилии путем истребления кочевых индейцев и массового переселения европейских колонистов), либо за счет длительного и болезненного воспитания диктаторскими режимами (типа порфириато 1876—1911 гг. в Мексике).

В ряде случаев либералам удалось заручиться поддержкой «низших» классов и слоев латиноамериканского общества. И все же для середины XIX в. в еще большей мере, чем для его начала, было характерно понимание значительной массой трудящихся противоположности их интересов интересам либеральной буржуазии. При этом старые, подчас реакционные, одежды, в которые рядились массовые выступления социального протеста, не исчезли. Новым явлением для Латинской Америки середины XIX в. стало все более частое облечение народных требований в оболочку домарковского социализма — идей Сен-Симона, Оуэна, Фурье, Прудона и др. Подобно тому как латиноамериканская буржуазия многое заимствовала из багажа западноевропейского либерализма, трудящиеся Латинской Америки все чаще обращались к наследию европейских разновидностей утопического социализма. И в том, и в другом случае проникновение европейских идей на американскую землю объясняется в первую очередь тем, что здесь они находили для своего произрастания весьма плодородную почву.

В течение 1851 г. по Чили прокатилась волна народных выступлений под лозунгами утопического социализма, охватившая не только ремесленников, но и некоторые воинские подразделения. Одним из руководителей этих восстаний был Франсиско Бильбао, выдающийся чилийский революционер, участник июньских баррикадных боев 1848 г. в Париже. В ходе Федеральной войны в Венесуэле (1859—1863) крестьяне и ремесленники, возглавляемые Эсекиелем Саморой, боролись под лозунгами радикальной аграрной реформы, социального равенства и справедливости. Показательно, что в рядах армии Саморы сражались и французские революционеры, участники июньского восстания в Париже в 1848 г.

Эти устремления народных масс Латинской Америки к равенству и социальной справедливости служили питательной почвой для выдвижения к середине XIX в. целой плеяды идеологов и глашатаев утопического социализма, будь то из среды самих трудящихся, низших звеньев интеллигенции или выходцев из элитарных слоев, вставших на защиту угнетенных. Ярким примером тому являются социалисты-утописты Новой Гранады (ныне Колумбии). Один из видных деятелей либеральной революции Мануэль Мурильо Торо писал в те годы: «Мы считаем социализм новой экономической системой, возникшей в той

обстановке, которая сложилась в Европе, погрязшей в эгоистической доктрине индустриалистской школы Адама Смита... Эта школа безразлична к судьбе большинства, и в ней додумались даже до того, что один класс имел право пожирать другой... Школа же социалистическая — это та, которая дополняет задачи политической экономии разрешением вопроса, как добиться того, чтобы созданные продукты равномерно распределялись между всеми, кто принимал участие в их создании. Это школа, созданная Сисмонди»¹. На этой основе М. Торо создал теорию, главными моментами которой были требования равномерного распределения собственности и искоренения ростовщичества. Другой новогранадец, один из редакторов газеты «Алакран», Хоакин Пабло Посада, в 1849 г. доказывал: «Коммунизм, полностью соответствующий законам природы, есть самая крепкая база и единственно прочный скрепляющий материал для строительства человеческого общества»². Впоследствии Посада, выходец из богатой семьи, сражался вместе с ремесленниками против объединенной буржуазной коалиции в дни Боготинской коммуны.

Распространение социалистических идей в странах Латинской Америки приняло к середине XIX в. такой размах, который вызывал озабоченность не только у латиноамериканских, но и у западноевропейских либералов. Примечательно, что именно к началу 50-х годов XIX в. на континенте стала широко известной книга французского публициста Ш. Масада «Социализм в Южной Америке». Доказывая невозможность осуществления идей социализма в условиях Латинской Америки, Масад утверждал, что эти «импортные» идеи, находя опору в невежественных массах, препятствуют развитию цивилизации, консервируют варварство.

Итак, стремясь к захвату власти, либералы не могли не осуществлять демократические свободы. Часть народных масс, поддерживая либералов, не могла не использовать эти свободы против интересов буржуазии в целом. Противоположность классовых интересов, уже накануне либеральных революций проявившаяся в сфере идеологии, усилила серьезные размежевания по классовому признаку как внутри консерватизма, так и внутри либерализма. Все эти предпосылки, взятые в целом, обещали весьма богатые событиями и динамичное развитие революционных процессов на латиноамериканской земле.

¹ Molina G. Las ideas liberales en Colombia, 1849—1914. 9-a ed. Bogotá: Tercer Mundo, 1984. Т. 1. Р. 46—47.

² Цит. по: Шульговский А.Ф. «Боготинская коммуна» и утопический социализм//Латинская Америка. 1984. № 12. С. 78.

§ 2. Национальные особенности аграрных преобразований

Вторая после войны за независимость волна буржуазных преобразований прокатилась по Латиноамериканскому континенту главным образом в 1850—1870-х годах, не обойдя при этом ни одну страну. В одних странах эти преобразования были осуществлены в ходе буржуазных революций снизу и в относительно сжатые исторические сроки, в других — посредством реформ сверху, растянувшихся во времени (особенно в Эквадоре, где этот процесс завершился только к 1915 г.). Но во всех случаях они носили однотипный характер, воплощая в жизнь основные идеи либерализма в области экономических, социальных и политических отношений.

Вместе с тем конкретное содержание социально-экономических преобразований обуславливалось спецификой страны (или группы стран), отражавшейся в составе населения, природно-климатических особенностях, исторических традициях и т. п. Поэтому, хотя большинство либеральных реформ идентично во всех государствах Латинской Америки, национальные особенности осуществления некоторых из них позволяют положить в основу классификации революций второй половины XIX в. различия в формах отделения основной массы трудящихся от средств производства. Первый вариант аграрных преобразований связан с упразднением общинного землевладения и разграблением земель индейцев-общинников. Он наблюдался в Новой Гранаде (Колумбии), Мексике, Сальвадоре, Венесуэле. Второй вариант также связан с попыткой экспроприации индейских общин, у которых, в частности, были отрезаны и распроданы с молотка общинные пастбища (эхидо). Однако полностью разрушить общину и общинное землевладение не удалось. В итоге в Гватемале, Перу, Боливии и Эквадоре буржуазии пришлось подчинять общинную организацию нуждам капиталистического производства, притом не всегда экономическими методами принуждения. Наконец, третья, основная разновидность преобразований напоминает заселение Австралии, Новой Зеландии, Канады и США, осуществлявшееся с помощью вытеснения и физического истребления аборигенов. В Латинской Америке такое насаждение «цивилизации» особенно характерно для Аргентины, Уругвая, Бразилии и Чили, хотя встречается и в других районах континента.

Соответственно выявленным различиям рассмотрим теперь либеральные революции в конкретных странах.

Либеральные революции и уничтожение индейской общины

Новая Гранада	Республика Новая Гранада образовалась в результате выхода в 1830 г. из состава созданной С. Боливаром Великой Колумбии Венесуэлы и Эквадора. Хотя большинство историков указывают на наличие уже в конце вой-
----------------------	---

ны за независимость консервативной тенденции, которую обычно связывают с именем самого Боливара, и либеральной, родоначальником которой считается бывший соратник Боливара Франсиско де Паула Сантандер, тем не менее оформление их в политические партии происходит в 40-е годы XIX в., когда наблюдается резкое обострение противоречий общественного развития страны.

До этого момента у власти поочередно находились то либералы, то консерваторы. Но, несмотря на осуществление некоторых реформ либерального толка, в целом политическая практика в Новой Гранаде была пронизана консервативным содержанием. В 1830—1847 гг. оно выражалось в сохранении многих элементов государственного вмешательства в жизнь новогранадского общества. В области экономики это проявлялось в свойственном всем консервативным режимам протекционистском таможенном тарифе, в государственной монополии на переработку и сбыт особо доходных продуктов (водки, соли и в особенности табака), в предоставлении отдельным предпринимателям или компаниям монопольных привилегий в некоторых отраслях (например, в производстве фаянса в 1832 г., бумаги и стекла в 1834 г. и др.), в сохранении жесткого государственного централизма в сборе налогов и некоторых устаревших налогах колониального периода (церковной десятины на сельскохозяйственную продукцию).

Как и другие консервативные режимы Латинской Америки, консерватизм в Новой Гранаде сохранил за католической церковью обширные земельные владения, ростовщические операции церкви под залог недвижимой собственности, не сумел довершить начатую ломку общинного землевладения, не ликвидировал полностью рабство негров. В государственной собственности находилось немало целинных и заброшенных земель, не вовлеченных в сельскохозяйственное производство.

Как и в других странах континента, в Новой Гранаде консерватизм опирался на католическую церковь и армию, проводил жесткий централизм в управлении страной в ущерб автономии провинций, значительно ограничивал политические и гражданские свободы, отдал систему образования в руки католиков, для чего позволил вернуться в страну изгнанным иезуитам.

И, как во всей Латинской Америке, в Новой Гранаде к середине XIX в. для подключения к бурно развивавшемуся мировому капиталистическому рынку все настоятельнее ощущалась потребность в осуществлении буржуазных реформ.

В 1840 г. разрозненные течения объединились в Либеральную партию, которая немного позднее окончательно сформулировала свои программные требования: свобода предпринимательства и свобода

торговли, включая свободную продажу оружия и боеприпасов; упразднение монополий, церковной десятины и ростовщичества; отмена тюремного заключения за долги; отмена церковного фуэро, изгнание иезуитов и свобода вероисповеданий; единый и прямой налог; отмена рабства; ограничение исполнительной власти; укрепление автономии провинций; абсолютная свобода слова и печати; всеобщее, прямое и тайное голосование; суд присяжных; отмена смертной казни и смягчение других наказаний. Иными словами, новогранадский либерализм поднимал знамя Французской революции 1789 г., возрождал абстрактное понимание свободы. Одни из либералов сознательно обращались к формулам, которые уже и для Европы в значительной мере устарели, дабы скрыть свои истинные цели. Но были и такие, кто, как Мануэль Мурильо Торо, вполне искренне заблуждались в оценке направленности либерализма. Мурильо Торо утверждал: «Все, кто защищает свободу, гарантии и права человека, под какими бы знаменами они ни выступали прежде, должны считаться либералами. Именно уважение прав человека, его стремления к абстрактной справедливости и составляет существо республики... Демократия, являющаяся формулой права, регулируя развитие общества, неизбежно имеет своей конечной целью добиваться прав личности, отвечающих естественным потребностям человека»¹.

В реальной действительности Новой Гранады расстановка сил была куда сложнее, чем это казалось Мурильо Торо. Дело даже не только в том, что под многими положениями либеральной программы могли бы поставить свою подпись руководители Консервативной партии (создана в 1848 г.) Хосе Игнасио Маркес, Луис Оспина Родригес и в особенности Томас Сиприано де Москера, но также и в том, что внутри самой Либеральной партии в эти лозунги вкладывалось совершенно различное, а подчас и прямо противоположное содержание.

Наиболее разработанную в теоретическом плане программу имела собственно буржуазная фракция Либеральной партии. Она не только сознательно апеллировала к абстрактным идеалам Великой французской революции, но была не прочь и использовать в своих интересах представления передовой части новогранадской интеллигенции, сформулированные под влиянием Французской революции 1848 г. в духе утопического социализма, и в частности Мурильо Торо и Хосе Марии Сампера. Последний заявляя, что «голгофа стала своего рода первой трибуной, с которой начал проповедоваться социализм», тем самым сыграл не последнюю роль в том, что буржуазная фракция либералов охотно приняла название «голгофа». Однако политической практикой

¹ Molina G. Op. cit. P. 19.

«голгофы» в реальной действительности заправляли заметно выросшие к середине XIX в. крупные торговцы, владельцы золотых приисков, латифундисты и фабриканты и такие их идеологи, как Флорентино Гонсалес и Мигель Сампер (брат Хосе Марии Сампера).

Демократическая фракция Либеральной партии, так называемые драконовцы, в качестве основной социальной опоры имела сельских и городских ремесленников, а также часть свободного крестьянства и владельцев мануфактур. Наиболее организованной опорой «драконовцев» стали ремесленники, которые во второй половине 40-х годов на базе ремесленных обществ создали в крупнейших городах Новой Гранады сеть демократических обществ. Среди «драконовцев» было немало представителей городской и сельской буржуазии, но наиболее глубокий отпечаток на идеалы фракции накладывал народный дух ее массовой социальной базы.

В итоге, несмотря на сосуществование в рядах одной партии, «голгофы» и «драконовцы» имели существенные расхождения даже по кардинальным пунктам либеральной программы. Эти расхождения были результатом главного разграничения между ними, заключавшегося в том, что «голгофа» обращалась к расплывчатым идеалам 1789 г., в то время как «драконовцы» — к идеалам западноевропейских трудящихся, проявившимся в революциях 1848 г. Если «голгофы» добивались абстрактной свободы, которая на практике не могла не означать свободу для буржуазии, то «драконовцы» хотя и скептически относились к теоретическим выкладкам социалистов-утопистов, все же выражали уравниательные, эгалитарные устремления мелкобуржуазных масс. Поэтому если первые были сторонниками постепенных преобразований, подобных постепенным изменениям в природе, то вторые выступали за быстрые и «прямые» действия, поскольку, по их мнению, формирующиеся общества не могут позволить себе длительных ожиданий. Первые отстаивали полную свободу предпринимательства и торговли, чем разделяли взгляды Манчестерской школы буржуазной политэкономии, проповедовавшей фритредерство, вторые же, напротив, выступали за государственный протекционизм. В вопросе о табачной государственной монополии «драконовцы» требовали ее полной отмены, чтобы беднейшие землевладельцы могли сделать «надежный шаг к своему освобождению». «Голгофы» же, боясь, что вслед за этим будут выдвинуты и другие требования демократизации общества, доказывали, что отмена табачной монополии оставит государственную казну без доходов. В вопросе об отмене рабства негров буржуазное крыло либералов утверждало, что такая мера означает нарушение права собственности, а демократически настроенная часть настаивала на том, что такая собственность есть нарушение свободы. По вопросу о системе образования первые

требовали полной отмены государственных учреждений и всякого государственного вмешательства, для вторых подобная мера означала «оставление нищего народа без средств на образование и, следовательно, отказ от правил демократии». «Голгофцы» выступали за расширение свобод личности в ущерб мощи государственной власти, «драконовцы» же — за усиление этой власти, и даже путем репрессий, вплоть до смертной казни, за пропаганду и преступления против безопасности государства. Первые выдвигали требование федеративного государственного устройства, вторые — централистского. И когда вспыхнет Боготинская коммуна, неудивительно, что буржуа-либералы совместно с буржуа-консерваторами объединят свои силы для ликвидации постоянной армии во имя принципа гражданских правительств и республиканской чистоты, а демократы, напротив, поддержат коммуну или же займут благожелательный нейтралитет, видя в ней возможность освобождения народа от угнетения.

Различия по классовому признаку как внутри либерализма, так и внутри консерватизма создавали в Новой Гранаде такую расстановку социально-политических сил, которая сулила самые неожиданные повороты в процессе развития либеральной революции. И первой такой неожиданностью стало то, что начало реформам было положено как раз в период правления Томаса Сиприано де Москеры (1845—1849), одного из основателей Консервативной партии. Справедливости ради надо отметить, что когда Москера вместе с Маркесом и Оспиной создавал в 1848 г. свою партию, он настаивал на том, чтобы назвать ее умеренно-либеральной.

Главным инициатором реформ при Москере был один из крупнейших лидеров «голгофы», Флорентино Гонсалес, занявший в консервативном правительстве ключевой пост министра финансов. Начиная с 1846 г. он изложил главные направления экономической политики и правительственную программу в полном соответствии с постулатами Манчестерской школы. Прежде всего он подверг резкой критике консервативную попытку государственного поощрения индустриализации Новой Гранады, провал которой стал очевидным к 1840 г. Эту неудачу Гонсалес объяснял тем, что в рамках международного разделения труда страна «не призвана быть промышленной нацией», так как у нее нет необходимых для учреждения фабрик капиталов и технических средств, нет сырья для уже созданных предприятий, нет покупателей, которые бы на рынке, открытом свободной конкуренции, предпочли национальные товары иностранным. А без использования машин новогранадское ремесленное и мануфактурное производство, по его словам, создавало лишь «грубое полотно и фланель, которые продаются нищим индейцам».

В этом презрении к национальной продукции Гонсалес был не одинок. Оно составляло устойчивый для определенных слоев населения социально-психологический феномен, нашедший широкое отражение и в художественной литературе той эпохи. Так, например, новогранадский писатель Просперо Перейра Гамба в романе «Студенческие амуры» (1865 г.) рисует весьма характерный для 30—40-х годов эпизод, когда главный герой романа — влюбленный студент одного столичного колледжа — приходит в крайнее отчаяние от того, что стыдится войти в дом родителей своей невесты одетым в форменную одежду, в особенности в «брюки из полотна, произведенного в Сокорре (которые, между прочим, нас заставляли носить для защиты промышленности страны)». Автор романа намекает на то, что качество местных тканей было столь низким, что их можно было заставить носить лишь в приказном порядке, применимом по отношению к солдатам или студентам. По доброй же воле ни один свободный гражданин на такое не соглашался.

В чем же тогда состояло историческое предназначение Новой Гранады? В том, доказывал Гонсалес, чтобы развивать сельское хозяйство и добычу драгоценных металлов для обмена на заграничные промышленные изделия. Этому, однако, мешало то обстоятельство, что единственными изменениями со времени колонии были лишь имена функционеров да республиканская форма правления. Сущность же независимого новогранадского государства осталась колониальной — сугубо бюрократической, в результате чего скудные капиталы, имевшиеся в стране, не смогли достичь в предпринимательстве прибыльных результатов «из-за того, что они действовали под тяжестью угнетающих законов, которые сковывают производство и транспортировку»¹. При этом Гонсалес любил повторять расхожий афоризм о том, что единственной правящей силой, недостающей Новой Гранаде, является богатство. Отсюда следовал второй краеугольный «манчестерский» вывод об упразднении государственного вмешательства в социально-экономическую сферу и предоставлении полной свободы частному предпринимательству.

В соответствии с изложенной Гонсалесом программой правительство генерала Москеры в 1847 г. максимально снизило таможенные пошлины на импортные товары, в 1848 г. отменило государственную табачную монополию. В сумме с открытием пароходного сообщения по р. Магдалена в 1833 г. эти меры чрезвычайно ускорили развитие свободного частного предпринимательства в табаководстве и сняли преграды на пути в страну иностранных промышленных изделий.

¹ Colmenares G. Partidos políticos y clases sociales en Colombia. S. 1., s.f. P. 65.

В 1849 г., с приходом к власти либерального правительства генерала Хосе Иларио Лопеса (1849—1853), процесс реформ получает дополнительные импульсы. В 1850 г. отменяется церковная десятина, издается декрет о немедленном изгнании из страны Ордена Иисуса, довершается ломка индейской общины, за исключением лишь южных районов Новой Гранады, децентрализуется налоговая система страны, отменяется налог на поместья. В следующем году правительство окончательно отменяет рабство¹. Одновременно издается закон о свободе печати и отменяется смертная казнь, упраздняется церковное фуэро и разрешается гражданский брак, вводится обязательное и бесплатное начальное образование, которое изымается из рук церковников.

Главным инициатором этих реформ выступала «голгофа», и в целом ряде случаев они отличались ультрабуржуазным характером. В частности, ограничив роль государства заботой о начальном образовании и объявив полную свободу среднего и высшего его звена, правительство Лопеса в то же время декретировало упразднение университетов и академических званий (этот перегиб был либералами исправлен лишь 17 лет спустя). Та же ультрабуржуазность проявилась и в аграрной политике, когда, с одной стороны, началась распродажа общинных и пустующих земель, а с другой — был отвергнут план министра финансов М. Торо, направленный на ограничение земельных владений размером 1 тыс. га и наделение участками возможно большего числа безземельных и малоземельных крестьян. Наконец, в 1853 г. Национальный конгресс, в котором большинство депутатских мест принадлежало «голгофцам», отменяет старый испанский закон об ограничении ростовщичества, которое немедленно приняло невообразимые размеры. Самый последовательный защитник этой меры видный либеральный юрист А. Галиндо доказывал ее необходимость, исходя именно из ортодоксальной логики либерализма. «Переходя от абстрактных идей права в сферу экономики, — восклицал он, — какое различие, говоря строго научно, имеется между правом собственности и правом использования ее? Законы против ростовщичества при логическом развитии этих идей неизбежно приведут к назначению размеров арендной платы, цен на продовольствие, уровня зарплаты и т. д.»².

Социально-экономические преобразования очень быстро обнажили классовые интересы и обострили политические противоречия в стране. С одной стороны, в 1851 г. подняли восстание консерваторы, недовольные, как утверждает в литературе, отменой рабства и анти-

¹ К этому времени насчитывалось около 17 тыс. рабов, на выкуп которых государство ассигновало 2 млн песо.

² Molina G. Op. cit. P. 46—47, 66, 73.

клерикальными законами. Хотя уже сам факт распространения восстания в провинции Пасто и других населенных индейцами районах недвусмысленно указывает и на массовое недовольство роспуском общины. С другой стороны, не успели либералы подавить эти волнения, как вслед за отставкой с поста министра финансов М. Торо (по причине отклонения его аграрного плана) еще резче обозначились классовые противоречия между «голгофцами» и «драконовцами».

В 1853 г. демократическое крыло либералов при поддержке армии добилось избрания на пост президента страны своего кандидата генерала Хосе Марии Обандо. Но едва тот вступает в должность, как уже в мае 1853 г. конгресс, в котором по-прежнему преобладают «голгофцы», принимает новую конституцию ультралиберального толка. Она не только декларирует всеобщее избирательное право и свободу печати и собраний, но также устанавливает приоритет конгресса по отношению к исполнительной власти и децентрализует эту власть за счет расширения автономии провинций. В результате у президента-«драконовца» оказываются урезанными возможности для проведения какой-либо самостоятельной политики.

Между тем свободный приток в страну иностранных промышленных товаров после отмены таможенных пошлин в 1847 г. в громадной степени ускорил разорение ремесленников Новой Гранады. Созданные ими демократические общества все настойчивее добивались восстановления государственного покровительства ремесленному производству и все чаще обращались к идеям утопического социализма. По мере радикализации обществ стоявшие у их истоков либералы вытеснялись новыми руководителями из среды самих ремесленников, такими, как кузнец М. Леон, сапожники Х.М. Вега, Сааведра. Появились новые газеты и листовки, в которых уже не только шла речь о хлебе насущном, но и ставилась под сомнение эффективность буржуазного строя. В листовке под названием «Мужество ремесленников» утверждалось, что в Новой Гранаде «демократия является сплошной фикцией. В теории все мы как республиканцы обладаем соответствующими правами, на деле же мы рабы. На словах прославляются свободы, а на практике царит рабство»¹. М. Леон, талантливый руководитель ремесленников и яркий публицист, призывал народ отказаться от иллюзий о беспристрастности государства и вступить на путь решительной борьбы за свои права.

Радикализация ремесленников привела к быстрому разграничению и в рядах «драконовцев». Президент Обандо открыто отмежевался от своей главной опоры на выборах 1853 г. и не скрывал враждебного

¹ Цит. по: Шульговский А.Ф. Указ. соч. С. 79—80.

отношения к «дискредитировавшим себя социалистическим школам». Он категорически заявил, что его принципом является абсолютное уважение ко всем видам собственности, а сам он сторонник только одной школы — «школы свободы производства, обмена продуктов труда и свободы передавать их по наследству»¹.

Таким образом, страна оказалась на грани открытой классовой войны между буржуазией и городскими «низами». Достаточно было искры, чтобы внутри либеральной революции вспыхнула социальная революция, подобно тому как это имело место во время Французской революции 1848 г.

Этой последней искрой стала «антимилитаристская» акция новогранадской буржуазии. Доказывая необходимость ликвидации постоянной армии, идеологи буржуазии обосновывали эту меру самыми благими соображениями. Если всеобщее избирательное право отдает формирование правительства в руки народа, рассуждали они, то какое оправдание может иметь содержание в стране постоянных вооруженных сил? Ведь если декретируются свободы и устанавливается согласие между управляющими и управляемыми, то армия остается совершенно не у дел и начинает искать себе занятие в подрыве конституционного строя и установлении военных диктатур. Да и экономически, доказывал Х. М. Сампер в «Очерках о политических революциях», этот институт слишком обременителен для государства. Ведь правительство призвано финансировать развитие народного просвещения, создание библиотек, обсерваторий, академий и т. п. Средства нужны государству, чтобы в целях просвещения, очищения и уравнивания рас поощрять европейскую иммиграцию в страну. Громадных финансовых затрат от государства требует создание железных и шоссейных дорог, водных путей сообщения, почтовых и телеграфных линий. И все это в то время, когда каждый мятеж военщины оборачивается для страны миллионными убытками! Вот такими аргументами «голгофы» убедили конгресс принять закон о свободной продаже всем гражданам оружия и боеприпасов, сокращении армии до 800 человек и упразднении в ней звания генерала.

Но разве страна не стояла на грани классовой войны? Разве буржуазное государство не нуждалось в репрессивном аппарате для угнетения трудящихся? Или же новогранадские либералы были настолько неисправимыми доктринерами, что не понимали ни того, ни другого?

Лишь сравнительно недавно ответил на эти вопросы видный латиноамериканист А. Ф. Шульговский. Вооруженные силы Новой Гранады, как и во всей Латинской Америке, складывались в ходе войны за

¹ Цит. по: *Шульговский А.Ф.* Указ. соч. С. 79.

независимость на основе двух видов воинских формирований: во-первых, колониального ополчения, главное ядро которого составляли отряды, сформированные помещиками-каудильо из числа пеонов их поместий, а во-вторых, профессиональной армии, значительно более народной по своему составу. Военные-профессионалы выходили в большинстве случаев из малоимущих слоев населения, а военная карьера была для них таким же ремеслом, каким, например, для учителя служит преподавание в школе, и, следовательно, средством (чаще всего единственным) существования. Армия профессионалов в ту эпоху не являлась преторианской гвардией и в период частых и продолжительных социальных конфликтов нередко становилась на сторону угнетенных слоев. Когда же радикализировались новогранадские ремесленники, во время уличных столкновений столичный гарнизон был на их стороне.

Ясно теперь, что разрешением свободной продажи оружия «голгофцы» вооружали не народ, а обеспеченные слои населения и сокращением регулярной армии до чисто символических размеров делали трудящихся совершенно безоружными против буржуазии, обладавшей к тому же нерегулярными отрядами помещиков-каудильо. Враждебность «голгофцев» к политизированной армии не в последнюю очередь была обусловлена и личностью командующего столичным гарнизоном генерала Хосе Марии Мело, выходца из крестьянской семьи, сделавшего карьеру благодаря высоким профессиональным качествам.

По мере радикализации ремесленников и усиления нападков со стороны «голгофы» на армию происходит сближение Мело и его сторонников с Демократическим обществом Боготы. В 1852 г. Мело основывает газету «Орден» («Порядок»), главным редактором которой стал Х.П. Посада, «анархист» и «ниспровергатель общественных устоев», по определению либералов. Но тот порядок, к которому стремились Посада и Мело, во многом противоположен буржуазному: для них порядок отождествляется с существованием сильного просвещенного государства, защищающего интересы народных масс, препятствующего своей политикой разорению трудовых слоев населения в результате капиталистической конкуренции. В армии они видели главную гарантию построения и защиты этого государства, и в публикациях газеты проводилась мысль о том, что именно благодаря народной армии была завоевана независимость и создано свободное Отечество.

Вступление Мело и некоторых других военных в ряды Демократического общества Боготы было естественным логическим итогом их жизненного пути. Избранный в руководство Общества, Мело активно участвовал в подготовке вооруженного восстания, содействовал укреплению национальной гвардии, которая была создана в качестве проти-

вовеса революционизированной армии, но вместо этого также превратилась в «вооруженную руку демократических обществ». После принятия конгрессом закона о продаже оружия и отказа ограничить иностранную конкуренцию Демократическое общество обратилось к народу с воззванием развернуть решительную борьбу с классом богачей. На стенах жилых домов и общественных зданий появилась надпись «Хлеб, работа или смерть!», созвучная лозунгам лионских ткачей в 1831 г. и парижских пролетариев в июне 1848 г.

Ранним утром 17 апреля 1854 г. войска и сотни вооруженных ремесленников во главе с Мело с лозунгами «Да здравствует армия и ремесленники!» и «Смерть спекулянтам!» заняли столицу, свергли буржуазное правительство и основали Боготинскую коммуну. Хотя формально речь шла о диктатуре генерала Мело, он неоднократно подчеркивал, что на смену прежним институтам придет не военный деспотизм, а государство, основанное на принципах подлинной свободы и независимости, и выдвигал задачу безотлагательного созыва подлинно народного Национального конвента для разработки конституции.

Осуществляя важнейшие требования городских «низов», правительство Мело декретировало прогрессивный налог на крупную собственность, ввело экспортные пошлины на табак и некоторые другие вывозимые за границу продукты, а главное — значительно повысило таможенные тарифы на ввоз иностранных промышленных изделий. Органический декрет, ставший временной конституцией, устанавливал жесткий централизм в управлении государством, ликвидировал всякие монополии и вводил свободу на все виды профессиональной деятельности, гарантировал право частной собственности, но делал важную оговорку о возможности ее отчуждения за компенсацию «в случае общественной необходимости». Заключительная статья декрета объявляла о поддержке режимом католической религии, поскольку ее «исповедует подавляющее большинство жителей Новой Гранады».

Совместные выступления армии и ремесленников происходили и в других городах. Но буржуазии удалось подавить их и ограничить власть коммунаров районом Боготинской саванны. В столице самые богатые семьи облагались принудительными займами, и большинство их из боязни расправы скрывалось в иностранных посольствах. Однако, как это случалось и в Европе, почти за девять месяцев своего существования военно-ремесленная коммуна, несмотря на страстные призывы Х.П. Посады, так и не откликнулась на нужды крестьянства.

Между тем буржуа-либералы, еще вчера клеймившие консерваторов как защитников «колониального варварства», теперь заключили с ними классовый союз «цивилизации» для борьбы против «варваров и анархистов», с целью защиты конституции (отсюда и название «кон-

ституционалисты»). Такой альянс среди прочих выгод давал им возможность опереться на часть крестьянства, шедшего за консерваторами. В результате к осени 1854 г. две армии конституционалистов с севера и юга под командованием бывших президентов Москеры и Лопеса развернули наступление на Боготу.

Параллельно военным действиям развернулась острейшая борьба и на идеологическом фронте. Либерал Ф. Гонсалес, всегда называвший демократическую тенденцию в либерализме уравнительной, проводя тем самым аналогию между нею и левеллерами времен Английской буржуазной революции XVII в., окрестил режим Мело «диктатурой преторианцев и черни», грозившей «ввергнуть страну в варварство». Такие же оценки Боготинской коммуне давали консерваторы, в частности Анхель и Руфино Куэрво, утверждавшие, что военная диктатура Мело опиралась на «отбросы общества» и угрожала интересам собственности¹. А известный идеолог консерватизма М. Оспина пугал новогранадцев дилеммой — «либо стать жертвами анархии, испытать все ужасы коммунизма, социализма и мести, либо продолжать наслаждаться свободой и миром под сенью закона и просвещенного патриотизма»². Руководители коммуны, напротив, подчеркивали прогрессивный характер осуществляемых преобразований, доказывая, что они направлены не к «угнетающему феодализму», при котором «цехи в силу своей ущербности и устаревшей организации препятствовали развитию промышленности, а многочисленные злоупотребления давили своей тяжестью на трудящихся», но на создание общества ассоциации и такого государства, которое способно защитить трудящихся от «вражды различных интересов, хаотической конкуренции и безжалостных антагонизмов»³. Соответственно и в историографии одни авторы разделяют буржуазные оценки Боготинской коммуны, другие видят в ней движение социального протеста масс новогранадских ремесленников, которое пыталось осуществить идеалы утопического социализма и представляло собой прообраз будущих классовых битв колумбийского и латиноамериканского пролетариата.

Справедливость народного возмущения капитализмом, несшим народу неисчислимые бедствия, благородные цели коммунаров освободить трудящихся от угнетения, массовый героизм рядовых бойцов коммуны в ходе классовых боев, меткая и беспощадная критика порядков в передовых буржуазных странах, осуществленная идеологами коммуны, — все это составляет позитивный багаж движения в Боготе. Од-

¹ Шутьговский А.Ф. Указ. соч. С. 69; Molina G. 1985. № 6. С. 78.

² Molina G. Op. cit. P. 58.

³ Шутьговский А.Ф. Указ. соч. 1985. № 6. С. 78.

нако это не должно заслонять всей сложности проблемы 1854 г., тем более что даже в марксистской исторической науке исследователи, как правило, ограничивались констатацией незрелости общественных условий для социалистических устремлений мелкобуржуазных слоев и исторической обреченности подобных движений, до тех пор пока на арену классовой борьбы не выдвигается пролетариат. Между тем в реальной действительности движения социального протеста мелкобуржуазных масс в Латинской Америке не только имели место, но и, как случалось, например, в ходе войны за независимость, иногда лишали эксплуататорские классы политической власти. И в этой связи тем паче интересно проанализировать, какой же общественный строй устанавливался в результате победы класса мелких собственников в Новой Гранаде.

Обратимся к основоположникам марксизма. «Мелкая буржуазия является, наряду с крестьянами, самым жалким классом, когда-либо оставившим свой след в истории... — утверждал Ф. Энгельс. — Там, где отсутствие дворянства и буржуазии делает возможным их господство, как, например, в горных кантонах Швейцарии и в Норвегии, вместе с ними господствуют дофеодалное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность и добропорядочность»¹. В Манифесте Коммунистической партии, написанном им совместно с Марксом, недвусмысленно заявляется: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории»².

Впрочем, и в самой Латинской Америке опыт победоносных выступлений народных масс против буржуазии подсказывает, что в случае полной победы у Боготинской коммуны при тогдашней неразвитости буржуазных отношений, отсутствии крупной промышленности, пролетариата и многого другого было лишь два реально возможных пути: либо, как на Гаити, вернуть страну к добуржуазным отношениям и к необходимости снова пережить длительный и мучительно медленный процесс становления, развития и утверждения капитализма; либо же, как в Парагвае, увенчать революционные устремления трудящихся установлением порядков «казарменного коммунизма», который также был объяснен и беспощадно раскритикован К. Марксом: «Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по от-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 50—51.

² Там же. С. 434.

ношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной*... простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»¹.

В Новой Гранаде объединенная буржуазная коалиция одержала верх в классовой войне с трудящимися и жестоко расправилась с коммунарами. «Драконовская» фракция либералов очистила свои ряды от демократов, слилась с частью консерваторов во главе с Т. С. Москерой, образовав Национальную партию, и заняла умеренно-либеральные позиции, встав по правую сторону от «голгофы». Но на президентских выборах 1856 г. и те и другие либералы потерпели поражение — власть перешла в руки консерваторов, которые не только покончили с демократическими завоеваниями коммуны, но даже и отменили большинство чисто буржуазных из осуществленных либералами реформ.

Поднятое либералами восстание в 1860 г. привело в президентский дворец Москеру и положило начало второй фазе преобразований. Главный удар был нанесен по церковному землевладению, в результате чего буржуазия награбила огромное количество плодороднейших земель. Из 3,3 млн га бывших церковных владений, распределенных с 1870 по 1880 г., мелким крестьянам досталось только 8%.

Экспроприацией церковного имущества и отделением церкви от государства в сущности завершается новогранадская либеральная революция. Эти меры наряду с реформами первой фазы открыли немалый простор развитию производительных сил страны.

Мексика

Период от завоевания независимости до начала либеральной революции в стране (с 1821 по 1855 г.), отличался крайней социальной и политической нестабильностью. Особенно грозным был рост вооруженного крестьянского движения, пик которого пришелся на начало 50-х годов. Недовольство зрело в среде мексиканских ремесленников, которым политика индустриализации несла массовое разорение. Буквально раздирали страну противоречия между консерваторами и либералами, причем и те и дру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114—115.

гие искали их разрешение в вооруженных мятежах и государственных переворотах. В результате страна сменила полсотни президентов.

Новое поколение мексиканских либералов, как и в Новой Гранаде, делилось на радикалов (пурос) и умеренных (модерадос), хотя классовые различия между ними ощущались менее остро, а разделение было обусловлено главным образом вопросом о темпах проведения реформ. Либералы по-прежнему ориентировались на США, полагая, что «не только своими институтами, но и гражданской практикой» те должны служить маяком для Мексики.

В результате восстания в 1855 г. была создана либеральная Правительственная хунта и провозглашены важнейшие законы о реформах. Первый из них был разработан Бенито Хуаресом, одним из очень немногих в Мексике индейцев, которые сумели интегрироваться в класс буржуазии. Закон Хуареса лишал католическую церковь ее привилегий. Закон Иглесиаса запрещал церкви контролировать кладбища и взимать приходские взносы с бедняков. Но самым ультрабуржуазным стал закон Лердо (по имени его автора Мигеля Лердо де Техады), который объявлял о конфискации недвижимого имущества церкви и монашеских орденов, с одной стороны, и индейских общин — с другой. Все эти законы были подтверждены конституцией 1857 г., которая также устанавливала федеративный принцип государственного устройства, республиканскую и демократическую формы правления, возможность вмешательства государства в церковные дела, основные буржуазные свободы и права человека.

Закон Лердо нанес сильнейший удар по индейскому общинному крестьянству, которое составляло половину населения страны. Общинное землевладение упразднялось, а пользователи этой земли обязывались выкупить свои участки. Это создало благодатную почву для бесчисленных махинаций, ограбления крестьян латифундистами и превращения их в бездомных бродяг. Крестьяне испытали на себе и другое универсальное буржуазное средство — законы по борьбе с бродяжничеством либерального правительства разрешали губернаторам ссылать бездомных на бессрочные принудительные работы.

Хотя осуществление этих мероприятий проводилось при непосредственном участии вооруженных сил, в целом ряде штатов начались массовые крестьянские восстания. Часть крестьянства встала под знамена консерваторов и с лозунгом «Религия и фуэро!» повела борьбу с «цивилизаторами». Страна раскололась на два лагеря и была ввергнута в длительную и до крайностей ожесточенную гражданскую войну. Только к 1861 г. либералы одержали верх в этой битве и вновь учредили свое правительство в г. Мехико.

Ориентация либералов на США давно внушала тревогу Франции, которая успела предоставить Мексике и другим странам Латинской Америки немалые займы. Воспользовавшись тем, что сами Соединенные Штаты были расколоты войной между Севером и Югом и что мексиканское правительство приостановило выплаты по внешнему долгу, Франция склонила Испанию и Англию к осуществлению совместной интервенции в Мексику в декабре 1861 г. После переговоров с мексиканским правительством Англия и Испания вывели из страны свои войска. Франция продолжила интервенцию и, торопясь возвести «монархическую и латинскую преграду республиканской экспансии Соединенных Штатов», реставрировала в Мексике императорский трон, посадив на него австрийского принца Фердинанда Максимилиана Габсбурга.

Эта грубая акция вызвала массовое партизанское движение в гуще мексиканского народа и в то же время парализовала мексиканских консерваторов. Ибо, несмотря на заинтересованность их в сильной власти и сохранении самобытности Мексики, поддержать Максимилиана I означало стать пособником интервентов, на что решилось лишь несколько генералов из числа отъявленных монархистов. Либералы же, теснимые французскими штыками к границам США, хотя и получали американскую помощь деньгами, оружием и даже добровольцами, превратились в национальных героев.

Народное партизанское движение в тылу у интервентов, завершение войны в США и активизация американской дипломатии, разгром Австрии Пруссией и начало объединения Германии, предвещавшее франко-прусскую войну, вынудили Францию в марте 1867 г. вывести свои войска.

Без этой опоры «империя» Максимилиана продержалась 2 месяца и в мае 1867 г. пала. Император Максимилиан вместе с консервативными генералами Мираном и Мехией был расстрелян. И поскольку в стране не нашлось теперь организованной силы, способной противостоять национальным героям — либералам, то и так называемая Реформа стала едва ли не самой антинародной на континенте. В частности, насколько широкие масштабы приняло ограбление народа либералами, свидетельствует тот факт, что в соответствии с законом Лердо у индейских общин были отняты и распроданы с молотка земли на сумму 11 млн песо. Для сравнения стоит указать: американская компенсация за отнятую у Мексики в 1848 г. половину территории составила 18 млн песо.

Сальвадор

Как и большинство стран Латинской Америки, эта центральноамериканская республика имела аграрную структуру экономики. Потребности в продовольствии покрывались главным образом индейскими общинами и

мелкими крестьянами. Внешняя торговля Сальвадора еще с колониальных времен базировалась на экспорте естественного красителя индиго. Большую его часть производили крупные латифундистские хозяйства. Мелкие крестьяне, так называемые покитерос, также выращивали индиго вместе с продовольственными культурами на своих участках, которые, как правило, входили в состав коммунальных земель селения (эхидо). Крупные городские торговцы или латифундисты выдавали покитерос небольшие авансы, скупали выращенный ими индиго и перепродавали за границу. Так продолжалось до тех пор, пока цены на мировом рынке не были сбиты крупными поставками индиго из Индии, а чуть позднее и появлением в Европе химических красителей. Промышленной революции в Европе и США и новым потребностям мирового рынка внутренняя социально-экономическая структура Сальвадора уже не отвечала.

Первыми уловили эти изменения крупные латифундисты. С 1850 г. вместо индиго они перешли к выращиванию кофе. По мере увеличения спроса на этот продукт в Европе в стране началась настоящая кофейная лихорадка, когда не только латифундисты, но даже и городские торговцы, священники, государственные и военные деятели, врачи и адвокаты — все стремились заполучить кредиты и обзавестись кофейными плантациями.

Как и в других странах Латинской Америки, попытки проведения либеральных реформ в Сальвадоре предпринимались с первых дней независимости, когда Сальвадор был составной частью федеративного государства Соединенные Провинции Центральной Америки. Особое усердие реформаторы проявили в период правления Франсиско Морасана (1832—1840). Он занимал пост президента федерации и для всех провинций декретировал свободу вероисповеданий, поощрение европейской иммиграции, отмену межпровинциальных пошлин и типичный для либералов набор буржуазных свобод, вошедших в новую конституцию 1835 г.

Однако в те времена буржуазия еще не обладала достаточной экономической, политической и военной мощью, чтобы навязать народам Центральной Америки, в большинстве своем состоявшим из индейцев-общинников, плоды «прогресса» и «цивилизации». На насилие правящих кругов массы ответили серией вооруженных восстаний. В самом Сальвадоре в январе 1833 г. вспыхнуло индейское восстание под руководством А. Акино. Вскоре оно охватило все центральные районы страны, где была установлена индейская монархия Акино. Хотя сальвадорской буржуазии удалось подавить это движение, в Гватемале в 1837 г. началось еще более массовое и организованное выступление индейского крестьянства, приведшее к власти Рафаэля Кар-

реру. Его итогом стали повсеместное свержение либералов и отмена проведенных ими реформ, распад федерации на пять самостоятельных республик и установление в них консервативных режимов.

Продажа индиго за границу и кофейный бум 1864—1880 гг. многократно усилили мощь сальвадорской буржуазии. Вместе с тем перед буржуазией встала проблема поиска кредитов, новых земель и рабочих рук для расширения экспортного производства. Ситуация внутри страны наряду с изменениями на мировом рынке вызвала кризис консервативного режима и способствовала назреванию либеральных преобразований.

В отличие от Новой Гранады и Мексики либеральные реформы в Сальвадоре были проведены в довольно сжатые исторические сроки и сверху. Главным реформатором выступило либеральное правительство Рафаэля Сальдивара (1876—1885). Упразднение церковного землевладения не могло утолить алчность латифундистов, поскольку в Сальвадоре церковь не обладала обширными угодьями. Между тем общинные и эхидальные земли занимали в 1879 г. 25% территории страны. Большинство их концентрировалось в районе центральных нагорий, наиболее пригодном для культивирования кофе. Сюда и обратили свои взоры буржуа-либералы.

В 1879 г. Сальдивар издал декрет, по которому право владения общинными и эхидальными землями предоставлялось лишь тем лицам, которые определенную часть своих парцелл отводили под посевы кофе и других экспортных культур. Веками выращивавшие маис индейцы и многие покитерос не обладали для этого ни необходимыми средствами, ни кредитами, ни техническими знаниями и в итоге не смогли приспособиться к новым требованиям.

Новые декреты правительства ликвидировали общинное и эхидальное землевладение (соответственно в 1881 и 1882 гг.). Эти земли были разделены на участки для распределения между пользователями. Однако для вступления во владение ими надо было внести определенную сумму, которую в установленный срок удавалось собрать очень немногим индейцам и покитерос. Как следствие аграрной реформы произошло расширение старых и возникновение новых латифундистских хозяйств, раскрестьянивание основной массы населения и выбрасывание тысяч и тысяч безземельных индейцев на рынок труда. В Сальвадоре не были реставрированы принудительные отработки общинников, но введением законов по борьбе с бродяжничеством государство подталкивало обезземеленных крестьян к найму на кофейные плантации или же к применению своей рабочей силы в городах.

Аграрная реформа, осуществленная Сальдиваром, носила ультрабуржуазный характер. С ее помощью буржуазия награбила такое ко-

личество крестьянской земли, что часть ее так и не была вовлечена в производство и со временем превратилась в пустыри. Но и в этом факте для «верхов» содержалась несомненная польза — вместе с участками работники теряли средства к самостоятельному существованию, а буржуазия независимо от дальнейшей судьбы награбленной земли получала тем большее количество дешевых рабочих рук, чем большие масштабы приобретала экспроприация.

Такой произвол не мог не вызывать сопротивление. По Сальвадору прокатились крестьянские волнения, крупнейшее из них было зарегистрировано в 1889 г. на востоке страны. Но либералы были готовы к такому ходу событий и бросили на их подавление регулярные войска. С целью впредь иметь возможность быстрее реагировать на крестьянские протесты и отлавливать «бродяг», в том же году была учреждена конная сельская полиция.

Реформированный базис общественных отношений закреплялся и надстроечными изменениями: отделением церкви от государства и школы от церкви, введением бесплатного начального образования, провозглашением основных буржуазных свобод. Но, пожалуй, самой большой насмешкой над экспропрированными народными массами было провозглашение «всеобщего избирательного права». Этими реформами революция в Сальвадоре завершилась.

Венесуэла

Самостоятельной республикой Венесуэла стала после выхода из состава Великой Колумбии в 1830 г. С этого момента и вплоть до 1848 г. власть в стране осуществляла одна из группировок крупнейших латифундистов во главе с Хосе Антонио Паэсом, бывшим вожаком льянеро и героем войны за независимость, а теперь владельцем свыше 30 тыс. га земли. Эта группировка в венесуэльской историографии получила название «консервативной олигархии».

Действительно, в период ее господства проявились многие черты типичных консервативных режимов Латинской Америки. В 1830—1848 гг. государственное устройство покоилось на принципе централизма, избирательные права граждан ограничивались высокими имущественными и образовательными цензами, церковь сохраняла свои богатства и контроль над школой, а католическая религия официально признавалась государственной, отсутствовали многие буржуазные свободы, сохранялось рабство негров.

В ряду подобных режимов правление Паэса (в том числе через его ставленников) занимает особое место, потому что оно отмечено осуществлением и многих либеральных реформ. В 1831 г. правительство покончило с индейскими ресгвардо (имевшими, правда, сравнительно

малое значение) и начало распродажу пустующих земель из государственного фонда. В 1834 г. (подобно либералам Новой Гранады) законом о свободе контрактов ростовщичеству была предоставлена полная свобода. С именем Паэса связаны отмена налога на продажи (алькабалы), упразднение церковной десятины и государственной табачной монополии, общее сокращение импортных и экспортных таможенных пошлин.

Столь ощутимый отпечаток либеральных рецептов в деятельности правителей, называвших себя консерваторами, объясняется, видимо, тем, что и до независимости внешняя торговля играла в жизни страны куда более заметную роль, чем во многих других испанских колониях, и что именно Венесуэле освободительная война принесла наибольшие материальные разрушения, отчего государству приходилось не столько заботиться о защите местной промышленности от иностранной конкуренции, сколько всячески поощрять свободное развитие экспорта.

Когда в 1840 г. возникла Либеральная партия, консерваторов бранили не за сохранение «варварских» социально-экономических отношений, а в большей мере за элитарный и замкнутый характер созданной ими политической системы, за использование власти для обогащения олигархии (Паэс и в самом деле распродавал за бесценок пустующие земли своему ближайшему окружению). Более того, принадлежа к тем же крупным латифундистам, но лишенным доступа к государственной кормушке, либералы, по крайней мере в вопросе о ростовщичестве, проявили себя менее последовательными, чем их оппоненты (сторонниками манчестерской доктрины), требуя отмены закона о свободе контрактов. О непринципиальном характере разногласий между теми и другими говорит и тот факт, что главный пропагандист либерализма и обличитель консервативной олигархии А.Л. Гусман с 1830 по 1840 г. занимал в консервативном правительстве высшие посты, в том числе пост министра внутренних дел, с которого он отдавал энергичные распоряжения о гонениях на деятелей либеральных взглядов, и только поссорившись с другим министром, перешел в лагерь либералов.

Распри внутри латифундистов разгорелись с падением в 1842—1844 гг. цен на главный продукт экспорта — кофе. Общее ухудшение экономического положения страны отразилось в первую очередь на жизненном уровне трудящихся. И на этой почве пропагандистские лозунги либералов о равенстве, свободе и демократии, о законодательных реформах, об отмене рабства и смертной казни, о необходимости свержения «угнетателей народа» изменили соотношение сил между двумя партиями.

В конце 1847 г. либералы одержали победу и был установлен так называемый режим либеральной олигархии (1848—1858), связанный с поочередным правлением братьев Монагасов — Хосе Тадео и Хосе Грегорио. При них законом от 1848 г. был дан новый импульс распродаже государственных земель в частную собственность, причем эта земля продавалась целыми поместьями в 30, 40, 130, 150 и даже 185 тыс. га. Одновременно изменением закона о свободе контрактов был уменьшен произвол ростовщиков в их отношениях с латифундистами. Были приняты законы о таможенном режиме и европейской иммиграции в страну, отменена смертная казнь за политические преступления, окончательно упразднено рабство. Эти преобразования закрепила конституция 1857 г., которая, однако, сохраняла централистский принцип государственного устройства, отменяла прежние запреты на переизбрание президента, не отделила церковь от государства, а, расширив несколько круг избирателей, оставила высокий имущественный ценз для избрания в члены палаты сенаторов.

Распродажа «пустующих» земель лишила огромное число их прежних пользователей источников существования и вызвала крестьянские движения за радикальную аграрную реформу. Одновременно передача земли собственникам столь крупными поместьями вызывала недовольство значительной части буржуазии чрезмерной концентрацией ее в руках олигархии. В 1858 г. в США разразился очередной циклический кризис, который быстро достиг берегов Европы, а затем отозвался и на Венесуэле. Цены на кофе упали на 20%, вызывая банкротства многих предпринимателей, увеличение внутреннего и внешнего долга и т. п. В сумме с диктаторскими замашками Монагасов, фактическим подчинением парламента президенту, ростом численности постоянной армии, ограничением свободы печати и в особенности жестким централизмом это способствовало оживлению регионализма, объединению части либералов и консерваторов в федералистском движении.

Федерализм стал знаменем и венесуэльского крестьянства, составившего мощное демократическое крыло Либеральной партии. Гораздо позднее, в 1867 г., А. Л. Гусман в своем циничном выступлении в конгрессе заявит: «Не знаю, откуда вы взяли, что народ Венесуэлы питает любовь к федерации, когда он даже не знает, что означает это слово. Эта идея пошла от меня и других из нас; мы тогда сказали, что поскольку всякая революция нуждается в знамени, а конвент Валенсии не пожелал окрестить Конституцию именем федерации, то давайте обратимся к этой идее; потому что, если бы наши противники, господа, высказались за федерацию, мы бы тогда выступили за централизм»¹.

¹ *Siso Martínez J.M. Historia de Venezuela. 7-a ed. Caracas: Yocoima, 1965. P. 559.*

Действительно, венесуэльские крестьяне мало разбирались в политической лексике либералов. Но, встав под знамена федерализма, они в либеральные лозунги вкладывали свое собственное содержание и свои собственные требования: «Земля, равенство, свобода!» И подобно тому как во времена войны за независимость выразителями этих требований и вождями крестьянства становились то Бовес, то Паэс, так и теперь крестьяне не шли слепо за буржуазно-либеральными лидерами, а выдвинули собственного вождя — Эсекиеля Самору.

Обстановка в стране предвещала новую гражданскую войну, и она действительно разразилась после того, как, при поддержке либералов свергнув Монагасов, консерваторы установили собственный режим — конвент Валенсии. Федеральная война 1859—1863 гг. стала самой кровопролитной в истории Венесуэлы и стоила ее населению, не достигавшему и двух миллионов, 300 тыс. убитыми, ранеными и искалеченными. Эти потери объясняют характер войны, которая приняла форму не обычного столкновения либеральной и консервативной фракций венесуэльской буржуазии, а вовлекла огромные массы трудящихся страны.

Как и во всяких крупных социальных потрясениях того времени, непосредственным поводом к восстаниям обездоленных в 1859—1863 гг. служили зачастую просто слухи, нередко даже фантастические. И либералы ради собственной корысти активно использовали этот канал агитации. Так, например, в районах проживания негров появился подделанный либералами правительственный декрет о возвращении бывшим хозяевам только что освобожденных рабов. В индейских селениях распространились слухи, будто либералы борются с консерваторами за реставрацию индейских ресгвардо. Но самым нелепым был слух, будто консервативное правительство собиралось всех венесуэльских бедняков «продать англичанам, чтобы те из их мяса изготавливали мыло, а из костей — рукоятки для ножей, тростей и зонтиков».

Возможно, либералы провоцировали терроризм толпы, преследуя цель, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «плебейским способом разделаться с врагами буржуазии». Однако классовая ненависть, как и любая другая, часто слепа в своей ярости и нередко выходит за пределы ожидаемых последствий. Так произошло и в Венесуэле, когда повсеместно начались стихийные выступления «низов», которые, если и вливались в ряды федералистов, действовали под собственными лозунгами, например: «Все мы равны! Смерть белым! Долой аристократов! Создадим свободную родину для индейцев!» Вместе с отрядами народных мстителей такие повстанцы во многих местах устраивали массовую резню богачей и даже просто белых, как это случалось еще во времена Бовеса.

В этих условиях и проявился яркий организаторский талант генерала Саморы. В свои отряды он охотно принимал не только восставших крестьян или вчерашних рабов, но даже и откровенных разбойников. Из этой разношерстной массы он создал дисциплинированную, спаянную единой целью и единой волей революционную армию. Многие из офицеров, даже генералов этой народной армии происходили из самых «низов» общества и не умели ни писать, ни читать. В отдельных случаях Самора не останавливался перед расстрелом отъявленных головорезов, например М. Эспиносы, который во главе шайки льянеро вступил в армию Саморы. Благодаря организаторскому и военному таланту Саморы демократическое крыло либерализма становилось крайне опасным и для либералов. Это движение уже не походило на «бунт черни», страшный своей слепой яростью, но бессильный в исторической перспективе. Напротив, обладая организованной силой и более или менее ясной целью, оно в социальном плане объективно могло вылиться скорее всего в воплощение идеалов утопического крестьянского социализма, но непременно на обломках буржуазных устоев общества (вспомним Парагвай времен доктора Франсии). Но ведь к укреплению этих устоев как раз и стремились либералы-буржуа. И, видимо, не случайно некоторые из венесуэльских историков полагают, что пуля, оборвавшая жизнь Саморы 10 января 1860 г. в г. Сан-Карлосе, была выпущена именно из лагеря либералов, а стрелявший выполнял приказ.

После гибели Саморы в демократическом движении наметился спад. Это заметно ослабило лагерь федералистов, и Федеральная война растянулась на долгих три года. Впрочем, затяжной характер военных действий может быть объяснен и теми затратами огромных усилий, которые потребовались от руководства Либеральной партии, чтобы в условиях массовой мобилизации «низов» венесуэльского общества вновь ввести федералистское движение в русло чисто политических задач.

Таким образом, в ходе Федеральной войны 1859—1863 гг. народное движение не сумело ни отвоевать экспроприированную землю, ни хотя бы приостановить процесс обезземеливания крестьянства. Стычки местного значения продолжались еще несколько лет, и только с установлением диктатуры Гусмана Бланко¹ (1870—1887) либералы получили возможность заняться выяснением отношений с католической церковью.

¹ Антонио Гусман Бланко — сын известного политического деятеля Венесуэлы, основателя партии либералов Леонардо Гусмана Бланко, во время Федеральной войны являлся одним из главных советников Фалькона. После войны был вице-президентом республики, министром иностранных дел и финансов, президентом Конституционной ассамблеи, неоднократно выезжал в Европу в качестве чрезвычайного и полномочного представителя венесуэльского правительства.

Бланко закрыл духовные семинарии, хотя одновременно создал кафедры богословия при венесуэльских университетах. Он ввел государственную регистрацию гражданских актов: брака, рождения, смерти. Отменялось церковное фуэро, а церковь облагалась рядом налогов. По конституции 1873 г. вводилась свобода вероисповеданий и закреплялось за государством право на патронат. В стране были закрыты женские монастыри (мужские были запрещены ранее), их имущество конфисковано в пользу государства, а затем вместе с другими церковными землями распродано с аукциона предпринимателям и коммерсантам. Этими мерами процесс буржуазных преобразований был доведен до логического завершения.

Либеральные революции и подчинение индейских общин

Гватемала

Структура землевладения и экономики Гватемалы к середине XIX в. сохраняла черты колониального периода. Главный продукт экспорта страны — кошениль — находил применение в текстильных отраслях промышленности в Европе, и особенно в Англии. Так продолжалось до тех пор, пока не обнаружились признаки скорого заката в процветании торговли кошенилью. С 1858 г. торговля химическими красителями оттеснила Гватемалу с ее прежних позиций на мировом рынке и лишила ее прежних доходов. Национального капитализма на базе индейских общин и эхидо, с одной стороны, и ремесленных производств — с другой, как и следовало ожидать, не получилось. И тогда сам «пожизненный президент» Каррера был вынужден с постоянной оглядкой на индейское население поощрять культивирование кофе и некоторых других модных продуктов экспорта, главным образом с помощью премирования и освобождения от налогов их производителей.

Сделав этот шаг, консервативный режим по сути дела подписал себе смертный приговор. Кофе сулил огромные прибыли гватемальской буржуазии, но требовал в отличие от кошенили крупных площадей земли, большого числа рабочих рук, сельскохозяйственного кредита. Наладить все это Каррера не мог, не подорвав главных опор своего режима — поддержку церкви, армии и индейских общин.

По мере расширения плантаций кофе и денежных поступлений от его вывоза за границу сформировалась фракция буржуазии, готовая драться за свои экономические интересы. Кроме того, большее число земельных собственников, торговцев, высших должностных лиц и военных стремились стать кофейными плантаторами. Смерть диктатора в 1865 г. усугубила кризис его режима, и уже никто не мог оказать серьезного сопротивления мощному наступлению гватемальской буржуазии.

К этому времени на территории соседней Мексики гватемальская оппозиция готовилась к свержению консервативного режима с согласия мексиканского правительства. Руководителями оппозиции являлись Мигель Гарсия Гранадос и Хусто Руфино Барриос. В марте 1871 г. отряд либералов из гватемальских эмигрантов под командованием Барриоса вторгся в Гватемалу, а 3 июня того же года либералы сформировали правительство во главе с временным президентом М. Гарсией Гранадосом.

Новый глава государства склонялся к постепенности преобразований, приводя в пример Англию, где за последние два века не было бурных революционных потрясений, а все реформы совершались после тщательно-го, неторопливого обдумывания. Барриос, напротив, настаивал на немедленном проведении преобразований и, если это необходимо, с применением силы. Занимая пост губернатора провинции Лос-Альтос, Барриос начал осуществлять реформы в провинциальном масштабе, тем самым подталкивая к ним и центральное правительство. Из Лос-Альтос в столицу были депортированы иезуиты, там к ним присоединились еще несколько членов Ордена Иисуса, и в сентябре 1871 г. центральное правительство выслало их из страны навсегда. В ответ церковники подняли индейцев на вооруженное восстание, а затем склонили консервативное правительство Гондураса начать войну с Гватемалой.

Находясь временно во главе правительства Гватемалы (с 8 мая по 10 июня 1872 г.), Барриос декретировал еще несколько реформ, направленных против крупнейшего землевладельца страны — католической церкви. На «вечные времена» была запрещена всякая деятельность в стране Ордена Иисуса и ликвидированы монастыри. Их имущество конфисковывалось в пользу государства для продажи частным лицам. Церковь была поставлена на содержание правительства. Провозглашалась также свобода слова вплоть до критики государственной власти.

Став полноправным хозяином президентского дворца в результате выборов 1873 г., Барриос ускорил темпы преобразований. В августе того же года вышел закон о секуляризации церковного имущества. Была отменена церковная десятина, введена свобода вероисповеданий, а школа отделена от церкви.

Другой закон, от 1877 г., отменил долгосрочные цензы — систему, состоявшую в такой аренде земли, при которой создавались вечные права на занятие ее арендатором, хотя юридически собственность не меняла хозяина. Такой порядок аренды включал часть общинных и эхидальных земель. И вот теперь от долгосрочных цензов высвобождалось 75 тыс. га, а арендаторов в 6-месячный срок обязывали выкупить арендовавшиеся участки, которые в противном случае продавались с молотка. Цены же на участки определялись из того расчета, что годо-

вая арендная плата должна была составлять 3% от их стоимости. Иными словами, бывшие арендаторы должны были уплатить за свои участки сумму, в 33 раза превышавшую годовую арендную плату. Так большинство из них, и в первую очередь общинники и мелкие крестьяне, лишились своих земель.

На основании третьего аграрного декрета началась распродажа «пустующих» земель, в состав которых наряду с действительно пустующими вошли конфискованные церковные поместья, освобожденные от цензов и не выкупленные арендаторами участки, а также и те земли, которые находились в фактическом пользовании крестьян, но без формального титула собственности или аренды. При распределении этих земель правительство Барриоса проявило большую щедрость, так как не только продавало их буржуазии за бесценок, но и раздавало бесплатно — в обмен лишь на обязательство культивировать на полученной земле кофе и другие ценные продукты экспорта. В целом же за период с 1871 по 1883 г. в руки кофейных плантаторов было отдано 400 тыс. га «пустующей» земли.

В результате реформ в стране сложилась кофейная олигархия, представленная двумя группами. Первую — вокруг городов Гватемала и Антигуа — составляли в основном испанцы и метисы, превратившиеся в аристократию страны. Этот класс держал в своих руках политическую власть и занимал высшее положение в обществе. Вторую группу составляли новые плантаторы, значительная часть которых происходила из среды иностранных, главным образом немецких, переселенцев, оставивших Германию между 1860 и 1870 гг. Они обосновались на тихоокеанском склоне северо-западной части нагорья, который спускается к городам Окос и Чамперико, и на резкопересеченном центральном нагорье между городами Уэуэтенанго и Кобан¹. Попытки привлечь колонистов в восточную часть страны, предпринятые правительством Гватемалы в первой половине XIX в., потерпели неудачу.

В целях обеспечения кофейной буржуазии современной для той эпохи системой кредитов, правительство на средства, вырученные от продажи земли, учредило Национальный банк, а с 1877 г. разрешило учреждать в Гватемале частные, в том числе иностранные, банки. Немало сделало либеральное правительство для облегчения связи кофей-

¹ Постепенно потомки этих иммигрантов заняли серьезные позиции в экономике Гватемалы. Так, в 1935 г. иностранцы, составлявшие всего лишь около 1% общего числа землевладельцев страны, владели более чем 30% всей обрабатываемой площади. В том же году иностранцам, главным образом немцам, принадлежало около 48% всех крупных земельных владений страны. В 1935/36 г. немецкие плантаторы дали 64% всего собранного в Гватемале кофе.

ных плантаций с мировым рынком: строились железные и шоссейные дороги, порты, телеграфные и телефонные линии.

Но где взять рабочие руки, которые могли бы эксплуатировать кофейные плантаторы? Частично эту проблему правительство Барриоса решило поощрением европейской иммиграции. От уплаты всех портовых сборов и налогов освобождался любой иностранный пароход, который привозил в Гватемалу не менее 50 иммигрантов. Частично также этой цели служила отмена долгосрочных цензов, поскольку она урезала общинное и эхидальное землевладение. В какой-то мере снабжала плантации дешевыми рабочими руками распродажа «пустующих» земель, вызвавшая обезземеливание их фактических пользователей.

Однако подавляющее большинство населения страны проживало в индейских общинах. Разрушить эту социальную организацию у гватемальских либералов не хватило сил, да и свежи еще были в памяти годы мрачного тридцатилетия. Более того, иногда либеральное правительство Барриоса, боясь повторения 1837 г., выделяло земли тем общинам и эхидо, где их крайне не хватало. К тому же индейцы горных районов, обладая тысячелетними навыками организации интенсивного земледелия на склонах гор, действительно осваивали целинные земли.

В таких условиях либералы не могли не вернуться к методам эксплуатации колониальной эпохи, основанным на внеэкономическом принуждении. В марте 1876 г. Барриос разослал властям на местах циркуляр, вменявший им в обязанность поставлять плантаторам до сотни парней из индейских общин, находившихся под их юрисдикцией. Их заработная плата, как и в колониальное время, выплачивалась вперед касику и управляющему деревней, а местные власти были обязаны наблюдать за их работой, своевременно наказывая индейцев за «бродяжничество» и «лень», а по истечении установленного срока отработок заменять их новыми партиями общинников. В апреле 1877 г. был издан «Регламент поденщика». Это своеобразное трудовое законодательство разрешало и местным властям, и плантаторам насильно рекрутировать общинников в горных районах в определенные периоды для работ на плантациях и при этом весьма жестоко с ними обращаться. Закон вызвал восторг кофейной буржуазии и, поскольку оказался в ее руках исключительно эффективным средством решения проблем найма, служил верой и правдой еще двум поколениям гватемальской буржуазии, пока демократическая революция 1944—1954 гг. не закончила с ним. Наконец, элементом «трудового законодательства» стал закон о преследовании за бродяжничество, принятый в сентябре 1878 г., он устанавливал жесткий контроль над трудовыми ресурсами.

Итак, либеральная революция в Гватемале имела своим содержанием ограбление буржуазией церкви и монашеских орденов, индейских

общин и мелких крестьян. Это позволило латифундистам (старым и новым) сосредоточить в своих руках все основные богатства страны и обеспечить свои хозяйства почти даровой рабочей силой экспроприированных крестьян. Но поскольку индейские общины в Гватемале были сохранены, буржуазии понадобились законы о внеэкономическом принуждении.

Эти конкретные результаты буржуазной революции в корне подрывают весьма расхожую в научной и популярной литературе оценку преобразований Барриоса как буржуазно-демократических. Такое впечатление обычно возникает при чтении конституции 1879 г., которая наряду с закреплением всех перечисленных законов декларировала расширение избирательных прав (но при сохранении имущественного ценза), обычный набор буржуазных свобод, учреждение гласного суда с правом на защиту и т. п.

При более внимательном подходе к данному вопросу легко заметить, что эти и другие демократические права распространялись в сущности только на класс буржуазии, составлявший явное меньшинство населения страны. Конституция декларировала создание такой политической системы, которая по форме была более демократичной, нежели консервативный режим Карреры, но лишь для буржуазии. Что же касается подлинного смысла слова «демократия», означающего «народовластие», то при всей однозности фигуры Карреры и периода мрачного тридцатилетия для либерально-марксистской историографии его правление было более демократичным, чем либеральный режим Барриоса. И нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство народа Гватемалы ответило на буржуазно-демократические реформы либералов единственным оставшимся у него средством — массовым восстанием.

Ожесточенная борьба гватемальской буржуазии против своего народа требовала чрезвычайных мер со стороны буржуазного государства, а всякие чрезвычайные меры возможны лишь при чрезвычайных полномочиях властей. В этом заключается главная причина того, что, несмотря на наличие конституции, Барриос в действительности и до и после ее принятия правил страной откровенно диктаторскими методами, полностью отбросив институты представительной демократии и, следовательно, урезав права и свободы даже для буржуазии. Такой политикой он мог приобрести врагов не только в обездоленном им народе, но и внутри буржуазного лагеря. Поэтому, когда 2 апреля 1885 г. Барриос погиб в одном из боев, ведя войну против Сальвадора за объединение республик Центральной Америки под эгидой Гватемалы, высказывались предположения, что роковой выстрел был произведен из его собственного лагеря.

Разумеется, прогрессивный и буржуазный характер либеральной революции в Гватемале не подлежит сомнению — она в громадной степени укрепила буржуазные устои общества и расчистила почву для быстрого развития капитализма в стране. Но этот прогресс обуславливался не тем, что реформы были «демократическими», а, как раз наоборот, тем, что они были антидемократическими.

Перу

До войны за независимость собственно перуанская экономика была развита относительно слабо. В стране имелись золотые прииски, а также серебряные рудники, хотя значение последних было сравнительно невелико. На тихоокеанском побережье (косте) существовали рабовладельческие плантации сахарного тростника, хлопка и некоторых других тропических культур, ориентированные в основном на экспорт. Внутреннее потребление Перу покрывалось за счет импорта, а также производства в горных районах (сьерре), бывших некогда центром империи инков. Здесь и проживало подавляющее большинство населения, в основном индейцы-общинники. Они отработывали миту на серебряных рудниках, ртутных месторождениях и золотых приисках, на крупных мануфактурах — обрахе, посылали членов общины на заработки к местным латифундистам и таким образом уплачивали подушную подать, в остальном же вели натуральное хозяйство и почти независимый образ жизни.

Тем не менее два обстоятельства — наличие крупнейших месторождений ртути и посредничество в торговле между Испанией, с одной стороны, и Чили и Верхним Перу — с другой, придавали дополнительную значимость Перу. Без ртути в ту пору было невозможно производство серебра, поэтому поставки его в соседнее Верхнее Перу — крупнейший в Южной Америке центр добычи серебра, а также посредничество в торговле давали перуанской аристократии, особенно купечеству г. Лимы, возможность наживаться за счет своих соседей. Вероятно, в этом заключалась одна из причин, по которой Перу на протяжении почти всей освободительной войны оставалась главной цитаделью испанского колониального режима в Южной Америке.

Независимость принесла Перу больше материальных потерь, чем остальным испанским колониям, так как образование суверенных Чили и Боливии (бывшее Верхнее Перу) поставило страну перед необходимостью жить и развиваться не за счет соседей, а за счет собственного производства. Вот тогда-то в Перу с еще большей остротой, чем в других освободившихся странах Латинской Америки, встали проблемы нехватки капиталов и рабочих рук, крайней узости и раздробленности внутреннего рынка, но в особенности — отсутствия жизне-

способной отрасли производства, которая могла бы стать стержнем национальной экономики.

Наличие провинциальных рынков, не связанных в общенациональный, делало перуанское общество чрезвычайно хрупким. Каждая провинциальная группа экономически господствующего класса в стремлении защитить свою отрасль и свой рынок, а то и превратить их в общенациональные объединялась вокруг каудильо, формировала вооруженные отряды и была готова силой отстаивать свои интересы. В какой-то мере этому способствовала и инерция освободительной войны, которая сформировала и еще долго сохраняла стереотипы силового решения проблем послевоенного времени. В таких условиях достаточно было даже легкого преобразующего толчка, чтобы нарушить это хрупкое равновесие и вызвать гражданские войны, военные перевороты и контрперевороты.

Первый такой толчок сделал С. Боливар, наделенный еще в 1824 г. диктаторскими полномочиями перуанским конгрессом. Он декретировал разрушение общинного землевладения, предоставив индейцам «право» на отчуждение обрабатываемых ими участков. Латифундисты тут же бросились грабить общинников, дабы таким образом решить проблему земли и рабочих рук. Резкое обострение антагонизмов в обществе вынудило Боливара другим декретом отсрочить продажу общинных наделов до 1850 г. Поскольку экспроприация индейского общинного крестьянства не состоялась, под давлением латифундистов Боливар реставрировал в 1826 г. подушную подать, отмененную за год до этого, под названием индейской контрибуции. Иного средства принудить крестьян к продаже рабочей силы у латифундистов не было. По той же причине сохранилось и рабство негров, составлявших основную массу рабочих рук на плантациях.

С целью преодоления внутренних антагонизмов и удержания перуанского общества в состоянии равновесия в 1826 г. Боливар добился принятия унитарной конституции, двухступенчатой системы выборов, а также своего назначения на пост пожизненного президента с правом назначить себе преемника. Так Боливар стал первым консервативным правителем Перу.

Бесконечные гражданские войны между консерваторами и либералами начались уже в 1826 г., когда Боливар был вынужден назначить своим преемником в Перу генерала Ла Мара и отбыть в Колумбию. Дважды, в 1828 и 1834 гг., либералам удавалось добиться принятия либеральных конституций. Но к 1836 г. консерваторы восстановили свое верховенство и до середины 40-х годов XIX в. оказывали преимуществовое влияние на судьбы страны.

С 1836 по 1839 г. вместе с консервативным президентом соседней Боливии маршалом А. Санта-Крусом они пытались создать перуано-боливийскую конфедерацию, которая, однако, распалась в результате поражения в войне с Чили. Укрепив свою власть с принятием в 1839 г. конституции, консерваторы продолжили типичную для них политическую линию. Торговый статус 1836 г. либерализовал внешнюю торговлю страны. Мероприятия по индустриализации Перу в 1839 г. вылились в учреждение металлургической компании, и, более того, предпринимались попытки уничтожить цеховую организацию отдельных ремесел. С ростом экспорта гуано консерваторы в 1842 г. установили государственную монополию на добычу и вывоз этого продукта. Этим расширялось государственное вмешательство в экономику и увеличивались ресурсы для проведения индустриализации. При консервативных режимах продолжался процесс наступления латифундий на общинные земли и постепенного обезземеливания крестьян. Он привел к тому, что уже к 1847 г. почти 41% плательщиков индейской контрибуции не имели земельных участков.

Наиболее существенные из либеральных реформ были проведены правительством маршала Рамона Кастильи (1845—1851 и 1854—1862). Он непосредственно не примыкал ни к консерваторам, ни к либералам, а потому в политике имел возможность постоянно лавировать между ними.

Кастилья сохранил государственное вмешательство в экономику страны, свойственное консервативным режимам, в том числе государственную монополию на добычу гуано. В 1849 г. он, правда, ввел так называемую систему консигнаций, по которой гуано, принадлежавшее государству, за комиссионные были обязаны сбывать на мировом рынке перуанские торговые дома, связанные с английским капиталом. За 10 лет такая мера содействовала поступлению в государственную казну свыше 18 млн ф. ст. Часть этих средств шла на учреждение новых промышленных предприятий, таких, как «Флорес и К°» (1846 г.), завод по очистке металлов в Кахатамбо близ г. Лимы (1848 г.) и др.

Свойственный консерваторам протекционизм проявился при Кастильи и в других мерах содействия промышленности. В частности, в 1848 г. одна из текстильных компаний получила от правительства монопольные привилегии на производство хлопчатобумажных тканей, а в 1859 г., когда в Лиме произошли крупные волнения плотников в связи с ввозом в страну иностранной мебели, а также окон, карнизов и дверей из Европы и возмущенные ремесленники сожгли очередную партию заграничной мебели, Кастилья вынужден был пообещать трудовому люду Лимы запретить впредь ввоз товаров, которые могли быть произведены в стране.

Либеральная сторона деятельности правительства Кастилии проявилась в отмене привилегий церкви и индейской контрибуции, окончательной отмене рабства (1854 г.), а также упразднении цеховой организации ремесла (1862 г.). Но ремесленное производство еще долго сохранялось в Перу, хотя сопротивление ремесленников капиталистическому предпринимательству уже не имело действенной силы. В сумме с Гражданским кодексом 1852 г., принятым президентом-консерватором Эченике, который запрещал церковникам ростовщические операции с земельной собственностью и предлагал раздел индейских общинных земель, эти реформы имели большое значение для дальнейшего развития буржуазных отношений в Перу.

Несмотря на то что в ожесточенной политической борьбе консерваторов и либералов чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, каждый новый Основной закон страны включал в себя все новые либеральные положения. Так, конституция 1856 г. ограничила власть президента. Созданный кабинет министров разделял исполнительную власть с президентом и в то же время контролировал его. Новая конституция подтвердила декреты об отмене рабства и подушной подати, запретила насильственное рекрутирование индейцев в армию. В конституцию были включены статьи об отмене церковных и военных фуэро (права быть судимыми равными себе), отменялась и практика наследования должностей. Тем не менее католическая религия провозглашалась государственной, содержание клира брало на себя государство, а право голоса по-прежнему предоставлялось только грамотным, владельцам собственности, мастерам, отставным военным и т. п.

В конституции 1860 г. консерваторам снова удалось утвердить католичество как государственную религию, но не имела успеха их попытка сохранить фуэро церкви и военных. Однако в духе либерализма конституция устанавливала 4-летний срок пребывания президента у власти без права переизбрания, хотя и восстановила его контроль над советом министров и местными властями в департаментах, провозгласила отчуждаемость церковной и всякой иной собственности, т. е. ввела свободу купли-продажи земельной собственности, расширила основные принципы буржуазной демократии.

На конституционном конгрессе 1867 г. фактически была расширена либеральная конституция 1856 г. Из-под контроля церкви, согласно статье 24 конституции, было изъято начальное, среднее и высшее образование. Начальное образование объявлялось обязательным и бесплатным. Была провозглашена свобода печати без права цензуры, в том числе и религиозной. Признавалось равенство отправления различных культов (свобода вероисповеданий). Статья 50 устанавливала отчуждение церковных земель и их свободную распродажу. Объявля-

лось о временном характере подушного налога на индейцев, а в Пуно он был отменен. Голосование на выборах устанавливалось прямое — без имущественного и образовательного цензов.

Индейская община сохранилась и даже на целых 14 лет была освобождена от уплаты контрибуции, но именно это обстоятельство побудило латифундистов горных районов усилить наступление на общинные земли и постепенно расширять пеонаж и мелкую аренду общинниками латифундистских земель. Таким способом они обеспечивали себя рабочей силой для производства не только продовольственных культур, но и шерсти ламы, альпако и других животных, пользовавшейся большим спросом на мировом рынке. В результате индейцы-общинники в основной своей массе продолжали концентрироваться в районе сьерры, но пользовались теперь гораздо меньшей, чем в былые времена, независимостью от местных латифундистов. К 1876 г. в асеньдах проживали 28% крестьян.

При отмене рабства государство за каждого из оставшихся 20 тыс. рабов выплатило их владельцам самую высокую в Латинской Америке компенсацию — 300 песо. Этим оно значительно увеличило денежные активы плантаторов, что позволило им расширить производство экспортных тропических культур. А поскольку индейцы горных районов крайне редко переселялись на побережье, потери в рабочей силе после ликвидации рабства была призвана компенсировать иммиграция в Перу китайских кули. С 1849 по 1874 г. для работ на плантациях косты на крайне выгодных для плантаторов условиях прибыло свыше 86 тыс. китайских кули, которые надолго и с успехом заменили освобожденных рабов.

Неудачной оказалась попытка экспроприации и городских ремесленников, составлявших значительную долю тех 15% населения, которые, по данным переписи 1876 г., проживали в городах страны. Как и в других латиноамериканских государствах, ремесленники Перу страдали от иностранной конкуренции, а также от конкуренции со стороны местных фабрик, создание которых поощряли как консерваторы, так и правительство Кастильи. Но до 1862 г. здесь была еще сильна цеховая организация ремесла, которая ограничивала свободу предпринимательства, защищала ремесленников от полного разорения и, следовательно, сдерживала развитие фабричной промышленности. Цехи придавали организованный характер волнениям ремесленников, одно из которых произошло в 1858 г. в Лиме. Поэтому упразднение цеховой организации ремесла помимо всего прочего имело целью ослабить движение ремесленников.

Неполная экспроприация общинного крестьянства, сохранение ремесел и привлечение в страну китайских кули задержали формирование нормального рынка наемной рабочей силы в Перу. Но и при его

недоразвитости страна сумела найти свое место в новой системе международного разделения труда и использовать ее выгоды. Так, только за первый президентский срок Кастильи, с 1845 по 1850 г., экспорт Перу возрос с 470 тыс. до 1656 тыс. ф. ст. Постоянно увеличивалась добыча селитры и ее поставки на мировой рынок, началась добыча цветных металлов, в особенности меди.

Реформы и вызванные ими успехи в экономическом развитии Перу консолидировали перуанскую буржуазию. Прежние распри провинциальных группировок пусть медленно, постепенно, но все же уступали место экономической взаимозависимости и «сотрудничеству» в деле эксплуатации громадного большинства народа. В рядах перуанской буржуазии собственно промышленная буржуазия в этот период занимала второстепенные позиции, а на первый план в полном соответствии с экономической структурой страны выдвинулись плантаторы косты, латифундисты сьерры, горнорудные магнаты, связанные как экономическими, так и родственными узами с крупными торговцами и финансистами. Связь с мировым рынком и сама экономическая модель Перу предполагали союз местной буржуазии с иностранным капиталом, который укрепил во второй половине XIX в. свои позиции в горнодобывающей промышленности, в строительстве и эксплуатации железных дорог, в крупнейших банках, в изобилии возникавших в стране.

Положение перуанской буржуазии позволило ей отказаться от услуг военных в деле управления страной и заявить претензии на непосредственное осуществление власти в Перу. В 1871 г. была создана и выступила на выборах новая политическая партия — *сивилисты*. Партия, где большинство представляли либералы и часть консерваторы, объявила своей целью освобождение страны от засилья военных в политической жизни (отсюда и название партии). В 1872 г. лидер партии Мануэль Пардо стал первым штатским президентом Перу.

Уже в этот период проявились и некоторые негативные моменты избранного перуанской буржуазией пути развития. Зависимость от мирового рынка и иностранного капитала, англо-американские межимпериалистические противоречия в Южной Америке обострили соперничество между Перу и Чили.

Эквадор

По своей социально-экономической структуре Эквадор очень напоминал соседнее Перу. Тихоокеанское побережье (коста) со второй половины XVIII в. превратилось в центр производства экспортных тропических культур, в особенности какао. На этой основе здесь сложились крупные латифундии — асьенды, которые расширяли свои границы посредством покупки или захвата мелких крестьянских хозяйств метисов, мулатов или

свободных негров. Утратив свои участки, крестьяне чаще всего превращались в зависимых от латифундиста арендаторов: с одной стороны, они обрабатывали кусочек земли, полученный от хозяина, для прокормления себя и своих семей, с другой — производили какао, сдавая продукцию латифундисту. На побережье имелись и рабы, но их число было сравнительно невелико — всего около 2 тыс. человек. Хотя на косте проживало в первой половине XIX в. не более 15—17% всего населения Эквадора, именно здешние латифундисты и связанные с ними крупные торговцы порта Гуаякиль выступали наиболее динамичной группой господствующего класса страны. Постоянно растущий спрос на какао на мировом рынке толкал их к расширению производства и использованию в качестве рабочей силы не только зависимых арендаторов и рабов, но и наемных сельскохозяйственных рабочих.

Подавляющее большинство населения Эквадора проживало в горных районах (сьерре). Еще с XVI в. здесь сформировалась система крупного землевладения, главным образом за счет постепенного поглощения земель индейских общин, в результате которого уже к концу XVIII в. значительная часть общинников утратила свои участки и была вынуждена продавать рабочую силу латифундистам либо в обмен на пользование их землей, либо по системе пеонажа, напоминавшей скорее долговое рабство. Прикреплению общинников к латифундиям служила также подушная подать, которая после достижения независимости страны вместе с «субсидиарными отработками» (аналогом колониальной миты) была сохранена под названием индейской контрибуции и составляла 3 песо и 4 реала в год на одного мужчину. Пытаясь удержать за собой дешевые рабочие руки, латифундисты сьерры стремились увековечить долговые обязательства индейцев и добивались от государства принятия строгих мер по отношению к должникам, пытавшимся уклониться от отработок. В этом пункте заключалось одно из главных противоречий между латифундистами сьерры и косты.

Второе важнейшее противоречие обуславливалось тем, что латифундия сьерры представляла собой более сложный хозяйственный комплекс и включала в себя не только земледельческое и скотоводческое производство, но и довольно развитую мануфактуру — обрахе. Она производила продовольствие для внутреннего потребления, сырье для собственной мануфактуры и готовые промышленные изделия (особенно текстильные), которыми в колониальную эпоху снабжала Перу и Верхнее Перу. На основе обрахе в некоторых латифундиях стало возникать настоящее фабричное производство. Так, в 1832 г. полковник Агирре учредил в своей асьенде передовую по тем временам текстильную фабрику в селении Чильос, которая успешно выдерживала иностранную конкуренцию до 1867 г. Крупные центры фабричного

производства существовали в Латакунге, Пухили и Гуано. Но если даже фабрика может разориться в конкурентной борьбе с продукцией более высокоразвитой промышленности, скажем, Англии, то тем более уязвимыми были эквадорские обрахе, где преобладал ручной труд. Латифундисты сьерры по этой причине на протяжении всего XIX в. требовали от правительства протекционистских мер, ограждающих местную промышленность от конкуренции иностранных товаров. В этом пункте они вступали в острейшее противоречие с латифундистами косты, само положение которых зависело от процветания свободной торговли и реализации других постулатов либерализма.

Либеральные преобразования в Эквадоре заняли самый продолжительный в Латинской Америке промежуток времени — от 1835 г., начала правления Висенте Рокафуэрте, до 1916 г., когда либеральная революция 1895 г., связанная с именем Элоя Альфаро, завершилась буржуазным термидором. И этот процесс не раз прерывался в результате политических или же военных побед сьерры над костой.

В 1835—1839 гг. правительство Рокафуэрте добилось снижения таможенных пошлин, отмены церковных привилегий и некоторых религиозных праздников, реорганизовало финансовую систему, армию, военно-морской и речной флот страны, учредило морскую полицию, дало начальный импульс дорожному строительству между костой и сьеррой. Было модернизировано университетское преподавание введением в вузах новых кафедр: философии, гражданского и международного права, акушерской медицины; основан первый в стране среднеобразовательный институт для девиц. Правительство впервые декретировало Уголовный кодекс, действовавший до 1872 г. Хотя сам Рокафуэрте был гражданским президентом, во имя «прогресса» и «цивилизации» он не гнушался использовать репрессивные меры в отношении инакомыслящих, беспощадно расстреливал мятежных офицеров и солдат.

Следующий импульс либеральные реформы получили в 1851—1859 гг., в период правления генерала Х. М. Урбины и его преемника Ф. Роблеса. Таможенные пошлины на многие товары были упразднены вовсе, вновь были подтверждены законы испанского короля Карла III об изгнании иезуитов, принят Гражданский кодекс, ликвидировано рабство негров¹, отменена индейская контрибуция, некоторым общинам возвращались водные источники, разрабатывались проекты распространения начального образования.

Вспыхнувшая в результате обострения антагонизмов гражданская война поставила эквадорское общество на грань распада, предотвратить который сумел консервативный режим Г. Гарсии Морено

¹ Многие из освобожденных негров были призваны Урбиной в эквадорскую армию.

(1859—1875). Политика Гарсии Морено отвечала провозглашенному им девизу: «Направлять Эквадор железной рукой по пути процветания». Этот режим централизовал и усилил государственный аппарат, повысил роль церкви в системе образования и в сфере идеологии в целом, проводил протекционистскую политику в отношении эквадорской промышленности, преследовал либералов. Но в это же время именно консервативный режим Гарсии Морено в течение 15 лет подготовил необходимые условия для дальнейших либеральных преобразований.

В 80-е годы XIX в. мощь агроэкспортной буржуазии косты продолжала нарастать. Она нашла себе мощного союзника в лице иностранного капитала, который начал широкое проникновение в золотодобывающие прииски страны. Создавая с его помощью банки, агроэкспортная эквадорская буржуазия постепенно подчинила себе финансовую систему страны и все больше привязывала к своим интересам латифундистов и промышленников сьерры. К 1885 г. через порт Гуаякиль за границу вывозились уже рафинированный сахар, соломенные сомбреро, готовая одежда, пончо и сигареты на сумму 1,5 млн песо. Из сьерры за границу стали отправлять первые партии продовольствия — маиса, муки и картофеля. Такие латифундисты уже тяготели к союзу с буржуазией побережья.

Постепенно расширялась социальная база буржуазии косты среди различных категорий трудящихся. Возникавшие в стране первые профсоюзы ремесленников и рабочих, в частности Общество ремесленников сторонников прогресса (1879 г.), Общества типографских рабочих Гуаяс (1884 г.), Художественное и промышленное общество Пичинчи (1892 г.), попадали под сильное влияние либералов. Угнетаемое латифундистами сьерры индейское крестьянство также начинало симпатизировать агроэкспортной буржуазии, которая помимо привлекательных лозунгов сулила ему заработки, в 4—7 раз превышавшие те, что имели место в асьендах сьерры.

Шаг за шагом укреплялась гегемония косты в эквадорском обществе, а вместе с ней и влияние либерализма на социально-политическую и идеологическую сферы общественной жизни страны. Этот либерализм, как и в других странах Латинской Америки, был весьма и весьма разнородным как по социальному составу, так и по конечным целям его участников. Агроэкспортная буржуазия косты и связанные с нею латифундисты сьерры образовывали умеренное крыло либерального движения, которое провозглашало целями своей борьбы «свободу совести», «свободу торговли», «свободу труда», «свободу образования», но в действительности боялось самостоятельного выступления народа. Мелкобуржуазные слои города и деревни, первые отряды эквадорского пролетариата составляли радикальное крыло, так называе-

мый мачетный¹ либерализм. Эта часть населения разворачивала в стране народную партизанскую войну за воплощение в жизнь провозглашенных буржуазией лозунгов.

Нарастание либерального движения приводило к существенным переменам и прежде. Так, консерватизм Гарсии Морено уже представлял собой не господство сьерры, а ее компромисс с костью.

Смерть диктатора повлекла за собой новые уступки в ее пользу. В 1889 г. была отменена церковная десятина, что отвечало давнему требованию либералов. В 80-е годы в угоду агроэкспортной буржуазии расширяется железнодорожное строительство. Причем если Гарсия Морено строил дороги исключительно за счет национальных ресурсов, справедливо полагая, что увеличение внешней задолженности Эквадора ограничивало бы его суверенитет, то теперь ради быстрее решения проблемы двери страны распахнулись перед иностранными, в особенности американскими, компаниями по строительству железных дорог.

Либеральная революция 1895 г. и приход к власти Элоя Альфаро и других либералов положила конец всяким компромиссам и установила безраздельное господство агроэкспортной буржуазии в эквадорском обществе. Революция довершила ломку остатков компромиссной политической системы посредством отделения церкви от государства, а просвещения от церкви, экспроприировала церковную земельную собственность, провозгласила свободу вероисповеданий, ввела развод и гражданский брак. Последний механизм внеэкономического закрепления индейцев за латифундиями сьерры — тюремное заключение сельскохозяйственных поденщиков за долги — был упразднен в 1918 г. Недовольные латифундисты ответили на это широким распространением *испольщины* и ужесточением условий труда *уасипунггеро* (так называют *испольщиков* в Эквадоре и поныне).

Вознесясь к власти на волне народного движения, агроэкспортная буржуазия тут же устроила «термидор». Элой Альфаро, наиболее видный руководитель партизанской борьбы либералов в прежние времена (а потому подверженный влиянию своих вчерашних бойцов), в январе 1912 г. был зверски убит в Кито, а крестьянское восстание 1913—1916 гг. в провинции Эсмеральдас, движимое целью воплотить «подлинные» идеалы либерализма, было разгромлено регулярными правительственными войсками.

Так в Эквадоре наступил «плутократический период» (1912—1925). Он выражался в консолидации буржуазии и всемерном подавлении недовольства народных масс, в интеграции страны в международное раз-

¹ Мачете — длинный нож для рубки сахарного тростника, служивший крестьянам как основным орудием труда, так и оружием.

деление труда. Страна открыла двери иностранному капиталу, интересы которого переплетались с интересами эквадорской агроэкспортной буржуазии.

Боливия

С изменением конъюнктуры мирового рынка во второй половине XIX в. боливийская буржуазия перешла в решающее наступление под знаменами либерализма. Девизом диктатуры Мариано Мельгарехо (1864—1871) была фраза: «Власть диктует тот, у кого заряжено оружие». Мельгарехо в короткий срок создал крепкую армию и, опираясь на нее как на главную силу, широко развернул экспроприацию индейского общинного крестьянства. В 1866 г. он декретировал обязательный выкуп общинных земель их пользователями в частную собственность, в противном случае они продавались с молотка. Массовые индейские восстания, вспыхивавшие в столичном округе и по всей стране, с помощью армии Мельгарехо удавалось подавлять в течение целых пяти лет, пока одно из них не покончило с его правительством.

С этого момента боливийская буржуазия проводила более осторожную и гибкую политику постепенного наступления латифундий на индейские общины. В 1874 г. был принят закон об упразднении общинного землевладения и передаче участков индейцам в личную собственность. В действительности этот закон служил удобной ширмой для прикрытия отчуждения земли у общинников. Процесс отчуждения получил ускорение с 1881 г. и после короткого перерыва во время Федеральной революции 1898—1899 гг. продолжал нарастать до 1920 г.

Наступление на жизненные средства громадного большинства боливийского народа было вызвано не только желанием латифундистов обеспечить свои хозяйства рабочими руками, но и общей потребностью боливийской буржуазии в формировании рынка наемного труда. С декретом от 1872 г. о свободном вывозе из страны минерала, содержащего серебро, боливийские горнопромышленники получили мощный приток капиталов от зарубежных, особенно английских, акционеров, значительно активизировали свою отрасль и сумели сделать ее основой национальной экономики.

Именно горнопромышленники стали ведущей фракцией созданной в 1883 г. Либеральной партии. Они осуществляли власть в стране не только через профессиональных политиков, но и непосредственно сами и, в полном соответствии с идеологией либерализма, все теснее смыкались с интересами иностранного капитала. Так, одна из первых крупных горнорудных компаний — «Сосьедад дель реаль сокавон», основанная А. Арамайо, вскоре превратилась в «Ройал силвер майнс К°». Другой горнорудный магнат и президент Боливии в 1884—1888 гг.

Г. Пачеко вместе с группой национальных и иностранных акционеров образовал «Компания Гуадалупе де Боливия». Горнопромышленник и президент страны в 1888—1892 гг. А. Арсе на паях с иностранными вкладчиками владел «Компания Уанчака».

Но и латифундисты не были пассивными наблюдателями в правящем блоке. Нередко ими являлись сами горнорудные магнаты, так как земельная собственность обеспечивала в отличие от рискованного предпринимательства в горнодобыче стабильные доходы в виде земельной ренты. Земля служила им, кроме того, торговым активом для получения нужного финансирования. Латифундисты поставляли продовольствие в горнодобывающие центры, их наступление на общинные земли способствовало вытеснению общинников на рынок труда в те же горнодобывающие центры и формированию настоящего пролетариата в стране. Развитие экспорта руды, который в 1896—1900 гг. составлял 27 млн ф. ст. в среднем за год, в 1901—1905 гг. — 33 млн, а в 1920—1929 гг. — 122 млн ф. ст., шло рука об руку с процессом расширения латифундий и обезземеливания боливийских индейцев. Иногда даже латифундисты становились на время главными экспортерами в стране, как это произошло, например, после падения спроса на серебро и превращения каучука в главную статью боливийского экспорта, остававшегося таковым до 1910 г., пока горнорудные магнаты не превратили Боливию в «оловянную республику».

Как и в Гватемале, Перу и Эквадоре, процесс экспроприации индейского крестьянства в Боливии не был доведен до уничтожения общины. Даже в 1950 г. здесь все еще имелось около 4 тыс. общин, владевших 7 млн га земли. Но и реально осуществленные масштабы раскрестьянивания заложили достаточно прочную основу под быстрое развитие в стране буржуазных отношений.

Буржуазные преобразования и «переселенческий» капитализм

Исторический процесс становления и развития буржуазных обществ шел разнообразными путями. Наряду с классическим вариантом их появления из недр феодализма встречались и такие формы, которые превосходили классические образцы чистотой буржуазных отношений. Такой путь генезиса капитализма связан с вытеснением и истреблением аборигенов для массового переселения на их земли западноевропейских колонистов. Он характерен для голландской колонизации Южной Африки, английской колонизации Австралии, Новой Зеландии, Канады, а также США, где, по выражению К. Маркса,

«буржуазное общество развивалось не на основе феодализма, а начинало с самого себя»¹.

Эти варианты «переселенческого» капитализма привели к столь быстрому общественному развитию, что и в Латинской Америке вызвали стремление скопировать англосаксонский опыт повсеместно, не взирая на принципиальную несхожесть условий (вспомним хотя бы усилия М. Гальвеса по европеизации даже такой индейской страны, как Гватемала). Тем не менее, хотя многие историки и по сей день склонны видеть в иберийской колонизации Латинской Америки нечто прямо противоположное англосаксонской колонизации на Севере, «переселенческий» капитализм довольно успешно внедрился в целом ряде латиноамериканских стран.

Аргентина

С начала XVIII в. в лаплатских провинциях Энтре-Риос, Коррьентес, Санта-Фе и в особенности Буэнос-Айрес шел процесс создания крупных скотоводческих латифундий, которым было суждено сыграть решающую роль не только в истории, но и в сегодняшнем месте Аргентины в рамках формирующегося у нас на глазах самого современного международного разделения труда. В колониальный период бизнес скотоводов состоял главным образом в продаже английским контрабандистам шкур крупного рогатого скота. Чуть позднее они нашли применение и мясу, из которого на предприятиях мануфактурного типа приготавливали солонину и вывозили за границу (в основном в Бразилию и на Кубу, где ею кормили негров-рабов). Владельцы этих латифундий (эстансьеро) в союзе с торговой буржуазией Буэнос-Айреса вполне закономерно выступили гегемоном Майской революции 1810 г. и главными носителями идей либерализма.

Первый тур либеральных преобразований в стране, связанный с именем Б. Ривадавы (1821—1827), всего за несколько лет сделал эстансьеро богаче на 8,5 млн га государственных «пустующих» земель, которые, правда, были переданы им не в частную собственность, а в долгосрочную аренду. Второй тур реформ проходил при консерваторе Х. М. Росасе (1829—1852), который передал арендуемые миллионы гектаров в частную собственность скотоводам, завоевал для них еще 0,5 млн га в результате «похода в пустыню» 1833 г., увеличил объем аргентинского экспорта в три раза и поставил пастухов-гаучо в условия строжайшей дисциплины наемного труда. Тем самым к моменту начавшихся крупных изменений на мировом рынке Росас подготовил важнейшие внутренние условия для успешного включения страны в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 4.

общемировой капиталистический процесс, для дальнейших либеральных преобразований и буржуазных отношений в Аргентине.

Правда, процветание экономики на основе вывоза шкур и солонины к середине XIX в. из-за французской и англо-французской блокад, а также включения в конкурентную борьбу с Аргентиной южной части Бразилии и соседнего Уругвая в основном завершилось. В этом была одна из причин нового обострения межпровинциальных противоречий в стране, ослабления позиций консервативного режима Росаса и его свержения не столько собственно аргентинскими либералами, сколько федералистскими силами прибрежных и внутренних провинций Аргентины.

Новая конституция 1853 г., действующая в стране и поныне, декларировала основные буржуазные свободы, неприкосновенность частной собственности и федеративный принцип государственного устройства. Это нередко дает основание исследователям видеть в ее принятии доказательство победы либерализма. В действительности же она отразила победу федералистов как над консерваторами, так и над либералами Буэнос-Айреса и означала попытку уравнивать провинции с Буэнос-Айресом. Собственно аргентинские либералы, напомним, были централистами (унитариями), хотя, разумеется, свержение Росаса было им на руку.

Внутренние провинции Аргентины ничего реального уже не могли предложить в качестве общенациональной альтернативы. Буэнос-Айрес, напротив, по-прежнему выступал наиболее динамичным полюсом страны. Здесь еще во время Росаса обосновались иммигранты — ирландцы, шотландцы, баски, французы, — которые хотя и прибывали небольшими партиями, но активно участвовали во внедрении овцеводства и сумели включиться в класс местных эстансьеро. Разведение овец мериносовой породы дало новый толчок развитию Буэнос-Айреса. В 1867 г. при населении страны 1,7 млн человек здесь насчитывалось 10 млн голов крупного рогатого скота и 14 млн овец. С 1850 по 1875 г. вывоз шерсти из Аргентины увеличился в 12 раз и с 1865 г. до начала 80-х годов XIX в. составлял половину стоимости всего аргентинского экспорта.

Поэтому после свержения Росаса очень быстро обнаружился конфликт между его «свергателями» — либералами Буэнос-Айреса — и федералистами прибрежных и внутренних провинций. Подобно тому как в 1852 г. федералисты и либералы померились силами с Росасом в битве при Касерос, так и теперь, 10 лет спустя, либералы одержали решающую победу над федералистами во главе с героем Касероса генералом Уркисой в битве при Павоне. Победитель этого сражения Бартоломе Митре стал президентом Аргентины (1862—1868).

Аргентинское скотоводство, имея колоссальные преимущества перед западноевропейским благодаря возможностям экстенсивного развития, требовало все больше земли. Этот постоянный земельный голод либеральные правительства утоляли за счет организации военных экспедиций в «пустыню». По темпам захвата новых земель и по жестокостям в отношении индейских племен с ними ни в какое сравнение не шли североамериканские вестерны. Еще в 1833 г. Ч. Дарвин, совершавший путешествие по Аргентине во время «похода в пустыню» Росаса, с ужасом писал: «Мне кажется, что никогда еще до сих пор не существовало армии столь мерзкой и разбойничьей... Солдаты рубят всех без разбора... Кто в наше время поверит, что такие зверства могут совершаться в цивилизованной христианской стране?»¹

Однако и после захватов Росаса едва ли не половина территории страны, т.е. десятки миллионов гектаров плодородной пампы, все еще оставалась неподвластной аргентинскому правительству. Это обстоятельство, помимо постоянного земельного голода у старых и новых латифундистов, было нетерпимым еще как минимум по двум причинам.

Во-первых, еще с XVIII в. воинственные чилийские арауканы объединили и подчинили себе множество разноразличных племен аргентинской Патагонии, что придало местным индейцам и их набегам на города и села Аргентины невиданную прежде силу. С 1835 г. арауканский вождь Кальфукура постепенно подчинил своей власти всех касиков чилийской и аргентинской Патагонии, образовав Конфедерацию Салинас Грандес. Правда, в годы правления Росаса между конфедерацией и Буэнос-Айресом существовали мирные торговые отношения, однако после падения диктатора Кальфукура превратился в настоящую напасть для эстаньеро не только Буэнос-Айреса, но и Кордовы.

Во-вторых, независимость Патагонии делала уязвимыми позиции как аргентинского, так и чилийского правительства с точки зрения международного права, чем пытались воспользоваться разного рода авантюристы. В этом смысле поучительна история французского искателя приключений Орейя-Антуана де Тунена.

Он родился во Франции в 1825 г., в детстве и юности начитался книг по географии и философии, почерпнув немало сведений о загадочных арауканских кентаврах. Он свято верил в цивилизаторскую миссию Франции и считал несправедливой утрату ею колоний в Новом Свете. Тунен получил юридическое образование, причем избрал карьеру правоведа, по его собственным словам, исключительно ради изучения законов и подготовки себя к высокому званию короля индейцев.

¹ Цит. по: *Романова З.И.* Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985. С. 59.

В 1858 г. без оружия и почти без денег он прибыл в Чили. Два года жизни в Сантьяго и Вальпараисо он посвятил изучению испанского языка и налаживанию связей в различных кругах. В 1860 г. Тунен перебрался на юг, в Вальдивию, а затем поселился в Араукании, где незадолго до этого почитаемый арауканский шаман предсказал появление на этой земле белого человека, призванного возглавить и объединить индейцев в их борьбе с «цивилизаторами». Слух о прибытии Тунена тут же облетел индейские племена и был интерпретирован ими как исполнение пророчества.

Поскольку Араукания так и не была покорена испанцами и признавалась независимой договорами между Республикой Чили и арауканскими вождями, Тунен нашел в этом юридическую зацепку для создания на ее территории суверенной монархии.

Арауканы избрали Орейя-Антуана своим королем, и тот составил и подписал декрет о создании в Араукании конституционной наследственной монархии. Через три дня он встретился с вождями аргентинской Патагонии и получил поддержку даже от грозного Кальфукуры. Так появились манифест «Орейя-Антуана I, Короля Араукании и Патагонии», конституция, гимн и флаг королевства Новая Франция.

Франция открестилась от новоявленного монарха, а французская пресса обрушила на него поток саркастических статей. Тем не менее он четырежды отправлялся во Францию и всякий раз возвращался в «свои» владения с деньгами и даже оружием для индейцев. В последней поездке он в 1877 г. был схвачен аргентинской полицией, заключен в тюрьму на три месяца, а затем отправлен во Францию, где умер год спустя.

Возобновил походы в «пустыню» самый ярый враг Росаса — Доминго Фаустино Сармьенто, президент Аргентины в 1868—1874 гг. В организации походов отличился назначенный в 1879 г. военным министром генерал Хулио Архентино Рока, который считал, что «лучшее средство покончить с индейцами... это обрушиться на них в их собственном логове». Получив от конгресса 1 млн 600 тыс. песо ассигнований, Рока приступил к модернизации армии. Он отменил ношение тяжелой кирасы, сковывавшей движения кавалеристов, перестал привлекать артиллерию, которая лишь ограничивала передвижение войск, но оказывалась совершенно неэффективной при столкновениях с чрезвычайно мобильными и рассредоточенными отрядами индейцев. Рока снабдил армию новыми винтовками «ремингтон», а для оперативного управления войсками раскинул по пампе густую сеть телеграфных линий.

Если с колониальных времен католическая церковь стремилась огрادیть остатки индейцев от полного истребления и обращала их в христианство, то милитаризация индейского вопроса в независимой Ар-

гентине оставила миссионеров совершенно не у дел. В итоге «завоевание пустыни» в 1879 г. стоило жизни примерно 200 тыс. индейцев. Некоторые племена навсегда исчезли с карты народов мира. К концу 80-х годов вся территория Аргентины была очищена от индейцев, а фонд общественных земель пополнился 1,3 млн кв. км.

Завоеванные земли поступали в свободную продажу с молотка. Декретами от 1876 и 1878 гг. продажа была разрешена участками не более... 80 тыс. (!) га. Землей компенсировались услуги скотоводов и торговцев по финансированию военных экспедиций. Например, в результате одной из экспедиций 50 таких финансистов получили в виде компенсации по 40 тыс. га. «Герой» кампании 1879 г. генерал Х.А. Рока, став президентом страны, издал в 1880 г. закон о премиях, по которому в награду бесплатно передавалось по 8 тыс. га каждому начальнику пограничного форта, по 5 тыс. га — каждому командиру полка или батальона, по 4 тыс. га — каждому майору, по 2,5 тыс. га — лейтенантам, по 1,5 тыс. га — сержантам. Небольшие участки получали и наиболее отличившиеся солдаты.

Стремительная приватизация земли увеличила производственный потенциал как скотоводства, так и земледелия. Если в 1894 г. экспорт мороженой говядины приносил Аргентине 11 млн американских долл., то к 1914 г. — 90 млн. Если в 1860 г. вся обрабатываемая площадь в стране составляла немногим более 300 тыс. га, то к 1914 г. — 24 млн.

В отличие от прежних времен земельная собственность теперь огораживалась, для чего Аргентина с 1876 по 1907 г. импортировала столько металлических тросов, что ими можно было бы опоясать территорию страны 140 раз. Огораживание еще более ограничило доступ беднякам к пользованию землей и скотом и еще прочнее подчинило труд капиталу. Некогда свободный охотник на скот (гаучо) утратил и возможность самостоятельного пропитания, и дом, и свободу передвижения, превратившись в преследуемого со всех сторон бродягу.

В то же время всячески поощрялась европейская иммиграция в страну, особенно с момента прихода к власти Д. Ф. Сармьенто, этого столь яркого европоцентриста, что он лишь в виде исключения в 1872—1873 гг. разрешил въезд в страну небольшому числу китайцев и японцев с целью культивирования чая, риса и других ценных сельскохозяйственных культур. Но уже в 1876 г. новым законом о колонизации земель были отменены льготы иммигрантов при покупке или аренде земли, в результате чего собственниками участков могли стать лишь сравнительно состоятельные европейцы, остальные же оседали в городах или арендовали землю у латифундистов. Только за период 1856—1882 гг. в Аргентину въехали 6,4 млн человек, что составило

свыше 10% мировой миграции населения. С середины XIX в. и вплоть до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. по количеству европейских иммигрантов Аргентина уступала только США, да и то в абсолютных цифрах, а не по доле в общем населении.

Декларированные конституцией 1853 г. буржуазные свободы постепенно дополнялись другими декретами. В 1864 г. был принят закон о таможах, снизивший пошлины на ввоз иностранных товаров до 15%. В 1872 г. был введен новый Гражданский кодекс, в 1884 г. — всеобщее обязательное бесплатное светское начальное образование, в 1887 г. — гражданский брак и другие ограничения привилегий церкви и т. п. Но все эти свободы были именно буржуазными, а не демократическими, поскольку сохранялся целый ряд имущественных, образовательных и других ограничительных цензов на полноправное участие в политической жизни страны. К 1910 г. только 9% населения Аргентины обладали правом голоса.

Либеральные преобразования в Аргентине, включая аграрные реформы, носили, таким образом, подлинно буржуазный характер. Концентрация средств производства на одном полюсе, в «верхах», и их отсутствие на другом, у подавляющего большинства «низов», заложили прочный фундамент под головокружительные темпы роста страны. Латифундистская и частично фермерская системы землевладения продемонстрировали полное свое соответствие потребностям буржуазного развития и гибкую приспособляемость к изменениям конъюнктуры мирового рынка. Если падал спрос на шерсть, на первый план тут же выдвигалась пшеница или кукуруза, если падал спрос на зерновые, то получал приоритетное развитие экспорт мяса.

Только за 80-е годы XIX в. экономика Аргентины выросла больше, чем за всю предшествующую историю страны, а к 1914 г. ее национальный доход по сравнению с 1880 г. возрос в 15 раз. В итоге к 1914 г. страна заняла первое место в мире по поголовью скота в расчете на душу населения и по объему экспорта мяса, по вывозу на мировой рынок кукурузы (46% мирового экспорта), четвертое место в мире по вывозу пшеницы (16% мирового экспорта) и по протяженности железных дорог (34 тыс. км), одно из первых мест в мире по доходу в расчете на душу населения.

Но эти успехи достигались ценой сверхэксплуатации громадного большинства народа и не только не сокращали, но, наоборот, увеличивали пропасть между уровнем доходов «верхов» и «низов». В этом разрыве было заложено одно из острейших противоречий капиталистического развития Аргентины и основа для будущих классовых битв и общедемократической борьбы.

Уругвай

Более чем двухвековая история формирования латиноамериканских наций создала заметные различия между народами континента. Сравнительно легко отличить мексиканцев от колумбийцев или перуанцев, боливийцев от аргентинцев или чилийцев. Но даже сегодня далеко не каждый латиноамериканец сумеет по традициям, культуре и даже специфическому диалекту испанского языка отличить уругвайца от жителя соседней аргентинской провинции Буэнос-Айрес.

Уже с XVII в. и по своей социально-экономической структуре, и по жизненному укладу населения Уругвай (тогда еще провинция Восточный Берег вице-королевства Рио-де-ла-Плата) был как две капли воды похож на Буэнос-Айрес: такие же крупные скотоводческие эстансии с пастухами-гаучо, такой же, как и Буэнос-Айрес, порт Монтевидео, через который шли поставки шкур и говяжьего жира до конца XVIII в., солонины — до середины XIX в., затем овечьей шерсти, а с конца XIX в. — мороженого мяса.

Возможно, именно потому, что интересы жителей двух провинций были одинаковы, противоречия между ними завершились отделением Восточного Берега от остальных аргентинских провинций в 1815 г. После кратковременного самостоятельного существования он был завоеван и присоединен к тогда еще португальской Бразилии под названием Цисплатинской провинции. С образованием независимой Бразилии свои права на Восточный Берег стала предъявлять Аргентина. Восстание жителей провинции против бразильского правительства в 1825 г. послужило поводом к войне между Аргентиной и Бразилией, которая длилась три года и закончилась преобразованием Восточного Берега в самостоятельное государство Уругвай (1828 г.).

Первое правительство страны во главе с президентом Фруктуосо Риверой добилось принятия в 1830 г. конституции, составленной в полном соответствии с основными постулатами либерализма. Она провозглашала введение свободы торговли, уничтожение майората, отмену фуэро церкви и армии, ликвидацию работорговли и рабства, свободу слова, печати и т. п. И будто специально для историков создатели этой конституции самым недвусмысленным образом заявили о ее чисто буржуазном характере посредством введения высоких имущественных цензов. Так, например, депутатом Национального конгресса мог быть избран лишь тот гражданин, который имел годовой доход не ниже 4 тыс. песо, а сенатором — не менее 10 тыс. песо.

Точно так же подлинно буржуазной была и аграрная реформа уругвайских либералов. В отличие от Аргентины, где, как мы видели, решение индейской проблемы растянулось на десятилетия, Ривера покончил с нею одним ударом и навсегда в 1832 г. Он заманил кочевых индейцев

племен чарруа якобы на переговоры, а в действительности в засаду и с помощью регулярных войск устроил кровавую бойню. В результате к 1836 г. уругвайское государство сосредоточило в своих руках 10,1 млн га земли из 17,4 млн га, имевшихся в стране. Поскольку этим государством безраздельно заправляли буржуа-эстансьеро и торговцы Монтевидео, земельный вопрос состоял не в том, кому передать это богатство, а в том, на каких условиях — долгосрочной аренды государственной земли или же частной собственности. Ривера сделал выбор в пользу эмпфитевса, т. е. долгосрочной аренды государственной земли, которую он раздавал участками по 5 тыс. га каждый. Этот декрет от 1833 г. был идентичен политике аргентинского президента Б. Ривадавы. Декретом 1833 г. подтверждалось также право собственности за держателями земли, получившими ее ранее, в том числе по «Временному регламенту» Х. Х. Артигаса от 1815 г., но лишь за теми, которые были в состоянии уплатить за нее треть цены сразу, а остальное — в рассрочку. Так впервые был проведен «естественный отбор» буржуа из всей массы земельных обладателей, поскольку этим правом могли воспользоваться лишь зажиточные хозяева, прочие были обречены на сгон.

Следующий тур «естественного отбора» осуществил преемник Риверы на посту президента М. Орибе (1835—1838), который обязал пользователей земли, получивших ее при Ривере, в 60-дневный срок оформить титул собственности на свои участки. По истечении этого срока не узаконенные владения (а узаконить их могли опять-таки состоятельные хозяева) поступали в продажу и переходили к тем, кто имел соответствующие средства.

В 30-е годы либералы начали поощрять европейскую иммиграцию в страну, и к 1852 г. въехавшие сюда французы, итальянцы и испанцы (без учета детей, которые родились в Уругвае и, следовательно, автоматически считались уругвайцами) составляли уже 22% от общего числа жителей Уругвая. В их руки попало немалое количество земли, «очищенной» в свое время от племен чарруа. Об этом свидетельствует тот факт, что среди учредителей организации крупнейших латифундистов в 1871 г. — Сельскохозяйственной ассоциации Уругвая — 32% составляли иностранцы (без учета потомков иммигрантов).

Столь откровенно буржуазный характер реформ привел к крайнему обострению социальных и политических антагонизмов, страна была ввергнута в более чем 10-летний период гражданских войн — Великую войну 1839—1851 гг. Главными противоборствующими политическими силами были партия либералов («колорадо») и партия консерваторов («бланко»), оформившиеся в 30-е годы; но в гражданскую войну в Уругвае вмешивались, поддерживая ту или другую сторону, Аргентина и Бразилия, Англия и Франция.

Кратковременную передышку в период правления президента Б.П. Берро (1860—1864), создавшего правительство национального единства, либералы использовали для возобновления процесса реформ — окончательного лишения церкви ее привилегий, уничтожения таможенных пошлин и установления свободы торговли. В значительной мере это было вызвано изменениями в международной конъюнктуре и продвижением Франции и особенно Англии в число главных потребителей продуктов уругвайского животноводства. В стране развернулось строительство железных дорог для связи различных уголков Уругвая с главным экспортным портом Монтевидео, были построены судостроительные верфи, а также несколько мясоконсервных заводов (солонина не пользовалась особым спросом у англичан или французов и преимущественно сбывалась в Бразилию и на Кубу, где ею кормили рабов). Все эти процессы сопровождались дальнейшими изменениями в области аграрных отношений.

При диктатуре генерала Флореса в 1867 г. был принят последний в истории Уругвая декрет, который предоставил землю бесплатно нескольким сторонникам диктатора за «оказанные государству услуги». Законодательными актами того же года «незаконные» держатели земли обязывались в срок от 30 до 60 дней выкупить свои участки. Это был не просто очередной раунд «естественного отбора» буржуазии. Отныне единственным путем приобретения угодий становилась покупка земли по рыночным ценам. Для неимущих же слоев населения открывалась только одна перспектива: продавать свою рабочую силу латифундистам либо за деньги, либо за право проживать на их земле и пользоваться ее плодами.

Окончательное разделение страны на буржуа и пролетариев постепенно закреплялось процессом огораживания поместий, начатым в 60-е годы теми латифундистами, которые занимались откормом скота для мясоконсервных заводов и последующего вывоза мясопродуктов в Англию, Францию и некоторые другие европейские страны. До этого момента поместья не имели строгих границ, а скот того или иного хозяина не имел клейма. Это не только вызывало ссоры между соседями, но также оставляло неимущим слоям населения лазейки к пользованию (бесплатному) буржуазной собственностью. Огораживание означало «упорядочение деревни», которого еще с колониальных времен добивались латифундисты. Если в 1862 г. Уругвай импортировал проволоки для оград на сумму 7 тыс. песо, то уже в 1872—1876 гг. эта статья импорта составляла в среднем 700 тыс. песо в год. Одновременно ввозились столбы из негниющего дерева. В целом же процесс огораживания земель (1872—1882) потребовал затрат на огромную сумму — почти 20 млн песо.

Естественно, буржуазные преобразования в Уругвае, как и в любой другой латиноамериканской стране, наталкивались на упорное сопротивление народных масс. Оно проявилось в Трехцветной революции 1875 г., в других многочисленных восстаниях, нередко выдвигавших цели защиты национальных ценностей и традиций. Это находило отклик у отдельных провинциальных каудильо, становившихся на сторону угнетенных против их угнетателей, защищавших «нацию» от нашествия иностранных «цивилизаторов».

Но тщетно! Опираясь на буржуазное государство, укрепляя его репрессивные органы, латифундисты жесточайшим образом подавляли движения социального протеста, а каждую свою победу закрепляли юридическими актами. В этом «умиротворении деревни» особенно отличились президенты П. Варела и полковник Л. Латорре. Именно в правление последнего (1875—1880) огораживание приобрело силу государственных законов. В 1876 г. он издал декрет, которым юридическая собственность на землю определялась как собственность огороженная, а в 1879 г. провел еще одну подлинно буржуазную аграрную реформу — принудительное посредничество государства в возведении оград. В результате реализации этих декретов мелкие собственники, бывшие не в состоянии нести расходы по огораживанию, принуждались к продаже своих участков вместе со скотом более состоятельным лицам.

С бурным развитием во второй половине XIX в. овцеводства и появлением в конце столетия первых мясохладобоев, массовым притоком европейских иммигрантов и иностранного капитала в Уругвай, расширением сети железных и шоссейных дорог окончательно сложилась агроэкспортная цепочка: скотоводческая эстансия — мясохладобойня — Монтевидео — Лондон (или Париж). По «чистопородности» же европейского начала Уругвай оставил далеко позади Соединенные Штаты Америки, Австралию, Новую Зеландию, не говоря уже о Южно-Африканской Республике. Бывших хозяев этой земли — индейцев, а заодно и негров в Уругвае не осталось даже для показа иностранным туристам, метисы же составляли ничтожную долю населения, были сосредоточены во внутренних районах страны и являлись главным образом батраками и неквалифицированными рабочими.

Хотя этот один из самых чистых в мире «переселенческих» капитализмов советские ученые по причине господства латифундизма отождествляли с феодализмом, такой оценке, помимо всего прочего, противоречит неслыханный динамизм экономики страны. Например, в 1852 г. в Уругвае каждая из 800 тыс. овец местных пород давала 450—500 граммов шерсти, годившейся из-за низкого качества лишь на матрасы. В 1868 г. численность овец возросла до 17 млн, это были

главным образом овцы мериносовой породы, каждая из которых давала 1,150 кг высококачественной шерсти. К 1884 г. экспорт шерсти даже превзошел вывоз кожевенного сырья и оставался главной статьей внешней торговли страны до тех пор, пока появление мясохладобоев не позволило наладить экспорт мороженого мяса. На этой основе в 1881—1885 гг. национальный доход в расчете на душу населения достигал 317 долларов и, согласно оценкам, был сопоставим с подушевым национальным доходом США.

Параллельно аграрным преобразованиям либеральному реформированию подвергались общество и государство. В 1861 г. была декретирована секуляризация кладбищ, в 1868 г. приняты законы об обязательном гражданском браке и о ликвидации монастырей, в 1888 г. — о реформе уголовного кодекса, в 1907 г. — о разводе и, наконец, в 1917 г. — об отделении церкви от государства.

Так в Уругвае была создана либеральная модель экономики, общества и государства.

Чили

Колониальный период истории Чили начинался с добычи золота и в меньшей мере — серебра. Животноводство и земледелие служили продовольственной базой для горнорудных центров. Развитие кожевенных ремесел, сукнодельческих мануфактур, вывоз говяжьего жира с 80-х годов XVI в., а позднее и пшеницы по мере снижения добычи драгоценных металлов способствовали тому, что земледелие и животноводство приобрели решающее значение для чилийской экономики и сформировали на свой лад общественные отношения в стране.

К концу XVIII в. в центральных районах Чили уже сложилась система частновладельческих латифундий, отвечавшая потребностям крупнобуржуазного предпринимательства. Правда, здесь же имелось 18 майоратных поместий, но господствующий класс Чили к этому времени состоял из 200 семейств крупнейших асендадо и эстансьеро. Негров-рабов было сравнительно мало — около 5 тыс. человек, они использовались преимущественно в качестве домашней прислуги. Всего 20 тыс. человек составляли свободные негры, самбо и мулаты. Несколько сот тысяч индейцев арауканов вели к югу от Чили совершенно независимый образ жизни в Араукании, независимость которой Испания была вынуждена закрепить договором от 1774 г. Поэтому собственно чилийское население, насчитывавшее к началу войны за независимость 800 тыс. человек, делилось примерно поровну на креолов и метисов. Отсутствие многочисленного оседлого индейского населения, незначительное распространение рабства и сам состав населения страны обусловили складывание адекватных крупному предпринима-

тельству той эпохи форм эксплуатации рабочей силы, притом гораздо раньше, чем в большинстве остальных латиноамериканских стран. Скотоводческая эстансия, такая же экстенсивная, как в Аргентине и Уругвае, базировалась на труде свободных пастухов, которые в Чили назывались «уасо», а земледельческая асьенда — на труде мелких арендаторов-испольщиков (инкилино). В роли уасо и инкилино выступали не только метисы, но и креолы-бедняки. Таким образом, уже к концу колониального периода Чили имела многие черты типичной для «переселенческого» капитализма страны.

Сложившаяся социально-экономическая структура в центральных районах Чили нуждалась разве что в некоторых косметических реформах, которые пытались осуществить либеральные правительства страны, начиная с самого О'Хиггинса и кончая Ф. Пинто. К этим реформам относятся отмена майората, «дезамортизация» церковных земель, введение свободы торговли. Гораздо более важная и трудная задача либералов состояла в том, чтобы перенести такую структуру на юг страны, где продолжала существовать независимая Араукания.

Индийские племена арауканов борьбой против испанских конкистадоров завоевали славу стойких борцов за независимость, а один из их вождей — Лаутаро — не только был воспет в эпической поэме испанца Алонсо де Эрсильи «Араукана», но и явился символом борьбы за независимость для О'Хиггинса, который вместе с Сан-Мартинем и другими деятелями южноамериканского национально-освободительного движения основал в свое время масонскую ложу «Лаутаро». Этому восхищению арауканами в среде чилийских либералов пришел конец, как только испанские угнетатели были изгнаны из страны и встала задача дальнейшего развития буржуазных отношений, приобщения к плодам «цивилизации». Вот тогда-то либералы увидели в арауканах главную опору «варварства», которую следовало непременно уничтожить для успешного распространения в Чили «цивилизации».

О'Хиггинс первым выдвинул план оттеснения арауканов дальше на юг и заселения захваченных земель ирландскими или шотландскими колонистами-овцеводами. Однако отстранение от власти в 1823 г. не позволило ему реализовать эти планы. Более успешно продолжил эту политику консерватор Д. Порталес, который в 1833 г. добился нового договора с арауканами о границах, а на освобожденной ими части территории расселял европейских иммигрантов. Новая граница просуществовала до середины XIX в.

После победы Чили в войне с перуано-боливийской конфедерацией 1836—1839 гг. в стране наметились крупные социально-экономические сдвиги. На севере получает развитие добыча меди, гуано и селитры, а затем и каменного угля. Если в 1817 г. Чили экспортировала

медь в основном в Калькутту и в сравнительно небольших количествах, то в 60-е годы в стране уже насчитывалось 1,5 тыс. медных рудников и добывалось почти 50% всего мирового производства меди. Экспорт меди повлек за собой строительство медеплавильных заводов, а затем добычу каменного угля. И если первые медеплавильные заводы работали на английском угле, то вскоре Чили не только обеспечила их своим углем, но и стала вывозить его в Англию.

Развитие горнорудной промышленности вызывало увеличение спроса на продукцию сельского хозяйства. Параллельно возрастал на нее спрос и на мировом рынке, главным образом в связи с открытием золота в Австралии и в особенности в Калифорнии. Ведь до полного освоения западных районов в США было еще далеко, и Чили на всем протяжении тихоокеанского побережья Америки оставалась пока крупнейшим производителем пшеницы и продуктов животноводства и к тому же обладательницей самого мощного в этом районе торгового и военно-морского флота.

Чилийский латифундизм сумел наилучшим образом ответить на возрастание этого спроса, особенно с проведением таких косметических либеральных операций, как отмена майората (1855 г.) и «дезамортизация» церковных земель (1857 г.), введение Гражданского (1857 г.) и Торгового кодекса (1867 г.), свободы вероисповеданий (1865 г.) и т.д. Позднее, со спадом золотой лихорадки в 60-е годы на чилийское сельское хозяйство обрушится жесточайший кризис перепроизводства. Но пока экстенсивные асьенды и эстансии требовали все больше и больше новых земель.

Консервативный президент Мануэль Бульнес (1841—1851) открыл новый тур арауканских войн, сумел очистить от индейцев еще часть территорий к югу и основал в Вальдивии крупную колонию немецких поселенцев. Усилил натиск «цивилизации» против «варварства» следующий президент-консерватор Мануэль Монт (1851—1861), при котором продвижение правительственных войск на юг сопровождалось строительством укрепленных военных фортов. Восстание арауканов в 1859 г. на захваченных территориях было потоплено в крови. Но хотя «цивилизаторы» и победили индейцев, подчинить их на данном этапе они не смогли. В 1864 г. новое правительство Хосе Хоакина Переса, теперь уже либерально-консервативное, было вынуждено подписать с арауканами мирный договор, устанавливавший новую границу и признававший неприкосновенность арауканской территории. В 70-е годы натиск «цивилизаторов» возобновился, хотя договор 1864 г. формально оставался в силе. Арауканы поднимали крупные восстания в 1868, 1870, 1873 и 1880 гг. В 1882 г. они формально признали власть чилийского правительства над своей

территорией, но еще три года продолжали упорную борьбу за независимость. Под натиском превосходящих сил правительственных войск, снабженных самым современным вооружением, в 1885 г. арауканы окончательно сложили оружие.

В результате завоевания Араукании чилийское государство обрело дополнительно территорию в 90 тыс. кв. км. Оставшиеся в живых примерно 80 тыс. индейцев в 1884—1919 гг. были сосредоточены в 3000 общин, которым выделялось около 500 тыс. га земли в гористой и удаленной местности и которые оставались замкнутыми натуральными коллективными хозяйствами. За этот же период как чилийским, так и иностранным колонистам на юге было выделено свыше 9 млн га земель.

Итак, главное направление либеральных преобразований в Чили было таким же, как в Аргентине и Уругвае, — истребление аборигенного населения и замена его «цивилизованными» европейцами. Этот процесс сопровождался утверждением капитализма, свободной конкуренцией в Чили и интеграцией страны в международное капиталистическое разделение труда (с 1842 по 1875 г., т. е. в разгар арауканских войн, после независимости, посевные площади под зерновые были расширены латифундистами в три раза).

Бразилия

Пожалуй, среди латиноамериканских стран «переселенческого» капитализма ближе других к Соединенным Штатам Америки стоит Бразилия. Такое утверждение на первый взгляд может показаться спорным, особенно если принять во внимание сложившиеся стереотипы как в самой Латинской Америке, так и в советско-российской исторической науке. Но попробуем сравнить их исторические судьбы.

До Гражданской войны между Севером и Югом (1861—1865) основу богатства Соединенных Штатов составляло рабовладельческое плантационное хозяйство на юге. Оно давало хлопок текстильной промышленности Англии и других европейских стран, приносило громадные доходы стране, часть которых посредством внутренней торговли между северными и южными штатами оседала на Севере и стимулировала развитие местной промышленности. Ведущая роль рабовладельческого Юга в экономике закономерно увенчивалась и его политическим главенством в стране: из 70 лет, прошедших после образования независимых США до Гражданской войны, 50 лет у кормила государственной власти стояли южане. Рабовладельческий Юг был настолько тесно связан с мировым капиталистическим рынком, что привел К. Маркса в 1847 г. к небезызвестному выводу: «Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного

шара, — и вы получите анархию, полный упадок современной торговли и современной цивилизации. Уничтожьте рабство, — и вы сотрете Америку с карты народов»¹.

Основой экономики Бразилии почти сразу же после начала колонизации тоже стало рабовладельческое плантационное хозяйство. Правда, вывозила Бразилия в Европу не хлопок, а сахар-сырец, но суть была та же. Рабовладельческая плантация в Бразилии была самым что ни на есть капиталистическим предприятием, где все было подчинено получению конечной прибыли и где все было строго подсчитано. Жизнь негра-раба потреблялась в течение 8 лет (в США — 7 лет), сам он в конце XVI в. стоил 25 ф. ст., содержание его обходилось еще в 7 фунтов, но за это время он в среднем производил сахара-сырца на сумму 1333 ф. ст., т. е. в 40 раз больше, чем стоил своему хозяину. За вычетом других производственных и транспортных издержек чистая прибыль на вложенный в плантацию, рабов и в энженью (сахароваренную мануфактуру) капитал составляла в конце XVI — второй половине XVII в. 100—120%.

В Бразилии, как и в США, рабовладельцы-плантаторы выступили гегемоном национально-освободительной революции 1822 г. Португальцы не смогли оказать серьезного сопротивления патриотам, революция свершилась в сравнительно мирных формах, а рабы не успели восстать в тылу освободительного лагеря так, как это происходило в тылу у первой и второй Венесуэльской республики с лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!». И были обречены за это на рабство вплоть до 1888 г. Отмены рабства не желали бразильские фазендейро (владельцы фазенд, крупных поместий) по вполне понятным причинам: оно давало сахар, а вывоз сахара в Европу приносил 1,2 млн ф. ст. (30% от всего экспорта), в то время как вывоз золота доставлял всего 300 тыс. ф. ст. (7,5% от общего вывоза страны).

Хотя Бразилия после завоевания независимости стала империей, не будем забывать, что в остальных латиноамериканских странах республики существовали по большей мере формально, фактически же они были наполнены мощным абсолютистским зарядом. Поэтому конституционная монархия в Бразилии вполне адекватно отразила интересы ее создателей — бразильских фазендейро-рабовладельцев. Но и в рамках конституционной монархии в Бразилии разворачивалась такая же борьба между либералами и консерваторами, как и в других латиноамериканских странах.

Первые мероприятия бразильского правительства в полной мере отвечали духу либеральных преобразований. Сказанное относится в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 135.

первую очередь к проводимой им политике свободы торговли, которая выразилась сначала в установлении 24%-ной пошлины на любые иностранные товары, но на английские — лишь 15%-ной (1822 г.), затем в подписании англо-бразильского договора о наиболее благоприятных условиях торговли (1827 г.), в снижении до 15% пошлин на импорт из всех остальных зарубежных стран в 1828 г. и, наконец, в упразднении межпровинциальных судоходных торговых пошлин в 1831 г. Наряду с этим был отменен майорат и под давлением Англии запрещен (хотя и формально) ввоз рабов на территорию Бразилии.

Эти мероприятия проводились в жизнь настоящими буржуазными либералами, называвшимися в Бразилии умеренными либералами. Но эти меры вызвали целую серию восстаний мнимых либералов — экзалтадус, хотя в действительности это были федералистские восстания, направленные против рецептов либерализма: против свободы торговли, разорявшей ремесленников и провинциальных фазендейро, как это было везде в Латинской Америке. В Рио-де-Жанейро экзалтадус основали Федералистское общество и создали республиканские клубы во многих других городах, требуя республики, федеративного принципа государственного устройства и протекционистских мер. Хотя выступление федералистов в Рио-де-Жанейро было подавлено, оно развернулось в провинциях.

В какой-то мере вспышке федералистских движений на местах способствовало ослабление центрального правительства. В 1834 г. Генеральное собрание приняло Дополнительный акт к конституции 1824 г. Этот документ сохранял за центральным правительством страны прерогативу назначения президентов провинций, имевших полномочия утверждать решения провинциальных собраний. Тем не менее Акт очерчивал некоторую демократизацию власти, ибо, во-первых, придавал провинциальным собраниям законодательную силу в вопросах о местном бюджете, налогообложении и т. п., а во-вторых, упразднял Государственный совет (назначавшийся прежде императором и, подобно английской палате лордов, состоявший из пожизненных членов) и расширял полномочия палаты представителей.

Конституционная реформа расколола правящий блок. Часть бывших «умеренных» образовала Либеральную партию, руководящую роль в которой играли Диогу Фейжу, Эваристу Вейга, семейство Кавалканти и братья ди-Андрате-и-Силва. Либералы и были инициаторами реформы, а их лидер Д. Фейжу в 1835 г. был избран регентом при несовершеннолетнем императоре Педру II и, следовательно, возглавил центральное правительство.

Серию федералистских движений открыло восстание 1835 г. в провинции Пара под руководством А. Винагре и Э. Ф. Ногейру, которое в августе того же года нанесло поражение правительственным войскам и провозгласило образование Республики Пара. В том же году в провинции Риу-Гранди-ду-Сул вспыхнуло более мощное федералистское восстание. В ноябре 1836 г. восстание вылилось в образование Республики Риу-Гранди-ду-Сул. Если Пара отстаивала свою республиканскую власть в течение 9 месяцев, то в Риу-Гранди-ду-Сул республика просуществовала 10 лет. В 1837 г. федералистское восстание в провинции Баия также завершилось провозглашением независимой республики, которая сохраняла свою независимость до марта 1838 г. В 1839 г. федералисты Риу-Гранди-ду-Сул при поддержке моряков знаменитого итальянского революционера Джузеппе Гарибальди вторглись в провинцию Санта-Катарина и установили здесь республику, продержавшуюся с июля по ноябрь того же года. Крупными федералистскими восстаниями в 1842 г. были охвачены провинции Сан-Паулу и Минас-Жерайс. Завершающей стала революция прайейров 1848 г. в Пернамбуку.

Освещение этих сюжетов бразильской истории в российской историографии остается противоречивым. С одной стороны, восстания признаются составной частью либерального движения, направленного на установление в Бразилии капиталистических отношений и республики. С другой — требование ослабления центральных властей и укрепления автономии провинций (в чем и заключается собственно федеративный принцип) в ряде латиноамериканских стран, особенно Аргентине, приписывается крупным латифундистам, стремившимся чуть ли не к феодальной раздробленности страны.

В то время как монархия в условиях Бразилии олицетворяла собой централизм, противопоставление ей республиканской формы правления в провинциях означало противопоставление централизму федерализма. В этом смысле бразильские восстания 30—40-х годов явились составной частью федералистских восстаний, типичных в тот период для Латинской Америки в целом. Здесь, как и в других латиноамериканских странах, действительно участвовали и латифундисты, и мелкобуржуазные слои народа — ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне. Как российские, так и зарубежные историки прямо указывают на то, что основу федералистских восстаний составляли крупные движения социального протеста народных масс провинций — кабанус («лачужников») в провинции Пара, фаррапус («оборванцев») в Риу-Гранди-ду-Сул, балайада (от «балайа» — корзина) во главе с корзинщиком Мануэлем Франсиску дус Анжус Ферейрой в Мараньяне, сабинада (Сабино Визейра) в Баие и др.

Что же касается стремления ученых связать эти движения «низов» с либерализмом, то такой постановке проблемы противоречат реальные факты. В частности, сами историки подчеркивают, что одним из главных требований повстанцев было требование защиты местного производства от иностранной конкуренции, между тем как свобода торговли и в Бразилии, и в Латинской Америке, и в Западной Европе являлась краеугольным камнем идеологии и практики именно либерализма. Интересны и другие требования повстанцев, например прайейров в 1848 г. в Пернамбуку. Вопреки утверждению о связи этого восстания с либерализмом прайейры среди прочих требований добивались раздела поместий семейства Кавалканти — лидеров Либеральной партии, а, кроме того, их восстание было вызвано значительным удорожанием продуктов питания и... прибытием первой партии немецких колонистов, из-за которых бразильцы теряли заработки (а ведь европейская иммиграция — другой важнейший постулат бразильских либералов). «Либеральные» настроения «низов» опровергаются волнениями 1852 г. в Параибе и Пернамбуку, причиной которых послужило введение гражданской процедуры регистрации рождений взамен церковной. Мулаты и свободные негры, видевшие в католической церкви своего единственного защитника от «цивилизаторов», в гражданской регистрации заподозрили средство их обращения в рабство. Эти восстания заставили бразильских либералов сохранить церковную регистрацию до 1889 г., когда наконец было окончательно отменено рабство.

Итак, как и во всей Латинской Америке, бразильские либералы не только не стали выразителями народных требований, но, напротив, столкнулись с упорным сопротивлением «низов» своей «цивилизаторской» деятельности. Ко всему перечисленному следует добавить, что, как и в США, на Кубе и некоторых других странах, бразильские либералы не помышляли об отмене рабства, чем были вызваны многочисленные восстания рабов, усложнявшие общую обстановку в стране.

Консерваторы, партия которых образовалась из части «умеренных» в 1835 г., отличались от либералов, похоже, лишь большей приверженностью централизации власти. Сменив у власти либералов в 1837 г., т. е. в момент разгара провинциальных движений, они попытались сдержать распад бразильского общества за счет ограничения демократических атрибутов и применения военной силы. В 1840 г. они урезали законодательные полномочия провинциальных собраний и одновременно увеличили prerogatives президентов провинций. В 1841 г. был восстановлен Государственный совет, 12 членов которого назначались императором пожизненно, а в 1842 г. — распущена палата представителей. Наряду с военными экспедициями в провинции эти меры консерваторов способствовали некоторому снижению накала

федералистских движений. Сменившим их либералам в 1845 г. удалось уладить конфликт с федералистами Риу-Гранди-ду-Сул.

Единственными союзниками мелкобуржуазных слоев населения в период волны федералистских движений были, как и в других латиноамериканских странах, провинциальные группы латифундистов и промышленников. Заинтересованные в национально-капиталистическом развитии, они поначалу противились либеральным преобразованиям в стране. Это положение сохранялось до тех пор, пока на мировом рынке и внутри самой Бразилии не наметились позитивные сдвиги.

Сахарное производство уже не могло сохранить ведущие позиции в экономике и постепенно приходило в упадок. На смену этому продукту шел кофе. Первые кофейные рабовладельческие плантации появились в провинции Рио-де-Жанейро еще в конце XVIII в., и уже к 1833 г. они производили 60 тыс. т кофе. Затем такие же рабовладельческие плантации кофе появились в Сан-Паулу, еще позднее — в Минас-Жерайсе. В итоге, если в 20-е годы XIX в. на долю Бразилии приходилось 20% мирового производства кофе, то к 1850 г. — 40%, а к 1875 г. — 50%.

С объявления совершеннолетия 14-летнего императора Педру II и до его свержения в 1889 г. правящая фракция господствующего класса Бразилии как раз и была представлена рабовладельческой кофейной олигархией Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайса и Сан-Паулу. Владение рабами отнюдь не мешало ей исповедовать и проводить либеральные преобразования, особенно с середины XIX в., когда благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволила постепенно привязать интересы провинциальных групп фазендейро к своим собственным. Так, в 1850 г. была ликвидирована система пожалований земельных угодий, а земля теперь могла приобретаться только путем покупки по рыночным ценам. В том же году был принят Торговый кодекс, а в 1855 г. — свод законов гражданского права и декретировано снижение таможенных пошлин.

Вряд ли задумалась бы кофейная рабовладельческая олигархия об отмене рабства, если бы не изменения в международной работорговле. Англия, которая сама некогда разбогатела на работорговле, превратилась теперь в ярого противника рабства и работорговли. Она организовала патрулирование своих военных кораблей у побережья Африки, навязывала другим государствам отмену рабства и т. п. В 1850 г. под ее давлением Бразилии снова пришлось издать закон об отмене работорговли. Приток рабов прекратился, а цены на них неуклонно поползли вверх: если в 20-е годы XIX в. раб стоил в среднем от 30 до 40 ф. ст., в 1852 г. — 72, в 1854 г. — 138, то в 1879 г. — 190—200 ф. ст. (на эту сумму можно было купить 60 голов крупного

рогатого скота, 50 лошадей или 20 золотых часов). Стало ясно, что рентабельность рабовладельческой кофейной плантации резко падает, а в условиях конкуренции на мировом рынке это грозит разорением плантаторам. В поисках альтернативных решений Бразилия пережила свои вестерны.

Внутренние области провинции Сан-Паулу имели прекрасные экологические условия для выращивания кофе. Они представляли собой огромные равнины между реками Гранди, Парана и Паранапанема, по которым можно было наладить судоходство, не считая того, что с середины века стало возможным и железнодорожное строительство. Скупка земли, сгон кочевых индейцев и частичное их истребление получили быстрое развитие в Сан-Паулу с принятием в 1850 г. закона о земле. Одновременно началось привлечение европейской иммиграции в Бразилию, и особенно в Сан-Паулу. С 1827 по 1936 г. Сан-Паулу приняла 3 млн европейцев, главным образом итальянцев, португальцев, испанцев, немцев, выходцев из России, а также немного японцев. Небольшая доля европейских иммигрантов, будучи достаточно состоятельной, включилась в бешеную погоню за земельными участками, и интегрировалась в господствующий класс Бразилии. Основная же масса осталась безземельной и была вынуждена продавать свою рабочую силу плантаторам. Наиболее распространенным отношением найма являлся колонат, при котором колонист брал на себя заботу о тысяче кофейных кустов, получал за это определенную сумму денег и разрешение хозяина выращивать между рядами кофейных кустов продовольственные культуры. Иногда в контракте оговаривались дни дополнительной работы на плантатора и заработная плата за них. Колонат в условиях постоянного роста издержек в рабовладельческой плантации оказался для бразильских фазендейро удачной находкой. Сан-Паулу быстро выдвигалась на первые позиции в бразильском кофейном производстве, благодаря чему страна к 1897—1900 гг. увеличила свою долю в мировом производстве кофе до 73%. Нечто подобное заселению Сан-Паулу происходило в 1880—1900 гг. в Баие, где получило развитие производство какао.

После нескольких промежуточных декретов в 1888 г. рабство было окончательно отменено. К этому времени на 14 млн населения страны приходилось немногим более 700 тыс. рабов. В довершение либеральных преобразований монархию сменила в 1889 г. республика, были отменены телесные наказания в армии, введен гражданский брак, церковь отделена от государства.

Все эти изменения были закреплены конституцией 1891 г., а страна получила название Соединенных Штатов Бразилии. Конституция декларировала основные буржуазные свободы, но из-за образовательного ценза они распространялись лишь на имущие слои населения. В

истории Бразилии наступил период республики кофейной олигархии Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро, просуществовавшей до 1930 г.

Итак, либеральные революции и реформы второй половины XIX столетия везде довершили *ликвидацию неотчуждаемых форм собственности* — майоратов, церковного и монастырского, государственного, муниципального и большей части общинного землевладения, заменив их настоящей *буржуазной частной собственностью*. Иными словами, путь буржуазного прогресса на континенте пролегал через дальнейшее укрепление крупного частного землевладения, т.е. *латифундизма*. Революции сокрушили также церковную десятину, цеховую организацию ремесла, монополии, запреты и протекционистские пошлины, возведенные провинциями внутренние таможи, барьеры на пути иностранных инвестиций, словом, обеспечили максимально полную *свободу торговли и предпринимательства*. Они отменили остатки рабства и других форм внеэкономического принуждения там, где это не подрывало производство, повсеместно ужесточили законы против «бродяг», за счет антицерковных мер сократили число праздничных, нерабочих дней, значительно удешевили рабочие руки¹ и многократно подняли дисциплину *наемного труда*.

Реформы повсюду в Латинской Америке придали обществу исключительно *светский характер*, отделив церковь и монашеские ордена от государства и школы, отобрав у них регистрацию актов гражданского состояния, введя свободу вероисповеданий и т.п. Отменив реанимированные консерваторами сословные суды для духовенства и военных, законы о покровительстве индейцам, установив равенство перед законом, они стерли *остатки сословных различий* и утвердили *гражданское общество*. Но, как и прежде, место сословных перегородок тут же заняли имущественные и образовательные цензы, цензы оседлости для миллионов европейских иммигрантов, оставившие вне гражданского общества подавляющее большинство населения.

Права имущего «человека и гражданина» вновь стали предметом забот государства и гарантировались теперь не только конституциями, но и всевозможными сводами законов — гражданскими, торговыми, горнорудными, сельскими и прочими кодексами. Эти реформы означали установление политической демократии, но не в смысле власти всего народа, а лишь его имущей верхушки (хотя и чуть более широкой по составу, чем в период войны за независимость).

¹ Подсчитано, что к 1900 г. реальная стоимость рабочей силы по сравнению с 1850 г. в среднем по Латинской Америке сократилась вдвое.

Массовые экспроприации, законы о «бродягах», резкое снижение жизненного уровня народа вызывали ожесточенное сопротивление реформам со стороны «низов». В наиболее мирной форме оно воплотилось в распространении по всей Латинской Америке *милленаристских движений*, связанных с поселением бедняков в глухих районах в ожидании конца света и наступления «тысячелетнего царства божьего на земле». Там обычно возникали общины на основе всеобщего равенства христиан, общности земли, лесов, водных источников, а также общности труда на земле и плодов этого труда. Одно из крупнейших таких селений в Бразилии возникло в 1893—1897 гг. в Канудосе, штат Баия, во главе с падре Антониу Консельейру, но было разгромлено войсками. В Аргентине на юге провинции Буэнос-Айрес в 1876 г. движение возглавил Х.Х. де Солане, известный под именем Тата-Дьос. В Мексике в 1873—1903 гг. подобное движение связано с именем Тересы Уррере, любовно прозванной народом Святой Тереситой из Каборы.

Немирные формы борьбы получили наибольшее распространение. Индейские восстания отмечались повсюду, но особенно в Мексике. Если в 1829—1832 гг. здесь ежегодно вспыхивало 2—3 восстания, то к 1849 г. их число возросло до 23. Самым же длительным из них стало вооруженное выступление индейцев майя на Юкатане, известное как война каст 1847—1904 гг. и проходившее под лозунгами изгнания всех белых и реставрации индейской государственности.

Массовым явлением стала и вооруженная борьба мелкопарцельного крестьянства и городских «низов». Случалось, она начиналась и до конца развивалась под либеральными лозунгами «Свобода, равенство и братство». Но при этом «низы» вкладывали в данные понятия такое социальное содержание, которое вступало в непримиримое противоречие с постулатами истинного либерализма, особенно в Боготинской коммуне 1854 г. в Новой Гранаде.

Народное сопротивление либеральным преобразованиям на континенте было потоплено в крови. Наибольшие жертвы на алтарь «цивилизации» принес народ Парагвая. В войне 1864—1870 гг. против армий либералов Аргентины, Бразилии и Уругвая он защищал созданный им строй казарменного коммунизма столь яростно и героически, что на полях сражений погибли все мужчины в возрасте от 12 до 65 лет. Впоследствии, чтобы хоть как-то восстановить население, этой католической стране пришлось вводить полуофициальное многоженство.

Поражение народных масс Латинской Америки в ходе революций второй половины XIX в. привело к тому, что они не смогли предотвратить резкого снижения уровня жизни и удешевления наемной рабочей силы. Итоги революций были печальны.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

§ 1. Войны и территориальные конфликты между латиноамериканскими государствами

В период войны за независимость народы Ибероамерики еще не ощущали себя ни мексиканцами, ни аргентинцами, ни чилийцами, а только «американцами». Однако возобладавшие вскоре центробежные тенденции вызвали немало конфликтов и войн, связанных со слабостью или даже полным отсутствием национальной идентичности, произвольностью административных границ, проведенных чаще всего лишь для удобства управления, с соперничеством провинций за преобладание в том или ином регионе.

Конфликт 1821—1823 гг. Первые попытки добиться независимости, предпринятые патриотами Центральной Америки (бывшего генерал-капитанства Гватемала), не принесли желаемых результатов, но послужили катализатором роста освободительного движения.

Когда к 1821 г. в соседней Мексике наметился новый подъем освободительного движения и стало ясно, что эта страна стоит на пороге независимости, администрация генерал-капитанства Гватемала созвала специальное совещание высших государственных чиновников, духовенства и армейской верхушки, которое 15 сентября 1821 г. было вынуждено принять Акт о независимости. Согласно этому документу, прежний генерал-капитан Габино Гаинса оставался лицом, в руках которого сохранялась вся власть. Только впредь он именовался политическим руководителем. Для окончательного решения вопроса об отношениях с Испанией было объявлено о выборах конгресса, которому и надлежало внести ясность в эту проблему. Все существовавшие звенья власти сохраняли полностью свои полномочия, даже королевские налоги не были отменены.

В ноябре 1821 г. Габино Гаинса получил письмо из независимой Мексики от ее будущего императора Агустина Итурбиде. В письме говорилось, что «Гватемала не должна оставаться независимой от Мексики, а, наоборот, обязана совместно с бывшим вице-королевством образовать большую империю... что Гватемала пока не в состоянии

самостоятельно управлять собой и что вследствие этого она станет объектом воцелений иностранных держав»¹.

В самом деле, в 1824 г. население Центральной Америки составляло немногим более 1 млн жителей против 6 млн в Мексике: на территории нынешней Гватемалы проживали 661 тыс. человек, в Сальвадоре — 213 тыс., в Никарагуа — 207 тыс., в Гондурасе — 137 тыс. и в Коста-Рике — 70 тыс. человек. Малочисленность населения действительно делала Центральную Америку уязвимой перед угрозой экспансии Англии или других иностранных держав, что впоследствии не раз подтверждалось. Тем не менее письмо раскололо местную элиту, часть которой высказывалась за присоединение к имперским планам Итурбиде, другая открыто выступила против. Дело доходило до острых вооруженных столкновений. Габино Гаинса отдал распоряжение провести опрос органов местного управления (кабильдо). 157 кабильдо из 237 высказались за вхождение в состав Мексиканской империи.

Для подавления несогласных Габино Гаинса призвал на помощь мексиканский экспедиционный корпус под командованием генерала Висенте Филисолы. В своих мемуарах Филисола дал любопытное и не лишнее исторического смысла объяснение своему походу: «Для Мексики эти провинции всегда были бременем, но, если люди хотят спасти от разрушения свой дом, они вынуждены следить за исправностью стены, отделяющей их от соседа... В один прекрасный день (центральноамериканские народы. — *Авт.*) станут добычей первого же хищника, который захочет прибрать их к рукам, если Мексика не защитит их свободу»².

Опасения Филисолы подтверждались поведением сальвадорских правителей, которые 22 ноября 1822 г. приняли решение просить США включить Сальвадор в состав Штатов. В Вашингтон были направлены два эмиссара с целью добиться военного вмешательства США. Однако этим замыслам не было суждено сбыться. Город Сан-Сальвадор вскоре был занят экспедиционным корпусом Филисолы, и циркулирующие слухи о приближении американской эскадры заглушили.

Тем временем произошел крутой поворот во внутривполитическом положении Мексики, когда в 1823 г. вспыхнуло восстание против императора Агустина I, который был свергнут и выслан из страны. Вместе с падением монархии исчезли и правовые основания для присоеди-

¹ Цит. по: *Леонов Н.С.* Центральная Америка (1821—1860)//История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века/Отв. ред. Н.М. Лавров. М., 1991. С. 392.

² Там же. С. 393.

нения Центральной Америки к Мексике. В этой обстановке командующий мексиканскими войсками Висенте Филисола созвал в соответствии с Актом о независимости общенациональный конгресс Центральной Америки. В июне 1823 г. в Гватемале собрались депутаты Национальной учредительной ассамблеи. Из 64 депутатов 28 представляли Гватемалу, 13 — Сальвадор, 11 — Гондурас, 8 — Никарагуа и 4 — Коста-Рику.

1 июля Национальная учредительная ассамблея приняла решение о независимости Центральной Америки как от Испании, так и от Мексики, а равно и от любого другого государства Старого и Нового Света. Новое государство получило название Соединенные Провинции Центральной Америки. Мексиканские войска начали отход на свою территорию.

**Колумбийско-перуанская
война 1828—1829 гг.**

Причиной этой войны стали споры о долях погашения общей внешней задолженности времен войны за независимость, а также попытка С. Боливара сохранить единство Великой Колумбии. Колумбийские войска, оставшиеся в Перу после Аякучо, были выведены из страны. Префект Куско генерал А. Гамарра вторгся в Боливию и вынудил сподвижника Боливара А. Сукре покинуть пост президента. Президент Перу Ла Мар потерпел поражение от войск Колумбии в сражении при Портете-де-Тарки на территории Эквадора 27 февраля 1828 г. Вскоре Перу было вынуждено заключить мир с Колумбией, где был отстранен от власти Боливар.

**Война Чили и Аргентины
против Перуано-
Боливийской конфедерации
(1836—1839)**

В периоды наибольших разбродов и распадов, катастрофических последствий в экономике и бесконечных гражданских войн в молодых независимых государствах Латинской Америки, когда наступала общая усталость населения, отдельные государственные деятели вновь выступали за идею объединения. На этой основе в Южной Америке и возникла конфедерация в составе трех равноправных частей — Северного Перу, Южного Перу и Боливии. Согласно Фундаментальному пакту, подписанному 1 мая 1837 г. в Такне, три республики имели равные права, единое гражданство, избирали собственные правительства в соответствии со своими законами, но управлялись общим правительством, наделенным законодательной и исполнительной властью. Боливийский президент Санта-Крус был избран верховным протектором конфедерации сроком на 10 лет с правом переизбрания.

Экономические основы Перуано-Боливийской конфедерации заключались в издавна сложившемся и активно функционировавшем внутреннем рынке между Боливией и Южным Перу, который играл важную роль в экономике обоих районов. Кроме того, путем создания сильного государства торговцы Лимы надеялись покончить с торговой конкуренцией Чили, чей порт Вальпараисо стал крупнейшим перевалочным пунктом для товаров, направлявшихся из Европы в Южную Америку. Стабилизация политической жизни немедленно сказалась на упорядочении налоговой и финансовой системы, а также на активизации внешней торговли и укреплении внешнеполитического положения конфедерации: так, в 1836 г. были подписаны договоры о мире, торговле и мореплавании с Англией и США. С самого начала у конфедерации нашлось и немало врагов. Против нее, в частности, выступили сахарные плантаторы перуанской косты, заинтересованные в рынке сбыта сахара в Чили, многие перуанцы также не желали гегемонии Боливии в конфедерации.

Однако решающее слово в судьбе конфедерации сыграли могущественные соперники, ближайшие соседи Аргентина и Чили. Набиравший силу блок торговой и земельной олигархии этих стран рассматривал образование крупного объединенного государства на своих северных границах как нарушение принципа континентального равновесия, как угрозу своим коренным интересам. Правящие круги Чили были заинтересованы в ликвидации перуанской и установлении чилийской торговой монополии на тихоокеанском побережье. Эта стратегическая линия, возведенная в ранг государственной политики уже в середине 30-х годов XIX в., нашла выражение в деятельности министра Диего Порталеса. Он прямо заявлял: «Конфедерация должна навсегда исчезнуть с американской сцены... как новое государственное объединение, могущее ущемить наши интересы на Тихом океане»¹. Аргентина же не скрывала притязаний на боливийскую область Тариха.

Если экспансию Аргентины перуанцы и боливийцы успешно отразили, то в войне с чилийцами фортуна отвернулась от них. Чилийский флот еще до официального объявления войны атаковал перуанские военные корабли и вынудил их сдаться. Обеспечив себе господство на море, правительство Чили в ультимативной форме потребовало роспуска конфедерации. Это требование было отвергнуто, и чилийский конгресс объявил войну конфедерации.

¹ Цит. по: *Созина С.А.* Республика Боливия (1825—1879)//История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 379.

Убийство военного министра Чили Д. Порталеса в 1837 г., в разгар подготовки сухопутной операции против Перуано-Боливийской конфедерации, едва не привело к краху кампании. Экспедиционная армия Чили потерпела неудачу под Арекипой, и ее командующий вынужден был подписать 17 ноября 1837 г. договор, одна из статей которого предполагала признание чилийской стороной Перуано-Боливийской конфедерации.

Однако правительство Чили денонсировало договор и в январе 1838 г. возобновило боевые действия. Новая экспедиционная армия насчитывала 5400 человек, ее сопровождали перуанские эмигранты. В битве к северу от Лимы, в долине Юнгай, 20 января 1839 г. чилийцы одержали победу над армией конфедерации во главе с Санта-Крусом. Конфедерация распалась, Санта-Крус бежал в Эквадор, а затем по требованию правительства Чили вынужден был навсегда оставить Американский континент.

Распад конфедерации имел далеко идущие последствия для всех стран-участниц. За счет ослабленных войной Перу и Боливии чилийская буржуазия обеспечила существенные предпосылки для торговой и военной экспансии на тихоокеанском побережье. Перуанская и боливийская оппозиция в лице новых президентов (в Перу — А. Гамарры, в Боливии — Х. Веласко) поспешила отречься от всех объединительных планов.

Аргентино-бразильская война 1825—1828 гг.

Речной бассейн Ла-Платы, по величине второй в мире после Амазонского (его площадь превышает 1,5 млн кв. миль), охватывает территории пяти государств: Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Боливии. Пересекаемый в разных направлениях и связываемый в единое целое естественными водными путями, он всегда представлял собой чрезвычайно удобный район для обитания. Природно-климатические условия позволяли возделывать здесь всевозможные земледельческие культуры, густая сеть естественных путей сообщения и ряд других факторов издавна делали этот субрегион ареной острого соперничества сначала Испании и Португалии, а затем и их наследниц, двух крупнейших южноамериканских государств — Аргентины и Бразилии.

Когда освободительное движение во главе с Хосе Хервасио Артигасом в лаплатской провинции Восточный Берег (Уругвай) обособилось как от Испании, так и от революционного Буэнос-Айреса, этим обстоятельством воспользовался португальский королевский двор, пребывавший в тот момент в соседней Бразилии. В 1816 г. он направил португальские войска для оккупации Восточной провинции.

Армия Артигаса, несмотря на мужественное сопротивление, потерпела ряд серьезных поражений. В сентябре 1820 г. Хосе Артигас, преследуемый войсками своего бывшего союзника, каудильо провинции Энтре-Риос Рамиреса, был вынужден искать убежища в Парагвае. Ему не раз предлагали вернуться на родину, но он предпочел изгнание унижению и умер в Парагвае в 1850 г.

В 1821 г. страна была аннексирована тогда еще португальской Бразилией и названа Сисплатинской провинцией¹. Когда Бразилия объявила себя независимой от Португалии, в октябре 1823 г. португальские войска были эвакуированы из Уругвая, а их место заняли бразильские воинские части.

19 апреля 1825 г. при поддержке правительства Буэнос-Айреса небольшой отряд патриотов под командой Хуана Антонио Лавальехи форсировал р. Уругвай и высадился в районе Аграсиада. «Свобода или смерть» — таков был их лозунг. Высадка 33 ориенталес вызвала всенародное освободительное движение. Вокруг этой группы патриотов, которая стала ядром и штабом второго этапа национально-освободительной борьбы, формировались новые и новые отряды. В октябре 1825 г. бразильская армия, выступившая против патриотов, была разбита при Саранди конницей ориенталес под командованием Лавальехи.

Выполняя обязательства, принятые Национальной ассамблеей в г. Флориде (август 1825 г.) и подтвержденные второй сессией ассамблеи (январь 1826 г.), провинция Монтевидео, как тогда назывался Уругвай, вошла в состав Объединенных Провинций Ла-Платы. Тогда Педру I, император Бразилии, объявил войну Аргентине. 20 февраля 1827 г. произошла битва при Итусаинго, в которой уругвайское ополчение и аргентинские войска во главе с военным министром и главнокомандующим К. Альвеаром нанесли поражение бразильцам. В том же году аргентинский флот на р. Уругвай разгромил бразильскую эскадру, потопив 5 и захватив 14 кораблей.

Война по существу завершилась в марте 1828 г., когда уругвайский генерал Ф. Ривера во главе отряда, названного Северной армией, форсировал р. Ибикуй и занял восточную часть провинции Мисьонес.

Продолжение войны вело к экономическому истощению как Бразилии, так и Аргентины. Военные действия наносили ущерб и интересам Англии, торговля которой в результате блокады в районе Ла-Платы значительно сокращалась. Стараясь не допустить усиления Аргентины и Бразилии, Англия выступила за признание независимости Восточной провинции, которая и была зафиксирована мирным договором между соседями.

¹ Cisplatina (португ.) — по эту сторону Ла-Платы.

Аргентино-уругвайский конфликт 1830—1860-х гг. Даже признав независимость Уругвая, ни Аргентина, ни Бразилия еще долго не оставляли попыток включить новое государ-

ство в состав своей территории, одновременно не позволяя друг другу осуществить аннексию в одностороннем порядке. Поскольку к тому же во всех трех государствах велись нескончаемые гражданские войны между унитариями и федералистами, либералами и консерваторами, часто смена правительства в буферном государстве из чисто уругвайской проблемы превращалась в общерегиональную.

Когда в 1835 г. Ф. Риверу сменил на посту президента генерал Мануэль Орибе, это означало усиление влияния на Уругвай аргентинского диктатора консервативного толка Х.М. Росаса. Новый президент ввел 25%-ный налог на транзит иностранных товаров через Монтевидео в Буэнос-Айрес, что увеличивало прямой товарооборот последнего с европейцами.

Вместе с тем Орибе упразднил в январе 1836 г. пост командующего действующей армией, который в это время занимал Ривера. Обиженный Ривера обратился за поддержкой к аргентинским эмигрантам, боровшимся против диктатора Росаса, и 10 июля поднял мятеж. В свою очередь президент Орибе опирался на аргентинских федералистов, возглавляемых Росасом.

В этом столкновении сторонники Орибе использовали белую повязку с надписью «защитник законов», положив тем самым начало формированию Консервативной партии «бланко» (белая). Сторонники Риверы надели красные повязки и назвали свою Либеральную партию «колорадо» — красная.

В итоге в ноябре 1838 г. Ривера стал правителем Уругвая, Орибе был вынужден эмигрировать в Буэнос-Айрес, а 10 марта 1839 г. с объявлением Уругваем войны провинции Буэнос-Айрес началась так называемая Великая война (1839 — 1852). В ходе этой войны Росас стремился включить Уругвай в состав Аргентины или в крайнем случае создать там «дружественное» правительство. Уругвай в свою очередь опирался на поддержку мятежных аргентинских провинций (Санта-Фе, Корриентес и Энтре-Риос), бразильской провинции Риу-Гранди-ду-Сул, а также на военно-морские флотилии Англии и Франции, которые то порознь, то совместно устанавливали блокаду Аргентины. Росасу удалось умиротворить восставшие провинции Аргентины, а Орибе во главе аргентинских войск разбил под Арройо-Гранде силы Риверы и в 1843 г. осадил Монтевидео.

В защите Монтевидео принимал участие итальянский легион под командой Джузеппе Гарибальди, насчитывавший в 1843 г. 500 добровольцев. Число французских легионеров достигало 2904. Сотни аргентинцев и

испанцев вступали в батальоны национальной гвардии. С моря Монтевидео защищали от аргентинского флота эскадры Англии и Франции.

Тем не менее большая часть территории Уругвая оставалась под контролем Орибе и его аргентинских союзников, а осада порта продолжалась целых 9 лет.

Конец Великой войне положило вмешательство провинции Энтрер-Риос, губернатор которой генерал Уркиса с помощью союзников выступил против Росаса. 19 июля 1851 г. он вторгся в Уругвай и вынудил Орибе капитулировать. Так в октябре 1851 г. закончилась осада Монтевидео.

Затем с помощью бразильского флота Уркиса перебросил войска в аргентинскую провинцию Санта-Фе, которая поддержала его в борьбе против Росаса. Уркиса сформировал крупные силы — 22 тыс. аргентинцев, 4 тыс. бразильцев и 2 тыс. уругвайцев, — которые в феврале 1852 г. в битве под Монте-Касерос, близ Буэнос-Айреса, сокрушили силы Росаса и вынудили его эмигрировать в Англию.

Больше других в Великой войне выиграла Бразилия. За оказанную поддержку Уругвай обязывался выплачивать огромный внешний долг, отягощенный ростовщическим займом. Страна признавала право Бразилии на вооруженное вмешательство, если имперское правительство сочтет, что в Уругвае «нарушен порядок». Подлежали возвращению в Бразилию негры-рабы, получившие от уругвайцев свободу. Вывоз продуктов скотоводства из Уругвая освобождался от всяких пошлин. Вдобавок страна уступала большие территории на севере страны, находившиеся в руках бразильских скотоводов.

Последнее вмешательство Аргентины во внутренние дела Уругвая состоялось уже после падения Росаса, при президенте-унитарии Б. Митре. В 1863 г. он организовал вторжение с аргентинской территории лидера «колорадо» В. Флореса против президента-консерватора Бернардо Берро. В 1864 г. мятеж поддержала своими войсками и Бразилия. Общими усилиями аргентинцам и бразильцам удалось установить в Уругвае диктатуру Флореса, что послужило поводом для самой страшной трагедии в Лаплатском регионе — Парагвайской войны.

Парагвайская война 1864—1870 гг.

После смерти доктора Франсии в 1840 г. и нескольких военных переворотов бразды правления в Парагвае взял в свои руки Мариано Роке Алонсо, занявший пост главнокомандующего вооруженными силами. Его секретарем стал Карлос Антонио Лопес, адвокат по профессии, он в годы правления Франсии жил уединенно в своем поместье, вдали от столицы. Будучи способным и образованным чело-

веком, хорошо разбиравшимся в политических вопросах, он фактически являлся центральной фигурой в правительстве.

12 марта 1841 г. после 25-летнего перерыва собрался, наконец, Национальный конгресс, вновь учредивший в Парагвае консулат. Поставленные во главе государства консулы Лопес и Алонсо должны были совместно осуществлять высшую гражданскую и военную власть. Вскоре Лопес оттеснил коллегу на второй план, быстро завоевав авторитет и популярность среди различных слоев населения, а затем и узурпировал власть. Однако в отличие от Франции он стремился обставить свой режим хотя бы внешними признаками представительной демократии.

В 1844 г. конгресс принял первую в истории Парагвая конституцию, провозглашавшую принцип разделения властей, равенство граждан перед законом, их право обращаться к правительству со своими жалобами и претензиями и т. д. Но практически конституция узаконила неограниченную диктатуру президента, предусмотрев сосредоточение в его руках всей власти, установив 10-летний срок правления и право переизбрания. Президентом стал Лопес, полномочия которого в 1854 г. были продлены на следующее десятилетие. По настоянию президента чрезвычайная сессия конгресса внесла в 1856 г. ряд изменений в конституцию с целью увековечить его власть и сделать ее наследственной. Для этого число депутатов было уменьшено вдвое, а принцип всеобщего голосования заменен системой, основанной на имущественном цензе и других ограничениях. Президенту предоставлялось право назначения вице-президента.

Незадолго до смерти Лопес назначил на эту должность своего старшего сына Франсиско Солано. Когда 10 сентября 1862 г. престарелый президент скончался, сын приступил к исполнению обязанностей главы государства. 16 октября конгресс избрал Ф. С. Лопеса на пост президента республики, который он занимал до своей гибели (1870 г.), продолжая в основном политику отца и сохраняя установленный при нем строй.

В период долголетней диктатуры Лопесов сложный процесс экономического и социального развития Парагвая вступил в новую стадию. Хотя преемники верховного диктатора Франции не отказывались от основ созданной им системы, перед ними сразу же встал вопрос о необходимости серьезных изменений и модернизации страны. Поскольку сокращение торговых и иных связей с внешним миром, утрата традиционных рынков сбыта, невозможность использования научных достижений, технического опыта более передовых государств, отсутствие квалифицированных кадров специалистов стали все больше тормозить экономический прогресс, а упадок торговли не замедлил сказаться на состоянии финансов, с изоляцией надо было кончать.

Парагвайское правительство добилось признания суверенитета страны сначала соседями — Боливией (1843 г.), Бразилией (1844 г.), Аргентинской конфедерацией (1852 г.), а затем и другими американскими и европейскими странами. Падение диктатуры Росаса в Аргентине привело к открытию р. Параны для парагвайской торговли. В 1853 г. правительство К. А. Лопеса заключило договоры о дружбе, торговле и судоходстве с Англией, Францией, США и Сардинией. Для обмена ратификационными грамотами в том же году в Европу выехала специальная парагвайская миссия.

Выход Парагвая из состояния долголетней изоляции оказал благотворное воздействие на его хозяйственную жизнь, которая значительно оживилась. Правительство открыло порты для иностранных кораблей, развивало внешнюю торговлю, поощряло иммиграцию из-за границы, особенно квалифицированных инженеров и техников, врачей, архитекторов. Государство стимулировало рост экспортного земледелия и скотоводства, сбор йербы-мате, заготовку древесины. За счет зарубежных закупок оборудования и с помощью иностранных спецов в парагвайской промышленности стали возникать предприятия современного типа, внедрялись новые средства транспорта и связи. В частности, в 1854 г. в Ибукуи был построен металлургический завод. На верфях строились военные и торговые суда. В 1861 г. была введена в эксплуатацию одна из первых в Южной Америке железных дорог Асунсьон — Парагуари. Прокладывались грунтовые дороги, каналы, телеграфные линии, появились типографии. Товарооборот вырос по стоимости с 572 тыс. песо в 1851 г. до 2 774 тыс. в 1857 г. и примерно до 4 млн в 1859 г.

В стране был проведен ряд социальных и административных реформ. В 1842 г. был издан декрет о запрещении работорговли и освобождении детей рабов, родившихся после 31 декабря этого года, по достижении ими 25-летнего возраста. Декрет от 7 октября 1848 г. провозгласил юридическое равноправие индейцев. Правительство организовало полицию, ввело воинскую повинность, упорядочило судопроизводство, запретило пытки, расширило сеть учебных заведений, провело в 1846 г. перепись оседлого населения. С 1845 г. в стране начала выходить газета «Эль Парагуайо индепендьенте» («Независимый парагваец»).

В российской историографии утверждается, что при Лопесах в Парагвае наметился процесс возрождения буржуазии. В качестве оснований для такого вывода приводятся следующие: некоторым землевладельцам было возвращено ранее конфискованное имущество или выплачена денежная компенсация; отдельные владения по тем или иным причинам вообще не подверглись экспроприации; в 40—50-х годах

появилась численно небольшая, но могущественная группа новых землевладельцев (связанных с рынком), купцов и предпринимателей в лице самого К. А. Лопеса, его детей, родственников и приближенных.

Нет сомнений, что в условиях диктатуры, обладая государственной властью, Лопес и его окружение могли приобретать эстансии и плантации, вести торговлю, вкладывать капиталы в другие отрасли хозяйства. Однако это вовсе не означало отказа правительства Лопесов от политики укрепления роли государства в экономике, проводившейся доктором Франсией. Наоборот, в 1843 г. правительство объявило государственной собственностью необрабатываемые земли частных владельцев. В 1846 г. оно поставило под свой контроль все лесозаготовки, заросли и плантации йербы-мате. В 1848 г. были национализированы общинные земли индейских селений. В результате государственный сектор в экономике продолжал увеличиваться. Число «эстансий родины», составлявшее в середине 30-х годов 48, к концу 40-х годов возросло до 64. Земельная собственность возрастающими темпами переходила в руки государства, главного собственника средств производства, и этот процесс не был прерван правительствами Лопесов. Согласно всеобщей инвентаризации государственных владений, проведенной инженером В.Ф. Моргенштерном в 1856 г., из 16 590 кв. лиг имевшейся в стране земли 16 329 находились в государственной собственности, 261 — в частной собственности и 840 кв. лиг составляли резервные заросли мате в собственности государства. По оценкам, к 1870 г. уже все земли являлись государственными. Правительство монополизировало доходную торговлю йербой-мате и некоторыми другими продуктами. Таким образом, государство по-прежнему направляло и регламентировало всю экономическую жизнь страны.

Преемственность по отношению к Франции в целом сохранял и установленный Лопесами политический режим. Они также пользовались диктаторскими методами, не допускали гражданских свобод и критики со стороны оппозиции, сохраняли строгую централизацию управления и регламентацию всей общественной жизни. Вместе с тем Лопесы, учитывая потребности хозяйственного развития Парагвая, действовали более гибко и осторожно, нежели их предшественник.

Отсутствие внешней задолженности и массовой нищеты, концентрация ресурсов в руках государства и их целевое направление на нужды народного хозяйства, политическая стабильность, — эта картина представляла собой разительный контраст с тем состоянием, в которое были ввергнуты остальные государства Латинской Америки. Парагвайская экономика в 40—50-х годах значительно шагнула вперед, и страна стала богатой и процветающей, опередив по ряду показателей другие государства Южной Америки.

Когда же свобода речного судоходства стала играть ключевую роль в увеличении экономической и военной мощи страны, претензии Парагвая на участие в делах в Лаплатском регионе возросли. В свою очередь Бразилия претендовала на часть парагвайской территории, а Аргентина все еще не отказалась от планов поглощения бывших провинций вице-королевства Рио-де-Ла-Платы. Все эти факторы вскоре вылились в затяжную и кровопролитную Парагвайскую войну 1864—1870 гг.

Прелюдией к ней явилось вмешательство этих стран во внутренние дела Уругвая, где в 1863 г. вспыхнула очередная гражданская война. Действия Аргентины и Бразилии вызвали в Парагвае тревогу, объяснявшуюся естественным чувством солидарности с Уругваем (ибо сам Парагвай тоже находился под угрозой агрессии со стороны своих могущественных соседей) и опасением, что утрата им независимости приведет к нарушению равновесия в бассейне Рио-де-Ла-Платы. Кроме того, парагвайское правительство опасалось, что в случае установления иностранного контроля над Уругваем нельзя будет беспрепятственно пользоваться портом Монтевидео и тогда торговля и судоходство Парагвая окажутся в полной зависимости от Буэнос-Айреса.

В феврале 1864 г. Ф.С. Лопес объявил всеобщую мобилизацию и приказал увеличить численность армии, производство оружия и боеприпасов, приступить к строительству новых оборонительных сооружений. В ответ на вторжение бразильцев в Уругвай шеститысячная парагвайская армия перешла границу и заняла южную часть бразильской провинции Мату-Гросу. В связи с отказом аргентинского президента Митре разрешить переброску парагвайских войск, предназначенных для действий против Бразилии, через провинцию Корриентес Парагвай объявил войну Аргентине и парагвайцы заняли речной порт Корриентес.

1 мая 1865 г. Бразилия, Аргентина и присоединившийся к ним Уругвай заключили тайный договор о союзе против Парагвая. Заявляя, будто война будет вестись не с парагвайским народом, а против режима Лопеса, участники договора в то же время предусматривали раздел большей части Парагвая, выплату им огромной контрибуции, образование в Асунсьоне нового правительства по выбору союзников. Таким образом, Парагвай оказался перед лицом коалиции, включавшей два крупнейших государства Южной Америки и располагавшей неизмеримо большими людскими и материальными ресурсами. К тому же союзники пользовались поддержкой Англии и других капиталистических держав.

Тем не менее на первом этапе войны парагвайцы имели известные преимущества. Их военный потенциал поначалу был несколько выше, чем у противника. Быстро доведя численность армии до 100 тыс. человек (против 75 тыс. вражеских войск), Лопес решил взять инициативу в свои руки. 11 июня 1865 г. его эскадра атаковала бразильский флот на Паране, южнее Корриентеса. В ходе ожесточенного боя часть неприятельских кораблей была выведена из строя, однако парагвайцы не сумели выполнить свою главную задачу — прорвать блокаду. Незадолго до того 12-тысячная армия Лопеса переправилась через Парану и вышла к р. Уругвай. 5 августа она овладела бразильским г. Уругваяна, но через полтора месяца капитулировала перед союзными войсками. Столь же неудачными оказались действия парагвайцев в провинции Корриентес, которую им пришлось оставить.

Поскольку наступательные операции успеха не имели, парагвайское командование в конце 1865 г. приняло решение перейти к обороне. Центром ее стала крепость Умайта, расположенная на восточном берегу Парагвая, недалеко от его впадения в Парану. В силу своего стратегического положения она являлась ключом ко всей оборонительной системе республики. В марте 1866 г. 40-тысячная армия союзников вторглась в Парагвай. Но ее попытки при поддержке бразильского флота овладеть Умайтой оказались безрезультатными. Союзные войска несли огромные потери, однако время работало на них. В феврале 1868 г. аргентино-бразильское командование активизировало боевые действия.

Убедившись, что долго удерживать крепость не удастся, Лопес отвел главные силы в северном направлении. После капитуляции Умайты (5 августа 1868 г.) парагвайцы отступили еще дальше на север и укрепились на р. Пикисире, на подступах к Асунсьону, но в декабре были разбиты.

В начале января 1869 г. союзники заняли Асунсьон. Однако большинство жителей покинули столицу, а также другие города и селения, захваченные врагом, и ушли в леса и горы, чтобы продолжать борьбу, которая приняла партизанский характер. Главным театром военных действий стали горные районы Кордильер, где Лопес создал новый оборонительный рубеж. Для удержания его он мобилизовал все возможные людские ресурсы, включая мальчиков-подростков. В августе бразильцы начали кампанию в Кордильерах. Они беспощадно уничтожали парагвайцев не только в бою, но и расправлялись с пленными, а также с мирным населением, не считаясь с полом и возрастом. Одновременно в Асунсьоне было образовано марионеточное временное правительство, главой которого являлся ставленник интервентов

С.А. Риварола (происходил из богатой в прошлом семьи, лишившейся при Франции значительной части своего состояния), а членами — эмигранты, возвратившиеся в Парагвай вместе с союзными войсками.

Преследуя отряд Лопеса, вынужденный отходить под натиском превосходящих сил противника, бразильские подразделения 1 марта 1870 г. атаковали его в районе Серро-Кора, недалеко от границы с Бразилией. В неравном бою пали последние защитники Парагвайской республики. Погиб и сам президент Лопес.

Таким образом, несмотря на отчаянное сопротивление, мужество и самоотверженность парагвайцев, победу одержала тройственная коалиция. Разгром Парагвая сопровождался его полным разорением и опустошением. На полях сражений, в результате террора оккупантов, а также от голода и болезней погибло около половины жителей, причем среди уцелевших примерно 220 — 230 тыс. человек преобладали женщины и дети. Число взрослых мужчин составляло в начале 70-х годов не более 1/8 общей численности населения. Бразилия и Аргентина отторгли около половины парагвайской территории и наложили на побежденный Парагвай огромную контрибуцию. Отброшенный в своем развитии далеко назад, Парагвай превратился в одну из самых отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки.

Вследствие военного поражения и крушения режима Ф. С. Лопеса произошла коренная ломка социально-экономической структуры и политического строя государства. При поддержке иностранных оккупантов к власти пришли земельные собственники традиционного типа (уцелевшие в годы диктатуры либо вернувшиеся из эмиграции), они немедленно приступили к ликвидации преобразований, проведенных при Франции и Лопесах. В основе этой политики лежала экспроприация мелких хозяйств и насаждение крупного частного землевладения. По окончании войны началась массовая распродажа государственных земель (включая сданные в аренду) и недвижимого имущества семейного клана Лопесов. Многим бывшим латифундистам были возвращены конфискованные в свое время поместья. Обширные пространства стали собственностью иностранных компаний, получивших свободный доступ в Парагвай. Так был осуществлен по сути экспорт либеральных преобразований в Парагвай и вывод страны на «столбовую» дорогу развития государств Латинской Америки.

Приобретение земель, концессии, займы и иные формы проникновения чужеземного капитала нанесли серьезный ущерб самостоятельности страны и обусловили ее зависимое положение. Тем не менее Парагваю удалось сохранить свою государственность, что имело существенное значение для его последующего развития.

§ 2. Экспансия иностранных держав в Латинскую Америку

Процессы территориального распада бывших колониальных вице-королевств и генерал-капитанств, братоубийственные войны между нарождающимися латиноамериканскими государствами и бесконечные внутренние гражданские войны крайне ослабляли молодые государства региона и делали их беззащитными перед отнюдь не призрачной внешней угрозой.

Проблема Техаса и американо-мексиканская война 1846—1848 гг.

Бывшей колониальной жемчужине в испанской короне — Мексике — с первых же дней независимости помимо прочих трудностей послереволюционного времени пришлось столкнуться с территориальными притязаниями своего северного соседа — Соединенных Штатов Америки. В начале XIX в. США купили у Франции Луизиану, затем по Трансконтинентальному договору с Испанией в 1819 г. приобрели Флориду. В тексте этого договора обширная, но малонаселенная провинция Техас официально признавалась составной частью Новой Испании, а следовательно, Белый дом отказывался от всяких притязаний на него.

Однако завоевание Мексикой независимости от Испании открыло перед США новые возможности осуществить свои давние экспансионистские планы. Уже в 1822 г. американский посланник Дж. Пойнсетт вел с мексиканскими властями официальные переговоры о передаче половины мексиканской территории США. После неудачного для США завершения переговоров Пойнсетт стал одним из главных основателей в Мексике масонской ложи йоркского ритуала, которая впоследствии послужила основой для создания фракции пурос (крайних) Либеральной партии Мексики. В 1825 г. Пойнсетт снова прибыл в Мексику, на сей раз для подписания договора о дружбе и торговле. Когда же мексиканская сторона во главе с Л. Аламаном выдвинула в качестве предварительного условия заключение американо-мексиканского договора о незыблемости существующих государственных границ, Пойнсетт затеял совместно с йоркцами интенсивную кампанию за устранение Аламана из мексиканского правительства.

Как никто из либералов, Аламан понимал, насколько масштабные экспансионистские планы вынашивал Вашингтон в отношении мексиканской территории, и в меру своих полномочий стремился ограничить въезд в страну американских переселенцев. Либералы же в массовом переселении «цивилизованных» американцев видели средство скорейшего приобщения Мексики к плодам цивилизации.

Численность американских колонистов быстро возрастала. К середине 30-х годов в Техасе проживало уже более 30 тыс. переселенцев из США (тогда как численность мексиканского населения не достигала и 3,5 тыс.). Они прибывали целыми партиями и были хорошо вооружены. Многие привозили с собой негров-рабов, игнорируя тем самым законы Мексики и меры ее правительства, направленные против рабства.

В ходе колонизации Техаса США пытались дипломатическим путем добиться уступки этой и других территорий, но безуспешно. В 1828 г. Вашингтон пошел на заключение с Мексикой договора о границе, подтверждавшего положения Трансконтинентального договора 1819 г.

Озабоченный проникновением североамериканцев в Техас, мексиканский конгресс в 1830 г. запретил дальнейшую иммиграцию из соседних государств в пограничные с ними штаты Мексики. Новый закон предписывал также поощрять переселение в неосвоенные районы мексиканцев и европейцев, строить на колонизируемых территориях укрепления и размещать там воинские гарнизоны, не допускать ввоза рабов.

Несмотря на запрет, американская иммиграция в Техас и другие пограничные штаты продолжалась. Более того, действия мексиканских властей по увеличению численности войск на техасской территории, по подготовке к сбору налогов и платы за землю в связи с истечением предоставленной отсрочки вызывали раздражение колонистов. В июне 1832 г. в Техасе произошло вооруженное столкновение колонистов с правительственными силами в селении Анауак, на побережье залива Галвестон. Вслед за тем мексиканские гарнизоны были вытеснены из восточной части Техаса.

Собравшиеся в октябре 1832 г. представители техасских колонистов потребовали отмены закона 1830 г., отделения Техаса от Коауилы и преобразования его в самостоятельный штат. В Мехико отправился эмиссар техасцев С. Ф. Остин. Ему удалось добиться аннулирования запрета на иммиграцию в Техас из США и некоторых других уступок, но правительство республики категорически отказалось предоставить Техасу статус штата.

На сторону американцев встал и поселившийся в штате лидер мексиканского либерализма Лоренсо де Савала, мечтавший превратить сепаратистское движение в составную часть общенационального восстания против консервативного правительства Санта-Анны. В июне 1835 г. отряд американских колонистов захватил техасское селение Анауак. В последующие месяцы мятежники овладели рядом других населенных пунктов и к концу года вытеснили из Техаса мексиканские войска. Из США стали поступать деньги, оружие, боеприпасы. Границу переходили многочисленные добровольцы. Закупленные в США во-

енные корабли препятствовали подходу мексиканских судов к тexasскому побережью. 2 марта 1836 г. конвент представителей народа Техаса провозгласил отделение от Мексики, образование независимой республики и назначение ее президентом Бэрнета, а вице-президентом — Лоренсо де Савалы. Конституция Республики Техас, составленная по образцу североамериканской, узаконила рабство и ввоз рабов. Конвент обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой о помощи.

Между тем вступившая в Техас мексиканская армия под командованием самого Санта-Анны заняла столицу Сан-Антонио-де-Бехар и стала теснить мятежников на восток. Преследуя их, Санта-Анна с авангардом своей армии достиг устья р. Сан-Хасинто, где расположился на отдых, не приняв необходимых мер предосторожности. Воспользовавшись этим, колонисты 21 апреля внезапно атаковали мексиканцев и разгромили их. Санта-Анна пытался спастись бегством, однако попал в плен. Переводчиком и посредником в переговорах между Санта-Анной и Бэрнетом выступал Лоренсо де Савала. 14 мая в Веласко был подписан договор о прекращении военных действий и выводе мексиканских войск из Техаса. Санта-Анна обязался добиться признания независимости штата от Мексики и установления границы между ними по р. Рио-Гранде-дель-Норте. Мексиканский конгресс объявил это соглашение и обязательства недействительными. Санта-Анна был сначала доставлен в Вашингтон, а затем отправлен в Мексику. Лоренсо Савала умер от пневмонии в ноябре того же года, так и не увидев всех последствий своего предательства.

В марте 1837 г. вашингтонское правительство официально признало «независимость» Техаса. Вскоре его примеру последовали Англия и Франция, полагавшие, что новая «республика» станет барьером на пути дальнейшей экспансии США на юг. Однако приток в Техас из Соединенных Штатов людей, капиталов и товаров усиливался с каждым годом. За счет наплыва иммигрантов из США численность американского населения «республики» в течение второй половины 30-х годов почти удвоилась. Североамериканские дельцы охотно приобретали акции подвизавшихся в Техасе компаний, вкладывали деньги в облигации, выпускавшиеся техасскими властями, участвовали в земельных спекуляциях. За 1837—1839 гг. стоимость американского экспорта в Техас возросла с 1 007 тыс. до 1 687 тыс. долл., а импорта — со 163 тыс. до 318 тыс. долл. В 1838—1840 гг. из портов США в мексиканские воды прибыли восемь боевых кораблей, которые под командованием кадровых офицеров военно-морского флота курсировали вдоль восточного побережья страны.

Казалось бы, утрата Техаса и угроза новых аннексий должны были сплотить мексиканскую элиту. Однако вместо этого на местах то и дело вспыхивали либеральные восстания за возврат страны к федеративному государственному устройству или отделение от Мексики. В частности, в 1839 г. под руководством Сантьяго Имана восстание вспыхнуло на Юкатане, где местный конгресс декларировал отделение полуострова от Мексики, «пока в стране не будет восстановлен федерализм». Хотя принятая нижней палатой резолюция о полной независимости Юкатана от Мексики и о замене мексиканского флага юкатанским была заблокирована сенатом конгресса, власти Юкатана заключили договор о совместной защите с мятежным Техасом. И в 1843 г. федеральное правительство было вынуждено начать войну с юкатанскими либералами. В 1845 г. против центрального правительства Андреса Пино Пико восстали и образовали собственное правительство либералы Калифорнии. Все это приводило к бесконечной смене президентов и исполняющих обязанности президента в центральном правительстве страны.

Слабое, раздираемое постоянными внутренними раздорами мексиканское государство было не в состоянии противостоять внешней угрозе, и это обстоятельство еще более разжигало экспансионистские аппетиты Вашингтона. Проведя всестороннюю подготовку, США начали провоцировать Мексику к войне, в том числе намерением аннексировать Техас. Решительно отказываясь признать «Республику Техас», мексиканское правительство в то же время неоднократно предупреждало, что будет считать превращение ее в американский штат равносильным объявлению войны Мексике. Тем не менее в начале 1845 г. обе палаты американского конгресса приняли совместную резолюцию, предлагавшую Техасу войти в состав США. В ответ Мексика тотчас же разорвала дипломатические отношения с США. Вместе с тем незадолго до этого пришедшее к власти правительство умеренного либерала Эрреры, исходя из оценки финансово-экономического состояния и военного потенциала Мексики, проявляло склонность к компромиссу. 19 мая оно выразило готовность признать независимость «Республики Техас», если та обязуется не присоединяться к США. Этот отчаянный шаг подсказала британская дипломатия, рассчитывавшая, что Англия, выступая совместно с Францией в роли посредника и гаранта «независимости» Техаса, сможет фактически установить контроль над ним. Но было уже поздно.

Корпус генерала Тейлора, введенный по распоряжению президента Полка на техасскую территорию, в июле 1845 г. вышел к р. Нуэсес (издавна считавшейся южной границей Техаса) и сосредоточился близ ее устья в районе Корпус-Кристи. 29 декабря президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в состав США.

Помимо Техаса важным объектом экспансии США являлись обширные, плодородные и богатые полезными ископаемыми мексиканские территории Калифорния и Новая Мексика. Пытаясь оказать на Мексику и добиться от нее желаемых территориальных уступок «мирным путем», вашингтонское правительство направило туда члена конгресса Дж. Слайделла, которому было поручено убедить мексиканцев признать в качестве границы Рио-Гранде (от устья до истоков), а также продать Калифорнию и Новую Мексику.

Однако в обстановке роста патриотических настроений в стране и недовольства примирительной политикой умеренных либералов, стремившихся избежать вооруженного столкновения с США, Эррера не решился вступить в переговоры с эмиссаром Белого дома. В начале января 1846 г. власть в Мехико захватили консерваторы во главе с генералом Паредесом-и-Аррильейгой. Ориентируясь на поддержку европейских монархий, он занял твердую позицию по отношению к США и категорически отверг их предложения.

В ответ администрация Полка предприняла шаги с целью спровоцировать мексиканцев и вынудить их нанести удар первыми. В марте 1846 г. американские войска, перейдя Нуэсес, без объявления войны вторглись в пределы Мексики и продвинулись до Рио-Гранде. 23 апреля президент Паредес заявил, что им отдан приказ вооруженным силам приступить к оборонительным операциям и изгнать американцев с мексиканской территории. Два дня спустя мексиканцы форсировали реку и атаковали неприятельский отряд.

В мае в районе Пало-Альто произошло первое крупное сражение, в ходе которого мексиканские части понесли большие потери и на следующий день под натиском противника начали отходить. В Ресак-де-ла-Пальма они сразились с неприятелем, но снова потерпели поражение и отступили на южный берег Рио-Гранде. Вслед за ними переправились и американские войска, которые 18—19 мая заняли Матаморос.

Хотя армия Тейлора оккупировала не только Техас, но и часть мексиканских штатов Коауила и Тамаулипаса между Нуэсес и Рио-Гранде, президент Полк в послании конгрессу 11 мая объявил, будто мексиканцы «перешли границу Соединенных Штатов, вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле»¹. 13 мая 1846 г. он издал прокламацию, констатирувавшую со-

¹ Mensaje especial del presidente James K. Polk al Congreso estadounidense, pidiendo que se declare el estado de guerra con México//*Suárez A.R.* Estados Unidos, documentos de su política. México, Instituto Mora, 1988. V. II. P. 182—190.

стояние войны, «начатой республикой Мексикой»¹. 2 июля мексиканский конгресс официально объявил войну Соединенным Штатам. Однако, не будучи в состоянии перейти в наступление, мексиканцы придерживались оборонительной тактики. Инициативой владели американцы.

В июне 1846 г. американские поселенцы подняли мятеж в Калифорнии и при поддержке эскадры США заняли ряд населенных пунктов. Они провозгласили создание «Республики Калифорнии», которая вскоре была присоединена к США. В июле американские войска вторглись в Новую Мексику и за короткий срок оккупировали почти всю ее территорию. В августе оккупанты объявили об аннексии и этого мексиканского штата.

Между тем действовавшая на северо-востоке Мексики армия Тейлора 21 сентября достигла Монтеррея и после ожесточенных трехдневных боев заняла его, а в середине ноября вошла в Сальтильо. К тому времени эскадра Коннера, блокировавшая побережье Мексиканского залива, овладела портом Тампико.

Поражения мексиканских войск вызвали в стране сильное недовольство консервативным правительством Паредеса. На этой волне часть либералов Юкатана подняла восстание против воссоединения полуострова с Мексикой и даже уполномочила судью Хосе Ровиру отправиться в Вашингтон, чтобы заявить американскому правительству о нейтралитете Юкатана в американо-мексиканской войне и предложить ему аннексировать полуостров. (Только в 1848 г., столкнувшись с самым крупным за всю историю восстанием индейцев майя, мятежный штат вернется в состав Мексики, чтобы общими усилиями подавить восстание.) В центре недовольство консервативным правительством радикал-реформаторы во главе с Гомесом Фариасом использовали для проведения нового тура либеральных преобразований, в том числе антицерковных реформ, как в 1833 г. Их восстание в августе 1846 г. привело к свержению консерваторов и восстановлению федеративной конституции 1824 г. Однако, хотя им и удалось завоевать значительное число мест в Национальном конгрессе, большинство получили все же сторонники Санта-Анны, консерваторы и умеренные либералы. При таком соотношении сил конгресс в декабре снова избрал президентом республики Санта-Анну, который восстановил свою честь и популярность благодаря боям с французскими интервентами в Веракрусе в 1838 г., где пушечным ядром ему оторвало ногу. Вице-президентом стал Гомес Фариас, фактически продолжавший руко-

¹ Цит. по: Альперович М.С. Мексика во второй трети XIX века // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 224.

водить деятельностью правительства, поскольку Санта-Анна в качестве главнокомандующего был целиком поглощен подготовкой к военным операциям на севере.

Прикрываясь фразами об отсутствии денежных средств для ведения войны, либералы в конгрессе по инициативе Гомеса Фариаса одобрили в январе 1847 г. закон о продаже части имущества церкви. Эта мера сразу же расколола тыл страны на два лагеря. В самой столице 23 февраля подняли мятеж некоторые подразделения национальной гвардии, сформированные из представителей «золотой молодежи» (за ее увлечение празднествами и танцами прозванной «полькос»). Санта-Анне пришлось возвратиться в Мехико, чтобы, как и в 1833 г., отстранить от власти Гомеса Фариаса и добиться отмены его реформ.

Тем временем наметился существенный поворот в ходе войны с США. Несмотря на значительные успехи, стратегический план американского командования, рассчитанный на нанесение основного удара с севера, быстрый разгром мексиканской армии и захват столицы Мексики, осуществить не удалось. Мексиканцы оказали энергичное сопротивление. На оккупированных территориях развернулась партизанская война. Американским войскам пришлось действовать в тяжелых, непривычных для них природных и климатических условиях пустынной и засушливой местности, их коммуникации сильно растянулись. 22—23 февраля 1847 г. близ горного перевала Буэна-Виста армия Тейлора отразила наступление превосходящих сил мексиканцев, которыми командовал Санта-Анна. Но американцы сами понесли большие потери и даже не пытались преследовать деморализованного противника, в беспорядке отступавшего на юг, в Сан-Луис-Потоси.

Когда стало ясно, что первоначальный замысел нереален, правящие круги США решили изменить направление главного удара и нанесли его с востока через Веракрус. С этой целью в Мексиканском заливе была сосредоточена флотилия судов с экспедиционной армией генерала Скотта. 9 марта 1847 г. армия высадилась близ Веракруса, и после трехнедельной осады, сопровождавшейся интенсивным артиллерийском обстрелом, интервенты заняли город. Вслед за тем они двинулись на запад. Санта-Анна сосредоточил мексиканские войска возле селения Серро-Гордо северо-западнее Веракруса. Но его армия не смогла оказать организованного сопротивления и в середине апреля была разгромлена наступавшими американцами. Через месяц они без боя заняли Пуэблу.

Получив подкрепление из США, Скотт в начале августа повел свою армию по направлению к Мехико. На подступах к столице завязались упорные бои. Несмотря на пораженческие настроения ряда представителей правящей верхушки, которые на протяжении июня—июля вели с

врагом тайные переговоры о прекращении огня, и нерешительность командования, защитники города стойко сопротивлялись. В кровопролитном сражении при Чурубуско (20 августа) американцы одержали победу лишь благодаря своему численному и техническому превосходству. Однако они также понесли большие потери и нуждались в передышке.

По предложению Скотта было заключено перемирие, длившееся около двух недель. Используя эту паузу для приведения в порядок своих войск и получения пополнений, интервенты вместе с тем пытались вынудить правительство Мексики уступить Техас, Новую Мексику, Калифорнию, значительную часть Тамаулипаса, Коауилы, Чиуауа и Соноры (примерно три четверти своей территории), а также предоставить США право транзита через Теуантепекский перешеек. Предъявленные требования были отвергнуты Санта-Анной и его сторонниками.

8 сентября американские войска возобновили военные операции, атаковав Молино-дель-Рей, после чего бои переместились в район замка Чапультепек, расположенного на вершине холма в непосредственной близости от столицы. Исключительное мужество проявили в этих боях курсанты военного училища, героически сражавшиеся до последней капли крови. 13 сентября американцы штурмом овладели Чапультепеком и на следующий день вступили в Мехико, оставленный ночью мексиканской армией.

На борьбу против врага поднялись жители города. Они стреляли в оккупантов, сбрасывали с крыш домов камни, нападали на отставших от своих подразделений солдат. В ответ интервенты разрушали дома и целые кварталы, превращали церкви в конюшни и казармы, расстреливали горожан без суда и следствия. На центральной площади Пласа-де-Армас и проспекте Аламеда они соорудили виселицы для казни патриотов.

Несмотря на захват столицы неприятелем, народная война против захватчиков продолжалась в Калифорнии, Новой Мексике, Тамаулипасе, Веракрусе, Пуэбле и многих других районах. Повсюду стихийно возникали партизанские отряды, наносившие серьезный урон вражеским войскам. Чтобы сломить сопротивление мексиканцев, генерал Скотт издал приказ, объявлявший партизан вне закона, а ответственность за их действия возлагал на местные власти.

Напуганная ростом партизанского движения часть господствующих классов Мексики после захвата столицы стала добиваться быстрее-го прекращения военных действий. Аюнтамьенто Мехико обратилось с воззванием к столичным жителям, в котором ради соблюдения американцами «естественных прав» горожан призвало население прекра-

тить «всякие враждебные действия» в отношении оккупантов и помочь «восстановлению порядка». Правительство Пеньи-и-Пеньи, пришедшее к власти в конце сентября 1847 г. вслед за отставкой Санта-Анны и обосновавшееся в Керетаро, выразило готовность вести переговоры о заключении мирного договора.

В январе 1848 г. переговоры между воюющими сторонами возобновились, и 2 февраля в Гуадалупе-Идальго был подписан мирный договор. Мексика была вынуждена помимо Техаса уступить также Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, северную часть Тамаулипаса, Коауилы и Соноры — земли общей площадью около 2,3 млн кв. км. Иными словами, США отняли у Мексики территорию, равную Англии, Ирландии, Шотландии, Германии, Франции, Испании и Италии, вместе взятым. Северной границей признавалась Рио-Гранде-дель-Норте. В качестве компенсации США должны были уплатить мизерную сумму в 15 млн песо и отказаться от своих финансовых претензий к Мексике в размере 3 250 тыс. долл. Кроме того, договор снимал протекционистские барьеры на пути американских текстильных изделий в Мексику; что положило конец проводившейся консерваторами политике индустриализации страны и закрепило за ней роль аграрно-сырьевого придатка США.

Поражение Мексики в войне, навязанной ей американскими экспансионистами, объяснялось не только экономическим, техническим и военным превосходством США, но и антипатриотическим поведением мексиканских господствующих классов, которые, желая сохранить свои привилегии, принесли в жертву национальные интересы.

Американцев же, напротив, слабость Мексики провоцировала на все новые попытки отторжения ее территорий. В частности, в ноябре 1853 г. американский авантюрист У. Уокер на корабле «Каролина» вторгся в район Нижней Калифорнии. Чтобы захватить г. Ла-Пас врасплох, он поднял на «Каролине» мексиканский флаг, а когда высадился и захватил город, провозгласил независимость «Республики Нижняя Калифорния», а себя — ее президентом. Конституция новоиспеченной «республики» была такой же, как в Луизиане, в том числе по части разрешения рабства негров.

В январе 1854 г. Уокер объявил о создании «Республики Сонора», состоящей из штатов Нижняя Калифорния и Сонора. В марте того же года он действительно попытался вторгнуться в Сонору, но подвергся нападению со стороны индейцев апачей. По возвращении в Нижнюю Калифорнию его отряд был атакован и разбит мексиканцами под командованием лейтенанта Мелендреса. Уокер с остатками своих флибустьеров пересек границу США, где сдался местным властям.

Французские интервенции в Мексике

С обретением независимости в Мексику началось проникновение и французского капитала. Постоянные гражданские войны и нестабильность политической жизни часто причиняли ущерб обособившимся в стране иностранным предпринимателям. Целый ряд подобных жалоб к 1838 г. скопился и в дипломатической миссии Франции.

В ноябре 1838 г., потребовав от правительства Мексики возмещения ущерба, французская эскадра приступила к блокаде мексиканских портов на побережье Мексиканского залива, а затем предприняла бомбардировку порта Веракрус. Ввиду явного превосходства французов в артиллерии комендант веракрусского гарнизона генерал М. Ринкон решил капитулировать. Однако мексиканское правительство не признало этой капитуляции и назначило генерала Санта-Анну командовать обороной порта. 5 декабря в Веракрусе высадился французский десант численностью в 1,5 тыс. солдат. Санта-Анна во главе 300 мексиканских бойцов оказал достойное сопротивление оккупантам. В марте 1839 г. Мексика и Франция урегулировали конфликт и подписали мирный договор.

Когда после утраты свыше половины территории Мексика погрузилась в очередную революцию, так называемую Реформу, проамериканская ориентация затеявших ее мексиканских либералов весьма беспокоила Францию, успевшую к этому времени вложить в страну немалые капиталы. Воспользовавшись занятостью США войной между Севером и Югом, Франция решила вмешаться в мексиканскую гражданскую войну на стороне консерваторов, чтобы с их помощью установить в Мексике монархию и тем самым возвести «латинскую» преграду на пути дальнейшей американской экспансии в страну.

31 октября 1861 г. Франция подписала с Англией и Испанией конвенцию о совместной вооруженной интервенции в Мексике. В оправдание своих агрессивных действий европейские интервенты ссылались на постановление мексиканского конгресса от 17 июля 1861 г. о временном прекращении платежей по внешним долгам. Первыми прибыли в Мексику испанские войска, 18 декабря 1861 г. они заняли Веракрус. В начале января 1862 г. высадились английские и французские части.

Грубое вмешательство извне в гражданскую войну в Мексике парализовало основную часть консервативных сил страны, для которых поддержать интервентов означало превратиться в предателей нации, на что решились лишь отъявленные монархисты. Поскольку консерваторы оказались не способны активно поддерживать интервентов, последние пошли на переговоры с либеральным правительством. 19 февраля 1862 г. в Ла-Соледад (близ Веракруса) представители Мексики, Англии, Франции и Испании подписали предварительное соглашение.

Документ предусматривал продолжение переговоров в целях урегулирования вопроса о претензиях трех держав. Английское и испанское правительства одобрили (хотя и с рядом оговорок) Ла-Соледадскую конвенцию. Наполеон III, желавший превратить Мексику в империю во главе с австрийским эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом, отказался признать как само соглашение, так и правительство Хуареса, с которым оно было заключено.

В апреле 1862 г. испанские и британские войска были выведены из Мексики. Интервенцию продолжила одна Франция.

Для организации борьбы с французскими интервентами республиканское правительство приняло ряд мер. Еще 18 декабря 1861 г. президент Хуарес в обращении к народу призвал «забыть ненависть и вражду, порожденные политическими разногласиями» и сплотиться для защиты родины. 25 января 1862 г. Хуарес издал декрет, согласно которому все мексиканцы и иностранцы, совершившие преступление против независимости и безопасности нации, а также против международного права, карались смертью. Когда неизбежность длительной войны с Францией стала очевидной, правительство 12 апреля 1862 г. объявило на осадном положении все районы, оккупированные французскими войсками.

Через несколько дней уполномоченные Наполеона III в Мексике заявили, что Вторая империя находится в состоянии войны с правительством Хуареса. Ярый монархист генерал Альмонте, незадолго до того вернувшийся из эмиграции, опубликовал манифест, в котором призывал мексиканцев поддержать Францию, чтобы с ее помощью создать стабильную власть. Вскоре французы признали Альмонте «временным верховным главой мексиканской нации».

19 апреля началось французское наступление на Пуэблу, лежащую на пути из Веракруса в столицу. Но боевой дух защитников Пуэблы был столь высок, что интервентам пришлось отступить. Тогда правительство Наполеона III перебросило в Мексику подкрепления. К концу 1862 г. экспедиционная армия насчитывала около 30 тыс. человек, помимо личного состава военно-морских сил, находившихся в мексиканских водах. В марте 1863 г. французские войска организовали второе наступление на Пуэблу. Несмотря на почти двойной численный перевес, им приходилось брать с боем каждый дом. В итоге за время осады Пуэблы превратилась в груду развалин. И только 17 мая, когда иссякли запасы продовольствия, гарнизон вынужден был капитулировать.

С падением Пуэблы интервентам был открыт путь на Мехико. В город они вступили в начале июня. К тому времени основные мексиканские порты (Веракрус, Тампико и др.) также находились в руках французов.

Захватив столицу, оккупанты назначили Верховную правительственную хунту, которая избрала регентский совет и созвала ассамблею нотаблей для решения вопроса о форме правления Мексики. 10 июля ассамблея постановила провозгласить наследственную монархию и предложить императорскую корону эрцгерцогу Максимилиану.

В октябре интервенты в ходе операций к северу от столицы заняли Керетаро, Монтеррей, Сан-Лунс-Потоси, Сальтильо. Но в оккупированных районах французские войска контролировали положение лишь в немногих городах. Большая же часть страны находилась в руках партизан. При таких условиях жители того или иного селения, высказываясь под угрозой французских штыков за Максимилиана, сразу же после ухода оккупантов изгоняли назначенных ими чиновников и вновь брали сторону правительства Хуареса.

10 апреля 1864 г. австрийский эрцгерцог принял предложенную ему корону и стал императором Мексики под именем Максимилиана I. В тот же день между ним и Наполеоном III был заключен договор, согласно которому Мексика обязалась выплатить Франции 270 млн франков в качестве компенсации расходов по организации интервенции; 1000 франков в год за каждого солдата 40-тысячной французской армии и огромную сумму в счет возмещения «убытков» французских подданных.

Однако положение «империи» не могло быть сколько-нибудь прочным, ибо весь народ, за исключением небольшой кучки предателей, вел борьбу против оккупантов и их ставленника Максимилиана. Интервенты облагали население штрафами и реквизировали продукты. Они расстреливали пленных республиканцев и мирных жителей, заподозренных в сочувствии республике, убивали стариков, женщин и детей, сжигали населенные пункты.

Вследствие народного характера войны и некоторых географических особенностей Мексики (высокие горы, обширные, местами труднопроходимые территории с редким населением, недостаток коммуникаций) военные действия приняли затяжной характер. Войска интервентов, как правило, одерживали победы над регулярными частями и, захватывая город за городом, продвигались вперед. В 1864—1865 гг. все основные центры были заняты французами. Республиканскому правительству пять раз пришлось менять свое местопребывание. Между тем коммуникации интервентов растягивались и попадали под удар партизан. Взамен разбитых мексиканских армий вырастали сотни партизанских отрядов, из которых со сказочной быстротой образовывались новые армии. Партизанские методы войны стали решающими. В наиболее тяжелый период (1864—1866) их применяли даже регулярные войска, действовавшие зачастую в глубоком тылу противника и представлявшие собой по существу крупные партизанские соединения.

Борьбой мексиканского народа руководили Либеральная партия и республиканское правительство во главе с Хуаресом, которое до интервенции принесло народу немало лишений. В целях ослабления консервативных сил они смело прибегали к реквизициям и принудительным займам, а также издали закон о конфискации имущества изменников родины. Продолжая придерживаться антиклерикального курса, намеченного законами о реформе, правительство Хуареса декретировало закрытие женских монастырей. Имя Хуареса, уверенно заявлявшего в критическом 1865 г., что «время и наше упорство истощат французов», стало символом верности отечеству и республике. Его ближайшими соратниками являлись бывший президент Хуан Альварес, министр иностранных дел Себастьян Лердо де Техада, военный министр Игнасио Комонфорт, генералы Мариано Эскобедо и Порфирио Диас, дипломат Матиас Ромеро и др.

Несмотря на успехи французских войск в 1863—1865 гг., положение марионеточной империи Максимилиана не было прочным. Ни подтверждение закона о национализации церковных имуществ, ни провозглашение временной конституцией, опубликованной 10 апреля 1865 г., демократических свобод, ни даже включение в состав министерства и Государственного совета умеренных либералов не смогли обеспечить режим массовой базой. Видимость «амнистии» республиканцам, сражавшимся против империи, образование так называемого Совета по делам индейцев, издание декрета об отмене цензуры, демонстративная благотворительность, публичное появление в мексиканском национальном костюме и другие шаги императора не помогли Максимилиану. Не дав желаемых результатов, либеральная демагогия вызвала трения между императором, с одной стороны, и консервативной верхушкой и католической церковью — с другой. Когда положение «империи» стало еще более неустойчивым, Максимилиан отбросил либеральный камуфляж и в июле 1866 г. открыто призвал к власти консерваторов.

Военное положение «империи» было весьма критическим. Единственной более или менее надежной ее опорой являлась французская армия. Остальные войска, сражавшиеся под знаменем Максимилиана, состояли из иностранных добровольцев и из частей так называемой мексиканской императорской армии, куда насильно вербовали крестьян и деклассированные элементы городов. Немало там было и военнопленных. При первой возможности эти люди дезертировали или переходили на сторону республиканцев.

Тем не менее «империю» Максимилиана постепенно признал ряд европейских государств. Однако США и латиноамериканские страны (за исключением Бразилии) отказались это сделать и считали закон-

ным только правительство Хуареса. Правда, в условиях Гражданской войны в США правительство Линкольна не решалось открыто выступить против Франции и вплоть до весны 1865 г. официально сохраняло нейтралитет и даже наложило эмбарго на вывоз оружия в Мексику. Но с окончанием гражданской войны политика вашингтонской администрации резко активизировалась. В мае 1865 г. было отменено эмбарго и мексиканские республиканцы стали открыто приобретать в США оружие, вербовать добровольцев и получили заем в 30 млн долл.

К началу 1867 г. провал французской интервенции стал очевидным. Героическая борьба мексиканского народа была главной причиной поражения оккупантов. Интервенты потеряли убитыми и умершими от ран и болезней около 20% экспедиционной армии. Солдаты не хотели больше воевать в далекой стране за совершенно чуждые им цели. Они страдали от жары, бездорожья, желтой лихорадки, постоянных нападений партизан. Среди войск интервентов началось разложение.

Крах интервенции был вызван также непопулярностью мексиканской авантюры во Франции. Против нее резко выступала оппозиция в законодательном корпусе и на страницах печати. Все чаще раздавались протесты по поводу затянувшегося пребывания отборных французских войск за океаном в обстановке назревавшей франко-прусской войны. Наконец, продолжение интервенции создавало для Второй империи угрозу вооруженного конфликта с США, которые настойчиво требовали немедленного вывода экспедиционной армии из Мексики.

В создавшихся условиях правительство Наполеона III вынуждено было отступить. 5 февраля 1867 г. оккупанты оставили Мехико, а в марте покинули страну. После эвакуации экспедиционного корпуса в распоряжении «империи» оставались горстка иностранных наемников и малочисленные отряды генералов-монархистов. Под властью Максимилиана находились лишь города Мехико, Керетаро, Пуэбла, Орисаба и Веракрус. Остальная территория была уже в руках республиканцев.

К середине марта республиканские войска полностью окружили Керетаро, где Максимилиан сосредоточил большую часть своей армии. 15 мая после двухмесячных ожесточенных боев они овладели городом. Захваченный в плен император был предан военно-полевому суду и вместе со своими приспешниками приговорен к расстрелу. 19 июня 1867 г. приговор был приведен в исполнение.

В конце июня республиканцы овладели последним оплотом консерваторов — Веракрусом, а 15 июля 1867 г. Хуарес торжественно въехал в столицу. Мексиканский народ вышел победителем из пятилетней неравной борьбы за свою свободу и независимость.

Российская экспансия в Калифорнии

Слабо или вовсе не освоенные испанские, а затем мексиканские территории Северной Америки привлекали и Россию.

Благодаря рок-опере «Юнона и Авось», широко известна романтическая история любви русского графа Н.П. Резанова и дочери коменданта испанской крепости в Сан-Франциско Марии де ла Консепсьон Аргуэльо, воспетая в романе Гертруды Атертон. Этот эпизод — не вымысел писательницы, граф Резанов — реальное лицо, он возглавлял Русско-Американскую компанию на Аляске. Но граф имел виды не только на 15-летнюю Кончиту Аргуэльо.

Снабжение Аляски продовольствием из России всегда было делом дорогостоящим и ненадежным. Потому обширный район Калифорнийского побережья к северу от Сан-Франциско рассматривался Резановым как подходящее место для создания продовольственной базы Русско-Американской компании, удобного плацдарма для дальнейшего расширения Русской Америки, а заодно и торговой фактории для товарообмена с Испанской Америкой.

С этой точки зрения визит «Юноны» был весьма плодотворным. Резанов лично удостоверился в полной заброшенности территорий к северу от Сан-Франциско, в убогом состоянии как самой испанской крепости, так и ее гарнизона, в ее громадной удаленности и трудностях сообщения местных властей с центром испанской империи в г. Мехико. Все это убедило его в том, что в Калифорнии можно и нужно основать русский аванпост, пока этого не сделали другие державы или пока сама Испания не пришла в себя от летаргического сна.

Граф Резанов трагически погиб в Сибири по пути в Санкт-Петербург, где собирался изложить свои планы. Кончита Аргуэльо терпеливо ждала его долгие годы, а когда узнала о гибели возлюбленного, отвергла ухаживания других претендентов и постриглась в монахини. А вот ее отцу пришлось столкнуться с проблемами иного свойства: после ряда неудачных попыток в 18 км к северу от устья р. Славянка (сегодня Рио-Русо) и в 30 км к северу от бухты Бodega в начале 1812 г. русская экспедиция под командованием И.А. Кукова заложила крепость Россия (ныне — Форт-Росс). Основным занятием жителей поселения, число которых вскоре достигло 400, являлся промысел нутрий и заготовка меха. Несмотря на все демарши и угрозы испанских, а затем и мексиканских властей, реальных сил для изгнания русских у них не было. Колония пережила испанский режим и просуществовала на территории уже независимой Мексики вплоть до 1842 г.

Во многих мексиканских учебниках по истории заслуга в вытеснении с этой территории русских колонистов приписывается твердой позиции губернатора Хосе Мариано Вальехо, а в американских — про-

возглашению Соединенными Штатами «доктрины Монро» (1823 г.). Но современные мексиканские историки указывают на другую причину — крупные финансовые затруднения форта Россия вследствие почти полного истребления нутрий и падения спроса на мех. В итоге эти русские владения были проданы швейцарцу Суттеру за 30 тыс. долл.

**Англо-американское
соперничество
в Центральной Америке**

Центральная Америка являлась чрезвычайно важным стратегическим районом мира. Именно здесь, в самой узкой в Америке полосе суши, существовала возможность построить канал, который бы соединил Атлантический и Тихий океаны и значительно удешевил морские перевозки. По этой причине с достижением независимости центральноамериканскими государствами в этом районе развернулась острая борьба между Англией и США за завоевание и укрепление своих позиций. Облегчало им задачу то обстоятельство, что после развала Центральноамериканской федерации каждое относительно небольшое государство оказалось перед необходимостью в одиночку противостоять экспансии великих держав.

В апреле 1859 г. гватемальское правительство Р. Карреры подписало с Англией договор о границах британской колонии Белиз. Этим соглашением Гватемала впервые признала, что Белиз является собственностью английской короны. К тому же территория Белиза была значительно увеличена по сравнению с фактически существовавшей колонией.

Целью англичан был не только Белиз, но и некоторые острова в Гондурасском заливе, а также обширная территория на Атлантическом побережье Никарагуа, известная под названием Москитного берега.

Опасаясь потерять Атлантическое побережье, никарагуанцы обратились к правительству США с просьбой о помощи в сдерживании английской агрессии. Это формальное обращение было на руку США, которые с нескрываемой настороженностью следили за активностью Англии в этом районе.

Позиции США и Англии полностью совпадали лишь в одном вопросе — в борьбе против единства центральноамериканских стран. По остальным вопросам взгляды их расходились.

Отношения между США и Англией в Центральной Америке достигли крайнего обострения, когда 27 августа 1849 г. никарагуанское правительство и группа американских бизнесменов во главе с Корнелиусом Вандербильдом и Дж. Уайтом подписали договор о строительстве межокеанского канала. Это было тяжелым ударом для Великобритании, позиции которой до этого выглядели в Центральной Америке предпочтительней. Столкновение казалось почти неизбежным, и только угроза войны на столь отдаленном театре действий заставила

Англию пойти на крупные уступки в виде договора Клейтона—Бульвера, подписанного 19 апреля 1850 г. в Вашингтоне. По этому договору обе страны обязывались не приобретать и не иметь исключительных прав на будущий межокеанский канал. Оговаривалась нейтрализация канала — даже в случае войны боевые корабли обеих стран могли беспрепятственно пользоваться им. Договор Клейтона—Бульвера являлся безусловным успехом агрессивных кругов США в их противоборстве со старым колониальным хищником Англией, которая была вынуждена перейти к пассивной обороне в Центральной Америке.

**Американские интервенции
1855—1860 гг.
в Центральной Америке**

Аннексировав в 1848 г. более половины мексиканской территории, США откровенно готовились к дальнейшему расширению зоны своего влияния за счет Центральной Америки, климатические условия которой были идеальны для выращивания хлопка. К тому же открытие калифорнийских золотых месторождений остро поставило вопрос о контроле над транзитными путями между западным и восточным побережьем США. Эти пути проходили в те годы исключительно через Центральную Америку. Англо-американское соперничество за господство на центральноамериканском перешейке приобрело очень опасный для стран этого региона характер, ибо несло угрозу непосредственного появления здесь вооруженных сил спорящих сторон.

Аппетиты иностранных держав разгорались при виде углубляющейся внутривосточной нестабильности в центральноамериканских странах, где, как и в Мексике, не прекращались гражданские войны между либералами и консерваторами, а также обострялись разногласия между государствами субрегиона.

Действия США по усилению своего влияния и контроля над Центральной Америкой носили открыто захватнический характер. Еще в 1851 г. группа американских бизнесменов во главе с К. Вандербилдом вырвала у никарагуанского правительства монопольное право на перевозку грузов и пассажиров по межокеанскому пути, по территории этой страны, обязавшись платить в год 10 тыс. песо и 10% чистой прибыли. Однако после первого же взноса контролируемая ими «Аксессори транзит компани» прекратила всякие выплаты правительству Никарагуа и вела себя как абсолютно независимая организация. Не скрывая вожделений США, посланник Белого дома в Никарагуа Солон Борланд заявил при вручении верительных грамот 14 сентября 1853 г.: «Нация, которая занимает такое выгодное географическое по-

ложение, не может... владеть этим богатством только и исключительно в своих интересах, закрывая доступ всем остальным»¹.

В начале 1854 г. правительство Никарагуа, вызвав гневную реакцию со стороны других центральноамериканских государств, было вынуждено под давлением США подписать договор, по которому американцы получали право проводить свои войска через территорию страны. Почти в те же дни в американских газетах появились сообщения о создании неким У. Киннеем акционерного общества «Компания де колонисасьон де Сентро Америка». Вскоре стало известно, что Кинней приобрел у «короля» Москитии (так называли касика индейских племен атлантического побережья Никарагуа, так называемого Москитного берега) 30 млн акров земли, которые подлежали заселению американскими колонистами. Правительство Никарагуа протестовало против этой сделки, поскольку «король» был жалкой английской марионеткой и самозванцем, не имевшим права торговать национальной территорией. В этой связи мексиканский посланник в Гватемале доносил в свой МИД: «Американцы не снижают своей активности и с неслыханной дерзостью стремятся к господству на всем континенте и к его захвату»².

Авантюра Киннея не имела успеха лишь потому, что вмешались англичане и заставили «короля» ликвидировать контракт. Тогда США пошли по пути организации прямых флибустьерских экспедиций с целью захвата центральноамериканских земель. Сами американцы так толковали смысл популярного тогда слова «флибустьер»: «Флибустьерство в том смысле, в каком сейчас употребляют это слово, означает действия американского народа либо какой-то его части по приобретению не принадлежащей ему территории без тормозящих факторов, связанных с ответственностью американского правительства»³.

Подходящие условия для появления в Никарагуа американских флибустьеров сложились к концу 1854 г., когда борьба между консерваторами и либералами в этой стране приобрела характер затяжной кровопролитной гражданской войны. И словно Техас и американо-мексиканская война 1846—1848 гг. ничему не научили местных либералов, их руководителю Ф. Кастельону пришла мысль пригласить наемников из США. Он нашел в этой стране политического авантюриста Б. Коуля и подписал с ним соглашение. Согласно документу, пре-

¹ Цит. по: *Леонов Н.С.* Центральная Америка (1821—1860)//История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 412.

² Там же. С. 413.

³ Там же.

дусматривалась отправка в Никарагуа 200 вооруженных американских солдат, каждый из которых помимо денежного содержания получил бы после окончания войны по 2 кабальерии земли¹. Организация военной экспедиции была поручена недоучившемуся адвокату У. Уокеру. Последний уже руководил в 1853—1854 гг. вооруженным вторжением в Мексику с целью аннексии штатов Нижняя Калифорния и Сонора.

День высадки флибустьеров в никарагуанском порту Реалехо 13 июня 1855 г. следует считать началом агрессии США против центральноамериканских народов. Действуя дерзко, быстро, Уокер со своим отрядом не стал вступать в затяжные бои с армией консерваторов, а, обойдя ее позиции, направился прямо к тогдашней столице государства Гранаде и неожиданно занял ее, взяв в плен всех членов правительства. Падение Гранады произвело сильный психологический эффект и привело к развалу армии консерваторов.

При посредничестве посланника США в Никарагуа Дж. Уилера было подписано соглашение, положившее конец гражданской войне. Уокер, ставший полковником никарагуанской армии, назначался главнокомандующим вооруженными силами страны. Его соратник, полковник флибустьерской армии П. Френч, получил пост министра финансов Никарагуа. Для соблюдения внешних приличий временным президентом страны назначался ветеран либеральной партии П. Ривас, а военным министром — командующий консервативной армии генерал П. Корраль. Уокер управлял страной по собственному усмотрению, не считаясь с мнением никарагуанцев. Доведенный до отчаяния постоянными унижениями, военный министр в тайном сообщении президенту соседнего Гондураса писал: «Никарагуа погибла, но также погибнут Сальвадор, Гватемала и Гондурас... Придите скорей на помощь!»²

Письмо было перехвачено агентами Уокера, и старый генерал был казнен. Уокер стал практически полновластным хозяином Никарагуа. В кругах его приближенных открыто говорили о завоевании четырех других центральноамериканских государств. На знамени флибустьерской фаланги были начертаны слова: «Пять или ни одной». Это не могло не насторожить все политические силы в Центральной Америке.

Никарагуанские консерваторы уже с сентября 1855 г. начали войну с американскими оккупантами. Новый руководитель этой партии Хосе Мария Эстрада обратился с письмом ко всем правительствам центральноамериканских стран с призывом прийти на помощь никарагуанскому народу.

¹ Кабальерия — мера земельной площади, равная 42,8 га.

² Цит. по: *Леонов Н.С.* Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 414.

Тем временем Уокер приступил к осуществлению своих колониалистских планов. 23 ноября 1855 г. был принят декрет, по которому каждый американец, приехавший на постоянное жительство в Никарагуа, получал бесплатно 250 акров земли, а семейный — 350 акров. Речь шла о полной белой колонизации страны. В книге «Никарагуанская война», написанной несколько позже, Уокер резко осуждал формы испанской колонизации, которые сделали возможным смешение рас и появление «проклятых» метисов. Он считал, что всех креолов и метисов необходимо лишить земли, вынудить их покинуть страну, а их место должны занять белые американские колонисты и черные рабы, которых планировалось завезти с Ямайки.

Посланник США с удовлетворением сообщал в госдепартамент 17 марта 1856 г.: «Эта республика быстро заполняется эмигрантами из США. На последних кораблях, пришедших из Нового Орлеана, Нью-Йорка и Калифорнии, прибыло много бизнесменов, торговцев, фермеров, механиков и просто рабочих; некоторые привезли с собой оборудование для мельниц, лесопилок и другую технику. 400 человек из числа прибывших вступили в никарагуанскую армию, что увеличило контингент иностранцев в ней до 1300 человек»¹.

Ни Англия, ни Франция, занятые Крымской войной, не могли мешать США; в авангарде борьбы за спасение суверенитета центральноамериканских республик встала Коста-Рика. Ее президент Хуан Рафаэль Мора характеризовал флибустьеров как «банду авантюристов», «подонков человечества» и выступил с инициативой организации вооруженной экспедиции в Никарагуа. По его предложению все центральноамериканские правительства заявили протест госдепартаменту США по поводу действий флибустьеров.

26 февраля 1856 г. Мора получил согласие костариканского конгресса на предоставление ему чрезвычайных полномочий и на следующий день издал декрет об увеличении армии до 9 тыс. человек. За сотрудничество с врагом была введена смертная казнь. В Англии были закуплены 2 тыс. ружей, все личное оружие изъято на нужды армии. 4 марта 1856 г. костариканский экспедиционный корпус численностью 2500 человек выступил из Сан-Хосе по направлению к никарагуанской границе.

Стремясь упредить костариканцев, 300 флибустьеров двинулись им навстречу, но около местечка Санта-Роса флибустьеры были наголову разбиты. Два десятка попавших в плен авантюристов были расстреляны как пираты.

¹ Цит. по: *Леонов Н.С.* Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 414.

Госдепартамент США заявил протест. Посланник США в Никарагуа Дж. Уилер направил президенту Коста-Рики ноту, в которой говорилось: «Мое право и моя обязанность информировать Вас... что хладнокровные убийства безоружных американских граждан, которые по недоразумению оказались связанными с воюющими сторонами, несовместимы с божьими законами, с принципами гуманности и международным правом». Уилер грозил, что правительство США «примет решительные меры по защите жизней своих граждан и отомстит за поруганную честь нации»¹.

Эти угрозы не возымели действия. Костариканская армия, не поддержанная другими центральноамериканскими вооруженными силами и понесшая тяжелые потери в боях с флибустьерами, была полна решимости продолжить освобождение никарагуанской территории. Однако в конце апреля в ее рядах началась эпидемия холеры. Эти обстоятельства вынудила президента Коста-Рики отдать приказ об отходе войск на свою территорию.

Хотя на первом этапе и не удалось добиться разгрома флибустьеров, миф об их непобедимости был окончательно развеян, укрепилась солидарность между центральноамериканцами.

Между тем политика США становилась все более наглой. 15 мая 1856 г. президент Пирс обратился к конгрессу с посланием, в котором, имея в виду Уокера, писал: «Традиционная политика США сводится к тому, чтобы признавать все правительства, не анализируя ни их происхождение или организацию, ни средства, с помощью которых правители добиваются власти, лишь бы правительство являлось реальным, признанным народом страны... Для нас безразлично, получала или не получала победившая сторона помощь в виде иностранной интервенции...»²

Грозная опасность нависла над странами Центральной Америки. Ободренный поддержкой Вашингтона, Уокер потребовал от правительства Никарагуа немедленно начать военные действия против соседних стран. В ответ на это летом 1856 г. весь состав правительства во главе с президентом П. Ривасом бежал на север Никарагуа в г. Чинандегу, где и был принят декрет, объявляющий Уокера предателем и врагом Никарагуа.

К концу июня завершились переговоры об оказании помощи Никарагуа со стороны других центральноамериканских стран, и в начале июля в Самотильо прибыла первая колонна гватемальцев, а затем в Плая-Гранде высадились сальвадорцы.

¹ Цит. по: *Леонов Н.С.* Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 415.

² Там же.

Хотя для флибустьеров обстановка вокруг Никарагуа и в самой стране осложнилась, Уокер, подобно маньяку, шел напролом к своей цели. В августе он провел в двух провинциях (из семи), находившихся под его полным контролем, «выборы» президента и, несмотря на то что даже по официальным данным в них приняло участие всего 10% населения, объявил себя президентом Никарагуа. На церемонии принятия присяги новоиспеченный глава государства не смог произнести ни одного слова по-испански и свою первую речь зачитал по-английски.

Правительственная программа Уокера была ясной и далеко идущей. Она сводилась к следующему: захват к апрелю 1857 г. всей Центральной Америки; создание военной эскадры на Карибском море; присоединение Центральной Америки и, возможно, Кубы к конфедерации южных штатов США и урегулирование вопроса о Москитии с учетом интересов Англии.

21 сентября 1856 г. Уокер объявил о восстановлении рабства в Никарагуа. Он даже осмелился нанести удар по транзитной компании Вандербильда, чтобы прибрать к рукам этот источник доходов. Он наложил эмбарго на собственность компании и назначил управляющим своего офицера. Вандербильд понял, что легче иметь дело со слабыми правительствами в Центральной Америке, чем противостоять своим же американским конкурентам. Он решительно выступил против Уокера. Северянин США стал бороться против рабовладельца-южанина и в Никарагуа.

Вандербильд убедил костариканского президента Х. Р. Мору возобновить военные действия и перерезать главную транспортную артерию Никарагуа — р. Сан-Хуан, по которой Уокер получал подкрепления из США. Начиная с сентября 1856 г. центральноамериканские союзники развернули активные боевые действия, тесня отряды флибустьеров к югу. После трехнедельной осады 14 декабря Уокер был вынужден оставить столицу Никарагуа Гранаду. Но перед уходом он отдал приказ варварски разрушить город. Гранада была сожжена, часть зданий взорвана.

К апрелю 1857 г. под контролем флибустьеров оставалась узкая полоска земли и только один крупный город — Ривас, где и засел Уокер, рассчитывая больше на подход подкреплений из США, чем на свои силы. Около месяца продолжалась осада Риваса, в ходе которой стало ясно, что никаких шансов выбраться отсюда Уокер не имеет. Голод, болезни, боевые потери с каждым днем приближали неизбежную капитуляцию. И тогда на помощь осажденным пришли США.

В ближайший к Ривасу порт Сан-Хуан-дель-Сур вошел военный фрегат США. Его командир Ч. Дэвис, угрожая силой, потребовал от союзников, чтобы ему было разрешено вести переговоры с Уокером о сдаче города не центральноамериканцам, а ему, офицеру военно-морского флота США. 1 мая 1857 г. Дэвис и Уокер подписали соглашение о «капитуляции», ни единым словом не упомянув союзную центральноамериканскую армию, которая разгромила флибустьеров. Авантюристы и военные преступники получили право отбыть из города с оружием, лошадьми и багажом, а Дэвис обязался отвезти их в Панаму. Участник войны сальвадорский генерал Х. Барриос писал впоследствии: «Эта капитуляция является позорным и унижительным документом для Центральной Америки. Никогда еще агонизирующий бандит не презирал так правительства, воевавшие с ним, и мужественных солдат, которые загнали его в угол»¹.

Но это еще не было концом национально-освободительной войны против североамериканских флибустьеров. Уокер вскоре появился в США, где раздавались голоса, требовавшие предания его суду за гибель 1000—1200 американских граждан. Однако, как и следовало ожидать, судьи отказались усмотреть в его действиях состав преступления. Зато вскрылись скандальные связи флибустьеров с правительственными кругами. Выяснилось, например, что личный секретарь президента Пирса Сьюард принимал участие в крупных концессионных операциях, связанных с землями в Москитии. Сьюард даже пытался втянуть в это прибыльное дело самого президента.

Вскоре по многим городам юга США стали распространяться плакаты, призывавшие записываться добровольцами в фалангу Уокера для участия в новой экспедиции в Никарагуа. В ответ на это 7 августа 1857 г. правительство Коста-Рики приняло декрет, по которому любая вооруженная банда, пытающаяся под руководством Уокера или какого-либо другого авантюриста вторгнуться в Центральную Америку, подлежала наказанию как пиратская. Положения этого декрета были признаны в качестве правовой нормы другими центральноамериканскими правительствами.

Несмотря на это, в ноябре 1857 г. Уокер вновь высадился с отрядом флибустьеров в устье р. Сан-Хуан на атлантическом побережье Никарагуа и начал продвижение в глубь страны. Он успел захватить несколько пароходов и г. Сан-Хуан-дель-Норте, когда стали поступать сведения о приближении союзных войск. На рейде появились два английских военных корабля с явным намерением блокировать Уокера.

¹ Цит. по: *Леонав Н.С. Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 417.*

Тогда вновь на выручку своему соотечественнику пришли военно-морские силы США. Командир американского военного корабля «Саратога» Полдинг направил в лагерь Уокера своего офицера, чтобы убедить флибустьеров сдаться. Капитуляция произошла в дружеской обстановке и сопровождалась рукопожатиями, тостами. Уокер, разместившийся в личной каюте командира корабля, отправился в Колон (Панама), а оттуда в США, где должен был явиться к начальнику полиции Нью-Йорка.

Однако и эта попытка оказалась не последней.

Весной 1860 г. к Уокеру якобы обратились жители трех гондурасских островов, расположенных у атлантического побережья, с просьбой помочь им получить независимость от Гондураса. Оккупировав острова, отряд флибустьеров Уокера 5 августа высадился на материке и занял г. Трухильо, где разграбил местную таможню. Тогда в порт вошел один из английских военных кораблей, командование которых внимательно наблюдало за американскими авантюрами в Центральной Америке. От Уокера потребовали немедленного возвращения материальных ценностей, разоружения отряда и эвакуации с территории Гондураса. Попав в безвыходное положение, Уокер капитулировал. Англичане передали его гондурасским властям, и в сентябре 1860 г. по приговору суда Уокер был расстрелян.

Смерть Уокера ознаменовала собой конец этапа, когда США пытались любыми средствами завоевать Центральную Америку или расширить свои колониальные владения в регионе. Теперь на смену политике территориальных завоеваний приходит экспансия другого рода — политико-экономическая, при которой главной задачей становится установление контроля над экономикой этих стран и насаждение своих марионеток из числа местных жителей.

Англо-французское соперничество на Ла-Плате В этом регионе Англия пыталась укрепиться еще в колониальный период, когда в 1806—1807 гг. организовала две интервенции, окончившиеся неудачей. После образования независимых, но ослабленных внутренними раздорами лаплатских государств шансы английского капитализма на установление здесь своего экономического господства значительно возросли. С этой целью уже в начале 1825 г. Англия первой из европейских держав признала независимость Ла-Платы, затем последовало подписание «договора о дружбе и торговле», обеспечившего английским торговцам исключительные торговые льготы.

Англичане чувствовали себя хозяевами на Ла-Плате и в омывающих провинции водах Южной Атлантики. В 1833 г. английский военный корабль «Клио» совершил вооруженный захват Мальвинских (Фолклендских) островов, принудив жителей и небольшой аргентинский гарнизон покинуть их.

В тот же период усиленную экспансию в районе Ла-Платы начала и Франция. В 1839 г., используя в качестве повода привлечение аргентинскими властями на военную службу французского подданного, находившаяся на Ла-Плате французская эскадра совершила нападение на аргентинские военные корабли.

В 1838 г. Франция потребовала ликвидации высоких пошлин и предоставления французам прав, равных с англичанами. Аргентинский диктатор Росас отклонил ультиматум; тогда французская эскадра под командой адмирала Леблана блокировала Буэнос-Айрес, на о. Мартин-Гарсиа был высажен французский десант. Англия, чтобы поддержать Росаса и закрепить свое влияние на Ла-Плате, оказала сильнейшее дипломатическое давление на Париж, которому пришлось удовлетвориться возмещением убытков.

В 1845 г. произошла новая вооруженная экспансия Франции в районе Ла-Платы, на этот раз совместно с Англией. Причиной послужила задержка уплаты государственного долга Англии Росасом, что наносило ущерб английским торговцам и вкладчикам капиталов. Кроме того, Росас закрыл для иностранных судов реки Парана и Уругвай, препятствуя английской и французской торговле с прибрежными провинциями Аргентины и с Парагваем. 11 военных кораблей английского и французского флотов сопровождали по рекам Парана и Уругвай торговые суда, подавляя бортовыми залпами береговые батареи Росаса. Одновременно был блокирован с моря Буэнос-Айрес.

Только спустя четыре года Росасу удалось урегулировать конфликт и заключить в 1849 г. договор с Англией, а в 1850 г. — с Францией.

Тихоокеанская война 1864—1866 гг.

В 60-е годы XIX в. правители Испании во главе с королевой Изабеллой вознамерились хотя бы частично восстановить утраченные позиции в Латинской Америке. Весной 1861 г. испанцы заняли Санто-Доминго, а затем совершили совместно с Францией и Англией интервенцию в Мексику. Кроме того, угрожая войной, Испания предъявила Чили, Перу и Эквадору требование об уплате долгов периода войны за независимость. 14 апреля 1864 г. испанская эскадра заняла основной перуанский центр добычи гуано — острова Чинча.

Хотя перуанское правительство Х. Песеты пошло на уступки, выплатив 3 млн песо колониального долга, Испания продолжала выдви-

гать все новые требования. В ответ новое правительство Перу заключило оборонительный союз с Чили, Эквадором и Боливией. Такой расклад сил не позволил Мадриду начать крупномасштабную военную акцию, и, проведя артиллерийскую перестрелку с береговыми батареями Кальяо, Вальпараисо и других портовых городов тихоокеанского побережья, в мае 1866 г. испанский военно-морской флот отбыл в Европу.

§ 3. Концепции латиноамериканской и панамериканской солидарности

Завоевание народами Латинской Америки государственной самостоятельности открыло для них возможность активно участвовать в международной жизни. Однако для этого с самого начала им приходилось решать во внешнеполитической области большие и сложные задачи. Латиноамериканцам было необходимо наладить экономические и политические связи между собой и с внешним миром, добиться признания завоеванной независимости со стороны бывших метрополий, получить дипломатическое признание великих держав, задававших тон в мировой политике, и отстоять свой суверенитет от их посягательств.

Малочисленность населения, техническая отсталость промышленности и относительная слабость военного потенциала существенно ограничивали арсенал средств, которые находились в распоряжении дипломатии латиноамериканских стран. В этих условиях важнейшее значение приобретал вопрос о создании прочного внешнеполитического союза, основанного на идеях латиноамериканской солидарности, родившихся в войне за свержение колониального господства Испании и Португалии.

Глашатаями этих идей выступали Франсиско де Миранда и Симон Боливар в Венесуэле, Хуан Энганья и Бернардо О'Хиггинс в Чили, Сан-Мартин и Бернардо Монтеагудо в Аргентине и другие идеологи и руководители борьбы за независимость. Они стремились к тому, чтобы молодые латиноамериканские государства наладили тесное сотрудничество между собой, заняли достойное место на международной арене и проводили активную внешнюю политику, руководствуясь принципами справедливости и равноправия.

В Венесуэле Патриотическая хунта (образована 19 апреля 1810 г.) уже 27 апреля обратилась ко всем кабильдо Испанской Америки с призывом «внести вклад в великое дело создания испаноамериканской конфедерации». В Проекте декларации прав народов Чили, разработанном по просьбе Правительственной хунты Х. Энганьей в 1810 г., провозглашалось: «Народы Латинской Америки не могут каждый в одиночку защитить свой суверенитет; им необходимо объединиться для

обеспечения внешней безопасности перед лицом проектов Европы и в целях предотвращения войн между собой...»¹

В мае 1811 г. представители Венесуэлы и Кундинамарки (одна из провинций Новой Гранады) подписали в Боготе договор о дружбе, союзе и федерации. Этот первый в истории независимых латиноамериканских государств международный договор отразил их стремление к латиноамериканскому союзу.

Неустанную борьбу за создание союза латиноамериканских стран на протяжении многих лет вел С. Боливар. Народы Латинской Америки, считал он, «только тогда смогут подняться в своем величии и противостоять внешней угрозе, когда солидарность, союз и братство станут их основными принципами»². Выдвинутые Боливаром и другими борцами за независимость идеи латиноамериканской солидарности образовали первую общую внешнеполитическую концепцию стран региона. Эта концепция, хотя и не была официально провозглашена всеми латиноамериканскими государствами, оказывала большое влияние на их внешнеполитическую деятельность на протяжении всего XIX в.

Начало объединительному процессу было положено созданием в 1819 г. Федеративной республики Колумбии (в отличие от современной Колумбии называется Великой) в составе бывших генерал-капитанства Венесуэлы и вице-королевства Новая Гранада, включая Панаму и Кито (современный Эквадор). «Объединение Новой Гранады и Венесуэлы в рамках великого государства, — подчеркивал Боливар, — явилось результатом единодушного волеизъявления народов и правительств этих республик»³.

Когда последние испанские солдаты были изгнаны за пределы Колумбии, Боливар приступил к следующему этапу подготовки объединительного конгресса. Осенью 1821 г. он направил две специальные дипломатические миссии для заключения договоров о дружбе и союзе с соседними странами, сбросившими испанское иго. В октябре 1821 г. Хоакин Москера выехал в Перу, Чили и Буэнос-Айрес, а Мигель Сантамария — в Мексику.

Обе миссии увенчались успехом. Договор (основной и дополнительный) о дружбе, союзе, лиге и конфедерации, подписанный представителями Колумбии и Перу 6 июля 1822 г., послужил своего рода моделью для договоров, которые Колумбия заключила с Чили (21 ок-

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Страны Латинской Америки в международных отношениях//История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 458—459.

² Там же. С. 459.

³ Там же. С. 458—459.

тября 1822 г.), правительством Буэнос-Айреса (8 марта 1823 г.) и Мексикой (3 октября 1823 г.). Позднее, в 1825 г., такой договор был заключен и с Центральной Америкой. Договоры предусматривали взаимопомощь и совместные действия по отражению угрозы их независимости со стороны Испании или любой другой иностранной державы. Все они (за исключением договора с Буэнос-Айресом) включали идентичные по содержанию статьи, касавшиеся будущего международного конгресса американских государств.

В декабре 1824 г., находясь в Лиме, Боливар направил от имени Перу официальные приглашения принять участие в Панамском конгрессе Колумбии и Мексике, а позднее, в 1825 г., — Чили, Буэнос-Айресу и Центральной Америке. Приглашение Бразилии было направлено Сантандером в начале 1826 г.

Подготовка Панамского конгресса продвигалась вперед не без трудностей. В частности, правительство Буэнос-Айреса уклонилось от обязательств, касавшихся созыва Панамского конгресса, на том основании, что оно представляет только одну провинцию и без согласия других провинций, входивших в состав бывшего вице-королевства Ла-Платы, не сможет стать членом будущей американской конфедерации. Возникали и другие серьезные препятствия, например затяжной конфликт между Бразилией и Объединенными Провинциями Рио-де-Ла-Платы за Уругвай вылился в войну между ними (1825—1828).

Тайное противодействие планам создания внешнеполитического союза латиноамериканских стран оказывали великие державы, которые не скрывали своих претензий на «испанское и португальское наследство» в Америке. Большую активность проявляли США, где в среде правящих кругов широкое распространение получили идеи национализма и экспансионизма, представления о божественной предначертанности гегемонии США в Западном полушарии и необходимости создания «американской системы». «В наших силах, — проповедовал в начале XIX в. член конгресса, а затем госсекретарь Г. Клей, — создать систему, центром которой станем мы и в которой с нами будет вся Южная Америка»¹.

Патриоты Испанской Америки, особенно в начальный период борьбы, питали известные иллюзии относительно своего северного соседа, надеясь, что США окажут им действенную помощь в деле завоевания независимости. Правда, и многие североамериканцы искренне сочувствовали патриотам Испанской Америки и на свой страх и риск пытались организовать для них закупки обмундирования, боеприпасов

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 460.

и оружия, в которых борцы за независимость испытывали острую нужду. Однако с началом войны за независимость в испанских колониях официальный Вашингтон занял позицию «строгого нейтралитета», которая была на руку Испании. Дальнейшие события показали несбыточность надежд патриотов на получение помощи со стороны США.

Прикрываясь нейтралитетом, США стремились извлечь максимальную выгоду для себя из грандиозной битвы, развернувшейся к югу от Миссисипи. В 1809—1811 гг. Вашингтон дважды направлял своих агентов на Кубу, нащупывая пути к аннексии острова. В 1812—1813 гг. вооруженные отряды американских флибустьеров вторгались на территорию Мексики, но, потерпев поражение в сражении при Рио-Медина, были вынуждены отступить. В 1810—1818 гг. США осуществили захват сначала западной, а затем и восточной Флориды. Горькое прозрение многих руководителей и участников борьбы за независимость Латинской Америки вызвало их резкую критику в адрес северного соседа, осуждение эгоизма и своекорыстия североамериканской буржуазной демократии; пришло ясное осознание растущей угрозы с Севера.

В «Письме с Ямайки» Боливар публично осудил «невмешательство» США, подчеркнув, что «наши северные братья оставались безучастными зрителями в высшей степени справедливой борьбы». Позднее в письме П. Кэмпбелу от 5 августа 1829 г. он писал: «Кажется, само провидение предназначило Соединенные Штаты для того, чтобы от имени свободы покрыть Америку язвами нищеты»¹.

Все это время США, несмотря на обращенные к ним просьбы, воздерживались от признания молодых государств, образовавшихся на развалинах испанской и португальской колониальных империй. Только в 1822 г. американский конгресс принял решение об официальном признании Мексики, Великой Колумбии, Чили и Буэнос-Айреса. Вскоре после этих событий США провозгласили «доктрину Монро», ставшую краеугольным камнем теории и практики панамериканизма.

2 декабря 1823 г. в ежегодном послании к конгрессу президент США Дж. Монро сформулировал ряд принципов внешней политики страны, получивших название «доктрины Монро». В этой важной декларации провозглашалось: «Американский континент не может служить в дальнейшем объектом колонизации европейских держав; воздерживаясь от участия в делах Европы, США намерены рассматривать в качестве враждебных акций любые попытки европейских государств

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 461.

осуществить политическое или иное вмешательство в дела стран американского региона»¹.

Необходимо отметить, что сложность международной обстановки в первой четверти XIX в., наличие в «доктрине Монро» некоторых прогрессивных для того времени моментов (принцип запрещения колонизации, идея «народного суверенитета»), ее демократическая фразеология, а также туманный характер многих формулировок послужили питательной средой для различного рода мифотворчества.

Государственные деятели, дипломаты и ученые США не жалели усилий, чтобы убедить весь мир в том, что «доктрина Монро» отвратила угрозу интервенции держав Священного союза, защитила демократические принципы государственного устройства на Американском континенте и утвердила «общность интересов» Северной и Южной Америки.

Всестороннее изучение системы международных отношений первой четверти XIX в. исследователями различных стран, в том числе и России, подтвердило, что в действительности все обстояло иначе, что никакой реальной угрозы интервенции Священного союза в Латинскую Америку в 1823 г. не существовало. Конечно, реакционные монархи европейских стран, объединившиеся для поддержки принципов легитимизма, были склонны оказать помощь своему испанскому венценосному собрату по восстановлению его власти в бывших колониях в Америке. Однако сделать это они оказались не в состоянии. Острое соперничество Англии и России, Англии и Франции, политика лавирования Пруссии и Австрии в сложной системе европейского «равновесия» исключали возможность достижения необходимой степени согласия между участниками Священного союза.

Правительство Англии задолго до выступления Монро решительно отмежеввалось от Священного союза, а без поддержки «владычицы морей» все прожекты помощи Испании в целях реставрации ее господства в Новом Свете повисали в воздухе. Что же касается России, то царское правительство, являясь защитником принципов легитимизма и желая помочь Фердинанду VII, не могло не учитывать реальное соотношение сил и перспективы развития событий в испанских колониях. Оно стремилось к посредничеству держав Священного союза в войне между Испанией и ее колониями, не проявляло каких-либо агрессивных намерений в отношении патриотов и не ставило вопросов о вооруженной интервенции европейских держав.

Кроме того, в начале 20-х годов по южной дуге Европейского континента прокатилась волна народных революций. Португалия, Испания,

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 461.

Италия и Греция были охвачены огнем восстаний. Все это не позволяло всерьез думать о таком грандиозном мероприятии, как заокеанская вооруженная экспедиция против народов целого континента, когда монархи Священного союза едва успевали дома тушить «пожар».

Вашингтон был прекрасно осведомлен об этих обстоятельствах через своих дипломатических представителей и по другим каналам. Что же в таком случае побудило Дж. Монро выступить со своей доктриной?

Акция президента США была продиктована долгосрочными интересами борьбы за господствующее положение в Западном полушарии. По мнению многих латиноамериканских ученых, Соединенные Штаты не стремились упрочить независимость Латинской Америки и тем более не собирались вмешиваться в войну против Испании. Действительная цель политики Монро заключалась в том, чтобы заложить основы для гегемонии США на континенте. Правильность этой оценки подтверждается всей историей отношений США с их южными соседями. Фактически Монро объявил все Западное полушарие «зоной жизненных интересов и безопасности США». Поэтому «доктрина Монро» не носила оборонительного характера, а по существу была направлена против Великобритании и других европейских держав как конкурентов США в борьбе за сферы влияния в этом районе мира.

С другой стороны, «доктрина Монро», озвученная в тот момент, когда уже полным ходом шла практическая подготовка Панамского конгресса, преследовала цель нанести упреждающий удар против латиноамериканского единства. Декларированные «гарантии» независимости латиноамериканских стран как бы лишали смысла будущий союз государств Латинской Америки. Своим посланием Монро хотел укрепить в Латинской Америке позиции тех деятелей, которые, подобно вице-президенту Колумбии Сантандеру, предпочитали ориентироваться на США и в силу тех или иных причин относились сдержанно или даже отрицательно к планам Боливара¹. С помощью «доктрины Монро» Вашингтон решительно отмежевался от любых совместных выступлений со своими южными соседями на международной арене и резервировал за собой право на вмешательство в их дела.

США решительно отклонили в 1824—1826 гг. предложения ряда латиноамериканских стран, в частности Колумбии, Бразилии, Аргентины, заключить двусторонние договоры о союзе, которые гарантировали бы им поддержку США в случае внешней угрозы. Одновременно Вашингтон оказывал сильное давление на Мексику и Колумбию, чтобы воспрепятствовать их намерению организовать освободительную экспе-

¹ После провозглашения «доктрины Монро» Сантандер в послании конгрессу Колумбии 6 апреля 1824 г. заявил, что политика президента США «может обеспечить Колумбии могущественного союзника в случае, если ее независимость и свобода окажутся под угрозой».

дицию для оказания помощи населению Кубы и Пуэрто-Рико в свержении колониального гнета Испании. Показательно и то, что США, хотя и получили приглашение, не приняли участия в Панамском конгрессе.

Панамский конгресс открылся 22 июня 1826 г. В его работе участвовали по два делегата от Колумбии, Мексики, Соединенных Провинций Центральной Америки и Перу. Присутствовали без права голоса наблюдатели от Великобритании и Нидерландов.

Официальные инструкции, которые правительство каждой страны — участницы Панамского конгресса дали своим делегатам, являются важнейшим документом, позволяющим судить о повестке дня конгресса и позиции каждой делегации, поскольку в ходе заседаний конгресса подробных протоколов не велось, а сведения о том, как проходили заседания, весьма неполны. Анализ инструкций позволяет сделать вывод о том, что между государствами — участниками Панамского конгресса уже в ходе подготовки к нему была достигнута высокая степень согласия по существу главных проблем, включенных в повестку дня. Конгресс завершился 15 июля 1826 г. подписанием четырех договоров, важнейшим из которых был договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации», открытый для подписания другими латиноамериканскими странами.

Согласно договору, участники (ст. 1) «вступают в союз на время мира и войны и заключают для этого постоянный пакт о прочной и нерушимой дружбе и тесном союзе всех договаривающихся сторон и объединяются в Конфедерацию». Главными целями совместных усилий латиноамериканских стран провозглашались (ст. 2) «охрана суверенитета и независимости всех и каждой в отдельности объединенных стран Америки против любого иностранного господства» и «обеспечение гармонии и взаимопонимания как между народами договаривающихся сторон, так и в дружественных отношениях с другими государствами, которые они намерены поддерживать...». Для осуществления этих принципов и целей предусматривалась организация совместной обороны, создание общей постоянной армии и флота, состоящих из контингентов, выделяемых каждой страной-участницей, общей численностью 60 тыс. человек (ст. 3 и 9 соглашения о контингентах), совместная защита территориальной неприкосновенности каждого участника (ст. 2, 3, 21 и 22), примирение возникающих споров на основе обязательной процедуры (ст. 16), введение общеамериканского гражданства (ст. 23 и 24), запрещение работорговли (ст. 27), определенные гарантии демократического строя договаривающихся сторон (ст. 29), кодификация международного права (дополнительная статья)¹.

¹ Цит. по: Гликин А.Н. Указ. соч. // История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. С. 463—464.

Однако подписанные в Панаме договоры не были ратифицированы его участниками, за исключением Колумбии. Принятое решение перенести заседание в Такубайю (Мексика) и там продолжить работу конгресса осуществить не удалось. Таким образом, многолетние усилия Боливара и его сподвижников завершились неудачей.

Ко всем рассмотренным выше причинам этой неудачи можно прибавить происки дипломатий Англии, Франции и США, действовавших испытанными методами «разделяй и властвуй», поощрявших сепаратистские настроения и центробежные тенденции в регионе и способствовавших распаду молодых государств.

В наши дни государственные деятели США и руководители Организации Американских Государств (ОАГ), многие североамериканские историки и некоторые их последователи в Латинской Америке пытаются представить Боливара и других деятелей освободительной борьбы, выдвинувших концепцию латиноамериканской солидарности, сторонниками объединения всей Америки в рамках «одной родины всех американцев» и объявить Боливара «отцом панамериканизма»¹.

В действительности С. Боливар принадлежит к той плеяде государственных деятелей, которые прозорливо оценивали серьезность угрозы, исходящей от северного соседа. Они рассматривали союз латиноамериканских государств, объединенных общностью исторических, экономических и внешнеполитических целей, в качестве противовеса влиянию США. Выдвинутая ими концепция латиноамериканской солидарности не имела ничего общего с доктриной панамериканской общности под верховенством США. По существу наметились две взаимоисключаемые концепции: с одной стороны, панамериканизм Джефферсона, Клея и Монро, проложивший дорогу системе подчинения латиноамериканских стран, созданной в конце XIX в., с другой — латиноамериканизм Боливара, Сан-Мартина и Морелоса, отразивший борьбу латиноамериканских народов за полную независимость.

Концепция латиноамериканской солидарности и создания союза молодых государств для отражения внешней угрозы настолько отвечала их жизненным потребностям, что, несмотря на неудачу Панамского конгресса и последовавшую вскоре трагическую кончину Боливара, на протяжении всего XIX в. неоднократно предпринимались шаги для претворения ее в жизнь.

После неудачи Панамского конгресса международное положение латиноамериканских стран стало еще более сложным. Силы молодых наций подрывала ожесточенная борьба за власть между различными

¹ Президент США Фр. Рузвельт писал, что идеалы панамериканизма обязаны своим происхождением деятельности Боливара.

привилегированными классами, часто принимавшая форму междоусобных вооруженных конфликтов. Неоднократно возникала угроза целостности Аргентины, Бразилии, Колумбии и других стран.

Отрицательные последствия имел также процесс политического дробления на континенте, который начался еще в ходе войны за независимость и привел к образованию на месте нескольких вице-королевств и генерал-капитанств 20 независимых государств. Некоторые из них были настолько небольшими по размерам и численности населения и слабыми в экономическом и военном отношении, что им было очень трудно отстаивать свой суверенитет в эпоху, когда в международных отношениях господствовало «право сильного».

Большие усилия латиноамериканским странам пришлось приложить для того, чтобы нормализовать отношения с Испанией, которая длительное время отказывалась признавать их независимость. Она требовала, чтобы латиноамериканские страны взяли на себя часть огромного испанского государственного долга, и добивалась от них торговых привилегий¹. До момента признания Испания продолжала считать страны региона мятежными колониями и неоднократно направляла против них карательные экспедиции.

Процесс деколонизации не получил полного завершения. В начале XX в. в географических границах региона, главным образом в Карибском бассейне, оставалось более 20 колониальных владений общей площадью 529 тыс. кв. км. Их население составляло около 5 млн человек.

Иностранные державы широко использовали свои колониальные форпосты в Западном полушарии в качестве опорных баз для проведения экспансионистской политики. Захват Англией Мальвинских островов, превращение района по р. Белиз в Центральной Америке в колонию Британский Гондурас, американо-мексиканская война и флибустьерские авантюры в Центральной Америке, Тихоокеанская война с Испанией, интервенция Франции в Мексике и другие страницы длинной летописи вооруженных интервенций европейских держав в Латинской Америке в 30—60-х годах XIX в. побуждали латиноамериканские страны к неоднократным попыткам объединить силы для отпора иностранным интервентам.

Инициаторами создания в Латинской Америке оборонительного союза государств без участия США выступали различные страны: Мексика, Венесуэла, Перу, Чили, Эквадор, республики Центральной Америки. Это свидетельствовало о том, что концепция латиноамериканского сотрудничества, разработанная Боливаром, была широко взята на вооружение дипломатией в регионе. Необходимость совместных дейст-

¹ Только Мексика (1835 г.), Эквадор (1840 г.), Чили (1844 г.), Венесуэла (1845 г.), Боливия (1847 г.) и Никарагуа (1850 г.) были признаны Испанией до середины XIX в., остальные — на протяжении второй половины столетия. Даже такое крупное государство, как Колумбия, смогло добиться признания Испании только в 1881 г., а маленький Гондурас еще позднее — в 1894 г.

вий латиноамериканских государств на международной арене осознавалась не только правительствами, но и широкими общественными кругами. Многие выдающиеся общественные и политические деятели континента выступали пламенными проповедниками идей латиноамериканского единства. В их числе венесуэльский законодатель и дипломат Андрес Бельо, один из авторов аргентинской конституции 1853 г. Хуан Баутиста Альберди, чилийский революционер Франсиско Бильбао.

Несколько раз удавалось добиться созыва международных конгрессов или конференций с участием ряда латиноамериканских стран. Наиболее крупными среди них были первый Лимский конгресс (декабрь 1847 — март 1848 г.), Континентальный конгресс в столице Чили Сантьяго в сентябре 1856 г. и второй Лимский конгресс в ноябре 1864 — марте 1865 г. На них полномочными представителями был подписан ряд договоров и соглашений: договор о конфедерации (об оборонительном и наступательном союзе), континентальный пакт о взаимной помощи, договор о совместной обороне и др. Это говорит о серьезности прилагавшихся усилий. Однако добиться ратификации подписанных документов и развить первый успех обычно не удавалось. Одни правительства были поглощены внутривнутриполитической борьбой, другие оставались в стороне ввиду острых территориальных споров с соседями, третьи опасались, что участие в латиноамериканском союзе может вовлечь их в конфликты с иностранными державами.

Латиноамериканским странам так и не удалось выработать программу совместных выступлений или заложить организационные основы внешнеполитического сотрудничества в силу выявившихся между ними противоречий и противодействия великих держав, стремившихся увековечить их разобщенность. В конечном счете такой итог определялся сложным комплексом классовых и внешнеполитических факторов, отражавших глубинные экономические процессы.

Вовлечение латиноамериканских стран после завоевания ими независимости в систему мирохозяйственных связей капитализма осуществлялось в условиях экономического подчинения развитым индустриальным державам, стремившимся превратить их в поставщиков дешевого минерального и сельскохозяйственного сырья, зависимых от иностранных рынков сбыта. США, Англии и Франции удалось в 20—40-х годах XIX в. навязать многим странам региона торговые договоры, открывавшие путь для завоевания внутреннего рынка Латинской Америки.

Почти все латиноамериканские государства начинали свою внешнеполитическую деятельность с переговоров о получении займов в Европе с целью поправить разоренную экономику и выплатить долги, навязанные их бывшими метрополиями при признании последними независимости. Их главным кредитором выступала Англия, ссудившая в

1818—1825 гг. около 20 млн ф. ст. Примерно четверть этой суммы осела в карманах английских дельцов, столь грабительскими были условия займов. Финансовые рычаги позволяли английской и североамериканской дипломатиям блокировать попытки латиноамериканских стран создать союз для защиты своих национальных интересов.

Неспособность многих латиноамериканских государств в полной мере осуществлять на международной арене свой суверенитет объяснялась также позицией олигархических групп буржуазии, контролировавших государственную власть в большинстве стран региона. Во внешнеполитической области они не столько защищали национальные интересы своих стран, сколько обеспечивали себе поддержку «сильных мира сего». В их лице внешние силы нашли союзников, которые отступили от национальных идеалов, чтобы адаптироваться к мировому капиталистическому рынку.

Анализируя положение латиноамериканских стран на мировой арене в 20—60-х годах XIX в., было бы, однако, неправильно видеть только уязвимые места. В целом большинству латиноамериканских стран удалось сделать заметный шаг вперед в своем развитии, добиться международного признания завоеванной ими независимости и отразить покушения иностранных держав на их суверенитет.

ЧАСТЬ V

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Глава I

НА ПОРОГЕ ЭПОХАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

§ 1. Либеральная модель экономики, общества и государства

Либеральные реформы заложили основы для интеграции латиноамериканских стран в мировое хозяйство в качестве поставщиков минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов, а также рынка сбыта промышленных изделий и сферы приложения капиталов из передовых держав. Хотя избранная модель развития обрекала континент на положение аграрно-сырьевой периферии, к началу XX в. она обеспечила и очевидные успехи. К 1900 г. число его жителей увеличилось до 63 млн человек и составило 4,1 % населения мира, в мировом товарообороте доля континента возросла до 7 — 9%.

При этом природно-климатические и демографические особенности обусловили складывание в регионе трех основных типов сырьезкспортной экономики, дававших разные результаты.

Евро-Америка, и прежде всего Аргентина и Уругвай, пошла и далее по пути «переселенческого» капитализма, подобно США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Передовая технология животноводства и земледелия, которую Европа вырабатывала тысячелетия, была в готовом виде пересажена на местную почву (со временем здесь тоже сформируется один из важнейших центров разработки сельскохозяйственных нововведений).

Это заимствование в сочетании с изобилием, дешевизной, девственным плодородием здешних земель и другими сравнительными преимуществами позволило странам Евро-Америки получать от реализации на мировом рынке продуктов животноводства и земледелия более высокие доходы, чем Европе. Благодаря этому на рубеже XIX—XX вв. они выдвинулись в число мировых лидеров по темпам экономического роста (5,5%), а к 1920 г. и по среднедушевому уровню доходов. Так, к 1914 г., например, в Аргентине насчитывалось 26 млн голов крупного рогатого скота (третье место в мире после США и России), 67 млн

овец (второе место после Австралии), страна занимала первое место по экспорту говядины и кукурузы. При этом население Аргентины не достигало и 8 млн человек. Уругвай с населением 1 млн человек (1900 г.) тоже являлся важным поставщиком шерсти для Франции, Германии и Бельгии, кожевенного сырья для Англии и США и мороженого мяса для целого ряда стран Западной Европы.

Если в разведении скота господствовали национальные предприниматели (даже если это были потомки европейских иммигрантов), то в переработке сырья и его доставке на мировой рынок преобладали иностранные компании. В мясохладобойной промышленности Аргентины и Уругвая прочные позиции мог занимать и американский капитал, являвшийся наряду с английским и французским капиталами обладателем передовых технологий в данной отрасли. Однако главным потребителем местной сельскохозяйственной продукции, поставщиком промышленных изделий, кредитором и донором инвестиций для этих стран являлись не США, выступавшие их конкурентом на мировом рынке, а Западная Европа, в первую очередь Англия. Если в 1884 г. британские инвестиции в Уругвай составляли 6,5 млн ф. ст., то к 1900 г. они возросли до 40 млн. В 1914 г. на Аргентину с Бразилией приходилось 60% всех британских капиталовложений в Латинской Америке.

Транспортные коммуникации, соединившие аргентино-уругвайское сельское хозяйство с мировым рынком, требовали огромных материальных затрат и были не под силу местному капиталу. Англия, Франция и другие потребители его продукции создали за свой счет целый флот из пароходов с холодильными камерами, благодаря которым мясо в замороженном виде доставлялось в далекую Европу. Хотя в сельской глубинке Аргентины и Уругвая основным видом транспорта оставались повозки с тягловым скотом, самые отдаленные уголки сельской местности были связаны с морскими портами протяженной и разветвленной системой речного судоходства и железных дорог, построенных опять-таки за счет иностранных инвесторов. Десятки тысяч км стальных путей позволили Аргентине к 1914 г. выйти по этому показателю на четвертое место в мире. Уругвай же, несмотря на малые размеры, к 1905 г. увеличил протяженность железных дорог до 2 тыс. км.

Из Европы в Аргентину и Уругвай прибывали миллионы иммигрантов. Уругвай, насчитывавший в 1830 г. всего 70 тыс. жителей, в 1875 г. увеличил свое население до 450 тыс., а в 1900 г. — до 1 млн человек. За 70 лет население страны выросло в 14 раз, больше, чем в любой другой американской стране. К 1914 г. европейские переселенцы и их потомки (включая потомков первых испанских иммигрантов) составляли в Аргентине 95% населения, а в Уругвае и того больше.

Быстрый рост и расовую «чистоту» населения дополняли передовые технические и гуманитарные знания, высокий уровень образования и культуры, которые несли сюда европейские переселенцы. Этим не в последнюю очередь объясняется раннее, по сравнению с остальной Латинской Америкой, начало индустриализации и урбанизации в этих странах.

Афро-Америка (Бразилия, Венесуэла, Куба и иные карибские страны) вместе с другими зонами тропиков и субтропиков включалась в новый мировой рынок в качестве экспортера продуктов тропического земледелия. Поскольку Англия и Франция были крупнейшими обладателями колоний в такой же климатической зоне, ведущим партнером, кредитором и донором инвестиций для этой группы стран, за исключением Бразилии, выступали США.

В целом страны тропического земледелия тоже демонстрировали высокие темпы экономического роста. В Бразилии, например, в 1876—1913 гг. они составляли в среднем 3,2% в год, в Венесуэле в период с 1881 по 1891 г. — 5,9%. Из Колумбии вывоз кофе только с 1887 по 1898 г. вырос почти в пять раз — со 110,8 тыс. до 531,4 тыс. мешков (по 60 кг каждый) в год.

К началу XX в. эти страны заняли ведущие позиции в мировом экспорте ряда культур: Бразилия — по кофе (75%), Куба с населением в 3 млн человек — по сахару (20%), страны Центральной Америки стали «банановыми республиками» и т.д.

И все же эти страны обладали меньшим динамизмом, так как передовая европейская технология мало что давала их плантационному хозяйству, на мировом рынке приходилось конкурировать со множеством колоний в Азии и Африке, болезненное ощущались последствия колебаний мировых цен. От Евро-Америки они отставали по уровню технической оснащенности сельского хозяйства, по протяженности сети железных дорог (даже Бразилия, втрое превосходившая Аргентину по территории и населению, в 1914 г. уступала ей по этому показателю, имея 21 тыс. км), по доле европейских иммигрантов, грамотности населения и многим другим характеристикам.

Горнодобывающая экспортная экономика сложилась в основном в *Индо-Америке* — в Перу, «оловянной республике» Боливии и Мексике, где она соседствовала и со скотоводством, и с экспортным тропическим земледелием. Хотя Чили примыкала к странам «переселенческого» капитализма, являясь крупным экспортером пшеницы еще с середины XIX в., она одновременно развивала горнорудную промышленность, став сначала мировым лидером по экспорту меди, а с конца XIX в. и селитры. Позднее данный тип экономики был дополнен нефтехудобой, а в число добывающих стран наряду с такими экспортера-

ми нефти, как Мексика и Эквадор, попадет крупнейший на континенте ее производитель Венесуэла.

Добывающие страны тоже демонстрировали высокие среднестатистические показатели развития. Так, если в 1890 г. добыча олова в Боливии составляла 1 тыс. т, то в 1905 г. — уже 15 тыс. т, а к 1914 г. Боливия, вторая оловопроизводящая страна мира, давала 20% мировой добычи этого металла. В Чили в 1892 г. экспорт селитры составлял всего 300 тыс. т, а в 1906 г. — 11 600 тыс. т. Стоимость же всего экспорта, который помимо селитры включал медь, золото, серебро, свинец, железо, каменный уголь и марганец, вырос за тот же период с 29 до 580 млн песо.

Разработка недр требовала крупных инвестиций и передовой технологии, и их обладатели — монополии Англии и США — в условиях свободной конкуренции без особого труда завладевали горнодобычей Латинской Америки, вытесняя или интегрируя местный капитал в свои структуры. Иностранные монополии пользовались правом экстерриториальности, т.е. неподсудности местным законам. Они свободно вывозили за рубеж полученные прибыли, все необходимое для разработки недр ввозили из-за рубежа, создавали сеть узкоспециализированных железных дорог, пригодных отнюдь не для любых грузоперевозок. Поэтому добывающие отрасли превращались в иностранные анклав, мало что дающие экономике страны в целом (за исключением сравнительно небольших платежей за концессии). В итоге страна могла обладать богатейшими недрами, оставаясь при этом нищей.

Во всех странах создавалась необходимая экспортной экономике инфраструктура — не только железные дороги, телеграфные и телефонные линии, морские и речные порты, но также банки, страховые компании, биржи и другие финансовые институты на уровне современных для той эпохи достижений предпринимательской мысли.

Система производственных отношений пореформенной Латинской Америки отличалась крайне высокой концентрацией средств производства в руках сырьеекспортной олигархии. В Мексике к началу XIX столетия 2% населения сосредоточили в своих руках 70% всего земельного фонда страны. В Аргентине 500 крупнейших латифундистов владели 29 млн га, а в Бразилии 460 семей — 27 млн га. В Колумбии к 1900 г. большая часть земель принадлежала 15 тыс. хозяйств площадью свыше 1 тыс. га каждое. Среди них фигурировала и американская «Юнайтед фрут компани», которая в 1908 г. владела 80 тыс. га. В целом же, хозяйствам площадью свыше 1 тыс. га принадлежало не менее 80% сельскохозяйственных угодий в Бразилии, Мексике, Аргентине, Чили, Перу и других странах.

Хотя с конца XIX в. отождествление олигархии с «феодальным» латифундизмом стало неотъемлемым элементом политической культуры на континенте, олигархия представляла не латифундистов, а сливки местной буржуазии — интегрированных в мировую экономику и переплетенных между собой, в том числе и семейными узами, горно-рудных, промышленных, земельных, транспортных и торгово-финансовых магнатов. Даже латифундисты выступали отнюдь не только землевладельцами: например, в Чили из 46 председателей латифундистского Национального общества сельского хозяйства за период с 1838 по 1930 г. 15 являлись президентами банков, 16 — директорами промышленных, торговых и горнорудных компаний.

Отношения местной олигархии с иностранными монополиями не всегда были хлебосольными, поскольку их проникновение в местную экономику и финансовая зависимость латиноамериканских стран нередко оборачивались ограничением национального суверенитета, особенно в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Тем не менее тех и других объединяла общая заинтересованность в сырьевой экспорте ориентации континента, что позволяет рассматривать их как единый господствующий и правящий блок.

В состав олигархии вошло немало европейских иммигрантов, особенно в зоне «переселенческого» капитализма. Так, например, в Уругвае в 1871 г. среди учредителей латифундистской Аграрной ассоциации чистые иностранцы, т.е. без учета родившихся в стране их потомков, составляли 32%. В Гватемале немецкие колонисты, большей частью потомки переселенцев периода с 1860 по 1870 г., составляли лишь около 1% общего числа землевладельцев страны. Однако им принадлежали крупные земельные владения страны, которые давали до 60% собранного в Гватемале кофе.

Что же касается национальной принадлежности монополий, то неоспоримым первенством обладала Англия, на долю которой в 1914 г. из 10 млрд долл. иностранных инвестиций в Латинской Америке приходилось 49%. Далее следовали монополии США (17%), Франции (12%), Германии (9%) и т.д.

Впечатляющий экономический прогресс на рубеже XIX—XX вв. достигался за счет экспроприации и резкого понижения уровня жизни подавляющего большинства населения. Заселение и приватизация «пустынь», разграбление индейских общинных земель и законы по борьбе с «бродяжничеством» сформировали многочисленную массу людей, которые, не обладая собственностью, были вынуждены продавать свою рабочую силу. В Аргентине к 1914 г. из 970 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, 620 тыс. были наемными работниками.

В Мексике к 1923 г. насчитывалось 3,6 млн сельскохозяйственных рабочих. Наемный труд преобладал на плантациях кофе в Бразилии, сахарного тростника на Кубе.

Заработная плата городских и сельских рабочих в реальном исчислении составляла к началу XX столетия половину от уровня середины XIX в. Типичными явлениями были 14—18-часовой рабочий день, тяжелейшие условия труда даже для женщин и подростков, высокая смертность населения, особенно детская, выдача зарплаты не деньгами, а бонами, принимавшимися только в лавке патрона. В пореформенной деревне расцветали долговая кабала и даже телесные наказания работников.

Гражданское общество в странах Латинской Америки оставалось крайне элитарным. Наличие цензов оседлости, имущественных и образовательных привело к тому, что право голоса в начале XX в. имело 5% населения Уругвая, по 3% — Бразилии, Боливии и Эквадора. Но и при таком электорате широко практиковались подлоги и подтасовки на выборах или же государственные перевороты. Неотъемлемыми чертами постреволюционного либерального государства стали также реставрация де-факто централизма и такая гипертрофия исполнительной власти, что это государство чаще всего воплощалось в одиозных диктатурах Порфирио Диаса в Мексике 1876—1911 гг. (порфириато), Гусмана Бланко (гусманато, 1870—1888 гг.) или Висенте Гомеса (1909—1935) в Венесуэле, Рафаэля Нуньеса в Колумбии (1880—1894), Эстрады Кабреры в Гватемале (1898—1920), режиме элитарной демократии (или уникато) в Аргентине (1880—1916) и др.

Пропась, разделившая социальные и политические реалии пореформенной Латинской Америки и еще не забытые лозунги и обещания либерал-революционеров, побуждают историков изображать дело так, будто прокравшаяся к власти за спиной либералов олигархия либо извратила их идеалы (и потому к термину «либеральное государство» добавляют определение «олигархическое»), либо же внедрила нечто прямо им противоположное. В Мексике даже стало традицией отгораживать «китайской» стеной «плохого» либерала П. Диаса от «хорошего» вождя Реформы 1854—1867 гг. Б. Хуареса. Однако и в Европе, где старые либеральные принципы Просвещения под влиянием позитивизма претерпели к тому времени значительные изменения, центральное место в приоритетах государства заняла не личность, а общество. Тем более в Латинской Америке, где свободную игру рыночных сил требовалось не сторожить, а создавать железной рукой, государство не могло служить лишь «человеку и гражданину». Оно должно было стать и действительно стало осью общественного развития: рас-

пределяло собственность и кредиты, вело общественные работы, подавляло крестьянские волнения, рабочие забастовки, восстания провинциальных каудильо, словом, обеспечивало порядок и стабильность во имя прогресса.

Позитивистская формула «Порядок и прогресс!», превращенная в девиз постреволюционного государства, сняла многие из былых противоречий между либералами и консерваторами. Воплощать формулу в жизнь могли поэтому и собственно либералы, как в Боливии 1889—1920 гг., и консерваторы, как в Аргентине 1880—1916 гг. Но чаще всего это делали объединения либералов и консерваторов — посредством либо коалиционных правительств, как в Чили 1861—1876 гг., либо образования новых объединенных партий, вроде Национальной партии в Колумбии эпохи Р. Нуньеса. Самым же удачным и прочным объединением явился созданный в 1892 г. П. Диасом Либеральный союз Мексики, который из-за частых ссылок на позитивистское отношение к специальным наукам более известен как группировка съентификос (ученых). Возглавляемый Х.И. Лимантуром, министром финансов при Диасе, Либеральный союз выступал в роли технократической элиты, инициатора достигнутого Мексикой прогресса и архитектора самого одиозного диктаторского режима в Латинской Америке.

§ 2. Международные отношения в Латинской Америке в конце XIX — начале XX в.

Место латиноамериканских стран в международной жизни

Несмотря на успехи экспортной экономики, государства Латинской Америки, как и прочие капиталистические страны «второго эшелона», шли путем догоняющего развития. Главные достижения промышленной революции (ткацкий станок, паровая машина, железнодорожный транспорт, электричество, газ, телеграф и т.д.) здесь внедрились на 25—40 лет позже, чем в Европе и Северной Америке. Особенно отставала обрабатывающая промышленность, которая в силу самой модели развития по сравнению с передовыми державами укоренялась слабо и только в наиболее крупных странах континента. В первом десятилетии XX в. на долю латиноамериканских стран приходилось менее 2% от общего числа пряжеверетен в текстильной промышленности мира. Периферийное положение региона и необходимость догонять вынуждали привлекать из-за рубежа не только инвестиции, но и займы. Так возникла и финансовая зависимость от иностранных кредиторов.

Все это обусловило слабость внешнеполитического потенциала стран Латинской Америки, их ориентацию главным образом на великие державы и подчиненное положение в системе международных отношений. Национальная государственность многих из них на протяжении десятилетий не реализовывалась в самостоятельных акциях на мировой арене. Показательно, что из 18 независимых государств региона только Мексика оказалась в числе 26 участников первой Гаагской международной конференции 1899 г. по проблемам ограничения вооружений и обеспечения мира. В основном же в их внешней политике преобладали торгово-экономические интересы. Поэтому в отличие от великих держав, которые поддерживали отношения друг с другом на уровне послов, интересы латиноамериканских стран за рубежом представляли миссии во главе с посланниками (единственное исключение — Мексика, обменивавшаяся послами с США). Но и в урезанном виде эти отношения имели место с ограниченным числом государств (в 1900 г. даже крупнейшая страна континента Бразилия имела дипломатические миссии лишь в 2 иностранных государствах), шире практиковались только консульские отношения. Контакты же между самими государствами региона были развиты слабо, несмотря на общность исторических судеб, языковую и культурную близость, идентичность экономических интересов.

II Тихоокеанская война 1879—1884 гг.

Хотя в мировое хозяйство страны Латинской Америки включались еще в период свободной конкуренции, наступление эпохи империализма существенно осложнило их международное положение. Межимпериалистическое соперничество, особенно в добывающих отраслях региона, подогревало распри и между латиноамериканскими государствами. Примером тому служит крупнейший после Парагвайской войны международный конфликт в Латинской Америке XIX в. — II Тихоокеанская, или, как ее еще называют, Селитряная война 1879—1884 гг. В основе конфликта Чили, с одной стороны, и Боливии и Перу — с другой лежала борьба за селитряные месторождения (отсюда и второе название) в пустыне Атакама, где неопределенность границ часто приводила к обострению отношений между соседними государствами.

Британские предприниматели, связанные с торгово-инвестиционным домом Джинбсов и энергично вторгавшиеся в экономику Чили, поощряли и организовывали экспансию чилийских предпринимателей и банкиров в боливийскую часть пустыни Атакама и перуанский департамент Тарапака. Американский капитал внедрился в строительство перуанских железных дорог и в торговлю гуано и селитрой еще до

начала войны (Мейгс и др.), а в 1876 г. были скуплены в боливийском районе Токо и Чинба (около Антофагасты) 613 небольших предприятий по добыче селитры на площади около 180 кв. км. Американцы действовали в союзе с французским капиталом, интересы которого олицетворял крупный торгово-финансовый синдикат, возглавляемый братьями Дрейфус. Они фактически превратились в главных кредиторов правительства Перу, вынужденного в поисках средств для уплаты внешнего долга и сбалансирования бюджета заложить гуановые месторождения страны.

Финансово-валютный кризис, обрушившийся на Чили, Боливию и Перу в связи с мировым экономическим кризисом 1873—1879 гг., спровоцировал военные действия. Чилийское сельское хозяйство пострадало от трех подряд неурожаев главной экспортной культуры страны — пшеницы. А сокращение экспорта привело к тому, что десятки тысяч докеров и рабочих-горняков остались без работы. В стране развернулось народное движение за снижение стоимости жизни. В этих условиях правящие круги видели выход в усилении внешней экспансии.

В Боливии в 1878 г. дефицит бюджета составлял 872 тыс. песо при доходах в 1,8 млн песо. Из-за засухи в стране начался голод, масса людей погибла. Неудивительно, что все более и более нарастали требования хотя бы минимального использования доходов от захваченных иностранцами селитряных залежей. Пришедший к власти в 1876 г. генерал Иларион Даса стремился национализировать залежи селитры, дабы вернуть стране ее богатства, находившиеся в руках как чилийского, так и британского капитала.

В Перу к началу 70-х годов истощились запасы гуано. Перуанское правительство прекратило выплату процентов по своим внешним долгам, составившим в 1879 г. 32,9 млн ф. ст. Эти деньги в основном были предоставлены британскими кредиторами, которые, невзирая на тяжелое положение в Перу, требовали неременной выплаты долга. Провозглашение в 1875 г. селитряных копей собственностью государства и выдача их бывшим владельцам бонов с длительным сроком погашения еще более обострили перуано-британские отношения.

Наметившееся единство Чили и Англии обуславливалось общей заинтересованностью в ликвидации государственной монополии на селитру в Перу и создании препятствий в ее установлении в Боливии. По свидетельству современников, собственники экспроприированных правительством Перу селитряных предприятий обивали пороги чилийского МИД, настаивая на войне с Перу, чтобы захватить Тарапаку и ликвидировать государственную монополию на селитру.

В такой обстановке 6 февраля 1873 г. между Перу и Боливией был заключен секретный оборонительный союз, предусматривавший обя-

зательство обеих стран оказывать друг другу помощь в случае угрозы их независимости, суверенитету и нерушимости границ. О секретном договоре в том же году стало известно Чили. В следующем 1874 г. Чили приобретает в Англии два броненосца новейшей конструкции «Адмирал Кокрейн» и «Бланке Энкалада». Личный состав чилийского флота издавна был хорошо обучен английскими инструкторами, известно было и чилийское превосходство на море среди латиноамериканских стран тихоокеанского побережья. Поскольку Боливия вообще не обладала флотом, чилийцам противостояли лишь перуанские военно-морские силы.

Численность сухопутных сил воюющих сторон была примерно равной, но чилийская армия превосходила союзные войска в боевой организации, выучке командного состава и солдат, в оснащенности современным оружием, в частности новейшими пушками Круппа. Офицеры имели опыт ведения боевых действий, а соотношение командного и рядового состава (в основном лица креольского происхождения) более соответствовало условиям военного времени. Боливийские и перуанские войска были вооружены ружьями и пушками различных систем устаревшего типа. Рядовой состав более чем наполовину состоял из крестьян-индейцев, не знавших испанского языка, не понимавших зачастую целей и смысла войны.

К концу ноября 1879 г. чилийские войска овладели самым богатым селитрой перуанским департаментом Тарапака, разгромив большую часть кадровой армии Боливии и Перу. В мае—июне 1880 г. они захватили боливийскую провинцию Такна, что привело к фактическому выходу из войны Боливии. Ее войска отошли на плоскогорье и заняли оборонительные позиции. Ввиду достижения основной цели — захвата прибрежных провинций — чилийская армия не стала вторгаться во внутренние районы Боливии, а сосредоточилась на окончательном разгроме Перу.

17 января 1881 г. была захвачена Лима. В результате лимского сражения, наиболее крупной военной операции в истории южноамериканских войн, Чили нанесла решающее поражение перуано-боливийской коалиции и овладела всем побережьем Боливии и Перу. Остатки перуанских сил во главе с президентом Пьеролой отошли на восток, в Куско, где продолжили войну, организуя и массовое партизанское движение.

США стремились извлечь в столь запутанной ситуации максимальные выгоды для проникновения американского капитала в Южную Америку. Их экспансионистскую программу наглядно демонстрировало конфиденциальное письмо американского посланника И. Христианси госсекретарю Дж. Блейну от 4 мая 1881 г., где, в частности, говорилось: «Единственно эффективный путь для установления контроля Соединенных Штатов над торговлей Перу и доминирующего или во вся-

ком случае существенного влияния на этом побережье заключается в том, чтобы активно вмешаться с целью принудить к мирному урегулированию на приемлемых условиях либо подчинить Перу своему контролю путем протектората или аннексии... Если Перу окажется под контролем нашей страны, мы будем господствовать над всеми другими республиками Южной Америки и доктрина Монро станет реальностью. Большие рынки откроются для наших товаров и широкое поле деятельности для предпринимательства наших людей»¹. Позиция США тормозила мирное урегулирование, продлевая тем самым страдания перуанского народа.

Поддержка со стороны Англии и внутрисполитические трудности в США вызвали в Перу и Боливии рост настроений в пользу прекращения войны. 20 октября 1883 г. в курортном г. Анкон близ Лимы был подписан мирный договор: Перу уступала Чили территорию департамента Тарапака, а департаменты Такна (42 тыс. кв. км) и Арика (23 тыс. кв. км) — на 10-летний срок, по истечении которого судьбу этих департаментов должен был решить плебисцит; при этом страна, получившая право на владение ими, должна была выплатить другой компенсацию в размере 10 млн песо. В договоре устанавливались условия выплаты долга перуанским кредиторам и возмещения убытков чилийцам в период войны.

Оккупанты ушли из Перу в августе 1884 г. после ратификации перуанским конгрессом Анконского договора.

С Боливией Чили начала переговоры о мире в декабре 1883 г. Они завершились подписанием перемирия 4 апреля 1884 г. Согласно договоренностям, все прибрежные районы Боливии (66 тыс. кв. км) между Андами и океаном объявлялись частью территории Чили. Мир с Боливией был подписан лишь в 1904 г.

Тихоокеанская война, продолжительная и ожесточенная, во многом и надолго определила атмосферу взаимной враждебности среди андских стран тихоокеанского побережья. Огромные средства пошли на военные расходы, усугубив экономическую слабость этих стран и облегчив проникновение иностранного капитала. Усиление экспансии Англии и США в Боливию и Перу — это наиболее существенное и роковое из последствий Тихоокеанской войны. Однако и страна-победитель оказалась в проигрыше. Приобретенные богатые естественные ресурсы — селитра и позднее найденная в Атакаме медь — попали в руки английских капиталистов. Несмотря на выдвижение Чили на позиции наиболее развитой в капиталистическом отношении страны сре-

¹ Янчук И.И. Тихоокеанская война (1879—1883)//История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год/Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 1993. С. 20.

ди трех участников войны, ей не удалось добиться устойчивого экономического роста, а главное, буржуазия Чили вынуждена была допустить усиление позиций английского капитала в основных отраслях экономики страны.

**Экспансия
империалистических держав
в Латинскую Америку**

Хотя XIX век в этом регионе был отмечен войной США против Мексики (1846—1848), французской интервенцией в ту же Мексику (1861—1867) и другими силовыми акциями, рубеж столетий превзошел по этой части самые мрачные прогнозы. В 1902—1903 гг., чтобы взыскать долги с Венесуэлы, Англия, Германия и Италия подвергли блокаде и бомбардировкам города ее побережья. За период с 1910 по 1919 г. в отношении стран региона было совершено 136 актов иностранного вмешательства.

Провозглашение Соединенными Штатами в 1823 г. «доктрины Монро», исключавшей вмешательство европейских держав в Новом Свете, в какой-то мере помогло их южным соседям избежать реставрации испанского колониализма. Когда же США сами превратились в империалистическую державу, опоздавшую, как и Германия, к дележу колоний, эта доктрина послужила им удобным основанием для экспансии за счет подчинения южных соседей своему контролю, навязывания им кабальных займов и неравноправных договоров.

Первый удар был нанесен в 1898 г. по дряхлеющей Испании, в чьей колонии — на Кубе — шла освободительная война (1895—1898). Используя в качестве предлога весьма загадочный взрыв в порту Гаваны на борту своего броненосца «Мэйн», Соединенные Штаты развязали войну против Испании, сравнительно легко разгромили ее устаревшую флотилию у берегов Кубы и Филиппин и оккупировали не только эти страны, но и островное владение Испании в Карибском море Пуэрто-Рико.

Среди сторонников захватнической политики заслуженно выделялся президент США Теодор Рузвельт. Свою концепцию в отношении соседей по континенту он сформулировал в знаменитом афоризме: «Говори мягко, но держи большую дубинку». Политика «большой дубинки» состояла в оккупации той или иной страны и силовом «вколачивании» в ее экономику американского капитала. Когда монополии закреплялись, США выводили войска, но поправкой к местной конституции (типичный пример — «поправка Плата» 1901 г. к конституции Кубы), наряду с другими ограничениями национального суверенитета, оставляли за собой право на повторную интервенцию «в случае возникновения угрозы жизни и собственности американских граждан». Так неоднократно оккупировались Куба (1906—1909, 1912, 1917—1922),

Гаити (1915—1934), Гондурас (1905, 1907, 1911, 1912), Доминиканская Республика (1904, 1914, 1916—1924), Никарагуа (1912—1933) и даже Мексика (1914, 1916—1917).

Подобные же отношения установились между США и Панамой при строительстве межокеанского канала. Когда Колумбия в 1887 г. предоставила, а в 1900 г. продлила до 1910 г. концессию французской компании на строительство Панамского канала, США сочли себя обделенными. Изменить ситуацию им помогла Тысячедневная война 1899—1902 гг. между колумбийским правительством консерваторов и либеральными повстанцами. С одной стороны, США всячески ослабляли колумбийское правительство, поддерживая повстанцев, особенно в Панаме, где 27 августа 1902 г. правительственные войска капитулировали и где в портах Колон и Панама 17 сентября 1902 г. с кораблей «Цинциннати» и «Висконсин» высадились морская пехота США «для защиты американских интересов». С другой же — они добились от Великобритании отказа от участия в строительстве канала (по договору Хей—Паунсфота от 1901 г.). Усиливая нажим на Колумбию, США преследовали цель ликвидации французской компании и передачи концессии в руки американцев. 22 января 1902 г. при участии колумбийского поверенного в делах Эррана и госсекретаря США Хей был подписан договор о предоставлении США в концессию сроком на 100 лет 10-километровой зоны вдоль трассы будущего канала на Панамском перешейке. США обязались построить канал за 12 лет. Они же получили право на сооружение портов на обоих его концах. Канал должен был навечно оставаться нейтральным. За получение концессии США обязывались заплатить Колумбии 10 млн долл. сразу после обмена ратификационными грамотами, а через 9 лет после вступления договора в силу платить по 250 тыс. долл. ежегодно.

Договор Хей—Эррана с возмущением встретили в Колумбии. Его грабительский характер не вызывал сомнений. Бурные многодневные дебаты в конгрессе закончились 12 августа 1903 г. отклонением этого позорного для страны документа. Панамцы же, ожидавшие, что канал принесет им процветание, восприняли это решение как отказ от самой идеи строительства, и сепаратистские настроения, всегда существовавшие в этом регионе, достигли апогея.

Хотя 1 ноября 1903 г. колумбийское правительство выпустило манифест, в котором разъяснялась необходимость строительства канала и возобновления переговоров с США по этому вопросу, Вашингтон не обратил на него никакого внимания. 2 ноября в порт Колон вошел американский крейсер «Нэшвил». 3 ноября 1903 г. была провозглашена независимость Панама. Давние устремления панамцев к независимости, всегда подогревавшиеся США, теперь осуществились с их

помощью. Для них только что родившаяся маленькая Панамская Республика с населением менее 300 тыс. человек стала куда более сговорчивым партнером, чем Колумбия.

Переговоры об урегулировании отношений между Колумбией, США и Панамой были долгими и трудными. Только в апреле 1914 г. был заключен окончательный вариант американо-колумбийского договора. По его условиям США, выразившие «искреннее сожаление» в связи с событиями 1903 г. на Панамском перешейке, соглашались выплатить Колумбии денежную компенсацию в размере 25 млн долл., предоставить колумбийским гражданам те же права на пользование каналом, что и американским; Колумбия признавала независимость Панамы.

В целом же, с помощью политики «большой дубинки» США уже к 1914 г. захватили серьезный плацдарм, выйдя на 2-е место после Англии по объему общих инвестиций в регионе. В дальнейшем, воспользовавшись ослаблением экономических связей между Латинской Америкой и Европой в годы Первой мировой войны, американские монополии потеснили своих конкурентов на Южно-Американском континенте. Их инвестиции в регионе в 1914—1918 гг. возросли на 50%, достигнув 2,4 млрд долл.

Зарождение и внутренние противоречия панамериканизма

Параллельно с конца XIX в. для достижения гегемонии в регионе США активно утверждали панамериканизм. Идею союза американских государств выдвигал еще

Боливар на Панамском конгрессе 1826 г. Однако в тот период она касалась лишь государств Латинской Америки и из-за возобладавших центробежных тенденций потерпела неудачу. Попытки ее возрождения предпринимались на 1-м Лимском конгрессе (1847—1848), Континентальном конгрессе в Сантьяго-де-Чили (1856 г.), 2-м Лимском конгрессе (1864—1865). Но они, как правило, были ответом на угрозы или реальное вмешательство иностранных держав или же способом решения конфликтов между самими латиноамериканскими странами и тоже не увенчались успехом.

В 1880 г. инициатором созыва нового Панамского конгресса для урегулирования спорных вопросов мирным путем выступило колумбийское правительство Р. Нуньеса. К этому времени его отношения с США обострились до крайности в связи с вопросом о строительстве Панамского канала. Колумбия предпринимала активные шаги по заключению многостороннего договора с участием европейских держав о гарантии нейтралитета зоны будущего канала. США настаивали на своем «неотъемлемом» праве на Панамский перешеек. Под нажимом США европейские правительства отказались гарантировать суверенитет зоны ка-

нала. И тогда Колумбия попыталась заручиться поддержкой латиноамериканских соседей, выступив инициатором мирного урегулирования граничных споров. Первоначально конгресс планировалось провести в сентябре 1881 г., затем он был перенесен на декабрь. Колумбия, активизировав дипломатическую деятельность, получила согласие 11 латиноамериканских стран на участие в нем. Но в результате происков США и отказа Чили конгресс оказался мертворожденным детищем. Мирная инициатива Колумбии об арбитраже в решении спорных вопросов и подписании соответствующих договоров успеха не имела.

Напротив, Соединенным Штатам кровопролитные войны в Латинской Америке — война Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая (1864—1870) и II Тихоокеанская война (1879—1884) — позволили выступить в тоге миротворца и выдать сколачивание экономического и военно-политического блока американских государств под эгидой Вашингтона за претворение в жизнь идеи Боливара. На самом же деле панамериканизм конца XIX в. развивал «доктрину Монро» и идеи отцов-основателей североамериканской республики о «божественном предопределении» руководящей роли США в делах Западного полушария применительно к условиям эпохи империализма.

Его идеология вобрала в себя элементы геополитических и даже расистских концепций: теории «предначертания судьбы», «географического фатализма», «цивилизаторской миссии англосаксонской расы», «взаимозависимости» и т. п. В основу этой доктрины был положен тезис о «континентальной солидарности» и о якобы существующей «общности» интересов США и латиноамериканских стран, обусловленной географическими факторами, взаимодополняющим характером их экономик, наличием «духовного братства» и единой «культурной общности», которая противопоставлялась европейской, восточной и славянской культурам. При этом США как «старшему брату» отводилась руководящая роль в межамериканских делах и право разговаривать с латиноамериканскими странами «авторитетным тоном».

Первая Панамериканская конференция была проведена в Вашингтоне в конце 1889 — начале 1890 г. Ее главными вопросами были «меры по поддержанию мира и увеличению благосостояния американских государств», создание таможенного союза, введение единой серебряной валюты, установление единообразной системы таможенных пошлин, портовых сборов и правил, регулирующих экспортные и импортные операции, принятие арбитражного плана для разрешения возникающих споров и конфликтов. Тем не менее из-за антиамериканских настроений в странах Латинской Америки и их страха перед угрозой с севера предложения США встретили сопротивление. Американская дипломатия потерпела поражение по вопросу таможенного сою-

за, поскольку рассматривавшая его комиссия признала такой союз несовместимым с интересами латиноамериканских стран. Единственным практическим итогом конференции явилось решение об образовании Международного союза американских республик и создании его постоянного органа — Коммерческого бюро с местопребыванием в Вашингтоне. Задачи этой организации в то время были ограничены сбором и публикацией торгово-экономической и другой информации.

Вторую Панамериканскую конференцию удалось созвать в Мехико через десять лет. Она работала в октябре 1901 — январе 1902 г. В дальнейшем было решено созывать конференции каждые пять лет. Третья конференция состоялась в 1906, четвертая — в 1910 г. Проведению намеченной на 1915 г. пятой конференции помешала Первая мировая война. На всех конференциях американская дипломатия упорно осуществляла свою главную цель, шаг за шагом укрепляя созданную организацию и расширяя ее полномочия. В результате реорганизации Коммерческое бюро было переименовано в Международное американское бюро. Оно включило в сферу своей деятельности культурные и социальные вопросы и стало осуществлять административные и организационные функции. Работу Бюро направлял состоявший из дипломатических представителей стран региона в Вашингтоне Руководящий совет во главе с госсекретарем США. Позднее Бюро получило название Панамериканского союза и превратилось в постоянно действующий секретариат межамериканской организации, официальной целью которой по решению четвертой Панамериканской конференции 1910 г. объявлялось содействие экономическому и политическому сотрудничеству американских государств. Так «по кирпичику» возводилось здание межамериканской системы, заслужившей название «министерства колоний США».

США добивались принятия удобных им решений не только благодаря растущей экономической и военной мощи, но и позиции некоторых латиноамериканских стран, в первую очередь Бразилии. Следуя курсом на «негласный союз с северным колоссом», Рио-де-Жанейро поддерживал политику Вашингтона в международных делах и выступал активным сторонником укрепления «континентальной солидарности» под эгидой США, в то время как в остальных государствах Латинской Америки политика «большой дубинки» вызывала рост антиамериканских настроений. Так, на четвертую Панамериканскую конференцию делегация Бразилии привезла проект резолюции об официальном признании странами Латинской Америки «доктрины Монро» «неизменным фактором международного мира на Американском континенте», о выражении США «сердечной благодарности за этот благородный и бескорыстный акт, имевший великие благодетельные последствия для

всего Нового Света»¹. Однако уже в ходе предварительных консультаций представители других стран региона выразили негативное отношение к бразильской инициативе, в результате чего предложение было похоронено в кулуарах и не рассматривалось конференцией.

В обмен правящие круги США поддерживали претензии Бразилии на роль лидера в Южной Америке, помогали ей при возникновении конфликтов с соседними государствами и способствовали укреплению ее позиций в международных организациях. В частности, опираясь на поддержку Вашингтона, Рио-де-Жанейро сумел «мирными средствами» уладить территориальные споры со своими соседями таким образом, что к нему отошли территории, равные по площади Франции. Бразилия первой из латиноамериканских стран была удостоена официального визита госсекретаря США Э. Рута. Ее столица была избрана местом проведения третьей Панамериканской конференции. Глава американского дипломатического представительства в Рио-де-Жанейро в 1906 г. был возведен в ранг посла, в то время как в других столицах региона США были представлены посланниками. Эти и другие подобные акции подчеркивали дружеский характер отношений, установившихся между Вашингтоном и Рио-де-Жанейро.

На США нередко ориентировались представители Уругвая. Дипломатия этой небольшой страны надеялась, что Панамериканский союз поможет ей противостоять давлению соседних гигантов — Аргентины и Бразилии. В числе приверженцев стратегии «негласного союза» с США были диктаторы Порфирио Диас в Мексике (1876—1911), Эстрада Кабрера в Гватемале (1898—1920), Висенте Гомес в Венесуэле (1909—1935) и др. Они щедро раздавали огромные концессии американским монополиям и с готовностью принимали «руководство» США в межамериканских делах.

Оппозицию Соединенным Штатам возглавляла Аргентина, которая конкурировала с США на мировом рынке продовольственных товаров и традиционно поддерживала тесные связи с Англией. На первой Панамериканской конференции аргентинская делегация сделала все, чтобы отклонить основные предложения США (о таможенном союзе, единых тарифах и арбитражном плане), поскольку они представляли серьезную угрозу независимости суверенных государств. В дальнейшем дипломатия Аргентины придерживалась намеченной линии и часто блокировалась с представителями Чили, Боливии, Перу и других государств.

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Страны Латинской Америки в международных отношениях (80-е годы XIX века — 1918 год)//История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 375.

По примеру Аргентины ряд латиноамериканских стран прибегал к тактике отказа от ратификации соглашений и конвенций, которые принимались на панамериканских конференциях под нажимом США. Из 17 панамериканских соглашений 1902—1910 гг. Аргентина ратифицировала только 3. Другим проявлением оппозиции стало игнорирование значительным числом стран региона Панамериканского союза. Аргентина, Боливия, Никарагуа, Парагвай, Перу не делали взносов на содержание постоянного секретариата, и их представители часто отсутствовали на его заседаниях.

Сопротивлением латиноамериканских стран объяснялся и провал выдвинутого президентом США Вильсоном в 1914 г. предложения о заключении панамериканского пакта в целях «общей и взаимной гарантии территориальной целостности и политической независимости при республиканской форме правления» и разрешения «пограничных споров путем применения процедуры арбитража»¹. Наиболее крупные страны региона отмежевались от панамериканского пакта, и в результате идея Вильсона дальнейшего хода не получила.

Однако это была своего рода «молчаливая оппозиция». На пан-американских конференциях до Первой мировой войны не было сказано ни слова о больших проблемах Америки той эпохи: испано-американской войне 1898 г., присоединении Пуэрто-Рико, военной оккупации Кубы, навязанной ей «поправке Плата» и о захвате части острова для военной базы. Не прозвучало осуждения и в связи с отторжением от Колумбии Панамского перешейка. Тем не менее, хотя буржуазно-латифундистская олигархия стран Латинской Америки не осмеливалась бросить открытый вызов северному колоссу, на этих конференциях благодаря усилиям дипломатии ряда стран региона были приняты решения, ограждавшие их интересы. Таким образом, уже на заре пан-американизма за его парадным фасадом обнаружились противоречия, разделяющие две Америки.

Сопротивление империалистическим державам страны Латинской Америки оказывали различными внешнеполитическими акциями. В частности, на рубеже XIX—XX вв. большое число сторонников завоевала идея разработки международного латиноамериканского права, призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций и создать арбитражный механизм для мирного урегулирования споров между ними без участия США. С этой целью в 1888 г. в Монтевидео состоялся специальный конгресс, созданный по инициативе Аргентины и Уругвая. В

¹ Цит. по: Глинкин А.Н. Указ. соч. // История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 376.

его работе участвовали представители семи стран Южной Америки. Согласно принятым рекомендациям, в 1906 г. в Рио-де-Жанейро начала работу комиссия юристов по подготовке кодекса частного и публичного международного права стран Западного полушария. Работу комиссии прервала Первая мировая война.

Крупной акцией в деле защиты стран Латинской Америки стала «доктрина Кальво — Драго», основные положения которой были сформулированы аргентинским юристом и дипломатом К. Кальво (1885 г.). Основываясь на принципах национального суверенитета и юридического равенства всех государств, «доктрина Кальво» провозглашала недопустимость дипломатического вмешательства, а тем более вооруженной интервенции с целью взыскания долгов или получения возмещения за убытки, понесенные иностранными подданными. Всякий иной подход означал бы «создание опасной привилегии злоупотребления силой для могущественных держав в ущерб более слабым государствам и установление ничем не оправдываемого неравенства между своими и иностранными подданными».

«Доктрина Кальво» была с энтузиазмом встречена в регионе, и многие его страны стремились включить эти принципы в свои конституции, в условия контрактов с иностранными фирмами, в договоры, заключенные между собой, а также с иностранными государствами. Некоторые принципы Кальво даже нашли отражение в германо-мексиканском договоре 1882 г., в испано-перуанском договоре 1898 г., в договоре о мире, дружбе, арбитраже и торговле, заключенном в 1906 г. Коста-Рикой, Сальвадором, Гватемалой и Гондурасом, и др.

С особой остротой проблема защиты от иностранных интервенций встала в начале XX в., во время венесуэльского кризиса 1902—1903 гг. В самый разгар этих событий министр иностранных дел Аргентины Л. Драго сформулировал свою доктрину, которая развила и видоизменила «доктрину Кальво». В ноте, отправленной 29 декабря 1903 г. правительству США, осуждались насильственные действия европейских держав против Венесуэлы. Хотя «доктрина Драго» носила более ограниченный характер по сравнению с «доктриной Кальво», так как касалась только государственных долгов и допускала дипломатическое вмешательство, почти все латиноамериканские страны выступили в ее поддержку. Только бразильская пресса продолжала твердить об отсутствии у Аргентинской республики права говорить с Вашингтоном от имени коллективных интересов, а бразильская дипломатия выступила против признания «доктрины Драго».

Агрессия европейских держав вызвала острую реакцию и со стороны Вашингтона. Правительство Т. Рузвельта, нейтрализовав Англию, оказало открытое давление на Германию и, угрожая применени-

ем вооруженной силы, заставило ее отступить. В феврале 1903 г. под нажимом США были подписаны соглашения между Венесуэлой и тремя державами о снятии блокады и порядке удовлетворения их претензий. В то же время США фактически отказались признать «доктрину Драго», несмотря на то что в ней содержались ссылки на «доктрину Монро». Делегация США не допустила включения «доктрины Драго» в повестку дня третьей Панамериканской конференции, и по ее настоянию было принято решение передать доктрину на рассмотрение второй Гаагской конференции с целью включения ее в свод международных законов.

Вторая Гаагская конференция собралась в 1907 г. В ней участвовали все латиноамериканские страны, приглашенные одним из ее инициаторов — Россией. В Гааге по вопросу о «доктрине Драго» разгорелась острая борьба. Американскому делегату Портеру удалось провести множество поправок, и «доктрина Драго» была принята в таком искаженном виде, что принцип, сформулированный аргентинским министром иностранных дел, был в сущности отвергнут. Одобренная конференцией «конвенция Драго — Портера» допускала применение вооруженной силы при взыскании государственных долгов в тех случаях, когда страна-должник отвергает третейское разбирательство и игнорирует его решение.

В целях защиты собственного суверенитета страны Латинской Америки стремились использовать межимпериалистические противоречия в регионе. В частности, ряд латиноамериканских правительств добивался большей вовлеченности в дела региона России, надеясь, что ее влияние поможет им частично нейтрализовать опасность, исходящую от США и Англии. В таком ключе следует рассматривать аргентинское предложение России купить остров Эстадос из группы островов Огненной Земли, а также сближение России со странами региона на второй Гаагской конференции. Однако дальнейшего развития эти отношения не получили, поскольку вскоре трон Николая II зашатался под ударами революций в России.

Оборонительная реакция в Латинской Америке на политику империалистического разбоя послужила также стимулом для подъема «паниспанизма», который был связан с идеей союза латиноамериканских государств с Испанией. В 1900 г. в Мадриде состоялся даже испано-американский конгресс, в работе которого участвовали делегаты 15 государств Латинской Америки.

В русле оборонительной тенденции находилось и стремление трех крупнейших государств Южной Америки — Аргентины, Бразилии и Чили — создать при поддержке Англии так называемый союз АБЧ, который мог бы служить противовесом растущему влиянию США.

Предпосылки для сближения возникли после того, как в 1899—1908 гг. между ними были заключены двусторонние договоры об урегулировании пограничных споров. В 1914 г. страны АБЧ предложили свое коллективное посредничество для урегулирования конфликта в ходе очередной американской интервенции в Мексику, которое было принято. Хотя миссия посредников не принесла значительных результатов, сближение этих стран продолжалось. В мае 1915 г. их представители в Буэнос-Айресе подписали трехсторонний договор АБЧ, который предусматривал мирное решение любых конфликтов между его участниками. По условиям договора, осуществление арбитража при спорах и конфликтах возлагалось на постоянную комиссию из представителей трех стран. Однако потенциальные возможности согласования внешней политики трех крупнейших государств Южной Америки, связанные с договором АБЧ, реализованы не были, так как он не был ратифицирован всеми участниками и не привел к объединению их в прочный союз.

Различия внешнеполитической ориентации государств Латинской Америки проявились во время Первой мировой войны. Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Сальвадор и Чили придерживались строгого нейтралитета. Аргентина и Мексика совместно предложили объявить «экономический бойкот» воюющим державам. Боливия, Доминиканская Республика, Перу, Уругвай, Эквадор разорвали дипломатические отношения с державами Тройственного союза. Бразилия, Гаити, Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Куба, Никарагуа и Панама после вступления США в Первую мировую войну объявили о состоянии войны с Германией. Эти события еще раз подтвердили, что континентальная солидарность являлась мифом.

§ 3. Кризис либерализма и поиски альтернатив

Экономический прогресс постепенно изменял лицо латиноамериканского общества. Несмотря на сильную иностранную конкуренцию, в наиболее крупных странах региона блага рыночной экономики, прежде всего доступ к передовой иностранной технологии и удешевление рабочей силы, способствовали развитию обрабатывающей промышленности.

Наиболее впечатляющим этот процесс был в Аргентине, где уже в 1895 г. промышленная перепись зафиксировала наличие 23 тыс. предприятий со 175 тыс. рабочих и переход страны к фабричному производству. Фабрики появились в текстильной и пищевой промышленности, в Буэнос-Айресе возникли небольшие механические и литейные заводы, первые электростанции. К 1914 г. численность промышлен-

ных рабочих выросла до 410 тыс. человек. Они были заняты на 48,7 тыс. предприятий с капиталом в 1 788 млн песо и мощностью 678,8 тыс. лошадиных сил. К этому времени в промышленности преобладал уже фабричный сектор, на который приходилось 49,61% всех предприятий, 74,7% капитала, 87,7% мощностей, 62,2% занятых рабочих и 81,3% стоимости производимой продукции. В итоге к началу Первой мировой войны из 7,9 млн жителей страны городское население (4,6 млн) значительно превысило сельское (3,3 млн). Таким образом, менее чем за жизнь одного поколения Аргентина превратилась из патриархальной и пастушеской страны в наиболее развитое и богатое государство Латинской Америки.

В соседней Бразилии на рубеже XIX—XX вв. обрабатывающая промышленность находилась еще в зачаточном состоянии. Однако накануне и в годы Первой мировой войны она развивалась бурными темпами. Если в 1907 г. в стране действовало 3250 предприятий, на которых было занято немногим более 150 тыс. человек, то в 1920 г. на 13 336 предприятиях трудилось уже более 275 тыс. рабочих. Возросла энерговооруженность бразильской промышленности — к концу Первой мировой войны электродвигателями были оснащены 47% предприятий против 5% в 1907 г.

Примерно такие же изменения происходили в Мексике, Чили, Уругвае и на Кубе. В меньшей мере они имели место в Колумбии, Венесуэле, Перу, Боливии, Парагвае и почти не наблюдались в более мелких странах Центральной Америки и Карибского бассейна.

В обрабатывающей промышленности далеко не все предприниматели являлись латиноамериканцами по рождению. Так, например, в Аргентине из 53 тыс. владельцев промышленных предприятий к 1935 г. аргентинцами (к каковым независимо от национальности родителей относились все те, кто родился в стране) являлись лишь 43,9%. Остальных (56,1%) промышленников представляли европейские иммигранты, в том числе 21,2% — итальянцы, 18,2% — испанцы, 1,9% — русские, 1,8% — поляки, по 1,1% — немцы и французы и т.д. Но они были связаны преимущественно с удовлетворением потребностей внутреннего, национального рынка, и само положение обязывало их защищать и расширять этот рынок. В этом смысле таких предпринимателей не только можно, но и должно считать *национальной буржуазией*.

Со временем эта буржуазия окрепла и создала собственные предпринимательские союзы — Промышленную ассоциацию Бразилии (1880 г.), Общество содействия промышленности в Чили (1883 г.), Аргентинский промышленный союз (1887 г.), Конфедерацию промышленных палат Мексики (1917 г.). По мере накопления сил националь-

ная буржуазия начала возмущаться засильем латифундизма и иностранных монополий, оспаривать целесообразность либеральной модели латиноамериканских экономик, которую все чаще именovala колониальной. Решение проблем своих стран национальная буржуазия искала в «национальном вопросе» и в некоторых странах осуществила на практике такие попытки уже в конце XIX в.

Так, в Колумбии уже к началу 70-х годов резко обнажились негативные черты сформированной в 50—60-х годах либеральной модели экономики и государства. В рамках основанного на свободе торговли мирового хозяйства экономика страны ориентировалась на вывоз золота, табака, хины, индиго и кофе. В то же время отказ от протекционизма способствовал наводнению Колумбии дешевыми фабрично-заводскими изделиями из Европы, в результате чего в 1869—1875 гг. ее импорт почти вдвое превышал экспорт.

Такое «разделение труда» было выгодно Великобритании и другим ведущим державам. Они нуждались в рынках сбыта и источниках сырья для своей бурно развивающейся индустрии, а потому стремились превратить остальные страны мира в опутанные колониальной или долговой зависимостью аграрно-сырьевые придатки своих экономик.

Внутри Колумбии аграрно-сырьевой характер экономики баснословно обогащал торговых, горнорудных и земельных магнатов, однако вызывал массовое разорение ремесленников Боготы, Картахены и других городов. Особенно страдали от европейской конкуренции мебельщики, сапожники, шорники, ткачи и портные. Колумбийский текстиль удавалось сбывать лишь в Бояке и Сантандере, но и там он не мог конкурировать с иностранными тканями, потому что хлопок облагался налогом в размере от 30 до 50% его стоимости. Это оборачивалось постоянными междоусобицами в штатах и общей политической нестабильностью в стране.

Проводниками антинациональной политики выступали либералы-голгофцы, которые убедили себя и пытались убедить всю страну в том, что у колумбийской нации нет промышленного будущего. Одним из главных вождей этой фракции являлся М. Сампер, крупнейший торговец табаком, один из главных импортеров английского текстиля, основатель Торговой палаты Боготы и заместитель главного управляющего Банка Боготы, который был женат на англичанке и неоднократно занимал в правительстве ключевой пост министра финансов. Впрочем, даже если у власти оказывался представитель иной партии, ему недоставало ни времени, ни полномочий, чтобы изменить общее направление политики. Федералистская конституция, принятая либералами в 1863 г., во-первых, ограничила срок президентского правления двумя годами, так что страна жила в постоянной предвыборной ат-

мосфере. Во-вторых, предоставив большие права штатам, конституция еще более ослабила федеральную власть, многие начинания которой блокировались на местах, а кроме того, помогала штатам сохранять таможенные барьеры, что тормозило развитие внутренней торговли и накопление средств и сдерживало рост национального производства.

Либералам-голгофцам противостояли консерваторы и небольшая группа независимых либералов во главе с некогда видным деятелем либеральной революции Р. Нуньесом. К этому времени, имея за плечами 35-летний политический стаж, он успел пересмотреть многие из своих прежних взглядов; 10-летнее проживание в Англии позволило ему на практике убедиться, что свобода торговли идет на пользу лишь передовым капиталистическим державам.

Став президентом в 1880 г., Нуньес выступил за отказ от свободы торговли и таможенный протекционизм, за развитие банковской системы и создание государственного банка, за лишение частных банков права выпускать бумажные деньги. Это была программа кардинальной перестройки экономики и финансов Колумбийской Республики, программа ускоренного зарождения национальной буржуазии, объективно заинтересованной в упрочении национального единства страны и развитии собственной экономики.

За короткий срок пребывания у власти (1880—1882) Нуньес успел сделать многое. Он не только установил через конгресс протекционистские таможенные пошлины, но также учредил государственный Национальный банк и объявил выпуск бумажных денег исключительной прерогативой государства и его банка. Стремясь добиться производительного использования земли, Нуньес настоял на принятии закона, возвращавшего государству для последующей продажи и эффективного использования все не обрабатываемые в течение 10 лет земли.

В эти же годы в чрезвычайно трудных условиях горной местности активно велось строительство железных дорог в штатах Боливар, Антиокиа, Сантандер и Каука. Концессии на строительство часто переходили от одних иностранных подрядчиков к другим, но чаще всего доводить дело до конца приходилось самим колумбийцам. Из иностранцев наибольшая заслуга в строительстве колумбийских железных дорог принадлежала кубинцу Ф. Сиснеросу, получившему образование в США и перешедшему в их подданство.

Оживился речной транспорт: на р. Магдалене появился первый пароход и открылась регулярная навигация по р. Дике, связывающей Колумбию с Венесуэлой. Были восстановлены стекольная и бумажная фабрики в Боготе, приняты меры для развития собственной текстильной промышленности. Возобновилась работа суконной фабрики в столице. В Бояке и Кундинамарке готовились к открытию предприятия по производству ме-

таллических слитков как первоначального сырья для изготовления железнодорожных рельсов и предметов домашнего обихода.

Поскольку либералы в своем большинстве были непримиримыми врагами начинаний Нуньеса, ему пришлось опираться на поддержку Консервативной партии и католической церкви. В итоге безбожник Нуньес, 20 лет назад активно участвовавший в секуляризации церковного имущества, в 1882 г. отменил принятый либералами в 1877 г. закон, направленный против церковников.

Когда при поддержке Консервативной партии Нуньесу удалось не только победить на президентских выборах 1884 г., но и подавить восстание либералов, президент получил, наконец-то, возможность отменить пагубную для страны федералистскую конституцию 1863 г. Декретом от 10 сентября 1885 г. он объявил о предстоящем созыве Конституционного собрания для принятия нового Основного закона. В ходе подготовки его проекта из числа наиболее трезво мыслящих либералов, консерваторов и независимых либералов Нуньес создал и возглавил Национальную партию, призванную положить конец политическим распрям в стране и объединить силы господствующих классов в едином политическом организме.

Первым детищем Национальной партии явилась новая конституция 1886 г., разработанная при самом тесном сотрудничестве Р. Нуньеса с бывшим идеологом консерваторов М. А. Каро. Воспитанник иезуитского колледжа, ярый клерикал и противник федерализма, он немало потрудился над тем, чтобы новая конституция утвердила свободу католической религии и обязательство правительства урегулировать отношения с Римом. Этим Нуньес приобретал себе надежного союзника.

Конституция 1886 г. была централистской. Республика получила наименование Колумбия, которое сохраняется до сих пор. Штаты были упразднены, а страна разделена на департаменты во главе с губернаторами, назначаемыми правительством. Отдельным законом упразднились все таможенные барьеры между департаментами. Конституция увеличила срок президентских полномочий до 6 лет. Президент одновременно являлся главой правительства. Высшей законодательной властью становился двухпалатный конгресс.

Это была буржуазная конституция, поскольку избирательные права предоставлялись отнюдь не всем колумбийцам — вводился довольно высокий имущественный ценз (500 песо годовой ренты или владение недвижимостью на сумму не менее 1500 песо) и ценз грамотности. Кроме того, сама процедура выборов была многоступенчатой, население избирало только выборщиков. Таким образом, новая конституция должна была служить целям политической централизации и стабилизации страны.

Политический лозунг национальной буржуазии «Моральное обновление общества или смерть!» дал название очень важному в истории страны периоду пребывания у власти националистов. Это было время быстрого развития кофейного производства, обусловившего расширение обрабатываемых площадей, рост наемного труда и товарности сельского хозяйства. Стремительно шел процесс освоения пустующих земель в западных районах страны, особенно в Антиокии.

В свою очередь таможенный протекционизм, вновь подтвержденный специальным декретом в 1886 г., создал благоприятные условия для восстановления старых предприятий легкой промышленности и появления новых. Особенно благоприятным протекционизм оказался для зарождавшейся металлургии. Потребность населения в орудиях труда для сельского хозяйства и ремесла была чрезвычайно велика. Железным дорогам нужны были рельсы. Все это стимулировало развитие национального производства, тем более что необходимые природные ресурсы имелись в изобилии. В Самаке и Ла-Прадере появились рудники, шахты и литейни, началась выплавка чугуна и стали. В 1893 г. железоделательный завод в Ла-Прадере способен был выдавать до 1 тыс. т железа в месяц. Колумбия стала производить собственные рельсы, что помогало правительству вести крупномасштабное железнодорожное строительство по всей стране. Была даже предпринята попытка создания собственного кораблестроения, когда в 1888 г. конгресс принял закон, разрешающий правительству вложить до 50 тыс. долл. в строительство корабельной верфи в Картахене.

Таким образом, меры правительства обусловили динамичное и сбалансированное экономическое развитие Колумбии, значительно улучшилось соотношение между импортом и экспортом, и страна смогла отказаться как от внешних, так и от внутренних займов.

В Чили первое выступление национальной буржуазии закончилось драматически. Для этой страны победа в Тихоокеанской войне имела важные экономические последствия. К ней отошли обширные территории Перу и Боливии, богатые селитрой, медью, ценнейшими металлами и минералами. 80-е годы XIX в. ознаменовались развитием горнорудной промышленности, морского и железнодорожного транспорта, ростом внешней торговли. На мировом рынке увеличился спрос на предметы чилийского экспорта, особенно на селитру и медь. Если в 1886 г. объем внешней торговли по стоимости составлял 95,3 млн песо, то в 1890 г. он достиг 136,3 млн песо.

Однако после Тихоокеанской войны обширные территории Чили, богатые селитрой, скупали британские капиталисты, и к концу 80-х годов в стране действовало уже около 40 британских компаний по добыче селитры. Главным выразителем и представителем интересов

английского капитала в Чили был некий Джон Томас Норт, много лет проработавший служащим на селитряных предприятиях Перу. Разбогатев во время Тихоокеанской войны на скупке акций селитряных предприятий, Норт создал селитряные и железнодорожные компании и вместе с Ротшильдом стал одним из главных акционеров «Бэнк оф Тарапака энд Ландон». Этот банк имел огромные капиталовложения в Чили, вел все операции с селитрой, а также по займам, которые Чили получала в Англии, и был готов взять под свой контроль чилийский капитал.

В итоге, с одной стороны, в стране шло быстрое развитие капитализма, а с другой — укреплялись позиции британского капитала, определявшего направления капиталистического развития Чили. Создавалась опасность превращения страны в экономическую колонию Великобритании.

Задачу ограничения деятельности иностранных компаний, их подчинения контролю государства взял на себя выдающийся государственный и политический деятель Хосе Мануэль Бальмаседа¹, избранный на пост президента в 1886 г. Возглавляемые им прогрессивные политические силы развернули наступление на позиции британских селитряных компаний под лозунгом: «Чили — чилийцам!»

Главными направлениями деятельности правительства Бальмаседы являлись национализация промышленности и железных дорог, создание государственного банка. Принятый в 1887 г. закон запрещал распродажу государственных земель, содержащих залежи селитры. Были выкуплены сертификаты, выпущенные в свое время правительством Перу и обеспечивавшиеся селитряными предприятиями провинции Тарапака, отошедшей после Тихоокеанской войны к Чили. В апреле 1889 г. была создана специальная комиссия по изучению положения в селитряной промышленности, что вызвало тревогу британских инвесторов во главе с Нортом. В его поддержку выступили финансовые круги лондонского Сити и правительство королевы Виктории. Кроме того, финансовую олигархию и правящие круги Англии беспокоили попытки Бальмаседы в противовес экспансии Великобритании опереться на ее конкурентов — Францию, Германию и США.

Норт и его единомышленники в Чили из числа крупных дельцов, банкиров и торговцев, связанных с британским капиталом, перешли в наступление, развернув в конгрессе демагогическую кампанию в защиту «демократических свобод», против «тирании президента». Хозяева селитряных и медных рудников преднамеренно свертывали производ-

¹ Его судьба удивительным образом напоминает судьбу другого выдающегося президента Чили — Сальвадора Альенде

ство, искусственно создавали трудности для сбыта главных предметов чилийского экспорта на мировом рынке. Положение усугублялось тем, что подрывные действия британских монополистов совпали с экономическим кризисом, парализовавшим добычу селитры и особенно меди. В этих условиях закрывались шахты, рудники, масса рабочих и служащих лишилась работы, голодала.

Недовольство банкиров, предпринимателей и торговцев огромными убытками в связи с падением на мировом рынке цен на предметы чилийского экспорта было использовано врагами и противниками Бальмасады, выставившими его главным виновником всеобщего бедствия. Реакционные силы использовали для дискредитации правительства и забастовочное движение, развернувшееся в стране.

В сложной политической обстановке Бальмасада пытался мирным путем решить конфликт между трудом и капиталом, призывая предпринимателей и рабочих достичь взаимопонимания. Однако власти на местах широко применяли войска и полицию для подавления забастовок. Двойственная позиция Бальмасады вызвала разочарование рабочего класса, широких слоев трудящихся. Так Бальмасада, восстановив против себя могущественные силы господствующих классов, лишился поддержки и народных масс.

Чилийская олигархия и британский империализм воспользовались экономическими и политическими трудностями в стране для свержения правительства Бальмасады. Норт выделил огромные суммы на организацию антиправительственного заговора. Позиции Бальмасады все более слабели. Опасаясь обструкции консервативного большинства конгресса, Бальмасада, не созывая его, 1 января 1891 г. обнародовал бюджет на новый год. Это вызвало негодование консервативного крыла конгресса, которое 7 января постановило лишить Бальмасаду полномочий президента. В этот же день начался мятеж, который возглавил капитан военно-морского флота Х. Монтт. Главной базой мятежа был центр селитряной зоны г. Икике.

В течение февраля—марта правительственные войска потерпели ряд серьезных поражений от мятежников. Моральное состояние армии было подорвано переходом на сторону мятежников главного военного советника правительства немецкого полковника Э. Кернера.

Мятежников поддержали Великобритания, отстаивавшая свои командные высоты в Чили, и Германия — молодой империалистический хищник, мечтавший потеснить своего главного соперника Англию в этой стране богатейших экономических возможностей и огромного стратегического значения в Южной Америке. Антиимпериалистическая направленность экономической политики Бальмасады была препятствием для осуществления экспансионистских планов кайзеровской Германии.

Правительство Германии дало указания своему послу в Чили Гутшмиду «установить хорошие отношения с новым правительством», т. е. с правительством мятежников. К берегам Чили была направлена эскадра немецких военных кораблей под командованием адмирала фон Вагиаса, которая оказала мятежникам поддержку огнем при взятии ими Вальпараисо.

Военные корабли Великобритании тоже подошли к берегам Чили. Враждебная позиция Англии и Германии по отношению к правительству Бальмаседы способствовала политическому укреплению позиций мятежников и их военным победам.

США, понимая, что падение законного правительства приведет к укреплению в Чили позиций их соперников — Великобритании и Германии, — пытались поддержать Бальмаседу, но его положение было безнадежным.

В июле мятежники начали наступательные операции в районе Вальпараисо и Сантьяго. 28 августа они заняли Вальпараисо. Столица была обречена. Ночью 29 августа Бальмаседа пригласил к себе генерала М. Бакедано, видного участника Тихоокеанской войны, и передал ему полномочия главы государства. На рассвете Бальмаседа отбыл в аргентинское посольство.

Генерал Бакедано объявил о прекращении военных действий, освободил из заключения всех противников Бальмаседы. 31 августа 1891 г. он заявил об отказе от полномочий, возложенных на него Бальмаседой. В тот же день мятежники вступили в столицу. 1 сентября глава мятежной хунты Хорхе Монтт обратился к населению страны с заявлением о победе «святого и благородного дела» и торжестве «конституции и порядка». Монтт приказал блокировать аргентинское посольство, дабы не допустить выезда Бальмаседы из страны, потребовал его явки на суд. Срок президентских полномочий Бальмаседы истекал 18 сентября. На рассвете 19 сентября он застрелился.

Так трагически оборвалась жизнь Хосе Мануэля Бальмаседы, первого президента Чили, выступившего в защиту национального суверенитета, национальных богатств страны, пытавшегося провести в жизнь ряд мероприятий, направленных на ослабление, а в перспективе и на ликвидацию засилья в стране британского капитала. Но слишком узка была его социальная база и слишком могущественны силы внутренней и внешней реакции. Национальная буржуазия была еще слаба, в то время как блок латифундистов, банкиров и торговцев, связанных с британским капиталом, держал в своих руках командные высоты в стране.

Наряду с национальной буржуазией ускоренно развивался и рабочий класс, особенно в Аргентине (где вместе с полупролетариями он уже в 1895 г. составлял 56% самодеятельного населения), Уругвае,

Чили, Мексике, Бразилии и на Кубе. Поскольку формировался рабочий класс и за счет европейских иммигрантов, он оставался безучастным пока и к национальному, и к аграрному вопросам, но зато впивался с потоком иммигрантов передовые идеи и опыт борьбы за чисто пролетарские требования. Несмотря на репрессии, неуклонно повышалась степень его организованности и численность, и в начале XX в. во всех перечисленных странах уже сложились общенациональные профцентры. С конца XIX в. здесь действовали социалистические партии — члены II Интернационала. Но преобладающим влиянием в профдвижении пользовались течения анархо-синдикализма и синдикализма, которые в отличие от социалистов рассматривали парламентские формы борьбы как подчиненные формам «прямого действия» — забастовкам, стачкам, восстаниям. Латиноамериканскому пролетариату удалось к началу XX в. вырвать ряд принципиальных уступок: 8-часовой рабочий день для некоторых категорий трудящихся в Мексике (1909 г.), законы о производственном травматизме в Аргентине, Уругвае (1915 г.) и Чили (1916 г.), образование департаментов — первых рабочих министерств — в Аргентине и Мексике (1912 г.). Так постепенно рабочий вопрос вторгся в сферу политики, подрывая устои либерально-олигархического государства.

На рубеже XIX—XX вв. снова активизировалось крестьянство, особенно в Индо-Америке. Крестьянская война развернулась в Эквадоре (1913—1916), крупное индейское восстание с требованием реставрации общинных земель вспыхнуло в Перу (1914 г.). В Колумбии извечное стремление крестьянина к владению землей нашло выражение в борьбе за сохранение общинных земель, в захватах необработанных земель, которые крестьяне объявляли государственными. В 1914—1916 гг. вдохновителем борьбы индейцев за землю вновь стал индейский лидер М. Кинтин Ламе. Он возглавил захват латифундий в департаментах Каука, Уила и Толима. Кинтин Ламе пытался объединить разрозненные выступления крестьян трех департаментов. Крестьянская борьба за землю приняла такой размах, что правительство направило полицию и воинские части для расправы с крестьянами. В Мексике крестьянство выступило главной движущей силой революции 1910—1917 гг. Масштабы и характер этого движения определили радикальное решение аграрного вопроса.

Однако наибольший резонанс был вызван активным выдвижением на политическую арену Латинской Америки средних городских слоев, прежде всего интеллигенции. Резкое увеличение численности этой категории населения обуславливалось потребностями капиталистического развития: если, например, за период с 1869 по 1914 г. все население Аргентины выросло в 3,7 раза, то число врачей за это же время

возросло в 6, юристов — в 7, учителей и преподавателей — в 16, научных работников и журналистов — в 25, государственных управленцев — в 27 раз. Существенно изменилось и ее качество: если в начале XIX в. интеллигенция в подавляющем своем большинстве была не столько прослойкой между классами, сколько интеллектуальной элитой самого господствующего класса, то теперь она действительно стала разночинной прослойкой.

Из среды этой интеллигенции вышла плеяда замечательных мыслителей национально-демократической ориентации: кубинец Хосе Марти, аргентинец Мануэль Угарте, уругваец Хосе Энрике Родо, перуанец Мануэль Гонсалес Прада, мексиканец Хосе Васконселос. Подвергнув резкой критике либерал-позитивистскую модель развития, в том числе господствовавшую на континенте «нордоманию», эти мыслители помогли народам Латинской Америки преодолеть комплекс ущербности и обрести веру в историческое предназначение. Разбудив национальное самосознание латиноамериканцев, они способствовали громадному росту антиимпериалистических, в первую очередь антиамериканских, настроений.

Интеллигенция не только возглавила партии того или иного класса, но и впервые попыталась организовать и сформулировать в общенациональных проектах интересы оппозиционных в отношении правящей элиты классов и слоев общества — национальной буржуазии, крестьянства, рабочих. Так возникли на рубеже XIX—XX вв. первые многоклассовые партии — Гражданский радикальный союз Аргентины, Батлыстская партия Уругвая, Кубинская революционная партия и др.

За Аргентиной на рубеже XIX—XX вв. прочно закрепилось название «пятого британского доминиона». Великобритания контролировала внешнюю торговлю страны, являясь крупнейшим поставщиком промышленных товаров и основным потребителем продуктов аргентинского экспорта. Лондонские банки были главными аргентинскими кредиторами.

Тесно связанные с внешним рынком, аргентинские латифундисты не были заинтересованы в развитии национальной промышленности, за исключением ряда отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции. Сюда они вкладывали капиталы, становясь одновременно крупными промышленниками.

Сложившаяся социально-экономическая структура и льготные условия деятельности иностранных компаний тормозили накопление денежных капиталов внутри страны, способствуя вывозу подавляющей их части за границу в виде процентов на вложенный капитал и по внешним займам. В стране полностью отсутствовала тяжелая про-

мышленность, а предприятия легкой работали на привозном сырье и импортном оборудовании.

Аргентинское либерально-олигархическое государство берет свое начало с правления «героя пустыни», генерала Хулио Архентино Роки (1880—1886). Он и его преемник Хуарес Сельман продолжили либеральные преобразования. Законом о всеобщем образовании с 1884 г. для всех детей вводилось обязательное начальное бесплатное светское образование. В 1887 г. был принят закон о гражданском браке и введена государственная регистрация гражданских актов. Из-за последовавшего конфликта с церковными иерархами страны и после их поддержки папой Пием IX аргентинское правительство даже прервало отношения с Ватиканом.

Правящие круги Аргентины хорошо понимали, что «мятежи не копируются на Лондонской бирже». Навести в стране порядок и создать наиболее благоприятные условия для обогащения местным латифундистам и иностранному капиталу могло только сильное центральное государство с постоянной столицей и единой военной организацией. Президент Рока и стал создателем такого политического режима, который получил название «уникато» и был во многом прямо противоположен буржуазно-демократическим формам правления, провозглашенным конституцией 1853 г. Он единолично подбирал губернаторов провинций, членов конгресса и собственного преемника. Его власть опиралась на Национально-автономистскую партию — единственную политическую организацию в стране — и вооруженные силы, под контролем которых проходили выборы. Кумовство и коррупция стали неотъемлемой чертой уникато. Насколько узкой и семейственной была правящая камарилья, хорошо показывает тот факт, что Рока в 1886 г. навязал стране преемника в лице собственного шурина сенатора Хуареса Сельмана. Новый президент также поспешил отдать важнейшие государственные должности своим родственникам.

Такой режим не только закрывал доступ к политической деятельности широким народным массам, но и отстранял от участия в управлении государством национальную буржуазию. Тем не менее с федерализацией Буэнос-Айреса и запрещением провинциальным властям организовывать вооруженные силы произошла окончательная консолидация аргентинского государства. Прекратились длившиеся десятилетиями междоусобные войны, в стране установилась мирная жизнь, что явилось одним из условий экономического бума. Поэтому в первые годы диктатуры правящая верхушка почти не имела оппозиции. Лишь группа передовой молодежи выступала против олигархии.

Однако либеральная модель экономики покоилась на притоке в страну иностранного капитала. К 1890 г. сумма займов достигла 668 млн золотых песо, что равнялось экспорту страны за 6 лет. Государственный долг составил 355 млн. На основе займов и иностранных капиталовложений банковские кредиты возросли со 189 млн в 1883 г. до 1 360 млн в 1889 г. Одновременно денежная эмиссия увеличилась на 200 млн. И когда наступил мировой экономический кризис 1890— 1893 гг. и денежные поступления из-за границы прекратились, страна оказалась в тяжелейшем положении. В несколько раз упали цены на товары аргентинского экспорта, и резко подорожало золото. Банковский кредит исчез, начались массовые банкротства и безработица. Вновь прибывшие иммигранты массами покидали Аргентину.

Так обозначилось противоречие между развитием производительных сил и системой производственных отношений, которая основывалась на концентрации земельной собственности и контроле иностранного капитала над экономикой страны. Дальнейшее развитие производительных сил требовало расширения внутреннего рынка и создания современной промышленности. А это в свою очередь было немыслимо без упразднения олигархического характера системы власти, без расширения демократических прав и свобод населения.

Оппозицию олигархическому правительству представляли противостоящие друг другу социальные силы — от либеральных землевладельцев до молодого рабочего класса, от католиков до социалистов. Их консолидация началась с выступления молодежи столицы, когда на митинге 1 сентября 1889 г. сотни студентов и преподавателей столичного университета, адвокаты, врачи создали политическую организацию Гражданский союз молодежи и провозгласили основные принципы движения: свободные выборы, честная администрация, автономия провинций и муниципалитетов. Признанным вождем союза был адвокат Леандро Алем. Еще в 1870 г. он принял участие в основании «Клуба 25 Мая», заявившего о приверженности идеалам Майской революции 1810 г. и требовавшего демократизации общественно-политической жизни, установления в стране буржуазно-демократического режима.

С присоединением к организации мелкой и национальной буржуазии и буржуазно-землевладельческой верхушки, обделенной политической властью, в 1890 г. молодежный союз был преобразован в политическую партию Гражданский союз, которая в 1891 г. приняла название Гражданского радикального союза (ГРС). Союз объявил вождем Л. Алема, подтвердил требования свободных выборов, честной администрации и федеральной системы правления, а также провозгласил своими целями защиту национальных богатств, борьбу против засилья в экономике страны иностранного капитала, проведение частичной аг-

рарной реформы путем раздела общественных земель между арендаторами и колонистами.

Созданная в вооруженных силах страны офицерская организация «Ложа 33» выступила на стороне ГРС, и партия встала на вооруженный путь борьбы. Однако поднятые ею восстания в 1890—1893 и 1905 гг. потерпели поражения. Тем не менее эти восстания, а также подключение к борьбе радикалов за демократизацию государственного строя широкого забастовочного движения рабочих, сельскохозяйственных работников и крестьян вынудили президента Роке Саэнса Пенью выступить инициатором проведения избирательной реформы. В феврале 1912 г. Национальный конгресс принял закон о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании. Согласно новому закону, все граждане, достигшие 18 лет, были обязаны принимать участие в выборах. Участие в выборах наряду с воинской повинностью объявлялось основной обязанностью каждого гражданина страны.

Закон Саэнса Пеньи явился компромиссом между олигархией и оппозиционными кругами аргентинской буржуазии. Избирательная реформа привела к разделению власти между ними. На ее основе в 1916 г. лидер радикалов Ипóлито Иригойен был избран президентом страны. Новый руководитель государства приступил к реализации программных положений ГРС: утверждению в стране демократических правовых норм, стимулированию национальной экономики, развитию под контролем государства нефтяной промышленности, изъятию у латифундистов не использовавшихся ими угодий и раздаче земли колонистам.

Вместе с тем правительству Иригойена пришлось решать новый для стран Латинской Америки вопрос — рабочий. Как подлинно буржуазное правительство, оно подавляло боевые выступления пролетариата. Но как правительство реформистское, оно было вынуждено пойти на удовлетворение многих требований рабочих — сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, введение пенсий для ряда категорий трудящихся, ограничение труда подростков и детей, провозглашение свободы деятельности профсоюзов и т.п.

В либерально-олигархическом Уругвае военные президенты, принадлежавшие к партии «колорадо» — Лоренсо Латорре (1876—1880), Максимо Сантоса (1882—1886) и Максимо Тахеса (1886—1890), создали сильную централизованную власть, установили контроль над провинциальными каудильо и сделали их восстания, если и не невозможными, то по крайней мере весьма затруднительными. В стране воцарился относительный мир и порядок, что, как и в соседней Аргентине, не преминуло сказаться на темпах притока иностранного, в первую очередь английского, капитала и расцвете уругвайской экономики.

Со временем и в Уругвае подросла национальная буржуазия, которую уже перестала устраивать либеральная модель экономики, общества и государства. Она все настойчивее добивалась ослабления британского влияния в стране, ускоренного развития промышленности, расширения государственного сектора в экономике, развертывания общественных работ, а также установления в стране конституционного режима. В самом руководстве партии «колорадо» также усилилось влияние политических лидеров, выражавших интересы национальной буржуазии. Среди них выделялся видный журналист Хосе Батлье-и-Ордоньес (1856—1929), сын президента республики в 1868—1872 гг. Лоренсо Батлье. В 1886 г. Хосе Батлье основал газету «Эль Диа», сыгравшую существенную роль в реорганизации партии «колорадо» и ее политического курса.

В 1894—1897 гг. Уругвай особенно остро переживал последствия экономического кризиса 1890 г., обрушившегося на трудящиеся массы города и деревни. Это обстоятельство подсказало национальной буржуазии, где она может искать социальную опору для своей борьбы. Выступая в газете «Эль Диа» в поддержку ряда требований трудящихся, Батлье преследовал цель распространить среди них идеи партии «колорадо» и рассчитывал таким образом поставить буржуазию во главе масс.

Уже в период правления президента Хуана Куэстаса (1899—1903) была провозглашена широкая программа общественных работ, в том числе и модернизация порта Монтевидео. Куэстас отменил противоречивший интересам страны закон о предоставлении одной из британских компаний права на строительство электрической трамвайной сети и принял ряд мер по созданию национальных транспортных и промышленных предприятий. Однако президент не был последователен, и правительственная программа не была реализована до конца.

Когда же 1 марта 1903 г. на пост президента страны вступил Х. Батлье-и-Ордоньес, перед уругвайскими предпринимателями открылись благоприятные возможности развития производительных сил как в городе, так и в деревне.

Переворот произошел в главной экспортной отрасли страны — скотоводстве, когда француз Ш. Телье совместно с уругвайцами Фр. Лекоком и Ф. Нин-Рейесом разработали метод замораживания мяса. Этот способ значительно расширял возможности экспорта уругвайского скота, хотя и требовал создания дорогостоящих морозильных установок и постройки морских судов с холодильными камерами. В 1904 г. вступила в строй первая в стране мясохладобойня «Ла Фриго-рифика Уругуайа». За 6 месяцев 1905 г. было обработано и отправле-

но в замороженном виде в Англию более 3 тыс. туш крупного и 81 тыс. мелкого рогатого скота.

В начале XX в. вызов британскому капиталу в Уругвае бросили американские монополии. Вслед за ними в страну устремился и германский империализм, который проник в оптовую торговлю, строительство и эксплуатацию трамвайных линий, а также учредил Трансатлантический банк. Это обстоятельство позволило национальной буржуазии во главе с Батлье-и-Ордоньесом использовать межимпериалистические противоречия для ослабления британского контроля над экономикой страны.

В наибольшей мере этим целям отвечало сотрудничество с США, которые в борьбе с британским капиталом учитывали возросший вес уругвайской национальной буржуазии после прихода к власти Батлье и именно в ней искали себе опору. Поэтому на экспансию американцев в 1906 г. в уже существовавшую мясохладобойную промышленность национальная буржуазия Уругвая отреагировала снисходительно. С помощью американских займов правительству удалось полностью или частично национализировать ряд отраслей транспорта и коммунального хозяйства, захваченных английским капиталом еще до 1903 г., и таким образом поколебать британские позиции в Уругвае.

Политика поощрения национального производства привела к тому, что увеличение объема торговли в эти годы происходило не за счет потребительских товаров, а за счет сырья, материалов и оборудования для промышленности и сельского хозяйства. Это дало возможность правительству оздоровить государственные финансы. В частности, бюджет 1905/06 хозяйственного года был сведен с положительным салдо в сумме 500 тыс. песо.

Развитие промышленности укрепило класс буржуазии. В то же время под давлением формировавшегося рабочего класса она шла на издание законов в социальной сфере. Уже в период первого президентского срока Батлье внес в парламент проект закона о предупреждении несчастных случаев на производстве, а также законопроект о 8-часовом рабочем дне для городских рабочих и служащих. Затем последовали законы о пенсиях по старости, об установлении прав внебрачных детей, об отделении церкви от государства, в 1907 г. в законодательном порядке вводился развод.

Некоторые изменения претерпела и политико-юридическая надстройка уругвайского общества. С самого начала государственной деятельности Батлье столкнулся с резким противодействием своему курсу со стороны Консервативной партии «бланко». В 1904 г. военный руководитель этой партии Апарисио Саравья поднял восстание, которое закончилось гибелью Саравьи, поражением его армии и положило ко-

нец власти «бланко» в ряде департаментов. Мятежи и вооруженные перевороты, сотрясавшие Уругвай на протяжении трех четвертей века, надолго исчезли из жизни страны.

После правления представителя партии «колорадо» Клаудио Вильямана (1907—1910) Х. Батлье вновь занял пост президента. Он поощрял американские инвестиции в экономику, когда созданная в 1911 г. «Мясохладобойня Монтевидео» была куплена американцами за 5 млн песо и с 1913 г. переименована в «Фригорифико Свифт». Тем не менее американские и британские компании вскоре образовали «пул», призванный регулировать деятельность мясохладобойной промышленности в целях предотвращения потерь в конкурентной борьбе. В 1915 г. на базе национальных капиталов была основана «Мясохладобойня Артигас», которая начала забой скота в 1917 г., уже перейдя во владение чикагской компании «Армур». В том же 1915 г. уругвайское правительство получило первый заем от одного из нью-йоркских банков.

Правительство Батлье продолжило реформирование отношений между трудом и капиталом. В 1911 г. оно внесло на рассмотрение парламента законопроект о 8-часовом рабочем дне для всех трудящихся. Социалистическая партия вовлекла в движение за поддержку законопроекта профцентр ФОРУ и развернула агитацию в столице и провинции. Однако пролетариат был нужен национальной буржуазии не в качестве самостоятельного союзника во главе с социалистами, а в качестве руководимой ею социальной опоры. И, воспользовавшись дезориентацией и дезорганизацией в рядах еще не объединенного пролетариата, сторонники Батлье приступили к созданию вокруг реформистского ядра партии «колорадо» рабочей партии, чем предвосхитили практику национал-реформизма задолго до его появления на политической сцене Латинской Америки. В результате тысячи людей, находившихся под влиянием анархо-синдикалистов и социалистов, стали батльистами. Так возникла Батльистская партия «колорадо».

Против проекта закона выступили управляющие иностранных транспортных компаний — железнодорожных и трамвайных, а также банкиры, крупные промышленники, дельцы. Борьба в парламенте вокруг проекта крайне обострилась. И консервативным силам удалось добиться отсрочки обсуждения законопроекта о 8-часовом рабочем дне.

Сложившееся в Уругвае либерально-олигархическое государство также подверглось реформированию. В марте 1913 г. Батлье-и-Ордоньес опубликовал заметки о реформе конституции, основная идея которых заключалась в замене личной власти президента коллегиальным исполнительным органом. Сторонники батльизма развернули борьбу за демократические завоевания (обязательная регистрация избирателей, тайное голосование, муниципальная автономия), расширение основ

коллегиальной исполнительной власти, усиление государственного регулирования в области промышленности, торговли и финансов, за эксплуатацию государством предприятий коммунального хозяйства, протекционистскую политику в области национальной промышленности.

На этом фоне произошла перегруппировка политических сил. Из партии Батлье вышли некоторые видные деятели, связанные со скотоводами и британскими компаниями. Они образовали партию правого толка, получившую название *Риверистской партии «колорадо»*, и выступили против социального законодательства Батлье и его политического курса в целом.

1 марта 1915 г. завершился второй президентский период Батлье, радикальный демократизм которого оставил заметный след в истории страны. Его преемником стал Фелисиано Виэра, выдвинутый фракцией большинства партии «колорадо».

При нем для проведения выборов в Национальную конституционную ассамблею 10 сентября 1915 г. был принят новый избирательный закон. Его важнейшими нововведениями стали всеобщее право голоса (правда, лишь для мужчин), тайное голосование и пропорциональное представительство. 17 ноября 1915 г. парламент, наконец, утвердил закон об установлении 8-часового рабочего дня.

Однако на выборах 30 июня 1916 г. в Национальную конституционную ассамблею, которой надлежало обсуждать составленный Х. Батлье проект реформы конституции 1830 г., крайне консервативные силы добились победы, собрав около 90 тыс. голосов из общего числа 148 тыс. Они воспользовались законом о выборах, который впервые предусматривал участие в них всех, включая неграмотных, батраков и наемную прислугу, и обеспечили решительный перевес в свою пользу.

Поражение сил реформизма определило капитуляцию правительства Фелисиано Виэры. Через несколько дней после выборов он опубликовал манифест, в котором, в частности, говорилось: «Передовые социальные и экономические законы, принятые в течение последних лет, встревожили многих наших единомышленников, и они отказали нам в поддержке на выборах. Хорошо, господа, мы не будем больше продвигаться вперед в области социального и экономического законодательства и примирим труд и капитал. Мы шли достаточно быстро. Сделаем передышку в проведении дальнейших мероприятий в области заработной платы, не будем больше покровительствовать законам такого рода и приостановим принятие тех, которые находятся на рассмотрении законодательных органов»¹.

¹ Тихменев В.Е. Уругвай в конце XIX — начале XX века // История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 131.

По стране прокатилась волна репрессий против рабочего движения. Вместе с начальником полиции Монтевидео В. Сампоньей президент республики Ф. Виэра участвовал в фабрикации «революционного заговора» для оправдания арестов руководителей профессиональных союзов, закрытия рабочих профсоюзов и высылки рабочих-иммигрантов из страны.

И все же, несмотря на приостановку социальных реформ, принятая в 1918 г. новая конституция Уругвая значительно укрепила основы демократии в стране.

Таким образом, нарастающее давление новых и обновленных общественных классов и слоев, удешевленное их объединением в широкие многоклассовые коалиции, привело к введению всеобщего (для мужчин) избирательного права и в Аргентине, и в Уругвае. В итоге гражданское общество приняло более современный вид, что в свою очередь способствовало постепенному уходу в прошлое либерально-олигархического государства.

Мексиканская революция В годы правления Порфирио Диаса
1910—1917 гг. (1876—1911) Мексика достигла больших

успехов в экономике за счет бурного притока иностранных инвестиций, а также экспроприации и снижения уровня жизни народных масс, т.е. удешевления рабочей силы. Но оборотной стороной этих успехов явилось усиление зависимости страны от США и высокая социальная напряженность. Поэтому Мексика весьма болезненно отреагировала на циклический кризис в США 1907—1908 гг., который в сумме с неурожаем 1910 г. породил острый экономический, социальный и политический кризис в стране.

Буржуазный лагерь, выступивший против правящего режима, возглавил крупный латифундист и фабрикант Франсиско Мадеро, который обратился к мексиканскому народу с Планом Сан-Луис-Потоси. План предусматривал избавление Мексики от империалистического господства и возвращение крестьянам отнятых у них в период правления Диаса земель. Хотя социальные вопросы в плане упоминались отнюдь не в полной мере, он стал катализатором для массовых народных восстаний по всей стране.

Крестьянский лагерь, отчасти поддерживавший Мадеро, выдвинул вождей из своей среды. В силу региональных особенностей этот лагерь представляли разные силы. Первая и наиболее боеспособная действовала во главе с легендарным Франсиско (Панчо) Вильей¹ в Чиуауа и

¹ Подлинное имя этого вождя — Доротео Аранго. Имя Франсиско Вилья, которым он назвался, принадлежало его погибшему другу.

других северных штатах страны, где структура экономики и жизненный уклад весьма напоминали такие скотоводческие страны, как Аргентина и Уругвай. Здесь основная масса крестьян были вакеро (ковбои). Они отличались мобильностью, а их повстанческая армия была способна на дальние походы. У этой части крестьянства было свое представление об аграрной реформе: понимая преимущества крупного скотоводческого хозяйства, крестьяне требовали не раздела земли и скота помещиков между собой, а перевода их целиком в собственность государства. Доходы же от таких госхозов должны были идти на оплату труда наемных вакеро, содержание вдов и сирот погибших революционеров и т.д.

Вторая крестьянская освободительная армия под руководством Эмильяно Сапаты сложилась в Морелосе, одном из центральных штатов Мексики, где преобладало земледелие. Мелкие земледельцы могли совершать чудеса героизма в своей деревне, в своем штате, но их было очень трудно увлечь в дальние военные походы. Поскольку в этих же районах проживала основная масса индейского населения, то аграрную реформу здешнее крестьянство понимало как реставрацию на отнятой у латифундистов земле общинного хозяйства. Так как пришедшее в октябре 1911 г. буржуазное правительство Ф. Мадеро не спешило с аграрной реформой, уже через месяц между ним и освободительной армией началась открытая война. В итоге Э. Сапата обнародовал План Айяла — аграрный декрет, объявлявший, что все отнятые помещиками у крестьян земли, леса и воды переходят во владение последних.

Рабочий лагерь представлял мощный общенациональный профцентр «Дом рабочих мира» синдикалистской ориентации. Он внес существенный вклад в свержение Диаса, но в конечном счете боролся за радикальное решение социальных вопросов в интересах пролетариата и был весьма далек от чаяний крестьянства. Впрочем, крестьянские вожди также не проявляли внимания к рабочему вопросу.

Борьба этих революционных сил между собой, с одной стороны, и реакцией — с другой, а также американские интервенции в Мексику (1914 и 1916—1917) — все это придавало развитию революции самые неожиданные повороты. В 1915 г. сложилось даже двоевластие, когда столицу страны г. Мехико заняли так называемые конвентисты, опиравшиеся в основном на северную дивизию Панчо Вильи и освободительную армию Э. Сапаты, а буржуазное правительство «конституционалистов» во главе с Викторiano Каррансой было вынуждено переехать в порт Веракрус.

В такой непростой обстановке не последнюю роль в развитии революции сыграл Альваро Обрегон — бывший механик, он стал во время революции генералом. В 1915 г. Обрегон убедил президента Каррансу издать долгожданный декрет о возвращении крестьянских земель, отобранных в годы диктатуры, что сузило опору обеих крестьянских армий. Затем на борьбу с крестьянскими повстанцами он с помощью синдикалистских лидеров профсоюзов мобилизовал «красные батальоны» из рабочих, вооружив их большим количеством пулеметов, самым эффективным средством борьбы с крестьянской конницей. После разгрома крестьянских отрядов «красные батальоны» были разоружены, а из пулеметов расстреливали уже рабочие демонстрации.

Тем не менее в принятой в 1917 г. конституции были отражены завоевания всех участвовавших в революции сил. Учитывая интересы национальной буржуазии и крестьянства, статья 27 лишила иностранные монополии всяких привилегий, подчинив их суверенитету мексиканского государства, и заложила основу для широкой аграрной реформы. Статья 123 стала для рабочего класса Мексики самым передовым по тому времени трудовым кодексом в капиталистическом мире.

5 февраля того же года окончательно покинули Мексику и американские интервенты. Однако за декларированные конституцией преобразования еще предстояла длительная и упорная борьба. Тем не менее именно Мексиканская революция подвела своеобразный итог либеральной модели экономики, общества и государства и наметила программу буржуазно-демократических преобразований новейшего периода истории как в самой Мексике, так и в остальных государствах региона.

Глава 2

КУЛЬТУРА В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

§ 1. Культура периода войны за независимость

Вызревавшее в недрах креольского общества стремление освободиться от экономического и духовного всевластия метрополии к концу XVIII столетия получило, как известно, три решающих стимула извне. Ими были: Война за независимость в Северной Америке, Великая французская революция и, позднее, вторжение Наполеона в Испанию и Португалию. В судьбах колоний, ранее изолированных от внешнего мира, эти события сыграли не только военно-политическую, но и огромную культурно-психологическую роль. Идеи антико-

лонизма, общественного договора, суверенитета и равноправия народов стали зримо воплощаться как у северных соседей, так и на самом Иберийском полуострове. В этих условиях и «романская» Америка вступила в вооруженную освободительную борьбу, захватившую всю первую четверть века.

Казалось бы, в разгар политической нестабильности, гражданской смуты и разрушения устоявшихся колониальных порядков духовная жизнь общества должна была замереть. Но она продолжалась, и достаточно активно, хотя и приобрела новые ориентиры и новые формы. Несмотря на то, что антииспанализм как всеобщее умонастроение оставался одной из главных пружин всех военных действий и движения за независимость в целом, в нем постепенно обретала плоть новая идея — идея самобытности и культурной неповторимости народов Американского континента, получившая название американизма¹. Это течение общественной мысли было тесно связано с резким подъемом национального самосознания полиэтнического населения испанских, португальских и французских колоний в Новом Свете и объяснялось тем местом, которое в латиноамериканских обществах занимали объединенные массы индейцев, негров, метисов и мулатов. Кроме того, раньше всего вооруженная борьба и ее победа были осуществлены на негритянском о. Гаити — в стране, первой оказавшей военную помощь Боливару, который выступил как противник расовой дискриминации и провозвестник американизма. В ходе войны за независимость наглядным проявлением этой идеологии стал расцвет фольклорного творчества всех основных этнических групп освобождавшихся колоний.

К чести вождей креольского сепаратизма следует признать, что многие из них выступили не только как талантливые полководцы и творцы зарождавшейся латиноамериканской государственности, но и как люди, понимавшие значение в ее становлении культурно-идеологического фактора и много сделавшие для его развития. Деятельность креольских народных первоизбранных протекала под знаком просветительства, политического либерализма и секуляризации церковных институтов. Блестящим примером человека действия и одновременно дальновидного государственника, последовательно проводившего в жизнь передовые идеи своего времени, был сам Симон Боливар. Он вместе со своими единомышленниками и соратниками способствовал многим конкретным цивилизаторским инициативам.

В результате еще до окончания вооруженной борьбы были созданы новые университеты: Арекипский и Антиокийский в Колумбии, уни-

¹ Точнее было бы говорить о «латиноамериканизме», ибо этот термин используется в отношении собственного единства лишь латиноамериканцами.

верситет г. Трухильо в Перу; появились мореходные училища в Колумбии и Эквадоре; национальные публичные библиотеки в Аргентине, Уругвае, Чили и Перу; музей естественной истории в Колумбии и т.п. На всех освободившихся территориях открывались средние и начальные учебные заведения, чаще всего при монастырях, обязанные новыми властями всемерно содействовать распространению грамотности среди простого народа.

Однако наибольший расцвет наблюдался в тех видах культурной деятельности, которые непосредственно служили делу освободительной борьбы — в ораторском искусстве и периодической печати, рассчитанных в те годы на самого демократического и непритязательного слушателя и читателя. Отличными ораторами и одновременно талантливыми публицистами и издателями были Ф. Миранда, М. Морено, М. Идальго, А. Нариньо и многие другие патриоты, заложившие культурные основы молодых наций. О масштабах журналистской деятельности могут свидетельствовать такие цифры: между 1810 и 1821 гг. только в Мехико выходили 15 периодических изданий, а в Колумбии, примерно за это же время, их издавалось около 50. В целом за первую четверть XIX в. в освободившихся колониях появилось больше газет и журналов, чем за весь трехсотлетний колониальный период. Одновременно патриотическая печать завозилась и из-за рубежа, особенно из Лондона.

Бурный и сравнительно краткий период войны за независимость не отмечен появлением непреходящих произведений художественного творчества, требующих, как известно, времени и терпения. Архитектура, скульптура, многие народные ремесла в эти годы пришли в упадок; живопись ограничивалась преимущественно портретами героев и батальными сценами (как, например, у К. Фернандеса); музыка — военными гимнами и походными песнями. Тем не менее литература, прежде всего поэзия, приобретает ярко выраженную политическую тенденциозность, и, что особенно важно, ее содержание наполняется национальными особенностями разных этнических групп. Среди наиболее характерных произведений этого времени первый латиноамериканский роман «Плешивый попугай» (1816 г.) мексиканца Х.Х. Фернандеса де Лисарди (1774—1827), проникнутый фольклорными мотивами; эпическая поэма «Победа при Хунине. Песнь Боливару» (1825 г.) эквадорца Х.Х. Ольмедо (1780—1847) — лучший литературный памятник о войне за независимость; народные стихи и песни Б. Идальго (1788—1823), которого считают родоначальником национальной аргентино-уругвайской поэзии гаучо; ода «Обращение к поэзии» (1823 г.) венесуэльско-чилийского просветителя А. Бельо (1781—1865), где он впервые призвал к культурной независимости Испанской Америки; на-

конец, лирические стихи расстрелянного испанцами священника-метиса М. Мельгара, в творчестве которого слились испанская поэтическая традиция и индейский фольклор. Мельгара стал зачинателем национальной поэзии Перу.

Католическая религия, хотя и навязанная испанцами угнетенным массам аборигенов и негров-рабов, стала в ходе последующего исторического процесса, благодаря ее лучшим представителям — от Лас Касаса до Идальго и Морелоса, — заметным интегрирующим фактором в рождавшемся латиноамериканском обществе. Решительно отвергая испанизм в качестве эталона культуры, почти все руководители и идеологи борьбы за независимость открыто отмежевывались от воинствующего безверия революционных просветителей и рассматривали борьбу против колониальной власти как дело, угодное Богу. Больше того, во многих новых республиках католицизм провозглашался в качестве государственной религии, исключавшей другие вероисповедания. Войско «отца» мексиканской нации священника Идальго украшала, например, хоругвь смуглой «Девы Гваделупской», символизировавшей смешанные, индейско-креольские истоки освободительной борьбы. На важность веры для победы над испанцами указывал и сам Боливар, признавая, что слияние политического энтузиазма с религией еще более воспламеняет людей на борьбу за священное дело свободы.

§ 2. Культура эпохи становления национальных государств

Кардинальное изменение государственных структур, широкие политические права в сочетании с экономическим либерализмом, веротерпимость в общественных отношениях на первый взгляд должны были бы привести к быстрой стабилизации и процветанию освободившихся колоний. Однако все эти законодательно оформленные и повсеместно провозглашаемые нововведения в течение первых десятилетий независимого существования не принесли латиноамериканцам гражданского мира. Известное исключение представляла собой Бразилия, где переход от колониального правления к независимости прошел более плавно и органично. В большинстве же латиноамериканских стран шла жестокая междоусобная борьба, в которой, с одной стороны, выступали буржуазные преобразователи-радикалы, ориентировавшиеся на внешний «свободный мир», с другой — консервативные силы, связанные с экономическим изоляционизмом. Долгие годы колониального господства отнюдь не способствовали воспитанию политической культуры пришедших в движение масс преимущественно полиэтнического населения.

На огромном пространстве от Аргентины до Мексики наступило время крайней политической нестабильности и гражданского, часто вооруженно-

го, противостояния, получившего название «период анархии». В целом же ни монархия, ни диктатура, ни демократия окончательно не прививались ни в одной из стран. Диктаторы, подобные Росасу в Буэнос-Айресе, или «императоры» типа Итурбиде в Мехико, так же закономерно сходили с политической сцены, как и демократические правители.

На уровне отдельных провинций всеобщая неустойчивость и анархия порождались действиями малообразованных, но волевых и энергичных выходцев из народа. Каудильизм, или проще говоря, вождизм, имевший ярко выраженную антилиберальную, антигородскую и простонародно-патриотическую окрашенность, стал питательной средой для появления сильных общенациональных диктатур типа Росаса в Аргентине, Санта-Анны в Мексике или Франсии в Парагвае. Общее для Латинской Америки того времени противостояние политического и экономического либерализма, с одной стороны, и националистического консерватизма и охранительства — с другой, как правило, выливалось в ожесточенную борьбу сторонников демократии и приверженцев авторитарных, харизматических форм правления, причем последние часто опирались на достаточно широкую народную поддержку.

Выразительнее всего противоборство между этими двумя силами в континентальном масштабе воплотил своей жизнью и творчеством выдающийся государственный деятель Аргентины, писатель, историк и педагог Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888). Жизнь Сармьенто, президента одной из крупнейших республик Латинской Америки, была целиком отдана борьбе против любых форм политического и экономического деспотизма и самовластия, за радикальное капиталистическое преобразование страны по североамериканским и западным образцам. Что касается творчества Сармьенто, весьма обширного и связанного с его бурной государственной и педагогической деятельностью, то даже одной его главной работы «Факундо, или Цивилизация и варварство» (1845 г.) было бы достаточно, чтобы навсегда обеспечить автору достойное место в истории латиноамериканской культуры.

Сармьенто родился в одной из самых отдаленных и бедных провинций на западе Аргентины — в г. Сан-Хуан в многодетной и обедневшей крепольской семье. С шести лет он посещал церковно-приходскую школу и стал ее первым учеником. Но по материальным причинам учиться ему больше не пришлось, и с тех пор, до самой смерти, Сармьенто — один из просвещеннейших умов своего времени — целиком отдался самообразованию. Его юность совпала с ожесточенной гражданской войной между унитариями, сторонниками объединенной капиталистической Аргентины под эгидой Буэнос-Айреса, и федералистами, защищавшими местные интересы отдельных провинций и традиционный уклад жизни. Сармьенто вступает в ополчение унитариев, в 20 лет он уже капитан. В

ходе боевых действий попадает в плен к одному из самых свирепых каудильо того времени, Факундо Кироге, жизнеописание которого и послужит впоследствии основой его знаменитой книги. Пленного капитана должны были расстрелять, но ему удается вырваться на свободу и эмигрировать в Чили. В годы первой эмиграции (1831—1835), когда у власти в Аргентине воцарился генерал Росас, Сармьенто, упорно сочетая работу и учебу, осваивал английский и французский языки и курс университетского образования. Вернувшись на родину, он устанавливает связь с руководителями знаменитой «Майской ассоциации» в Буэнос-Айресе, ставившей целью свержение диктатуры Росаса, ведет активную антиправительственную работу в родном Сан-Хуане и попадает в тюрьму, где его даже пытаются линчевать фанатики-федералисты.

Выйдя из тюрьмы, Сармьенто вновь оказывается в изгнании в Чили (1840—1850). Это был едва ли не самый продуктивный период в его творчестве. Занимаясь литературной и педагогической деятельностью, блестящий журналист Сармьенто обрушивает со страниц основанных им газет поток разоблачительных статей против Росаса и его приспешников и превращается в одного из признанных вождей патриотической эмиграции. Тогда же отдельными выпусками выходит «Факундо» и завязывается его принципиальнейшая для судеб континентальной культуры полемика с Андресом Бельо, на взглядах которого мы остановимся ниже. Во второй половине 40-х годов при поддержке чилийских друзей Сармьенто получает возможность совершить длительную поездку по многим странам Европы и Соединенным Штатам для ознакомления с опытом постановки народного образования. Этот опыт он позднее широко использует в собственной стране. После падения диктатуры Росаса и возвращения на родину Сармьенто делает головокружительную политическую карьеру: сенатор, министр, посол в Соединенных Штатах Америки, губернатор родной провинции Сан-Хуан и, наконец, президент Аргентины.

Деятельность Сармьенто в качестве главы государства имела решающее значение для последующих судеб страны, и в частности для ее культуры. Он не только политически и экономически преобразовал Аргентину под знаком радикального реформаторства, но и явился духовным отцом идеологической доктрины, которая претендовала на всестороннее объяснение процессов, происходивших во всей Латинской Америке на протяжении XIX в. В своей главной работе «Факундо», как явствует из ее подзаголовка, Сармьенто сводил эти процессы к борьбе двух эпохальных сил: варварства и цивилизации. При этом под варварством он нередко понимал автохтонное и колониальное испанское прошлое Америки, а под цивилизацией — всеобщее просвещение, научно-технический прогресс и зарождавшееся на Западе общество потребления.

Отдавая должное выдающейся реформаторской роли Сармьенто в общеконтинентальной культуре, нельзя не отметить в ней и некоторые крайности и пережесты. В целом аргентинского мыслителя часто критикуют за то, что он отождествлял утилитарное, преимущественно политехническое образование с культурой в более широком, духовном и национальном смысле слова, переоценивая первое и недооценивая последнюю. Верный своему враждебному отношению к варварству, он, со свойственной ему бескомпромиссностью и оттенком чисто креольского превосходства, нередко связывал его с «темным» и «диким» сельским населением — гаучо. В соответствии со своим любимым лозунгом «цивилизовать — значит заселять» он в целях привлечения в страну квалифицированных рабочих рук широко открыл Аргентину для иммигрантов. Однако поощрялась не всякая иммиграция, а лишь европейская, связанная с «культурным» человеческим «материалом». Что касается собственного сельского населения — носителя «варварства», то оно всячески притеснялось или, когда речь шла о «диких» индейских племенах, физически истреблялось в ходе карательных военных экспедиций.

Не случайно большая человеческая драма свободолюбивых пастухов-гаучо и сопротивлявшихся «цивилизации» индейцев нашла отражение в выдающемся произведении аргентинской литературы XIX в. поэме «Мартин Фьерро» Хосе Эрнандеса (1834—1886). В поэме, своеобразной художественной антитезе «Фаундо», показано в художественных образах, что часто «варварство» было отнюдь не варварством, а проявлением неповторимого национального духа.

По литературно-эстетическим взглядам и стилю своих произведений Сармьенто был ярким представителем и теоретиком романтизма — особого мироощущения, распространившегося в Латинской Америке после обретения ею независимости. Романтизм в тогдашней латиноамериканской литературе и искусстве являлся своеобразным художественным выражением революционной и либеральной идеологии и во многом питался антифеодальными и антидиктаторскими мотивами. Естественно, что Сармьенто, посвятивший всю свою жизнь борьбе против колониальных пережитков, местных каудильо и диктатуры Росаса, стал горячим поборником нового художественного направления. Не отделяя литературы от политики, он отождествлял романтиков со строителями «новой» жизни — революционерами, а приверженцев классицизма, обычно связанного с испанским культурным наследием, всех без разбора относил к консервативному и даже реакционному лагерю. И здесь, во время второй чилийской эмиграции, он столкнулся с другим деятелем латиноамериканской культуры, венесуэльцем и натурализованным чилийцем Андресом Бельо.

Роль этого просветителя, ученого, писателя и государственного деятеля в истории латиноамериканской культуры иногда сравнивают с ролью Боливара в политической истории континента. Такое сравнение представляется не лишенным смысла, тем более что оба были земляками и друзьями, а Бельо, будучи на два года старше Боливара и гораздо более образованным, чем он, по всеобщему признанию, оказал заметное влияние на духовное формирование своего великого соотечественника. В оде «Обращение к поэзии» Бельо первым из креольских поэтов призвал не только к политическому, но и культурному освобождению континента от диктата метрополии. В юности на него оказало большое влияние общение с А. фон Гумбольдтом. Позднее, занимаясь в качестве старшего друга и наставника с Боливаром, Бельо примкнул к патриотам и после свержения в Каракасе власти испанцев, в 1810 г., по решению Революционной хунты, был направлен в Лондон, где без малого два десятилетия представлял интересы освободительного движения. В Лондоне он посвятил себя антииспанской издательской деятельности и одновременно сформировался как крупный ученый-гуманитарий на уровне передовой европейской науки того времени. В 1829 г. он был приглашен на высокий дипломатический пост правительством Чили, где и прожил до конца своих дней. Чилийская культура, так же как и венесуэльская, обязаны ему очень многим: Бельо является основателем и первым ректором Национального университета в г. Сантьяго, создателем первого Гражданского кодекса Чили; автором первого учебника по истории Венесуэлы, первой Грамматики испанского языка для латиноамериканцев, его перу принадлежат многие работы филологического, философского и исторического характера, заложившие основы современной латиноамериканистики.

В этом свете приобретает особое значение его полемика с Сармьенто. И хотя ее предметом были испанский язык, филология вообще и отношение к романтизму (которому и Бельо в молодости отдал определенную дань), по существу дискуссия переросла в спор о судьбах испаноамериканской культуры как таковой. Революционный романтик Сармьенто считал, что испанский язык в Латинской Америке нужно «ломать», переделывать и обновлять так же решительно, как и общественные структуры; что культурным образцом для освободившихся испанских колоний должна стать не их духовная родина Испания, а более «передовая» страна — Франция; что все, кто противится этому, — ретрограды и враги прогресса. Бельо, человек, сам принявший участие в борьбе за независимость, глубокий знаток классического наследия и современной ему европейской цивилизации, смотрел на будущее континентальной культуры совсем по-иному. На 30 лет старше Сармьенто, он был свидетелем трагического хаоса кровавых гражданских междоусобиц, последо-

вавших за освобождением от политической власти Испании. Как и Боливар, Бельо к концу жизни понял иллюзорность революционного радикализма и слепого антииспанизма. Особенно когда они покушались на все лучшее, что оставила иберийская родина своим заокеанским приемникам, даже на общий язык, который и поныне является величайшим сокровищем братских ибероамериканских народов. Ревностный защитник гармонии и меры, античной «золотой середины», взвешенного и уважительного отношения к духовному наследию прошлого, Бельо отвергал как культурный антииспанизм Сармьенто, так и его преклонение перед чужеродным опытом Франции или США. Он выступал за критическое и комплексное использование европейских культурных ценностей и одновременно за самостоятельность их отбора латиноамериканцами в интересах формировавшейся континентальной самобытности. Показательно, что полемика приобрела особую остроту и в связи с тем, что Бельо был одним из видных деятелей Консервативной партии Чили и сторонником авторитарных форм правления, в то время как Сармьенто представлял революционных аргентинских реформаторов, пламенных поборников представительной демократии.

В конечном счете это была извечная борьба традиции и новаторства, в которой безоговорочное поражение одной из сторон всегда чревато или застоєм, или деградацией. Латинская Америка в целом избежала обеих крайностей. Она в равной степени учла духовные заветы как Бельо, так и Сармьенто. Со второй половины XIX в., по мере налаживания экономической жизни, политическая и идейная борьба либералов и консерваторов постепенно, хотя и медленно, сходит на нет, что приводит к появлению новых тенденций в общественной жизни, науке и искусстве.

§ 3. Культура конца XIX — начала XX в.

Примерно с 60—70-х годов в большинстве латиноамериканских республик, особенно в Бразилии и Мексике (соседке США), широкое распространение получает позитивизм — философское течение, тесно связанное с капиталистическим развитием и успехами опытного знания. В этих условиях новые государства Юга Америки, по определению известного доминиканского культуролога П. Энрикеса Уреньи, сначала переходят в стадию «организации и стабильности» (1860—1890), а затем в период «процветания и обновления» (1890—1920). Местная интеллигенция, как это часто бывает в периферийных по отношению к Европе странах, возвела позитивизм почти в ранг религии, а его основоположников — О. Конта, Д.С. Милля и Г. Спенсера — сделала своими главными пророками. Вспомним, что для Конта, который отдавал предпочтение чисто практическим знаниям, главный политический лозунг выражался

словами «порядок и прогресс», он стремился примирить в общественной жизни реставраторские и революционные тенденции. Милль, также будучи последовательным сторонником утилитаризма, определял целью людей достижение «наибольшей суммы общего счастья»; Спенсер, уподобляя общество «животному организму», считал любые революционные проявления его болезнями, а в качестве критериев общественной морали выдвигал достижение пользы, выгоды, удовольствия, добра и счастья. Нетрудно заметить, что в свете позитивизма терял свою остроту принципиальный спор между консерватором и традиционалистом Бельо, выступавшим за «порядок», и радикальным реформатором Сармьенто, отстаивавшим достоинства «прогресса». Показательно и то, что на знамени самой крупной страны Латинской Америки Бразилии, со времени обретения ею независимости, начертан лозунг: «Порядок и Прогресс».

Распространение позитивизма обусловило к последней трети XIX в. и определенные сдвиги в латиноамериканской научной мысли: заметных успехов добиваются связанные с хозяйственной практикой естественные и технические науки; традиционные гуманитарные дисциплины — история, география, археология, этнография, филология — поворачиваются лицом к местным, национальным реалиям, к познанию собственного континента, словно откликаясь на призыв Бельо хранить и приумножать региональную неповторимость испаноамериканской культуры в отличие от культуры Европы и США. Традиционный антииспанизм, опять-таки в соответствии с идеями Бельо и в противовес идеям Сармьенто, уходит в прошлое. К концу века в Колумбии, Мексике, Эквадоре, Венесуэле, Чили, Аргентине возникают филиалы испанской Королевской академии, которые ведут большую исследовательскую работу на правах «корреспондентов». Хотя молодая латиноамериканская наука и не выдвигает ученых с мировым именем, но многие из них приобретают общеконтинентальную известность, например аргентинский палеонтолог Ф. Амехино (1854—1911), колумбийский филолог и историк испанского языка Р.Ф. Куэрво (1844—1911), создатели многотомных историй своих стран чилиец Викауния Макенна (1831—1886) и мексиканец В. Рива Паласио (1832—1896).

В архитектуре и скульптуре французское влияние преобладает над испанским; в живописи классические тенденции переплетаются с романтическими; появляются первые национальные композиторы, первые оперы и первые симфонические оркестры, растет исполнительское мастерство, усиливается проникновение в авторское творчество местных фольклорных мотивов. Но, пожалуй, успешнее всего развивается художественная литература, где отмечается смена всех творческих школ, известных в Европе, от уже упоминавшихся нами классицизма и романтизма, через бытописательную прозу — костюмбризм (от исп. «costumbre» — обычай) — к реализму, натурализму и модернистским течениям начала XX в.

Родиной костумбризма была Испания, а в испаноамериканских странах это течение заметно примерно с середины века. Социальными причинами возникновения костумбризма, ставившего задачей изображение национального быта отдельных стран во всем их неповторимом своеобразии, были постепенная стабилизация буржуазных наций в отдельных частях Америки, рост национального самосознания, стремление каждого из формирующихся народов выразить себя в собственной, «домашней» литературе. Романтизм в известном смысле олицетворял общеконтинентальную солидарность латиноамериканских стран; костумбризм отразил подчеркнуто национальные тенденции в культуре каждой из них, делая акцент на описании конкретных сторон и особенностей местного быта, часто опираясь на фольклор, костумбризм был весьма существенным шагом на пути к реалистическому отображению действительности. Костумбризм широко распространился в литературе Чили, Колумбии и Мексики, где его виднейшими представителями были соответственно Х.Х. Вальехо (1809 — 1858), Т. Карраскилья (1858—1940) и М. Пайно (1810—1894).

Зарождение реалистической прозы связывают обычно с новеллой «Бойня» (1836 г.) одного из руководителей «Майской ассоциации» в Аргентине Э. Эчеверрии (1805—1851), который одновременно считается и крупнейшей фигурой латиноамериканского романтизма. Со второй половины XIX в. реалистические тенденции крепнут во всех жанрах латиноамериканской литературы. Первым крупным произведением, где реализм со всей очевидностью преобладает над романтической и костумбристской традициями, был роман чилийского писателя А. Блест Ганы (1830—1920) «Мартин Ривас» (1862 г.); вершиной реализма в поэзии (а может быть, и во всей испаноамериканской литературе XIX в. вообще) явилась поэма аргентинца Х. Эрнандеса «Мартин Фьерро» (1872 г.), ставшая национальным эпосом. Реализм как творческий метод ярче всего проявил себя в литературах стран Ла Платы (Аргентина, Уругвай) — районе наименее скованном в то время колониальными традициями и наиболее открытым для европейских и мировых влияний. Зачинатель реализма в Бразилии — поэт, прозаик и драматург Ж.М. Машаду ди Асис (1839—1908). На его произведения, проникнутые пессимизмом и критическим отношением к буржуазной действительности, оказала глубокое влияние русская классика.

Наибольшего своеобразия, связанного с прошлым и настоящим значительной части населения Латинской Америки, достигли писатели-реалисты, творившие в русле так называемого индеанизма. Это течение общественной мысли, восходящее к некоторым хроникам периода конкисты, и прежде всего к наследию Лас Касаса, особенно характерно для стран с преобладающим индейским и метисным населени-

ем — Перу, Боливии, Эквадора, Мексики, Гватемалы. В самом широком смысле индеанизм ставит своей целью защиту интересов коренного этноса и всемерное возрождение его культурных ценностей. Оформившись как течение литературы и искусства во второй половине XIX в., хотя отдельные произведения с индейской тематикой появлялись и у писателей-романтиков более раннего периода, индеанизм в XX столетии стал одним из главных цементирующих элементов национальной культуры большинства индоамериканских стран.

Индеанистская литература очень богата и связана обычно с левыми, революционными взглядами ее авторов. Не вдаваясь в подробный разбор идеологических и политических аспектов индеанизма, охватывающего широкую гамму концепций, — от идей мессианства и расовой исключительности индейцев до марксистского понимания индейской проблемы, — остановимся на двух наиболее представительных авторах рассматриваемого нами периода. Идейным вождем индеанизма стал перуанский общественный деятель, писатель и публицист Мануэль Гонсалес Прада (1848—1918). Его пламенные выступления, эссе и стихи превратились в программные документы движения. В 1890 г. он основал партию «Национальный союз», позднее переименованную в Партию радикалов, выступавшую против пережитков колониальных времен, милитаризма, католической церкви и традиционных буржуазных партий под лозунгом возрождения духовного и культурного наследия коренного индейского населения. Не чужды были Гонсалесу Праде социалистические и даже анархистские идеи. Его публицистическая проза по остроте и сарказму на рубеже двух веков не имела себе равных ни в Америке, ни в Испании. Проникнутый любовью к индейцам цикл стихов «Перуанские баллады» (1871—1879) — одно из первых свидетельств реалистического индеанизма в литературах Испанской Америки.

Первым индеанистским романом резко разоблачительного характера явилась книга перуанской писательницы Клоринды Матто де Тарнер (1852—1909) «Птицы без гнезда» (1889 г.), посвященная Гонсалесу Праде. В ней описывается трагическая судьба сельского индейского населения. С тех пор десятки латиноамериканских авторов во всех без исключения жанрах изображали его жизнь и проблемы, особенности его языка и психического склада. Однако полного расцвета индеанистская реалистическая литература достигла уже в XX в.

Латиноамериканская словесность в последней четверти XIX в. не избежала и заметного влияния натурализма. И речь здесь шла не столько о натурализме в европейском понимании, как определенной эстетической школы, сколько о просто натуралистичности, часто вызывающей и шокирующей, при изображении местной действительности, столь не похожей на благополучную действительность Европы. Из наиболее по-

следовательных представителей этого течения в прозе следует назвать уругвайца Хавьера де Виану (1868—1926), мексиканца Федерико Гамбоа (1864—1939) и кубинца Карлоса Ловеяру (1882—1928).

Конец XIX — начало XX в. — период, главными историческими событиями которого были испано-американская война 1898 г., борьба за независимость Кубы и Мексиканская революция 1910—1917 гг., ознаменован появлением и быстрым распространением нового художественного течения — «модернизма». Латиноамериканский модернизм как явление литературы не следует путать с модернизмом в более широком понимании — как совокупности кризисных явлений в мировом искусстве XX в., хотя оба явления, несомненно, связаны генетически. И тот и другой с общественно-политической точки зрения были реакцией на укреплявшийся в мире буржуазный правопорядок с его торжествующим мещанством, враждебностью к высокому искусству и творческой индивидуальности художника. Эстетическая победа над пошлой действительностью — вот общий стимул, который двигал творчеством модернистов по обе стороны Атлантики. И там, и здесь вопросы суверенности творца, совершенства и утонченности художественной формы как орудия преодоления прозы жизни стали выдвигаться на первый план. Латиноамериканский модернизм, с одной стороны, часто копировал европейские, главным образом французские, образцы (поэзию парнасцев и символистов); с другой — выражал внутреннюю потребность молодой литературы не только приобщиться к духовному и эстетическому богатству других стран и народов, но и широко использовать собственные родники народного творчества и богатейший материал местной мифологии и истории.

Хотя против испаноамериканского модернизма нередко слева выдвигались обвинения в служении искусству для искусства, три его крупнейших представителя — кубинец Хосе Марти (1853—1895), никарагуанец Рубен Дарио (1867—1916) и уругваец Хосе Энрике Родо (1871—1917) своим творчеством и своей деятельностью убедительно опровергают подобную точку зрения. Все трое были вовлечены в активную общественно-политическую борьбу, определявшую жизнь континента на рубеже двух веков. И хотя все они принадлежали к разным, порой открыто враждебным друг другу политическим силам, — Марти был революционером, Дарио «кокетничал» с диктатурами, а Родо представлял просвещенный консерватизм, — их объединяло общее чувство латиноамериканской солидарности перед лицом, как они полагали, новой угрозы, надвигавшейся с Севера. Речь идет о том широком общественном движении, которое у левых обозначалось как «антиимпериализм», а у правых как «антиамериканизм», имея в виду старое, со времен «доктрины Монро», противостояние между на-

родами латинского корня и англосаксонской Америкой — США. Обострению подобных настроений, несомненно, способствовали испано-американская война и борьба за независимость Кубы.

Биография и творчество выдающегося кубинского революционера, мыслителя, писателя и публициста Хосе Марти, отдавшего жизнь за свою родину, хорошо известны в России. С юных лет он посвятил себя борьбе против колониального гнета, подвергался преследованиям, несколько лет находился в ссылке в Испании, позднее жил в Мексике, Гватемале и Венесуэле (1875—1880), а последние пятнадцать лет (1880—1895) в качестве корреспондента нескольких латиноамериканских газет провел в США, где готовил восстание и высадку военного десанта на родной остров. Там он и погиб в одном из первых боев, не завершив своей освободительной миссии. Отдавая дань экономической мощи и прогрессивным традициям в истории Соединенных Штатов, особенно фигуре Авраама Линкольна, Марти одновременно видел хищническую природу определенных североамериканских кругов и их опасность для экономической и политической независимости латиноамериканских стран. Он, по его словам, «познал изнутри» империалистическое «чужое» и неоднократно предупреждал народы континента об исходящей от него угрозе. Согласно Марти, в Америке имеются лишь два народа, — и не более, — души которых очень различны по своему происхождению, предпосылкам и обычаям, и сходны только по своей основной общечеловеческой сущности. Таким было для него понимание неоднозначности романской и англосаксонской цивилизаций на континенте.

Творческое наследие Марти, которого считают провозвестником модернизма, весьма велико: около 70 томов поэзии, публицистики и политических документов с небольшим количеством художественной прозы и даже драматургии, объединенных идеей латиноамериканской солидарности, социальной справедливости и демократии в рамках единой мировой культуры. Наиболее известны его сборники лирических и детских стихов «Исмаэлильо», «Свободные стихи», «Простые стихи», а также сборник статей и эссе «Североамериканские сцены» (1881—1891), где он попытался объективно показать и величие, и темные стороны жизни тогдашних США. После победы кубинской революции 1959 г. Марти провозгласили ее духовным отцом и апостолом.

Если Хосе Марти выступает как «зачинатель» модернизма, то Рубен Дарио, признававший себя учеником великого кубинца, воплощает в своем творчестве высшие достижения этого течения. В условиях оскудения лирики и заметного упадка испаноязычной поэзии на рубеже двух веков он стал ее непревзойденным реформатором не только в Новом Свете, но и в самой Испании. Сын небогатых родителей с примесью индейской крови, он в три года научился читать, а в одиннадцать уже пи-

сал стихи, публиковавшиеся в местных никарагуанских газетах. Молодость Дарио прошла в Чили, Аргентине, а позднее во Франции — странах, которые он наряду с Никарагуа называл своими духовными родинами и которые с ранних лет обусловили широту его общекультурного и поэтического кругозора. Один из его первых стихотворных сборников, «Лазурь» (1888 г.), по общему признанию, открывает эпоху латиноамериканского модернизма. С 1889 г., живя и работая в Европе сначала в качестве журналиста, а затем консула и посла своей страны в Париже и Мадриде, он объездил многие государства, глубоко проникся европейской культурой и стал признанным «мэтром» испаноязычной литературы. Последние годы жизни Дарио были тяжелыми: подорванное алкоголем здоровье, материальные затруднения, эксплуатация издателями, чувство безысходности, навеянное Первой мировой войной, — все это побудило смертельно больного поэта принять покровительство одного из центральноамериканских диктаторов, который не преминул использовать в своих интересах его бессмертную музу.

Как выдающийся новатор формы и содержания, Дарио был первым в Латинской Америке поэтом, который сделал темой своих стихов весь мир и самые различные исторические эпохи; в его творчестве ярко воплотились идеи культурного единства Нового Света и Европы. Творческий подвиг Дарио заключался не только в блестящем освоении «технического» опыта других литератур, но и в его удивительной способности преодолевать воображением границы времени и пространства, воссоздавать мироощущение отдаленных народов и канувших в Лету исторических эпох. Он, например, интересовался и экзотической для него русской темой: написал рассказ из русской жизни «Матушка» и перевел на испанский язык (с французского) роман М. Горького «Фома Гордеев». В то же время Дарио не случайно называл себя сыном Америки и внуком Испании. Он был одним из тех латиноамериканских писателей конца прошлого века, кто способствовал реабилитации испанского культурного наследия после длительного периода антииспанизма. Значительная часть его стихов посвящена отдельным республикам Латинской Америки и Испании и их историческому единству. С этими патриотическими идеями связано и его настороженное, а порой и враждебное отношение к тогдашним Соединенным Штатам, игравшим мускулами в испано-американской войне и в вооруженном вмешательстве в Панаме (1903 г.) и Никарагуа (1909 г.). Этим, в частности, навеяны его знаменитые стихотворения «К (Теодору) Рузвельту», «Лебеди» и др.

Именно эту тему бескомпромиссно и ярко разрабатывал в своем творчестве и уругвайский эссеист, журналист и политический деятель Хосе Энрике Родо. Вместе с Марти и Дарио он стал одним из первых, кто поднял голос в защиту традиционных культурных ценностей перед

лицом растущей идеологической экспансии великого северного соседа. Самое известное произведение Родо на эту тему — «Ариель» (1900 г.) — в свое время называли «евангелием латиноамериканской молодежи». К началу XX в., когда США, по сравнению с другими странами мира, а тем более с экономически отсталыми республиками Юга континента, достигли небывалого расцвета, у многих латиноамериканцев возник вопрос: «Каковы причины столь огромной разницы в общем экономическом и научно-техническом уровне англосаксонских народов Севера и латинских народов Юга Америки?» В довольно широких кругах интеллигенции, остро переживавших отсталость своих стран, не без влияния последователей Сармьенто, появились симптомы опасного, с точки зрения Родо, заболевания — «нордомании», или, попросту говоря, преклонения перед проникнутой потребительством культурой Соединенных Штатов. За самообвинениями некоторой части латиноамериканцев в идеализме, в отсутствии должной жизненной хватки, в неспособности двинуть свои страны по пути капиталистического прогресса, Родо усмотрел опасность утраты ими своего собственного национального лица.

Уругвайский мыслитель, хотя и с консервативно-идеалистических позиций (он был одним из видных деятелей Консервативной партии), дал решительную отповедь тем, кто хотел бы променять неповторимые ценности национальных культур на сомнительную мораль чуждого их духу прагматизма. Будучи правоверным католиком, далеким от мирских экономических проблем, Родо так и не сумел исчерпывающе ответить на вопрос о том, чем же объясняется разница в уровнях развития Севера и Юга континента. Тем не менее в эссе «Ариель» уругвайский мыслитель сумел убедительно показать, — и этим способствовал подъему национального самосознания всех братских народов Латинской Америки, — что Соединенные Штаты отнюдь не являются образцом в области духовной жизни (литература, музыка, живопись, философия и т.п.) и даже отстают в этом смысле от своих южных соседей. Для Родо, использовавшего символические образы шекспировской драмы «Буря», Латинская Америка и США — это непримиримые Ариель и Калибан, один — носитель высоких нравственных и эстетических ценностей, другой — воплощение грубой чувственности, гедонизма и практицизма. Ариелизм, так стала называться доктрина Родо, призывал к нравственному совершенствованию и развитию национальной духовной культуры в противовес уравнительному наступлению безликой машинной цивилизации XX столетия. Симптоматично, что и сегодня образ Ариеля и Калибана широко используется в латиноамериканской литературе, когда речь заходит об отношениях между Латинской Америкой и США.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Iberica Americans. Культуры Нового и Старого Света XVI — XVIII вв. в их взаимодействии. СПб., 1991.

Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978.

Александров Э.Г. Индейцы Антильских островов. До европейского завоевания. М.: Наука, 1976.

Альперович М.С. Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.

Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975.

Альперович М.С. Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.

Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1981.

Африканцы в странах Америки. М., 1987.

Баглай В.Е. Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй (доколониальный период). М., 1998.

Боркес Скеуч А., Адрисола Росас А. История и этнография народа мапуче/Пер. с исп. М., 1987.

Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826) /Отв. ред. Н.М. Лавров. М., 1964.

Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки/Пер. с исп. М., 1986.

Галич Мануэль. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.

Гонимонский С.А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973.

Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. М., 1995. Кн. 1—2.

Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке XVI—XVIII вв. М., 1977.

Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.

Гуляев В.И. Города-государства майя. (Структура и функции города в раннеклассовом обществе.) М., 1979.

Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций. М., 2001.

Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Т. 1. Мезоамерика; Т. 2. Северная Америка. Южная Америка. М.: Алетейа, 2002.

Земсков В.Б. Конкиста, полемика XVI в. о Новом Свете и истоки латиноамериканской гуманистической традиции // Латинская Америка. 1984. № 11. С.31—48; № 12. С.46—59.

Зубрицкий Ю.А. Древнейшие перуанские цивилизации — Культура Перу. М., 1975.

Ильина Н.Г. Колумбия: от колонии к независимости. 1781—1819 гг. М., 1976.

История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века /Отв. ред. Н.М. Лавров. М., 1991.

История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год /Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 1993.

История литератур Латинской Америки. Конец XIX — начало XX века (1880—1910). М., 1994.

История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала войны за независимость. М., 1985.

- История Перу с древнейших времен до конца XX в. М., 2000.
- Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса, эволюции и кризиса /Отв. ред. В.В. Вольский. М., 1983.
- Караваяев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М., 1987.
- Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988.
- Коссок М. 1789 год и новые альтернативы социальной трансформации // Новая и новейшая история. 1989. № 8. С.56—73.
- Косторниченко В.Н. У истоков отечественной латиноамериканистики: В.М. Мирошевский. Волгоград, 1998.
- Культура Латинской Америки. Энциклопедия. М., 2000.
- Ларин Е.А. Куба конца XVIII — первой трети XIX века. М., 1989.
- Ларин Е.А., Созина С.А. Смерть или золото? // Знак вопроса. М., 1999. № 3.
- Лас Касас Б. де. История Индий/Пер. с исп. /Изд. подгот. В.Л. Афанасьев, З.И. Плавский, Д.П. Прицкер, Г.В. Степанов. Л., 1968.
- Лас Касас Б. де. К истории завоевания Америки: Сб. ст. / Отв. ред. И.Р. Григулевич. М., 1966.
- Линч Дж. Революции в Испанской Америке 1808—1826/Пер. с англ. М., 1979.
- Льеоренте Х.А. История испанской инквизиции. М., 1999.
- Мамонтов С. П. Основы культурологии. М., 1996.
- Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII — начале XIX в. М., 1988.
- Марчук Н.Н. Буржуазные преобразования второй половины XIX в. в странах Латинской Америки. М., 1990.
- Марчук Н.Н. Латинская Америка до середины XIX в.//Новая история стран Европы и Америки. М., 1997.
- Марчук Н.Н. От идеологии к науке. Якобинская модель революции и война за независимость // Латинская Америка. 1994. № 9.
- Марчук Н.Н. Становление национальных государств в Латинской Америке. М., 1989.
- Мирошевский В.М. Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). М.; Л., 1946.
- Подвиг Симона Боливара /Отв. ред. Ю.А.Зубрицкий. М., 1982.
- Прието А. Герои борьбы за освобождение Латинской Америки. Гавана, 1985.
- Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985.
- Савина В.Н. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984.
- Симон Боливар: история и современность /Отв. ред. А.Ф.Шульговский. М., 1985.
- Слезкин Л.Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
- Созина С.А. Муиски — еще одна цивилизация Древней Америки. М., 1969.
- Созина С.А. Тупак Амару — великий индейский повстанец. 1738—1781. М., 1979.
- Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995.
- Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб., 1992.
- Харитонов В.А. Парагвай. М., 1976.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
- Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке. М., 1981.
- Шульговский А.Ф. О социальных и политических идеалах Симона Боливара// Симон Боливар. Избранные произведения. 1812—1830. М., 1983.

Учебное издание

Марчук Николай Николаевич
Ларин Евгений Александрович
Мамонтов Степан Петрович

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(от доколумбовых цивилизаций до 1918 года)

Под редакцией *Николая Николаевича Марчука*

Редактор *Л.П. Желобанова*
Художник *А.А. Брантман*
Художественный редактор *А.Ю. Войткевич*
Технический редактор *Н.И. Тростянская*
Компьютерная верстка *О.М. Чернова*
Корректоры *Т.Д. Венедиктова, Б.Г. Прилипка*

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01.

Изд. №РИФ-259. Подп. в печать 18.04.05. Формат 60х88¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.
Объем 30,38 усл. печ. л., 31,13 усл. кр.-отг.
Тираж 3000 экз. Зак. № 5056.

ФГУП «Издательство «Высшая школа»,
127994, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., 29/14.

Тел.: (095) 200-04-56

<http://www.v-shkola.ru>. E-mail: info@v-shkola.ru

Отдел реализации: (095) 200-07-69, 200-31-47, факс: (095) 200-34-86.

E-mail: sales@v-shkola.ru

Отпечатано на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-06-004519-6

9 785060 045192